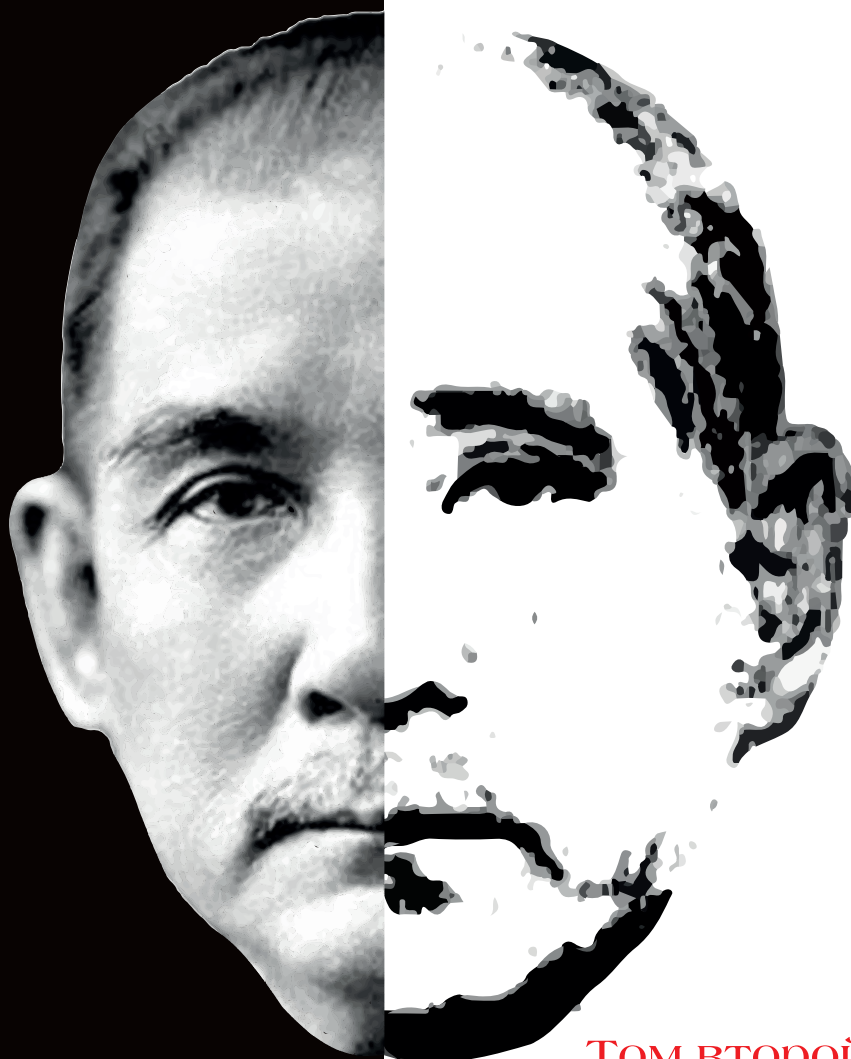

В. М. Крюков М. В. Крюков

НЕИЗВЕСТНЫЙ СУНЬ ЯТСЕН

Том второй

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
PROCEEDINGS OF THE CHINA DEPARTMENT

Выпуск
Issue

46

Москва

2023

東方學研究所・華部叢書・第四十六期

В. М. Крюков, М. В. Крюков

Неизвестный Сунь Ятсен

Штрихи к портрету

**Том II
(1913–1925)**

Москва

2023

УДК 94 (510)
ББК 63.3(5 Кит)
К85

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ
Выпуск 46

*Рекомендовано Ученым советом
Института востоковедения РАН*

Редакционная коллегия

д.филос.н., проф. *А. И. Кобзев* (главный редактор),
к.филос.н. *Н. В. Руденко* (ответственный секретарь),
к.и.н. *С. В. Дмитриев* (зам. главного редактора),
д. *П. Адамек* (Piotr Adamek svd, Германия–Польша),
д. *Г. Йегер* (Henrik Jäger, Германия), к.и.н. *М. В. Корольков*,
к.филос.н. *Н. А. Орлова*, проф. *А. Роше* (Alain Rocher, Франция),
к.и.н. *Э. А. Синецкая*, к.и.н. *Е. С. Скрыпник*

Ответственный редактор
А. И. Кобзев

Редакторы *Н. А. Орлова*, *Д. Б. Омецинский*

Рецензенты
к.и.н. *М. Ю. Ульянов*, к.и.н. *Л. П. Черникова*

К85 Крюков В. М., Крюков М. В. **Неизвестный Сунь Ятсен. Том II**
(1913–1925) / В. М. Крюков, М. В. Крюков ; Ин-т востоковедения Рос.
акад. наук ; [отв. ред. А. И. Кобзев]. 512 с. : ил. — (Учёные записки
Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 46 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.). —
ISSN 2227-3816, ISBN 978-5-907543-73-7

ISBN 978-5-907543-74-4 (в пер.) (том 2)

Имя китайского революционера Сунь Ятсена хорошо знакомо отечественному читателю. Однако многие факты его биографии до недавних пор оставались покрытыми пеленой неизвестности. Авторы этой книги поставили своей целью, опираясь на достоверные первоисточники, хранящиеся в архивах Китая, США и России, восстановить его подлинный портрет, свободный от позднейших наслоений и искажений.

ББК 63.3(5 Кит)

ISSN 2227-3816

ISBN 978-5-907543-74-4 (в пер.) (том 2)

ISBN 978-5-907543-72-0 (в пер.)

© Крюков В. М., Крюков М. В., 2023

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

© Редколлегия «Ученых записок
Отдела Китая», 2023

Оглавление

Глава XI. Назад, к революции!	13
Снова в Японии	13
Знойный август 1913 г.	13
Забота о безопасности непрошенных гостей или тайная слежка за ними.....	17
Первые неудачи на японской земле	21
Рука об руку с эпигонами свергнутой маньчжурской династии	24
Далеко идущие планы князя Су.....	24
Попытки реставрации династии Цин и японские рёнин	27
Задача: установить контакт с Цзуншэдан.....	29
На свет появляется Революционная партия Китая	32
«Главное — единое руководство!»	33
Между Сунь Ятсеном и Хуан Сином пробежала черная кошка	36
И всё же партия была создана.....	39
Сунь Ятсен пишет премьеру Окума	42
О чем говорилось в письме	42
Небольшое отступление от темы: кто разгласил содержание письма Сунь Ятсена?	49
Споры о подлинности письма не утихают до сих пор	54
Оптимизм сменяется разочарованием.....	62
До свиданья, друг мой, до свиданья!	62
Универсальные магазины — вот что нам нужно.....	68
Джеймс Дэйтрик, бизнесмен из Кентукки.....	70
Глава XII. Мечты, мечты! Где ваша сладость?	75
Началась мировая война	75
Япония аннексирует Шаньдун.....	75

Китайские революционеры активизируют свою деятельность.....	79
Утида Рёхэй формулирует требования, которые следует предъявить Китаю.....	82
«Двадцать одно требование»	87
Предварительные телодвижения	87
Китаю предъявлено «21 требование»	90
Реакция китайской и японской прессы	95
Еще два спорных документа.....	98
Проект соглашения о китайско-японском союзе.....	98
Письмо Сунь Ятсена в МИД Японии.....	100
Аргументы за и против.....	104
Конкретные доводы спорящих сторон.....	105
Чэнь Цзайцзюнь: «Соглашение» — подделка.....	106
Чэнь Цзайцзюнь о фальсификации письма в МИД	112
Контраргументы.....	116
Снова резкая смена настроения	119
Поездка в Соединенные Штаты отменяется	120
Опять кризисная ситуация	124
Лидер более не питает надежд на японскую помощь	128
У сторонников Сунь Ятсена появился еще один повод поричать своего лидера.....	137
Любовь зла.....	137
Против были не только родители.....	141
Чего не знали критики Сунь Ятсена.....	142
Глава XIII. Роковая ошибка Юань Шикая.....	145
Накануне	145
Сунь Ятсен нарушает молчание	145
Воля народа или ее имитация?	148
Гу Вэйцзюнь отправляется в Соединенные Штаты	156
Настоятельная рекомендация.....	157
Посланник Крупенский информирует Петроград	157
«Дружеский совет» держав	161
Определенного ответа не последовало	167

Император Хунсянь.....	172
Свершилось!	172
Так кто же он: президент или император?.....	175
Япония показывает зубы	177
Особое мнение южных провинций.....	179
Первой поднялась Юньнань	179
За Юньнанью последовала Гуйчжоу.....	181
И наконец — Гуанси.....	183
Finita la comedia	184
У представителей держав нет единого мнения	184
Конвульсии Пекина	188
Горнисты трубят отбой.....	189
Глава XIV. Ничто не вечно под луной.....	193
Неожиданные последствия соглашения	193
Пометы Юань Шикая на тексте «21 требования»	193
Китай отвечает бойкотом японских товаров.....	197
Япония тоже не остается индифферентной.....	199
Новый министр — новые веяния	
в коридорах власти	202
«21 требование» глазами Исии Кикудзиро	203
Министр умолчал о главном.....	207
Кадровые перестановки.....	209
Сначала убрать Юань Шикая, а там видно будет	211
Англия и Россия против	211
Попытка удушить Юань Шикая финансовой петлей	213
Планам японцев помешали американцы	215
Ставка на Сунь Ятсена	216
Поддержать мятежников	217
Получите и распишитесь!	221
Две проблемы, настоятельно требовавшие решения	227
Северо-Восточная армия	230
Шаньдун: плюсы и минусы.....	231
Место У Дачжоу занимает Цзюй Чжэн	233
За границей рекрутируются бойцы-смертники.....	235

Глава XV. Место действия — Шаньдун	237
Зияющая лакуна сегодня должна быть заполнена	237
Воспоминания участников событий	238
Донесения иностранных наблюдателей и материалы прессы	240
Документы из фонда АККИГ	241
«План революционных действий в Шаньдуне»	242
Цели, программа действий, методы осуществления	243
График боевых действий, задействованные силы, подготовка операций	245
Кто платит, тот и заказывает музыку	247
Загадка капитуляции вэйсяньского гарнизона	253
Рассказывает Янь Гофу	256
Японская версия	257
Информация, полученная в посольстве США	259
Какой флаг вывешивать?	263
На этот раз командовать Сунь Ятсену не довелось	263
С местным населением или против него?	266
У Дачжоу приказам не подчиняется	269
На краю пропасти	272
В Цзинани беспокойно	272
«Мы снова потерпели поражение!»	273
Что делать дальше?	278
Глава XVI. «Северо-Западный план»: первоначальный вариант	281
Ласковый теленок двух маток сосет	281
Деньги брал Сунь Ятсен, а отдавать должны другие	281
Немцы хотят сотрудничать с Сунь Ятсеном	287
Немецкие деньги Сунь Ятсена	291
За и против нейтралитета	294
«Вопрос жизни и смерти Китая»	294
Ли Юаньхун против Дуань Цижюя	297
Борцы за демократию не прочь получить помощь от США	299
Главкомандующий	308
В стране вновь двоевластие	308
Державы отказывают Сунь Ятсену в поддержке	311
Высокая должность — большие неприятности	314

Цао Ябо едет в Берлин.....	319
Экс-главнокомандующий передумал.....	319
Запоздавшие переговоры.....	323
В Москве о плане Сунь Ятсена не имели ни малейшего представления.....	326
Глава XVII. Шанхай: 1919–1920	329
Уйти? Остаться?.....	329
Член правительства, действующий через представителя	329
Ехать в Париж Сунь Ятсен отказался	335
Конференцией Севера и Юга Сунь Ятсен тоже не интересовался.....	337
Сунь Ятсен садится за письменный стол	340
Действовать легко, познавать трудно	340
Материальное строительство (промышленный план).....	343
Социальное развитие Китая	346
Теперь уже не немецкие военнопленные, а регулярная Красная Армия	347
Снова взгляд в северо-западном направлении	348
Эмиссары Москвы — фиктивные и реальные	350
Переговоры на улице Мольера	356
Сунь Ятсен, поразмыслив, прислушивается к мнению Попова	359
Сунь Ятсен и генерал Потапов.....	363
Характеристика, данная Потапову Сокольским, была вполне адекватна	363
Письмо Ленину и другие сочинения генерала Потапова.....	365
Побочный эффект	367
Глава XVIII. Эпопея Чэнь Цзюньмина	375
Конфликт, заслуживающий сожаления	375
Сунь Ятсен снова в Кантоне	375
Их мнения по кардинальным аспектам государственной политики оказались несовместимыми	377
В оценке конфликта Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина общественное мнение разошлось во взглядах	388

За Вашингтоном последовала Москва	391
Письмо Сунь Ятсена так и не было передано адресату	391
Мы хотим в Вашингтон.....	395
Миссия Гоминьдана в Москве	396
Документы, найденные в сейфе Сунь Ятсена	399
Идея тройственного союза	399
Реакция прессы.....	405
Сунь Ятсен приглашает японцев на остров Хайнань	407
Глава XIX. «Великий перелом» в мировоззрении Сунь Ятсена?	411
На пути к альянсу	411
Ленин меняет свое отношение к Сунь Ятсену	411
Мнение Виленского	414
Коммюнике Сунь Ятсен — Иоффе	417
«Северо-Западный план» терпит фиаско	427
Иоффе выступает за оказание помощи Сунь Ятсену	427
«Делегация д-ра Сунь Ятсена» в Москве	436
Сунь Ятсен принимает то, что ему дают	441
Дело об исключении коммунистов из Гоминьдана	444
Сунь Ятсен предостерегает Карахана	445
Соглашение Карахан — Гу Вэйцзюнь вступило в силу.....	449
Коммунисты нарушают партийную дисциплину	453
Апокалипсис Сигуаня.....	459
Предыстория конфликта.....	459
Противоречия устранены не были	463
Мятеж подавлен	465
Глава XX. В поисках запасного аэродрома.....	469
Вопрос, кого считать «единственным учителем», еще не решен.....	469
Кого только Сунь Ятсен не называл своими учителями!	469
«Мы должны учиться у Англии!»	471
И опять Германия.....	472

Америка, Америка!.....	473
Шурман в Кантоне	473
Неподтвержденная деталь встречи Сунь Ятсена с Шурманом	476
Письмо Генри Форду	477
Взгляд на Восток.....	479
Сунь Ятсен пишет Инукаи	479
Снова случай побывать на второй родине.....	482
Япония должна помочь нам отменить неравноправные договоры	484
Извечная «паназиатская идея»	486
Историческая миссия Азии	486
Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут	489
Надежда на Азию	493
О «предсмертном письме Сунь Ятсена советским руководителям»	496
Некоторые спорные моменты	497
Рассматривая подлинник документа.....	501
Подписи свидетелей	505
Предельно краткое заключение.....	509

Глава XI

Назад, к революции!

Снова в Японии

Убедившись в том, что «Вторая революция» потерпела окончательное поражение, Сунь Ятсен решает покинуть страну. Но куда он мог направиться? Перед ним было две возможности: США и Япония. Д-р Сунь выбрал второй вариант. Но вскоре выяснилось, что на пути в Страну Восходящего Солнца перед ним возникли серьезные трудности. Японские власти не хотели видеть у себя непрошеного гостя.

Знойный август 1913 г.

2 августа 1913 г. Сунь Ятсен в сопровождении Ху Ханьминя и еще нескольких ближайших соратников покинул Шанхай и направился в Фучжоу. Там он сообщил аккредитованному при японском консульстве военному атташе Тага Соно, что собирается отплыть в Японию, и услышал в ответ: «Я не уверен, что мое правительство разрешит Вам въезд в страну!» Тага посоветовал Сунь Ятсену подыскать себе какое-нибудь другое место, и он остановил свой выбор на Цзилуне (Тайвань), куда и прибыл 5 августа.

Исполняющий обязанности консула в Фучжоу информировал министра иностранных дел Японии Макино Нобуаки о том, что Сунь Ятсен намерен связаться из Цзилуна

Сакума Самата
(1844–1915)

с находившимся в Кобэ Сун Цзяшу и решить с ним, куда было бы предпочтительнее направиться. В связи с этим Макино телеграфировал губернатору Тайваня Сакума Самата:

4 августа Сунь Ятсен отплыл из Фучжоу в Цзилун. Принимая во внимание существующую внутреннюю и международную ситуацию, императорское правительство полагает, что лучше всего было бы воспрепятствовать приезду в страну главаря нынешних беспорядков в Китае, и намерено проводить эту линию в жизнь. Исходя из этого, примите надлежащие меры и уговорите Суня ехать не в Японию, а куда-нибудь еще¹.

Но Сунь Ятсен к «совету» Самата не прислушался и утром 9 августа прибыл в Кобэ.

На следующий день префект уезда Хёго Хаттори Итидзо докладывал министру Макино, что, по его сведениям, активное содействие Сунь Ятсену оказывает некто Каяно Нагатоми: он накануне прибыл в Кобэ и встретил Суня в порту².

Информация Хаттори была достоверной. Еще будучи в Китае, Сунь Ятсен действительно просил Каяно о помощи:

Если ехать куда-то далеко, это отрицательно скажется на перспективах деятельности нашей партии. Поэтому я хочу во что бы то ни стало на некоторое время поселиться в Японии. Нельзя ли обсудить этот вопрос прямо на пароходе в Кобэ?³

Используя свои связи в правительственных кругах, Каяно постарался убедить премьер-министра Ямамото в том, что пребывание Сунь Ятсена в Японии не нанесет никакого ущерба интересам империи. Сначала его усилия не имели успеха. Но когда к делу подключился Инукаи, премьер-министр в конце концов согласился, и перед самым прибытием Сунь Ятсена в Кобэ Каяно получил из столицы долгожданное сообщение: «Ямамото не против, сообщи об этом Суню».

Ямамото не был против; против был Юань Шикай.

¹ Макино — Сакума Самата, 5 августа 1913 г. // 日本外交文書 (Документы внешней политики Японии). 1913. Т.2. С.392; 孙中山在日活动密录. 1913.8–1916.4. 日本外务省档案 (Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. Август 1913–апрель 1916. Из архива МИД Японии). Тяньцзинь. 1990. С. 586.

² Хаттори — Макино, 10 августа 1913 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 588.

³ 萱野长知. 中华民国革命秘笈 (Каяно Нагатоми. Революционные тайны Китайской Республики). Токио. 1941. С. 198.

В это время на смену японскому посланнику в Пекине Идзюин Хикокити прибыл Ямадза Эндзиро. Ему пришлось объяснять сложившуюся ситуацию:

С точки зрения добрососедских японо-китайских отношений пребывание Сунь Ятсена и Хуан Сина в Японии не отвечает пожеланиям императорского правительства, и об этом заблаговременно были оповещены консулы на местах, чтобы помешать этому. Однако, несмотря на это, они тайно высадились в стране. Хотя императорское правительство испытывает

Ямамото Гомбэй
(1852–1933)

чувство сожаления по этому поводу, оно, руководствуясь духом и буквой конституции, не может заставить этих лиц покинуть Японию. К тому же многочисленные японские друзья Сунь Ятсена и Хуан Сина сочувствуют их трудному положению и хотят защитить их, что еще более усложняет задачу [стоящую перед правительством]. Тем не менее местные власти предпринимают в настоящее время попытки уговорить их незамедлительно покинуть территорию Японии. Хотя результат их усилий пока неизвестен, этому придается исключительно большое значение, и даже если они временно останутся здесь, Япония ни в коем случае не станет базой их новых выступлений¹.

Выход из положения, по мнению японского правительства, заключался в том, что оно не будет принимать меры для немедленного выдворения из Японии лидеров антиюаньшикаевского лагеря, но установит за ними строжайшее негласное наблюдение, дабы воспрепятствовать их конкретной деятельности по подготовке дальнейших революционных выступлений².

Коль скоро согласие правительства было получено, 16 августа Сунь Ятсен в обстановке полной секретности в сопровождении двух спутников и члена парламента Кикүти Рёити отбыл из Кобэ в Иокогаму.

¹ Ямаса — Макино, 14 августа 1913 г. // Документы внешней политики Японии. 1913. Т. 2. С. 401; Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 590.

² Макино — Ямаса, 12 августа 1913 г. // Документы внешней политики Японии. 1913. Т. 2. С. 400; Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 591.

Японское посольство в Пекине

Получив эти сведения, министр Макино телеграфировал префекту уезда Синагава, что по прибытии в Иокогаму Сунь Ятсена следует ради соблюдения конспирации пересадить на моторный катер и тайно доставить на берег¹.

Префект выполнил это предписание и подробно информировал министра иностранных дел о том, с какими приключениями всё это происходило:

В 5 часов пополудни начальник полицейского управления и начальник морской полиции (оба в штатском), а также прибывшие из Токио Маэкава и Мива сели на принадлежащий морской полиции моторный катер и в 6 часов отплыли к месту назначения.

Через полчаса они прибыли к точке, расположенной на расстоянии 1 ли от границы порта, и остановились в ожидании парохода из Кобэ. Но пароход опоздал на 2 часа, и только в 9 часов смогли увидеть огни на его мачте. Однако ввиду плохой погоды облака закрыли луну, и было невозможно определить, то ли это судно, которого ждали.

Для того чтобы привлечь его внимание, был дан сигнал сиреной, и с парохода тотчас же ответили. Подплыв к пароходу на расстояние, на котором можно было различить человеческую речь, окликнули его и спросили название судна, убедившись, что ошибки нет. Объявив, что

¹ Там же. С. 4–5.

Сунь Ятсен и его друзья в Кобе

пароход встречает катер морской полиции, приказали команде остановиться и, пришвартовавшись к правому борту, вызвали капитана, после чего вместе с ним поднялись на палубу.

Сунь Ятсен в это время был там же на палубе, и его вместе с двумя попутчиками пересадили на катер, перенесли туда же багаж (плетеный чемодан, две дорожные сумки и портфель). С парохода на катер пересели и следовавшие с Сунь Ятсеном охранники из морской полиции. Было уже 10 часов вечера¹.

На берегу прибывших уже ожидал автомобиль, остановившийся в сорока шагах от места высадки.

Поскольку на улице была ночь, отъезд из Иокогамы и прибытие в Токио не привлекли постороннего внимания. Добрались до места, где должен был отныне жить Сунь Ятсен, в 40 минут первого 18 августа.

Забота о безопасности непрошенных гостей или тайная слежка за ними

27 августа министр Макино отправил послу Японии в Пекине Ямадза телеграмму с предписанием еще раз заверить Юань Шикая, что пребывание Сунь Ятсена и его товарищей в Японии не представляет собой угрозы Китаю:

Императорское правительство не хотело, чтобы беглецы, связанные с нынешними беспорядками в Китае, прибыли в Японию. Они уже

¹ Там же. С. 593–594.

прибыли, и их невозможно удалить. Но за ними установлено строгое наблюдение, что не дает им возможности использовать территорию нашей страны в качестве базы для подготовки мятежа в соседнем государстве¹.

Японское полицейское управление накопило к этому времени немалый практический опыт по установлению секретного контроля за подозрительными иностранцами, так что в организационном отношении здесь не должно было возникнуть сколько-нибудь серьезных проблем.

16 августа были утверждены «Меры по наблюдению за Сунь Ятсеном во время его следования в столицу», включавшие 6 пунктов². Полицейские в штатском сопровождали его по пути в Токио вплоть до дома, где Сунь Ятсена поселили его друзья.

В дальнейшем меры, предпринятые полицейским управлением, сводились к четырем аспектам:

- во-первых, составление списков прибывших из Китая инсургентов;
- во-вторых, внешнее наблюдение за ними;
- в-третьих, прослушивание телефонных разговоров;
- в-четвертых, получение информации от тех, кто побывал на квартире у Сунь Ятсена.

На первых порах главное внимание уделялось регистрации всех прибывших и составлению их списков.

В своем первоначальном виде эти списки включали следующие графы:

- 1) фамилия и имя;
- 2) псевдоним, под которым данное лицо было зарегистрировано в Японии;
- 3) должность, которую оно занимало в Китае;
- 4) нынешний адрес;
- 5) примечания.

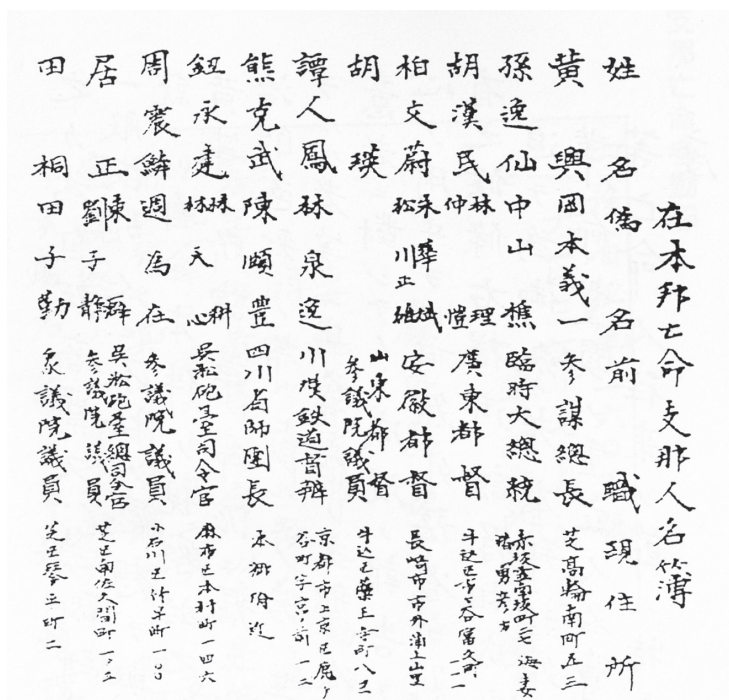
Позднее власти потребовали от полиции более детальную информацию о прибывших из Китая, и в их списках появились новые графы:

- 6) возраст;
- 7) когда отбыл из своей страны;
- 8) в каком порту высадился;
- 9) когда прибыл в Токио.

По мере прибытия в Японию новых лиц списки регулярно обновлялись. Отдельно составлялись перечни всех тех, кто покидал страну.

¹ Там же. С. 596.

² Там же. С. 592.

**Первая страница одного из списков прибывших в Японию
китайских революционеров**

Благодаря такого рода спискам, сохранившимся в японском архиве, мы имеем сегодня возможность получить исчерпывающую информацию о том, кто вместе с Сунь Ятсеном или несколько позднее прибыл в Японию после поражения «Второй революции», а также где конкретно обосновались приехавшие и какие псевдонимы они себе выбрали.

Из этих списков мы узнаем, что Сунь Ятсен фигурировал в них под именем Накаяма Кикори, а местом его постоянного проживания в Токио была частная квартира в доме по адресу: № 27, Рэйнандзака, Акасака. Хуан Син жил в Японии под псевдонимом Окамото Гиити, Ху Ханьминь — Хаяси Осаму, Дай Цзитао — Кимура Токити.

Важнейшим элементом слежки за Сунь Ятсеном и его товарищами было наблюдение за его квартирой и фиксация всех, кто приходил к нему.

Агенты в штатском, сменяя друг друга, ежедневно с утра до вечера дежурили около его дома, а затем составляли подробные отчеты о том, кто и когда навещал Сунь Ятсена, сколько времени продолжался визит и т. д.

в东京的中国流亡者名单

姓名	化名	年龄	原职务	来自何地	出发日期	抵日		抵东京日期	现地批	备注
						地点	日期			
孙文		46	铁路总裁	福州	8月4日	基隆	8月5日	1913年 8月18日	赤坂区灵南坂 田27海妻宅	8月9日抵神户
黄兴	风本义	39	参谋总长	香港	8月4日	马关	8月8日	8月27日	芝区高轮南町 53	
胡汉民	林理	37	广东总督	福州	8月4日	基隆	8月5日	8月16日	赤坂区传马町 2-7	8月12日抵门 司
胡瑛		29	山东都督	上海	9月6日	长崎	9月8日	9月10日	四谷区霞丘町 55	也有10月14日 抵京的记载
张继	姜白	32	原参议院议长	香港	8月5日	基隆	8月7日	8月24日	麹町区内幸町 1-5旭馆	
李烈钧	吉田清	35	江西都督	大冶	9月12日	若松	9月17日	9月22日	芝区白金今里 町1-3	日比谷宾馆8 月18日抵大阪
陆惠生		30	商人					6月7日	麹町纪尾井町 3	
金佐之	关声振	35	总督府参谋					8月16日	赤坂区传马町 2-7	

Другой вариант списков прибывших из Китая¹

В случае, если гостем Сунь Ятсена был японец, от него потом требовали сообщить содержание разговоров, свидетелем которых он был.

Помимо этого, круглосуточно прослушивался телефон, установленный на квартире Сунь Ятсена.

Все полученные сведения обобщались и немедленно передавались в Министерство иностранных дел, где они подшивались к делу «Деятельность Сунь Вэня».

Трудно сказать, отдавал ли Сунь Ятсен себе отчет в том, насколько все-сторонне его повседневные действия становились достоянием японских властей. Но так или иначе, как справедливо заметил в свое время Мао Цзэдун, «плохое дело может превратиться в хорошее дело». Благодаря мерам, принятым японской охранкой, и их результатам, отраженным в докладах сексотов и дошедшим до нас в архиве японского МИД, мы

¹ Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 751.

6. 孫文の行動
 大正三年三月 六日接見
 乙秘第五八七號 三月五日
 警政廳 第一課
 一、三月四日午前十時東郷昌武(赤坂青山角)ハ飯野吉三郎、名刺ヲ以テ来訪孫ト對談全十時三十分退出
 二、今年後一時四十分孫鋤雲、李子及、来訪孫ト對談全三時退出
 三、今年後三時田桐、居正、陳豪鼎、来訪孫ト對談、居ハ全五時田、及、陳ハ

Журнал наблюдения за квартирой Сунь Ятсена
 (запись от 5 марта 1914 г.)

сегодня располагаем исключительно подробными данными обо всем, что связано с пребыванием Сунь Ятсена в Японии в 1913–1916 гг. Как мы убедимся ниже, эти материалы в ряде случаев позволяют решить некоторые спорные вопросы анализируемой нами темы.

Первые неудачи на японской земле

Изменив свое первоначальное мнение и разрешив Сунь Ятсену прибыть в Токио, японское правительство, по-видимому, помимо всего прочего руководствовалось тем соображением, что в случае отказа принять Сунь Ятсена и его сообщников, он мог уехать в Соединенные Штаты, что в условиях острого соперничества двух стран было невыгодно Японии.

Именно на это обстоятельство указывали друзья Сунь Ятсена, готовившиеся встретить его на японской земле. Так, Тояма писал Каяно, что «нельзя отдать его (Сунь Ятсена) в руки американцев»; Каяно был согласен с этим: «Нужно во что бы то ни стало подготовить его высадку в Японии, нельзя отдавать его иностранцам»; Мацуката полагал, что нужно «выкрасть Суня» у американцев¹.

Между тем ближайший сподвижник д-ра Суня Хуан Син не хотел скрываться в Японии, предпочитая поездку за океан. Сунь Ятсен настоял на своем, и Хуан Син все-таки прибыл в Японию, но продолжал убеждать его в преимуществах путешествия в Штаты.

2 сентября Хуан Син попросил свою знакомую Э. Свони запросить госсекретаря Соединенных Штатов о том, могут ли американские власти разрешить ему въехать в страну, хотя у него нет необходимых документов².

Поэтому Хуан Син не участвовал во встречах Сунь Ятсена с представителями японских деловых и военных кругов, которые он начал организовывать сразу же после прибытия в Токио.

Сунь Ятсен изложил Ху Ханьминю, Кикиути Рёити и Каяно Нагатоми свой план, который он намеревался осуществить в течение двух недель.

Речь шла о совместных действиях с Хэ Хаймином, готовившим вооруженное выступление в Нанкине. Но, как всегда, главным условием успеха был вопрос о деньгах и оружии, и Сунь Ятсен тут же вплотную занялся им.

В эти дни Сунь Ятсену представили некоего Ино Китисабуро, известного своими связями в политических и военных кругах

Хэ Хаймин (1887–1944)

¹ Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 789.

² Guthrie to the Secretary of State, September 7, 1913 // USDS. 893.00/1962.

Японии. Вскоре после этого он подписал с Ино «клятвенное соглашение» о сотрудничестве, а тот тут же сообщил в полицейское управление:

Я несколько раз встречался с Сунь Вэнем, <...> он хотел видеть меня. Если бы я сразу же согласился, это было бы не в интересах нашей страны. Поэтому я посоветовался с соответствующим начальством и стал играть роль звукозаписывающего аппарата¹.

21 сентября Сунь Ятсен вместе со своим бывшим секретарем Икэ Кёкити отправился в гости к Ино Китисабуро, где познакомился с начальником управления военного министерства Цудзимура.

Сунь Ятсен сказал своему новому знакомому, что, насколько ему известно, японское правительство и общественное мнение страны расходятся в вопросе о том, кого следует поддерживать в Китае — южан или северян. В то же время, по слухам, японское правительство далеко от того, чтобы полностью игнорировать общественное мнение. Может ли позиция японской армии в недалеком будущем совпасть с тем, что думают по этому поводу массы?

Цудзимура предпочел уклониться от ответа на этот щекотливый вопрос².

6 октября Сунь Ятсен встречался с одним из самых богатых предпринимателей Японии — Сибудзава Эйити, вместе с которым он за полгода до этого организовал совместное китайско-японское предприятие³.

О содержании их беседы рассказал полиции сам Сибудзава.

Сунь Ятсен: «Наши товарищи готовы к любым лишениям ради того, чтобы в случае, если сбор средств на военные расходы завершится успехом, снова оснастить армию и двинуть ее против Юань Шикая. Сегодня вечером я пришел к Вам в надежде, что Вы поможете мне уговорить Ваше правительство, прежде всего военное и военно-морское министерство, оказать содействие нашему выступлению».

Сибудзава: «Я предприниматель и далек от дипломатии и политики. Что же касается сказанного Вами, то единственное, что я могу сделать, — это дать Вам дружеский совет. Может быть, Вы будете недовольны им. Но моя цель ведь не в том, чтобы говорить вам приятные вещи, а в том, чтобы высказаться прямо и откровенно <...>. Я не разделяю Вашего плана вновь выступить против Юань Шикая!»⁴

¹ Там же. С. 606.

² Там же. С. 606.

³ Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 603.

⁴ Там же. С. 605–606.

Свою точку зрения Сибудзава обосновывал тем, что в данный момент выступление против Юань Шикая преждевременно, и предлагал Сунь Ятсену отложить осуществление его плана до более подходящего момента.

Против намерения Сунь Ятсена незамедлительно начать подготовку к «Третьей революции» совершенно определенно высказался и Ино Китисабуро.

Во время одной из встреч с ним Сунь Ятсен сказал, что намерен скорректировать свои планы, и спросил мнения Ино. Тот поинтересовался, идет ли речь о подготовке революции, и Сунь Ятсен ответил: «Да!» Тогда Ино заявил, что он считает ошибочным решение начать вооруженные действия против Юань Шикая, и призвал Сунь Ятсена к выдержке и терпению. Сунь Ятсен ушел, ничего не ответив.

А Ино доложил в полицию:

Я изложил Сунь Вэню аргументы против «Третьей революции» и убедил его. Он сказал, что не будет начинать ее¹.

Всё это крайне расстроило Сунь Ятсена.

Через два дня после этого разговора он вновь навестил Ино и сообщил ему, что собирается через одну-две недели, максимум через два месяца, покинуть Японию и потому хочет расторгнуть заключенное с ним соглашение².

Первые попытки начать в Японии подготовку к очередной антиюань-шикаевской революции завершились неудачей. Такое начало не внушало оптимизма в отношении перспектив на будущее.

Рука об руку с эпигонами свергнутой маньчжурской династии

Сунь Ятсен из Японии не уехал, потому что в начале 1914 г. его внимание привлекли события в Маньчжурии.

Далеко идущие планы князя Су

После отречения маньчжурского императора большинство членов свергнутого клана предпочли найти убежище там, откуда они были

¹ Там же. С. 606.

² Там же. С. 609.

родом — на территории Маньчжурии. Многие из них лелеяли мечту вернуть утраченное и восстановить династию. Наиболее активным среди них был князь Су.

Когда в 1910 г. Ван Цзинвэй совершил неудачное покушение на отца императора Сюаньтуна, именно князь Су фиксировал показания арестованного. Сохранилась запись этого допроса, больше походившего на диалог.

Князь Су: «Я читал Ваши статьи, опубликованные в «Миньбао». Вы выступаете за то, чтобы Китай был сильной и независимой державой, хотите преобразовать

его политический строй, агитируете за участие народа в управлении и за конституционную систему западного образца. Но ведь всё это совпадает с намерением императорского двора, который в настоящее время готовится к установлению конституционной монархии и созданию парламента, с тем чтобы народ принимал участие в политике. Разве это не та цель, за осуществление которой выступаете Вы?»

Ван Цзинвэй: «Мы, революционеры, выступаем не за конституцию, а за свержение феодального авторитарного строя, за осуществление «Трех народных принципов». Раз Вы, князь, читали мои статьи в «Миньбао», Вы должны знать, в чем состоят мои революционные требования!»

Князь Су: «Ваша революционная партия в самом деле выдвинула немало выдающихся суждений. Но вы должны внимательно прислушаться и к нашему мнению. Если говорить откровенно, я считаю, что «Три народных принципа» — это недальновидная теория, которой в будущем Китай не может руководствоваться. Зачем надо призывать к свержению маньчжуров и восстановлению прав китайцев? Может ли подобная пропаганда национальной ненависти помочь Китаю достичь гармонии во взаимоотношениях между пятью нациями? Зачем нужно ни с того ни с сего начинать кровопролитную революцию, если мы уже согласились ввести конституционный строй, при котором смогут осуществиться различные политические воззрения? Добиться воплощения своих полити-

Князь Су (1866–1922)

ческих идеалов мирным путем — разве это не лучше, чем сделать это посредством революции, ценой многочисленных человеческих жизней и уничтожения материальных ценностей?

Разве наш сосед Япония не может послужить нам положительным примером конституционной монархии?»

Ван Цзинвэй: «Когда мы выдвинули идею революции, многие выступили против нее, ссылаясь на успешное осуществление конституционной монархии в Японии. Но суть реформ Мэйдзи в Японии заключалась в том, что Сайго Такамоори захватил власть сёгуна с помощью военной силы, а вовсе не в том, что сёгун с улыбкой на устах передал свои prerogatives императору. Осуществление в Китае конституционной монархии ни в коей мере не способно сегодня покончить с многолетней коррупцией, а учреждение парламента как основы демократии — не более чем красивая мечта, потому что парламент будет марионеткой и гончим псом монарха. Только демократическая революция — вот единственный путь к спасению Китая».

Князь Су: «Политическая ситуация в Китае весьма сложна, общественное мнение разделилось, разве можно в этих условиях спешить с преобразованием политического строя? К тому же богомол думает о своем, а за ним сзади следит чиж. Разве иностранные державы не зарятся сейчас на Китай? Поспешность может привести к смуте. Я прошу Вас хорошенько обдумать это»¹.

Теперь ситуация принципиально изменилась. Князь Су собирался свергать существующее правительство, а китайские революционеры были не прочь наладить сотрудничество с убежденным сторонником реставрации монархии. Поистине неисповедимы пути Господни!

Через 10 дней после отречения Сюаньтуна князь Су и несколько десятков его единомышленников — членов общества Цзуншэдан — тайно переправились в Люйшунь, где создали базу для подготовки вооруженного выступления против республиканского правительства.

С этой целью князь Су занялся вербовкой местных жителей и обучением их основам военного дела.

Был налажен выпуск ассигнаций. Когда главный специалист по этой части Ма Цинфэн был задержан властями, он показал, что казначейских билетов зеленого цвета достоинством 25 юаней было выпущено 10 тысяч, красного цвета достоинством 10 юаней — столько же.

¹ 肃亲王与汪精卫：政敌or朋友 (Князь Су и Ван Цзинвэй: враги или друзья) // <https://www.toutiao.com/i6255045630293443074>.

Новобранцы армии князя Су

Заблаговременно были изготовлены желтые флаги с изображением дракона, а также печати с надписью: «Правительство Великой империи Цин»¹.

Однако предпринятое летом 1912 г. вооруженное выступление на юге Маньчжурии завершилось полным поражением.

Попытки реставрации династии Цин и японские рёнин

После того как Временное правительство Китайской Республики приняло идею «пяти наций» и декларировало равноправие маньчжуров и китайцев-хань, а стало быть, Маньчжурия больше не считалась зарубежной территорией, надежды *рёнин* на помощь революционеров во

¹ 武育文. 日本浪人与宗社党的 «满蒙独立» 运动 (У Юйвэнь. Японские *рёнин* и движение общества Цзуншэдан за независимость Маньчжурии и Монголии) // https://www.sohu.com/a/217754337_115482.

главе с Сунь Ятсеном в овладении японцами территории современных провинций Северо-Востока Китая значительно поблекли. В этой обстановке деятели общества Кокурюкай обратили свои взоры на нового союзника — князя Су.

В июне 1913 г. Утида Рёхэй сочинил статью «Мнение о Китае», которую переслал премьер-министру Ямамото. Смысл ее сводился к следующему.

1. Японское правительство поддерживает стремление маньчжуров и монголов создать в Маньчжурии и Внутренней Монголии независимые государства.

2. Японское правительство выступает против учреждения буферной зоны между территориями независимых государств Маньчжурии и Монголии, с одной стороны, и Китаем — с другой.

3. Таможенные и налоговые поступления независимых государств используются как залог для предоставления внешних займов.

4. Япония предлагает вновь создаваемым государствам заключить договор о сотрудничестве¹.

Предложения Утида получили одобрение правительства Японии.

В связи с этим в июле Утида и группа его единомышленников занялась разработкой конкретных мероприятий в области сотрудничества с князем Су и подготовки нового вооруженного выступления в Маньчжурии.

1 октября 1913 г. Утида Рёхэй опубликовал очередной

支那觀

浩堂 内田良平 著

支那の將來は如何。是れ今日布も時局に注目するもの、聲を同うして發する所の疑問にして、亦實に至大の疑問なり。此疑問を決するに非ずんば、我帝國は、其軍事外交、皆都べて手を下すの道なく、獨り隣邦の存亡に關するのみならず、潜いて東亞の大局世界の形勢に波及し、利害の涉る處、終に其津涯を測る能はざるものあらんとす。是れ吾人が自ら揣らず、爰に鄙見を披瀝する所以。豈に諷りに言を好むものならんや。

一 支那保全論の起源

喜望峯の航路一たびブスコ・デ・ガマによつて開かれしより、世界列國の支那分割を夢

Первая страница брошюры Утида Рёхэй
«Взгляд на Китай»

¹ 赵金钰. 日本浪人与辛亥革命 (Чжао Цзиньюй. Японские рёнин и Синьхайская революция). Чэнду. 1988. С. 174.

«Взгляд на Китай» с изложением своего плана создания совместными усилиями *рёнин* и общества Цзуншэдан независимой Маньчжурии.

В этой брошюре, в частности, утверждалось, что «китайская революционная партия отказалась от своего прежнего курса на сотрудничество Китая и Японии»¹. Утида имел под этим в виду, что Сунь Ятсен более не предлагал японцам Маньчжурию в качестве платы за помощь.

Практические шаги по воплощению плана Утида Рёхэй в жизнь поручались давнему знакомому князя Су по имени Кавасима Намихая.

Заметим попутно, что связи князя Су с Кавасима Намихая были настолько тесными, что они не только совместно разрабатывали планы реставрации маньчжурской династии, но Су отдал свою дочь японцу, который стал ее приемным отцом, а она сменила свою фамилию и имя, превратившись в Кавасима Ёсико. Позднее она пошла по стопам своего нового родителя, став известным японским шпионом, чему в немалой степени способствовало ее безупречное владение своим родным китайским языком. Знающие люди называли ее «второй Мата Хари».

Кавасима в маньчжурской одежде

Японская Мата Хари

Задача: установить контакт с Цзуншэдан

14 января 1914 г. японский посланник в Пекине Ямадза Эндзиро сообщал японскому губернатору Квантуна Фукусима Ясумаса, что пекинское правительство внимательно следит за событиями на юге Маньчжурии. Согласно полученным им достоверным данным, князь Су готовит там новое вооруженное выступление. Он направил своих

¹ Там же. С. 175.

представителей в Корею, где у него находятся тайные склады оружия.

Главное же, о чем сообщал японский посланник, было то, что в Даляне ожидают прибытия двух эмиссаров из Токио — Дай Цзитао и Чэнь Цимэя, «намеревающихся войти в контакт с обществом Цзуншэдан во главе с князем Су»¹.

16 января начальник уезда Нагасаки Рика Рюсукэ доносил министру иностранных дел Макино Нобуаки о некоторых подробностях предстоящей поездки Чэнь Цимэя и Дай Цзитао в Далянь:

Обосновавшийся в Даляне Лю Датун поддерживает связь с находящимися в Японии политическими эмигрантами и планирует начать в ближайшее время «Третью революцию» <...>.

Где начнется революция, пока неясно. По слухам, ее базой будет Далянь: знамя революции поднимется вблизи Фэнтяня², а одновременно восстания вспыхнут во всех провинциях, чтобы совместными усилиями оказать давление на Юань Шикая.

Среди японцев, участвующих в разработке этого плана: в Даляне это Канэко Кокки, в Токио — Ямада Дзюнсабуро, в Нагасаки — Нонака Юити и др. По всей видимости, они поддерживают постоянный контакт с Канэко. В ноябре-декабре прошлого года Канэко сообщил Нонака план революции. Из его письма можно составить себе представление об основных пунктах плана. В письме говорится также, что план не был осуществлен из-за финансовых трудностей. Поэтому они попросили Чэнь Цимэя собрать 2 000 иен на нужды политических эмигрантов в Даляне³.

Засланный в Далянь осведомитель уточнял, что общая численность проживающих там революционеров составляет 84 человека и они первоначально не ладили с членами общества Цзуншэдан, но в связи с при-

**Макино Нобуаки
(1861–1949)**

¹ Ямадза Эндзиро — Фукусима Ясумаса, 14 января 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 638.

² Совр. Шэньян.

³ Рика Рюсукэ — Макино Нобуаки, 16 января 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 639–640.

ближающейся «Третьей революцией» стали сотрудничать с ними. Сейчас они ожидают прибытия в Далянь Дай Цзитао и Чэнь Цимэя¹.

Сообщалось, что силы Цзуншэдан в целом незначительны, но в случае, если революционеры начнут действовать, организация князя Су окажет им помощь².

Вскоре в японское министерство иностранных дел поступил подробный доклад об обосновавшихся в Маньчжурии революционерах.

Автор доклада утверждал, что они представлены тремя группами. Первая во главе с Лю Ичжоу была подчинена Хэ Хаймину; вторая, возглавляемая Нин Мэнъянем, — Чэнь Цимэю; третья имела штаб-квартиру в Шаньдуне. Взаимоотношения между группами оставляли желать лучшего, но их сближало то, что все они испытывали крайнюю нужду в материальных средствах.

Получив в декабре 1913 г. сообщение о том, что находившиеся в Японии руководители Гоминьдана намерены формировать начало «Третьей революции», все три группы приняли решение покончить с прежними распрями и объединиться.

По их мнению, выступление в Маньчжурии имело целый ряд преимуществ по сравнению с каким бы то ни было другим районом Китая:

во-первых, в зимнее время реки здесь замерзали, а это облегчало действия восставших;

во-вторых, жизнь крестьян в Маньчжурии была более зажиточной и во время военных действий это могло стать источником провианта;

в-третьих, охранные отряды были частично распущены;

в-четвертых, неофициальный хозяин Маньчжурии Чжан Цзолинь был недоволен Юань Шикаем и его можно было привлечь на свою сторону;

в-пятых, восставших непременно поддержали бы сторонники князя Су;

в-шестых, можно было установить контакт с мятежной монгольской знатью³.

Другой доклад был посвящен состоянию дел в организации князя Су.

Сообщалось, что ее возможности расширились после того, как в декабре 1913 г. в Далянь прибыл еще один убежденный сторонник реставрации дома Цин — Шэн Юнь, бывший при маньчжурской династии военным губернатором провинции Шэньси.

¹ Там же. С. 640.

² Там же. С. 641.

³ 大连革命党员及总社党员等之动静 (Деятельность революционеров и членов общества Цзуншэдан в Даляне), 3 февраля 1914 г. // Там же. С. 667–669.

Шэнь Юнь
(1858–1931)

Обсудив ситуацию с князем Су, он побывал в Шаньдуне, где в то время находился князь Гун, и договорился с ним о необходимости сотрудничества с Гоминьданом. «Несмотря на то, что его политические взгляды как небо и земля отличались от тех, которых придерживались революционеры, они поняли, что для достижения своих целей в борьбе против существующего правительства взаимное сотрудничество выгодно и для тех и для других»¹.

26 января Дай Цзитао и Чэнь Цимэй вместе с сопровождавшим их Ямада Дзюнсабуро, бывшим сотрудником японской фирмы «Мантэцу», хорошо знакомым с местной обстановкой, прибыли в Далянь.

Ямада отчитался о проделанной ими работе перед министерством иностранных дел. Он писал, что до отъезда из Японии Чэнь Цимэй и Дай Цзитао получали из Даляня многочисленные сообщения о том, что в Маньчжурии всё готово к выступлению и есть полная уверенность в успехе.

Но, по мнению Ямада, эти оценки страдали преувеличением. К аналогичному выводу пришел и Чэнь Цимэй: условия для восстания еще не созрели и поэтому следует дожидаться момента, когда благоприятная ситуация сложится как на Северо-Востоке, так и на Юге страны.

Проанализировав все полученные данные, Сунь Ятсен счел немедленное начало боевых действий в Маньчжурии рука об руку с отрядами князя Су преждевременным².

На свет появляется Революционная партия Китая

Оказавшись в Японии, Сунь Ятсен был уверен, что главная причина поражения «Второй революции» заключается в том, что антиюаньшикаевские силы действовали разрозненно. Но и в 1914 г. дело обстоит не

¹ 总社党员之动静 (Деятельность членов общества Цзуншэдан) // Там же. С. 741.

² Там же. С. 662.

лучше. Революционный лагерь был разбит на многочисленные фракции, действовавшие зачастую кто во что горазд, причем используя помощь и поддержку разных японских деятелей, воззрения и планы которых подчас тоже не были едины.

«Главное — единое руководство!»

Весьма красноречиво писал об этом Окубо Тоситаке, мэру Осака:

Миядзакэ поддерживает группировку Сунь Ятсена, Каяно — Хуан Сина, полковник Хино — Ли Лецзюня, Такано — Бо Вэньвэя, Фукуда Ясутаро — Хэ Хаймина. При этом Цзуншэдан и Кавасима — это маньчжурская группировка, полковника Бандзай — пекинская, Ивамото — юньнаньская, Каи — сычуаньская, Фурукава — хунаньская¹.

Препятствия, чинимые властями передвижению китайских политических эмигрантов по стране, затрудняли общение их отдельных групп, проживавших в различных частях Японии. Поэтому они нередко обсуждали свои планы порознь и приходили к выводам, не согласованным между собой.

Примером могло быть собрание в Нагасаки, состоявшееся в 20-х числах января 1914 г. Обсуждался вопрос о предстоящей «Третьей революции». Мнения присутствовавших разделились. Представители токийской группы участия в собрании не принимали².

К тому же (это особенно беспокоило Сунь Ятсена) занимавший крайне левые позиции Хэ Хаймин в это время пользовался в среде революционеров исключительным авторитетом.

Подобная ситуация стала главной причиной твердого намерения Сунь Ятсена преобразовать Гоминьдан — эту «партию парламентской борьбы», в организацию, ориентированную на продолжение революции. Так она и должна была называться — Чжунхуа гэминдан (Революционная партия Китая).

Главным организационным принципом новой партии было беспрекословное подчинение всех без исключения ее членов лидеру, личность которого была определена с самого начала и обсуждению не подлежала — им был сам Сунь Ятсен.

Возвращаясь к практике Общества возрождения Китая и Объединенного союза, каждый вступающий в партию должен был произ-

¹ Окубо Тоситаке — Макино Нобуаки, 1 января 1914 г. // Там же. С. 607.

² Рика Рюсюкэ — Хара Кэй, 24 января 1914 г. // Там же. С. 706.

нести клятву, письменный текст которой после этого хранился в партийном архиве. Однако содержание клятвы принципиально изменилось: когда-то члены организации клялись в верности делу революции, теперь — прежде всего в личной преданности лидеру партии, а затем уже в верности всему остальному.

Сунь Ятсену казалось, что и этого недостаточно. К письменному изложению содержания клятвы вступающий должен был теперь приложить отпечаток пальца.

До нас дошел текст клятвы Чан Кайши:

Я, произносящий эту клятву Цзян Чжицин¹, ради спасения Китая от гибели, а народа — от нищеты и страданий готовый пожертвовать собственной жизнью, свободой и правами, подчиняться г-ну Суню, вновь начать революцию, достичь цели народоправия и народного благоденствия, способствовать принятию конституции пяти прав, чтобы политика была чистой, а жизнь народа — радостной, укреплять основы государства и защищать мир во всем мире, искренне клянусь, что

- 1) буду осуществлять политику партии,
- 2) исполнять приказы,
- 3) оставаться верным своему долгу,
- 4) строго хранить тайну,
- 5) быть верным клятве в жизни и смерти.

Я буду всю свою жизнь следовать этой клятве, а если предаю ее, пусть меня настигнет страшная кара.

Гражданин Китайской Республики, уроженец провинции Чжэцзян уезда Фэнсянь Цзян Чжицин [далее следует отпечаток пальца].

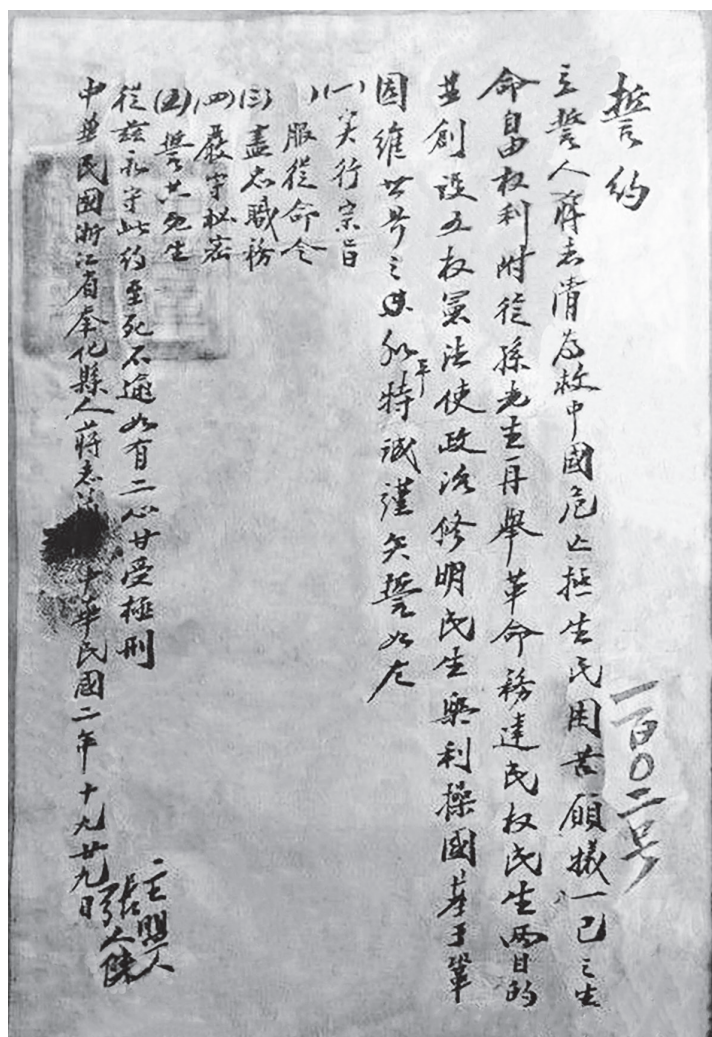
29 октября 1913 года.

При произнесении клятвы присутствовал Чжан Жэньцзе.

Клятву произнес и сам Сунь Ятсен. Но ее текст, разумеется, несколько отличался от стандартного. Во-первых, была опущена фраза о готовности «подчиняться г-ну Суню»; во-вторых, он клялся не «исполнять приказы», а «быть осмотрительным, отдавая приказы».

Сунь Ятсен разработал Устав партии, который включал ряд необычных положений. Так, хотя клятву должны были давать как новички, так и члены Объединенного союза, после победы революции члены партии получали различный социальный статус в зависимости от их партийного стажа. Они делились на три категории:

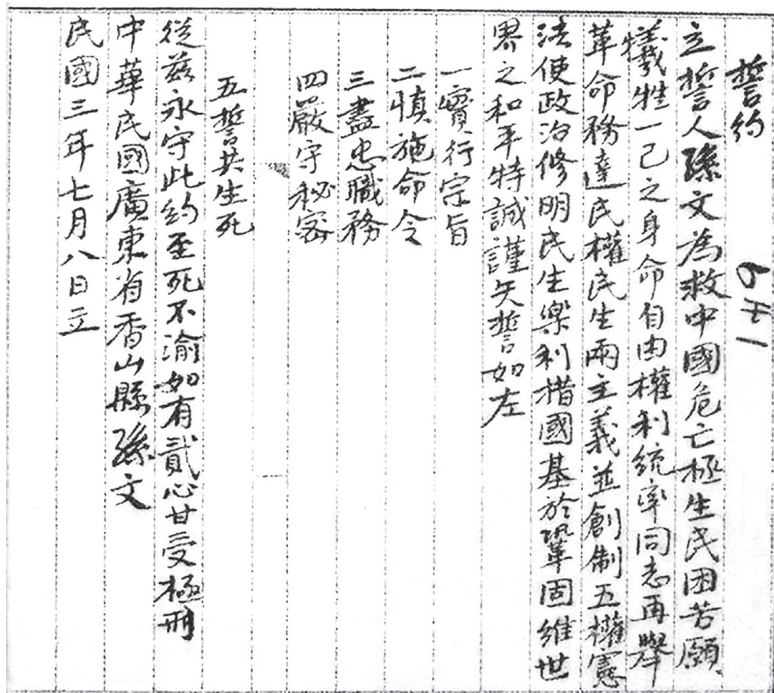
¹ Чан Кайши.

Текст клятвы Чан Кайши

1) тот, кто вступил в партию еще до Учанского восстания, считался «ветераном партии», становился «привилегированным гражданином» и мог пользоваться «особыми» правами;

2) вступивший в партию после начала Учанского восстания, но до создания Республики в декабре 1911 г., относился к категории «почетных

Текст клятвы Сунь Ятсена

членов партии» и «заслуженных граждан», получая право избирать и быть избранным на общественный пост;

3) человек, вступивший в партию после учреждения Республики, становился «рядовым членом»: он мог выбирать, но не мог быть избран.

Беспартийные будут лишены гражданских прав¹.

Между Сунь Ятсеном и Хуан Сином пробежала черная кошка

Эти нововведения были встречены в штыки многими ветеранами партии. Они готовы были клясться в верности делу революции, но не могли понять, почему от них требовали заявлять о преданности лично лидеру партии еще до того, как были проведены выборы. Не меньшее сопротивление встретило и требование прикладывать к клятве отпечаток

¹ Bergère M.-C. Sun Yat-sen. Stanford. 1998. P. 257–258.

Устав Революционной партии Китая (рукопись Сунь Ятсена)

пальца наподобие того, как это обычно делает преступник, ставящий свою подпись под приговором суда.

Сунь Ятсену пришлось вновь и вновь разъяснять заблуждающимся необходимость всего этого для грядущей победы революции.

Вот что по этому поводу он писал своему другу Дэнь Цзэжу:

Прибыв сюда в прошлом году, я вновь поднял партийное знамя. Чтобы начать всё сначала, нужно было вместе товарищами создать тайную организацию. Дабы преодолеть пороки прошлого — расхлябанность и отсутствие единого руководства на этот раз при создании партии был сделан акцент на подчинении приказам партийного руководителя. Все должны принести присягу о том, что они готовы пожертвовать своей жизнью, свободой и правами, подчиняться приказам и оставаться верными своему долгу. За прошедшее время [в партию вступило] 400–500 человек самых надежных товарищей, хотя этого пока еще мало <...>.

Нынешняя организация непременно должна подчиняться одному мне, потому что во время и первой, и второй революции члены партии действовали каждый по своему усмотрению, на свой страх и риск, без единого руководства, и в итоге допустили немало ошибок. Знающие люди говорят, что все поражения нашей партии — результат расхлябанности,

и это действительно так. Во время Нанкинского правительства я считался президентом, а на самом деле был лишь вывеской и всё делалось помимо моей воли. Что до того, как Юань Шикай стал президентом, то он сам заявлял, что получил власть из рук императрицы Лунъюй, а не из рук Республики. Я тогда был разгневан и решительно выступал против этого, полагая, что это дело принципа и лучше начать войну, но нельзя согласиться с этим и допустить постепенное сползание к диктату. Но в то время товарищи осуждали меня и были против моего мнения. Только сейчас, когда Юань Шикай командует своей партией и официально заявляет, что не обязан своим местом Республике, многие одумались и поняли, что моя позиция тогда была достаточно дальновидной¹.

На Тайване в Архиве истории Гоминьдана хранится записка Сунь Ятсена, в которой он поручает секретарю ответить на одно из писем, которые во множестве получал в то время. Речь шла об отпечатках пальцев.

Сунь Ятсен разъяснял, что после того, как «Третья революция» одержит победу, в стране будут проведены широкомасштабные административные мероприятия: все граждане дадут присягу в верности Республике и пройдут регистрацию. Поскольку ветераны партии будут иметь определенные привилегии, то преступные элементы неизбежно будут стараться перекраситься под старых членов партии.

Отпечатки пальцев предназначены для того, чтобы воспрепятствовать подлогам. Пальцевой узор у всех различный и не меняется на протяжении всей жизни, поэтому подделать его невозможно. Именно с этой целью вступающие сейчас в партию должны оставлять отпечаток пальца. <...> Как настоящие члены партии смогут подтвердить свою партийную принадлежность без отпечатков пальцев? <...>

Что же касается уподобления оставившего отпечаток пальца преступнику, то за границей таковых только фотографируют. Так что же мы из-за этого должны перестать фотографироваться? Какие странные речи!²

Однако эти разъяснения не удовлетворили сомневающихся.

Наиболее решительно против сформулированных Сунь Ятсеном основ Революционной партии выступил Хуан Син.

Особые возражения у него вызывал у него текст клятвы и в особенности фраза «подчиняться г-ну Суню», а также прикладывание к клятве

¹ Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 18 апреля 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 309.

² 总理批关于“盖用指模”事 (Указание лидера партии относительно отпечатков пальцев) // Архив комитета по изучению истории Гоминьдана. 052/314.

отпечатка пальца. «Первое противоречит принципу равенства, — утверждал он, — а второе унизительно»¹.

Хуан Син предложил заменить слова «подчиниться г-ну Суню» на «подчиниться лидеру “Революционной партии”», поскольку «каким бы именно г-ном он ни был, раз он избран партийным руководителем, товарищи должны подчиняться ему»².

Однако в ответ Хуан Син услышал, что никаких изменений в проектах партийных документов не будет³.

Когда в конце апреля 1914 г. Сунь Ятсену вручили список видных деятелей Объединенного союза, отказывающихся вступать в Революционную партию, первым в этом списке он увидел имя Хуан Сина, за которым следовали Тань Жэньфэн, Ли Лецзюнь, Ху Ханьминь, Юй Южэнь и др.⁴

Хуан Син не согласен
с Сунь Ятсеном

И всё же партия была создана

Тем не менее 8 июля на собрании представителей 8 (!) провинций Китая было провозглашено создание новой партии. Ее лидером был единогласно избран Сунь Ятсен. Он подписал приказ о назначении руководителей отделов.

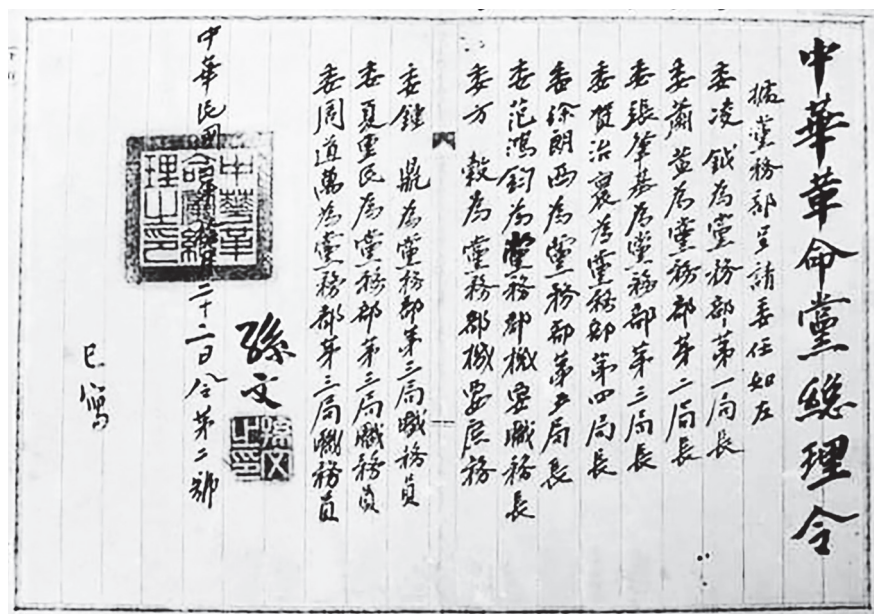
Незаятым остался предусмотренный уставом пост заместителя Сунь Ятсена. Первоначально эта должность предназначалась для Хуан

¹ 邵元冲. 中华革命党史略 (Шяо Юаньчун. Краткая история Революционной партии Китая) // Документы революции. Т. 5. С. 666.

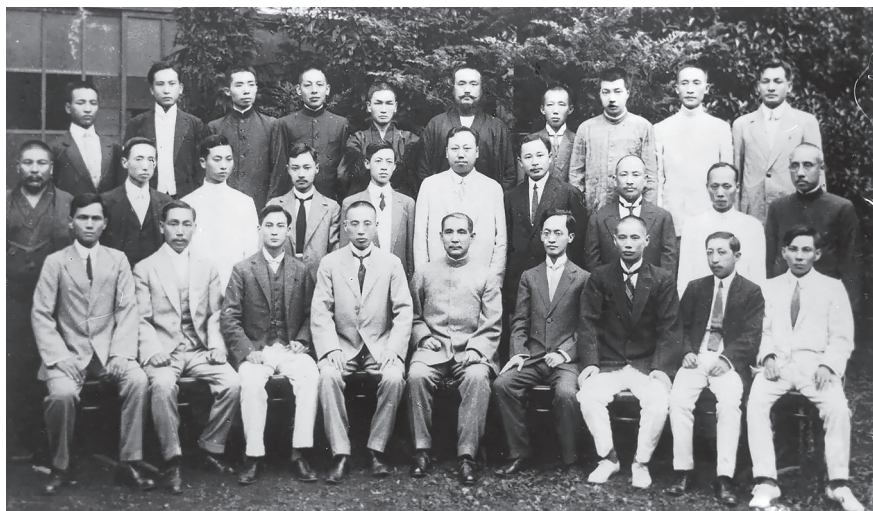
² Подробно см.: 高橋良和. 中华革命党結党时における孙黄決裂の意味について (Такахаси Рёва. О разрыве Сунь Ятсена с Хуан Сином во время создания Революционной партии Китая) // Нагоя дайгаку тоёси кэнкю. № 7. 1981. С. 32–61.

³ 居正. 中华革命党时代的回忆 (Цзюй Чжэн. Воспоминания периода Революционной партии Китая) // Документы революции. Т. 5. С. 82–83.

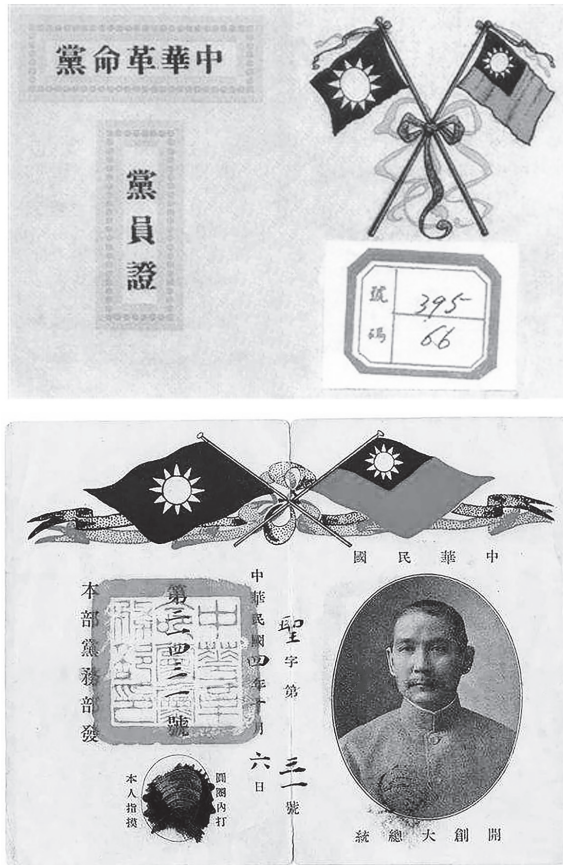
⁴ 吴相湘. 孙逸仙先生传 (У Сянсян. Биография Сунь Ятсена). Т. 2. С. 1226–1227.

Приказ лидера Гоминьдана

Руководство Революционной партии Китая

Партийный билет члена Революционной партии Китая

Сина, но он, так и не вступив в партию, в это время уже высадился в Соединенных Штатах.

К руководству Революционной партии пришли новые люди, ранее занимавшие в Гоминьдане третьи позиции. Негласной правой рукой Сунь Ятсена стал Чэнь Цимэй.

Создав новую партию в том виде, как он ее замыслил, Сунь Ятсен совершил одну из самых серьезных ошибок за всё время своей политической карьеры.

Он создавал партию для того, чтобы сплотить воедино все революционные силы Китая. Результат получился обратный. Диктаторские

замашки Сунь Ятсена, отразившиеся в принятых в 1914 г. партийных документах, имели своим следствием беспрецедентный раскол в рядах китайских революционеров.

Это существенно ослабило ряды противников правевшего на глазах Юань Шикая.

Позднее кое-кто из отказавшихся вступать в Революционную партию вернулся в суньятсеновский лагерь, другие так и остались за его бортом, а третьи — перешли на сторону пекинского правительства.

Однако Сунь Ятсен так и не извлек урока из этого печального эпизода своей биографии.

Сунь Ятсен пишет премьеру Окума

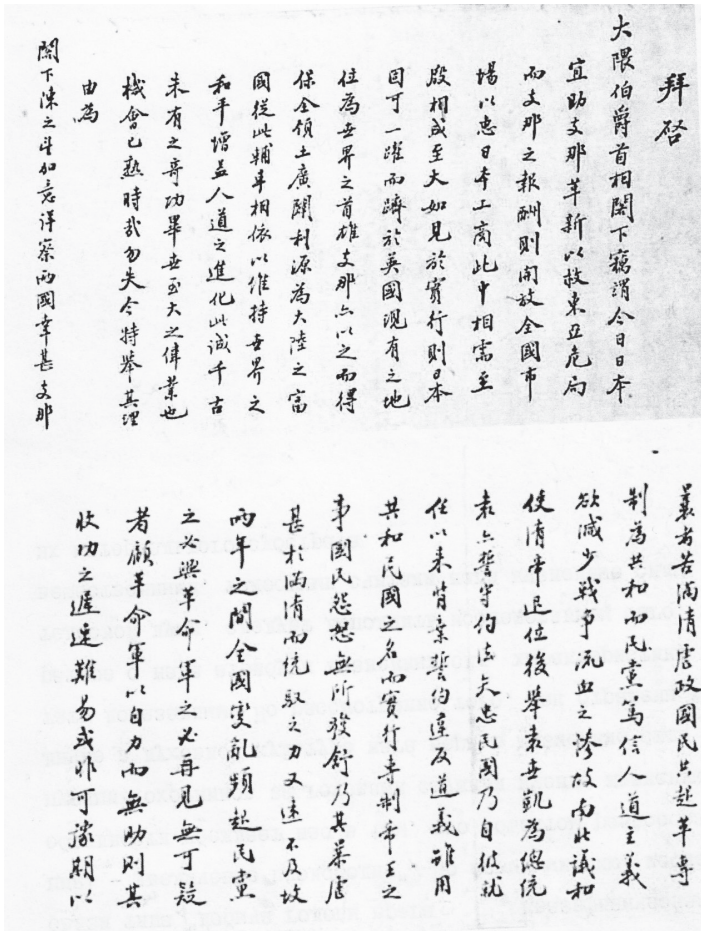
Письмо руководителя Гоминьдана премьер-министру Японии Окума Сигэнобу, датированное 11 мая 1914 г., — один из тех документов, которые вызывали и вызывают до сих пор ожесточенные споры и потому требуют особого внимания к себе.

О чем говорилось в письме

Прежде чем принять участие в этой дискуссии, приведем текст письма полностью.

Его Превосходительству премьер-министру графу Окума.

Осмелюсь высказать свое скромное мнение о том, что сегодня Япония должна поддержать преобразования в Китае, чтобы найти выход из восточно-азиатского кризиса. Со своей стороны Китай отблагодарит ее тем, что откроет весь свой рынок для японских предпринимателей. Этого настоятельно требуют взаимные интересы, а результаты осуществления такого плана невозможно переоценить. Если он найдет свое практическое воплощение, Япония сможет в течение короткого времени обеспечить себе положение, занимаемое ныне Англией, и превратиться в ведущую державу мира, а Китай получит возможность обеспечить целостность своей территории, освоить запасы полезных ископаемых, превратиться в процветающее государство [азиатского] материка. Тем самым будет положено начало взаимодействию [наших двух стран] во имя поддержания мира во всем мире и содействия прогрессу гуманизма. Это будет поистине выдающимся достижением, не знающим исторических преце-

Две первые страницы письма Сунь Ятсена премьер-министру Окума

дентов, и грандиозным свершением, не имеющим себе равных. Условия для этого уже созрели, главное – не упустить момента. Ниже я изложу соответствующие аргументы, представляемые мною на суд Вашего Превосходительства. И если они удостоятся внимания, это принесет огромную пользу обеим нашим странам.

В прошлом Китай страдал от жестокого правления маньчжурской династии, народ поднялся в едином порыве, и на смену тирании пришла республика. Партия Гоминьдан твердо следовала принципам гуманизма и стремилась избежать войны и кровопролития. Поэтому Юг и Север

начали переговоры с целью заставить императора отречься от престола. Позднее Юань Шикай стал президентом и поклялся соблюдать конституцию и служить Республике.

Но, заняв свое кресло, он забыл обо всех обещаниях, пошел против справедливости и под республиканской вывеской начал творить дела, достойные тирана-самодержца. Народ страдал и был преисполнен гнева, но не был в состоянии что-либо сделать. В жестокости [Юань Шикай] превзошел маньчжурских правителей, а его способность управлять страной не идет ни в какое сравнение с ними. Поэтому за последние два года страна оказалась охваченной смутой, и стало несомненным, что [в Китае] обязательно появится Гоминьдан и вновь будет создана революционная армия. Но если эта революционная армия будет действовать на свой страх и риск, не получая помощи [извне], то очень трудно или даже невозможно предсказать, когда она добьется успеха.

Сначала — об аспекте разрушения. Если [Китай] получит помощь мощной мировой державы, то тяготы войны не будут продолжительными, жертвы внутри страны не будут чрезмерными, а на международной арене не возникнет излишних трудностей. В географическом отношении Япония — сосед Китая, интересы [двух стран] тесно связаны между собой. Поэтому тот факт, что Китай в поисках помощи прежде всего обращается к Японии, соответствует объективной логике вещей.

Затем — об аспекте созидания. [Китаю] не обойтись без помощи специалистов из передовой страны для совершенствования внутренней структуры страны, создания армии, налаживания дела просвещения, организации производства. С этой точки зрения столь же естественным было бы, если Япония как страна той же расы и той же культуры, установившая связи [с Китаем] в период революции, оказала бы ему помощь. Если Япония поможет Китаю усовершенствовать его политические институты, освоить его природные богатства, то близкие и дружественные отношения обеих стран — начиная от правительства и кончая простыми людьми — не знали бы себе равных среди всех других государств. Китай готов открыть весь свой рынок на благо японских промышленников, и Япония благодаря этому получит монопольные преимущества в торговле. Одновременно Китай в еще большей степени нуждается в дипломатической поддержке со стороны Японии, для того чтобы освободиться от международных оков, навязанных ему в прошлом, и пересмотреть неравноправные договора. Если [китайское] законодательство, суд, тюрьмы будут усовершенствованы под японским руководством, то Япония сможет стать первой страной, которая признает отмену права экстерриториальности. Совместное проживание во внутренних районах страны предоставит

японцам благоприятные условия в Китае, а последующее достижение таможенной независимости создаст условия для заключения таможенного союза с Японией. Ввозимые в Китай японские товары не будут облагаться пошлинами, равно как и ввозимое в Японию китайское сырье. Ресурсы Китая будут непрерывно осваиваться, а японская промышленность и торговля будет всемерно расширять сферу своей деятельности.

Возьмем для примера Англию. Это — три маленьких по своей площади острова, но все видят, как ее мощь растет день ото дня. Ни одна из мировых держав не может соперничать с нею — потому что Англия имеет материк Индии в качестве огромного рынка для своей метрополии. Естественные ресурсы Японии уже исчерпаны, и она лишена возможностей для дальнейшего развития, а Китай представляет собой огромную страну с еще не освоенными богатейшими природными ресурсами. Если Япония сможет получить доступ на огромный китайский рынок, не нуждаясь в расходовании сил и средств на содержание там армии, как это вынуждена делать Англия в Индии, то это будет вдвойне выгодно для нее. Именно это я имею в виду, когда говорю о том, что Япония сможет в течение короткого времени обеспечить себе положение, занимаемое ныне Англией, и превратиться в ведущую державу мира. Но Япония не сможет добиться этого, если она будет продолжать свою нынешнюю политику в Китае. Почему?

Сейчас в Китае правит Юань Шикай, который не учитывает ситуацию в Восточной Азии и для вида заигрывает с Японией, а на деле игнорирует ее. При всех прочих равных условиях Японии не по пути с ним. В недавних скандалах, связанных с Ханьепинской кампанией, историей с Коммерческой палатой или нефтяным инцидентом, — во всех этих случаях правительство либо нарушало свои прежние обязательства, а затем подстрекало массы к выступлению против уже подписанных соглашений, либо передавало другим странам выгоды, по праву принадлежащие Японии. Не располагая достаточными силами и страшась Гоминьдана, который всегда поддерживал добрые отношения с Японией, [Юань Шикай] на словах льстил Японии и одновременно применял против Японии методы, известные из истории времен эпохи Сражающихся царств. Можно с уверенностью сказать, что в случае, если положение [Юань Шикая] укреплится, его позиция по отношению к Японии будет еще более непримиримой. Поэтому, если Япония не окажет военной помощи революции [в Китае], правительство Юань Шикая будет продолжать свою антияпонскую политику. И если даже затем Юань Шикай падет, то Япония все равно не будет пользоваться доверием китайского народа. Таким образом, только в том случае, если Япония окажет поддержку Китаю, между двумя странами смогут установиться взаимовыгодные добрые отношения.

Если Революционная партия Китая не сможет заблаговременно заручиться поддержкой со стороны мощной державы, то успех ее дела будет отсрочен. После того как будет одержана победа, ее планы в отношении усовершенствования внутригосударственной системы и внешней политики будет трудно осуществить без помощи сильного государства. Поэтому сейчас Революционная партия крайне нуждается в помощи, а Япония, оказав ей такую помощь, получит для себя огромные выгоды. Именно это я имею в виду, когда говорю, что [план создания китайско-японского союза] отвечает взаимным интересам сторон, а результаты осуществления этого плана невозможно переоценить. Могут возразить, что в своей внешней политике Япония не в состоянии самостоятельно решать проблемы Китая без согласия Англии. Но этот аргумент не выдерживает критики. За последнее время проблемы Китая предстали [перед мировой общественностью] в своем истинном виде. Когда Юань Шикай пришел к власти, он потратил огромные средства для подкупа некоторых европейских журналистов, чтобы они в своих корреспонденциях изображали его с самой положительной стороны. И английское правительство тогда верило им. Но сейчас общественное мнение в Англии изменилось. «Таймс» пишет, что Юань Шикай не в состоянии преодолеть смуту и навести порядок в стране. У Англии самые тесные межгосударственные отношения с Францией, а правительство и народ Франции уже не верят Юань Шикаю, поэтому гарантии предоставления займа Французско-китайским банком аннулированы. Прежде Англия совершала ошибку и поддерживала Юань Шикая, стремясь к действительному умиротворению Китая; но сейчас она уже видит, что ошиблась и в будущем будет вести себя подобно Франции. Если Япония будет проводить в отношении Китая политику, которая не на словах, а на деле разрешит китайский вопрос и обеспечит мир в этой стране, Англия без сомнения поддержит действия Японии. В отношении Китая Япония постоянно стремится заручиться солидарностью Англии, а та, в свою очередь, руководствуется в этом отношении намерениями Японии. Но о мире и безопасности в Китае можно будет говорить только в том случае, если власть в этой стране перейдет в руки Гоминьдана.

Существует три сорта китайцев: представители старой бюрократии,

Окума Сигэнобу
(1838–1922)

члены партии Гоминьдан и простой народ. Простые люди не играют серьезной роли в политической борьбе. Если старая бюрократия имеет власть, она готова драться с соперниками ради сохранения своего положения в обществе, однако у нее уже нет прежних возможностей бороться и проявлять свою реакционную сущность. Когда Юань Шикай был смещен прежними цинскими властями, он радовался уже только тому, что остался жив, и ему было не до сопротивления. Иное дело партия Гоминьдан. Она действует во имя высоких принципов, не откажется от них даже перед лицом смертельной опасности, и поэтому ее цели непременно будут достигнуты. На смену павшим придут новые бойцы. К каким бы жестоким репрессиям ни прибегали правители цинской династии, они не могли одержать верх.

Всякий, кто хорошо разбирается в состоянии дел в Китае, не может не понимать, что мир в Китае наступит только тогда, когда Гоминьдан сможет осуществить свои намерения. И в деле защиты мира в Восточной Азии правда на стороне [Гоминьдана], а не его врагов.

Конечно, поддержка Гоминьдана в деле свержения существующего правительства не соответствует рутинным нормам международных отношений. Но в истории необычайные дела совершались неординарными личностями, добивавшимися исключительных успехов.

Вы, Ваше Превосходительство, — неординарная личность. И ныне, в чрезвычайных обстоятельствах, наступил день, когда Ваше Превосходительство сможет блестяще проявить свои выдающиеся таланты. Я — представитель Гоминьдана и потому, возлагая на Японию свои надежды, осмелился кратко изложить Вашему Превосходительству свои соображения.

Обратимся к истории.

Франция в свое время оказала поддержку Америке, Англия — Испании, Америка — Панаме. Когда Франция помогала Америке обрести независимость, она была движима соображениями гуманности и справедливости. Англия помогала Испании, чтобы покончить с Наполеоном, то есть ради искоренения внешней опасности. А Америка поддержала Панаму, чтобы обрести выгоды, связанные с каналом.

Если сегодня найдется правительство, которое окажет помощь революции в Китае для свержения жестокого режима, оно достигнет сразу всех трех указанных положительных целей. Можно ли упустить такую возможность?

Нет нужды упоминать о том, что, во избежание дипломатических недоразумений и ради обеспечения успеха дела, вышеизложенное не подлежит огласке.

閣下言其概且觀於歷文傳曾助米利
堅矣英曾助西班牙矣米曾助巴拿
馬矣傳之助米獨立為人道正義也
英助西班牙以倒拿破為避害也
米助巴拿馬為收復河之利也今有
助之耶革命樹暴虐之政府者則一
舉而三善俱備亦何憚而不為乎若
夫義舉之密更有以避外文之猜疑
而神其作用此又不待論區區所見
實為米亞大局前途計惟
閣下詳察而有以教之

閣下為非常之人物今過非常之機會正
閣下大煥其經綸之日也文為支那民黨
之代表故敢以先有望於今者為
閣下言其概且觀於歷文傳曾助米利

黨則不然所抱持之主義生死以之求
其目的之必達前者雖仆後者復繼
故雖以前清朝之殘殺亦卒無以制
勝民黨之志一日不伸即支那不能以
一日安此保察支那之情形當能知
之而欲維持東亞之共和平則其通國
在此而不在彼矣要之助一國民黨而
傾度其政府非閣下上之常例然古
今惟非常之人乃能為非常之事或
非常之功竊意

孫文

大正二年
民國三年五月十一日

Две последние страницы письма Сунь Ятсена премьеру Окума

Формулируя мои скромные соображения, я думал исключительно о перспективах развития ситуации в Восточной Азии. Надеюсь, что Ваше Превосходительство детально рассмотрит их и выскажет о них свое высокое суждение.

Сунь Вэнь (подпись, личная печать)

11 мая 3 года Тайсё, 3 года Китайской Республики¹.

¹ Китайский оригинал письма см.: 彭泽洲. 检讨中山先生致大隈首相书的真实性 (Пэн Цзэчжоу. О подлинности письма Сунь Ятсена премьеру Окума) // Далу пзачжи. 1980. № 6. С. 251–253.

Небольшое отступление от темы: кто разгласил содержание письма Сунь Ятсена?

Хотя Сунь Ятсен просил Окума рассмотреть письмо, не предавая его содержание гласности, вскоре оно было напечатано в Китае в выходившей на английском языке газете «North China Herald».

Заподозренным в том, что секретное письмо премьеру Окума стало известно прессе, оказался Хуан Син. Ему пришлось отводить от себя подозрения.

8 августа 1914 г. он написал одному из своих знакомых:

За последнее время получаю отовсюду письма членов Гоминьдана и читаю в сообщениях китайских и иностранных газет, что это я разгласил содержание письма Сунь Ятсена. Как только могло возникнуть такое предположение! Вот уж поистине моральные основы партии настолько поколеблены, что дело доходит до этого. Остается только сожалеть об этом! Мне нет нужды доказывать, справедливы эти обвинения или нет. Лучше спроси самого Сунь Ятсена, как дело обстоит в действительности. Писал ли Сунь Ятсен японскому правительству, до сих пор неясно. Мерзавец Юань, замышляя недоброе, подсылает своих агентов, чтобы внести разлад в наши ряды, — такое тоже случается. Если письмо Сунь Ятсена — реальность, он никогда не давал мне читать его. Каким же образом я мог разгласить его содержание? Подобная низость не пристала никому, у кого хоть в какой-то мере есть совесть. Хотя я и не обладаю нравственными достоинствами, но за всю свою жизнь не совершал подобной подлости!¹

Бесспорно, что человек, ответственный за разглашение содержания письма премьеру Окума, был близок к Сунь Ятсену и к тому же хорошо владел английским языком. Письмо было переведено им на английский и передано в Пекине Цай Тинганю со следующим пояснением:

В течение 12 лет я занимался революционной деятельностью вместе с д-ром Сунем. Поразительно, что я остался жив после всего произошедшего в прошлом году. Объявленной целью наших усилий было сохранение целостности Родины, и поэтому я был потрясен, когда мое внимание привлекло письмо д-ра Суня премьеру некой страны. Содержание этого письма недвусмысленно свидетельствует о том, что он намерен превратить Китай в страну, зависимую от иностранцев наподобие Индии. Бесспорно, что по отношению к Китаю он выступает в той же роли, что и Ли Ван Ён в Корее².

¹ Полное собрание сочинений Хуан Сина. С. 311.

² Имя корейского премьер-министра Ли Ван Ёна (이완용), поставившего в 1910 г. свою подпись под договором о включении Кореи в состав Японской империи, стало символом национального предательства.

Предпринятый им шаг в корне противоречит моим устремлениям, и я не могу более признавать в нем своего лидера. Я хочу, чтобы это письмо было обнародовано, с тем чтобы познакомить с ним членов нашей партии, дабы они приняли к сведению этот потрясающий факт¹.

7 июня 1914 г. Цай Тингань, в свою очередь, переправил письмо Дж. Моррисону со словами: «Не могли бы Вы организовать публикацию в Шанхае и Лондоне?» Моррисон послал текст исполнявшему обязанности редактора «North China Daily News» Ф. Пратту, оговорив, что документ подлинный, но перевод нуждается в редактировании, и предупредив: имя передавшего письмо ни в коем случае не должно быть предано гласности².

20 июня Пратт напечатал письмо в «North China Herald» под заголовком: «Патриотизм Сунь Ятсена. Поразительное обращение к Японии. Китай выставлен на торги»³.

Сун Цзяшу в кругу семьи

Есть основания полагать, что лицом, передавшим письмо Сунь Ятсена Цай Тинганю, был его свояк Кун Сянси.

Для того чтобы понять, почему это могло произойти, нужно вернуться к взаимоотношениям Сунь Ятсена с семьей его старинного знакомого Сун Цзяшу (Яожу).

Они были знакомы с 1894 г. Когда в 1912 г. Сунь Ятсен занял кресло президента Республики, Сун Цзяшу стал одним из его сотрудников, а его старшая дочь Сун Айлин — секретарем президента.

Постоянное общение с Сун Айлин, которой в это

¹ The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. Cambridge. 1978. P. 324.

² Ibid.

³ Ibid. P. 323. Английский перевод письма Сунь Ятсена приведен в публикации переписки Моррисона (The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. P. 324).

время было 20 с небольшим, привело к тому, что Сунь Ятсен (ему тогда было за 45) стал испытывать к своей секретарше отнюдь не отеческие чувства.

К этому времени Сунь Ятсен был уже дважды женат. Китайские обычаи того времени разрешали мужчине иметь несколько «законных» жен, и обе супруги д-ра Суня (первая — Лу Мучжэнь и вторая — Чэнь Цуйфэнь) жили под одной крышей. В письме к дочерям от первого брака, датированном 20 декабря 1910 г., Сунь Ятсен просил их передать привет «обеим матушкам».

Сун Айлин
(1889–1973)

愛女 婉婉 收看父今晚已行到第四個埠。即蘇夷
士連河。再六日便到步矣。可告兩母親知之也。
父今欲汝兩姊妹同去影一相。影好寄三四張去松
山阿哥處。叫他轉寄來我。可也。
另外寄來第二第三兩埠之風景畫片數十幅。
包為一札。尤金慶先轉交。餘事再示。並問候你
兩母親及各人平安。
父字 西十二月二十號

Письмо Сунь Ятсена дочерям от 20 декабря 1910 г.

«Обе матушки»

Сунь Ятсен с семьей в мае 1912 г.
в Кантоне (сидят Лу Мучжэнь и Сунь
Ятсен; стоят слева направо их старшая
дочь Сунь Янь, сын Сунь Кэ, Сун Айлин,
младшая дочь Сунь Вань)

Но статус «второй» не удовлетворял Чэнь Цуйфэнь, и в 1912 г. она ушла от мужа. Тогда Сунь Ятсен принял решение: пустующее место должна занять Сун Айлин.

Хотя в литературе мы не найдем упоминаний об этом, такой вывод можно сделать, анализируя фотографии, сделанные во время посещения Сунь Ятсеном родных пенатов в мае 1912 г.

На фотографии мы уже не видим «вторую матушку»; ее место заняла Сун Айлин.

Из Кантона все вместе (за исключением Сунь Кэ) отправи-

**Братья со своими
домочадцами
(слева направо: Сунь Янь,
Сун Айлин, Лу Мучжэнь,
Сунь Ятсен, Сунь Мэй,
его жена, его сын, Сунь Вань)**

лись на родину Сунь Ятсена в деревню Цуйсянцунь, где сфотографировались на память с семьей его старшего брата Сунь Мэя.

И, наконец, еще один многозначительный снимок:

**Сунь Ятсен и Сун Айлин (в центре)
перед храмом предков клана Сунь**

В нашем распоряжении нет источников, позволяющих реконструировать ход дальнейших событий. Известно только, что в 1914 г. Сун Айлин вышла замуж за богатого предпринимателя Кун Сянси, возвращавшегося среди соратников Сунь Ятсена. Они поженились, и Сун Айлин уехала с мужем в Пекин, оставив вместо себя на должности секретаря д-ра Суня свою младшую сестру Сун Цинлин, которая вскоре сочеталась законным браком со своим шефом, решительно потребовав при этом, чтобы он официально развелся со своей женой Лу Мучжэнь.

Кун Сянси
(1880–1967)

Но из-за этой истории личные отношения Сунь Ятсена и Кун Сянси были бесповоротно испорчены, и они перестали общаться, а Кун Сянси не только более не считал себя сторонником Сунь Ятсена, но и стал открыто критиковать его.

Что же касается содержания письма премьеру Окума, то Кун Сянси мог узнать его через Сун Айлин.

Передав Моррисону текст письма, Кун Сянси продолжал поддерживать с ним переписку, обсуждая важные политические вопросы и критикуя линию, проводимую Сунь Ятсеном.

Он писал: «Факты, касающиеся махинаций японцев и их манипуляций с Сунь Ятсеном, почерпнуты автором этих строк из его собственных наблюдений и иных источников, заслуживающих доверия. Он считает своим долгом информировать о сложившейся ситуации тех, кто тесно связан с правительством, и просит, чтобы изложенное рассматривалось как сугубо личное и конфиденциальное»¹.

Моррисон отвечал ему: «Всё сказанное Вами произвело на меня большое впечатление, и если у меня будет возможность, я непременно прокомментирую Ваши интересные соображения, разумеется, не ссылаясь на Вас»².

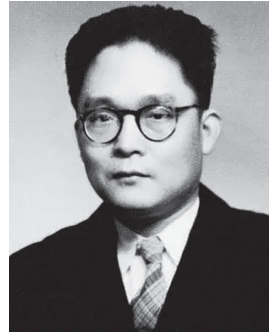
Споры о подлинности письма не утихают до сих пор

Как упоминалось выше, Хуан Син высказал предположение о том, не является ли этот документ подделкой, изготовленной агентами Юань Шикая с целью скомпрометировать лидера Гоминьдана. Но после смерти Окума историк Ватанабэ Икудзиро стал собирать материалы к биографии экс-премьера и обнаружил в его личном архиве подлинник этого документа. Ватанабэ перевел его на японский язык и поместил в своей статье об Окума, напечатанной в 1932 г.

¹ The Correspondence of G. E. Morrison. Vol. 2. P. 391.

² Ibid. P. 388.

Благодаря этой публикации с текстом письма познакомился китайский историк Ван Юньшэн, который осуществил его обратный перевод с японского на китайский и опубликовал в Китае в 1933 г.¹

Ван Юньшэн
(1901–1980)

В рецензии на названный труд Ван Юньшэна вопросы, связанные с письмом Сунь Ятсена, вскоре после этого обсуждал Цзян Тинфу – будущий министр иностранных дел Китая². Примерно в это же время английский текст документа, опубликованный в свое время в Китае, использовала в своей книге о Сунь Ятсене американская исследовательница Л. Шарман³.

Когда во время антияпонской войны в Нанкине возникло коллаборационистское правительство, это письмо было перепечатано в сборнике высказываний Сунь Ятсена о Японии, призванном оправдать сотрудничество Ван Цзинвэя с оккупантами⁴. Это вызвало бурю негодования патристически настроенных китайских историков, и они объявили этот документ японской фальшивкой, решительно отвергнув возможность того, что он мог иметь какое-либо отношение к вождю китайской революции.

Цзян Тинфу
(1895–1965)

Л. Шарман в своей биографии Сунь Ятсена, касаясь проблемы подлинности разбираемого письма, хотя и высказывалась весьма осторожно, все же пришла к выводу о том, что оно не могло быть подделкой.

В 60-х гг. прошлого века к этому тексту обратился американский исследователь М. Джэнсен. Он высказал мнение, что до того как документ был найден Ватанабэ, можно было сомневаться в его подлинности, но после

¹ 王云生。六十年来中国与日本 (Ван Юньшэн. 60 лет китайско-японских отношений). Т. 1–6. Тяньцзинь. 1933.

² 蒋廷黻。民国初年之中日关系 (Цзян Тинфу. Китайско-японские отношения в начальный период Китайской Республики) // Дагунбао, 18 сентября 1933 г.

³ Sharman L. Sun Yat-sen. His Life and its Meaning. Stanford. 1934. P. 187–190.

⁴ China and Japan: Natural Friends — Unnatural Enemies. A Guide for China's Foreign Policy by Sun Yat-sen. Shanghai. 1941. P. 1–7.

публикации оригинала приходится признать, что автором письма является не кто иной, как Сунь Ятсен¹.

В исследовании о внешнеполитических концепциях Сунь Ятсена С. Л. Тихвинский не ставил под сомнение подлинность письма². С мнением о достоверности письма вслед за ним согласился и Г. В. Ефимов³.

Между тем большинство тайваньских историков продолжало настаивать на том, что письмо Сунь Ятсена является подделкой.

В 1980 г. Пэн Цзэчжоу опубликовал на эту тему специальную статью, в которой обнаружил фотокопию оригинального китайского текста документа, который в свое время был сфотографирован им в библиотеке Университета Васэда. Автор привел конкретные соображения, не позволявшие ему согласиться с утверждением о том, что автором письма является Сунь Ятсен⁴.

Эта статья Пэн Цзэчжоу была помещена в тайваньском журнале «Далу цзачжи» с примечанием от редакции, в котором говорилось: «Судя по всему, это секретное письмо японскому премьер-министру было подделано японцами по указанию самого Окума, чтобы он мог использовать фальшивку для оказания давления на Юань Шикая»⁵.

В 1987 г. в Тайбэе была опубликована книга о Сунь Ятсене, принадлежащая перу известного тайваньского историка и политического деятеля Ли Ао.

В ней автор отверг все высказывавшиеся ранее сомнения относительно подлинности письма, о котором идет речь, хотя и ограничился лишь констатацией своей позиции, не рассматривая всех конкретных возражений оппонентов. При этом он с сарказмом писал о том, что гоминьдановские власти так и не решились опубликовать это письмо Сунь Ятсена⁶.

Однако в 1989 г. этот важный документ был без каких-либо комментариев включен в вышедший на Тайване 4-й том «Полного собрания сочинений Отца Государства»⁷.

¹ Janson M. The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge. 1967. P. 189.

² Тихвинский С. Л. Сунь Ят-сен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. 189–191.

³ Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1922. М. 1981. С. 28.

⁴ 彭泽洲. 检讨中山先生致大隈首相书的真实性 (Пэн Цзэчжоу. О подлинности письма Сунь Ятсена премьеру Окума) // Далу цзачжи. 1980. № 6. С. 249–258.

⁵ Там же. С. 258.

⁶ 李敖. 孙中山研究 (Ли Ао. Исследование о Сунь Ятсене). Тайбэй. 1987. С. 114.

⁷ Сунь Ятсен — Окума, 11 мая 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 310–313.

Нужно отдать должное смелости Ли Ао, с которой он отстаивал свои научные убеждения

Наконец, в 1991 г. была опубликована статья Чэнь Цзайцзюня, который, не приводя каких-либо доказательств в пользу своей точки зрения, сообщал читателям, что его собственные исследования позволяют признать письмо Сунь Ятсена премьеру Окума подлинным документом¹.

Вопрос о подделке был, таким образом, как будто бы снят. Тем не менее авторы этой книги считают необходимым вернуться к исследованию Пэн Цзэчжоу, поскольку выдвинутые им аргументы в пользу подделки никогда не рассматривались историками.

Кроме того, вплоть до недавнего времени продолжали раздаваться голоса, солидаризировавшиеся с выводами Пэн Цзэчжоу².

Пэн Цзэчжоу привел три аргумента, опровергающих, с его точки зрения, подлинность письма Сунь Ятсена премьеру Окума.

Во-первых, полагал этот автор, по почерку письма можно судить о том, что оно не было написано рукой Сунь Ятсена.

¹ 陈在俊。中日关系史上一桩重大疑案的辩证。上 (Чэнь Цзайцзюнь. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 1) // Цзиньдай чжунго. 1991. № 83. С. 177.

² См., например, 彭泽洲 “检讨中山先生致大隈首相书的真实性” 论文的历史意义 (Историческое значение статьи Пэн Цзэчжоу «О подлинности письма Сунь Ятсена премьер-министру Окума») // http://blog.sina.com.cn/s/blog_4c4f7f980100b0nw.html.

Во-вторых, д-р Сунь не мог быть автором письма потому, что в тексте неоднократно употребляются чисто японские названия стран – «Чжина» 支那 вместо «Чжунго» 中国 (Китай), «Фо» 佛 вместо «Фа» 法 (Франция), «Ми» 米 вместо «Мэй» 美 (Америка) и т. д., которые Сунь Ятсен в своих письмах японским адресатам не использовал.

В-третьих, если сравнить стоящую в конце письма подпись с другими подлинными образцами, несомненно, выполненными рукой Сунь Ятсена, то обнаруживаются определенные отличия в написании иероглифов «сунь» 孙 и «вэнь» 文. Оттиск приложенной к документу печати также вызывает сомнения в его подлинности¹.

Первый аргумент Пэн Цзэчжоу вполне убедителен и может быть полностью принят. Письмо графу Окума написано четким уверенным почерком, тогда как Сунь Ятсен вовсе не обладал талантами каллиграфа и писал обычно весьма небрежно.

Текст документа, несомненно, был переписан кем-то другим. А как дело обстоит с подписью «Сунь Вэнь», стоящей в конце письма?

Пэн Цзэчжоу полагал, что графические особенности этой подписи выдают бесспорный факт подделки письма. Для доказательства этого он привел в своей статье шесть примеров того, как расписывался лидер китайской революции. Ни один из них не аналогичен подписи, стоящей под письмом, о котором идет речь.

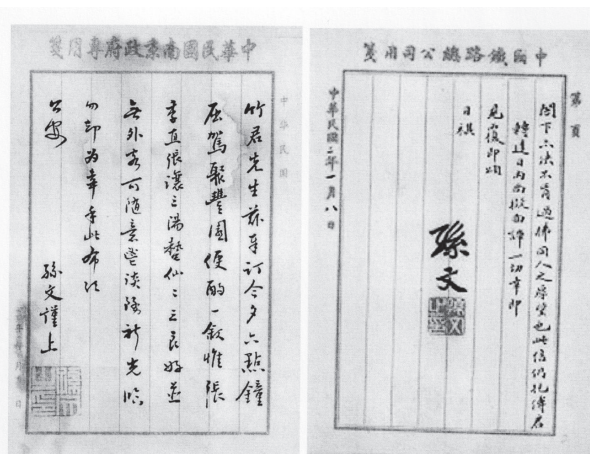
Но, как ни странно, автор сопоставляет эту подпись с образцами, относящимися не к тому периоду, когда было написано письмо Окума, а к гораздо более позднему времени. Из шести приведенных автором примеров первый датируется 1918 г., второй — 1922 г., третий – 1923 г., четвертый, пятый и шестой — 1924 г.

Между тем можно утверждать, что Сунь Ятсен в своей жизни дважды менял свою подпись. Для этого достаточно сопоставить его автографы, относящиеся к 1912 г., от 1913 г. до 1917 г. и, наконец, к более поздним годам его жизни.

Сравнение показывает, что подпись на разбираемом нами документе практически неотличима от подлинных автографов Сунь Ятсена 1914–1915 гг.

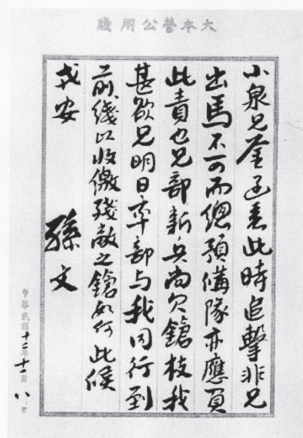
Таким образом, этот аргумент Пэн Цзэчжоу бьет мимо цели.

¹ Пэн Цзэчжоу. О подлинности письма Сунь Ятсена премьеру Окума. С. 254–255.

① 1912 г.

② 1913 г.

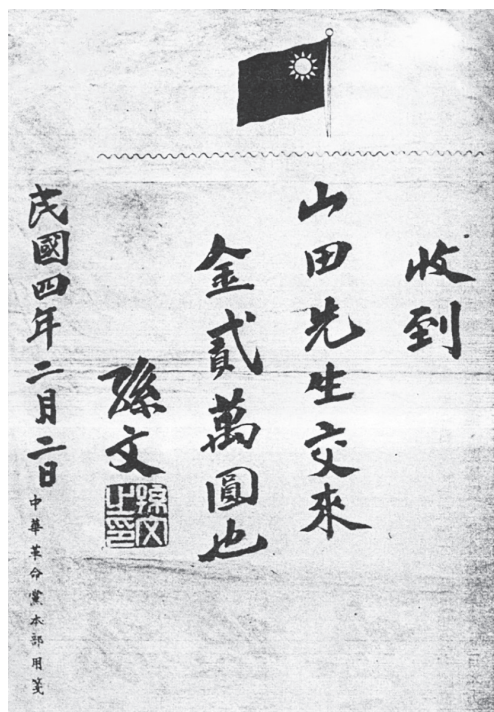
③ 1923 г.

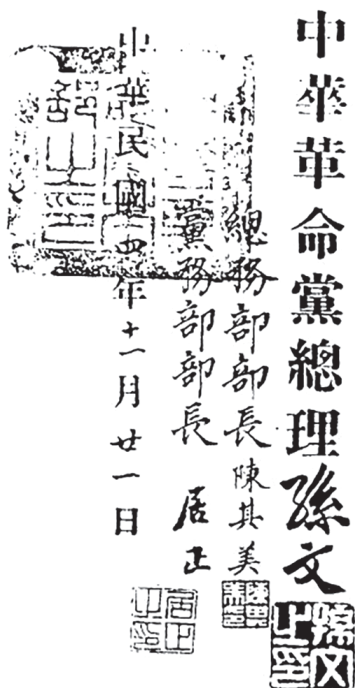
Подписи Сунь Ятсена

(1 — под письмом премьеру Окума; 2 — май 1914 г.; 3 — февраль 1915 г.;
4 — март 1915 г.; 5 — ноябрь 1915 г.)

Точно так же обстоит дело и с оттиском личной печати Сунь Ятсена, который не обнаруживает сколько-нибудь существенных отличий от других аналогичных оттисков, датировемых 1915 г.:

2 февраля 1915 г.

21 ноября 1915 г.

Наконец, Пэн Цзэчжоу утверждал, что подделку выдает употребление в тексте географических названий, характерных для японского языка и не свойственных китайскому. С этим доводом также невозможно согласиться.

Действительно, в своих письмах, адресованных японцам, Сунь Ятсен нередко употреблял обычные названия «Чжунго» (Китай), «Мэйго» (Америка) и т. д. Однако, если перелистать его эпистолярное наследие, нетрудно убедиться в том, что он постоянно использовал в своих письмах японским адресатам те самые названия, которые Пэн Цзэчжоу считает чисто японскими.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что составители 4-го тома «Полного собрания сочинений Отца Государства» были правы, признав неубедительными все высказывавшиеся ранее сомнения в подлинности письма Сунь Ятсена премьер-министру Окума от 11 мая 1914 г.

在美致宗方小太郎盼啓導日本輿論及政府同情中國革命函^①

民前一年六月二十一日（一九二一年七月十六日）

宗方君閣下：得接六月念一日來書，如見故人顏色，喜不可言。公過檀香山時，弟失之交臂，不克重逢話舊，良屬悵然。近日支那革命風潮飛騰千丈，大非昔年之比，實堪告慰於表同情者也。而弟所交游者以貴國人爲多，則日本人之對於支那之革命事業，必較他國人爲更關切，爲吾人喜慰者必更深也，他日唇齒之交將基於是。弟之視日本無異第二之母邦，獨惜近日吾國少年志士，每多誤會貴國之經營滿洲爲不利於支那，此種輿情，殊非將來兩國之福也，弟每辨解，

致萱野長知請將日本對華政策見告函^①

民前一年四月二十二日（一九二一年五月二十日）

萱野我兄大鑒：正月二十二日來翰，早經收到。前數週弟道過芝加哥，曾訪貴親戚大塚太郎，甚蒙歡迎。惟弟尚未談及款事，因見彼甚爲匆忙，無機言之。數週之後，弟再過芝加哥，到時如有機緣，當言之也。弟明日往米京，見彼外部大臣，並一二元老及其他政界之有勢力者。此間人士，漸留意於支那問題矣，想不日必能得其實力之助也。

弟回日本之問題，何時可以辦到？現聞內閣已更變，其後之對支那政策如何？望足下詳以告我。有信仍照前時地址寄來便妥。此候大安不一。弟孫文謹啓。五月二十日寫。

致宮崎寅藏商赴日本問題並詢東亞大勢各事函^①

民前一年四月二十二日（一九二一年五月二十日）

宮崎先生大鑒：前兩月弟曾寄日銀百圓，托橫濱永新祥商店林清泉君交來，未知得收到否？弟近日由加拿大到米國，明日往米京，專爲見彼政界勢力人士，想可得好結果也。近聞東京內閣變更，未知對支那政策有改換否？弟入日本之問題，能否向新內閣再開談判？邇來東亞大勢如何？日本人心如何趨向？請時時詳告，俾得有所取資決策。犬養、頭山等公所發起之東亞義會，進行如何？付和者衆否？亦望順爲示知。此致，即候大安不一。弟孫文謹啓。五月二十日寫。

Письма Сунь Ятсена, в которых он употреблял названия государств, принятые в Японии

Оптимизм сменяется разочарованием

Косвенными свидетельствами подлинности письма Сунь Ятсена японскому премьер-министру Окума являются события, имевшие место летом–осенью 1914 г.

До свиданья, друг мой, до свиданья!

В конце мая — начале июня 1914 г. Сунь Ятсен и Хуан Син обменялись письмами, смысл которых, видимо, не был до конца понят современными исследователями, вследствие чего об этой переписке одни упоминают лишь вскользь, другие же вообще умалчивают. Между тем, на наш взгляд, она заслуживает сугубого внимания.

29 мая Сунь Ятсен получил от Хуан Сина письмо, содержание которого нам неизвестно, и ответил на него.

В этом письме д-р Сунь вновь излагает свои претензии к Хуан Сину, не прислушавшемуся к мнению вождя и тем обрекшему «Вторую революцию» на поражение.

Он писал:

После Второй революции ты по-прежнему не соглашаешься с моей точкой зрения, а твоя точка зрения ошибочна. Почему я имею основания говорить так?

Если бы ты тогда прислушался к моим словам и немедленно после убийства Сун Цзяожэня начал вооруженное выступление, то в руки Юань Шикая не попал бы ни флот, ни шанхайские фабрики, ни сам Шанхай, ни Цзяцзян. К тому же, если бы военные действия были начаты незамедлительно, Юань Шикаю не удалось бы получить заем и он не смог бы подкупить членов парламента, подкупить армию, подкупить прессу, чтобы овладеть общественным мнением. В тот момент у нас были стопроцентные шансы на победу, а ты не понял этого. <...>

Сегодня твои намерения по-прежнему не совпадают с моими, так что твой отказ вступить в партию понятен. Поэтому я уважаю твой выбор и испытываю радость по поводу того, что ты не вступаешь в партию!¹

Сунь Ятсен не оговорился. Он недвусмысленно повторил свое мнение еще раз:

¹ Сунь Ятсен — Хуан Сину, 29 мая 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 313.

兄兄星來示悉所言之是也。以兄不入會，致致致是，是大錯。特錯差兄之不入會，弟甚滿。是以宋安發生之後，彼此主張已極端衝突。第二次失敗後，兄仍不能見及弟所主張，是日與兄見所主張是錯，何以言之？若兄當日能聽弟言宋安發生之日，立即動兵，則海軍也，上海製造也，上海也，九江也，猶未除袁氏之手，況此時動兵，大借款必無成功。則袁氏斷不能收買，收買軍事，除收買報館，以推翻袁氏，此時之機，吾党有自勝之道，兄見不及此。

及錯點已成大害，已者四節，皆已華弟始運動第八師，當長於冒險，一戰以求一戰，所謂又為兄所阻，不成此等情節，則弟必不滿於兄之處也。及今圖第三次，弟欲完全責任，願附從者，必當能然。聽兄之言，令兄主張，但與弟不同，則不入會者，宜也。此弟之所以敗，而滿止者，也。弟有所求於兄者，則望讓裁，此第三次之界限。以二年為期，此期不所兄，不繼續出，而任弟當讓，裁辦，如弟功則兄出，而任弟治之。此時弟決意一到，則係以道生年之志，以道生年之志，今在華中，有一極重要之要求，兄解決者，則止。兄之親信，部下，對於外，自後切勿再與團軍界，俱是隱憂。先生之令，無人踐踏，文之令，若孫文，的乎，若一理之無，和力，年，此生及無缺。

度之亡，今月，此等流言，由兄部下，確有，有據，雖無大碍，而地日，事成，則不免生出反動之力，兄如能俯聽，由弟力禁止，必止也。則有賜於弟，實多矣。

至於英士，所不滿者，於兄之有，多屬金錢問題，據彼所稱，上海商人，當士兄，度，若干，數，若干，英士，向來皆為兄解，樹之，斷無此事，至數日前，報低載，兄在東京，建造房屋，英士，天仇，暗和日，友，解，樹，天仇，且，啟，更，僅，全，能，能，至，正，有，日，人，阻，之，謂，不，可，要，則，天，仇，指，發，信，問，官，時，意，以，為，必，不，能，之，面，吾，乃，與，該，報，報，論，不，料，實，情，因，信，以，為，兄二人，遂，大，失，和，並，從，而，生，出，反，動，之，理，以，此，此，事，亦，是，則，從，前，人，言，稱，市，真，矣，而，傳，真，的，如，兄，度，止，是，又，是，一，無，良，心，之人，身，之，之，英士，之，此，種，心，理，就，是，數，日間，所，生，者，也，如，兄，能，以，理，由，解，釋，之，後，

不可明白也

以上則兄與英士及相誤會之要害，惟此乃忽而入會之事，則甚無謂也。

且金錢之事，弟向不在意，有無亦不能置問，且弟金錢不取一錢，改心止之，問，不，近，世，人，眼，淺，每，以此為注意耳，今兄與英士之衝突，在此點，請二人見面，詳為解釋，便可，弟不必在場也。

弟所押之人，若今後若仍取認弟，弟亦勉者，必當完全服從，勉之，今因弟二次之失敗，全在不聽我之言，今再所以今後弟欲為真，勉之，不欲為假，勉之，歷，故，事，權，統一中國，而，有，救，世，也，此，覆

陳文 五月廿九日

Письмо
Сунь Ятсена
Хуан Сину
от 29 мая 1914 г.

Ты пишешь, что нападки на тебя со стороны Чэнь Цимэя объясняются тем, что ты отказался вступить в партию. Это ошибка, большая ошибка! Я очень рад тому, что ты не вступаешь в партию!¹

Высказав это неожиданное суждение, автор письма обращался к своему визави с не менее странной просьбой.

Дай мне два года на то, чтобы я мог заняться делами Третьей революции. Если я за это время не смогу добиться успеха, ты вновь вернешься к исполнению своих обязанностей. Я предоставлю тебе возможность действовать по собственному усмотрению².

Хуан Син отреагировал на письмо пространным посланием, в котором писал Сунь Ятсену:

После прибытия в Японию я анализировал международную обстановку и ситуацию внутри нашей партии, думал о причинах нашего поражения и о будущих трудностях. <...>

Если наша партия <...> займется коренными проблемами, <...> не будет стремиться как можно скорее преуспеть в не имеющих большого значения силовых акциях, не будет устрашать обывателей неподобающими заявлениями, а будет вместо этого <...> правильным то, что в прошлом было правильно, и неправильным то, что было неправильно, не боясь признать это перед лицом своих соотечественников, в этом случае авторитет нашей партии постепенно может быть восстановлен.

Отвечая Сунь Ятсену по поводу того, что тот радуется отказу своего товарища вступить в Гоминьдан, Хуан Син писал:

Я весьма благодарен Вам за эти слова. Они отрицательно повлияют на перспективы [нашего движения], но благоприятно скажутся на моей деятельности.

Вы требуете от меня, чтобы я устранился на два года ради Третьей революции <...>. Я же думаю, что цель будущей революции — осуществление преобразование политического строя, и участие в ней — призвание человека, а не торговля по поводу привилегий членов какой-то корпорации. <...> Поэтому прошу Вас впредь больше не упоминать об этом. Если у меня будет случай [участвовать в революции], я сделаю все, что в моих силах, и можно быть уверенным в том, что ничем не помешаю Вам.

Свое письмо Хуан Син заканчивал словами:

В Ваших руках ныне большое дело. Будучи Вашим другом, я высказал Вам свои соображения и очень надеюсь, что Вы примете их. Это было бы для меня ни с чем не сравнимым счастьем.

¹ Там же.

² Там же.

克兄望長函誦悉甚感感
情然弟終以為欲建設一完
善民國非有弟之志非行弟
之法不可 兄所見既異不肯附
後以再圖第三次之革命則弟
甚望 兄能靜養兩年俾弟
一試吾法若 兄分途並進以行
暗殺則殊礙吾事也並望甚

利袁之生而朴之如兄計畫
成功袁於旦夕^死殺則吾之
計畫必壞果爾則弟從此亦不
再聞國事矣是兄不肯懷
我良友^切勿以公事不投而
間之也幸甚

孫文
六月三日

Письмо Сунь Ятсена Хуан Сину от 3 июня 1914 г.

3 июня Сунь Ятсен снова написал Хуан Сину. Он начал это свое письмо многозначительными словами:

Я всегда был уверен, что создать подлинную Республику можно лишь в том случае, если следовать сформулированным мною целям и использовать предложенные мною методы!¹

И продолжал:

Ты думаешь иначе и, планируя Третью революцию, не намерен мне подчиняться, поэтому я и надеюсь на то, что ты согласишься на два года отойти от дел и дать мне возможность испробовать на практике мои методы. Если же ты будешь, действовать самостоятельно, <...> то ты нарушишь все мои планы.

¹ Сунь Ятсен — Хуан Сину, 3 июня 1914 г. // Там же. С. 314.

Письмо заканчивается следующим абзацем:

Впредь нам не следует обсуждать государственные дела, хотя в частном общении ты и остаешься моим добрым другом...¹

Хуан Син не ответил на это письмо. Его переписка с Сунь Ятсеном надолго прервалась.

Японские друзья Сунь Ятсена не были согласны с тем, что он столь резко оттолкнул от себя Хуан Сина. В августе 1914 г. Каяно и Миядзаки попытались восстановить status quo во взаимоотношениях двух наиболее влиятельных деятелей Гоминьдана и стали зондировать почву на предмет возвращения Хуан Сина в Японию, но тот никак не реагировал на это. Тогда Каяно, Миядзаки и Ван Тунъи уговорили Чэнь Цимэя заговорить об этом с Сунь Ятсеном. Но д-р Сунь был непреклонен².

После этого обмена письмами невозможно было представить себе, что Сунь Ятсен и Хуан Син когда-нибудь снова сфотографируются вдвоем

¹ Там же.

² 孙中山在日本活动密录。1913.8—1916.4。日本外务省档案 (Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. Август 1913 — апрель 1916. Из архива МИД Японии). Тяньцзинь. 1990. С. 686—687 (сообщение датировано 22 августа 1914 г.).

Почему Сунь Ятсен изменил свое отношение к отказу Хуан Сина вступить в Гоминьдан?

Когда Хуан Син и его единомышленники заявили, что не будут вступать в новую партию, д-р Сунь приложил максимум усилий к тому, чтобы переубедить своих оппонентов и тем самым предотвратить раскол еще не окрепшего Гоминьдана.

Неожиданное изменение отношения Сунь Ятсена к поведению своих бывших соратников требует объяснения.

Разумеется, не исключено, что новоиспеченный глава Гоминьдана просто устал уговаривать Хуан Сина и сделал вид, что всё к лучшему в этом лучшем из миров.

Однако если мы обратим внимание на даты, в голову придет иное объяснение.

Обратившись к премьер-министру Японии с подробно аргументированными предложениями, Сунь Ятсен явно надеялся на позитивный ответ и испытывал прилив воодушевления. Ему казалось, что, получив японскую помощь, он сможет без труда решить все трудности, с которыми он столкнулся во время подготовки Третьей революции.

Поэтому он был уверен в успехе предприятия даже и без помощи своего сподвижника.

Он, казалось, забыл о том, что, по его же собственному мнению, неудача Второй революции объяснялась отсутствием единства в лагере восставших, и готов был действовать теперь на свой страх и риск. Рассчитывая на скорую помощь японского правительства, он был исполнен радужных надежд.

Не меньшее воодушевление испытывал тогда и ближайший соратник Сунь Ятсена Чэнь Цимэй. Он заявлял:

Благодаря самоотверженным усилиям наших товарищей подготовка к Третьей революции в основном завершена. Мы планируем в ближайшие дни начать выступление на юге Китая. <...> А стоит революции начаться, как мы мгновенно овладеем одной-двумя провинциями. Когда эта цель будет осуществлена, мы с Сунь Ятсеном немедленно вернемся в Китай. И еще: я уже договорился с Сунь Ятсеном, что, захватив одну-две намеренные провинции, мы прежде всего назначим японцев на должности полицейских советников и военных инструкторов¹.

¹ Там же. С. 690 (сообщение датировано 12 сентября 1914 г.).

Универсальные магазины — вот что нам нужно

Соображения по поводу тех благ, которые предназначались Японии в случае, если бы она помогла Сунь Ятсену свергнуть Юань Шикая, не убедили японского премьера. С его точки зрения, Гоминьдан был слишком слаб и разобщен внутренними противоречиями. Делать ставку на него в большой дипломатической игре Окума счел опасным. Ответа на обращение Сунь Ятсена не последовало.

Но сам автор письма был уверен, что изложенные им предложения наверняка будут приняты японским правительством.

У Сунь Ятсена, казалось бы, были все основания для того, чтобы видеть будущее в розовом свете.

28 мая 1914 г. заместитель начальника Общего отдела Гоминьдана Се Чи записал в своем дневнике:

Получил сведения о том, что [представитель] японского Генерального штаба встретился и беседовал с Инши¹ (переводил [Хуан] Фушэн). А несколько дней тому назад [представители] штаба японского флота и армии якобы выразили желание оказать помощь нашей партии².

На следующий день Се Чи попытался узнать подробности этой встречи у Хуан Фушэна. Тот не отрицал сам факт переговоров, но отказался сообщить их детали; Се Чи пришел к выводу, что причиной тому была секретность переговоров³.

Судя по всему, Сунь Ятсен воспринял действия представителей японского командования как свидетельство позитивной реакции премьер-министра на письмо от 11 мая. В действительности это было не так. Как мы уже отмечали выше, в вопросе о том, кому помогать в Китае — Юань Шикаю или силам, выступавшим против него, — японский генералитет занимал принципиально иную позицию по сравнению с Министерством иностранных дел. Но Сунь Ятсен, по-видимому, не знал этого.

Летом 1914 г. д-р Сунь был преисполнен оптимизма и с воодушевлением писал вдове Гомера Ли:

Я рад сообщить Вам, что моя работа продвигается успешно. Вот-вот наступит решающий момент, и реакционное правительство потерпит окончательное поражение⁴.

¹ Инши — второе имя Чэнь Цимэя.

² Дневник Се Чи, 28 мая 1914 г. // 谢持日记未刊稿 (Непубликовавшийся дневник Се Чи). Т. 1. Гуйлинь. 2007 (далее — СЧ). С. 202.

³ Там же, 29 мая 1914 г. // СЧ. Т. 1. С. 203.

⁴ Сунь Ятсен — Э. Ли, 13 сентября 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 323.

Будучи абсолютно убежден в том, что японское правительство в ближайшее время окажет ему помощь для свержения Юань Шикая, лидер Гоминьдана уже заглядывал в будущее — в то время, когда «Третья революция» будет завершена и на повестку дня встанут вопросы хозяйственной деятельности возглавляемого им правительства.

Для решения этих вопросов в голове Сунь Ятсена уже созрел план, которым он поспешил поделиться со своими зарубежными друзьями.

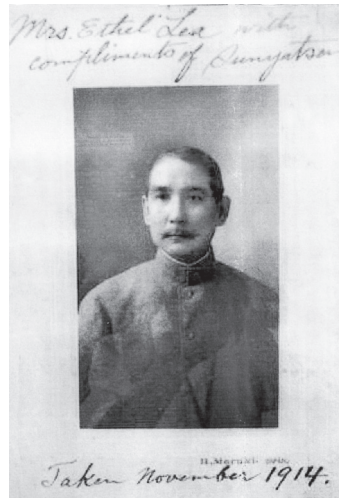
Речь, как всегда, зашла о деньгах. Сунь Ятсен писал Этель Ли:

Самая большая из всех трудностей, с которыми мы сталкиваемся, — это финансы. Но я уже знаю, как с помощью универсальных магазинов разрешить эту трудность. Не могли бы Вы помочь мне, найдя людей, сведущих в этой области? Если Вы сможете найти таких людей, захотят ли они приехать сюда для того, чтобы помочь нам справиться с этой трудностью?

Как Вы знаете, из-за недостатка твердой монеты в военное время бумажные деньги девальвируются торговцами. Но если во всех городах будут открыты универсальные магазины, мы сможем поддержать ценность бумажных денег. Всегда бывает так, что в каком-то одном городе скапливаются излишки того или иного товара, тогда как в других городах наблюдается его дефицит. Если же удастся наладить товарооборот, эту проблему нетрудно будет решить¹.

Позднее он уточнял:

Цель моего плана открытия универсальных магазинов заключается в том,

Фотография Сунь Ятсена, преподнесенная им в подарок Этель Ли

Этель Ли

¹ Сунь Ятсен — Э. Ли, 17 июня 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 316.

чтобы хотя бы отчасти решить финансовые трудности и способствовать развитию торговли в период революции, поскольку, как Вы знаете, финансы Китая целиком и полностью контролируются иностранными банками. Когда начинается война, это неизбежно сказывается на развитии торговли, от чего страдают граждане страны. Мой план призван преодолеть эти тяготы, и я надеюсь, что никто не будет возражать против него¹.

Сунь Ятсен добавлял:

Недавно мне написал наш друг г-н Дэйтрик, и я уполномочил его заниматься этим делом. Поэтому впредь не буду беспокоить Вас по этому поводу².

Джеймс Дэйтрик, бизнесмен из Кентукки

Сунь Ятсен впервые вступил в контакт с Дэйтриком в 1912 г., когда его мысли были заняты железнодорожным строительством.

В архиве Дэйтрика в Стэндфордском университете хранится более 20 его писем, адресованных Сунь Ятсену. Из них явствует, что предприимчивый американец предлагал экс-президенту Китая финансовую помощь в расчете получить определенные привилегии для ведения своих дел в Китае.

Позднее их переписка надолго прервалась, и вот теперь Дэйтрик вновь написал Сунь Ятсену и предложил ему свое содействие в решении новых проблем, стоявших перед лидером Гоминьдана.

В ответном письме Сунь Ятсен обратился к Дэйтрику с просьбой приложить усилия к тому, чтобы воспрепятствовать получению Юань Шикаем материальной помощи из-за океана.

Но главное, в чем он видел поле их совместной деятельности, состояло в другом, относящемся ко времени «после завершения военных действий и победы революции»:

Революционная война — дело несложное. Большие трудности ожидают нас в ходе послевоенного строительства. И в этом отношении Вы можете во многом помочь мне³.

И далее Сунь Ятсен изложил Дэйтрику свой план создания в Китае сети универсальных магазинов, о чем он уже рассказывал Э. Ли.

¹ Сунь Ятсен — Э. Ли, 13 сентября 1914 г. // Там же. С. 323.

² Там же.

³ Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 14 августа 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 319.

26 Reinanryaka Akasaka,
Tokio, Japan.
Aug. 14, 1914.

Dear Mr. Dietrich: Many thanks for
your kind and welcome letter of
July 10th. You can be of great
service to me and my Cause
in America at this juncture.
First of all, try your best to stop
any loan which Yuen Shi Kai may
attempt to raise in America. At
present he cannot get any more
loan from Europe, and I am told
that he intends to give great
inducements to American Capitalists
to secure money which is his
only power; and he is going to

Первая страница письма Сунь Ятсена Дж. Дэйтрику от 14 августа 1914 г.

В Соединенных Штатах организация по снабжению населения товарами – вещь обычная. В Китае же этого еще нет, как нет никого, кто был бы сведущ в вопросах управления такого рода предприятием. Если оно появится в Китае, то я уверен, что Вам будет нетрудно найти для меня соответствующего специалиста. <...>

Я готов предоставить ему привилегии в сфере налаживания товарообращения по всему Китаю при условии, что он сможет дать нам в долг 10 миллионов долларов¹.

В одном из последующих писем Сунь Ятсен пояснял, что он имеет в виду создание совместной компании, половина акций которой принадлежала бы американской стороне. При этом сказано, что упомянутые 10 миллионов долларов не имеют прямого отношения к дея-

¹ Там же. С. 320.

тельности компании: это лишь условие предоставления американскому бизнесмену права участвовать в совместном деле. А в случае, если таковой не заинтересован в проекте относительно универсальных магазинов, ему могут быть предоставлены привилегии в сфере железнодорожного строительства, разработки полезных ископаемых и т. д.¹

В этом письме, датированном 19 октября, мы впервые обнаруживаем, что речь идет уже не совсем о том, о чем она шла летом того же года: здесь открытым текстом говорится, что кредит в 10 миллионов долларов не имеет отношения к проекту организации в Китае универсальных магазинов. При этом отнюдь не случайно, что автор письма впервые упоминал об отрицательном отношении японского правительства к планам Гоминьдана:

Что касается позиции правительства Японии, то она вследствие существования англо-японского соглашения неблагоприятна для нас. Однако японский народ выражает солидарность с нами и нашим делом².

Позднее в письмах Сунь Ятсена, адресованных Дэйтрику, более ни слова не упоминается об универсальных магазинах. Теперь лидеру Гоминьдана было не до них. Ему стало ясно, что правительство Окума не намерено помогать ему в деле свержения Юань Шикая.

К тому же беда никогда не приходит одна. Сунь Ятсен писал Дэйтрику:

Неожиданно для нас произошло несколько прискорбных событий.

Во-первых, один из наших главных соратников г-н Фань Хунсянь убит приспешником Юань Шикая. Он пользовался большим авторитетом в войсках Севера, расквартированных в Шанхае и окрестностях, и способствовал тому, что их значительная часть перешла на нашу сторону.

Во-вторых, из-за того, что противник вел разведку, сорвалось соединение наших войск в Ханчжоу (Чжэцзян).

В-третьих, в ходе начатого несколько дней тому назад наступления на Кантон взять его не удалось из-за недостатка средств. В настоящее время вокруг Кантона идут бои и еще неизвестно, чем они закончатся.

Фань Хунсянь
(1882–1914)

¹ Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 19 октября 1914 г. // Там же. С. 328.

² Там же. С. 329.

Подготовка к совместным действиям в западных и северных провинциях завершена, но и тут ощущается недостаток средств. <...>

Я в настоящее время остро нуждаюсь в средствах. Можете ли Вы предоставить нам хотя бы 500 тысяч долларов наличными? Если да, то у меня по-прежнему будет возможность воспользоваться ситуацией и осуществить в конце этого или начале будущего года успешную операцию.

Если Вы сможете достать для меня указанную сумму, то будьте любезны приобрести десять или более новейших аэропланов и немедленно переправить их в Манилу капитану Гунну. Если же купить аэропланы Вам не удастся, приобретите двигатели (не менее 14 лошадиных сил) и соответствующее оборудование и детали к ним¹.

Сунь Ятсену, потерявшему к осени 1914 г. всякие надежды на японцев, приходилось искать иные источники материальной помощи. Дэйтрик, обладавший связями в деловом мире Соединенных Штатов, был, с его точки зрения, одним из таких потенциальных источников.

¹ Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 20 ноября 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 334.

Глава XII

Мечты, мечты! Где ваша сладость?

Началась мировая война

28 июня 1914 г. в Сараево был убит эрцгерцог Франц Фердинанд.

1 августа Германия объявила войну России. Началась мировая война. Китайское правительство объявило о своем нейтралитете.

Япония аннексирует Шаньдун

Като Такааки
(1860–1926)

Японские политические деятели сочли начало войны прекрасным поводом для осуществления своих давних экспансионистских замыслов, ставя первоочередной целью прежде всего овладение немецкими концессиями на территории Шаньдунского п-ва. Особую активность в этом отношении проявлял министр иностранных дел Японии Като Такааки.

Учитывая реальную ситуацию, Германия решила опередить японцев.

14 августа поверенный в делах России в Пекине В. В. Граве сообщил в Петроград о сделанном германской миссией предложении вернуть Циндао Китаю¹.

¹ Граве — Нератову, 18 августа 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия III (Далее — МОЭИ). Т. 6. Ч. 1. С. 122. Примеч. 2.

15 августа Япония предъявила Германии ультиматум с требованием вывести из Японского моря все военные корабли и передать Японии немецкие концессии в районе Цзяочжоу.

Граве писал в МИД:

Министр иностранных дел [Китая] не скрыл от меня вчера своих опасений, что, несмотря на торжественное обещание, Япония не вернет Циндао Китаю. Китайцы надеются, что державы Тройственного соглашения не допу-

стят японцев одних атаковать этот порт и что они примут участие в этой операции и затем настают на исполнении помянутого обещания¹.

Граве заявил китайскому МИД:

Германское предложение о непосредственном возвращении Циндао Китаю было бы в настоящий момент не доказательством благосклонности Германии к Китаю, но только признаком слабости. Принятие такого предложения со стороны Китая было бы теперь объяснено как косвенная поддержка, оказанная Китаем Германии и как нарушение нейтралитета. Подобный факт вызвал бы раздражение Японии и мог бы навлечь на Китай серьезные последствия².

19 августа министр иностранных дел Китая информировал дипломатических представителей Англии, Франции и России, что китайское правительство отклонило сделанное ему немцами предложение³.

23 августа Япония объявила Германии войну.

Российский посол в Японии Н. А. Малевский-Малевич писал в Петроград:

На вопрос мой, как отнесется Китай к неизбежному нарушению японскими осаждающими войсками китайского нейтралитета при высадке на Шаньдун, министр иностранных дел ответил мне под условием соблюдения тайны, что по взаимному соглашению Китай заявит Японии формальный протест, который не будет иметь последствий. Министр иностранных дел находит, что Япония вправе высадить свои

**Тройственное согласие
(плакат времен 1-й мировой войны)**

¹ Там же. С. 122.

² Граве — Сунь Баоци, 18 августа 1914 г. // Там же. С. 123.

³ Там же. Примеч. 1.

войска за пределами нейтральной полосы вокруг Цзяочжоу, так как немцы, сделав из последнего базу своих морских операций в японских водах, первые нарушили нейтралитет Китая¹.

Посланник России в Пекине В. Н. Крупенский докладывал министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

Вспыхнувшая в Европе война, распространившаяся отчасти и на Дальний Восток, привлекает к себе живейшее внимание китайского правительства, весьма опасаящегося возможных последствий в будущем для Китая как от неизбежного конечного изменения соотношения сил между великими державами, так и от временного предоставления Японии полной свободы действий на Дальнем Востоке, ввиду отвлечения всех сил остальных воюющих держав на европейский театр войны.

Симпатизируя в душе Германии, систематические усилия коей выставляют себя бескорыстным другом Китая не остались совершенно бесплодными, китайцы тем не менее всячески стараются держаться строго нейтрального положения, чтобы не быть обвиненными в содействии той или другой стороне и не поплатиться за это впоследствии. Прекрасно сознавая, однако, свое бессилие в военном отношении, Китай тщательно избегает прямого столкновения с воюющими сторонами,

**В. Н. Крупенский
(1869–1945)**

**Немецкая карта г. Циндао и его
окрестностей**

¹ Малевский-Малевич — Сазонову, 29 августа 1914 г. // МОЭИ. Т. 6. Ч. 1. С. 181.

чем и объясняется его молчаливое согласие под протестом на высадку и проход по китайской территории японских войск, отправленных против Цзяочжоу <...>¹.

Почувствовав свою полную безнаказанность, японские войска вышли за пределы зоны, определенной китайским правительством для ведения германо-японских военных действий, и заняли железную дорогу от Циндао вплоть до Вэйфана (Вэйсянь).

Крупенский информировал Сазонова:

Японские войска заняли Шаньдунскую железную дорогу до Вэйсянь к западу от зоны, определенной Китаем для военных операций. Китайское правительство заявило японской миссии протест против подобного нарушения нейтралитета Китая и просило о немедленном отзывании японского войска. О своем протесте китайцы уведомили английскую миссию, надеясь на воздействие Англии на Японию в желательном для них смысле. Хотя англичанам проникновение японцев и представляется весьма неприятным, вряд ли можно ожидать с их стороны серьезного выступления в этом вопросе. По словам моего английского коллеги, сам японский посланник как будто не одобряет принимаемых военными властями мер; но все же, по-видимому, японцы намерены захватить в свои руки железнодорожную линию до самого Цзинаньфу².

Протест китайского правительства остался гласом вопиющего в пустыне. Малевский-Малевич уточнял из Токио:

Говоря со мной о Шаньдунской железной дороге, министр иностранных дел сказал, что занятие ее было необходимо, так как железная

Пленные немцы

¹ Крупенский — Сазонову, 9 сентября 1914 г. // Там же. С. 229–230.

² Крупенский — Сазонову, 29 сентября 1914 г. // Там же. С. 234.

дорога является германским предприятием, непосредственно связанным с концессией Цзяочжоу. Хотя железная дорога германо-китайская, однако фактически она принадлежит германцам, которые ею пользовались и для военных целей. Протест Китая не будет, но мнению министра иностранных дел, иметь последствий, нося скорее формальный характер; при этом китайцам известно, что на всей линии не больше 500 японских солдат, которым настрого приказано не сходить с железнодорожной полосы, чтобы не нарушать нейтралитета Китая. На вопрос мой о дальнейшей судьбе Шаньдунской железной дороги министр иностранных дел ответил, что при ликвидации войны это выяснится, прибавив, что целью Японии является вытеснение германского влияния из Китая¹.

Китайские революционеры активизируют свою деятельность

Подобно японским политикам, полагавшим, что начало мировой войны предоставляет им долгожданный шанс в Китае, китайские революционеры во главе с Сунь Ятсеном также считали, что это редкая возможность начать «Третью революцию» и упускать этот случай никак нельзя.

Активизация их действий не могла пройти незамеченной пекинским правительством. Крупенский писал по этому поводу:

За последнее время, правда, замечается усиленная деятельность со стороны наиболее известных революционных вожаков, но правительство Юань Шикая, несомненно, может справиться с этой агитацией под условием, чтобы последняя не получила поддержки извне, т. е. от Японии. Возможность такой поддержки более всего устрашает в настоящую минуту пекинское правительство, сознающее, что если только Япония желает возникновения волнений в Китае, чтобы под их предлогом занять оккупационными отрядами наиболее интересующие ее пункты, то вызвать подобные волнения ей будет весьма легко, равно как и своей поддержкой сделать их опасными для Пекина.

Я не решусь, конечно, отрицать, что подобные опасные для целостности Китая замыслы не существовали у японского правительства. Положительных данных, однако, чтобы подозревать японцев в подготовке ныне в Китае новой революционной вспышки, у меня не имеется. Хотя здешние японские корреспонденты охотно говорят о вероятных в ближайшем будущем волнениях на юге, новый здешний посланник г-н

¹ Малевский-Малевиц — Сазонову, 8 октября 1914 г. // Там же. С. 382.

Хиоки с большой утвердительностью заявил мне, что имеющиеся у него сведения не позволяют ожидать ничего подобного. Со своей стороны, и мой великобританский сотоварищ, вообще далеко не отличающийся японофильством, выразил мне уверенность, что в настоящую минуту Япония не задается целью вызвать в Китае внутренние осложнения¹.

Было бы, разумеется, странно, если бы в сложившейся ситуации японский посланник стал предупреждать Пекин о готовившихся на юге Китая антиправительственных выступлениях. Что до утверждения английского дипломата, то лучшим мерилom его справедливости была реакция Токио на ноту Пекина относительно проживающих в Японии китайских политических эмигрантов.

Лу Цзунъюй
(1876–1941)

9 сентября посланник Китая в Токио Лу Цзунъюй передал в японское министерство иностранных дел ноту со следующими требованиями:

1) Японскому правительству следует удалить со своей территории китайских бунтовщиков, возглавляемых Сунь Ятсеном, Хуан Сином, Чэнь Цимэем и др., а также отказывать в приеме их единомышленников, находящихся в настоящее время в других странах.

2) Японское правительство должно передавать Китаю всех тех иммигрантов, против которых Пекин возбуждает уголовные дела.

3) Японское правительство должно пресекать любые проявления помощи китайским политическим иммигрантам со стороны японских граждан².

МИД Японии никак не реагировал на китайскую ноту. Идея Като Такааки была предельно проста: проживающие в Японии китайские революционеры были дополнительным рычагом давления императорского правительства на Китай.

Близкие к *рёнин* политические деятели шли еще дальше, обосновывая пользу от пребывания в Японии Сунь Ятсена и иже с ним. Тэрао Тору утверждал:

¹ Крупенский — Сазонову, 9 сентября 1914 г. // Там же. С. 230.

² Нота правительства Китая от 9 сентября 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 747.

**Муцу Мунэмицу
(1844–1897)**

[Японские] дипломаты выражают сомнения в отношении планируемой Сунь Ятсеном и Хуан Сином «Третьей революции», а общественные деятели считают, что для дипломатического курса Японии это прекрасная возможность, которая случается раз в тысячу лет. Помнят ли власти, что население нашей страны ежегодно увеличивается на 500 000 человек? В каком направлении будет развиваться такой прирост населения за последние 10 лет? Америка третирует Японию, и кроме соседнего Китая у него нет пространства для дальнейшего роста. <...>

Если правительство не может открыто содействовать революции в Китае, то оно по крайней мере должно установить контакт с революционерами и помогать им закусно. А после того как революция завершится успехом, Сунь Ятсен и Хуан Син окажутся в высшей степени полезными для нашей страны. Юань Шикай — глава китайского правительства, признанного державами, и наше правительство как таковое, разумеется, не может открыто поддерживать революционеров.<...> Но политика министра иностранных дел Като слишком прямолинейна, и создается впечатление, что барону не знакомы приемы европейской дипломатии. По сравнению с ним Муцу Мунэмицу и Комура Дзютаро¹ действовали гибче и изощреннее.

Двуличие несовместимо с самурайским духом, но такова уж дипломатия всех стран, и Японии незачем примерять на себя личину благородного мужа.

Я, Инукаи и Тояма считаем, что сейчас настал благоприятный момент для начала революции [в Китае], который нельзя упустить. Но Сунь Вэнь еще не готов из-за недостатка средств и некоторых других причин. С моей точки зрения, сейчас не следует дожидаться, когда мы сможем предоставить им большую сумму на военные нужды, достаточно минимальных средств, необходимых для начала восстания².

**Комура Дзютаро
(1855–1911)**

¹ Японские дипломаты эпохи Мэйдзи.

² 寺尾亨关于中国革命之谈话 (Тэрао Тору о революции в Китае), 14 сентября 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 691–692.

Со своей стороны, китайские политэмигранты во главе с Сунь Ятсеном продолжали надеяться на помощь со стороны японских властей и были готовы сторицей отблагодарить их.

Утида Рёхэй формулирует требования, которые следует предъявить Китаю

Главарь общества Кокүрюкай также не оставался в стороне от обсуждения злободневных вопросов.

29 октября 1914 г. он выступил с очереднымopusом, озаглавленным «Мнение о том, как разрешить китайскую проблему».

Первый раздел его был посвящен новым аспектам «китайской проблемы», обрисовавшимся после начала мировой войны.

Утида утверждал:

Сможет ли японское императорское правительство разрешить проблемы Дальнего Востока и осуществить политику нашей великой империи, целиком и полностью зависит от того, сможем ли мы искусно использовать общую ситуацию в мире для того, чтобы укрепить наши силы и выбрать реально осуществимый курс в отношении Китая. Если наши власти и наш народ будут относиться к нынешней войне в Европе индифферентно и без должного внимания, пренебрегая будущими итогами этой войны и сосредоточившись исключительно на вопросе Цзяочжоу, политика нашей великой империи неизбежно станет иллюзией, а допущенная ошибка будет намного большей, чем это можно себе представить. Мы не можем не высказать правительству наши предложения по поводу этой политики не потому, что мы любим спорить, а потому, что мы глубоко заинтересованы в процветании нашей страны¹.

Утида продолжал:

Сейчас — самый удобный момент для того, чтобы Япония смогла быстро разрешить китайскую проблему. Такой случай бывает раз в 1000 лет. Действовать без промедления — этого требует не только священная обязанность Японии, но и благоприятный момент, предоставляемый нам ситуацией в Китае. Мы должны без колебаний принять решение и начать действовать. Если наши власти не используют эту редкую возможность, им неизбежно придется нести суровую ответственность за урегулирование китайской проблемы в будущем. После войны Япония будет

¹ 解决中国问题意见书 (Мнение о том, как разрешить китайскую проблему) // 赵金钰. 日本浪人与辛亥革命 (Чжао Цзиньюй. Японские рёнин и Синьхайская революция). С. 185.

изолирована европейскими державами, и они дадут волю своей зависти по отношению к Японии так же, как сейчас это происходит с Германией. Разве немедленное решение китайской проблемы не является для Японии гранью между жизнью и смертью?¹

Сформулировав тезис о необходимости действовать незамедлительно, Утида подробно изложил то, что именно, с его точки зрения, необходимо предпринять японскому правительству.

Выполнит ли Япония свою священную миссию и посредством героических усилий разрешит китайскую проблему, заставив Китай по своей воле полагаться на Японию, — эта предельно важная задача зависит от избранного нами политического курса. У японского императорского правительства нет иного способа заставить Китай согласиться с уготованным ему положением, кроме как, используя предоставляющуюся ныне возможность обретения политической и финансовой мощи, любыми доступными средствами заключить [с Китаем] оборонительный союз на нижеследующих секретных условиях².

Условия заключения японо-китайского «оборонительного союза» включали 10 пунктов:

1. Если в Китае возникает внутренняя смута или Китай оказывается в состоянии войны с каким-либо государством (государствами), Япония направляет свои войска на помощь Китаю и несет ответственность за защиту его территории и поддержание мира и порядка.

2. Признавая особые права Японии в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, Китай передает Японии суверенитет над этими территориями, чтобы Япония могла на прочной основе осуществлять план обороны этого региона.

3. После того как Япония оккупирует район залива Цзяочжоу, она получает все ранее принадлежавшие Германии права на железную дорогу, разработку полезных ископаемых и пр. После восстановления мира и порядка в Циндао этот район передается Китаю и становится международным портом.

4. Имея в виду укрепление обороны Китая и Японии на море, Китай передает Японии права на концессию стратегически важных портов в прибрежной части провинции Фуцзянь, где создаются военно-морские базы. Японии передаются также все права на железные дороги и разработку полезных ископаемых.

5. С целью реформирования своей армии Китай поручает эту функцию японским инструкторам.

¹ Там же. С. 187.

² Там же. С. 188.

6. Для унификации вооружения и боеприпасов Китай впредь будет использовать оружие японского производства и создаст при содействии Японии оружейные заводы во всех стратегически важных пунктах.

7. Для создания и укрепления флота Китай приглашает японских инструкторов.

8. Для реформирования финансовой системы и методов сбора налогов Китай поручает эту работу Японии. Япония рекомендует способных финансистов, которых назначают на должности высших советников китайского правительства.

9. Китай приглашает японских специалистов в области образования в качестве советников. С целью повышения образовательного уровня населения во всех районах Китая повсеместно создаются школы с преподаванием японского языка.

10. Прежде чем заключить с другим государством соглашение о предоставлении займа, передаче концессии или уступке территории Китай должен предварительно получить согласие Японии¹.

Утида оговаривал, что до заключения японо-китайского оборонительного союза необходимо прежде всего выяснить вопрос об отношении к нему со стороны китайского правительства.

Японское правительство должно заблаговременно дать себе отчет в том, насколько прочны позиции нынешнего правителя Китая Юань Шикая, пользуется ли политика его правительства доверием большинства китайцев, согласится ли Юань Шикай с предложениями японского правительства и без задержек заключит с нами оборонительный союз. <...>

Если судить по поведению Юань Шикая вплоть до настоящего времени, в сношениях с другими государствами он нередко идет на компромиссы. Хотя внешне он может демонстрировать доброжелательность по отношению к нам, но на самом деле, опираясь на ту или иную великую державу, занимать по отношению к нам наиболее удобную для него позицию и отклонять наши предложения. Примером тому может быть его поведение по отношению к нам после объявления императорским правительством войны Германии. Мы можем судить по этому, какие действия он предпримет в будущем.<...>

Всё это было сочинено
«другом» Китая

¹ Там же. С. 188–189.

Мы уверены, что в случае, если в стране возникнет смута, Юань Шикай без помощи со стороны не сможет самостоятельно восстановить мир и объединить страну. В результате Китай окажется расчлененным на части, и управлять им будет невозможно. Возникновение подобной ситуации нетрудно предвидеть. А если она возникнет, должны ли мы помочь правительству Юань Шикая подавить смуту с тем условием, что он примет выдвинутые нами требования? Или нам следует помочь революционерам одержать верх, дабы использовать их в качестве орудия для достижения наших целей? Мы должны решить для себя этот вопрос, чтобы применить ответ на практике.

Если мы будем слепо поддерживать правительство Юань Шикая, не отдавая себе отчета о будущей судьбе Китая, заключим с Китаем оборонительный союз и окажем ему помощь в подавлении революционеров ради достижения наших целей, то это явно будет ошибочной политикой. Почему?

Потому что большинство китайского народа полностью утратило доверие к растерявшему свой авторитет Юань Шикаю, чьи позиции ныне крайне непрочны, и вся страна обвиняет его в том, что он торгует своей Родиной¹.

Если ставка на Юань Шикая была бы непρο-
стительной ошибкой, то что же предлагал Утида своему правительству?

Поскольку японское императорское правительство считает, что оно должно поддерживать китайцев, то нам следует содействовать китайским революционерам, обществу Цзуншэдан и прочим недовольным в их стремлении начать беспорядки в масштабе всей страны. Китай будет ввергнут в смуту, и правительство Юань Шикая падет. Тогда мы выберем из 400 млн китайцев самого сильного, самого известного человека, поможем ему организовать новое правительство и объединить Китай. Одновременно с этим наша армия должна помочь ему восстановить мир и порядок во всей стране, охранять жизнь и имущество граждан. В этом случае китайцы будут рады новому правительству, а оно будет доверять Японии и полагаться на нее. Только осуществив всё это, мы можем без труда достичь цели заключения оборонительного союза с Китаем.

Мы считаем, что сейчас настал самый подходящий момент для того, чтобы спровоцировать революционеров и иных недовольных на организацию беспорядков в стране. Они в данный момент не начинают активных

За или против него?

¹ Там же. С. 190.

действий потому, что у них нет достаточных средств. Если императорское правительство воспользуется этим обстоятельством, даст им денег взаймы и будет подстрекать их к беспорядкам, весь Китай будет охвачен смутой, а мы сможем вмешаться и без труда уладить дело. <...>

Мы можем упустить удобный момент, который уже не повторится. Мы должны использовать этот случай и ни в коем случае не должны проявлять колебаний. Зачем нам ждать, когда революционеры и недовольные начнут действовать по собственной инициативе? Почему мы не можем сами заранее составить план их действий?¹

Но и этого автору «Мнения» казалось мало:

Когда мы обращаемся к вопросу о политическом строе Китая, мы должны спросить: «А соответствует ли республика национальным особенностям Китая? Отвечает ли она мыслям и пожеланиям китайского народа?» Если мы сравним достигнутое ею с момента создания Китайской Республики до настоящего времени с тем, что нужно было сделать в смысле администрации и объединения страны, то, с нашей точки зрения, всё оказывается неудовлетворительным. Даже революционеры, которые вначале высказывались в пользу республиканского строя, и те признают, что ошиблись.

Сохранение в Китае республиканского строя будет главным препятствием на пути заключения будущего китайско-японского оборонительного союза. Почему это так? Потому что в условиях республики основные принципы правительства, общественное устройство и нравственные критерии как небо от земли отличаются от государства с конституционной монархией. Противоречат друг другу их законы и административная система. <...> Поэтому, чтобы радикально реформировать китайское правительство, заключить китайско-японский оборонительный союз, гарантировать длительный мир на Дальнем Востоке и реализовать политику японской империи, мы должны использовать нынешний случай и преобразовать республиканский строй Китая в конституционную монархию².

И, наконец, заключительный аккорд:

Если Китай сменит республиканский строй на конституционную монархию, то в вопросе выбора нового правителя будем мы за реставрацию императора Сюаньтуна, или выберем самого способного человека среди членов общества Цзуншэдан или же найдем самую авторитетную личность в Революционной партии? По нашему мнению, лучше всего не обсуждать сейчас этот вопрос, отложив его до того момента, когда это будет насущно необходимо³.

¹ Там же. С. 191.

² Там же. С. 191–192.

³ Там же. С. 192.

О Сунь Ятсене в записке Утида вообще не упоминалось. С некоторых пор их отношения утратили прежнюю душевность. За все время пребывания Сунь Ятсена в Японии они не встречались ни разу.

«Двадцать одно требование»

Прочтя «Мнение» Утида, министр иностранных дел Като Такааки отверг ряд изложенных в нем идей, но всё же извлек для себя кое-что полезное. Оно вскоре было реализовано на деле.

Предварительные телодвижения

Для обсуждения проблем, связанных с грядущими переговорами, был вызван посланник в Китае Хиоки Масу.

Хиоки полагал:

Императорское правительство заняло Циндао, и военные действия завершились. Мощь империи потрясла заморские страны. В то же время война в Европе набирает обороты. Сейчас самое время предъявить Китаю наши требования¹.

По мнению Хиоки, переговоры с правительством Юань Шикая должны стать итогом дипломатических и военных усилий императорского правительства. С другой стороны, если на этих переговорах не удастся добиться успеха, это может серьезно повлиять на перспективы дипломатической деятельности правительства и нанести ущерб его международному престижу и внутреннему положению в стране. Поэтому, подчеркивал Хиоки, до начала переговоров следует тщательно предусмотреть все детали, отработать текст требований и продумать обоснование каждого пункта.

Основная идея Хиоки заключалась в том, что успех переговоров может быть обеспечен лишь в том случае, если японская сторона будет вести их, применяя методы кнута и пряника.

¹ 日本驻华公使日置益致日本外箱加藤高明“关于对中国提出要求之拙见”(Японский посланник в Китае Хиоки Масу — министру иностранных дел Японии Като Такааки «Мое мнение о предъявлении требований Китаю»), до 3 декабря 1914 г. (точная дата неизвестна) // 中日“二十一条”交渉史料全编 (Полный свод исторических материалов о китайско-японских переговорах относительно «21 требования»). Хэфэй. 2001. С. 12.

В ноябре 1914 г. японский посланник в Китае вернулся в Токио для подготовки переговоров с пекинским правительством

Что касается сущности выдвигаемых нами требований, то китайская сторона, пожалуй, не понимает, что усиление мощи [японской] империи — это залог благополучия Китая и умиротворения общей ситуации в регионе. Она будет рассматривать их исключительно как проявление наших корыстных устремлений и может не принять их. Поэтому мы должны использовать любую представившуюся возможность для того, чтобы сочетать угрозы с обещаниями, не забывая при этом и о других приемах¹.

В качестве пряника у японской стороны были, как полагал Хиоки, следующие обещания:

1. При соблюдении определенных условий вернуть район залива Цзяочжоу Китаю.
2. Гарантировать безопасность президента Юань Шикая и его правительства.

**Хиоки Масу
(1861–1926)**

¹ Там же. С. 13.

3. Решительно пресекать антиправительственную деятельность находящихся в Японии революционеров, членов общества Цзуншэдан, китайских студентов и японских *рёнин*.

4. Оказывать поддержку президенту Юань Шикаю и членам его кабинета.

5. Согласиться на пересмотр таможенных пошлин.

В качестве кнута Хиоки предлагал использовать два момента:

1. Оставить части японской армии, оккупировавшие Шаньдун, там, где они сейчас находятся, чтобы они представляли собой постоянную угрозу пекинскому правительству.

2. Подстрекать революционеров и сторонников реставрации маньчжурской монархии к постоянным действиям.

При всем том Хиоки признавал, что обе эти угрозы могли иметь лишь весьма ограниченное воздействие на ход пекинских переговоров.

Если в решительный момент японская армия в Шаньдуне не начнет военных действий, ее значение как переговорного фактора будет сведена на нет.

Еще сложнее обстоит дело с угрозой со стороны оппозиционных сил. Остается не вполне ясным, будут ли они продолжать работать на Японию, если поймут, что являются японскими марионетками¹.

Хиоки напоминал, что, будучи главой государства и имея право объявлять войну и заключать договоры, Юань Шикай все же не является абсолютным диктатором и даже продолжение его полномочий на следующий срок еще не определено конституцией республики.

Тяньцзинь-Пукоуская
железная дорога

¹ Там же. С. 13–15.

В заключение Хиоки высказывал ряд пожеланий в адрес правительства.

Во-первых, смотря по ходу переговоров, нужно быть готовым к расширению сферы влияния японской армии в Шаньдуне и, в частности, иметь в виду оккупацию северного участка железной дороги Тяньцзинь — Пукоу.

Во-вторых, прежде чем применять силу, нужно попытаться заинтересовать Юань Шикая выгодными для него обещаниями, а среди таковых наиболее привлекательным для него является запрещение деятельности революционеров и сторонников реставрации маньчжурской династии. В силу этого правительству следует детально изучить эту проблему, чтобы максимально удовлетворить пожелания Юань Шикая.

В-третьих, следует пойти на уступки Китаю в плане постройки новых железнодорожных линий в Маньчжурии.

В-четвертых, то же самое касается железнодорожного строительства в Южном Китае.

В-пятых, предоставление пекинскому правительству займа может существенно воздействовать на принятие им сформулированных Японией требований.

В-шестых, даже если Юань Шикай в конечном итоге согласится на наши условия, среди его окружения наверняка найдутся люди, которые будут против этого. Подкупить самого Юань Шикая вряд ли возможно, но заинтересовать взяткой его чиновников вполне реально. Кроме того, деньги понадобятся для манипуляций с прессой. Поэтому правительство должно выделить достаточные средства на эти цели¹.

Китаю предъявлено «21 требование»

Соображения Хиоки были учтены. Вернувшись в Пекин, он 19 января 1915 г. попросил аудиенцию у президента Китайской Республики и вручил ему текст японских требований.

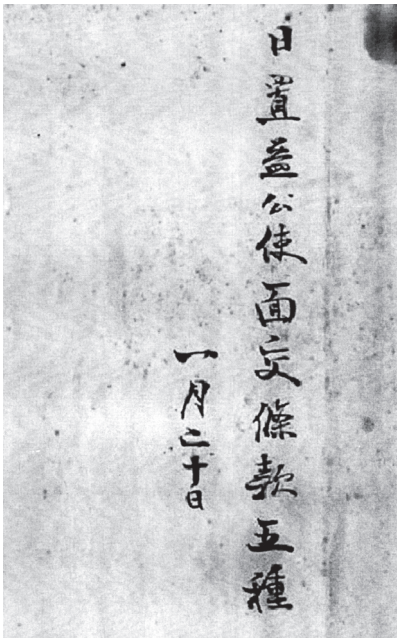
Японские требования включали 5 разделов.

Первый из них определял права Японии на территории Шаньдуна:

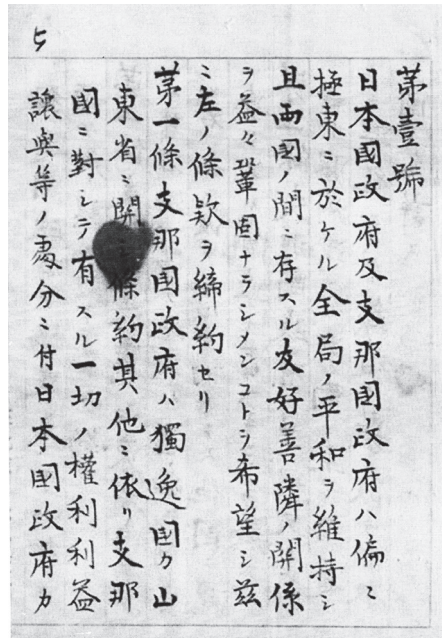
Правительства Японии и Китая, исходя из взаимного желания сохранить мир в Восточной Азии и укрепить существующие ныне дружественные отношения двух стран, согласились о следующем:

1. Китайское правительство признает все права и преимущества, которые японское правительство получит в Шаньдуне на основании соглашения с Германией или иным путем.

¹ Там же. С. 16–17.

Обложка «21 требования»

Начало первого раздела «21 требования»

2. Китайское правительство согласно не уступать и не сдавать в концессию другим странам земли на территории Шаньдуна и близлежащих островах.
3. Китайское правительство согласно с тем, что Япония построит железные дороги, связывающие Яньтай или Лункоу с Цзяочжоу и Цзинанью.
4. Китайское правительство согласно незамедлительно открыть иностранцам для проживания и торговли все важнейшие города Шаньдуна. Список таковых будет утвержден отдельно¹.

Второй раздел имел отношение к Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии:

Поскольку Китай всегда признавал особые интересы Японии в Южной Маньчжурии и Внешней Монголии, правительства Японии и Китая согласились о нижеследующем.

¹ 日本公使日置益提出的“二十一条”要求原案 (Текст «21 требования», предъявленный японским посланником Хиоки), 18 января 1915 г. // Полный свод исторических материалов о китайско-японских переговорах относительно «21 требования». С. 20.

1. Срок аренды Люйшуня и Даляня, а также Южно-Маньчжурской и Аньдун-Фэнтяньской железных дорог продлевается до 99 лет.
2. Граждане Японии имеют право арендовать и иметь в собственности землю на территории Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии для развития промышленности и торговли или занятий сельским хозяйством.
3. Граждане Японии имеют право селиться в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии и заниматься там хозяйственной деятельностью.
4. Китайское правительство разрешает японским гражданам разрабатывать полезные ископаемые в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Список соответствующих предприятий будет утвержден отдельно.
5. Прежде чем давать согласие на нижеследующее, китайское правительство должно получить согласие Японии:
 - а) строительство иностранными гражданами железных дорог на территории Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии или получение займов для указанного строительства;
 - б) снижение уровня налогообложения на территории Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии.
6. Прежде чем согласиться иметь на территории Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии политических, финансовых или военных советников и инструкторов, китайское правительство должно обсудить этот вопрос с правительством Японии.
7. Китайское правительство передает японскому правительству право распоряжаться железной дорогой Цзилинь — Чанчунь сроком на 99 лет¹.

Третий раздел касался Ханьепинского комбината:

Учитывая тесные связи японских предпринимателей и Ханьепинского комбината и имея в виду взаимные интересы двух стран, правительства Японии и Китая договорились о нижеследующем.

1. Обе договаривающиеся державы согласны превратить Ханьепинский комбинат в совместное предприятие, с тем чтобы китайское правительство не имело права распоряжаться им без согласия японского правительства.
2. Китайское правительство согласно с тем, что без согласия указанного совместного предприятия разработки полезных ископаемых поблизости от него не могут быть переданы иностранным гражданам. Любые мероприятия, способные прямо или косвенно повлиять на дея-

¹ Там же. С. 21.

тельность указанного предприятия, не могут осуществляться без его согласия¹.

Четвертый раздел ограничивал права Китая в прибрежных районах:

Имея в виду обеспечение целостности территории Китая, правительства Японии и Китая договорились о том, что порты на побережье Китая и близлежащие острова не могут быть уступлены или сданы в аренду другим странам.

Пятый раздел ограничивал государственный суверенитет Китая:

1. Центральное правительство Китая нанимает японских граждан в качестве политических, финансовых и военных советников.
2. Все японские больницы, храмы, школы и пр. имеют право собственности на землю, на которой они расположены.
3. Учитывая прежние полицейские инциденты, впредь там, где это необходимо, учреждается совместная японо-китайская полиция и для совершенствования ее деятельности приглашаются японские граждане.
4. В Японии закупается определенное количество вооружения (более половины всего вооружения, необходимого китайскому правительству) или на территории Китая создаются военные заводы, для работы на которых приглашаются японские технические специалисты, а также используются японские материалы.
5. Япония получает право на сооружение железной дороги, связывающей Учан с Цзюцзяном и Наньчаном, а также железных дорог Наньчан — Ханчжоу и Наньчан — Чаочжоу.
6. Если для строительства железных дорог, разработки полезных ископаемых и оборудования портов на территории провинции Фуцзянь потребуются внешние займы, этот вопрос предварительно обсуждается с Японией.
7. Японские граждане получают право заниматься в Китае миссионерской деятельностью².

2 февраля в помещении Министерства иностранных дел состоялось продолжавшееся 4 часа первое заседание на японо-китайских переговорах по поводу выдвинутых Японией требований.

Японская сторона была представлена посланником Хиоки Масу, Обата Юкити и Такао Тору. 20 марта Хиоки упал с лошади на ипподроме и получил небольшую травму. На двенадцатом заседании его замещал Обата. Но уже 24 марта Крупенский сообщал в Петроград, что «японский посланник зна-

¹ Там же. С. 21–22.

² Там же. С. 22.

чительно поправился и переговоры с ним китайского министра иностранных дел возобновились вчера в японской миссии»¹.

Китайская сторона была представлена на переговорах министром иностранных дел Лу Чжэнсяном, сменившим 27 января своего предшественника Сунь Баоци, заместителем министра Цао Жулинем и секретарем Ши Люйбэнем.

Со 2 февраля по 26 апреля 1915 г. состоялось 25 заседаний. По настоянию японской стороны переговоры проходили в обстановке полной секретности.

На втором заседании 5 февраля Хиоки выразил свое недовольство тем фактом, что о начале переговоров уже известно прессе, и предупредил:

Обе стороны на нынешних переговорах должны соблюдать тайну, о чем уже сообщено президенту Юаню и министру Суню².

Однако благодаря усилиям Дж. Моррисона содержание «21 требования» вскоре стало достоянием общественности.

5 февраля Моррисон встретился с Юань Шикаем и записал в своем дневнике:

По отношению к министру и его заместителю Хиоки ведет себя весьма высокомерно и настаивает на принятии всех требований. Но президент заверил меня, что он ни в коем случае не согласится с этими требованиями, даже если японская армия будет осаждать ворота Синьхуамэнь³.

9 февраля Моррисон связался с австралийским журналистом Дональдом, и на следующий день тот навестил Моррисона.

Лу Чжэнсян
(1871–1949)

Цао Жулинь
(1877–1966)

¹ Крупенский — Сазонову, 24 марта 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. С. 15.

² Полный свод исторических материалов о китайско-японских переговорах относительно «21 требования». С. 50.

³ Цит. по: 龔坤. 日本妄图灭亡中国的“二十一条”披露始末 (Доу Кунь. Как было раскрыто содержание «21 требования», посредством которых Япония намеревалась уничтожить Китай) // <http://news.sina.com.cn/cul/2005-04-11/5633.html>.

Джордж Моррисон на пороге своего дома

12 февраля содержание «21 требования», включая особо секретный пятый раздел, было опубликовано на страницах лондонской «Times»¹.

Поэтому третье заседание 22 февраля началось с выяснения вопроса о том, как газетам стало известно, какие именно требования Японии предъявила Китаю².

Но поезд уже ушел.

Реакция китайской и японской прессы

На общем фоне прогрессивных китайских средств массовой информации явственно выделялось в эти дни одно из самых влиятельных периодических изданий Китая — шанхайская газета «Шэньбао», с самого начала занявшая непримиримую позицию по отношению к экспансионистским действиям Японии. Активность «Шэньбао» в значительной мере определялась суждениями ее редактора Чэнь Цзинхана, автора большин-

¹ Там же.

² Полный свод исторических материалов о китайско-японских переговорах относительно «21 требования». С. 50.

ства наиболее острых политических комментариев, появившихся на ее страницах¹.

Возмущение общественности вызвало, прежде всего, то, что Япония была намерена держать в секрете не только содержание, но и сам факт переговоров².

После того как японские требования стали секретом Полишинеля и в Китае начались массовые демонстрации протеста, «Шэньбао» ежедневно публиковала передовые и авторские статьи, разоблачавшие замыслы японцев и отвечавшие на провокационные заявления японской печати.

Речь шла, в частности, об утверждении ряда японских газет, что демонстрации против «21 требования» якобы спровоцированы немцами.

В ответ в японской прессе появились «сведения» о том, что китайские газеты издаются на немецкие деньги.

С разоблачением этих домыслов выступил Лян Цичао, давший волю своему сарказму.

«Вы утверждаете, — писал он, — что китайцам не известны такие понятия, как “жизненные принципы” и “интересы своей Отчизны”, что у них на уме только деньги. Так почему бы вам не взять пример с немецких коллег и не подкупить дюжину китайских газет, чтобы они прославляли ваши выходки?»³

Он писал:

Неотложная задача сегодняшнего дня состоит в том, чтобы граждане нашей страны требовали от правительства не поддаваться японцам, а правительство должно подавить в себе злобу по отношению к революционерам и проявить добрую волю, чтобы совместными усилиями противостоять угрозе извне⁴.

Лян Цичао (1873–1929)

¹ Подробнее о журналистской деятельности Чэнь Цзинхана см.: 辛亭亭. 陈景韩的“三重身份”解读 (Синь Тинтин. «Три ипостаси» Чэнь Цзинхана). Сучжоу. 2015. Магистерская диссертация. С. 1–106.

² См., например: Шэньбао, 25 февраля 1915 г.

³ 中日时局与鄙人的言论 (Китайско-японские отношения и высказывания вашего покорного слуги) // 梁启超全集 (Полное собрание произведений Лян Цичао). Пекин. 1999. С. 2763–2764.

⁴ 告政府与党人 (Обращение к правительству и членам революционной партии) // Шэньбао, 21 февраля 1915 г.

**Ориентация Сунь Ятсена на Японию
оставалась неизменной**

Один из ветеранов революционного лагеря Лю Шипэй напечатал на страницах «Шэньбао» обращение к старым членам Объединенного союза, призывая их помнить, что в критический момент истории нужды страны должны превалировать над партийными интересами и уж тем более недопустимо ради партийных интересов полагаться на помощь извне вопреки нуждам государства¹.

Его призыв встретил понимание многих членов Объединенного союза.

Но Сунь Ятсен продолжал стоять на своем.

¹ 刘师培告旧中国同盟会诸同志 (Обращение Лю Шипэя ко всем прежним членам Объединенного союза) // Шэньбао, 6 февраля 1915 г.

Еще два спорных документа

Осенью 1945 г., после того как американские оккупационные войска вошли в Токио, представители генерала Макартура произвели обследование архивов японского МИД.

В 1966 г. в Токио вышла из печати книга известного японского историка Фудзии Сёмицу под названием «Исследование деятельности Сунь Ятсена».

В ней упоминалось о том, что среди документов, обнаруженных американскими военными в 1945 г. в архиве Министерства иностранных дел Японии, было письмо Сунь Ятсена на имя директора политического департамента МИД Коикэ Тёдзо от 14 марта 1915 г., к которому был приложен проект секретного соглашения Сунь Ятсена с Японией, содержащий ряд серьезных уступок японцам.

Еще через четверть века, 24 апреля 1991 г. по каналу ведущей японской телекомпании NHK в эфир вышла сенсационная передача, в которой приняли участие Фудзии Сёмицу и китайский историк, профессор Университета имени Сунь Ятсена в г. Гуанчжоу Чэнь Сици.

Сенсация заключалась в том, что Фудзии продемонстрировал телезрителям обнаруженный в Японии недавно перед этим оригинал проекта соглашения 1915 г., а Чэнь Сици подтвердил, что на нем стоит подлинная подпись Сунь Ятсена, добавив от себя, что это – бесспорно весьма серьезный вопрос, касающийся оценки деятельности великого революционера.

Фудзии Сёмицу

Чэнь Сици
(1912–2008)

Проект соглашения о китайско-японском союзе

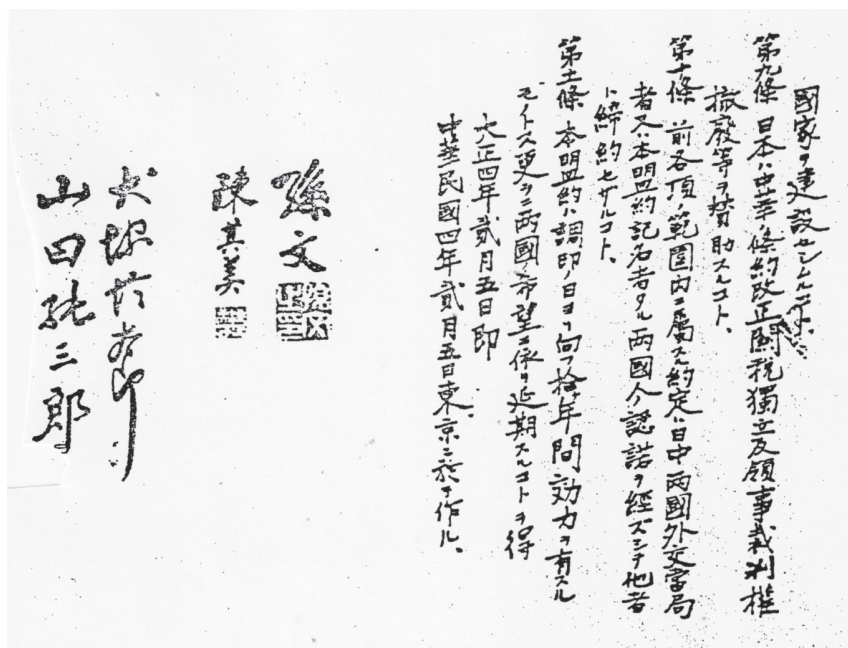
Первый из этих документов был составлен на двух языках – японском и китайском – и переписан рукой одного и того же лица.

Он был подписан Сунь Ятсеном, Чэнь Цимэем и двумя японцами.

Договор о китайско-японском союзе

Япония и Китай, исходя из стремления к достижению вечного благосостояния Восточной Азии и выражая свое обоюдное желание сотрудничества между двумя странами, договорились о нижеследующем:

1. По всем важнейшим проблемам, касающимся действий третьих стран в Восточной Азии, сотрудничающие между собой Япония и Китай будут предварительно обмениваться мнениями с целью согласования своих позиций.
2. В целях облегчения сотрудничества Японии и Китая в области ведения боевых действий армия и флот Китая будут использовать оружие, боеприпасы и оснащение японского образца.
3. Имея в виду вышеизложенные цели, в случае, если армия и флот Китая будут пользоваться услугами иностранных советников, таковые будут комплектоваться преимущественно из числа граждан Японии.
4. Для обеспечения сотрудничества Японии и Китая в политической сфере в случае приглашения иностранцев для занятия должностей в центральном или местных правительствах преимущество будет отдано гражданам Японии.
5. Для развития экономического сотрудничества Японии и Китая будут созданы Японо-китайский банк и в основных городах двух стран его отделения.
6. Имея в виду вышеозначенные цели, в случае, если при разработке природных богатств, эксплуатации железных дорог или морских средств связи возникнет потребность в привлечении иностранного капитала или создания совместных предприятий, [китайская сторона] будет проводить консультации с Японией и заключать с другими иностранными государствами соглашения лишь в том случае, если Япония откажется от участия в соответствующих проектах.
7. Япония предоставит необходимую помощь для реформирования денежной системы Китая и осуществит эту реформу в короткие сроки.
8. Япония окажет Китаю помощь в усовершенствовании административной системы и преобразовании армии, чтобы Китай превратился в сильное государство.
9. Япония окажет Китаю в пересмотре международных договоров, создании независимой таможенной системы и отмене права экстерриториальности.
10. Любые соглашения с третьей стороной по всем вышеизложенным пунктам возможны лишь в случае согласия дипломатических учреждений или представителей двух стран, подписавших настоящее соглашение.

Последняя страница проекта соглашения о китайско-японском союзе

11. Настоящее соглашение действует в течение десяти лет со дня подписания и может быть продлено по желанию сторон.

Составлено в Токио, 4-й год Тайсё, 3 месяц, 14 день, т. е.

5 февраля 4-го года Китайской Республики

Сунь Вэнь

Чэнь Цимэй

Инудзука Нобутаро

Ямада Дзюнсабуро

Письмо Сунь Ятсена в МИД Японии

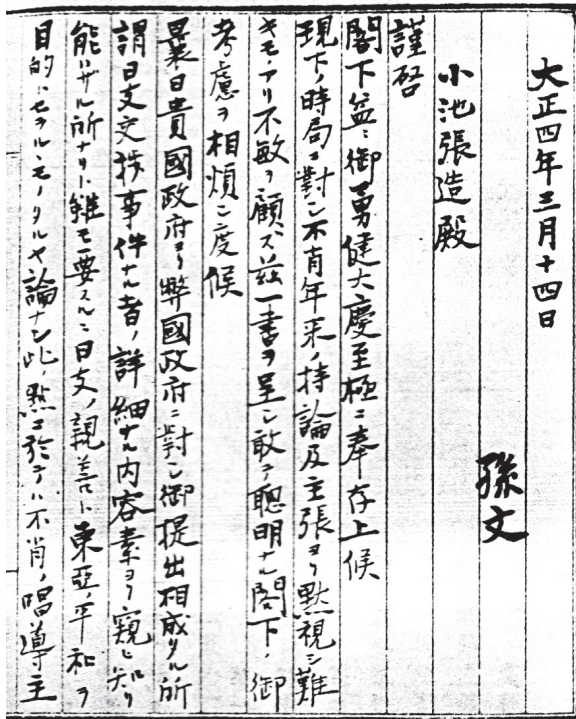
4-й год Тайсё, 3 месяц, 14 день

Сунь Вэнь

Господину Коикэ Тёдзо

Прежде всего прошу принять мои пожелания здоровья и успехов в Вашей деятельности!

Сложившаяся ныне обстановка не позволяет мне хранить молчание, почему я решаюсь вернуться к изложению мнений, которых я придержи-

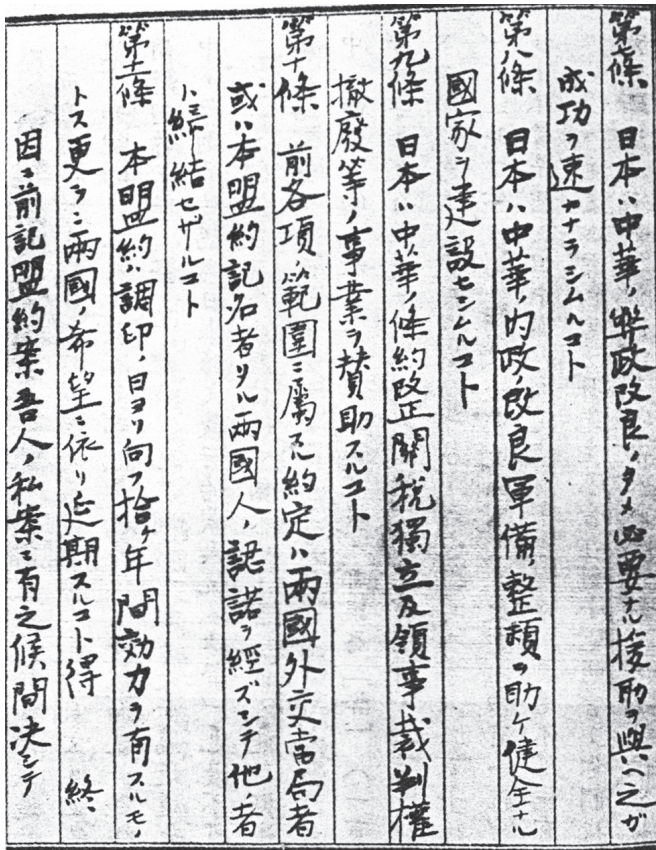
Первая страница письма Сунь Ятсена от 14 марта 1915 г.

вался на протяжении всех последних лет. Я надеюсь, что это мое письмо будет со вниманием рассмотрено Вашим Превосходительством. Хотя конкретное содержание инициированных Вашим правительством контактов с правительством моей страны, получивших название «японо-китайских переговоров», остается нам неизвестным, однако не подлежит сомнению, что их главной целью является укрепление японо-китайской дружбы и мира в Восточной Азии.

Я рад подтвердить, что в этом отношении они отвечают позиции, которая отстаивается мною. Однако что касается средств для достижения указанной цели, то они обескураживают и заставляют глубоко задуматься над происходящим. Для достижения мира в Восточной Азии нет иного пути, кроме осуществления подлинного сотрудничества между Японией и Китаем. Поэтому если такое сотрудничество не будет обеспечено, не только в моей стране нельзя надеяться на установление безопасности жизни [граждан], но безопасность Вашей

страны также окажется под угрозой. Однако совершенно ясно, что на происходящих ныне переговорах правительство моей страны, не озабоченное проблемами подлинного сотрудничества [с Японией], не проявляющее доброй воли, с самого начала и до сих пор ведет переговоры с враждебных властям [Вашей страны] позиций. Результат вполне очевиден: время неудержимо движется вперед, а достигнутое может вызвать только ощущение неудовлетворенности. Я выражаю свое глубокое сожаление по поводу применяемых [правительством Китая] методов, которые совершенно не соответствуют задачам достижения нашей конечной цели — сотрудничества между Японией и Китаем. Если источник нечист, вода в реке будет мутной — эта истина не требует доказательств. Как может нынешнее грязное правительство Китая обеспечить чистоту [направляемого им] потока? Оно ни при каких обстоятельствах не в состоянии достичь конечной благородной цели. Дипломатическая инициатива Вашего правительства уже натолкнулась на серьезные препятствия. Даже если на этих переговорах Ваше правительство сможет добиться некоторых успехов, результатом этого будет еще большее отчуждение между Японией и Китаем. Отрицательные последствия этого непременно скажутся в будущем. Лично для меня в этом нет ни малейших сомнений. С этой точки зрения перспективы длительного мира в Восточной Азии представляются в крайне пессимистическом духе. Быть может, прямо говорить об этом сейчас не имеет смысла, но не сказать нельзя: Ваше правительство по-прежнему слишком доверяет вероломному руководителю нынешнего китайского правительства. Если Япония хочет оказать помощь Китаю, то являются ли переговоры с этим правительством единственной возможностью? Если да, то самозванный восточноазиатский союзник наверняка не оправдает возлагающихся на него надежд. Если дело будет обстоять именно так, вопреки всем моим ожиданиям, то будущее принесет нам лишь разочарование.

Я и мои соратники всегда были уверены в том, что единственным путем достижения безопасности и благосостояния Восточной Азии является сотрудничество между Японией и Китаем. Иного не дано. С целью укрепления этого союза я некоторое время тому назад составил проект «Соглашения о союзе», который я привожу ниже, чтобы конфиденциально предъявить его представителям властей [Вашей страны]. Хотя этот идеал труднодостижим в настоящее время, но в условиях всеобщей смуты, когда исход европейской войны невозможно предсказать, японо-китайское сотрудничество приобретает еще большую значимость и становится неотложной задачей. Если отношения между двумя стра-

Последняя страница письма Сунь Ятсена от 14 марта 1915 г.

нами одной расы и одной культуры вновь претерпят изменение, если [народы наших стран] вновь будут терпеть унижение от людей иной расы, которые только и ждут удобного случая для этого, то каждому задумывающемуся о длительном мире в Восточной Азии останется лишь сокрушаться о своих несбывшихся мечтах. Поэтому необходимо не откладывая обсудить вопрос о том, каким способом можно исправить сложившуюся ситуацию, чтобы изыскать пути подлинного сотрудничества. Будучи преисполнен самых добрых намерений, я осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство высказать свое высокое мнение по поводу вышеизложенного. В заключение почтительно обращаюсь

к Вашему Превосходительству с чувствами глубокого уважения и рад случаю пожелать Вам всего наилучшего.

*(Далее следовал текст проекта соглашения о китайско-японском союзе с припиской: «Поскольку вышеизложенный текст является нашим частным предложением, мы надеемся на то, что он не будет предан гласности»)*¹.

Аргументы за и против

Публикация подлинников проекта соглашения о китайско-японском союзе и письма Сунь Ятсена на имя Коикэ всколыхнула научный мир.

В защиту доброго имени Сунь Ятсена выступил тайваньский историк Чэнь Цзайцзюнь, издавший в том же 1991 году большое исследование, в котором привел целый ряд аргументов в пользу того, что документы, опубликованные Фудзии, являются грубой фальсификацией².

Через два года после этого на Тайване была организована научная конференция, целью которой было дать сторонникам двух противоположных научных лагерей возможность встретиться в очном поединке.

Однако организаторы этого форума заранее поставили противников признания подлинности документов в привилегированное положение: их представляли четыре участника — Чэнь Цзайцзюнь, Ли Юньхань, Цзян Юйцзин и Чэнь Пэнжэнь, тогда как из числа сторонников Фудзии Сёмицу на конференцию был приглашен лишь Линь Цзяю. Председательствовал Ли Юньхань.

Первым выступил Фудзии, а для комментариев по его докладу слово было предоставлено Чэнь Пэнчэню. Затем выступал Чэнь Цзайцзюнь, его тезисы обсуждались Цзян Юйцзином, после чего Фудзии получил возможность ответить Чэнь Цзайцзюню.

Естественно, в силу численного преобладания одной стороны создавалось впечатление, что ее доводы убедили участников дискуссии.

Во всяком случае, профессор Линь Цзяю заявил, что, будучи первоначально сторонником Фудзии, он теперь переходит в лагерь воздержав-

¹ Оригинал документов см.: 陈在俊. 中日关系史上一桩重大疑案的辩证 (Чэнь Цзайцзюнь. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 1) // Цзиньдай чжунго. 1991. № 83. С. 170–173.

² 陈在俊. 中日关系史上一桩重大疑案的辩证 (Чэнь Цзайцзюнь. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 1) // Цзиньдай чжунго. 1991. № 83. С. 168–177; То же. Часть 2 // Там же. 1991. № 84. С. 190–201.

шихся и полагает, что проблема пока еще не может быть окончательно решена¹.

Позднее к сторонникам этой нейтральной точки зрения примкнул профессор Нанькайского университета Юй Синьтунь, автор ряда статей, в которых он до этого поддерживал версию о фальсификации².

В 2001 г. один из авторов данной книги опубликовал разбор мнения Чэнь Цзайцзюня, приведя доводы в пользу подлинности документов³.

В 2018 г. новые данные, свидетельствующие о подлинности разбираемых документов, обнародовали историки Ван Ган и Чжао Чжэнчао⁴.

Юй Синьтунь

Конкретные доводы спорящих сторон

Какие же аргументы были приведены сторонниками двух прямо противоположных точек зрения в этой уже порядком затянувшейся научной дискуссии?

Начнем с Чэнь Цзайцзюня — наиболее убежденного апологета версии о том, что документы являются фальшивкой.

¹ Чжунъян жибао, 17 января 1998 г. Обзор точек зрения на проблему подлинности этих документов в работах историков КНР см.: 杜继东. 中国大陆地区孙中山与日本关系研究回顾 (Ду Цзидун. По поводу исследований ученых материковой части Китая о взаимоотношениях Сунь Ятсена и Японии) // Цзиньдаиши яньцзю. 2005. № 3.

² 俞辛焞. 孙中山的中日盟约文题辨析 (Юй Синьтунь. Исследование вопроса о Сунь Ятсене и «Соглашении о китайско-японском союзе») // http://www.360doc.com/content/15/0621/11/22346171_479553652.shtml.

³ Крюков М. В. Ценные исторические документы или грубая подделка? К спорам о подлинности двух писем Сунь Ятсена // Восток — Россия — Запад. К 70-летию академика Владимира Степановича Мясникова. М. 2001. С. 302–328.

⁴ 王刚、赵正超. 孙中山与“中日盟约”新证 (Ван Ган, Чжао Чжэнчао. Новые данные о Сунь Ятсене и «Соглашении о китайско-японском союзе») // Шилинь. 2018. № 1. С. 122–138.

Чэнь Цзайцзюнь: «Соглашение» — подделка

В своей статье 1991 г. он привел ряд аргументов, свидетельствующих, по его мнению, о фальсификации «Соглашения о союзе».

Аргумент № 1. Печать Сунь Ятсена на проекте соглашения подделана.

Для доказательства этого Чэнь Цзайцзюнь специально заказал в Японии копию вышедшей в эфир телезаписи, после чего по его просьбе владелец тайваньской газеты «Ляньхэбао» Лю Чанпин распорядился изготовить в своей фотостудии отпечаток кадра с изображением печати Сунь Ятсена. Он-то и был подвергнут Чэнь Цзайцзюнем сравнению с другими образцами.

На первый взгляд результат сопоставления может показаться убедительным.

Но почему исследователь решил прибегнуть к столь сложной процедуре? Ведь он вполне мог обратиться к факсимиле, опубликованному Фудзии, и тем самым избежать искажений, вполне очевидно присутствующих на приведенной Чэнем фотографии с телезаписи.

Оттиски личной печати Сунь Ятсена, приведенные Чэнь Цзайцзюнем в качестве доказательства подделки «Соглашения о китайско-японском союзе»

(а — отпечаток кадра телезаписи, б — подлинные оттиски)¹

Все дело в том, что во время телепередачи ведущий держал продемонстрированный телезрителям оригинал текста не вполне вертикально,

¹ Чэнь Цзайцзюнь. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося истории взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 2. С. 193.

民國七年十二月三十日 孫文自序於上海
 登虎兄金函果閱於斯乎鐵路經費事物
 之事如有河圖當可了之惟所得只
 十萬當盡付之矣姑如能多得則以
 一半播濟四川石青陽以一半交學規拿回
 還債可也 此意即候 拜托
 籌謀之 孫文
 七月廿日

Автограф Сунь Ятсена с его печатью, датированный 19 июля 1919 г.

в результате чего на использованной Чэнь Цзайцзюнем фотографии он оказался перекошенным и практически непригодным для объективного сопоставления с приведенными тем же автором нормальными оттисками печати.

Напротив, оттиск, опубликованный в статье Фудзии, не обнаруживает каких-либо отклонений от известных образцов печати Сунь Ятсена, которой он пользовался на протяжении длительного времени начиная с момента вступления в должность Временного президента Китайской Республики и которая была заменена другой печатью где-то около 1918–1919 гг., о чем можно судить хотя бы по приведенному выше документу.

Первый аргумент Чэнь Цзайцзюня выглядит, таким образом, совершенно неубедительным.

Аргумент № 2. Подпись Сунь Ятсена на проекте соглашения подделана.

Для доказательства этого тезиса Чэнь Цзайцзюнь пользуется тем же методом — сопоставляет подпись на фотографии телезаписи с другими образцами.

Образцы подписи Сунь Ятсена, приведенные Чэнь Цзайцзюнем
(а — на кадре телезаписи, б — на подлинных документах)¹

Здесь Чэнь Цзайцзюнь допускает ту же ошибку, которая уже встречалась нам в работе Пэн Цзэчжоу, посвященной проблеме подлинности письма Сунь Ятсена премьеру Окума: за исключением крайнего левого примера все остальные относятся к более позднему времени и для сравнения непригодны.

Правда, Чэнь Цзайцзюнь приводит еще одно соображение: каждый, кто знаком с произведениями китайских каллиграфов, может отличить подлинный знак от подделки, поскольку в первом случае чувствуется такая легкость и одухотворенность написания, передать которую кисть фальсификатора не в состоянии².

Спорить по этому поводу с г-ном Чэнем трудно: ему удалось усмотреть в приведенных иероглифах неподдающуюся словесному описанию одухотворенность, которую авторы этой книги не видят.

Аргумент № 3. Инудзука Нобутаро и Ямада Дзюнсабуро подписали с Сунь Ятсеном другое соглашение.

Суть этого аргумента заключается в том, что Чэнь Цзайцзюнь обнаружил в архиве Комитета по истории Гоминьдана текст еще одного китайско-японского соглашения о сотрудничестве, датированный 11 июня 1917 г. С китайской стороны его подписали 10 человек, в том числе

¹ Там же. С. 196.

² Там же. С. 195.

Сунь Ятсен, с японской — пять, включая Инудзука Нобутаро и Ямада Дзюнсабуро.

«Этот документ, который сегодня публикует автор, — пишет Чэнь Цзайцзюнь, — свидетельствует о том, что после того как задача похода на Юань Шикая была выполнена, Сунь Ятсен хотел отблагодарить некогда помогавших ему Инудзука, Кикути, Ямада и др., предоставив им материальные компенсации в Китае, что было вполне естественно. С этой точки зрения, то, что двумя годами раньше, еще находясь в Японии, Сунь Ятсен мог подписать с двумя простыми гражданами Инудзука и Ямада “Соглашение о союзе”, наносящее ущерб суверенитету Китая в пользу Японии, это просто анекдот какой-то! Разрешите спросить: неужели Инудзука и Ямада были святыми духами, которые могли принять этот подарок от имени японских властей? С чьего позволения они могли обещать Сунь Ятсену от имени японских властей “оказать Китаю помощь в усовершенствовании административной системы и преобразовании армии, чтобы Китай превратился в сильное государство” (пункт 8), “оказать помощь Китаю в пересмотре международных договоров, создании независимой таможенной системы и отмене права экстерриториальности” (пункт 9)? Спросить любого мало-мальски здравомыслящего человека, бывали ли в истории человечества нелепые договоры, подобные этому “Соглашению”? Поэтому мы можем со стопроцентной уверенностью утверждать: обнаружение достоверного исторического документа “О китайско-японском сотрудничестве” доказывает, что никакого “Соглашения о китайско-японском союзе” быть не могло»¹.

Прочтя эти строки, нам не остается ничего иного, как развести руками. Объяснить, что этим хотел сказать автор, можно только предположив, что обуреваемый желанием опровергнуть достоверность компрометирующего Сунь Ятсена «Соглашения о союзе» Чэнь Цзайцзюнь так разнервничался, что здравый смысл изменил ему.

В самом деле, его 3-й аргумент вызывает в памяти русскую поговорку о бузине в огороде. После 1915 г. Сунь Ятсен неоднократно заключал с японцами другие соглашения, но этот факт не может иметь какого-либо отношения к проблеме подлинности «Соглашения о союзе».

Что же касается вопросов о том, кто такие были Инудзука и Ямада, то задать их Чэнь Цзайцзюнь мог, не ссылаясь на свою архивную находку.

¹ Там же. С. 198–199.

О Ямада Дзюнсабуро читатель, мы думаем, уже имеет достаточное представление. Что же до Инудзука Нобутаро, то он был коллегой Ямада по фирме Мицуи и одновременно членом Правления Южно-Маньчжурской железной дороги. Янудзука оказывал содействие Чэнь Цимэю, когда тот ездил в Далинь для ознакомления с деятельностью общества Цзуншэдан¹.

Инудзука Нобутаро был на короткой ноге, с одной стороны, с влиятельным адмиралом Акияма Санэюки², с другой — с директором Политического департамента Министерства иностранных дел Коикэ Тёдзо. Оба имели прямое отношение к составлению текста «Соглашения».

Ямада и Инудзука, разумеется, не были уполномочены заключать какие бы то ни было договоры от имени правительства, да они и не заключали их. Они подготовили и представили Сунь Ятсену проект соглашения, который был завизирован обеими сторонами, после чего документ нужно было передать в Министерство иностранных дел, где его должны были подписать официальные лица.

Самое забавное заключается тут в том, что в отношении датированного 1917 г. документа,

Инудзука Нобутаро
(1874–1919)

Акияма Санэюки
(1868–1918)

¹ 李吉奎. 孙中山与日本 (Ли Цзюй. Сунь Ятсен и Япония). Гуанчжоу. 1996. С. 417.

² В статье В. Рязанцева «Гекатомба в Цусиме» о нем говорится: «После Цусимского сражения все лавры победы достались адмиралам Того, Камимура, Катаока, Мидзу. Никто не вспоминал имени морского офицера японского флота Санэюки Акиямы. А ведь именно он был „отцом“ этой победы японского флота. Именно он, совместно с морским штабом Японии, разработал план морской войны с Россией, планы морских сражений японского флота с 1 и 2 Тихоокеанскими эскадрами. Кто такой Акияма? Морской офицер японского флота получил морское образование в Японии. Далее продолжил обучение в США, где изучал труды иностранных теоретиков военно-морского искусства. Вернувшись в Японию, много работал по вопросам тактики броненосных морских сил. Основываясь на средневековом тактическом приеме, называвшемся охватывающей атакой („касумагакари“), разработал современный тактический прием охвата головы колонны неприятеля» // <http://podplav.ru/vospominaniya/1505-gekatomba-v-tsusime.html>.

обнаруженного и опубликованного тайваньским историком, можно при желании повторить почти все соображения самого Чэнь Цзайцзюня, приводимые им в качестве доказательства фальсификации «Соглашения».

В самом деле, этот автор начинает свой анализ с утверждения, что некоторые мельчайшие детали надписи на печати Сунь Ятсена выдают подделку. Но печать д-ра Суня, приложенная к документу 1917 г., вообще не похожа на все известные нам предыдущие и последующие оттиски: на ней выгравировано не «Сунь Вэнь», а «Сунь Исянь» (Сунь Ятсен). Чэнь Цзайцзюню следовало бы, исходя из своей собственной строгой позиции в отношении печатей лидера Гоминьдана, выяснить, действительно ли в 1917 г. он сменил свою обычную печать на эту, для его документов не характерную. Автор этого не делает и тем самым дает оппонентам право спросить: «А подлинная ли печать приложена к соглашению 1917 г.?»

Аргумент № 4. Чэнь Цзайцзюнь считает одним из доказательств подделки «Соглашения» 1915 г. тот факт, что неясны обстоятельства, при которых оно было обнаружено.

Выяснение такого рода обстоятельств он считает необходимым условием любого серьезного исторического исследования. Но ирония судьбы заключается в том, что сам критик также не приводит никаких сведений о том, при каких обстоятельствах появился на свет обнародованный им документ 1917 г., кто хранил его, кем он был передан в Комитет изучения истории Гоминьдана и т. д. Его вопросы к профессору Фудзии с успехом могут быть возвращены ему самому и, следуя его логике, послужить основанием для сомнений в подлинности опубликованного им текста.

Аргумент № 5. Еще одним моментом, говорящим против подлинности «Соглашения», является, по словам критика, отсутствие упоминаний о нем в публикациях общества Кокурюкай.

Но в этих публикациях ни словом не упоминается и договор 1917 г. Значит ли, что и этот документ является подделкой?

Подпись Сунь
Ятсена и его
печать под
соглашением
1917 г.

Авторы этих строк далеки от мысли следовать данной логике и объявлять поддельным текст 1917 г., не обнаруживающий каких-либо формальных признаков фальсификации. Но историк в своих суждениях должен быть последователен. В противном случае его выводы утрачивают свою убедительность.

Аргумент № 6. В тексте документа можно обнаружить несколько ошибочно написанных иероглифов. Мог ли Сунь Ятсен подписать его, не потребовав, чтобы он был переписан еще раз?

Читатель, быть может, будет удивлен, но в бесспорно подлинных рукописях Сунь Ятсена мы также нередко можем обнаружить иероглифические ошибки. Некоторые из них могут быть объяснены небрежностью, но большинство других относятся к категории так называемых *байцзы* (вместо правильного знака пишущий употребляет другой, сходный по звучанию).

Такие ошибки делает обычно человек, не прошедший в детстве основательной традиционной подготовки в области иероглифики. Д-р Сунь допускал, мягко говоря, нестандартные написания даже в самых обычных и часто употребляющихся словах. В качестве одного из многих десятков примеров такого рода достаточно указать на слово 消息 ‘новость’: первый знак в нем Сунь Ятсен, как правило, писал не с «водой» в качестве смыслового детерминатива, а с «металлом». Эти и другие ошибки, которые часто делал Сунь Ятсен, были выправлены при издании его сочинений, причем добросовестные публикаторы каждый раз оговаривали их в своих примечаниях к тексту.

Тем более есть основания полагать, что текст соглашения был обсужден с Сунь Ятсеном, но написан японцем.

Таковы доводы Чэнь Цзайцзюня по поводу проекта «Соглашения о китайско-японском союзе». Не менее обстоятельно доказывает он факт подделки письма в адрес Коикэ.

Чэнь Цзайцзюнь о фальсификации письма в МИД

Прежде всего, утверждает автор, достаточно беглого взгляда на текст письма, чтобы определить, что оно сфальсифицировано и не имеет никакого отношения к Сунь Ятсену. Речь идет о двух иероглифах «Сунь Вэнь», стоящих в самом начале текста.

Чэнь Цзайцзюнь приводит их рядом с «подлинной» подписью Сунь Ятсена:

Иероглифы 孫文 в письме Коикэ (а) и «подлинная» подпись Сунь Ятсена (б)

Здесь Чэнь Цзайцзюнь допускает по меньшей мере две ошибки.

Во-первых, повторяя свою ошибку в отношении текста «Соглашения о китайско-японском союзе», он сопоставляет несопоставимое: письмо Коикэ было написано в 1915 г., а «подлинная» подпись Сунь Ятсена относится ко времени не раньше 20-х годов XX века.

Во-вторых, иероглифы «Сунь Вэнь» в тексте письма вообще не являются подписью его автора.

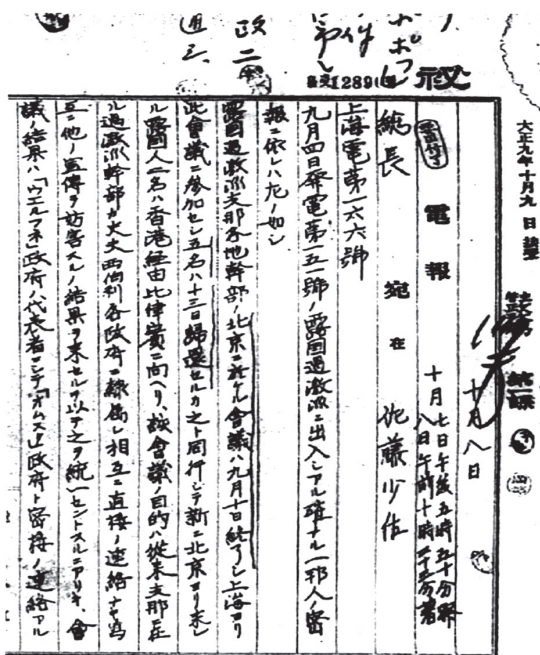
Издrevле и по сию пору люди во всем мире (в том числе, разумеется, и в Китае) ставят подпись в конце своих писем, но никак не в их начале. В данном случае два знака 孫文 на первой странице письма – это не подпись, а своего рода помета: «В архив — к документам, имеющим отношение к Сунь Вэню».

Примеры такого рода широко известны всем, кто когда-либо имел дело с архивными материалами. Мы приводим здесь лишь один пример: в начале доклада о деятельности в Шанхае М. Г. Попова проставлена его фамилия — ポポフ.

Разница между двумя документами лишь в том, что в первом случае фамилия и имя «Сунь Вэнь» написаны рукой получившего письмо на свободном месте в начале текста, а во втором — на его полях.

Но Чэнь Цзайцзюнь не ограничился лишь утверждением о «фальсификации подписи Сунь Ятсена».

Он приводит еще несколько дополнительных доводов в пользу своей точки зрения.

Первая страница доклада о пребывании в Шанхае М. Г. Попова¹

Довод № 1. Свои письма японским адресатам Сунь Ятсен, не знавший японского языка, всегда писал по-китайски, а письмо Коикэ составлено по-японски, к тому же с характерными особенностями, свойственными традиционному эпистолярному стилю.

Этот довод может показаться убедительным тем, кто считает, что письмо было написано самим Сунь Ятсеном, но он отпадает в случае, если предположить, что содержание текста было согласовано с Сунь Ятсеном во время многократных визитов на его квартиру, а затем написано японцем с соблюдением норм письменного японского языка.

Довод № 2. Письмо было написано японцем с характерными для японской традиции иероглифическими особенностями.

Такую возможность мы только что допустили как весьма вероятную.

Приведенные выше первые три довода имели отношение к внешним признакам текста, последующие — к его содержанию.

¹ Архив МИД Японии. 4-3-2. № 1-4-5.

Довод № 3. Сунь Ятсен, революционер, отдавший великой цели преобразования Китая сорок лет своей жизни, не мог по своей собственной воле предлагать японцам то, что он якобы предложил в «Соглашении».

На наш взгляд, от таких аргументов, подобных чеховскому «этого не могло быть, потому что не могло быть никогда», серьезному исследователю всё же желательно воздерживаться, и очень жаль, что Чэнь Цзайцзюнь придерживается на сей счет прямо противоположного мнения.

Довод № 4. В мае 1913 г. премьер-министр Окума отверг предложение Сунь Ятсена о сотрудничестве Китая и Японии. Как мог он вскоре после этого в своем письме к мелкому чиновнику Коикэ идти на более серьезные уступки, чем те, которых в это время японцы тщетно добились от Юань Шикая? «Неужели Сунь Ятсен был до такой степени глуп?»¹

Степень глупости того или иного исторического деятеля – и в самом деле интересный вопрос, заслуживающий нашего внимания, но ответ на него представляет собой итог, а не априорную предпосылку научного исследования.

Довод № 5. В 1914 г. содержание письма Сунь Ятсена премьеру Окума стало известно пекинскому правительству, и Юань Шикай поручил своим наемным писателям сочинять разного рода пасквилы на Сунь Ятсена, чем ввел в заблуждение даже многих революционеров. Как мог после этого Сунь Ятсен еще раз рисковать своей репутацией и перспективами революции, посылая японскому чиновнику письмо, «которое лично ему не сулило никаких выгод»²?

По всей вероятности, парафразируя текст «Соглашения», Сунь Ятсен и в самом деле не думал о каких-то личных выгодах. Речь шла о том, чтобы щедрыми посулами заставить японское правительство переориентировать свою политику в отношении Китая и добиваться своих целей не путем давления на Юань Шикая, а оказывая поддержку Сунь Ятсену. Игра стоила свеч, и Сунь Ятсен рискнул еще раз, опасаясь, что в случае капитуляции Юань Шикая у революционеров более не будет шансов рассчитывать на помощь благожелателей из-за моря.

¹ Чэнь Цзайцзюнь. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося истории взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 1. С. 176.

² Там же.

Довод № 6. После того как Япония предъявила Китаю «21 требование», Сунь Ятсен долгое время воздерживался от каких-либо комментариев по этому поводу и впервые высказал свое осуждение уступчивости Юань Шикая в так называемой директиве № 8 от 10 марта 1915 г. Как же мог он уже после этого, 14 марта 1915 г., писать японцам о своей готовности отдать им то, чего они требовали от правительства Юань Шикая?

Это — единственный из всех доводов Чэнь Цзайцзюня, заслуживающий серьезного анализа, и мы подробно рассмотрим этот вопрос в следующем разделе данной главы.

Довод № 7. Сунь Ятсен добивался получения материальной помощи от японских капиталистов, но ему и в голову не приходило поступаться ради этого суверенитетом Китая или соглашаться на территориальные уступки. Хотя кое-кто и утверждал, что во имя достижения своих целей Сунь Ятсен был готов пожертвовать японцам Маньчжурию, бесспорные доказательства этого так и не были приведены.

Когда Чэнь Цзайцзюнь формулировал свои доводы, протоколы переговоров Сунь Ятсена с Мори Каку 1912 г. еще не были обнародованы. Чем именно Сунь Ятсен был готов пожертвовать, чтобы заручиться помощью Японии, — это вопрос оценки его политической деятельности в целом, и утверждать, что в данном случае «этого быть не могло, потому что не могло быть никогда», недостаточно для доказательства фальсификации письма в адрес Коикэ от 14 марта 1915 г.

Контраргументы

Рассмотрев доводы Чэнь Цзайцзюня в пользу тезиса о том, что и текст «Соглашения», и письмо в МИД Японии являются подделкой, невольно вспоминаешь о сказанном по этому поводу Ли Ао.

Документы фальсифицируют не из любви к искусству, а с какой-то вполне определенной целью. Зачем японцам понадобилось бы подделывать рассмотренные выше документы? Единственно возможный ответ — для того, чтобы предъявить их Юань Шикаю в качестве дополнительного средства давления на него. Но японские дипломаты не сделали этого даже тогда, когда Юань Шикай отказался принять требования 5-го раздела.

Если бы документы были поддельными, утверждал Ли Ао, то их сразу же пустили бы в ход, а не оставили лежать в секретном архиве японского

Се Чи
(1876–1939)

МИД в ожидании, когда Япония потерпит поражение в мировой войне и они будут обнаружены американскими военными¹.

Но помимо этого чисто логического соображения в пользу подлинности документов 1915 г. были приведены и конкретные доказательства. Это было сделано Ван Ганом и Чжао Чжэнчао².

Эти два историка проанализировали опубликованный недавно дневник Се Чи, который в 1915 г. был заместителем Чэнь Цимэя и благодаря этому знал о многом, что для рядовых членов Гоминьдана оставалось секретом.

Общая обстановка в январе–феврале 1915 г. характеризовалась двумя обстоятельствами.

Во-первых, в первый день Нового года японские газеты одна за другой напечатали сообщения о начале вооруженного восстания в Сычуани³.

Во-вторых, финансы партии пришли в окончательный упадок. Сунь Ятсен по-прежнему надеялся на своих японских друзей, но Се Чи считал, что полагаться на них опасно: они сначала помогут материально, а потом могут использовать нас в своих целях⁴.

15 февраля Се Чи дважды (утром и вечером) навещал Чэнь Цимэя и на квартире Сунь Ятсена не был⁵.

После этого Чэнь Цимэй сообщил Се Чи какую-то важную новость, но тот (по-видимому, из соображений конспирации) не записал, о чем именно шла речь.

6 марта Чэнь Цимэй вдруг спросил Се Чи, кто в сложившейся обстановке более всего подходит на должность посланника в Японию⁶.

7 марта Се Чи навестил своего коллегу Ян Шуканя и «сообщил ему то, о чем сказал Чэнь Цимэй», выразив недоумение по поводу того, «почему

¹ Ли Ао. Исследование о Сунь Ятсене. С. 126.

² 王刚、赵正超. 孙中山与“中日盟约”新证 (Ван Ган, Чжао Чжэнчао. Новые данные о Сунь Ятсене и «Соглашении о китайско-японском союзе») // Шилинь. 2018. № 1. С. 122–138.

³ 谢持日记未刊稿 (Непубликовавшийся дневник Се Чи). Т. 1. Гуйлинь. 2007. С. 324.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Там же. С. 338.

⁶ Там же. С. 388.

такая спешка с этим обменом мнениями с целью согласования своих позиций»¹.

На первый взгляд, в этой фразе нет ничего примечательного. Но на самом деле она — один из ключевых моментов темы, так как почти буквально повторяет первый пункт текста «Соглашения о китайско-японском союзе»!

А 8 марта в дневнике Се Чи появилась не менее многозначительная запись:

Побывал у Чэнь Цимэя. Он хотел обсудить то, о чем говорил мне ранее. Но я ответил: «Ничего не могу сказать, так как не видел полного текста»².

Это означает, что в начале марта руководство Революционной партии обсуждало вопрос о «Соглашении», оригинал которого не был показан даже таким высокопоставленным партийным функционерам, каким был Се Чи.

14 марта — еще более многозначительная запись в его дневнике:

Вечером был у Чэнь Цимэя. Он сообщил слова Кикиути: «Мнение министра иностранных дел Като еще не определилось»³.

Читатель, мы надеемся, помнит, что член парламента Кикиути Рёити в свое время помогал Сунь Ятсену обосноваться в Японии; в конце января он вместе с Ямада Дзюнтаро навестил Сунь Ятсена⁴, а затем, по всей видимости, стал связным между ним и министром Като.

Ян Шукань
(1881–1942)

提 要 (際 交)		徐野備李錫嘯啟未	
何子春啓 二		閱英王歐內渠以前所告我者故我之答曰未見全文不敢贊一詞也	
(信 通)		見歐西亞所揚之條文計十二事如洋次轉果然立主權失	
(度讀)		(候報)	
五八二八		號	

Дневник Се Чи, 8 марта 1915 г.

¹ Там же. С. 389.

² Там же. С. 390.

³ Там же. С. 396.

⁴ Дуань Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 432.

С нашей точки зрения, Ван Ган и Чжао Чжэнчао совершенно правы, утверждая, что приведенные ими выдержки из дневника Се Чи при всей своей лапидарности являются убедительными свидетельствами исторического факта: 14 марта 1915 г. в Министерство иностранных дел Японии вместе с сопроводительным письмом был передан проект «Соглашения о китайско-японском союзе».

Снова резкая смена настроения

Если нашего читателя не убедили приведенные выше доказательства подлинности двух спорных документов, мы готовы добавить к ним еще несколько соображений, на которые наши предшественники не обратили внимания.

Прежде всего, можно утверждать, что основное содержание «Соглашения о союзе» обсуждалось руководителями Революционной партии еще задолго до февраля 1915 г.

В этом отношении показательны слова Чэнь Цимэя, высказанные им в сентябре 1914 г. в беседе с неназванным японцем:

Подготовка к Третьей революции уже завершена, и мы планируем в ближайшие дни начать действовать на Юге. <...> Наш план заключается в том, чтобы, как только начнется революция, тут же овладеть одной-двумя провинциями. Когда эта цель будет достигнута, Сунь Вэнь и я немедленно возвращаемся в Китай. И еще: с Сунь Вэнем мы уже договорились о том, что как только намеченные одна-две провинции будут в наших руках, мы прежде всего пригласим японцев на должности советников полиции и военных инструкторов¹.

Приглашение японских полицейских и военных советников — 3-й пункт «Соглашения о союзе».

3 февраля 1915 г. Сунь Ятсен заявил:

Что касается японо-китайских переговоров, о которых пишут в газетах, то я не знаю, о чем там идет речь. Но если судить по газетным сообщениям, я считаю, что нынешняя позиция японского правительства исходит из стремления к сохранению мира на Дальнем Востоке и имеет в виду дружественные отношения между Китаем и Японией².

¹ 中国流亡者陈其美之谈话 (Беседа с китайским политэмигрантом Чэнь Цимэем), 12 сентября 1914 г. // Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии. С. 690.

² Дуань Юньжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 433.

Начало письма Сунь Ятсена к Коикэ почти буквально повторяет эти слова.

А теперь о главном.

Поездка в Соединенные Штаты отменяется

В конце 1914 г. американец Дэйтрик в соответствии с намерениями Сунь Ятсена стал готовить его поездку в США. Он предложил своему протеже приехать на срок в 6–8 недель для чтения лекций, что, по его мнению, облегчило бы получение займа от местных бизнесменов. В первых числах февраля всё было готово для приема высокого китайского гостя¹.

Вдруг пришла телеграмма из Токио, в которой Сунь Ятсен просил приостановить подготовку к его поездке в Соединенные Штаты. Вскоре Дэйтрик получил датированное 5 февраля 1915 г. письмо, в котором д-р Сунь сообщал, что не сможет отправиться за океан вплоть до мая.

Причина?

Up to that time I am going to do some wonderful work².

В это время у Сунь Ятсена не было англоязычного секретаря, и он писал письмо сам. Судя по всему, прилагательное «wonderful» было выбрано им не вполне удачно: речь шла о каком-то «важном» деле, из-за которого он не мог отлучиться из Токио.

Каком именно, он не уточнял.

Ни Т. Ганшоу, ни М. Уилбур, в свое время цитировавшие в своих исследованиях это письмо Сунь Ятсена, не попытались выяснить это. Между тем, сделать это принципиально важно.

Для начала приведем полностью письмо Сунь Ятсена от 5 февраля 1915 г.

Что же произошло 5 февраля 1915 г.?

Судить об этом мы можем потому, что полицейское управление Токио вело наблюдение за квартирой Сунь Ятсена и было в курсе того, с кем и когда он ежедневно встречался.

В докладе за 5 февраля 1915 г. значилось:

«В 11:00 утра пришел Ямада Дзюнсабуро, покинувший дом в 1:50 пополудни.

¹ Дж. Дэйтрик — Сунь Ятсену, 50 декабря 1914 г. // Архив Дэйтрика в Стэнфордском университете.

² Сунь Ятсен — Дж. Дэйтрику, 5 февраля 1915 г. // Там же.

Tokyo, Japan.

February 5th 1915.

Dear Mr Deitrick:

Your letters of 30 Jan. and 9 Jan. have been received. To the former I have replied you with a cablegram as follow: "Kartouhaus Huang forgot extra-xisti afterward." To the later I have sent you a cablegram as follow: "Debesium Chantungua exoculated." Your idea of lecturing in America has occurred in my mind at the same time. But I can't come at the present moment, and cannot tell when I can come until May, for up to that time I am going to do some wonderful work. If my project fail then I will come to the States to give a course of lectures. In doing so I intend to surprise

the American public with something quite new to them. Therefore I do not want you to arrange lectures for other than myself, for I fear it might spoil matter, for no others can give a satisfactory view of China as I wish. But I cannot come at all it rather to be left undone than give a superficial view, and disappoint American public.

By the way I must warn you not to mix with Huang and his men too much, for they did not join ^{yet} me in the new organisation which I formed since the failure of the second revolution. Until he swears his loyalty to me and obey my order implicitly, I would have nothing to do with him and his men.

Mr. Sun Sun is the president of the organisation in the States, you can consult all things with him, and Mr. Day for you, a student in Columbia University, is one of my loyal followers you can also rely upon him, in case you need any of my men to cooperate with you in promoting our Cause in the United States.

Please investigate ways and means of establishing printing office for printing currency papers, for we may need it soon. In case I succeed you must get the machinery and men over here at once for this purpose. We want men and machine that can produce the most up-to-date and best works.

With best regards to you all
Very truly yours
Kartouhaus

Письмо Сунь Ятсена Дж. Дэйтрику
от 5 февраля 1915 г.¹

¹ James Deitrick Papers. Department of Special Collections. Stanford Libraries. M0140, Box 1, folder 4. Публикуется впервые с любезного разрешения Департамента специальных коллекций библиотеки Стэнфордского университета.

В 11:10 утра [Сунь Ятсен] позвонил по телефону Чэнь Цимэю и велел немедленно явиться к нему, взяв с собой свою личную печать.

В 11:48 Чэнь Цимэй явился в сопровождении некоего Фудзита (торговец оружием, проживающий в Фэнтяне на улице Синьшицзе и имеющий магазин в Даляне, улица Шаньсяньгунлу, 112). Фудзита принял участие в разговоре.

Чэнь [Цимэй] ушел в 11:50, Фуцзита — в 1:02 пополудни.

В 12:10 Чэнь Цимэй вернулся в дом и принял участие в разговоре. Он ушел в 1:45.

В 12:10 пришел Ван Тунъи, принял участие в разговоре и покинул дом в 2:00»¹.

Фудзии Сёмицу счел это свидетельство доказательством подлинности проекта соглашения о китайско-японском союзе.

Во-первых, Сунь Ятсен, Чэнь Цимэй и Ямада Дзюнсабуро, поставившие свои подписи под этим документом, датированным 5 февраля, действительно около двух часов находились в этот день на квартире Сунь Ятсена.

Во-вторых, агент полиции упоминает о том, что Сунь Ятсен звонил перед этим Чэнь Цимэю и просил его срочно прийти к нему с личной печатью.

В-третьих, почти два часа в тот день на квартире Сунь Ятсена находился Ван Тунъи. Это обстоятельство немаловажно, потому что к письму, переданному позднее в МИД Японии, была подколота визитная карточка Ван Тунъи.

Что касается Инудзука, чья подпись также стоит под «Соглашением», то, по сведениям полиции, он отсутствовал в квартире Сунь Ятсена, но мог подписать документ в какой-то иной день.

Чэнь Цзайцзюнь выразил свое несогласие с этими выводами Фудзии.

Прежде всего, пишет он, соображения конспирации исключали возможность того, чтобы при подписании столь важного документа присутствовал посторонний Фудзита, к тому же проживший в доме Сунь Ятсена более часа — с 11:48 до 13:03.

Далее, заключение «Соглашения» должно было проходить в присутствии всех четырех подписавших его лиц. На каком основании Фудзии полагает, что Инудзука поставил свою подпись позже?

¹ 日本外交文書 (Документы внешней политики Японии). 3-й год Тайсё. Т. 2. Токио. 1965. С. 564.

По мнению Чэнь Цзайцзюня, в тот день речь вообще не шла о подписании «Соглашения». Главным действующим лицом во время этой встречи был Фудзита, с которым Чэнь Цимэй познакомился в свое время в Далине. В тот день Фуцзита явился к Сунь Ятсену вместе с Ямада, по-видимому, для переговоров о продаже оружия Гоминьдану. Присутствие Чэнь Цимэя и наличие у него печати было необходимо для того, чтобы скрепить соответствующий договор. Ямада выступал при его подписании в качестве свидетеля или посредника.

Свой анализ ситуации Чэнь Цзайцзюнь завершает словами:

Я задаю вопрос: какая из двух версий в большей мере может соответствовать реальности — моя, основанная на конкретных доказательствах, или профессора Фудзии, основанная лишь на домыслах?¹

Нам неизвестно, какой ответ дает на этот вопрос читатель, но с нашей точки зрения, если уж говорить о домыслах, то ими грешит как раз версия Чэнь Цзайцзюня. При этом если даже тогда действительно был подписан какой-то другой, до сих пор неизвестный науке договор между Сунь Ятсеном, Чэнь Цимэем и Фудзита, это вовсе не означает, что Сунь Ятсен, Чэнь Цимэй и Ямада Дзюнсабуро одновременно с этим не могли парафировать и проект «Соглашения».

Добавим, что Ван Ган и Чжао Чжэнчао сделали недавно важное уточнение. Сопоставив текст дневника Се Чи с донесениями полицейских агентов, ведших наблюдение за квартирой Сунь Ятсена, они пришли к выводу, что сексоты порой допускали сбои в своей работе и не фиксировали лиц, посещавших д-ра Суня. Так, по данным Се Чи, 3 января 1915 г. он навестил лидера Гоминьдана вместе с только что прибывшим из Китая Лу Шици, однако в докладах полицейского управления об этом не упоминалось².

С нашей точки зрения, решающим аргументом в этом споре является письмо Сунь Ятсена Дэйтрику, написанное в тот же самый день — 5 февраля 1915 г. Забыв обо всех своих горестных размышлениях о злокозненной политике кабинета Окума, д-р Сунь отменил свою запланированную поездку в Соединенные Штаты, поскольку в Японии ему предстояла некая «замечательная работа».

¹ Чэнь Цзайцзюнь. Исследование одного важного спорного вопроса, касающегося истории взаимоотношений между Китаем и Японией. Часть 2. С. 201.

² Ван Ган, Чжао Чжэнчао. Новые данные об отношении Сунь Ятсена к «Соглашению о китайско-японском союзе» // Шилинь, 2018, № 1. С. 128.

Опять кризисная ситуация

Подписав проект соглашения о китайско-японском союзе, обретший второе дыхание Сунь Ятсен, казалось бы, должен был немедленно заняться «замечательной работой» и передать парафированный им документ в японский МИД.

Но почему-то это произошло лишь месяц спустя. Почему?

В феврале 1915 г. в печать начали просачиваться сообщения о требованиях, предъявленных японскими дипломатами пекинскому правительству. В них китайская общественность усмотрела реальную угрозу суверенитету страны и со все возраставшей энергией начала выражать свой протест по поводу притязаний Японии.

Все чаще в китайских газетах появлялись статьи с критикой курса Гоминьдана на сотрудничество с японцами¹. Большим тиражом в Пекине была издана брошюра анонимного автора, утверждавшего, что Сунь Ятсен является предателем Родины².

Активизировались бывшие соратники Сунь Ятсена, не разделявшие его внешнеполитические взгляды (Хуан Син, Чэнь Цзюньмин, Сюн Кэу и др.). Они выступили с предложением «временно приостановить революцию и сосредоточиться на сопротивлении внешней агрессии»³.

Не менее серьезная опасность подстерегала Сунь Ятсена с другой стороны.

В феврале 1915 г., когда переговоры в Пекине натолкнулись на несогласие китайской стороны принять японские требования, токийская дипломатия решила применить новый прием, для того чтобы заставить Юань Шикая смирить гордыню.

3 и 12 февраля министр иностранных дел Японии Като дважды беседовал с китайским посланником Лу Цзунъюем и без обиняков заявил ему, что в случае, если китайское правительство займет на переговорах более уступчивую позицию, Япония примет меры против находящихся на ее территории инсургентов⁴.

¹ См., например: Шэньбао за 2, 18, 24 февраля 1915 г.

² Полный текст этого сочинения: <http://www.doc88.com/p-7703705626185.html>.

³ Чжао Чжэнчао. Кое-что об «Обществе изучения ситуации в Европе» // 文史资料选辑 (Избранные материалы по литературе и истории). Т. 7. Выпуск 24. Пекин. 2011. С. 344.

⁴ 李毓澍. 中日二十一条交涉 (Ли Юйшу. Китайско-японские переговоры по поводу 21 требования). Тайбэй. Т. 1. 1966. С. 392.

Перед лицом этой реальной опасности Гоминьдан был вынужден решать, как ему быть.

29 февраля на квартире Сунь Ятсена состоялось совещание высшего руководства партии, посвященное этой проблеме¹.

1 марта свою точку зрения по этому вопросу сформулировал Дай Цзитао: во-первых, некоторые из числа китайских студентов, обучающихся в Японии, являются членами Гоминьдана, но они выступали в поддержку президента как частные лица, не выражая волю всей партии; во-вторых, необходимо найти аргументы против заявленного Хуан Сином курса на приостановку революции; в-третьих, следует пропагандировать мысль о том, что обвинения Гоминьдана в коллаборационизме не имеют основания².

4 марта Се Чи «встретился с Чэнь Цимэем, обсуждался вопрос о мерах, принимаемых японской стороной по отношению к нашей партии»³. В этой критической ситуации ряд руководящих работников Гоминьдана пришел к выводу, что прежний курс на сотрудничество с Японией исчерпал себя и дальнейшее пребывание членов Гоминьдана в Стране Восходящего Солнца более не имеет смысла.

5 марта Се Чи записал в дневнике:

Встретился с Чэнь Цимэем. Обсуждали вопрос о том, следует ли нашей партии покинуть Японию. Для судеб страны, для сохранения доброго имени нашей партии и для ее дальнейшей деятельности кроме плюсов это не имело бы каких бы то ни было минусов. Кроме того, это создало бы благоприятную ситуацию на нынешних переговорах с Японией.

Он как будто бы согласился со мной, но в то же время обратил мое внимание на другие стороны проблемы. Я ответил, что мне нужно подумать, после чего я выскажу свое мнение. По дороге домой размышлял на эту тему и пришел к выводу, что все-таки лучше уехать из Японии⁴.

6 марта Се Чи сообщил Ляо Чжункаю и Ху Ханьминю свое мнение о том, что Сунь Ятсену целесообразно покинуть Японию⁵.

Продолжая быть сторонником смены курса, он на следующий день на квартире Сунь Ятсена продолжал настаивать на том, что ему «следует

¹ Непубликованный дневник Се Чи. Т. 1. С. 381.

² Доклады полицейского управления г. Токио (август 1913 г. — апрель 1916 г.). С. 717.

³ Непубликованный дневник Се Чи. Т. 1. С. 386.

⁴ Там же. С. 387.

⁵ Там же. С. 388.

提 要 際	通 信 符周鼎 得周鼎 符周鼎	經 膜 五八二
竟劉平不遇 視祐映家病 北堂南飯 吳士未事務 而聞詔時 曰吾人孰 宜任駐日 公侯者 吾是以 龍以張 龍之 論乃又曰 君之肉地 將未最重 為之一人 吾遂不敢 因其語 失此何耶 徒依閑著 策也 以沙某事 告哲親	玩 告 竹 提 漢 天	(度讀)(候候) 五八二

японское правительство не сможет; если же продолжать оставаться в Японии, то сорвать сделку Токио с Юань Шикаем можно будет, только предложив японцам больше, чем они в данный момент рассчитывали получить на переговорах в Пекине³.

Но наконец, 14 марта, выбор был сделан. В японское министерство иностранных дел был передано письмо Сунь Ятсена, к которому прилагался текст «Соглашения».

Тут возникает еще один вопрос: почему письмо Сунь Ятсена не было подписано? Как ни странно, историки никогда не задавали себе этого вопроса, хотя для понимания происходившего ответить на него

Внутри страны это может рассеять подозрения сограждан и укрепить авторитет Гоминыдана, на международной арене — воспрепятствовать козням японцев и склонить их к поддержанию мира в Восточной Азии¹.

Если Япония начнет «принимать меры», добиться успеха нашей партии наверняка не удастся. Нужно обдумать способ воспрепятствовать этому. Но [поездка в] Штаты ничего не даст².

По мнению Ван Гана и Чжао Чжэнчао, в этот момент Сунь Ятсен колебался, не зная, какой выход из сложившегося положения предпочтительней: если последовать совету Се Чи и покинуть Японию, «принять меры» против Гоминыдана

⁴ Непубликованный дневник Се Чи. Т. 1. С. 392.

необходимо. Чтобы сделать это, обратимся к событиям, имевшим место в марте 1915 г.

12 марта на квартире Сунь Ятсена побывал японский парламентарий Кикиути Рёити (Сун Цинлин называла его «верным другом» своего мужа¹) и сообщил, что министр Като еще не решил, как ему поступить в связи с письмом д-ра Суня.

15 марта Сунь Ятсен написал одному из своих респондентов: «Курс нашей партии по-прежнему остается неизменным»².

Это значит, что, надеясь на положительный ответ японского правительства, Сунь Ятсен отказался от совета покинуть Японию, ожидая, каков будет ответ МИД.

Но уже 19 марта Сунь Ятсен написал г-же Кэнтли: «Японское правительство не решается оказать нам дружескую поддержку»³.

А вскоре Чэнь Цимэй вдруг заявил, что намерен вернуться в Китай:

В нашей партии не найдется никого, кто не говорил бы, что служит государству. На деле же 95 человек [из ста] думают лишь о своих личных интересах. Люди Кэцяна⁴ еще не знают, что я за человек. Они считают, что Чэнь Цимэй превыше всего ставит свою собственную жизнь и боится смерти. Перед смертью я напишу товарищам письмо, чтобы тем подбодрить их⁵.

24 марта, проводив своего шэфа, Се Чи записал в дневнике:

Он заслуживает уважения. Его готовность принять смерть впечатляет!⁶

Ситуация кажется совершенно необъяснимой. Второе лицо в Гоминьдане неожиданно объявляет о своем возвращении на родину, но не ради того чтобы продолжать служить делу партии, а для того чтобы свести там свои счета с жизнью. Перед тем как Чэнь Цимэй принял это решение, должно было произойти что-то крайне важное.

Чэнь Цимэй оказался еще более прояпонски настроенным, чем даже лидер Гоминьдана

¹ Секретные материалы о деятельности Сунь Ятсена в Японии, С. 350.

² Сунь Ятсен — Чжоу Инши, 15 марта 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 350.

³ Сунь Ятсен — г-же Кэнтли, 19 марта 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 350–351.

⁴ Кэцян — второе имя Хуан Сина.

⁵ Непубликованный дневник Се Чи. Т. 1. С. 404.

⁶ Там же. С. 406.

Нам представляется, что объяснить происходившее можно лишь предположив нижеследующее.

В критической ситуации Сунь Ятсен не знал, что ему следует предпринять — резко изменить курс и уехать из Японии, как это предлагал сделать Се Чи, или, следуя настояниям Чэнь Цимэя, отправить письмо в МИД и ждать положительного ответа. В конце концов он уступил Чэнь Цимэю, приняв компромиссное решение, — письмо было отправлено, но без его подписи. Чэнь Цимэй, таким образом, брал на себя всю ответственность за свою инициативу. Вскоре выяснилось, что правительство Японии, как и прежде, не собирается оказывать помощь Гоминьдану, и Чэнь Цимэй заявил, что готов ценой своей жизни заплатить за все возможные последствия.

Лидер более не питает надежд на японскую помощь

19 марта Сунь Ятсен отправил в Лондон ответ на письмо вдовы д-ра Кэнтли, в котором она рассказывала, что последнее время была очень занята:

Я также очень занят, посвящая работе все свое время и всю свою энергию. Но начать наше дело в соответствии с первоначальным планом в настоящее время не представляется возможным. Вмешательство английского правительства и влияние консервативных сил привело к тому, что правительство Японии не решилось оказать нам дружескую поддержку. Тем не менее мы можем действовать самостоятельно и убеждены в том, что обязательно добьемся успеха. Если бы Вы смогли убедить общественное мнение Вашей страны не оказывать поддержку Юань Шикаю, это было бы неоценимой помощью нам. Будьте любезны разъяснить, что поддержка Англией Юань Шикая является косвенной поддержкой Германии. Ибо в своем бесчинстве, жадности и себялюбии Юань Шикай ничем не отличается от кайзера Вильгельма II. Юань Шикай — абсолютно прогерманская фигура.

Если Германия расширит свои действия в нынешней войне, Китай превратится в ее сателлита. Если Англия будет и дальше поддерживать Юань Шикая, она не только ничего не добьется, но может потерять свои позиции в Китае. Поэтому необходимо разъяснить гражданам Вашей страны, что Юань Шикай — это прогерманский деятель¹.

¹ Сунь Ятсен — г-же Кэнтли, 19 марта 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 350–351.

Слова д-ра Суня о недоброжелательном отношении правительства Японии к Гоминьдану не были случайно сорвавшимся с языка выражением досады. Они характеризовали суть новой ситуации во взаимоотношениях между руководимой Сунь Ятсеном группой китайских революционеров и японским правительством, сложившейся весной 1915 г.

Год назад, предлагая Окума план китайско-японского сотрудничества, Сунь Ятсен называл его «неординарной личностью». Теперь, обращаясь к правительству Японии с просьбой о помощи, Сунь Ятсен в то же самое время критиковал его.

Когда стало ясно, что помощи не будет, Сунь Ятсен написал Дэн Цзэжу:

В настоящее время мы не питаем в отношении Х¹ никаких радужных надежд. Но сюда быстро доходят новости из Китая, да и вернуться на родину отсюда удобно. Мы только что начали действовать, так что предпочтительнее оставаться здесь, чем передислоцироваться куда-то в другое место. Позиции народа этой страны и ее правительства расходятся между собой. Поэтому если в будущем действительно возникнут неприятности, то правительству будет трудно осуществить свои дурные намерения².

В письме к г-же Кэнтли Сунь Ятсен утверждал, что в условиях, когда японское правительство заняло недружественную позицию по отношению к китайским революционерам, Гоминьдан начал действовать самостоятельно.

«Действовать самостоятельно» означало «готовить свержение режима Юань Шикая, не рассчитывая более на японскую помощь». Это было возможно лишь в том случае, если бы Гоминьдан нашел альтернативный источник средств, совершенно необходимых ему для безотлагательной подготовки к «Третьей революции».

Таким источником могли стать доброхотные даяния китайских эмигрантов. Отнюдь не случайно весна 1915 г. отмечена резкой активизацией контактов д-ра Суня с зарубежной китайской диаспорой.

Главным связующим звеном между Сунь Ятсеном и его зарубежными соотечественниками в странах Юго-Восточной Азии был в это время

Дэн Цзэжу
(1869–1934)

¹ Имеется в виду Япония.

² Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 26 мая 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 356.

его друг Дэн Цзэжу — богатый предприниматель, вступивший в 1907 г. в Объединенный союз и с тех пор решительно поддерживавший Сунь Ятсена. Последний называл Дэн Цзэжу не иначе как «фактическим начальником финансового отдела партии»¹.

14 марта Сунь Ятсен информировал Дэн Цзэжу о том, что посылает своих эмиссаров во главе с Сюй Чунчжи в страны Южных морей для руководства на месте сбором пожертвований для Третьей революции².

Сунь Ятсен утверждал, что «действия в Китае целиком и полностью зависят от поддержки со стороны товарищей за рубежом»³.

Указывая на то, что решающий момент для осуществления планов партии наступил и нужда в деньгах теперь особенно остра, лидер предлагал своим единомышленникам использовать любую возможность для сбора средств, в том числе не останавливаясь перед продажей принадлежащего партии недвижимого имущества. Коль скоро это партийная ответственность, ею можно распорядиться в тот момент, когда действительно требуется партии, и тут не должно быть другого мнения⁴.

Получая переводы из-за границы, Сунь Ятсен рассылал расписки в получении денег⁵, а от местных организаций Гоминьдана требовал присылать ему списки патриотов, пожертвовавших свои сбережения на дело революции. Для того чтобы стимулировать приток доброхотных даяний, руководство Гоминьдана приняло «Положение о награждении лиц, пожертвовавших на революцию».

Пункт второй «Положения» устанавливал, что гражданин, внесший в партийную кассу 100 долларов, приравнялся в своих правах к членам Гоминьдана и награждался медалью 3-й степени.

Пожертвовавший 1000 долларов получал медаль 2-й степени и преимущественное право на разработку природных богатств страны.

Медаль 2-й степени
за заслуги перед революцией

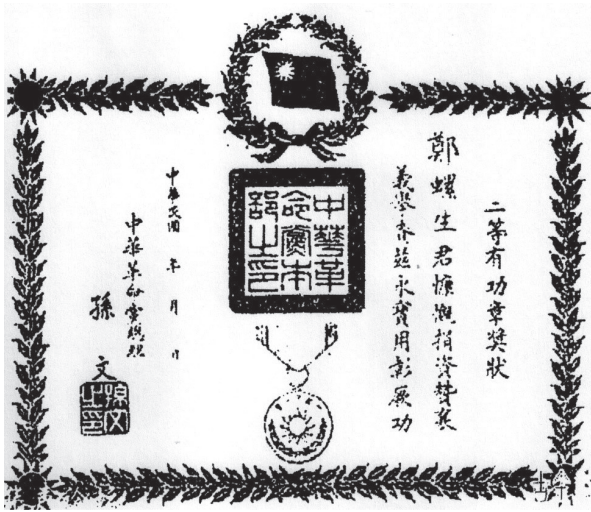
¹ Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, сентябрь 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 324.

² Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 14 марта 1915 г. // Там же. С. 350.

³ Сунь Ятсен — Чэнь Теу, 3 апреля 1915 г. // Там же. С. 353.

⁴ Сунь Ятсен — Цюй Шэньгану, 25 иая 1915 г. // Там же. С. 355.

⁵ Сунь Ятсен — Чэнь Теу, 3 апреля 1915 г. // Там же. С. 353.

Свидетельство о награждении медалью 2-й степени за заслуги перед революцией¹

Тот, чей взнос составлял 10 000 долларов, мог рассчитывать на медаль 1-й степени и становился «народным представителем».

Обладателю десяти медалей 1-й степени будущее правительство должно было установить на его родине бронзовый бюст².

По некоторым данным, в общей сложности Гоминьдан получил от китайских эмигрантов в странах Юго-Восточной Азии 500 тысяч, на американском континенте — 1 млн долларов³. Для того чтобы самостоятельно решить финансовые проблемы, связанные с подготовкой «Третьей революции», этих сумм было явно недостаточно.

Причина неудачи заключалась в том, что Сунь Ятсен столкнулся здесь с одной трудностью, которую вполне можно было предвидеть.

¹ Обращаем внимание на тот факт, что к этому документу приложена личная печать лидера Гоминьдана, которую он использовал в 1914–1916 гг., однако подписано свидетельство не его рукой (подпись имитирует почерк д-ра Суня того времени, когда он был Временным президентом Китайской Республики). Читатель может убедиться в этом, вернувшись к образцам подписи Сунь Ятсена, приведенным выше.

² Положение о награждении лиц, пожертвовавших на революцию // Гэмин вэньсянь. № 45. Тайбэй. 1969. С. 43.

³ Ло Ицунь. Воспоминания о деятельности Революционной партии Китая // Гуандун вэньши цзыляо. № 25. Гуанчжоу. 1979. С. 85.

Чжу Чжисинь
(1885–1920)

Ли Лецзюнь
(1882–1946)

Дело в том, что в это время в нескольких странах Юго-Восточной Азии, Европы и Америки находились бывшие соратники Сунь Ятсена, разошедшиеся с ним во взглядах и отказавшиеся вступать в Гоминьдан. Они также занимались сбором средств и были, таким образом, опасными конкурентами Сунь Ятсена.

Среди таких ослушников был один из ближайших соратников Сунь Ятсена — Чжу Чжисинь.

Не получив разрешения лидера партии, он намеревался отправиться в страны Южных морей. Сунь Ятсен вызвал его к себе на квартиру и предложил подписать обязательство в том, что он будет действовать в дальнейшем только под руководством вождя, однако Чжу Чжисинь наотрез отказался сделать это, и Сунь Ятсену пришлось в течение нескольких часов подряд убеждать его. Но все было напрасно¹.

Еще одним такого рода деятелем был Ли Лецзюнь, ранее активный участник Синьхайской революции, претендовавший теперь на роль руководителя антиюаньшикаевского движения.

Осенью 1914 г. Сунь Ятсен получил сведения о том, что Ли Лецзюню удалось собрать в странах Южных морей от 2 до 3 миллионов долларов. После этого Ли отправился

в Париж, где, по слухам, намеревался вступить в прямой контакт с французским правительством на предмет получения от него дипломатической поддержки.

Сунь Ятсен писал по этому случаю Дэн Цзэжу:

Это значит, Ли не хотел сотрудничать со мной из-за того, что в этом случае, как знать, кресло президента ему, может быть, не достанется. Иначе зачем ему разворачивать свое собственное знамя?

¹ Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 20 октября 1914 г. // ППСОГ. Т. 4. С. 330.

Если это действительно так, это означает, что Ли плохо меня знает. Я мог уступить президентскую власть Юань Шикаю, так неужели я не уступлю ее своему товарищу?

Прошу тебя и товарищей из стран Южных морей во что бы то ни стало убедить Ли ни в коем случае не действовать сепаратно, потому что успех возможен лишь в том случае, если мы объединим свои усилия, в противном случае позитивного результата не будет. Если Ли согласится выдать нам миллион и воспользоваться существующей сейчас благоприятной возможностью [для выступления против Юань Шикая], то свергнуть Юаня не составит никакого труда. <...>

Я прошу тебя как начальника финансового отдела партии заключить с Ли соглашение о том, что в случае если он передаст нам свои деньги, ты можешь поставить свою подпись под обязательством провести агитационную кампанию за то, чтобы после успеха Третьей революции товарищи проголосовали бы за избрание его президентом. <...>

Я надеюсь, что тебе удастся убедить его последовать [за нами]; ведь собранные им деньги — это общественные средства Республики, а не его личный капитал. Если он не согласится передать общественные средства на общественные нужды, он поступит эгоистично, негуманно и несправедливо. Я надеюсь, что в этом случае ты найдешь подходящий способ, чтобы посчитаться с ним¹.

Обещая уступить Ли Лецзюню президентское кресло, если тот передаст в кассу Гоминьдана собранные им пожертвования, Сунь Ятсен явно кривил душой. Его заявление противоречило как неоднократно выражавшемуся им намерению лично руководить всем связанным с «Третьей революцией», так и его требованию к членам партии клясться в верности ему как руководителю Революционной партии.

Видное место среди слушников занимал тогда Чэнь Цзюньмин, которому суждено было через несколько лет после этого вступить с Сунь Ятсеном в открытую схватку за власть.

Чэнь Цзюньмин, как и Ли Лецзюнь, был ветераном Синьхайской революции. В 1914 г. он,

Чэнь Цзюньмин
(1888–1933)

¹ Сунь Ятсен — Дэнь Цзэжу, сентябрь 1914 г. // ППСОГ. Т. 4. С. 324–325.

будучи не согласен с проектом устава новой партии, отказался вступать в Гоминьдан и покинул Японию.

Но своим самым опасным конкурентом Сунь Ятсен в это время считал Хуан Сина, также занимавшегося в Соединенных Штатах сбором пожертвований китайских эмигрантов.

Еще одним способом добыть необходимые для «Третьей революции» деньги руководители Гоминьдана сочли выпуск долговых облигаций.

Одна из облигаций, выпущенных Гоминьданом
в 1915 г.

Их первая партия номиналом 1000 юаней была выпущена с обещанием погасить в течение 3 лет «после создания нового правительства».

Однако это была попытка с негодными средствами. Никаких гарантий относительно того, когда будет создано это «новое правительство» и будет ли оно в состоянии погасить облигации, Сунь Ятсен, подписавший это обязательство, дать, разумеется, не мог. Общая сумма выпущенных в Токио облигаций неизвестна¹.

Становилось ясно, что «самостоятельные действия» Сунь Ятсена – задача исключительно сложная. Начинать действия против Юань Шикай в этих условиях было невозможно.

И Сунь Ятсен наконец принимает решение — подать сигнал всеобщего отступления. 6 апреля Се Чи записал в дневнике:

Чжуншань вкратце изложил план свертывания деятельности партии. К несчастью, поскольку в Цзянсу и Чжэцзяне мы вновь потерпели поражение, наша партия сможет думать о новом выступлении не раньше как года через три. Финансы иссякли, и долго продержаться невозможно.

Остается распустить членов партии, не имеющих собственных средств к существованию, распустить партийные органы, оставить в Японии несколько человек, а остальные пусть отправляются куда кто может.

Он спросил меня, куда я поеду. Я ответил, что либо в Шанхай, либо на острова Южных морей. А сам Чжуншань отправится в Штаты².

Через день после этого, отвечая на вопросы директора телеграфного агентства «Тайё симбун» Хатано Харуфуса, Сунь Ятсен сделал вид, будто бы он по-прежнему преисполнен оптимизма:

Поскольку позиция общественного мнения с каждым днем становится всё более твердой, Юань Шикай оказался в весьма трудном положении. Воспользовавшись этой ситуацией, я намерен осуществить свой первоначальный план. В настоящее время я при посредничестве одного японского деятеля (его имя должно быть сохранено в секрете) добиваюсь помощи японского правительства.

Однако тут же Сунь Ятсен поделился с японской прессой своими ближайшими планами:

Если же японское правительство не согласится с моими требованиями, я отправлюсь за помощью в Соединенные Штаты и в течение года

¹ *Ань Юэхуа*. Выпуск Революционной партией Китая долговых облигаций // Чжунго гоцзя боугуань гуанькань, 2011, № 5.

² Непубликованный дневник Се Чи. Т. 1. С. 419.

四月六日(乙卯年二月二十二日丁卯)
火曜日(即星期二)

要 提
(際 交)

夜訪幼田不遇 略彈美尾復

(信 通)

得美士賊及錫師電
得吳玉章寄田兄書
得吳玉章寄田兄書
得吳玉章寄田兄書

(度温) (辨氣)

舍

六十一

英王以三十日到上海平安且無覺者幸也

錫知電索太平國范伯東函告說見中山

無錢將若何晚又得款賈賊成都頗可為也

以列子之學及女壻再託於玉章沮其歸也

勵曰兄苦學毋謀歸又告以仲執言鍾氏議母事而敬其意云何蓋仍循舊俗也

父母之命訂之慮雖家度之和也 曰元年弱冠矣將不再來也

宋拊三還泥垢其報告已失機會而曾廣焯則金盡云

戰英士以柳聘農戰謂丁士杰左右有密偵院之

中山略言吾黨敗未解法不幸江浙又敗則吾黨非再待三年不能固再舉而財力

後福難久支持惟先教不能自法之黨員繼將機關解散留三叔人居日

本館備此行而問我之所向則上海與南洋耳中山則美國也

буду выступать там, чтобы заручиться сочувствием граждан этой страны и получить средства для подготовки военных действий. После этого я поеду в Англию, а затем в другие страны Европы, после чего начну действовать.

Наше выступление будет отсрочено, но что поделать, раз Япония отказывается помогать нам!¹

У сторонников Сунь Ятсена появился еще один повод порицать своего лидера

Вторая половина 1915 г. была для Сунь Ятсена, пожалуй, самым трудным временем за весь период его пребывания в изгнании.

Надежд получить помощь японцев больше не было. К тому же сам по себе курс на союз с Японией против Юань Шикая, которого Сунь Ятсен продолжал придерживаться на протяжении предшествующих лет, был встречен в штыки даже теми, кто всегда поддерживал его. Создание Гоминьдана, замысленное как средство сплочения всех революционных сил, обернулось прямо противоположным исходом: слишком резкая формулировка принципа единоначалия оттолкнула многих последователей Сунь Ятсена и привела к расколу движения. И даже у тех, кто остался верен д-ру Суню, в это время появился повод для критики вождя, правда, не имевший никакого отношения к его политической программе.

Любовь зла

Когда секретарь Сунь Ятсена Сун Айлин отвергла матримониальные планы шефа и вместе с Кун Сянси покинула Японию, она, памятуя о том, что личное не должно наносить ущерб общественному, рекомендовала на оставленный ею пост свою младшую сестру, только что вернувшуюся из Штатов.

Сун Цинлин более чем кто-либо другой подходила на должность секретаря, ответственного за ведение иностранной переписки лидера Гоминьдана. Она родилась в 1893 г. в космополитичном Шанхае. В семье ее на заморский манер называли Rosamond. Первоначальное

¹ Дуань Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 443–444.

образование она получила в миссионерской школе и с детства свободно изъяснялась по-английски. Когда Сун Цинлин исполнилось 15, она вместе со своей сестрой Сун Мэйлин отправилась в Штаты, где поступила на гуманитарный факультет частного университета.

Увлечение западной литературой не мешало ей оставаться горячей патриоткой Китая. Однажды, прочтя слова Наполеона «Китай — это дремлющий лев, и когда он пробудится ото сна, его рычание заставит содрогнуться весь мир!», она сказала: «У нас на Родине есть свои выдающиеся личности, подобные Петру Первому, Наполеону и Вашингтону!»¹

Сун Цинлин
(1893–1981)

Одной из таких выдающихся личностей Сун Цинлин с детских лет считала Сунь Ятсена. Поэтому предложение стать его секретарем она восприняла как подарок судьбы.

«Тогда я еще не любила его, — вспоминала она впоследствии, — я преклонялась перед ним как перед героем. Я хотела помочь ему спасти Китай, а Сунь Ятсен был человеком, способным на это»².

Но ежечасное общение со своим кумиром привело к тому, что преклонение перед героем сменилось совсем иным чувством. И она призналась в этом Сунь Ятсену.

Д-р Сунь, исподтишка засматривавшийся на свою юную секретаршу, все же счел нужным сказать: «Цинлин, еще раз как следует подумай об этом. Ты молода, тебе всего 22 года!»

И услышал в ответ: «Революция не спрашивает, сколько лет человеку. Любовь — тоже. Возраст не может стать для нас непреодолимым препятствием. В своих мыслях я все время с тобой, и моя жизнь теперь немислима без твоей»³.

¹ 黄瑾、毛胜。孙中山一家人 (Хуан Цзинь, Мао Шэн. Семья Сунь Ятсена). Пекин. 2004. С. 212.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 117.

Сунь Ятсену в это время исполнилось 49 лет. Его сын Сунь Кэ был старше Сун Цинлин на год.

Сун Цинлин вспоминала:

Я прекрасно понимала, что если у меня дома узнают, что я согласна стать его женой, все будут решительно против. Исходя из своих религиозных убеждений, они ни при каких обстоятельствах не могли согласиться на мой брак с разведенным¹.

Тем не менее она решила поехать домой в Шанхай, чтобы попробовать уговорить своих родителей.

Узнав о намерении дочери, ее матушка всплеснула руками: «Да ты с ума сошла, Розамунд, ты просто с ума сошла! Он ведь в два раза старше тебя, да к тому же у него семья! Я никогда не соглашусь на этот брак!»

Не менее определенно высказался и ее отец Сун Яожу.

Сун Цинлин не сдавалась: «Я нужна г-ну Суню и его великому делу! А он нужен мне!»

Со своей стороны 20 июля Сунь Ятсен написал Сун Яожу письмо, в котором эзоповым языком сообщал о намерении соединить свою жизнь с Цинлин.

Ответ Сун Яожу:

То, о чем ты поведал, настолько невероятно, что в это невозможно поверить! Я склонен считать, что это шутка. Она настолько чудовищна и смехотворна, что походит на детский лепет, выходящий за пределы моего понимания!

Сун Яожу продолжал:

Дорогой доктор! Не верь словам девочки, начитавшейся романов, тем более что ей нравится шутить над собой. Я могу заверить тебя, что мы относимся к тебе с огромным уважением и никогда не сделаем ничего, что причинит вред тебе и твоему делу. «Предатели» всегда останутся нашими врагами, и Розамунд ненавидит таких людей так же, как и ты. <...> Но наша семья верит в Бога, и наша дочь не может стать чьей бы то ни было наложницей, даже если тот — всемогущий правитель, император или президент. Мы можем нищенствовать, но нам неведома алчность и тем более какие-то иные замыслы, и маловероятно, чтобы мы совершили нечто, противоречащее христианской морали. <...>

Дорогой доктор! Запомни: что бы ни случилось, мы остаемся твоими верными друзьями. Я берусь утверждать, что среди китайцев нет чело-

¹ 宋庆龄自述 (Сун Цинлин. Автобиография) // Данъань юй шисюэ. 1997. № 1. С. 3.

Брачный контракт Сунь Ятсена и Сун Цинлин

века более благородного, искреннего и любящего свою Родину. Как могут сознательные и честные люди выступать против тебя? Но мы скорее согласны на то, чтобы Цинлин умерла и была похоронена, чем видеть, что она стала наложницей (или женой) человека, предавшего нас. Можешь быть совершенно уверен: мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы воспрепятствовать этому!¹

Сун Яожу запер дочь в ее комнате, запретив ей покидать свою обитель. Но ей всё же каким-то чудом удалось бежать, и она вскоре добралась до Токио.

Сунь Ятсен к тому времени получил от Лу Мучжэнь согласие на развод. Узнав о планах мужа, она произнесла: «Я неграмотная и по-английски не умею, так что быть ему полезной не могу!» – и приложила палец к заявлению о разводе.

25 октября Сунь Ятсен и Сун Цинлин явились к известному токийскому юристу Вада с просьбой зарегистрировать их брак. Вада составил соответствующий документ (на японском языке), под которым вслед за

¹ Сун Яожу — Сунь Ятсену, 3 августа 1915 г. // Хуан Цзинь, Мао Шэн. Семья Сунь Ятсена. С. 120–121.

новобрачными поставил свою подпись. Поскольку по японским понятиям оформлять столь важное дело лучше было в четный день, документ был датирован 26 октября.

В тот же день во второй половине дня в доме у Умэя Сокити состоялась свадьба, на которую были приглашены только близкие друзья.

А на следующий день в Токио приехали родители Сун Цинлин, намеревавшиеся помешать свадьбе дочери.

Против были не только родители

Видя, что все его пространные рассуждения не убедили д-ра Суня, Сун Яожу встал перед ним на колени, умоляя оставить Сун Цинлин в покое. Но ему показали их брачный контракт. Потерявший над собой контроль отец крикнул своему новоявленному зятю, что впредь не хочет иметь с ним ничего общего и что Сун Цинлин больше ему не дочь. Вернувшись в Китай, он слег и долго не мог прийти в себя.

Сун Цинлин вспоминала на старости лет:

Мои родители прочли оставленную мною записку, сели на пароход и поспешили в Японию в надежде уговорить меня оставить моего будущего мужа <...> Мама плакала, а отец, страдавший болезнью печени, даже побежал к японским властям с просьбой аннулировать наш брак на том основании, что я несовершеннолетняя и вступила в брак по принуждению. Ясно, что японцы не могли вмешаться!¹

Брак Сунь Ятсена был встречен в штыки многими его соратниками, полагавшими, что

Новобрачные в 2016 г.

¹ Там же. С. 123.

это событие бросает тень на моральный облик лидера партии, который должен быть всегда и во всем образцом для своих товарищей.

Симпатии старых сторонников Сунь Ятсена — Ху Ханьминя, Ван Цзинвэя, Чжу Чжисиня, Ляо Чжункая и др. — были на стороне Лу Мучжэнь и Чэнь Цуйфэнь (согласия второй из них на брак Сунь Ятсена по китайским законам не требовалось).

Но Сунь Ятсен проявил твердость духа. Он отвечал критикам:

Я обсуждаю с вами государственные дела, а вмешиваться в мои семейные проблемы вам нет необходимости¹.

Чего не знали критики Сунь Ятсена

Друзья и последователи, порицавшие своего лидера за его развод и очередную женитьбу, не подозревали о том, что его брак с Сун Цинлин был не третьим, а четвертым по счету.

Оцуки Исао
(1888–1970)

На самом деле у Сунь Ятсена была еще одна законная жена.

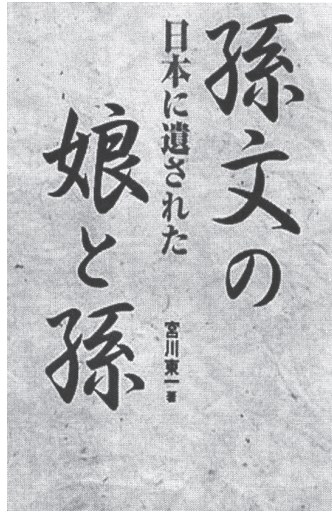
В 1898 г. на втором этаже дома № 121 по Ямаситамати в Иокогаме, где жил некий Оцуки Сото, возник пожар. Домочадцы принялись заливать огонь, но перестарались, и вода просочилась в квартиру первого этажа. Оцуки послал свою дочь Исао, немного знавшую английский язык, извиниться перед пострадавшим соседом.

Этим соседом был Сунь Ятсен. Миловидная Исао пригласилась ему, и он стал наведываться к ней в гости.

Вскоре Сунь Ятсен попросил у Оцуки Сото согласия на брак с его дочерью, но получил отказ: Исао в это время было всего 14 лет. Д-р Сунь продолжал настаивать на своем, и в 1904 г. его брак с Исао был зарегистрирован с соблюдением всех японских законов.

12 мая 1905 г. Исао родила дочь, которую называли Томиёсико. Сунь Ятсена в этот момент в Японии уже не было. Узнав о появлении на свет дочери, он ограничился тем, что написал Исао письмо. По-японски делать это он не мог, а читать по-английски его супруга не умела.

¹ Там же. С. 125.

**Миягава Тоити
и его книга**

Поэтому весточку жене Сунь Ятсен написал по-китайски, попросив жившего в Иокогаме японца перевести ее.

Время шло, и скоро он перестал интересоваться судьбой Исао и своих японских потомков — дочери и внука Миягава Тоити, который впоследствии написал книгу под названием «Дочь и внук Сунь Ятсена, брошенные им в Японии»¹.

¹ 有谁知道孙中山和大月熏的故事 (Кому известна история Сунь Ятсена и Оцуки Исао?) // <https://zhidao.baidu.com/question/351976615.html>.

Глава XIII

Роковая ошибка Юань Шикая

Накануне

В своих воспоминаниях последний император маньчжурской династии Пуи писал, что 1914 г., принесший ему и его родне надежду на лучшее будущее, вполне можно было бы назвать «годом реставрации».

Сунь Ятсен нарушает молчание

Внимательно перелистав официальные выступления Сунь Ятсена за первую половину 1915 г., читатель несомненно обратит внимание на странный факт: до того момента, когда министр иностранных дел Лу Чжэнсян поставил свою подпись под соглашением, означавшим принятие большинства японских условий, лидер Гоминьдана хранил упорное молчание по поводу происходивших событий, словно они его вообще не касались.

По натуре Сунь Ятсен отнюдь не был молчуном. Напротив, он всегда спешил довести до всеобщего сведения свои идеи, намерения и решения. Но в данном случае он почему-то упорно хранил молчание по одному из самых острых вопросов современности.

Парадоксальность ситуации, разумеется, мнимая.

Сунь Ятсену было не с руки обвинять пекинское правительство в предательстве интересов китайского народа, если в своих обращениях к кабинету министров Японии он сам выражал готовность удовлетворить все желания восточного соседа в обмен на помощь в его борьбе против «архипалача» Юань Шикая. При этом немаловажным было то обстоя-

тельство, что Япония принуждала китайских дипломатов пойти ей на уступки, а пекинское правительство всеми силами сопротивлялось грубому нажиму, тогда как еще более щедрые посулы Сунь Ятсен делал по своей собственной инициативе, а Токио не спешило принимать их.

Воздерживаясь от комментариев по поводу грабительских требований японского правительства, глава Гоминьдана оставлял дверь для дальнейших уступок со своей стороны открытой. Но чем дальше, тем молчание Сунь Ятсена вызывало всё большее недоумение как членов Гоминьдана, так и патриотически настроенных граждан страны. Он вынужден был что-то предпринять, чтобы окончательно не лишиться поддержки со стороны своих соотечественников.

Наконец настало время, когда молчать больше было нельзя. 10 марта 1915 г. отдел партийных дел Гоминьдана опубликовал «Инструкцию № 8», призванную прояснить ситуацию. Она была подписана начальником отдела Цзюй Чжэном и разослана в партийные ячейки. Смысл этого пространного текста сводится к следующему.

По поводу «21 требования» Японии наперебой высказывались те, кто принимал участие во «Второй революции», но затем изменил ее идеям. К ним относятся такие деятели, как Хэ Хаймин, пришедший к Юань Шикаю с повинной; Линь Ху, поспешивший заявить о своей непричастности к деяниям Юань Шикая; Хуан Син, «считающий революции преступлениями, но не признающий таковым свое дезертирство».

Вождь Гоминьдана не спешил обнародовать свое мнение по этому поводу потому, что полагал:

Не занимая соответственного общественного положения, нет смысла выражать свою точку зрения, потому что ее все равно не примут всерьез и она ничем не поможет решению вопроса. <...>

Наша партия находится [в Японии] на положении нелегальной организации, и ей не подобает выступать с заявлениями по поводу официальных международных переговоров.

Но своя точка зрения у лидера партии, конечно, была, и он разъяснял ее всем, кто обращался к нему. Суть этой точки зрения: невозможно повлиять на ситуацию, не решив главную проблему.

А главная проблема сейчас состоит в том, что нужно покончить с юаньшикаевским режимом.

Если навести порядок внутри страны, народ получит большие права, основа государства укрепится и внешняя агрессия станет невозможной. <...>

Между тем соотечественники не задумываются над необходимостью удалить [Юань Шикая], а валят с больной головы на здоровую, обвиняя в чем-то нашу партию. Такова глупость наших соотечественников! Что тут еще можно сказать?! Что тут еще можно сказать?!

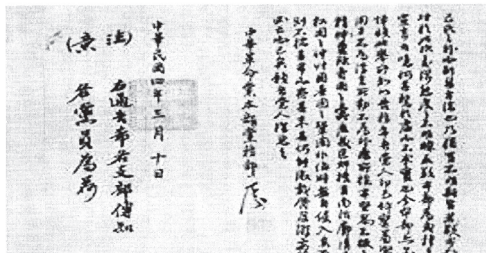
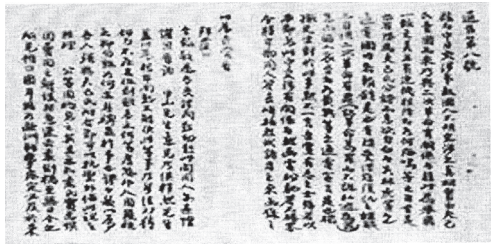
К тому же, говорилось в «Инструкции», инициатором начала нынешних переговоров в Пекине является сам Юань Шикай, решивший объявить себя императором и нуждающийся в признании иностранными державами. Юань Шикай обратился с соответствующей просьбой к японскому правительству, а оно назначило цену, которую узурпатор должен был заплатить за оказанную ему услугу.

«Инструкция № 8» была документом, обращенным к членам Гоминьдана, и изложенная в ней версия осталась неизвестной широким кругам китайской общественности, продолжавшим недоумевать по поводу того, почему д-р Сунь не высказывает своего отношения к пекинским переговорам. После того как Юань Шикай принял большую часть японских требований, представители китайского студенчества обратились с этим вопросом непосредственно к Сунь Ятсену.

Он был вынужден высказаться по этому острому вопросу.

В своем ответе Сунь Ятсен повторяет версию, изложенную до этого в «Инструкции № 8», утверждая, что инициатором переговоров по поводу «21 требования» был президент Юань Шикай:

После начала войны в Европе западным державам было не до происходящего на Востоке, [и Юань Шикай] решил воспользоваться ситуацией, для того чтобы объявить себя императором.

«Инструкция № 8»

Он хотел заручиться поддержкой со стороны Японии, так что нынешние переговоры фактически были начаты по его просьбе. Япония выдвинула ответные требования, [Юань Шикай] понимал, что ему неизбежно придется заплатить вознаграждение [японцам, и он] намеревался вести переговоры в условиях секретности. Но в зарубежных газетах появились сообщения о происходившем, что вызвало возмущение общественного мнения. Даже его ближайшие приспешники вроде Дуань [Цижун] и Фэн [Гочжана] выступили против. В этих условиях ему не оставалось ничего иного, как сделать вид, что он сопротивляется и тянет время. Когда же японская сторона ужесточила свои требования, [Юань Шикай] принял их, заявив, что у Китая нет сил [сопротивляться].

Если рассмотреть требования японской стороны, то главные из них, затрагивающие интересы [Китая], касаются Шаньдуна, Маньчжурии, Восточной Монголии, провинции Фуцзянь и добычи каменного угля и железа Ханьепинским комбинатом. Еще до получения ультиматума Юань Шикай уже склонялся к тому, чтобы согласиться с этим требованием. <...>

Что же касается пятой группы требований, [подписать которые Юань Шикай отказался,] то [в случае их принятия] Китай действительно превратился бы во вторую Корею, и это был бы «договор, подписанный под стенами капитулировавшей крепости». <...> Поскольку Япония видела, что ее жители не хотят начинать войну, а иностранные державы занимают в этом вопросе примирительную позицию, она для вида пошла на уступку, согласившись отложить обсуждение этого вопроса. <...> На основании вышесказанного можно утверждать, что не кто иной, как Юань Шикай, предавший интересы своей страны и согласившийся принять предъявленные ему требования ради получения согласия [на реставрацию монархии], является главным виновником [сложившейся ситуации]¹.

Воля народа или ее имитация?

У нас нет оснований принимать на веру это утверждение Сунь Ятсена, но в 1915 г. в Китае то тут, то там действительно начали раздаваться голоса, ставившие под вопрос правомерность и целесообразность республиканского строя.

Одним из наиболее активных проповедников подобного рода взглядов был престарелый ученый Лао Найсюань. В свое время он получил

¹ Ответ Сунь Ятсена на письмо пекинских студентов, май 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 357–358.

Лао Найсюань
(1843–1921)

широкую известность благодаря тому, что предложил вдовствующей императрице Цыси отказаться от иероглифики и перейти на фонетическое письмо. Теперь он вплотную занялся политикой.

Лао Найсюань написал брошюру под названием «Что такое республика», а некоторое время спустя закончил продолжение этого сочинения и в 1914 г. издал обе части под одной обложкой.

Основная мысль автора: республиканский строй в его европейской интерпретации не подходит для Китая с его специфическими традициями. Поэтому он предлагал сохранить название «Республика», но на деле перейти к конституционно-монархической форме правления.

Эту идею Лао Найсюань изложил бывшему губернатору Трех Восточных провинций Чжао Эрчжуаню и нашел в нем своего убежденного единомышленника, однажды заявившего: «Скоро солнце и луна снова будут блистать на небосклоне».

Чжао Эрчжуань был в это время приглашен на должность председателя комиссии по составлению истории эпохи Цин. Он согласился при условии, что правительство официально реабилитирует его брата Чжао Эрфэна, убитого восставшими во время Синьхайской революции, на что президент Юань Шикай ответил согласием. На вопрос о том, почему он пошел служить республиканскому правительству, Чжао Эрчжуань отвечал: «Я — цинский чиновник и, составляя историю эпохи Цин, я, как и прежде, служу ей». Но эти слова вызвали отповедь со стороны его еще более консервативного коллеги: «История эпохи Цин еще не завершилась, и составлять ее пока рано».

Среди отставных цинских чиновников, постоянно общавшихся между собою и обсуждавших проблемы реставрации монархического строя, был Лян Динфэнь, бывший наставник императора Сюаньтуна. Для его отношения

Чжао Эрчжуань
(1844–1927)

Лян Динфэнъ
(1859–1919)

к окружающей действительности характерен эпизод, произошедший в марте 1913 г. на похоронах вдовствующей императрицы Луньюй.

Когда катафалк подъехал к месту погребения, Лао Найсюань и Лян Динфэнъ, громко плача, простерлись на земле. В это время дальний родственник императорской семьи Сунь Баоци (ему суждено было впоследствии стать премьер-министром Китайской Республики), одетый в европейское платье, совершал поклоны у гроба. Увидев его, Лян Динфэнъ едва не набросился на него с кулаками:

– Вы, извините, из какой страны приехали?

– Перестань шутить, брат! — удивился Сунь Баоци, на что разъяренный Лян Динфэнъ отвечал:

– А я вовсе не шучу! Если ты революционер, то тебе здесь не место, а если ты еще помнишь, что служил империи, то почему ты не в трауре?!

– Здорово ты его! — заметил еще не успевший подняться с земли Лао Найсюань.

Одним из сотрудников комиссии по составлению истории Цин был в это время известный ученый Сун Юйжэнъ, также включившийся в полулегальную деятельность своих сослуживцев. Он настаивал на том, чтобы направить президенту петицию на предмет реставрации монархического строя в Китае.

Кончилось тем, что прокурор Ся Шоукан потребовал от правительства привлечь вышеупомянутых деятелей к уголовной ответственности.

Во время обсуждения этого вопроса Юань Шикай заметил:

Сюаньтун — маньчжур, да к тому же он сам отрекся от престола. Если уж им непременно нужен император, пусть им будет китаец. Династия эпохи Цин воцарилась, свергнув Мин. Так что хорошо бы найти кого-то по фамилии Чжу, а лучше всего —

Сун Юйжэнъ
(1857–1931)

потомка Хунъю¹. Если же найти такого не удастся, то министр Чжу² согласится на это!³

Рассказав Чжан Гоганю эту маленькую историю, свидетель произошедшего Сюй Шичан (будущий президент Китайской Республики) высказал предположение, что это было первым по времени свидетельством желания Юань Шикая самому занять императорский престол⁴.

Возможно, это действительно так и было. Но не исключено, что Юань Шикай в тот раз просто пошутил. Трудно поверить, что он мог всерьез говорить о своем министре транспорта как о будущем императоре Китая. Во всяком случае, он утвердил решение правительства о наказании лиц, пропагандировавших идею восстановления династии эпохи Цин. Их снимали с занимаемых должностей и ссылали на родину, запрещая при этом впредь принимать какое бы то ни было участие в любой политической деятельности.

Через год ситуация изменилась. Она приобрела новые формы и иной размах.

14 июля 1915 г. российский посланник в Пекине В. Н. Крупенский в своей очередной депеше докладывал министру иностранных дел С. Д. Сазонову о том, что в китайской столице «снова стали циркулировать слухи о введении монархического строя»⁵.

18 августа 1915 г. посланник сообщил об этом гораздо более подробно:

С молчаливого согласия Юань Шикая некоторые члены совета по правительственным делам, как то: помилованный член партии Гомин[ь] дан Сун Юйюн [Сунь Юйцзюнь], Ян Ду, известный болтун и крикун по политическим вопросам, Янь Фу, закоренелый курильщик опиума, лингвист и автор сочинений о европейской цивилизации (эти три лица, между прочим, состоят членами начавшей уже свои работы комиссии по выработке постоянных конституционных законов) и три вновь помилованные революционера Лю Шипэй, Ли Сехе и Ху Ин организовали в Пекине Общество принятия мер к обеспечению спокойствия в государстве (Чоуаньхуй) и готовятся путем публичных лекций внушить народу,

¹ Хунъю — основатель правившей династии эпохи Мин Чжу Юаньчжан.

² Чжу Цицян был в это время министром транспорта.

³ 张国淦. 北洋述闻 (Чжан Гогань. Услышанное в коридорах Бэйянского правительства). Шанхай. 1998. С. 75.

⁴ Там же.

⁵ Крупенский — Сазонову, 14 июля 1915 г. // Международные отношения эпохи империализма (далее — МОЭИ). Т. 8. Ч. 2. С. 261.

Ян Ду

Лю Шипэй

Сунь Юйцзюнь

Янь Фу

Ху Ин

Ли Сехэ

что республиканский строй для Китая не годится и что спасение страны в возвращении к монархии¹.

В Китае перечисленных Крупенским деятелей в то время называли «Шестью благородными мужами». Все они были известными личностями и их имена были на слуху и у прессы, и у рядового обывателя.

Но это были люди разной судьбы, и в Обществе они оказались по разным причинам.

Инициатором создания Общества был Ян Ду.

Идея конституционной монархии оставалась его *idée fixe* практически на всем протяжении сознательной жизни (он отказался от нее, кажется, только в 1929 г., вступив в компартию).

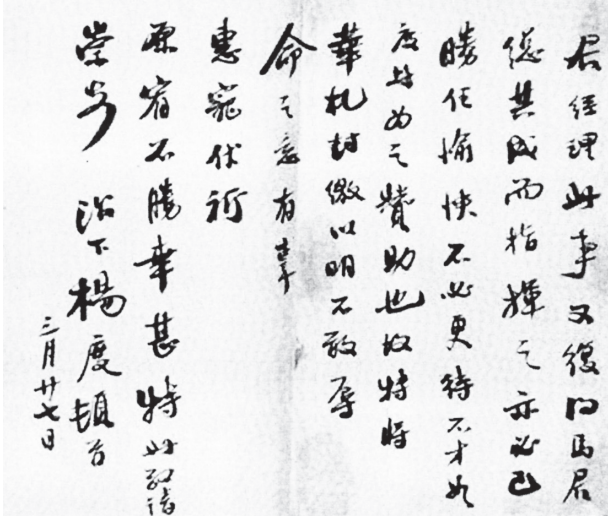
Когда в начале прошлого века Ян Ду учился в Японии, произошла его встреча с Сунь Ятсеном. Речь, естественно, зашла о том, как спасти

¹ Крупенский — Сазонову, 18 августа 1915 г. // Там же.

Китай. Собеседники спорили несколько дней кряду, но найти общего языка не смогли. Прощаясь, Ян Ду сказал:

Я выступаю за конституционную монархию. Надеюсь, что в случае, если я осуществлю задуманное, Вы поможете мне.

Вы агитируете за расовую революцию. Если Вы добьетесь успеха, я изменю свои убеждения и всеми силами буду помогать Вам¹.

Автограф Ян Ду

Но Ян Ду не сдержал своего слова. После того как в 1911 г. «расовая революция» победила, Ян Ду своих убеждений не изменил и вместе с Ван Говэем организовал группу, разрабатывавшую проект учреждения в Китае конституционно-монархического строя, но эта его попытка осуществить цель своей жизни закончилась неудачей.

Предыстория вступления Лю Шипэя, Сунь Юйцзюня, Ли Сехэ и Ху Ина в Общество была иной. Все они некогда состояли в Объединенном союзе и все при разных обстоятельствах разочаровались в революции, став в конце концов сторонниками Ян Ду.

Что же касается Янь Фу, самого пожилого и заслуженного члена шестерки, известного просветителя, познакомившего китайскую чита-

¹ 是革命还是改革？杨度与孙中山辩论了三天三夜（Революция или реформы? Ян Ду три дня и три ночи спорил с Сунь Ятсеном) // <https://tech.ifeng.com/c/7rMD48NfzUW>.

Здание, в котором заседало Общество

ющую публику с трудами европейских эволюционистов, то он до последнего момента сопротивлялся уговорам инициатора, которому нужно было не столько реальное участие этого ветерана в работе Общества, сколько его авторитетное имя¹.

Так или иначе, 14 августа 1915 г. было официально объявлено об учреждении Общества, а 23 августа газеты поместили на своих страницах составленный Ян Ду манифест.

Объявленные цели Общества состояли в теоретическом изучении вопроса о том, какая форма правления — монархическая или республиканская — более соответствует условиям Китая. Однако дело не ограничивалось академическими изысканиями. Шестерка обращалась к провинциальной администрации и общественным организациям с призывом высказывать свое мнение по главной проблеме дня, а получив отклики с мест, публиковала результаты опроса.

Сведения о том, как реагировало правительство на деятельность Общества, на первых порах были противоречивы.

Посол Крупенский доносил в Петроград, что сам Юань Шикай высказывается одобрительно о планах восстановления монархии, но «заявляет,

¹ Цзе Сичжан. О том, как имя Янь Фу оказалось в списке организаторов общества Чоуаньхуй // <http://dajia.qq.com/xqz20180409.html/>

что лично он императорского титула не примет, а будет способствовать возведению на престол малолетнего Пуи, бывшего маньчжурского императора»¹.

Между тем 30 августа Министерство иностранных дел разослало в китайские посольства за рубежом инструкцию, которую следовало довести до сведения правительств стран пребывания.

В инструкции говорилось:

Синьхайская революция свергла маньчжурскую династию под знаменем Республики, которая стала основой государственного строя в силу расовых соображений. Но вскоре после этого граждане стали тяготиться ею, поскольку она не соответствовала традициям страны. За последние два года всё больше влиятельных людей из различных провинций высказывается в пользу монархического строя. Президент Юань решительно выражает свое отрицательное отношение к этому и принимает меры к прекращению этих толков. Однако общественному мнению трудно противостоять. <...> У президента Юаня широкий взгляд на вещи, и можно предвидеть, что он не допустит, чтобы сомнительные действия нанесли ущерб его репутации. Если в настоящее время правительство будет действовать методами, характерными для эпохи маньчжурского владычества, и категорически запрещать обсуждать вопрос о государственном строе, то влиятельные деятели страны будут вынуждены объединиться с политиками, а это грозит Китаю большими опасностями, чем во время революции 4 года тому назад².

Вслед за этим 6 сентября Юань Шикай сделал официальное заявление парламенту:

Будучи президентом, я призван способствовать укреплению республики. Но за последнее время жители ряда провинций обращаются в парламент с петициями по поводу изменения государственного строя, что несовместимо с моим статусом президента. Но я был избран народом и, естественно, должен сейчас прислушаться к гласу народа³.

19 сентября министр Лян Ши объявил об учреждении Объединенного общества петиций.

Лян Ши
(1869–1933)

¹ Крупенский — Сазонову, 18 августа 1915 г. // МОЭИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 261.

² Цит. по: 唐启华. 洪宪帝制外交 (Тан Цихуа. Дипломатия имперского строя [периода] Хунсянь). Пекин. 2017. С. 55.

³ Там же. С. 55–56.

Движение за реставрацию монархического строя вступило в новую фазу. Теперь оно уже перестало быть чисто внутренним делом Китая, потому что на него не могли не реагировать великие державы, заботившиеся об охране своих интересов в этой стране.

Большинство из них реагировало на происходившие в Китае события по-разному.

Гу Вэйцзюнь отправляется в Соединенные Штаты

По мнению такого серьезного исследователя, каким является тайваньский историк Тан Цихуа, с подготовкой к реставрации в Китае монархии было связано назначение Гу Вэйцзюня в июле 1915 г. послом в Мексику, а затем — в Соединенные Штаты Америки¹.

В своих воспоминаниях Гу Вэйцзюнь отрицал это:

Лично я не верил, что это движение может завершиться успехом. <...> В свою бытность в Пекине я всячески избегал каких бы то ни было контактов с теми, кто выступал за реставрацию. Руководители движения знали мое мнение и мои политические позиции. Никто из них не обращался ко мне с предложением поддержать их².

Однако, как было показано Тан Цихуа, конкретная деятельность Гу Вэйцзюня в Штатах свидетельствует, что он готовил тамошнее общественное мнение к мысли о том, что в Китае могут произойти важные поли-

Тан Цихуа

Гу Вэйцзюнь (1888–1985)

¹ Тан Цихуа. Дипломатия имперского строя [периода] Хунсянь. Пекин. 2017. С. 44–54.

² 顾维钧回忆录 (Гу Вэйцзюнь. Воспоминания). Т. 1. Пекин. 1983. С. 96.

тические изменения. К аналогичному выводу пришел и американский исследователь С. Крафт:

Главная цель миссии Гу Вэйцзюня в Америке заключалась в том, чтобы попытаться убедить американцев: у Китая нет иного выбора, кроме возвращения к монархической форме правления¹.

Настоятельная рекомендация

Правительства великих держав внимательно следили за событиями, происходившими в Китае.

Посланник Крупенский информирует Петроград

Российский посланник в Пекине В. Н. Крупенский в своих докладах министру иностранных дел С. Д. Сазонову детально характеризовал ситуацию, сложившуюся вокруг движения за реставрацию. Поэтому ниже мы приводим обширные выдержки из его донесений.

8 сентября он написал Сазонову:

Монархическое движение в Китае <...> пошло было за истекшие две недели еще более ускоренным темпом. По почину общества Чоуаньхуй из разных мест Китая стали поступать в Пекин телеграммы с изложением пожеланий о восстановлении монархического строя.

В том же смысле поступили заявления и от имени большинства провинций как собственного, так и застенного Китая, причем следует отметить, что в большинстве случаев в качестве представителей этих провинций, особенно наиболее отдаленных, самозвано выступили не имевшие на то ни малейшего права проживающие в Пекине либо уроженцы этих местностей, либо лица, занимавшие в них прежде административные должности.

Наконец, президенту недавно была представлена вновь назначенным *цзяньцзюнем* трех маньчжурских провинций Дуань Чжигуем петиция, подписанная всеми *цзяньцзюнями* и военными губернаторами, с ходатайством о скорейшем разрешении вопроса об окончательной форме правления путем восстановления монархии. Подобная же петиция подана совещательной палате от имени всех торговых палат Китая.

¹ Craft S. G. Wellington Koo and the Emergence of Modern China. Lexington. 2004. P. 39–40.

Столь быстрый и неосмотрительный образ действий поощряемых свыше заправил монархического движения возбудил, однако, живейшие опасения некоторых из наиболее опытных и осторожных китайских государственных деятелей, которые, несмотря на свою бесспорную преданность Юань Шикаю, сочли долгом высказаться перед ним в том смысле, что они не считают настоящий момент благоприятным для осуществления признаваемой ими, впрочем, в принципе желательной перемены формы правления в Китае.

Таковой взгляд лица эти, между коими следует отметить вице-президента Ли Юаньхуна, министра иностранных дел Лу Чжэнсяна, государственного контролера Сун[ь] Баоци и советников при президенте адмирала Цай Тингана и генерала Мунте, основывают как на несочувствии, проявляемом китайской интеллигенцией и большинством прессы к столь внезапному возвращению к старому строю, так и, главным образом, на опасении, что Япония воспользуется предполагаемой переменой для возбуждения беспорядков и активного вмешательства под предлогом оных во внутренние дела Китая, что привело бы к новым с ее стороны захватам.

Далее Крупенский сообщал, как прореагировали на происходившее в Японии и Англии:

Нельзя не признать, что последние опасения представляются вполне основательными. Японское общественное мнение и пресса относятся враждебно к перспективе предполагаемой в Китае перемены государственного строя, а японский посланник перед своим отъездом определенно сказал мне и нашему британскому сотоварищу, что, хотя в Японии и считают монархический образ правления наиболее подходящим для Китая, Юань Шикай там никакими симпатиями не пользуется и его вступление на китайский престол встречено было бы весьма несочувственно.

Как сэр Дж. Джордан, так и я вынесли из нашей беседы с г-ном Хиоки впечатление, что Япония не отнесется безразлично к провозглашению Юань Шикая императором и желает оставить за собой в этом отношении полную свободу действий.

Все вышеизложенное побудило великобританского посланника в высшей степени категорически высказаться перед несколькими китайскими государственными деятелями против желательности изменения формы правления в Китае в настоящую минуту, когда порядок внутри страны едва только установился и ей могут угрожать внешние осложнения. Это свое мнение сэр Дж. Джордан довел до сведения президента.

Мне, со своей стороны, кажется, что никак не в наших интересах, чтобы между Китаем и Японией произошли осложнения именно теперь, когда мы, подобно другим европейским державам, будучи всецело погло-

щены войной, лишены возможности оказать подобающее России влияние на то или иное направление дальневосточных дел.

Между тем весьма вероятно, что Япония воспользовалась бы переменой государственного строя в Китае, чтобы предъявить к последнему новые требования, которые могли бы оказаться совершенно не отвечающими нашим интересам и в осуществлении коих ей, однако, при настоящем положении вещей ни мы, ни кто другой не могли бы помешать. Возможно даже, что побужденные ею самой внутренние неурядицы в Китае помогли бы ей достигнуть заветной цели подчинения своему влиянию всего Китая путем возведения на китайский престол японского ставленника.

Ввиду этих соображений я счел долгом, будучи запрошен приближенными к президенту лицами о моем мнении по вопросу о возвращении Китая к монархическому строю, высказаться более или менее в одинаковом с великобританским посланником смысле.

Оговорившись, что я нисколько не желаю вмешиваться во внутренние дела Китая, подлежащие решению исключительно самих китайцев, и что в принципе я, несомненно, признаю преимущества монархического строя перед республиканским, я высказал мнение, что в настоящую минуту общее международное политическое положение не благоприятствует каким-либо переменам, могущим создать для Китая внутренние или внешние осложнения, и что мне казалось бы поэтому предпочтительным, как в интересах Китая вообще, так и самого президента, отложить до окончания войны осуществление мысли о восстановлении монархии. Смею надеяться, что такой мой образ действий встретит одобрение Вашего Высокопревосходительства.

Крупенский продолжал:

Мои слова были тотчас переданы президенту, и два дня тому назад Юань Шикай прислал доверенное лицо, чтобы выразить мне его искреннюю благодарность за откровенно высказанное мной мнение, заверив меня, что он его высоко ценит, и сообщить, что он намерен отложить до окончания европейской войны решение вопроса о перемене государственного строя в Китае. Вместе с тем президент поручил своему посланнику объяснить мне, что он не принимал никакого участия в возникновении монархического движения и готов лишь исполнить все то, что от него потребует народ во имя блага страны. В тот самый день, когда мне было сделано от имени президента вышеизложенное сообщение, Юань Шикай обратился к совещательной палате с прилагаемым при сем в переводе посланием, в коем он высказывается против изменения в настоящую минуту формы правления. В том же смысле им был послан по телеграфу ответ на петицию *цзянцзюней* и военных губернаторов.

Таким образом, можно полагать, что в соответствии с полученными им с разных сторон советами осторожности президент примет меры к приостановлению движения в пользу немедленного возвращения к монархическому строю и побудит общество Чоуаньхой ограничиться пока подготовкой общественного мнения к этой неизбежной в будущем перемене.

До сих пор, однако, никакого определенного поворота в деятельности монархистов еще не заметно, хотя уже говорят, что в их среде произошел раскол. Некоторыми из них ныне распространяется мысль о возможности характерно китайского компромисса, который выразился бы либо в провозглашении Юань Шикая «императором Китайской республики», либо в объявлении его «наследственным президентом»¹.

Вскоре после этого Крупенский имел беседу с министром Лян Ши.

По словам последнего, «ныне <...> представляется несвоевременным, с точки зрения мирового политического положения, и даже опасным, с точки зрения общественного спокойствия, слишком торопиться с проведением в жизнь этой реформы. Ввиду этого решено несколько затормозить монархическое движение и по возможности дольше затянуть решение вопроса о форме правления, которым, однако, неизбежно должно заняться национальное собрание, имеющее быть созданным в конце этого года для выработки окончательной конституции»².

1 октября Крупенский испросил указаний Сазонова «на случай запроса китайцев о признании нового режима императорским правительством» и добавил: «Насколько можно судить, здесь затруднений в вопросе о признании нельзя ожидать ни от какой державы»³.

Юань Шикай уже примерил императорский мундир

¹ Крупенский — Сазонову, 8 сентября 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 2. С. 261–265.

² Крупенский — Сазонову, 22 сентября 1915 г. // Там же. С. 265.

³ Крупенский — Сазонову, 1 октября 1915 г. // Там же.

Ответ Сазонова гласил:

Мы предвидим разнообразные затруднения для Юань Шикая при его провозглашении китайским императором.

Прежде всего, это событие, вероятно, подаст повод к внутренней смуте на юге Китая, а может быть, и на его окраинах. Однако мы считаем вопрос о государственном строе внутренним делом китайцев. Если Юань Шикай чувствует себя достаточно сильным, чтобы справиться с этими затруднениями, степень серьезности которых мы предоставляем ему оценить, и если он на деле докажет эту свою силу, то с нашей стороны не встретится препятствий к его признанию императором.

За всем тем мы не можем не сомневаться в своевременности замышляемого Юань Шикаем государственного переворота¹.

«Дружеский совет» держав

Крупенский докладывал Сазонову:

Наш посол в Токио уведомил меня о предложении, сделанном Японией императорскому правительству, присоединиться к ней в преподании Юань Шикаю дружеского совета повременить с провозглашением монархии. Я тотчас же счел долгом <...> доложить вашему высокопревосходительству мои соображения по поводу этого шага токийского правительства и высказаться за желательность присоединения как нашего, так и других держав к предположенному выступлению, дабы не предоставлять Японии возможности действовать в этом вопросе совершенно самостоятельно.

Мои великобританский и французский сотоварищи, с коими я немедленно обменялся мнениями по сему вопросу, вполне согласились с моим взглядом, и г-н Конти поспешил послать телеграмму в этом смысле в Париж. Из слов же сэра Джона Джордана я мог заключить, что он еще прежде высказал ту же точку зрения своему правительству, коему японское предложение было, по-видимому, сделано ранее, чем нам. <...>

Все эти дни монархическое движение в Китае шло именно тем путем, который легко было предвидеть еще несколько времени тому назад, и, если его темп вообще несколько ускорился, то о какой-либо «перемене» в положении говорить никак не приходится. Японская поспешность в приведении в исполнение задуманного шага является тем менее объяснимой, что не далее как 23 сего октября в разговоре с нашим послом японский министр иностранных дел, упомянув о более успокоительных, чем прежде, донесениях японских консулов в Китае, сказал, что серьезной

¹ Сазонов — Крупенскому, 21 октября 1915 г. // МОЭИ. Т. 9. С. 34.

смуты, по-видимому, ожидать нельзя¹. При таких обстоятельствах вполне естественным и наиболее правдоподобным является предположение, что Япония поспешила со своим представлением в Пекине в расчете, что мы не успеем к ней присоединиться и что она таким образом сохранит за собой большую свободу действий в будущем. Нельзя не отметить сверх того, что если бы японское правительство действительно желало, чтобы Юань Шикай отложил до более спокойного времени восстановление монархии, то совет в этом смысле оно должно было бы дать ему значительно раньше, как это и было сделано сэром Джоном Джорданом и мною². Между тем в то время здешние японские представители под рукой поощряли китайцев спешить с переменой формы правления, с официальным же «дружеским советом» в обратном смысле токийский кабинет выступил, лишь когда ему, несомненно, прекрасно должно было быть известно, что дело зашло слишком далеко вперед, чтобы Юань Шикай мог, без опасности потери своего престижа и возникновения серьезного недовольства, особенно в военных сферах, прекратить распространявшуюся по всей стране монархическую агитацию. Все указывает, что японское правительство рассчитывало именно на означенное затруднительное положение Юаня и надеялось принудить его таким образом купить благоволение Японии ценою всех тех уступок, которые ей заблагорассудилось бы самой для этого назначить¹.

В половине шестого пополудни 28 октября английский посланник Джордан, японский поверенный в делах Обата и российский посланник Крупенский прибыли в Министерство иностранных дел Китая. Их встретили министр Лу Чжэнсян и заместитель министра Цао Жулинь. Крупенский рассказывал:

Я как раз успел присоединиться к великобританскому посланнику и японскому поверенному в делах, ехавшему в *вайцзяоу* для преподания совета отложить провозглашение монархии. Японский поверенный в делах

**Благодаря донесениям
посланника Крупенского
министр Сазонов
был в курсе событий,
происходивших в это время
в Китае**

¹ Крупенский — Сазонову, 2 ноября 1915 г. // Там же. С. 142–145.

первым прочел довольно длинное заявление, упоминавшее о существовании противников монархии, о возможности беспорядков с опасными от них последствиями и указывавшее на желательность сохранения нынешнего status quo и заключавшее совет временно отложить перемену формы правления. Великобританский посланник и я затем заявили, что нам предписано присоединиться к упомянутому совету, причем Джордан специально спросил, уверено ли китайское правительство, что оно может поддержать в стране порядок в случае перемены режима. Министр иностранных дел ответил, что принимает к сведению дружеский совет, преподанный нами, но что вопрос этот — исключительно внутреннее дело Китая, монархическое движение является результатом народной воли, и правительство не в силах прекратить, задержать или ускорить его. Телеграммы, полученные от военных и гражданских властей всех провинций, дают правительству возможность гарантировать, что никаких беспорядков не произойдет. Министр прибавил, что административная попытка правительства подавить движение могла бы, как раз наоборот, привести к нарушению того спокойствия на Дальнем Востоке, сохранением коего так озабочено, по словам японского поверенного в делах, японское правительство. В заключение Лу Чжэнсян обещал доложить президенту о сделанном нами шаге. Сегодня утром товарищ министра иностранных дел ознакомил меня с текстом сообщения по вопросу о восстановлении монархии, которое должно быть сделано китайскими посланниками в Петрограде, Лондоне, Париже, Токио и Вашингтоне правительствам, при коих они аккредитованы. Это сообщение, несомненно, вызвано ожидавшимся китайцами шагом со стороны Японии¹.

1 ноября заместитель министра Цао Жулинь в устной форме сообщил дипломатическим представителям трех держав, что вопрос о реформе государственного строя является внутренним делом Китая и решается на основе общественного мнения страны. Что же касается поддержания порядка, то в этом отношении правительство не ожидает каких-либо эксцессов².

Крупенский сообщил в Петроград:

Товарищ министра иностранных дел посетил сегодня японского поверенного в делах, великобританского посланника и меня, чтобы передать нам ответ китайского правительства на сделанный нами шаг по вопросу о восстановлении монархии. Ответ этот составлен в смысле

¹ Крупенский — Сазонову, 28 октября 1915 г. // Там же. С. 89–90.

² МИД — посланникам Китая в Японии, Великобритании и России, 1 ноября 1915 г. // 中华民国外交档案 (Архив МИД КР). 03-13-032-02-001.

заявления, сделанного вашему высокопревосходительству китайским посланником, и предварительного ответа, данного нам министром иностранных дел <...>. В нем подчеркивается, что правительство не сочувствовало монархическому движению, но должно было подчиниться воле народа, что провинциальные власти гарантируют спокойствие лишь при условии исполнения общего желания о перемене формы правления и что подавление движения правительством грозило бы вызвать беспорядки.

Полный текст прочитанного заявления сообщается вашему высокопревосходительству китайским посланником.

Я ответил товарищу министра, что передам вашему высокопревосходительству его слова. Такие же ответы были даны ему, как он мне сообщил, японским и великобританским представителями.

В последовавшем затем частном обмене мнений я заверил товарища министра, что императорское правительство далеко от мысли создать Китаю какие-либо затруднения, но указал на опасность возбуждения японскими агентами беспорядков, коими японское правительство могло бы воспользоваться прежде, чем китайцы успели бы их подавить, для того чтобы высадить войска и предъявить какие-либо требования. Ввиду этого я снова посоветовал по возможности помедлить с провозглашением монархии. Товарищ министра ответил, что решительных мер по отношению к Китаю японское правительство, вероятно, не предпримет без санкции *генро*, которые, по его мнению, относятся к таковым мерам отрицательно.

Замедлить переворот, к которому уже подготовлена вся страна, можно было бы, по его словам, лишь на короткое время, но никак не до окончания войны, и все меры в этом направлении все равно не достигли бы цели¹.

4 ноября японский посол в Лондоне Иноуэ направил телеграмму послу в Петрограде Мотоно телеграмму:

Я уполномочен министром иностранных дел передать вам для вашего конфиденциального осведомления следующую его телеграмму, посланную им нашему поверенному в делах в Пекине <...>:

«3 ноября меня посетил китайский посланник Лу [Цзунъюй] и прочел мне согласно инструкции своего правительства *exposé* на китайском языке, в общем одинаковый с содержанием ваших телеграмм <...>.

Я выразил чрезвычайное сожаление, что китайское правительство решило не следовать доброжелательному совету Японии.

Посланник ответил, что эта инструкция содержит только изложение нынешнего политического положения в Китае, согласно донесениям

¹ Крупенский — Сазонову, 1 ноября 1915 г. // МОЭИ. Т. 9. С. 126–127.

провинциальных властей, и в ней не сказано ничего относительно того, отклоняется ли совет Японии или нет.

В ответ на это я заявил, что если так, то мы настойчиво требуем, чтобы нам сообщили, желает ли китайское правительство искренне принять наше представление или нет. Посланник ответил, что нынешний ответ касается главным образом порядка в Китае и не затрагивает вопроса о восстановлении монархии и что он не имеет инструкции давать другие объяснения. На мое заявление, что желательно получить по этому вопросу от китайского правительства ясный ответ, посланник обещал немедленно телеграфировать своему правительству.

Ответ китайского правительства, как я его понимаю на основании беседы с посланником Лу [Цзунъюем], является весьма неопределенным, и я подозреваю, не имеет ли он какое-либо особое значение. Согласно заявлению китайского премьер-министра <...> Юань Шикай намерен осуществить восстановление монархии. Так как смысл инструкции посланнику Лу [Цзунъюю] во всяком случае непонятен, я вас прошу немедленно обратиться к китайским властям и потребовать ясного ответа, намерено ли китайское правительство последовать нашему совету или нет?»¹

5 ноября Сазонов получил вербальную ноту китайского посланника в Петрограде, в которой, в частности, говорилось:

Мое правительство в ответ на дружеские советы, которые благоволили ему дать представители России, Англии и Японии по вопросу о государственном строе, поручило мне сообщить Вам на словах нижеследующее.

Уже с давних пор [китайское] общественное мнение склоняется к монархическому строю, но китайское правительство в целях сохранения нынешнего режима не преминуло отклонить это течение.

В самое последнее время эти настроения стали изо дня в день усиливаться, и им сочувствует большинство влиятельных лиц. Течение это становится все сильнее, и сторонники его многочисленнее. <...>

12 октября президент приказал по телеграфу инспекторам, следящим за голосованием, точно выполнять данные им приказания согласно действующим законам, запрещая спешить и поступать опрометчиво. Это является доказательством, что китайское правительство не дало своего согласия в этом вопросе, тем более что оно не имеет никакого намерения немедленно изменять государственный строй.

Тем не менее, так как законодательная власть зависит от народа, мы обязаны предоставить народу решить открыто этот вопрос. <...>

¹ Иноуэ — Мотоно, 4 ноября 1915 г. // Там же. С. 159–160.

Причины, по которым народ стремится к монархическому режиму, коренятся в следующем: в большом протяжении территории, в разнообразии нравов населения, в брожении умов, в недостаточности народного просвещения, а также в том, что частая смена главы государства при республиканском режиме могла бы быть причиной беспорядков, и в таком случае не только жизнь и имущество китайских граждан были бы в опасности, но и торговля иностранцев в Китае не могла бы быть обеспечена. Наконец, это стремление объясняется еще тем, что в течение 4 лет со времени провозглашения Республики капиталисты не желали вкладывать свои средства в предприятия и вопросы как экономические, так и административные не могут разрешаться по плану, принятому на продолжительное время. <...>

Что касается меньшинства революционеров, укрывшихся за границей или в некоторых пунктах, в которых не действуют китайские законы, то каков бы ни был режим Китая, они стараются привести в исполнение свой заговор, но не могут одержать никакого реального успеха. За последние годы, несмотря на имевшие недавно место незначительные волнения, порядок был быстро восстановлен, и никакого влияния на общее положение они не имели. В настоящий момент провинции принимают более энергичные меры предупредительного характера, и мы надеемся, что правительства держав будут продолжать оказывать нам в этом отношении поддержку в пунктах, где китайские законы не действуют, дабы революционеры не могли найти базу для организации беспорядков¹.

Однако когда же в Китае будет провозглашена монархия?

Ожидая немедленного и прямого ответа на этот вопрос, державы начали проявлять нетерпение.

5 ноября Крупенский докладывал из Пекина:

Японский поверенный в делах от имени своего правительства спросил вчера у китайского министра иностранных дел разъяснений по поводу данного китайцами ответа на наш общий шаг, желая знать, означает этот ответ, что китайское правительство готово отложить провозглашение монархии или нет, прибавив, что вопрос о монархии находится в тесной связи с сохранением спокойствия на Дальнем Востоке и что всякое недоразумение может привести к осложнениям между обеими странами. Министр иностранных дел сказал на это, что китайское правительство

¹ Вербальная нота китайской миссии в Петрограде министру иностранных дел, 5 ноября 1915 г. // Там же. С. 172–173.

со своей стороны сделает все, что от него зависит, в этом отношении. На вопрос японского поверенного в делах, относятся ли эти слова только к сохранению спокойствия на Дальнем Востоке, министр ответил, что он имел в виду как это, так и вообще весь вопрос о восстановлении монархии, что китайское правительство не имело и не имеет намерения спешить с последним, что это дело не может быть окончено в какие-нибудь две или три недели, но что правительству было бы затруднительно изменить назначенные уже сроки для подачи голосов в провинциях. По получении результатов голосования таковые еще будут, прежде своего поступления в палату, подвергнуты проверке во вновь назначенной президентом с этой целью специальной комиссии, так что дело будет вестись с особой осмотрительностью и тщательностью. В заключение министр повторил, что китайское правительство сделает в этом отношении все возможное. Помянутое выступление г-на Обата было предпринято им без предварительного уведомления о том английского и французского посланников и меня, и я узнал об оном не от него, а от присланного сообщить мне об этом советника *вайцзяобу*. Все это подтверждает уже высказанное мной мнение, что Япония желает действовать в этом вопросе независимо от остальных¹.

Определенного ответа не последовало

Между тем время шло, а ситуация в Китае продолжала оставаться в подвешенном состоянии.

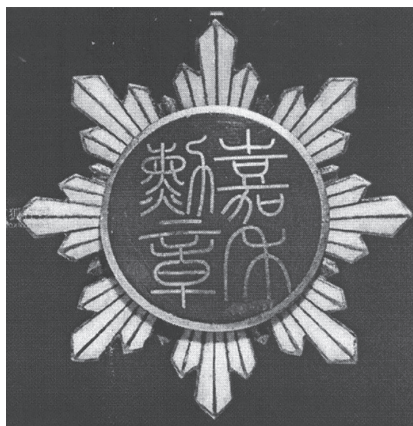
7 ноября министр Сазонов направил Крупенскому телеграмму:

Не могли ли бы Вы лично сообщить Юань Шикаю о возможных опасных последствиях его провозглашения императором <...>. Несочувствие держав Запада и явно отрицательное отношение Японии создают почву, на которой провозглашение Юань Шикая императором может повести к событиям, грозящим китайскому правительству осложнениями, серьезность которых трудно наперед учесть.

Если Вам нужен какой-либо предлог для свидания с Юань Шикаем и Вы не найдете лучшего, Вы могли бы сослаться на данное Вам поручение передать президенту мою благодарность за только что полученный мной через здешнего китайского посланника орден «Тучного колоса»².

¹ Крупенский — Сазонову, 5 ноября 1915 г. // Там же. С. 175.

² Сазонов — Крупенскому, 7 ноября 1915 г. // Там же. С. 184.

Орден «Тучного колоса»¹

11 ноября Крупенский ответил Сазонову:

Я не переставал самым настоящим образом давать советы как главнейшим китайским сановникам, так и самому Юань Шикаю в указанном в телеграмме № 5510 смысле. По получении последней я еще усилил свои настояния перед всеми помянутыми лицами, указав им на необходимость более определенного ответа, дабы предотвратить дальнейшие еще более опасные для Китая выступления со стороны Японии. При этом я посоветовал заявить представителям четырех подавших Китаю дружеский совет держав, что начатое уже голосование не может быть остановлено, так как народу необходимо предоставить высказать свою волю до конца, но что китайское правительство, разделяя мнение держав, считает настоящий момент неблагоприятным для приведения в исполнение принципиально принятого решения о перемене формы правления, откладывает таковое до более подходящего для этого времени. Вместе с тем я просил о свидании с Юань Шикаем, который ответил, что примет меня завтра. <...>

Вчера министр иностранных дел сообщил мне, что просит всех четырех представителей собраться у него сегодня, чтобы дать нам ответ в указанном мной смысле. <...>

Когда мы собрались в Министерстве иностранных дел, Лу Чжэнсян сделал нам устное конфиденциальное сообщение следующего содержания:

«Китайское правительство уже заявило, что не намерено ускорить изменение формы правления. Ныне уже значительное большинство

¹ Орден «Тучного колоса» был учрежден указом Юань Шикая 12 июля 1912 г.

населения решило своим голосованием вопрос в пользу восстановления монархии. На происходивших в последние дни совещаниях выяснилось, что совершение “великой церемонии” может состояться, лишь когда будут закончены все подготовительные мероприятия. При таком положении вещей нельзя обойтись без некоторой задержки, о чем министр конфиденциально сообщает в надежде, что сообщение это будет выслушано четырьмя представителями с удовлетворением. Однако такой образ действий придется не по душе населению Китая. К тому же вне китайской юрисдикции имеются мятежники, которые подстрекают население с целью вызвать беспорядки. В случае возникновения в Китае непредвиденных осложнений у правительства хватит авторитета и средств, чтобы своевременно подавить их»¹.

Реакцию Крупенского, рассчитывавшего на совершенно иной ответ китайского правительства, можно было предвидеть:

Сообщение [Лу Чжэнсяня], снова не содержащее в себе определенного ответа об отложении восстановления монархии, произвело на всех нас неблагоприятное впечатление. Я опасюсь, что неразумное упорство китайцев, не желающих официально ответить, что перемена формы правления будет отложена, как они это в сущности уже решили, даст японцам желанный предлог к дальнейшим выступлениям. Я не премину снова обратить на это внимание президента при свидании с ним завтра².

Назначенная на 12 ноября встреча Крупенского с президентом состоялась.

Юань Шикай «выразил притворное удивление» относительно того, что сообщение министра иностранных дел не вполне соответствовало советам, ранее данным ему российским посланником, и обещал расследовать это дело, указав при этом «на свое крайне затруднительное положение ввиду предъявленных ему наиболее влиятельными лицами требований не медлить с приведением в исполнение народной воли»³.

23 ноября Сазонову была вручена вербальная нота японского посольства в Петрограде со следующим проектом коллективного ответа держав на заявление китайского правительства от 11 ноября: «Принимая к сведению сообщение, сделанное китайским правительством <...>, четыре державы, сохраняя за собой все свои права, ограничатся для настоящего момента наблюдением за дальнейшим развитием событий»⁴.

¹ Крупенский — Сазонову, 11 ноября 1915 г. // Там же. С. 221–223.

² Там же. С. 223.

³ Крупенский — Сазонову, 17 ноября 1915 г. // Там же.

⁴ МОЭИ. Т. 9. С. 330–331. Примеч. 5.

Министра Сазонова волновал еще другой вопрос. Он инструктировал посла в Париже Извольского и в Лондоне Бенкендорфа:

Японский посол передал нам предложение своего правительства, чтобы Россия, Франция, Англия и Япония ответили китайскому правительству на его обещание отложить восстановление монархии <...>: на случай, если бы Юань Шикай, воспользовавшись неопределенностью вышеуказанного обещания, провозгласил себя императором, Россия, Франция, Англия и Япония должны условиться не признавать его <...>.

Мы полагаем, что важнейшая политическая цель союзников в Китае состоит в том, чтобы разъединить его с Германией. Для этого разрыв Китая с Германией и изгнание германских подданных является лучшим средством. Союзники, прежде всего сама Япония, извлекут из этого выгоды, перед которыми вопрос о том, будет ли Юань Шикай именоваться президентом или императором, является несущественной подробностью. Здравый расчет требовал бы поэтому, чтобы для достижения этой цели союзники не останавливались ни перед снабжением Юань Шикая деньгами, ни перед признанием его императором. Напротив, японское предложение грозит оттолкнуть от союзников Юань Шикая, бросить его в объятия Германии и привести к последствиям, опасность которых очевидна¹.

Отношение Юань Шикая к Германии волновало многих.

В Китае не могли забыть тот факт, что, став президентом Китайской Республики, Юань Шикай действительно выступал за налаживание добрых отношений с Германией и, более того, лично посещал германское посольство.

Сунь Ятсен вообще считал его человеком кайзера Вильгельма. В письме вдове д-ра Кантли он писал:

Если бы Вы смогли убедить общественное мнение Вашей страны не оказывать поддержку Юань Шикаю, это было бы неоценимой помощью нам. Будьте любезны разъяснить, что поддержка Англией Юань Шикая является косвенной под-

Президент Китайской Республики направляется в германское посольство в Пекине (1912 г.)

¹ Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу, 23 ноября 1915 г. // Там же. С. 330–331.

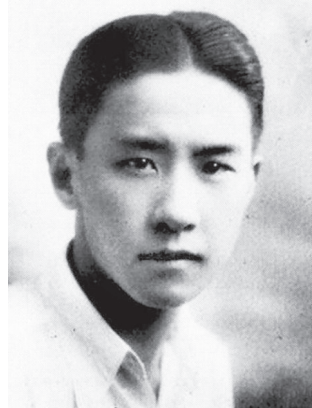
держкой Германии. Ибо в своем бесчинстве, жадности и себялюбии Юань Шикай ничем не отличается от кайзера Вильгельма II. Юань Шикай — абсолютно прогерманская фигура.

Если Германия расширит свои действия в нынешней войне, Китай превратится в ее сателлита. Если Англия будет и дальше поддерживать Юань Шикая, она не только ничего не добьется, но может потерять свои позиции в Китае. Поэтому необходимо разъяснить гражданам Вашей страны, что Юань Шикай — это прогерманский деятель¹.

Вильгельм весьма положительно отнесся к намерению Юань Шикая реставрировать монархию — не только потому, что он сам был кайзером, но и будучи побуждаем стремлением обрести в лице китайского императора своего сторонника.

Когда в 1914 г. Юань Кэдин, сын Юань Шикая, приехал в Берлин лечиться, кайзер счел необходимым не только лично принять больного, но и высказался по поводу того, что, по его мнению, республиканская форма правления не соответствует ни традициям, ни нынешнему положению Китая².

Так что опасения Сазонова, судя по всему, не были безосновательными. Ему удалось склонить на свою сторону правительства Англии, Франции и Италии. Английский министр иностранных дел Э. Грэй согласился признать Юань Шикая императором и так же, как и Сазонов, опасался того, что Германия и Австрия могут в этом отношении опередить союзников.

**Юань Кэдин
(1878–1958)**

**Грэй был согласен
с Сазоновым**

¹ Сунь Ятсен — г-же Кэнтли, 19 марта 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 350–351.

² Подробно см.: *Лю Гохуй*. Юань Шикай и Германия // Хэйлунцзян шичжи. 2009. № 3; *Ван Ци, Лю Гохуй*. Об отношениях между Юань Шикаем и Германией в период реставрации империи // Цзинцзи яньцзю даокань. 2012. № 3.

Ху Вэйдэ заручился
согласием Франции

К России и Англии присоединилась Франция.

Китайский посланник в Париже Ху Вэйдэ сообщал, что проблем с признанием Юань Шикая императором со стороны Франции не предвидится¹.

Против была только Япония.

По словам Крупенского, она «ныне возбуждает вопрос об отказе в признании восстановления монархии в Китае до окончания войны».

Российский посланник полагал, что «отказ в признании Юань Шикая императором, когда о форме правления будет нам официально сообщено, поставил бы нас совершенно напрасно в крайне неловкое положение по отношению к китайскому правительству, тем более что Германия и Австрия, равно как и все нейтральные державы, несомненно поторопятся признать новый строй»².

Император Хунсянь

Пока великие державы препирались по поводу будущего признания или непризнания смены государственного строя в Китае, Юань Шикай окончательно решился реставрировать монархию, приняв титул императора Хунсянь.

Свершилось!

Восстановить соответствующие события мы можем опять-таки на основании подробных донесений посланника Крупенского, который 15 декабря сообщал в Петроград в Министерство иностранных дел:

¹ Ху Вэйдэ — в МИД КР, 29 декабря 1915 г. // Архив МИД Китая. 03-13-032-03-001.

² Крупенский — Сазонову, 14 декабря 1915 г. // МОЭИ. Т. 9. С. 548.

11 декабря <...> состоялось заседание Совещательной палаты, действующей в качестве законодательного органа и являющейся по поручению народонаселения «главным представителем “Великого собрания народных представителей”».

В этом заседании названная палата подверглась рассмотрению результаты имевшего место в провинциях и специальных административных округах голосования по вопросу о форме правления, причем оказалось, что всё население единогласно, в лице своих 1993 представителей, высказалось в пользу конституционно-монархического строя.

Подробный результат голосования был принят весьма сочувственно присутствующими, и палата, по предложению представителя маньчжур[ов] князя Пулуня, признала необходимым отменить закон об избрании президента Китайской Республики. Вместе с тем она, сославшись на полученные от народных представителей телеграммы с единогласным избранием нынешнего президента императором, выработала текст соответствующего адреса и представила его Юань Шикаю.

В ответ на таковой последовал особый декрет президента, имеющий характер обращения ко всему населению Китая.

В этом декрете президент приводит полностью постановление палаты и, сославшись на ту статью временных основных законов, где говорится, что «вся полнота суверенной власти в Республике принадлежит всем ее гражданам в совокупности», он заявляет, что ему как президенту не приходится более высказываться по существу вопроса, раз налицо столь ясно выраженная воля народа об изменении в форме правления.

Что же касается избрания его самого императором, то Юань Шикай в этом декрете заявляет, что не считает себя достойным такой высокой чести ни по своим скромным заслугам, ни по своим нравственным качествам и это тем более, что он дал клятву при вступлении в должность президента всеми силами поддерживать республиканский строй.

Ввиду сего Юань возвращает в палату все адреса об избрании его императором и просит еще раз всё обдумать и избрать другое лицо¹.

Реакцию Юань Шикая вполне можно было предвидеть. Нечто похожее он говорил перед избранием его Временным президентом Китайской Республики.

По получении означенного декрета палата вновь обратилась к президенту в форме всеподданнейшего доклада, титулуя его императором и умоляя не отказываться от престола. В докладе этом палата называет Юань Шикая «священным» и «божественным» и, перечисляя его заслуги во всех отраслях управления, разрешает его от клятвы, которая, по ее

¹ Крупенский — Сазонову, 15 декабря 1915 г. // Там же. С. 550–551.

мнению, была необходима лишь при старом республиканском строе, ныне волею народа отмененном. На это новое обращение президент ответил вторым декретом, объявляющим о его согласии принять избрание императором.

Это согласие он обосновывает своим убеждением, что всякий гражданин ответственен в разрушении или процветании своего отечества и поэтому должен проявлять свой патриотизм. Будучи патриотом

не менее других граждан Китая, Юань Шикай отказывался от принятия императорского титула ввиду своей неспособности, а отнюдь не от смирения. Но раз, несмотря на это, народ считает необходимым, чтобы он стал императором, он из чувства патриотизма не может более отказываться от исполнения воли народа. Вместе с тем, ввиду переходного положения, в коем находится ныне правительство, он предлагает всем министрам и всем прочим властям продолжать исполнять по-прежнему свои обязанности, а народу сохранять порядок и спокойствие¹.

Английский посланник Джордан сообщал в свое Министерство иностранных дел:

Юань Шикай направляется во дворец на церемонию коронации

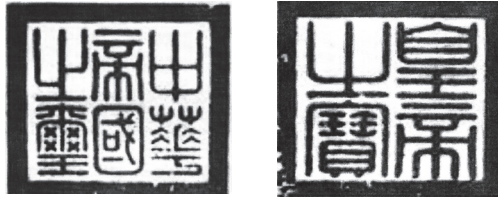
Юань Шикай опробовал трон, изготовленный по его эскизу, и остался доволен

Юань Шикай принял избрание его императором <...>. Поскольку его поддерживает чиновничество, президенту до вступления на престол остается один шаг. Всё произошло очень быстро, возможно, потому, что им хотелось поставить японцев перед свершившимся фактом прежде, чем те могли бы воспрепятствовать этому. <...>

Но Лян Шии по секрету сообщил мне, что слухи о том, что восшествие на престол состоится 1 января будущего года, неосновательны².

¹ Там же. С. 551–552.

² Jordan to Grey, December 13, 1915 // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series E, Asia. New York. 1994. P. 132.

Императорская печать

Мемориальная монета с девизом «Хунсянь»

После того как Юань Шикай изъявил свое согласие на избрание императором, в Пекине состоялась торжественная церемония, во время которой он, сидя на троне, принимал поздравления верноподданных.

Однако официальная церемония восшествия на престол по разным соображениям была отложена на длительный срок — до февраля 1916 г.

Так кто же он: президент или император?

В Китае сложилась парадоксальная ситуация.

Юань Шикай продолжал оставаться президентом Китайской Республики, но уже была изготовлена новая государственная печать «Китайской империи», выпущена юбилейная серебряная монета с девизом «Хунсянь», и Юань Шикаю воздавались императорские почести.

Министерство иностранных дел Китая на всякий случай еще раз запросило Петроград по поводу того, о чем он уже имел случай высказаться. Крупенский телеграфировал Сазонову:

Министр иностранных дел прислал ко мне сегодня советника министерства с просьбой запросить по телеграфу Ваше превосходительство о том, как отнеслось бы императорское правительство к формальному восстановлению монархии в Китае и было бы оно готово признать нового императора. Китайское правительство находится ныне, по словам министра, в весьма затруднительном положении, так как откладывать на долгий срок формальное осуществление перемены формы правления не представляется возможным, так как в Пекине ныне находятся с нетерпением ожидающие этого события народные представители со всех концов Китая, так как скорейшего восстановления монархии требуют все военные чины и так как дальнейшая нерешительность в этом вопросе может явиться как бы поощрением к новым беспорядкам со стороны революционных элементов <...>. Ввиду всего этого китайское правительство полагает, что ему будет невозможно задержать формальное восстановление монархии далее, чем до китайского нового года по лунному календарю, наступающему через 6 недель¹.

Получив из Петрограда инструкции, Крупенский сообщал:

Я сделал министру иностранных дел сообщение в указанном мне смысле.

Я высказался также перед моими сотоварищами согласно содержанию телеграммы Вашего превосходительства <...>. Как французский,

так и английский посланники также считают нежелательным задерживать признание монархии. Японский посланник сказал мне, что сообщит о таковом нашем мнении своему правительству, но я легко мог заметить, что сам Хиоки придерживается иного взгляда. Вопрос, по-видимому, вошел теперь в такую стадию, при коей ни китайцы, ни японцы не хотят уступить из-за самолюбия, чтобы не оказаться потерпевшими неудачу и не потерять лицо перед общественным мнением.

Крупенский добавлял:

Японцы, несомненно, стараются внушить Китаю, что признание союзными державами монархии или отказ

Так кем же в конце концов Юань Шикай был в декабре 1915 г. — президентом или императором?

¹ Крупенский — Сазонову, 21 декабря 1915 г. // Там же. С. 622.

в оном зависит исключительно от доброй воли одной Японии и что Китай поэтому должен считаться с ней одной и купить ее согласие той ценой, какую она пожелает назначить. Сообразно с этим они, естественно, не могут не желать, чтобы признание монархии союзниками состоялось не иначе, как чрез японское посредство. <...> Претензия Японии служить посредником между Китаем и державами привела бы, в случае ее одобрения последними, к признанию японского главенства в дальневосточных делах и почти что к установлению протектората Японии над Китаем, что отнюдь не может входить в наши виды¹.

К точно такому же выводу пришел и российский посол в Токио Малевский-Малевич:

Мое впечатление от частных разговоров с японскими государственными деятелями таково: Япония желает использовать стремление Юань Шикая к императорской власти, чтобы выговорить себе какие-либо реальные выгоды и дать почувствовать в Пекине, что без ее согласия перемена государственного строя в Китае неосуществима².

Япония показывает зубы

Как и предполагал Крупенский, японцы предприняли неожиданный демарш.

Юань Шикай намеревался направить в Токио своего специального представителя — министра торговли и промышленности Чжоу Цзыци, чтобы вручить императору Тайсё высший китайский орден.

Однако, вопреки всем нормам дипломатической вежливости, китайскому министру было отказано в визе.

По словам японского посланника в Пекине, причина заключалась в том, что с помощью этого жеста китайцы хотели добиться согласия Японии на восстановление монархии. Теми же доводами отказ японского правительства принять Чжоу Цзыци объяснял и министр иностранных дел

Чжоу Цзыци (1869–1923)

¹ Крупенский — Сазонову, 29 декабря 1915 г. // Там же. С. 683–684.

² Малевский-Малевич — Сазонову, 1 января 1916 г. // Там же. С. 726.

в телеграмме послу Мотоно: «Если бы мы приняли посольство, которое преследует политические цели, то оппозиция у нас против признания Китая империей чрезвычайно усилилась бы и были бы возможны разные недоразумения»¹.

«Воспользовавшись отказом японского правительства принять китайского посла, — писал Крупенский, — я спросил товарища министра, имеет ли японское правительство сведения, что президент намерен провозгласить себя императором в первых числах февраля нового стиля».

Товарищ министра ответил, что такие сведения ранее у них имелись, но по некоторым признакам они заключают, что президент не решится сейчас на этот шаг ввиду предостережения держав Четверного согласия. <...>

Между прочим, товарищ министра сказал мне, что, по словам здешнего китайского посланника, президент не посылает ему больше телеграфных предписаний настаивать в Токио на скорейшем признании его императором; из этого посланник выводит заключение, что президент перестал торопиться с этим вопросом, более всего интересующим его генералов, ожидающих себе личных выгод от воцарения Юаня².

В самом деле, в конце января Юань Шикай неожиданно-негаданно в очередной раз отложил уже объявленную церемонию восшествия на престол. Крупенский сообщал:

Неожиданное принятие китайским правительством упомянутого осторожного решения, между тем как днем восстановления монархии

Аоки Нобудзуми (1856–1924)

было уже назначено 9 февраля нового стиля <...>, объясняется не чем иным, как его страхом перед Японией. Занятое последней загадочное положение и нежелание дать определенный ответ на повторные запросы китайского посланника, как она относится к перемене в Китае формы правления, возбудили здесь живейшие опасения. Отказ токийского правительства принять чрезвычайное китайское посольство и отправление им в Шанхай бывшего военного агента в Пекине генерал-лейтенанта Аоки, имеющего связи со всеми политическими деятелями, находящимися в оппозиции Юань Шикаю, подействовали еще более устрашающим образом на здешние правящие круги, усмо-

¹ МОЭИ. Т. 10. С. 37. Примеч. 2.

² Крупенский — Сазонову, 19 января 1916 г. // Там же. С. 37.

тревние в этих фактах доказательство наличия у японцев намерения принять по отношению к Китаю самые крутые меры. Решающее же воздействие на Юань Шикая произвело, должно быть, насколько я могу заключить из слов моего японского сотоварища, известие о созыве в Токио 20 января заседания Совета министров для принятия важных решений по вопросу о восстановлении монархии в Китае. Весьма возможно, что кроме этого японцами было оказано на пекинское правительство неофициальным путем надлежащее давление, дабы внушить ему, насколько для него было бы опасно действовать наперекор ясно выраженной воле его восточной соседки. Как бы то ни было, Юань Шикай решил не ожидать дальнейших шагов в этом вопросе со стороны Японии и предпочел, якобы по собственному почину, отложить свое восшествие на престол¹.

Особое мнение южных провинций

Но опасность грозила Юань Шикаю не только со стороны Японии.

Хотя 1993 выборщика дружно проголосовали за избрание Юань Шикая императором, это вовсе не означало, что всё население Китая поддерживало идею возвращения к самодержавию.

Первой поднялась Юньнань

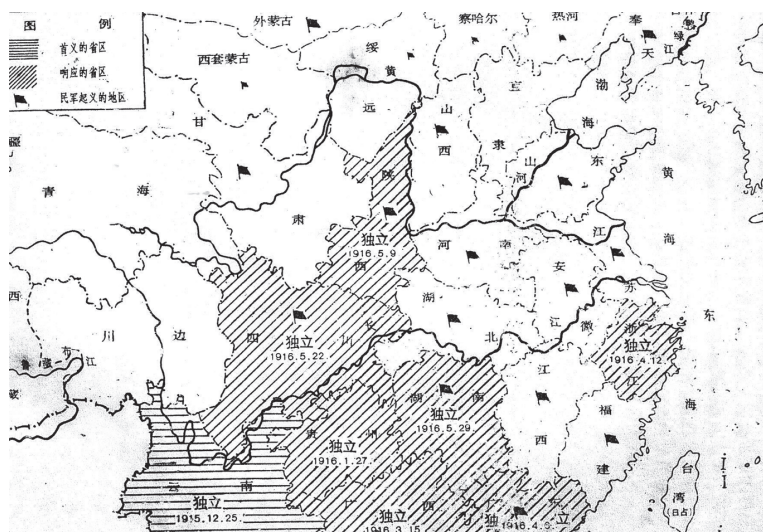
В середине декабря находившемуся в Пекине по приглашению Юань Шикая губернатору провинции Юньнань Цай Э удалось хитростью покинуть столицу, и он возвратился в Куньмин, где его с нетерпением ждали его сторонники.

21 декабря на совещании высших военных чинов было решено начать вооруженные действия против изменника Юань Шикая. Главнокомандующим карательного похода был избран Цай Э.

23 декабря было обнародовано обращение к Юань Шикаю, в котором содержалось требование отказаться от изменения формы правления и наказать тех, кто агитировал за это. На ответ было дано 24 часа².

¹ Крупенский — Сазонову, 26 января 1916 г. // Там же. С. 87–88.

² 护国讨袁亲历记 (Воспоминания о личном участии в движении в защиту Республики против Юань Шикая). Пекин. 1985. С. 274.

**Выступления против Юань Шикая в конце 1915 — начале 1916 гг.
(заштрихованные провинции объявили независимость
от Пекинского правительства)**

После того как срок истек, провинция Юньнань объявила о своем неподчинении Пекинскому правительству.

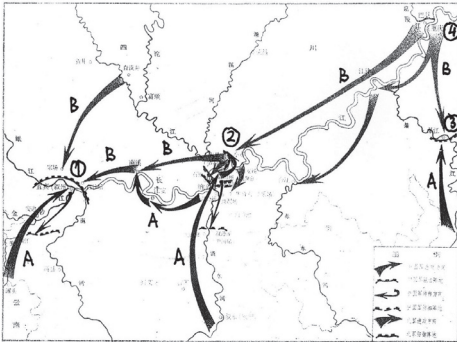
Для похода на Север была создана «Армада в защиту республики», включавшая три армии. Первой командовал сам Цай Э, второй – Ли Лецзюнь, третьей — Тан Цзияо.

29 декабря из Пекина было получено сообщение о том, что президент своим указом лишил Цай Э и Тан Цзияо всех должностей и наград. Мосты были сожжены. «Армада» начала действовать.

14 января 1-я армия «Армады» вступила в пределы Сычуани, оставшейся верной Пекину. Первая дивизия двинулась от Чжаотуна к Сюйчжоу; вторая

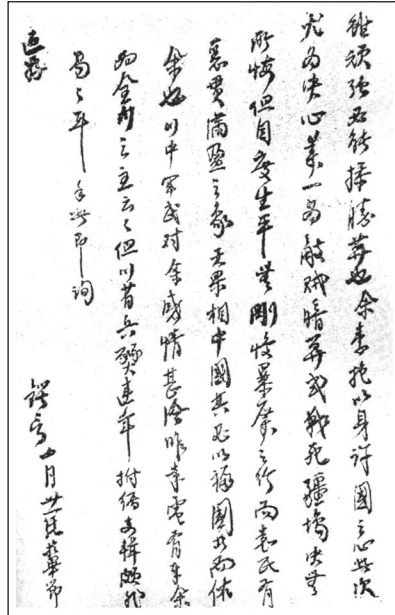

Карательный поход против Юань Шикая возглавил Цай Э

Боевые действия на юге Сычуани
в январе–марте 1916 г.

- (А — наступление «Армады»;
В — контрудары армии Севера;
1 — Сюйчжоу; 2 — Лучжоу;
3 — Цзыцзян; 4 — Чунцин)

Одно из воззваний Цай Э

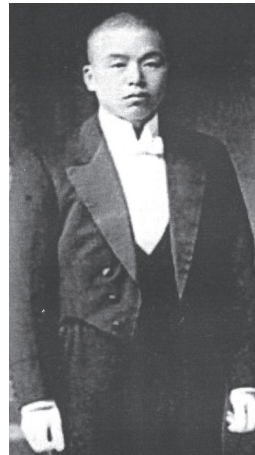
и третья — через Вэйнин и Бицзе к Лучжоу; четвертая — по направлению к Цзыцзяну и Чунцину.

За Юньнанью последовала Гуйчжоу

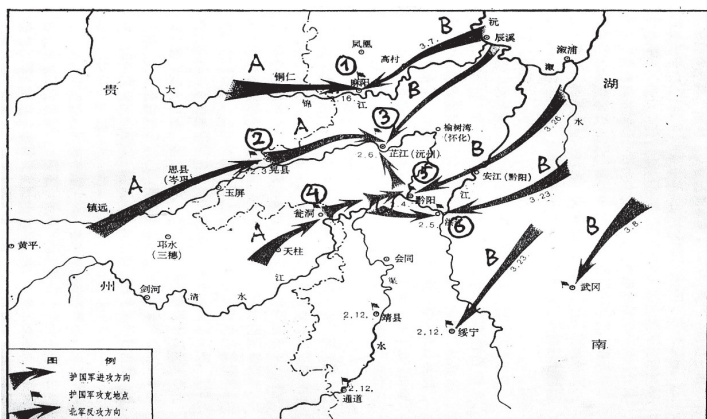
После того как четвертой дивизии, которой командовал Дай Кань, не удалось продвинуться от Цзыцзяна к Чунцину, он принял решение изменить направление удара.

Вступив в Гуйчжоу, он овладел Гуйяном, и эта провинция вслед за Юньнанью объявила о своей независимости, а ее вооруженные силы присоединились к «Армаде».

Когда 3 февраля Дай Кань во главе своей дивизии выступил из Цзуньи и развернул повторное наступление на Чунцин, к нему присоединились два гуйчжоуских полка под общим командованием Сюн Цисюна.

Дай Кань (1880–1917)

Боевые действия на западе Хунани в феврале–марте 1916 г.

(А — наступление гуйчжоуских армий; В — контрудары армии Севера;
1 — Майя; 2 — Хуансянь; 3 — Чжицзян; 4 — Вэндун; 5 — Цяньян; 6 — Хунцзян)

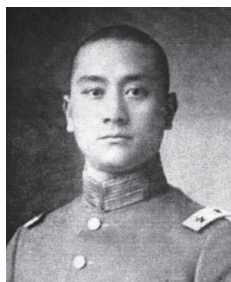
В это время армия Цай Э осаждала Лучжоу, и ему срочно требовалось подкрепление. Таковым как раз и явились подразделения Сюн Цисюна.

Другая часть армии Гуйчжоу получила не менее ответственную и трудную задачу: развернуть наступление в противоположном направлении, и три полка во главе с Ван Вэньхуа двинулись на восток, завязав бои на западе провинции Хунань. Они наступали тремя колоннами.

Первая выступила из Тунжэня и перемещалась в сторону Майя; вторая двигалась из Лунсикуо на гуйчжоуско-хунаньской границе к главному городу уезда Хуансянь и далее к Чжицзяну; третья направлялась из Тяньчжу к Вэндуну, а оттуда должна была атаковать стратегически важные пункты — города Цяньян и Хунцзян¹.

Политическая ситуация в Гуйчжоу была сложной. Отнюдь не все ее руководители были готовы выступить против Пекинского правительства.

Колебался и губернатор Лю Сяньши, не полавивший с Дай Канем. Лишь после длительных собраний с другими сторонниками выступления против Юань Шикая он наконец поддался на уго-

Лю Сяньши
(1870–1927)

¹ 吴厚安. 黔军在湘西作战点滴 (У Хоуань. Кое-что о боях гуйчжоуской армии на западе Хунани) // Там же. С. 200–202.

воры и присоединился к движению. Ряды защитников Республики существенно укрепились.

И наконец — Гуанси

Иначе вел себя гуансийский военный деятель Лу Жунтин, назначенный Юань Шикаем на пост командующего войсками провинции Гуйчжоу.

Получив уведомление о своем назначении, Лу Жунтин заявил, что тяжело болен, и удалился от дел.

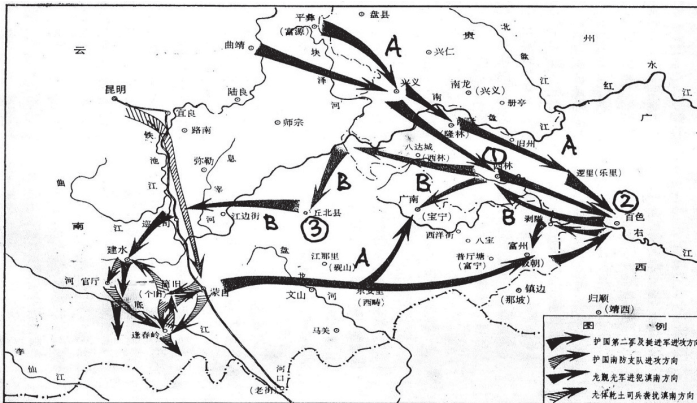
Когда его спросили, за кого же он все-таки — за Юань Шикая или против — Лу Жунтин ответил, что он против «узурпатора».

— Отчего же в таком случае Вы не отказались от должности?

— Так ведь если бы я отказался от нынешней должности, я не смог бы командовать войсками, а ныне под моим началом армия, которая будет делать то, что я ей прикажу. Вот закончу все приготовления и прикажу ей трубить сбор и идти в поход на Пекин!¹

Лу Жунтин
(1859–1928)

Боевые действия на западе Гуанси в феврале–марте 1916 г.

(В — наступление армии Лун Циньгуана на Юньнань;

А — контрудары гуансийской армии; 1 — Силун; 2 — Байсэ; 3 — Цюбэй)

¹ 陈树勋. 广西宣布独立概略 (Чэнь Шусюнь. Вкратце о том, как провинция Гуанси объявила о своей независимости) // Там же. С. 231.

8 февраля, намереваясь привести к покорности провинцию Юньнань, Юань Шикай назначил Лун Циньгуана (младшего брата военного губернатора Гуандуна) командующим войсками, которые должны были вступить на территорию Гуанси и, сконцентрировавшись в Байсэ, начать наступление на Юньнань.

В начале марта правительственным войскам удалось одержать ряд побед в Сычуани: они, в частности, овладели первоначально захваченным «Армадой» городом Сюйчжоу. Юань Шикай хотел воспользоваться благоприятной ситуацией и нанести удар по «Армаде» со стороны Гуанси.

Лу Жунтин воспрепятствовал этому плану, 15 марта 1916 г. объявив о независимости Гуанси, а затем заставив Лун Циньгуана разоружиться.

В дальнейшем гуансийская армия действовала по двум направлениям: одна ее часть вступила в Хунань, вторая — в Гуандун.

Одновременно с этим Лу Жунтин вступил в контакт с Лун Цигуаном, призывая его последовать примеру Гуанси и порвать с Юань Шикаем.

Finita la comedia

Вначале Пекинское правительство аргументировало свой отказ запретить движение за восстановление монархии тем, что это якобы могло вызвать выступления недовольных граждан. Представители держав, напротив, убеждали китайские власти, что беспорядки возможны, но возникнут они в случае, если Юань Шикай будет форсировать смену государственного строя.

Иностранцы оказались правы. И теперь одни выражали свое сожаление по поводу сложившейся ситуации, другие не упускали случая напомнить Пекину о допущенной им ошибке.

У представителей держав нет единого мнения

События на юге Китая вызвали весьма серьезную озабоченность российских дипломатических кругов. 24 декабря сообщение о них было прислано в Петроград посланником Крупенским:

На юге Китая вспыхнуло довольно серьезное восстание, главный центр коего в провинции Юньнань и которое грозит распространиться на провинции Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань и Чжэцзян. Во главе его стоят

прибывшие из Японии бывший юньнаньский *дуду* Цай Э, а также принимавший видное участие во Второй революции бывший цзяньсийский *дуду* Ли Лецзюнь. Юньнаньский *цзянцзюнь* и гражданский губернатор, по-видимому, сочувствуют движению, так как вчера они заявили французскому и английскому консулам, что они вместе с другими губернаторами послали Юань Шикаю телеграмму, советуя ему остановить восстановление монархии и угрожая в противном случае отделением.

Японцы усиленно раздувают все известия касательно восстания и распространяют слухи о тревожном состоянии в Шанхае и Южной Маньчжурии, о непрочности положения Юань Шикая, причем в доказательство последнего приводят участвовавшие отъезды из Пекина в Тяньцзинь, Шанхай и Японию отдельных государственных деятелей, не сочувствующих новому режиму¹.

Сообщение из российской миссии в Пекине:

Ликование в правительственных кругах по поводу успехов, одержанных северными войсками над юньнаньскими мятежниками в провинции Сычуань, продолжалось недолго. <...> На прошлой неделе здесь неожиданно получили известие о присоединении к восстанию провинции Гуанси, что произвело в Пекине удручающее впечатление. С чисто военной точки зрения присоединение Гуанси к повстанцам мало чем увеличивает их силы и в этом отношении не является особенно опасным для центрального правительства. Оно лишь ставит в затруднительное положение отправленную для занятия Мэнцзы экспедицию генерала Лун Цзиньгуана, брата кантонского *цзянцзюня*, которая, таким образом, оказывается окруженной со всех сторон мятежниками. Гораздо более серьезным, однако, является моральное и политическое значение упомянутого события. Юань Шикай и его сторонники могут теперь не без основания опасаться, что богатая приморская провинция Гуандун

**В. Н. Крупенский
воздерживался
от категорических выводов
о положении
в Китае, предлагая
продолжать
следить за событиями**

¹ Крупенский — Сазонову, 24 декабря 1915 г. // МОЭИ. Т. 9. С. 649.

последует примеру соседней Гуанси, что позволило бы мятежникам свободно получать морем оружие, военные припасы и денежные средства. Существуют также сомнения относительно провинции Хунань.

Это, в свою очередь, могло повлиять на поведение японцев.

Если восстание таким образом распространится, то следует ожидать, что японцы, не скрывающие своей радости по поводу оборота, который начинают принимать события на юге, признают отделившиеся провинции в качестве воюющей стороны, что, конечно, поведет к еще большему усилению повстанцев. По весьма распространенным здесь слухам, целью японской политики в настоящую минуту является именно разделение Китая на два или даже три отдельных государства с различной формой правления.

При таких обстоятельствах необычайную важность приобретает вопрос о том, какое положение в конце концов займет оставшийся доселе вполне верным центральному правительству гуандунский *цзянцзюнь* Лун Цзигуан, за всяким движением которого теперь следят отсюда с живейшей тревогою. С другой стороны, Юань Шикай весьма озабочен также предотвращением присоединения к восставшим нанкинского *цзянцзюня* Фэн Гочжана и, чтобы привлечь на свою сторону этого влиятельного генерала и некоторых других сановников, подобно ему не сочувствующих монархии, он подумывает даже, как мне известно из достоверных источников, о том, чтобы торжественно объявить об окончательном отказе от восстановления в свою пользу императорской власти.

Во всяком случае, нужно полагать, что в ближайшем будущем события в Китае примут более определенный поворот в ту или другую сторону¹.

Внимательно следил за событиями, происходившими на юге Китая, и английский посланник Дж. Джордан.

После того как вслед за Юньнанью независимость от Пекина объявила Гуйчжоу, Джордан телеграфировал в Форин Офис:

Гуйчжоу и Гуанси — бедные провинции и не в состоянии оказывать центру сколько-нибудь значительную военную и материальную поддержку. Однако дальнейшее распространение движения на окраинные

Лун Цзигуан
(1868–1925)

¹ Крупенский — Сазонову, 22 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 437–438.

районы может привести к тому, что Юань Шикаю будет трудно с этим справиться¹.

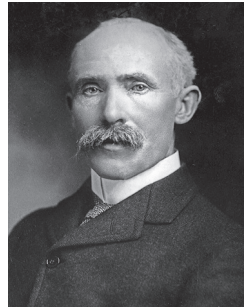
Исполняющий обязанности министра иностранных дел Франции сообщил поверенному в делах Японии Тацуки, что Франция следит за тем, что происходит в Юньнани, и ее оценка этих событий аналогична лондонской, но информация на сей счет, которой располагают Париж и Токио, не совпадает между собой².

Вопрос о том, сможет ли Юань Шикай справиться со сложившейся в стране ситуацией, естественно, интересовал и японское правительство. Малевский-Малевич информировал Сазонова:

Японское правительство полагает, что <...> если, несмотря на волнения, происшедшие в Юньнани и в соседних провинциях, и вопреки совету пяти держав китайское правительство будет упорно настаивать на своей программе, оно не должно рассчитывать на признание иностранными державами <...>³.

Хиоки писал в Токио:

Антиюаньшикаевские силы растут день ото дня. Те, кто первоначально высказывался в поддержку реставрации, постепенно начинают выступать против. С ними заодно часть гражданских и военных чинов в провинциях. Ранее возглавлявшие [на Юань Шикая] большие надежды колеблются. Юань Шикаю не удалось получить ни внутренний, ни внешний заём, доходы от налога на соль сокращаются, поступления из провинций уменьшаются. Общая обстановка не в пользу Юань Шикая⁴.

Джордан полагал, что Англия не заинтересована в дальнейшем распространении беспорядков в Китае

По мнению Хиоки, нестабильная ситуация в Китае была на руку Японии

¹ Jordan to Grey, January 30, 1916 // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 147.

² Тацуки — в МИД Японии, 26 января 1916 г. // 日本外交文書 (Японские дипломатические документы). 1916 г. Т. 2. С. 24–25.

³ Малевский-Малевич — Сазонову, 21 января 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 45.

⁴ Исии — послу Японии в Лондоне, 26 февраля 1916 г. // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 170.

10 марта Лу Цзунъюй получил предписание МИД:

Тщательно изучите высказывавшиеся за последнее время намерения правительства страны пребывания и тенденции военных кругов в отношении Китая и срочно сообщите о них, с тем чтобы можно было учесть их¹.

В тот же день Джордан сообщал Грэю:

Японский посланник [Хиоки] выразил свое личное мнение о том, что в случае, если Юань Шикай продемонстрирует превосходство своей армии над силами бунтовщиков и способность восстановить порядок, он должен опубликовать декларацию и недвусмысленно отказаться от восстановления монархии².

Конвульсии Пекина

Последовавшее 15 марта объявление независимости провинцией Гуанси Юань Шикай воспринял как удар ниже пояса. Его надежды на успех операции против Юньнани рухнули в одночасье.

Джордан докладывал в Лондон, что в середине марта «Армада защиты республики» оказалась в критическом положении, однако ситуация в корне изменилась после объявления независимости Гуанси. Армия Лун Циньгуана разоружилась. Решающее значение будет иметь теперь позиция Гуандуна. Сторонники Юань Шикая поникли духом³.

20 марта советник Юань Шикая американец Джон Фергюсон навещал Джордана и сообщил, что нанес ему визит по совету друзей президента, обеспокоенных душевным состоянием Юань Шикая.

Фергюсон считал, что единственным выходом для его шефа был отказ от восстановления монархии, и он хотел услышать совет Джордана — единственного, по его словам, человека, которого при данных обстоятельствах Юань Шикай послушал бы. Однако английский посланник от дачи советов отказался⁴.

Джон Фергюсон (1866–1945)

¹ МИД — Лу Цзяньюю, 10 марта 1916 г. // Архив МИД КР. 03-13-021-02-001.

² Jordan to Grey, March 10, 1916 // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 171.

³ Jordan to Grey, March 20, 1916 // Ibid. P. 176.

⁴ Jordan to Grey, March 23, 1916 // Ibid.

Вслед за Фергюсоном к Джордану по тому же делу явился другой советник Юань Шикая — Ричард Дэйн.

События в Гуанси, сказал он, вызвали у президента почти шоковое состояние. Несколько придя в себя, Юань Шикай предложил избрать новое правительство на сессии Народного собрания, которое можно было бы созвать сразу же за восстановлением порядка на Юге. Что думает по этому поводу сэр Джон?

Третьим по счету визитером за эти два дня у Джордана был Морриссон

Джордан ответил, что подобная мера, может быть, и стала бы выходом из положения, но она несколько запоздала¹.

На следующий день в офисе Джордана появился еще один гость — советник Юань Шикая Джордж Морриссон.

Он также говорил о не вполне нормальном состоянии Юань Шикая и о том, что единственным средством вновь обрести душевный покой было для него завершить свою политическую карьеру².

Горнисты трубят отбой

Рассказывают, что в это время кто-то посоветовал Юань Шикаю обратиться за помощью к специалисту по геомантии. Он поручил своему сыну разыскать Цзя Синляня, известного своими познаниями в этой области. Тот внимательно обследовал всю территорию Запретного города и сообщил Юань Шикаю, что всё обстоит благополучно, кроме ворот Синьхуамэнь, где наблюдается излишнее скопление *ци*.

По словам Цзя Синляня, исправить положение можно было, соорудив прямо около ворот традиционный китайский нужник с выгребной ямой.

— Но это испортит весь вид! — возмутился Юань Шикай.

Ворота Синьхуамэнь

¹ Ibid.

² Ibid.

— Да, конечно! — отвечал прорицатель. — Но что важнее для Вашего величества: внешний вид дворца или исполнение Вашей исторической миссии?

Нужник был в срочном порядке сооружен. Однако специалист, судя по всему, ошибся в своих расчетах: перелома к лучшему после этого так и не произошло¹.

22 марта был издан указ президента, отменявший изменение государственного строя в Китае. Девиз года «Хунсянь» был аннулирован; 1916 г. впредь стал именоваться 5-м годом Китайской Республики.

Джордан тотчас же сообщил в Форин Офис:

Указ, опубликованный вечером 22-го числа, встречен с большим удовлетворением. <...> Трудно предвидеть, чем ответят на него провинции, объявившие независимость. <...> Нынешняя ситуация может продлиться еще некоторое время. Не исключено, что бунтовщики могут потребовать от президента дополнительных уступок вплоть до ухода с политической арены. Но кто в этом случае наследует ему?²

Однако первым из всех иностранных дипломатов, аккредитованных в Пекине, об указе узнал В. Н. Крупенский.

Срок его службы в Китае подошел к концу, и он должен был выехать в Токио, чтобы сменить там Малевского-Малевича. Утром 22 марта в МИДе в его честь был устроен завтрак.

На состоявшемся сейчас у президента прощальном для меня завтраке, на коем кроме меня присутствовал только министр иностранных дел, последний сообщил мне, что сегодня вечером появится декрет президента, который, по мнению правительства, должен произвести успокоительное впечатление на всю страну.

В этом декрете Юань Шикай заявляет, что высказанное за последнее время недовольство против монархии со стороны некоторых провинций убеждает его в том, что он был введен в заблуждение, когда, движимый чувством патриотизма и преклоняясь перед волей народа, он согласился на восстановление монархии в Китае. Поэтому ныне он возвращает все полученные им петиции по сему поводу в распущенную было совещательную палату, ныне созываемую на новую сессию в качестве законодательного органа, дабы заняться пересмотром вопроса о монархии. При этом президент лично высказывается за сохранение республиканского

¹ 李明伟. 袁世凯当上了皇帝了吗? (Ли Минвэй. Стал ли Юань Шикай императором?) // <http://bbs.tianya.cn/post-no01-5870-1.shtml>.

² Jordan to Grey, March 23, 1916 // British Documents on Foreign Affairs. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 195.

образа правления. Декрет будет контрастирован Сюй Шичаном, согласившимся снова занять должность государственного секретаря, которую он покинул, не сочувствуя монархическому движению.

Вице-президент Ли Юаньхун равным образом выказал готовность возвратиться к председательствованию в палате, от коего он совершенно было устранился. Г-н Лу Чжэнсян, уступая пост государственного секретаря Сюй Шичану, продолжает, однако, оставаться по-прежнему министром иностранных дел.

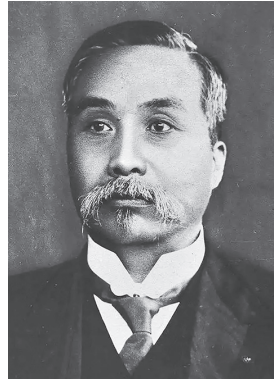
При этих условиях весьма вероятно, что и некоторые другие удалившиеся от дел сановники снова войдут в состав правительства, и можно полагать, что такой оборот дела окажет на общественное мнение успокаивающее воздействие, хотя сам Юань Шикай, несомненно, и потеряет при этом значительную долю своего престижа¹.

В одном из последних писем из Пекина Крупенский писал:

Появившийся неделю назад декрет президента об отказе его от мысли провозгласить монархию в Китае, о чем я имел уже честь донести Вашему высокопревосходительству, служит темой оживленного обсуждения среди населения и в прессе. Общее убеждение, однако, сводится к тому, что события на юге зашли слишком далеко, чтобы этим декретом можно было сразу вернуть в подчинение Пекину отделившиеся от центрального правительства южные провинции. Существует даже мнение, что декрет появился слишком поздно и потому скорее придаст бодрости восставшим, которые истолкуют его как проявление слабости президента.

Как бы то ни было, появление этого декрета следует объяснить, помимо событий на юге и брожения в среде высших чинов Китая, главным образом более или менее основательными опасениями нового выступления Японии с более категорическими, чем прежде, требованиями, которым должен был бы быть придан даже ультимативный характер².

Временно сменивший Крупенского поверенный в делах России В. В. Граве так характеризовал ситуацию, возникшую после обнародования указа Юань Шикая от 22 марта:

**Сюй Шичан
(1855–1939)**

¹ Крупенский — Сазонову, 22 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 437–438.

² Крупенский — Сазонову, 29 марта 1916 г. // Там же. С. 531.

Ныне можно более или менее определенно сказать, что требования южан заключаются в следующем:

во-первых, удаление Юань Шикая; во-вторых, образование ответственного министерства; в-третьих, созыв парламента на началах, установленных при объявлении республики; в-четвертых, наказание лиц, замешанных в монархическом движении; в-пятых, политическая амнистия.

Несмотря на то, что требования эти носят крайне настойчивый характер, Юань Шикай мог бы все же договориться с повстанцами и выработать, по прежним примерам, компромисс, который удовлетворил бы самолюбие обеих сторон, если бы не постоянные происки японцев, стремящихся создать различные затруднения для еще большего осложнения настоящего положения, причем имевшие место выступления посредников были, по-видимому, ввиду этого безуспешными.

Это ставит теперешнее правительство в безвыходное положение, и нам следует быть готовыми к всевозможным случайностям, так как всё ныне зависит от японцев, открыто говорящих, что Юань Шикай у власти не останется¹.

Говоря о «безвыходном положении» правительства, Граве имел в виду уверенность японцев, что теперь-то Юань Шикай будет вынужден согласиться с требованиями, которые он «необдуманно» отверг в 1915 г.

Об этом без всяких экивоков писала японская пресса. Шанхайская «Шэньбао» приводила публикацию из «Майнити симбун» о том, что у пекинского правительства нет сейчас иного способа избежать краха, как обратиться к Японии с повинной, «после чего Юань Шикаю были бы прощены все его прошлые грехи и инициированы взаимные отношения нового типа, *урегулированы все ранее нерешенные вопросы (курсив наш. — В. К., М. К.)*»².

В «безвыходном положении» Юань Шикай оказался и в финансовом смысле. Правда, тут ему немного помогли американцы. 7 апреля Гу Вэйцзюню удалось получить в Вашингтоне заём сроком на 3 года в размере 5 млн американских долларов³.

Так или иначе, последний акт трагикомедии, именовавшейся переменной формы правления в Китае, завершился. Аплодисментов не последовало.

¹ Граве — Сазонову, 7 апреля 1916 г. Там же. С. 590.

² 最近之外交如何 (Что нового в дипломатической сфере) // Шэньбао, 3 июня 1916 г.

³ 王铁崖. 中外旧约章汇编 (Ван Тей. Сборник договоров Китая с зарубежными странами). Т. 2. Пекин. 1982. С. 1173–1777.

Глава XIV

Ничто не вечно под луной

Неожиданные последствия соглашения

Мы не располагаем сегодня доказательствами того, что выдвижение «21 требования» было компенсацией за согласие Японии на реставрацию монархического режима Юань Шикаем, как утверждал Сунь Ятсен.

Но сегодня можно с полным основанием утверждать, что с самого начала Юань Шикай использовал все имевшиеся в его распоряжении средства для противодействия агрессивным планам японцев.

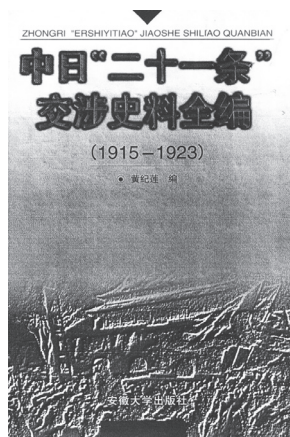
Пометы Юань Шикая на тексте «21 требования»

В 2001 г. увидел свет «Полный свод исторических источников о китайско-японских переговорах относительно “21 требования”» под общей редакцией научного сотрудника Института новейшей истории АОН КНР Хуан Цзилян.

Несмотря на свое название, эта публикация является неполной: в ней отсутствует один исключительно важный документ — пометы Юань Шикая на полях текста «21 требования».

О них было известно из воспоминаний Цао Жулиня, но достоверность его свидетельства раньше, как правило, подвергалась сомнению.

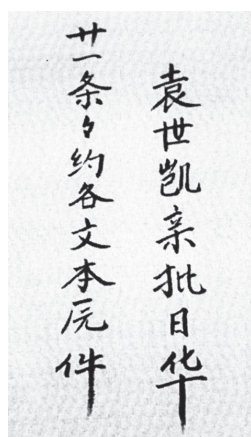
Лишь сравнительно недавно в Тяньцзиньском историческом архиве был обнаружен подлинный экземпляр требований, предъявленных Японией Китаю в 1915 г., со сделанными красной тушью замечаниями Юань Шикая.

«Полный свод исторических источников о Китае-японских переговорах относительно «21 требования»»

Цао Жулинь
«Воспоминания о моей жизни»

Обложка текста
«21 требования»
с пометами Юань
Шикая

О значении этого исторического документа красноречиво говорит появившийся в интернете отклик, озаглавленный: «Юань Шикай, каким он был на самом деле: от 21 требования к 12 пунктам»¹.

Пометы Юань Шикая на тексте «21 требования» можно разделить на три группы: требования Японии, нарушающие международные соглашения; абсолютно неприемлемые требования и уступки японской стороне.

Для понимания истинного отношения Юань Шикая к японским требованиям наиболее важны пометы второй группы.

Японская формулировка:

Правительства Японии и Китая, имея в виду защиту целостности территории Китая...

Юань Шикай:

Фраза о «защите целостности территории Китая» неприемлема для суверенного государства.

Японская формулировка:

Поскольку Китай всегда признавал особые интересы Японии в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии...

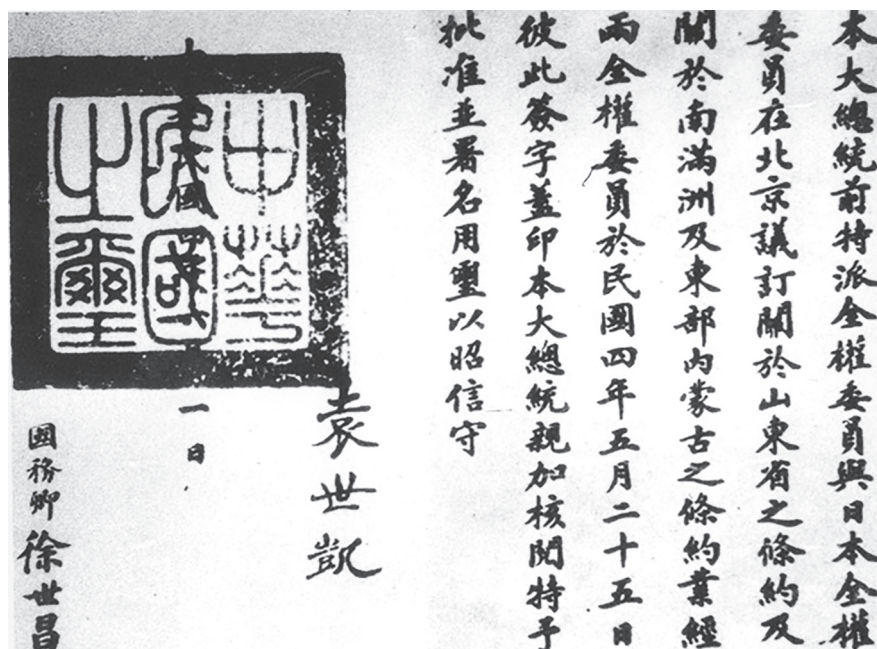
Юань Шикай:

Никогда не признавал.

¹ <http://www.guoxuedashi.com/b/4/192432/>

批示类型	日方提出的“二十一条”原文	袁世凯批示原文
批驳日方要求不符合公法条约	第一号第一款：“中国政府允诺，日后日本国政府拟向德国政府协定之所有德国关于山东省依据条约或其他关系对中国政府享有一切权利、利益、让与等项处分，概行承认”	只可依据条约，此外应不在内，青岛声明交还中国应不在内。删去“或其他关系”五字。加一条：一、日后政府协商让与等项倘或未能确定，此项预约作为无效。
	“两订约国互相约定，将旅顺、大连租期限并南满洲及安奉两铁路期限均展至九十九年为期”	与俄约定期无九十九年之久，不能超过。
	“中国政府允将吉长铁路管理经营事宜，委任日本国政府，其年限自本约画押之日起以九十九年为期。”	违背条约
	“中国政府允准，所有中国沿岸港湾及岛屿概不让与或租与他国”	将“他国”该为“外国”，此当然之事。
完全拒绝日方要求	“日本政府及中国政府，为切实保全中国领土之目的”	“保全中国领土”的提法，独立之国不能承认
	“日本国政府及中国政府，因中国向认日本国在南满洲及东部内蒙古享有优越地位”	无此向认
	“日本国臣民在南满洲及东部内蒙古为盖造商工业应用之厂房或为耕地可得其须要土地之租借权或所有权”	“东部内蒙古”应不在其内；“耕作”超出范围，不行；所有土地有关领土；应删去“或所有权”四字。
	关于日本政府提出的有关东部内蒙古借款、课税、开埠、合办农工业等方面的要求。	办不到
	“两缔约国互相约定，俟将来相当机会，将汉冶萍公司作为两国合办事业，并允如未经日本国政府同意，所有属该公司一切权利产业，中国政府不得自行处分，亦不得使该公司任意处分”	这属商贸之事，并不同意“相当机会”，不得“自行处分”、“任意处分”之类的规定
	“中国政府允准，所有属于汉冶萍公司各矿之附近矿山，如未经该公司同意，一概不准该公司引以外之人开采，并允此外凡欲措办，无论直接间接对该公司恐有影响之举，必先经该公司同意。”	“附近”二字“近强”，并对“有影响之举”的提法表示不满，认为这“是不许中国另开矿也”，“此件应召集董事会讨论”。
	“所有在中国内地所设日本病院、寺院、学校等，概允其土地所有权”	将“所有权”三字重笔点出，表示异议
	关于日本提出的“合办警察”、“整顿福建海口”等事	不予认可
对日让步	“中国政府允准，日本国建造由烟台或龙口接连胶济路线之铁路”	由我自造，如借款俟第一条实行后可先尽日本商议。
	“日本国臣民得在南满洲及东部内蒙古任意居住往来，并经营商工业等各项生意”	漫无限制，各国援引，尤不可行。……欧战相持不下，法比各有失地，将来大会支配，殊难预计，胶澳能否由强人让交，此时尚无十分把握，订此预约；尤足招强人之恶，他西人亦未必同意，殊属至为遗憾。

Замечания Юань Шикая, сгруппированные по трем категориям

Распоряжение Юань Шикая подписать китайско-японский договор

Китайско-японский договор 1915 г. подписан

Рядом с японским требованием о создании совместной китайско-японской полиции Юань Шикай пометил: «Не признавать!» и т. д. и т. п.

Когда, угрожая началом военных действий, японский посланник предъявил пекинскому правительству ультиматум, Юань Шикай, понимая, что воевать с Японией Китай не в состоянии, отдал Лу Чжэнсяну приказ принять японские требования — все, кроме угрожавших государственному суверенитету Китая требований 5-го раздела. Японцам не оставалось ничего иного, как согласиться.

Китай отвечает бойкотом японских товаров

Казалось бы, министр Като добился того, чего хотел. Но на деле это было не совсем так.

Грубый нажим Японии на правительство Юань Шикая вызвал беспрецедентное негодование широкой общественности Китая.

Основной формой всенародного протеста против японского произвола с самого начала переговоров стал бойкот товаров с наклейкой «Сделано в Японии».

«Беда! Китай гибнет!»

(листовка, призывающая к сопротивлению Японии)

В одной из листовок, распространявшихся шанхайскими студентами, говорилось:

Всеми силами бойкотируйте японские товары, и этим вы ослабите врага. Господа, пожалуйста, не пользуйтесь японскими товарами! Жестокий японец все время обманывает нас, и все любящие свою страну должны бойкотировать их товары. Будьте твердыми и выполняйте свой долг!¹

Шанхайская торговая палата обратилась к населению со следующим призывом:

С тревогой взываем к народу немедленно подняться для спасения отечества от гибели, всеми силами встать на защиту государства, сплотиться, образовать стену, преграждающую дорогу жадному волку! Всеми силами и в полном объеме бойкотируйте японские товары без предварительных обсуждений! Постарайтесь вынуть ваши вклады из японских банков <...>! Не употребляйте и не храните японскую серебряную монету и бумажные денежные знаки!²

Характерен такой эпизод: в Чанчуне патриотически настроенные солдаты срывали с прохожих шляпы японского производства и осыпали бранью случайно оказавшихся на улице японцев.

В движении сплошь и рядом принимали участие представители местных властей. К нарушителям бойкота население применяло меры физического воздействия вплоть до нанесения телесных повреждений.

Масштабы бойкота резко возросли после того, как президент поставил свою подпись под соглашением принять большинство японских требований. Этот день — 9 мая — стали называть «днем национального позора».

Митинги протеста, организуемые Обществом дня национального позора, охватили практически всю страну.

Урон, нанесенный японской торговле в Китае, был значителен. Закрылись многие японские предприятия, сбывавшие свою продукцию на китайском рынке. За первую половину 1915 г. экспорт японских товаров в Китай по сравнению с тем же периодом предыдущего года сократился на 33%³.

¹ Цит. по: *Монина А. А.* Кампания бойкота японских товаров в 1915 г. // Краткие сообщения Института народов Азии. № 66. Средневековая новая история Китая. М., 1963. С. 117.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 124.

Япония тоже не остается индифферентной

Общественное мнение Японии было раздосадовано действиями МИД, приведшими к тому, что антияпонские настроения в Китае достигли небывалого размаха.

В. Н. Крупенский сообщал в Петроград:

В результате предпринятого ею выступления Япония, несомненно, получает в Китае весьма существенные выгоды, коими она, конечно, не преминет воспользоваться в полном объеме со свойственной ей ловкостью и неразборчивостью в средствах. Но вместе с тем одержанная Японией дипломатическая победа имеет, бесспорно, и некоторые невыгодные для нее стороны. Столь грубо-насильственная расправа с не подававшим к этому никакого серьезного повода Китаем возбудила здесь повсеместно живейшее негодование и озлобление, и толкам о японо-китайском союзе надолго положен конец. Ненависть к Японии в настоящую минуту настолько сильна во всех слоях населения, что следует ожидать весьма действительного, хотя и не открыто организованного бойкота японских товаров, который может обойтись японской промышленности и торговле во много миллионов¹.

Российский посол в Токио Н. А. Малевский-Малевиц писал по этому поводу в МИД:

Здесь общественное мнение ныне более всего занято идеей русско-японского союза и бойкотом японских товаров в Китае. По последнему вопросу идут всевозможные толки, и с успешным его разрешением связывают участь графа Окума. По официальным подсчетам, за первую половину текущего года японский вывоз в Китай уменьшился на 30 миллионов иен сравнительно с теми же месяцами прошлого года, что составляет понижение на 53%. В каком именно объеме в этом сокращении японского ввоза участвует «бойкот» — определить, конечно, не представляется возможным; однако японская торговля с Китаем несет большие убытки, объяснить которые можно только упорным отказом китайцев от торговых сделок с японцами. Между тем здешние экспортные фирмы рассчитывали использовать остановку подвоза товаров в Китай из Европы вследствие войны, чтобы завоевать тамошние рынки и нажить на высоких ценах хорошие барыши. А теперь,

**Н. А. Малевский-Малевиц
(1856–1920)**

¹ Крупенский — в МИД, 12 мая 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. С. 426.

наоборот, у японцев возникает опасение, что создавшиеся экономические условия внутри Китая дадут толчок развитию его собственной промышленности, нуждающейся лишь в капиталах и технических знаниях. Если Китай обратится за тем и другим в Америку, то недалек день, когда многие произведения японской промышленности утратят всякий спрос на китайском рынке. Под давлением торговых палат и корпораций японское правительство, как известно, уже обращалось в Пекин с указанием на желательность прекращения бойкота. Но шаги эти пока не имели особого успеха. Печать продолжает настаивать на энергичных мерах против Китая и резко упрекает кабинет графа Окума, и особенно японскую дипломатию, в бездействии. Из весьма достоверного источника нам сообщают, что съезд *генро* в Токио был вызван главнейшим образом тревогой здешних крупных торговых домов, терпящих громадные убытки вследствие бойкота. *Генро* обвиняют во всем барона Като, предъявившего, без их ведома, к Китаю унижительные требования, от которых пришлось потом отказаться, но которые оставили в Китае неблагоприятное впечатление и заронили ненависть к японцам. *Генро* упрекают барона Като в неумении добиться согласия Китая более мягкими дипломатическими приемами, чем те, к коим он прибегнул: они считают, что бойкот явился ответом на ультиматум. Ярым противником министра иностранных дел выступал в совещаниях *генро* престарелый маркиз Иноуэ, состоящий, как известно, главным советником крупнейшей японской фирмы Мицуи, имеющей в Китае обширные интересы¹.

Правда, по словам российского посланника, Като пытался сделать хорошую мину при плохой игре:

При последнем свидании моем с бароном Като я спросил его, как он смотрит на китайский бойкот. Министр ответил мне в весьма спокойном тоне. По его словам, печать, вдохновляемая оппозицией, пользуется бойкотом в политических целях; сейюкайцы и их сторонники раздувают искусственно вопрос, желая создать кабинету, и особенно ему лично, затруднения и вызвать министерский кризис. На самом деле, по его сведениям, бойкот вовсе не имеет того угрожающего значения для японской торговли, как стремятся выставить оппозиционные группы. Главная причина бойкота — германская интрига в Китае и подпольная деятельность революционных организаций, пытающихся создать затруднения Юань Шикаю.

Впрочем, прибавил министр, бойкот ныне пошел на убыль, так как китайцы сами поняли его убыточность и бесплодность. Хиоки доносил

¹ Малевский-Малевич — в МИД, 12 июля 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. С. 389, 390.

ему, что на совещании пекинского министерства китайский министр финансов заявил, что прекращение японского ввоза губительно влияет на поступление таможенных и иных сборов, а министр иностранных дел указал на невозможность получения каких-либо внешних займов, пока продолжается бойкот. Барон Като думает, что в течение лета бойкот совершенно прекратится и отношения между обоими государствами войдут в обычную колею. Время покажет, оправдается ли оптимистический взгляд главы японского дипломатического ведомства на японо-китайские отношения¹.

К этому следует, однако, добавить, что, как на это впервые обратил внимание М. Джэнсон, среди японских бизнесменов были и такие, кто поддерживал Като в его политике «твердой руки» в Китае. К их числу принадлежал, в частности, Мори Каку, чей офис в Пекине поддерживал тесные контакты с японским посольством и поощрял действия Като². Но критиков у последнего было всё же больше.

С другой стороны, многие японские политические деятели критиковали кабинет Окума и за то, что «21 требование», не принесшее Японии немедленных дивидендов, тем не менее вызвало неудовольствие держав. Крупенский писал об этом следующее:

Образ действий Японии восстановил также против нее и общественное мнение дальневосточных иностранных кругов, торгово-промышленным интересам коих японские вожделения являются к тому же прямой угрозой. Вся здешняя иностранная, и на первом плане английская, печать полна статей самого резкого антияпонского направления, причем она, бесспорно, является верной выразительницей мнений не только деловых, но и официальных великобританских кругов на Дальнем Востоке.

По общему мнению, все указывает на то, что последнее японское выступление нанесет смертельный удар англо-японскому союзу, и без того уже не отличавшемуся прочностью и искренностью.

С этим обстоятельством Японии, несомненно, придется серьезно считаться по окончании европейской войны, и нам не следует терять из виду, что оно легко может, как я имел уже случай отметить это в предыдущих моих донесениях, привести к сближению между Японией и Германией, уже делающей в этом направлении недвусмысленные авансы³.

¹ Там же. С. 390.

² Jansen M. The Japanese and Sun Yatsen. Cambridge. 1967. P. 185.

³ Крупенский — в МИД, 12 мая 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 2. С. 426.

Как сообщал Малевский-Малевич, еще одной причиной недовольства *генро* по поводу внешнеполитического курса министра Като оказалось то, что он не был сторонником японо-российского сотрудничества и на этой почве полностью разошелся с *генро*.

«Последние, в лице князя Ямагата, маркиза Мацуката и маркиза Иноуэ, наоборот, являются горячими защитниками идеи нашего сближения, усматривая в нем основное условие сохранения неприкосновенности Китая и обеспечения мира на Дальнем Востоке»¹.

Генро были крайне раздражены тем обстоятельством, что Като в свое время не принял рекомендаций Ямагата, а позднее не ставил *генро* в известность относительно шагов, которые он собирался предпринять. Сразу же после того, как соглашения о «21 требовании» были подписаны, *генро* пришли к убеждению, что нужно во что бы то ни стало отправить Като в отставку.

Все это вместе взятое привело в конце концов к тому, что в июле 1915 г. в Токио разразился правительственный кризис.

Когда английский посол попытался встретиться с министром Като, тот отказался принять его, сославшись на нездоровье. Сообщая об этом в Петербург, Малевский-Малевич усмотрел в данном эпизоде явный признак того, что Като долго не удержится в кресле министра иностранных дел.

В августе 1915 г. главный конструктор «21 требования» Като Такаакира вынужден был уйти в отставку. Из Парижа в Токио срочно был вызван посол во Франции Исии Кикудзиро. 13 октября он принял у Като дела министерства.

Новый министр — новые веяния в коридорах власти

Вскоре после того, как Исии освоился в новой для него роли, на японском дипломатическом Олимпе подул ветер перемен. Это касалось, прежде всего, курса правительства Окума (до поры до времени остававшегося на своем посту) в отношении Китая.

Цели нового курса остались прежними. Изменились средства, к которым намерен был прибегнуть МИД для их осуществления.

¹ Малевский-Малевич — в МИД, 20 сентября 1915 г. // МОЭИ. Т. 8. Ч. 2. С. 326.

Как же оценивал Исии политику Японии в целом и деятельность своего предшественника в частности?

«21 требование» глазами Исии Кикудзиро

В «Дипломатических комментариях» Исии посвятил немало страниц изложению своего взгляда на этот предмет.

Он писал:

Предложение приступить к переговорам, сделанное китайскому правительству Юань Шикая графом Такаакира Като, министром иностранных дел в кабинете Окума, является выдающимся событием в деятельности японской дипломатии в начале мировой войны. Пожалуй, никакой другой вопрос не давал повода к столь многочисленным недоразумениям. Многие лица, незнакомые с фактами и обстоятельствами переговоров, обвиняли Японию в том, что она заставила Китай принять несправедливые требования.

Даже в политических кругах Японии были люди, чьи взгляды совпадали со взглядами иностранных критиков и чьи суждения принесли стране немало вреда.

Но если мы тщательно рассмотрим раскритикованные двадцать одно требование, нам станет ясно, что в поведении японского правительства нет ничего, достойного порицания. Оставляя на время в стороне метод переговоров, надо сказать, требования сами по себе были справедливы и умеренны, и, несомненно, Япония имела полное право их выдвинуть.

Обосновывая этот тезис, Исии характеризовал политику в отношении Китая, проводившуюся в то время державами:

Анализируя политику различных держав в Китае, мы найдем, что каждая из них по меньшей мере одобрила предложения Америки: 1) о территориальной целостности Китая и 2) о принципе открытых дверей и равных возможностей. Но на самом деле различные державы действовали в Китае совершенно по-разному.

В то время как Россия безразлично относилась к политике открытых дверей и равных возможностей, она смотрела на Маньчжурию

Исии Кикудзиро
(1866–1945)

как на лакомый кусок, и пункт о территориальной целостности Китая был для нее неприемлем.

Германия, которая в то время понимала русскую психологию и в политику которой входило поощрение русского империализма на Дальнем Востоке, заявила, что хотя она, конечно, уважает территориальную целостность Китая, тем не менее она не считает Маньчжурию частью Китая.

Американский государственный секретарь Хэй, вначале выступивший за все вышеизложенные принципы, на самом деле больше заботился о сохранении открытых дверей и равных возможностей, чем о территориальной целостности Китая.

Великобритания, как и Соединенные Штаты, придавала большое значение своим коммерческим и промышленным интересам, но в то же время, понимая, что экспансия России на восток и на юг угрожала Индии, проявляла достаточную заботу о территориальной целостности Китая.

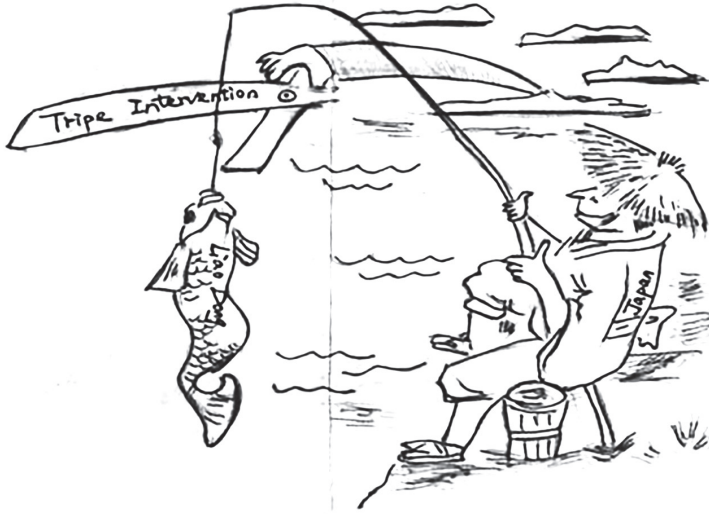
Ввиду того, что торговля с Китаем является основой торговой и промышленной структуры Японии, не приходится говорить, что сохранение открытых дверей и равных возможностей представляет для нее вопрос первостепенной важности. Однако и территориальная целостность Китая имеет для Японии жизненный интерес. Она так же необходима для нее, как колеса для оси, и для ее сохранения Япония без колебаний поставила на карту свое национальное существование.

Таким образом, в отношении двух главных принципов политики в Китае различные державы показали различную степень заинтересованности, и каждый раз, когда в Китае возникал серьезный вопрос, это расхождение проявлялось весьма многообразно.

«Особые интересы» Японии в Китае — лейтмотив японской внешнеполитической доктрины нового времени, и Исии, естественно, не мог не коснуться этой набившей оскомину проблемы.

У Японии были особые интересы в Китае, и поэтому нет ничего удивительного в том, что она придавала такое большое значение территориальной целостности Китая.

Было время, когда, по примеру других стран, она заявляла, что не допустит передачи провинции Фуцзянь в руки иностранной державы, и рассматривала эту провинцию как сферу своего влияния. Однако в те дни Япония не обладала достаточной силой, чтобы приостановить агрессивность других стран, и ее шаг был лишь вынужденной мерой самосохранения. Но истинные интересы Японии несовместимы с наличием сфер влияния или с какими-либо покушениями других держав на суверенные права Китая. В ее интересах может быть лишь полная независимость Китая.

«Россия, пренебрегая правами Китая и интересами Японии в Трех Провинциях, попыталась их аннексировать» (Ииси Кикудзиро)

Когда Россия, пренебрегая правами Китая и интересами Японии в Трех Провинциях, попыталась их аннексировать, Япония в целях самозащиты, а также для того, чтобы сохранить территориальную целостность Китая, обнажила меч и поставила на карту свое национальное существование. В поступке Японии не было ничего эгоистического и агрессивного. Поэтому, когда она достигла своей цели в русско-японской войне, она возвратила Три Провинции Китаю и таким образом восстановила его территориальную целостность.

Она действовала подобным же образом после войны с Германией. Когда Германия была вытеснена из своей базы в Шаньдуне, японская дипломатия начала переговоры с Китаем, имея в виду передачу ему Шаньдуна.

Такое великодушие, как возвращение Шаньдуна и Маньчжурии, не имеет себе равного в истории. Нелегко отдавать без всяких условий военную добычу, которая была завоевана с риском национальной катастрофы и которая стоила сто тысяч человеческих жизней и миллиарды иен. Отсутствие в истории других примеров подобного рода доказывает, как тяжело и необычно было такое благородство. Как ни легко в международных отношениях забываются благородные поступки, соседи Японии, китайцы, не могут, как бы они того ни хотели, забыть ее несравненную

«Когда Япония обнажила свой меч и поставила на карту свое национальное существование, в ее поступке не было ничего эгоистического и агрессивного» (Иси Кикудзиро)

мудрость. Вместо того чтобы быть благодарными за то, что державы согласились уважать территориальную целостность их родины, китайцы благодаря своей врожденной заносчивости отнеслись к этому с глубокой неприязнью. <...>

Не будет преувеличением сказать, что своей политической независимостью и территориальной целостностью Китай обязан Японии.

Китай дважды терпел неудачу, защищая свою землю, и каждый раз японское оружие возвращало ему потерянную территорию. Только приняв во внимание этот основной факт, можно правильно оценить истинный смысл переговоров между Китаем и Японией. <...>

Китай не смог освободить Маньчжурию из объятий русского медведя; немисливо также было, чтобы без посторонней помощи он смог вырвать Шаньдун из когтей германского орла.

При рассмотрении японо-китайских переговоров 1915 г. нельзя забывать, что Китай вернул себе Три Восточные Провинции и Шаньдун и благодаря самопожертвованию Японии наслаждается теперь независимостью и территориальной целостностью¹.

¹ *Иси Кикудзиро. Дипломатические комментарии. М. 1942. С. 70–73.*

Оставляем всё сказанное на совести отпетого апологета агрессивной политики японского милитаризма. Оно говорит само за себя, и комментировать эту часть «Дипломатических комментариев» нет ни необходимости, ни желания. Уместно лишь одно замечание.

«Комментарии» Исии были опубликованы в Москве в 1942 г. Шла война, а Япония, будучи составным звеном оси «Рим–Берлин–Токио», от нападения на СССР воздерживалась. Желая польстить японцам в надежде, что они будут продолжать в том же духе, ответственный редактор издания А. А. Трояновский писал в предисловии к книге:

Исии в своих «Комментариях» решительно осуждает политику агрессии и захвата чужих земель, а также дипломатию обмана и вероломства в международных отношениях. <...> В соответствии с этим Исии стоит за мирную политику взаимного доверия между государствами и уважение прав и законных интересов каждого из них¹.

Следуя традициям своего предшественника, нынешнее японское правительство до сих пор не признало Японию агрессором, развязавшим войну на Дальнем Востоке, и пытается пересмотреть ее итоги.

Министр умолчал о главном

Утверждая, что требования, предъявленные Китаю кабинетом Окума, были «справедливы и умеренны», Исии продолжает:

Анализируя переговоры 1915 г. с Китаем, автор всем сердцем одобряет справедливые действия японского правительства. Однако если его спросят, правилен ли был метод ведения переговоров, то он будет вынужден заявить, что метод был, несомненно, неправильный. Он не может считать правильной процедуру, при которой, связывая надежды на будущие отношения между двумя странами с требованиями, основанными на справедливых правах, японское правительство дало повод к непредвиденным подозрениям со стороны иностранных держав. Но автор критикует лишь метод действия; он считает несправедливым осуждение японских требований *самих по себе* только потому, что они были неуклюже предъявлены. Во всём мире плохо осведомленные лица смешивают суть требований с методом их предъявления и в результате их осуждают. Такое отношение можно простить иностранным критикам, но особенно прискорбно, что некоторые общественные деятели в Японии заняли подобную же позицию. Противники правительства, не пытаясь

¹ Там же. С. XXVI.

отделить цели требований от того, как они были предъявлены, огульно осуждали эти требования. Их нежелание провести черту между национальной и партийной политикой нельзя не назвать непатриотическим поступком! Теперь нечего плакать над разлитым молоком, но в будущем надо постараться отделять внешнеполитические вопросы от внутренних задач. Автор надеется, что японские политические деятели, как в самом правительстве, так и в рядах оппозиции, в будущем будут более осмотрительны в этом отношении¹.

Из слов Исии следует, что, сев в кресло министра, он намерен был продолжать добиваться от Китая всего, что содержалось в «21 требовании». При этом может создаться впечатление, что отрицал он лишь конкретные приемы, примененные с этой целью Хиоки, сделавшего упор на эффект кнута при минимуме пряника. На самом деле это было не так.

Ранее японское правительство добивалось уступок от Юань Шикая путем переговоров и преуспело в этом лишь отчасти. После этого Окума попытался припечатать Юань Шикая лопатками к ковру иным способом — играя на его намерении сесть на трон.

Тут был один немаловажный нюанс. Японское правительство выступало против восстановления монархии в Китае, но его замысел состоял не в том, чтобы Юань Шикай оказался от трона, а в том, чтобы, продолжая упорствовать в вопросе о реставрации, Юань Шикай был вынужден ради осуществления своего плана пойти на те уступки японской стороне, которые содержались в 5 разделе «21 требования» и были отвергнуты им в ходе переговоров.

Но и эта попытка оказалась тщетной: Юань Шикай объявил об отказе от смены государственного строя в Китае, и японцы остались без рычага давления на упряма.

И вот теперь министр Исии выдвинул принципиально новую стратегию — впредь вообще не иметь дела с несговорчивым Юань Шикаем и устранить его руками оппозиционных сил внутри страны.

Однако это была не единственная и не главная цель японской дипломатии, а скорее эмоциональное стремление отомстить тому, кто дважды переигрывал противника, нанеся немалый урон его международному престижу.

Главное же заключалось в том, чтобы не мытьем, так катаньем добиться от Китая удовлетворения тех японских требований, которые

¹ Там же. С. 74–75.

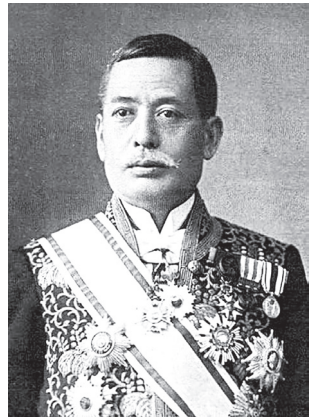
Исии называл «справедливыми и умеренными» и о которых российский посол в Японии писал:

Ограничится ли Япония проведением в Китае 5 группы своих прошлых требований или, воспользовавшись случаем, осуществит свои вожеления в долине Янцзы и в провинции Фуцзянь, предвидеть пока трудно, так как много будет зависеть от внутреннего положения Китая. Чем более последний будет страдать от внутренних неурядиц и чем слабее будет его центральная власть, тем легче для Японии добиться удовлетворения ее пожеланий. В предвидении этого японцы нимало не стесняются показывать свое нерасположение к Юаню и решительно противодействуют всему, что могло бы укрепить его личное положение. Этим объясняется и их отрицательное отношение к восстановлению монархии в Китае¹.

Кадровые перестановки

О новом курсе правительства — повороте на 180 градусов по отношению к антиюаньшикаевским силам — японское Министерство иностранных дел, отнюдь не называя все вещи своими именами, впервые заявило России в телеграмме, переданной Мотоно через посла в Лондоне Иноуэ:

Юань Шикай заявил, что он отменяет восстановление монархии, но сомнительно, будет ли это иметь благоприятные последствия в смысле успокоения населения, и нет гарантий, что в конце концов Юань Шикаю не придется оставить пост президента. Если допустить эту возможность, то, конечно, нельзя сразу решить, кто мог бы взять на себя трудную задачу справиться с нынешним положением, но само собой разумеется, что среди 400 миллионов китайцев, кроме Юань Шикая, найдутся и другие подходящие люди, тем более что при нынешних условиях население Китая окончательно разуверилось в Юане.

**Исии Кикудзиро
сформулировал
принципиально новый
курс Японии в отношении
Китая**

¹ Малевский-Малевич — Сазонову, 5 апреля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 572–573.

Мы полагаем поэтому, что оппозиция такому настроению в китайском народе, оказание помощи Юаню или требование подавления партии, настроенной против Юаня, отнюдь не ускорило бы восстановление нормальных условий¹.

Министр Исии был, несомненно, прав, полагая, что посланник Хиоки Масу не сможет стать активным проводником новой политики в Китае. Поэтому он был отозван из Пекина, и ему на смену назначен не менее опытный дипломат Хаяси Гонсукэ.

Сменился и китайский посланник в Токио. Но по не вполне ясным причинам на этом посту оказался человек, известный не столько дипломатической, сколько научной деятельностью, будучи к тому же видным специалистом в области каллиграфии — Чжан Цзунсян.

Хаяси Гонсукэ
(1860–1939)

Чжан Цзунсян
(1882–1965)

В Пекине приступил к своим служебным обязанностям новый российский посланник Н. А. Кудашев.

Очередной акт пьесы требовал новых действующих лиц, и они появились.

К ним присоединились деятели, до того времени в развитии событий прямого участия почти не принимавшие.

В их числе был и Сунь Ятсен, дождавшийся своего часа и снова начавший деятельную подготовку к своей «Третьей революции» против ненавистного Юань Шикая.

Сюжетная линия драматического действия была столь же напряженной и почти непредсказуемой, как и раньше.

¹ МИД Японии — послу Мотоно, 28 марта 1916 г. // Там же. С. 531–532.
Примеч. 2.

Сначала убрать Юань Шикая, а там видно будет

Отправить президента Юань Шикая в отставку — таков был первый пункт обширной программы Исии на его новом посту. Но осуществить эту цель было не так-то просто.

Англия и Россия против

Едва ли не главным препятствием на пути к достижению цели было то, что и Англия, и Соединенные Штаты Америки не разделяли намерений Японии.

Джордан писал об этом Грэй:

Юань Шикай утратил поддержку значительной части населения, это бесспорный факт. Однако если он уйдет в отставку, на севере Китая это вызовет беспорядки, которые будут иметь резонанс во всем Китае. Иностранцы и здравомыслящие китайцы полагают, что Юань Шикай должен остаться президентом, но его prerogatives следует ограничить. Если он не уйдет в отставку, любая уступка с его стороны возможна, но вряд ли разумно насильно свергать его. Это приведет к вмешательству японцев и осложнит будущую ситуацию. Я вполне разделяю то мнение, что в наших интересах иметь в Китае более выдающуюся фигуру, но отмена реставрации уже удовлетворила первоначальные требования Японии, и, судя по всему, сейчас нет необходимости в дальнейшем ослаблении нынешнего правительства. Мы считаем, что при достаточной поддержке со стороны зарубежных стран Юань Шикай может достичь компромисса с мятежниками. <...>

Никто не может предсказать, каков будет результат свержения [нынешнего] правительства. <...>

Не могли бы Вы обсудить с японским послом вышеприведенные соображения и решить, можно ли в какой-то степени объединить наши усилия, не прибегая к свержению нынешнего правительства?¹

5 апреля Грэй встретился с японским послом и попросил его задать Исии вопрос: допускает ли он возможность достижения какого-либо соглашения Юань Шикая с юньнаньскими лидерами? Иноуэ ответил на это, что, разумеется, уточнит позицию министра, но лично он счи-

¹ Jordan to Grey, April 3, 1916 // BDFA. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 183–184.

тает, что Юань Шикай окончательно утратил доверие китайского народа, и поэтому соглашение невозможно¹.

Аналогичное поручение Грэй дал послу в Токио Грину. Исии подтвердил ему, что, с точки зрения японского правительства, единственным выходом из положения является отставка Юань Шикая.

«А кто сменит Юань Шикая?» — спросил Грин, но внятного ответа не получил².

Исии уполномочил Иноуэ передать в Форин Офис следующее изложение позиции южан:

Положение в Китае обостряется с каждым днем. Требования Юга:

во-первых, поскольку нынешняя ситуация возникла из-за Юань Шикая, он должен безоговорочно покинуть политическую арену;

во-вторых, созывается Народное собрание для выработки конституции;

в-третьих, впредь до избрания нового президента власть временно передается Ли Юаньхуну³.

Несмотря на то, что еще 7 апреля в МИД Японии пришло сообщение из Китая о том, что Цай Э выразил свою надежду на мирное разрешение кризиса⁴, японский посол в Лондоне продолжал утверждать, что южане не пойдут на соглашение с президентом. Что касается кандидатуры его преемника, то таковым должен стать Ли Юаньхун⁵.

Спорить с Японией союзникам становилось все труднее.

Анализируя это вполне очевидное обстоятельство, Малевский-Малевич обращал внимание Петрограда на то, что современное политическое положение Японии уже не то, каким оно было перед войной: за прошедшие месяцы международные условия настолько изменились, что теперь Японию надо признать не только великой дальневосточной, но и мировой державой. Причина в том, что война, столь разорительная для стран Европы, чрезвычайно благоприятно отразилась на экономике Японии.

Грэй полностью разделял точку зрения Джордана

¹ Grey to Greene, April 5, 1916 // Ibid. P. 184.

² Greene to Grey, April 6, 1916 // Ibid. P. 185–186.

³ Grey to Greene, April 11, 1916 // BDFA. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 191–192.

⁴ Оваку — Исии, 7 апреля 1916 г. // Документы японской дипломатии. 1916. Т. 2. С. 105.

⁵ Grey to Greene, April 11, 1916 // BDFA. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 191–192.

Но еще больше извлекает японское правительство из европейской борьбы политических выгод; если до войны Япония могла считаться наиболее влиятельной силой на Дальнем Востоке, то ныне она сделалась полновластной хозяйкой здешнего положения: ни мы, ни Англия, ни другая европейская держава, не имея в своем распоряжении на Дальнем Востоке ни сухопутной армии, ни флота, не в состоянии противодействовать Японии в достижении ее целей. Японцы вполне сознают исключительность условий, в которые они поставлены благодаря войне, и, несомненно, постараются использовать эти благоприятные условия в своих выгодах. С таким положением вещей приходится считаться и нам, и Англии¹.

И в самом деле, натолкнувшись в вопросе о низложении Юань Шикая на противодействие своих западных союзников, японцы отнюдь не пали духом и продолжали действовать всеми доступными им средствами.

Попытка удушить Юань Шикая финансовой петлей

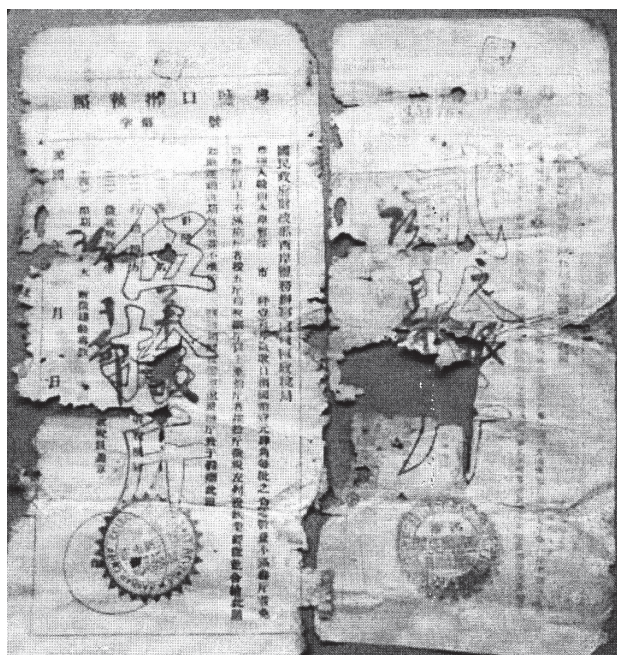
4 апреля глава Ведомства доходов от налогообложения на продажу соли Р. Дэйн обратился в банк «Хуйфэн» с просьбой выплатить Китаю 3,5 млн *лан* в счет соляных доходов. Представители держав ответили положительно, однако японский коллега заявил, что должен предварительно согласовать вопрос с Токио. В результате выяснилось, что японское правительство не намерено расставаться со своей долей полученных сумм. На запрос о том, чем вызвано подобное решение, Дэйн ответа не получил.

Временный поверенный в делах России Граве подробно информировал об этом инциденте Министерство иностранных дел.

В августе 1915 года между банкирами и соляной инспекцией было заключено соглашение, в силу коего в банках собирается из соляных поступлений фонд в 9 млн *лан*, который обеспечивает исправные платежи 6-месячных купонов по займам <...> и месячный платеж по боксерскому вознаграждению; избыток соляных доходов передается китайскому правительству. На основании этого соглашения банкиры должны были 5 апреля передать китайскому правительству образовавшийся избыток в 3 500 000 *лан*, как они это неоднократно делали за последующее после соглашения время.

К всеобщему удивлению представитель японского банка заявил, что не может выпустить из своего банка хранящиеся в нем соляные поступления, так как получил предписание от своего правительства не платить

¹ Малевский-Малевич — Сазонову, 5 апреля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 572.

Расписки в получении
соляного налога

денег китайскому правительству, не испросив заранее указаний японской миссии в Пекине. На возражения своих коллег, что эта мера нарушает ст. 5 контракта о займе¹, на основании которой распоряжение суммами соляных доходов лежит всецело на инспекторах, он ответил, что имеет категорическое указание на этот счет и должен ждать разрешения, запрошенного по этому поводу у японского правительства. <...>

Спрошенный мною о причинах этого распоряжения, японский посланник заявил, что еще 29 марта он получил от своего правительства указания предписать своему банку не платить денег китайскому правительству, не посоветовавшись предварительно с ним, и что в соответствии с этим он указал банку остановить платежи, так как он запросил по этому поводу Токио. Затем вчера он получил телеграмму от барона Исии, сообщающую, что японское правительство выступило перед заинтересованными правительствами с предложением изменить августовское соглашение банкиров <...>².

¹ Имеется в виду соглашение о займе, полученном Юань Шикаем 26 апреля 1913 г.

² Граве — Сазонову, 7 апреля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 591–592.

Назвав этот эпизод «прискорбным случаем», Граве резюмировал:

Английский и французский посланники считают, что это выступление Японии вызвано <...> желанием создать новые затруднения китайскому правительству, нуждающемуся в деньгах для поддержания порядка в стране и для борьбы с повстанцами. Принятие державами предложения Японии будет иметь своим следствием ускорение падения Юань Шикая, ибо оно будет здесь, кроме того, истолковано как утрата ими доверия к нему¹.

Джордан предвидел, что «соляной инцидент» будет иметь своим следствием финансовый крах Пекинского правительства².

Планам японцев помешали американцы

Американский посланник в Пекине Пол Рейнш, слывший большим знатоком Китая, был озабочен не принятием мер к отставке Юань Шикая, а, напротив, сохранением существовавшего к тому моменту *status quo* и гарантиями того, что события в Китае не нанесут ущерба имущественным правам граждан США, проживающих в этой стране.

6 апреля Рейнш предложил Грэю сделать китайскому правительству совместное заявление по этому поводу.

Но его инициатива успеха не имела: Грэй указал Рейншу, что, во-первых, еще не поступало никаких сообщений о том, что в ходе боевых действий пострадал кто-либо из иностранцев, и поэтому совместное выступление представителей держав не вызвано реальной необходимостью; во-вторых, в настоящее время в Китае нет правительства, несущего юридическую ответственность за происходящее в стране в целом, и поэтому южане вряд ли согласятся с требованием соблюдать *status quo*³.

Потерпев неудачу со своим предложением, Рейнш преуспел в другом: при его посредничестве правительству Юань Шикая удалось получить столь необходимые ему деньги в Соединенных Штатах.

Граве докладывал в МИД:

Китайским правительством заключен в Америке при посредстве банкирского дома «Лихеггинсон и К» 6% заём на сумму 5 миллионов золотых долларов, из коих один миллион уже выдан в виде аванса.

¹ Там же. С. 592.

² Jordan to Grey, May 15, 1916 // BDFA. Part II. Series E, Asia. Vol. 22. P. 209.

³ Grey to Spring-Rice, April 8, 1916 // Ibid. P. 187.

Условия займа будут окончательно выработаны по разрешении настоящего кризиса в Китае.

На мой запрос американский посланник, подтвердив вышеизложенное, прибавил, что заём предназначен на финансирование промышленных предприятий в Китае и не обеспечен социальной гарантией. Сравнительно благоприятные условия [соглашения] заставляют предполагать получение названным домом каких-либо особых привилегий, к выяснению коих принимаю меры¹.

Японский замысел покончить с Юань Шикаем, задушив его безденежьем, потерпел полный крах.

П. Рейнш (1869–1923)

Ставка на Сунь Ятсена

Характеризуя Юань Шикая, Исии писал:

Было поистине комично, когда на старости лет Юань Шикай попытался установить императорский режим и стать императором. Выступая в таком фарсе, Юань показал, что, несмотря на свою мудрость и дальновидность, у него была китайская душа, склонная к театральности. <...> До тех пор пока династические мечты не обуяли его, поведение Юаня было безукоризненным. Если бы Юань был благоразумен и посвятил себя сохранению мира, он, несомненно, остался бы президентом республики до конца своих дней. <...> При нормальных условиях для Японии и других держав было бы все равно, считается ли Китай империей или республикой и является ли его главное должностное лицо императором или президентом. Но в тот момент обстановка была напряженная и чреватая опасностями. <...> Враг воспользовался бы последующими беспорядками и нарушил бы мир на Дальнем Востоке².

Исии навел тень на плетень. Решение воспользоваться возникшими в Китае беспорядками для того, чтобы наконец разделаться с несговорчивым Юань Шикаем, было принято не «врагом», а им самим. Решение

¹ Граве — Сазонову, 13 апреля 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 627.

² *Исии Кикудзиро*. Дипломатические комментарии. С. 75–77.

заставить Юань Шикая покинуть политическую арену было принято кабинетом министров Японии 7 марта 1916 г.¹ Но открыто говорить об этом министру было не с руки.

Поддержать мятежников

Политическая программа тех, кому было решено оказывать помощь в борьбе против Юань Шикая, значения не имела: в соответствии с новым курсом японское правительство поддерживало отныне и юньнаньцев с их «Армадой», выступавших в защиту попранной Китайской Республики, и князя Су, мечтавшего о восстановлении той самой империи Цин, на обломках которой эта республика была создана. Принцип сделки был единым для всех — деньги и оружие в обмен на свержение Юань Шикая.

Выгода, которую Япония получала от негласного соглашения с князем Су, не ограничивалась поддержкой новоявленного претендента на престол. Речь шла о давно вынашиваемом плане создания в Маньчжурии и Внутренней Монголии независимого государства, ориентирующегося на Японию.

Крупенский еще в марте предупреждал Сазонова:

До меня доходят слухи о существующем якобы желании Японии воспользоваться настоящими затруднениями китайского правительства, чтобы содействовать образованию из южной Маньчжурии и восточной Внутренней Монголии особого автономного государства по примеру Халхи. При этом якобы предполагается, что означенные части китайской территории объявят свою независимость и провозгласят маньчжурского князя Су-цинъвана, проживающего ныне в Дальнем, своим императором².

Активную деятельность по поддержке князя Су и его сторонников развили в это время японские *рёнин* и, в частности, Утида Рёхэй, наконец дождавшийся своего часа: японское правительство начало осуществлять то, к чему он тщетно призывал министра Като.

В начале 1916 г. Утида самолично прибыл в Далянь и встретился с Кавасима Намихая на предмет оказания реальной поддержки, с одной стороны, князю Су, с другой — монгольскому хунхузу Бабуджабу в их намерении отделиться от Китая.

После этого князь Су и Бабуджаб направились в Японию за деньгами и оружием. По указанию МИД раскошелился Окура Кибатино —

¹ Документы японской дипломатии. 1916 г. Т. 2. С. 45–46.

² Крупенский — Сазонову, 29 марта 1916 г. // МОЭИ. Т. 10. С. 532.

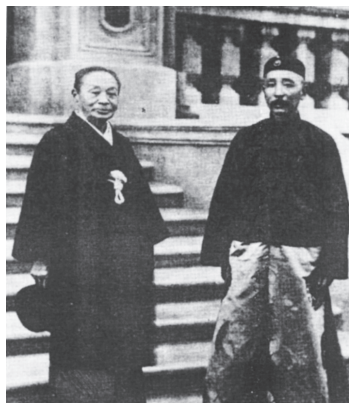
тот самый, которого в 1913 г. обхаживал Сунь Ятсен. Окура был на дружеской ноге со многими деятелями Трех Восточных Провинций.

С юньнаньцами было сложнее. Какие блага в виде компенсации за поддержку могла и, главное, хотела предоставить Японии «Армада» во главе с Цай Э, было не вполне ясно.

Цай Э обратился за помощью к японскому Генеральному штабу еще в то время, когда он только готовил выступление против Пекина. По его поручению в Токио отправился Ван Фуи, на руках у которого было рекомендательное письмо за подписью Цай Э. Прибыв на место, Ван Фуи разыскал знакомого Цай Э — полковника Каэцу, через которого он рассчитывал связаться с заместителем начальника Генштаба Танака Гиити. Каэцу, вначале относившийся с сомнением к перспективам юньнаньского восстания, в конце концов уверовал в его успех и организовал встречу Ван Фуи с Танака. Было оговорено, какое оружие и в каких количествах требовалось повстанцам¹.

Через некоторое время в Японии появилась еще одна личность, тесно связанная с «Армадой», — Цэнь Чуньсюань, которому удалось добиться своего. Он заключил с предпринимателем Такэути Корихико, действовавшим с благословения японского правительства, договор о предоставлении юньнаньцам дотации размером 1 млн иен с условием возврата этой суммы «после того, как получатель добьется успеха»².

Но главную ставку в игре возглавляемое Исии министерство делало на Сунь Ятсена. Для этого у него были вполне определенные основания. Лидер Гоминьдана неоднократно выражал свою готовность сторицей отблагодарить своих потенциальных спонсоров. Эти авансы, еще вчера с порога отвергавшиеся Като Такааки, сегодня стали козырной картой в колоде Исии Кикудзиро.

**Окура Кибатиرو
и Чжан Цзолинь**

¹ 王辅宜。护国军起义时期与日本密谈借款购械的内幕 (Ван Фуи. Тайные переговоры с японцами о получении денег и оружия во время восстания «Армады в защиту республики»: как это было) // Воспоминания о личном участии в движении в защиту Республики против Юань Шикая. С. 99–102.

² 谭 熙 宇。 外交 官 的 生涯 [периода] Хунсянь. С. 307.

Особое значение для Японии имело то обстоятельство, что Сунь Ятсен сообщил начальнику японского Генштаба Уэхара Юсаку: после долгих размышлений он вновь изменил свою позицию в отношении Маньчжурии и вернулся к допущению в случае необходимости передать японцам права на эту часть китайской территории¹.

Сопоставим то, чего хотелось Утида Рёхэй, некоторые существенные пункты 5-го раздела «21 требование» и посулы Сунь Ятсена, имеющие отношение к суверенитету Китая.

План Утида	«21 требование»	Проект Сунь Ятсена
Признавая особые права Японии в Южной Маньчжурии и Вн. Монголии, Китай передает Японии суверенитет над этими территориями, чтобы Япония могла на прочном основании осуществлять оборону этого региона.		Если Япония окажет китайской революции поддержку тремя или более дивизиями резервистов, а также оружием, исключительные права на Три Восточные Провинции могут быть уступлены Японии. ²
Имея в виду реформирование своей армии, Китай поручает это дело японским инструкторам. Для создания и укрепления флота Китай приглашает японских инструкторов.	Центральное правительство Китая использует японских граждан в качестве политических, финансовых и военных советников.	В случае если армия и флот Китая будут пользоваться услугами иностранных советников, то они будут комплектоваться преимущественно из граждан Японии.
Для унификации вооружения и боеприпасов Китай впредь будет использовать оружие японского производства, создав при содействии Японии оружейные заводы в стратегически важных пунктах.	В Японии закупается определенное количество вооружения (более половины всего вооружения, необходимого китайскому правительству) или на территории Китая создаются военные заводы, для работы на них приглашаются	В целях облегчения сотрудничества Японии и Китая в области ведения боевых действий армия и флот Китая будут использовать оружие, боеприпасы и оснащение японского образца.

¹ Дуань Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 464.

² Устное сообщение Сунь Ятсена начальнику японского Генерального штаба.

План Утида	«21 требование»	Проект Сунь Ятсена
	японские технические специалисты, а также используются японские материалы.	
После того как Япония оккупирует район залива Цзяочжоу, она получает все ранее принадлежавшие Германии права на железную дорогу, разработку полезных ископаемых и пр. Для реформирования финансовой системы и методов сбора налогов Китай поручает эту работу Японии. Япония рекомендует способных финансистов, которых назначают высшими советниками при китайском правительстве. Китай приглашает японских специалистов в сфере образования в качестве советников.		Естественные ресурсы Японии уже исчерпаны, и она лишена возможностей для дальнейшего развития, а Китай представляет собой огромную страну с еще не освоенными богатейшими природными ресурсами¹. Для обеспечения сотрудничества Японии и Китая в политической сфере в случае приглашения иностранцев для занятия должностей в центральном и местных правительствах преимущество отдается гражданам Японии. Япония окажет Китаю содействие в совершенствовании его административной системы и преобразовании армии, чтобы Китай превратился в сильное государство. Япония предоставит помощь для реформирования денежной системы Китая и осуществит эту реформу в короткие сроки.
	Учитывая прежние полицейские инциденты, впредь там, где это необходимо, учреждается совместная японо-китайская полиция, и для совершенствования ее деятельности приглашаются японские граждане.	Я уже договорился с Сунь Ятсеном, что, захватив одну-две намеченные провинции, мы прежде всего назначим японцев полицейскими советниками и военными инструкторами.²

¹ Из письма Сунь Ятсена премьеру Окума.

² Заявление Чэнь Цимэя 12 сентября 1914 г. // Деятельность Сунь Ятсена в Японии. Август 1913 г. — апрель 1916 г. По материалам архива МИД Японии. С. 690.

План Утида	«21 требование»	Проект Сунь Ятсена
Прежде чем заключить с другим государством соглашение о предоставлении займа, передаче концессии или уступке территории, Китай должен предварительно получить согласие Японии.	Если для строительства железных дорог, разработки полезных ископаемых или оборудования портов на территории Фуцзяни потребуются внешние займы, этот вопрос будет предварительно обсуждаться с Японией.	По всем важнейшим вопросам, касающимся третьих стран в Восточной Азии, Япония и Китай будут предварительно обмениваться мнениями для согласования своих позиций.
		Япония окажет помощь Китаю в пересмотре неравноправных международных договоров, создании независимой таможенной системы, а также отмене права экстерриториальности.

Приведенная таблица говорит сама за себя. Имея ее перед глазами, Исии мог действовать наверняка.

Получите и распишитесь!

Для Сунь Ятсена этот подарок судьбы был полной неожиданностью. Как и прежде, он поспешил поделиться радостной новостью с Этель Ли:

Я знаю, что, глубоко интересуясь нашими делами, Вы будете рады узнать, что все наши начинания быстро продвигаются вперед в соответствии с нашими первоначальными планами и сложившейся ныне обстановкой! <...> Я уже полностью отказался от намерения отправиться в Америку для чтения лекций, потому что уверен, что наибольшие результаты принесет мое пребывание здесь, а не в какой бы то ни было другой точке земного шара¹.

Вскоре после этого Сунь Ятсен пишет Ли не менее вдохновенные строки:

Я абсолютно убежден в том, что наши чаяния вот-вот осуществляются. <...> Факты докажут, что я не зря трудился последние два года!²

¹ Сунь Ятсен — Э. Ли, 20 ноября 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 376.

² Сунь Ятсен — Э. Ли, 11 января 1916 г. // Там же. С. 385.

Столь же оптимистично высказывался Сунь Ятсен в письме к вдове Кэнтли:

Очень скоро мы одержим победу, и этот успех придет даже раньше, чем этого можно ожидать!¹

Чаяния Сунь Ятсена начали осуществляться весной 1916 г. Об этом мы узнаем, как и прежде, главным образом из донесений полицейского управления (решив оказать помощь Сунь Ятсену, правительство все же сочло целесообразным до поры до времени не отменять слежку за политическим эмигрантом).

Связь с лидером Гоминьдана кабинет министров осуществлял не прямо, а через посредников — старых знакомых Сунь Ятсена и связанных с ними лиц — Яманака Минэтаро, Мацусима Дзюнтаро, Акияма Тэйсукэ и др.

В феврале–марте Сунь Ятсен наладил тесный контакт с известным предпринимателем Кухара Фусаносукэ.

Кухара — президент концерна, занимавшегося разработкой полезных ископаемых, один из самых богатых японских *дзайбацу*, действовал в данном случае не по собственной инициативе, а по указке правительства.

Познакомившись с Сунь Ятсеном в 1915 г., Кухара оказывал ему всяческие знаки внимания, подарив, например, старинный меч, который сейчас украшает столовую в шанхайском доме-музее Сунь Ятсена.

Сунь Ятсен очень ценил этот подарок Кухара

¹ Сунь Ятсен — Кэнтли, 18 января 1916 г. // Там же. С. 387.

Но Кухара делал Сунь Ятсену и еще более ценные подарки.

20 февраля он получил от Кухара 700 000 японских иен.

Помимо расписки в получении денег Сунь Ятсен написал Кухара еще несколько строк:

Во-первых, заимодавец по достоинству оценил истинные стремления нижеподписавшегося, который издавна стремится к миру на Тихом океане и китайско-японской дружбе. <...>

Во-вторых, если впредь у заимодавца будут связанные с Китаем деловые планы, он должен обсудить их с нижеподписавшимся и тот обязательно будет содействовать их осуществлению¹.

То же самое, но в более развернутом виде Сунь Ятсен изложил в письме к Кухара, написанном через два дня после этого:

Я посвятил много лет своей жизни борьбе за мир на Востоке и дружественные отношения между Китаем и Японией. Моя скромная мечта осуществилась. <...> Мною получены переданные мне 700 тысяч иен, о чем я приложил расписку. Благодаря помощи, оказанной Вашим Превосходительством, мои планы смогут наконец завершиться успехом. Я несу ответственность за то, чтобы в полном объеме возратить полученные мною в долг деньги. Если же в будущем у Вашего Превосходительства будут планы в отношении деятельности в Китае, то я и мои товарищи приложим все свои силы к тому, чтобы правительство и деловые круги Китайской Республики благосклонно отнеслись к предпринимательской деятельности Вашего Превосходительства в Китае, с тем чтобы хотя бы в какой-то мере отблагодарить Вас за Вашу любезность².

Но на этом дело не закончилось. Более того, это было только начало.

У Сунь Ятсена возникла мысль заключить с Кухара договор о сотрудничестве. Прежде всего 5 марта он обсудил эту идею с Мацусима Дзюнтаро. Обмен мнениями продолжался 7 марта.

8 марта Сунь Ятсен в сопровождении Мацусима отправился домой к Кухара Фусаносукэ и имел с ним длительную беседу. В результате этого 10 марта на квартире Кухара был подписан контракт о передаче ему прав

Кухара Фусаносукэ
(1869–1965)

¹ Сунь Ятсен — Кухара, 20 февраля 1916 г. // Дополнения к полному собранию сочинений Сунь Ятсена. С. 455.

² Сунь Ятсен — Кухара, 22 февраля 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 392.

на разработку полезных ископаемых в Сычуани в обмен на предоставление Сунь Ятсену займа. Подписи под документом с китайской стороны поставили Сунь Ятсен и Дай Цзитао, с японской – Мацусима и Яманака¹.

Не было ни гроша, а тут вдруг алтын. В тот же день 10 марта Сунь Ятсен заключил еще одно соглашение, на этот раз с Такэути Корихико и Накаяма Токитаро.

[Мы, нижеподписавшиеся] Сунь Ятсен, Ван Тунъи и Дай Цзитао, начиная революцию с целью преобразования расстроенной политической системы Китая, и Такэути Корихико и Накаяма Токитаро, которые намерены предоставить необходимые для этого средства, имея в виду способствовать вечному спокойствию и благополучию Восточной Азии, заключили ниже следующее соглашение (Сунь Ятсен, Ван Тунъи и Дай Цзитао в дальнейшем именуются «А», Такэути Корихико и Накаяма Токитаро — «Б»):

- 1) «А» осуществят в Китае идеальное правление и будут действовать рука об руку с Японией в целях способствования спокойствию и процветанию Восточной Азии;
- 2) «Б» окажут материальную помощь революции; способ выплаты, условия предоставления и сроки помощи будут согласованы;
- 3) Шанхайское коммерческое бюро и Машиностроительная компания в Цзяннани становятся совместной собственностью; «Б» осуществляет управление ею и назначает ответственных за это лиц;
- 4) «А» предоставляют «Б» преимущественное право распоряжаться рудниками и местами добычи нефти в нижеперечисленных районах (Сычуань, Хунань, Хубэй, Аньхуй, Юньнань);
- 5) Помимо перечисленных, во всех районах в пределах юрисдикции «А» создаются соответствующие условия для свободной предпринимательской деятельности «Б» в области разработки полезных ископаемых;
- 6) В управлении по использованию природных ресурсов, которое будет создано при правительстве, «А» согласны с тем, чтобы его техническим руководителем стал специалист, рекомендованный «Б» (в будущем этот пост будет предоставлен китайцу);
- 7) Военные корабли для китайского флота (за исключением построенных в Китае) приобретаются в Японии;
- 8) Руководимое «А» правительство еще не создано, но, полагаясь на его авторитет, «А», равно как и дружественные им правительства, гарантируют соблюдение настоящего соглашения <...>².

¹ 俞辛醇. 孙文の革命运动と日本 (Юй Синьтунь. Революционная деятельность Сунь Ятсена и Япония). Токио. 1989. С. 265.

² Копия этого соглашения хранится в архиве Чжан Гоганя, переданном им Институту новейшей истории АОН Китая (раздел «Документы китайско-японских отношений за 1916–1922 гг.». 1-350-225).

Заклучив это соглашение, Сунь Ятсен продолжал обсуждать с Кухара планы дальнейшего сотрудничества. Их очередная встреча состоялась 19 марта. В общей сложности с февраля по апрель 1916 г. Сунь Ятсен получил от Кухара 240 000 иен¹.

Но дело не ограничивалось только займами. После отставки Като Такааки прежние расхождения между Министерством иностранных дел и Генеральным штабом японской армии были устранены, и руководители Генштаба теперь активно участвовали в разработке деталей нового курса в отношении Китая. Ключевой фигурой в этом отношении был заместитель начальника Генерального штаба Танака Гиити.

Его взаимопонимание с Сунь Ятсеном сложилось не сразу.

По словам Дай Цзитао, Танака считал необходимым на Юге поддерживать Цэнь Чуньсюаня и Тан Цзияо, в центральном Китае – Чжан Сюня, на Севере — Дуан Цижуя, на Северо-Востоке – Чжан Цзолиня. Танака был против объединения Китая, тем более под эгидой Гоминьдана во главе с Сунь Ятсеном. Тем не менее Сунь Ятсен возлагал на общение с Танака большие надежды².

И в конце концов усилия Сунь Ятсена не пропали даром.

29 марта Сунь Ятсен и Дай Цзитао нанесли визит начальнику разведывательного отдела Генштаба генералу Фудзита Масатаро, а затем ночью 7 апреля они на квартире Акияма встретались с Танака Гиити.

8 апреля там же состоялась еще одна встреча в том же составе. Она продолжалась до 12 часов ночи.

В дальнейшем Сунь Ятсен регулярно отчитывался перед Танака обо всех действиях, предпринимавшихся Гоминьданом.

26 апреля Сунь Ятсен имел еще одну беседу с Фудзита. Предполагают, что речь во время этих встреч шла о закупке вооружения на средства, полученные у Кухара.

Дело было поставлено на широкую ногу. Речь шла не только о стрелковом оружии.

Танака Гиити
(1863–1929)

¹ 胜田龙夫。中国贷款与胜田主计 (*Кацуда Тацую*. Займы Китаю и Кацуда Кадзуэ) // 近代史资料 (Материалы по новейшей истории). Т. 45. С. 192.

² Дай Цзитао. О Японии. С. 117–119.

У Сунь Ятсена была мечта — иметь собственный авиаотряд, оснащенный современными самолетами. Поэтому еще в начале февраля он познакомился с японским летчиком Сакамото, некогда обучавшимся в Соединенных Штатах. Во время их первой встречи Сунь Ятсен изложил свой план: организовать близ Киото летную школу Гоминьдана, в которой Сакамото был бы главным инструктором.

После этого Сунь Ятсен распорядился, чтобы его сообщники в Сан-Франциско навели справки по поводу покупки десяти «самолетов мощностью более 100 лошадиных сил, приспособленных для ведения боевых действий»¹.

Выяснилось, что такая покупка все же ему не по карману, и Сунь Ятсен уточнил, что вместо десяти придется ограничиться двумя самолетами². Заказ на покупку самолетов был сделан, и 25 апреля Чжоу Инши по поручению Сунь Ятсена заключил с Сакамото соглашение о подготовке летчиков.

Текст соглашения гласил:

25 апреля 5-го года Тайсё нижеподписавшиеся Чжоу Инши (сторона А) и Сакамото Хисаити (сторона Б) заключили в Токио <...> следующее соглашение о подготовке летчиков:

* Количество обучающихся — более 10 человек. Каждый обучающийся с начала учебных полетов до окончания курса вносит плату за обучение в размере 10 000 иен.

Все расходы <...> на протяжении шести месяцев с начала занятий несет сторона Б.

* Порядок внесения платы за обучение:

- 1) после начала обучения вносится 5 000 иен;
- 2) через два месяца после начала обучения в случае, если обучающийся добился соответствующих успехов, вносится 2 500 иен;
- 3) через четыре месяца после начала обучения в случае, если обучающийся добился соответствующих успехов, вносится 2 500 иен.

* В процессе обучения сторона Б несет полную ответственность перед стороной А, в полном объеме гарантируя овладение обучающимися летной техникой. В случае, если после завершения курса обучающийся недостаточно овладел необходимыми навыками (за исключением тех

Чжоу Инши
(1884–1930)

¹ Сунь Ятсен — в редакцию газеты «Шаонянь чжунго бао», 21 марта 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 397.

² Сунь Ятсен — Ху Вэйсюню, 10 апреля 1916 г. // Там же. С. 407.

**Боевой самолет времен
1-й мировой войны**

случаев, когда обучающийся проявляет неспособность к учебе), сторона Б продолжает обучение бесплатно, неся все соответствующие расходы.

* В случае необходимости сторона А обращается к стороне Б с просьбой направиться в Китай и компенсировать стороне Б необходимые расходы.

* Сторона Б удовлетворяет эту просьбу стороны А и занимается в Китае летной деятельностью.

* Если одна из сторон нарушит условия настоящего соглашения, она выплачивает неустойку <...>¹.

У Сунь Ятсена было еще одно далеко идущее пожелание к Генштабу. Он попросил согласия на участие в грядущих боевых действиях японских резервистов

в количестве ни много ни мало нескольких дивизий. Этот вопрос был настолько серьезен, что Сунь Ятсен долго не получал на него ни негативного, ни позитивного ответа.

Две проблемы, настоятельно требовавшие решения

Действия «Армады», начавшей в январе 1916 г. военные действия против правительства Юань Шикая, вызывали у Сунь Ятсена двойственные чувства.

С одной стороны, они радовали лидера Гоминьдана, коль скоро были направлены к той же цели, к которой стремился он сам.

Но с другой стороны, сложившаяся ситуация огорчала д-ра Суня: руководили карательным походом другие люди, а он, всегда мысливший революцию только под своим началом, оставался в стороне от стремительно развивавшихся событий и ему грозила перспектива превратиться из главного действующего лица в пассивного свидетеля свержения Юань Шикая.

¹ Соглашение о подготовке летчиков, подписанное Чжоу Инши и Сакамото // Гэмин вэньсянь. № 46. С. 479–480.

Прежняя уверенность Сунь Ятсена, что эта цель может быть достигнута исключительно военным путем, изменений не претерпела:

Наша партия, выступая за народовластие и народное благосостояние, отдает себе отчет в том, что без слома [старого] с помощью военной силы невозможно покончить со скверной деспотического правления <...>. Пусть это принесет народу трудности и страдания, пусть торговцы и промышленники не смогут заниматься своим делом, а имущество граждан потерпит урон, всё равно нужно сделать усилие, которое принесет вечное благоденствие. Я надеюсь, что наши соотечественники поймут это и согласятся с этим¹.

А военное выступление требовало единого руководства:

После поражения 1913 г. я обдумывал уроки прошлого, чтобы не повторить прежних ошибок, и пришел к выводу, что причиной неудачи были два обстоятельства — непослушание подчиненных и отсутствие единства².

Каким же образом можно было избежать допущенных ошибок?

Задача эта, по мысли Сунь Ятсена, была еще более сложной, чем во время «Второй революции»: тогда непослушание проявляли деятели, являвшиеся членами одной с ним партии; сейчас повстанцы в организационном отношении не имели к Сунь Ятсену никакого отношения, а кое-кто из них вообще его на дух не принимал.

Последнее касалось, в частности, Цэнь Чуньсюня, независимо от Сунь Ятсена добившегося помощи со стороны японцев.

«После того как Цэнь приехал сюда, — писал Сунь Ятсен Чэнь Цимэю, — я один раз встречался с ним, но безрезультатно»³.

А еще через некоторое время бывшему потенциальному союзнику была дана следующая нелицеприятная характеристика, исключавшая всякую возможность сотрудничества:

Что касается Цэнь Чуньсюня, то это старорежимный бюрократ с крайне нелепым мировоззрением, решительно не способный руководить Китаем. А его последователи — всего-навсего марионетки⁴.

Надеждам Сунь Ятсена на то, что антиюаньшикаевское движение будет выступать под флагом Гоминьдана, сбыться было не суждено.

Не менее важная проблема, требовавшая незамедлительного решения, — где должна располагаться база «Третьей революции».

¹ Сунь Ятсен — в торговую палату Илана, 13 декабря 1915 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 378–379.

² Сунь Ятсен — Хуан Цзиннаню, 13 декабря 1915 г. // Там же. С. 378.

³ Сунь Ятсен — Чэнь Цимэю, 23 февраля 1916 г. // Там же. С. 392.

⁴ Сунь Ятсен — Ху Вэйсюню, 10 апреля 1916 г. // Там же. С. 407.

Пути Сунь Ятсена и Чэнь Чуньсюня разошлись

Кантонец Сунь Ятсен как всегда предпочитал Южный Китай. Но сейчас он понимал, что в этом случае будет лишь одним среди многих. На этот раз ему был нужен район, дающий существенные стратегические преимущества перед друзьями-соперниками:

Армии Юньнани и Гуйчжоу располагаются на окраине, и исход боевых действий трудно предсказать. Поэтому я хочу сократить продолжительность войны и гарантировать решимость всей страны. Так можно будет наименьшими усилиями добиться двойного результата. <...> Начинать надо с района, служащего базой Юань Шикаю¹.

На первых порах в качестве такого района был избран Шанхай, а выбор запасного плацдарма пал на Шаньдун.

В Шанхае в это время находился Чэнь Цимэй и еще несколько функционеров Гоминьдана, туда же вскоре должен был прибыть Ван Тунъи. Был разработан план, согласно которому предполагалось захватить правительственную эскадру, а затем овладеть городом.

В это время из Пекина поступило сообщение о том, что Моррисон предложил Юань Шикаю временно уйти в отставку, передав бразды правления Ли Юаньхуну, а после окончания мировой войны вновь стать президентом.

«Поэтому действия в Шанхае, — писал Сунь Ятсен своим шанхайским соратникам, — нужно начинать до того, как Юань уйдет со своего поста»².

¹ Сунь Ятсен — деятелям провинций Хэбэй, Шаньдун и Шаньси, 13 марта 1916 г. // Там же. С. 393.

² Сунь Ятсен — в Шанхай, 26 марта 1916 г. // Там же. С. 399.

Набережная Шанхая

Déjà vu: Сунь Ятсену нужно было не просто устранение Юань Шикая, а его устранение путем усилий главы Гоминьдана, в противном случае операция утрачивала смысл!

Сунь Ятсен торопил инсургентов: «После того как Шанхай будет захвачен, получать [в Японии] деньги и оружие будет легче»¹.

Однако шанхайская акция потерпела неудачу. Тогда на первый план вышел запасной вариант — Шаньдунский полуостров.

Северо-Восточная армия

Называясь «Северо-Восточной», эта армия не имела какого-либо отношения к Северо-Восточному Китаю в его современном словоупотреблении: для южан провинция Шаньдун тоже была «Северо-Востоком» страны.

¹ Сунь Ятсен — в Шанхай, 28 марта 1916 г. // Там же. С. 399–400.

Шаньдун: плюсы и минусы

Шаньдун представлялся идеальным театром военных действий, целью которых было свержение Юань Шикая.

Прежде всего — его географическое расположение. Юньнань, Гуанси и Гуйчжоу отделяли от Пекина многие тысячи километров; Шаньдун был максимально приближен к конечной точке карательного похода. Но главное заключалось даже не в этом.

В 1916 г. полуостров фактически находился в руках Страны Восходящего Солнца. Под контролем японской оккупационной армии была важная железнодорожная магистраль, связывавшая порт Циндао — главный опорный пункт Японии в Шаньдуне — с провинциальным центром Цзинанью. На территории, занятой японцами, можно было без помех подготовить военную операцию, а во время ее проведения Северо-Восточной армии была гарантирована всесторонняя помощь.

Правда, были у Шаньдуна и свои минусы.

Основным минусом было то, что против Юань Шикая в Шаньдуне выступали деятели, многие из которых не собирались действовать под эгидой Сунь Ятсена, а некоторые и вовсе не могли найти с ним общего языка.

Таким, в частности, был Лю Датун, пользовавшийся у себя на родине, в Шаньдуне, широкой известностью.

В марте 1916 г. Лю Датун побывал в Японии и общался с Сунь Ятсеном, но эта встреча привела к их полному разрыву, и после этого Сунь Ятсен написал Цзюй Чжэну:

Говорят, Лю Датун вернулся в Шаньдун.

Этот человек дурака валяет, иметь с ним дело нельзя!¹

Конфликт Сунь Ятсена с Лю Датуним имел давнюю историю. Еще 11 мая 1915 г. Се Чи записал в своем дневнике, что члены Гоминьдана утратили чувство партийной ответственности, и приводил в качестве примера Лю Датуну, которому «нельзя поручать важные государственные дела»².

Лю Датун (1865–1952)

¹ Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 30 марта 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 401.

² Непубликованный дневник Се Чи. Т. 2. С. 34.

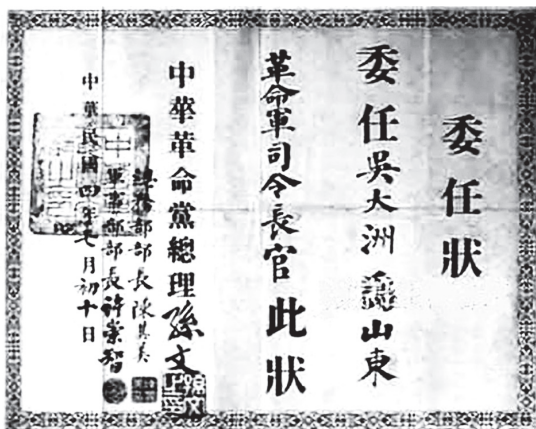
Распределяя обязанности ведущих функционеров Гоминьдана, которые должны были стать ответственными за подготовку грядущего выступления в различных частях Китая, д-р Сунь вручил судьбу Шаньдунского полуострова уроженцу этих мест члену Гоминдана У Дачжоу.

Будучи хорошо знаком с обстановкой, У Дачжоу представил лидеру партии свои предложения о целях и методах ведения боевых действий на территории Шаньдуна.

Автор этого плана предусмотрел два возможных варианта: одновременное наступление где-нибудь на юге и самостоятельная операция против Пекина.

У Дачжоу
(1884–1918)

Подписанный Сунь Ятсеном приказ о назначении У Дачжоу командующим «Шаньдунской революционной армией»

По поводу первого варианта У Дачжоу писал:

Шаньдун искони был ключевой территорией между Югом и Севером и главным опорным пунктом противника, поэтому трудно добиться того, чтобы он объявил независимость.

Однако если действовать одновременно с Цзянсу и Чжэцзяном, то после выступления в этих двух провинциях следует разрушить Тяньцзинь-Пукоускую железную дорогу, с тем чтобы переброска войск Севера на юг была бы затруднена, тогда как армия Цзянсу и Чжэцзяна могла бы двигаться на север. Это была бы уже половина дела.

Что касается второго варианта, полагал У Дачжоу, то надежды на успех были минимальны ввиду значительного численного превосходства сил противника¹.

Место У Дачжоу занимает Цзюй Чжэн

Сунь Ятсена счел представленный У Дачжоу план неудовлетворительным по двум причинам: во-первых, на одновременное выступление в Шаньдуне и Цзянсу–Чжэцзяне в это время было трудно рассчитывать: во-вторых, и это было главное, план У Дачжоу не учитывал то обстоятельство, что успех шаньдунской кампании был гарантирован непосредственной помощью со стороны японских оккупационных войск.

Цзюй Чжэн
(1876–1951)

Сунь Ятсен решает перетасовать колоду: только что назначенный У Дачжоу был смещен с должности командующего революционными войсками в Шаньдуне, а на этот пост неожиданно для многих был назначен Цзюй Чжэн — человек сугубо гражданский, к военному делу никогда никакого отношения не имевший.

В январе 1916 г. Цзюй Чжэн прибыл из Даляня в Циндао и вступил в контакт с местной японской военной администрацией. В результате в свое полное распоряжение командующий «Северо-Восточной армии» получил одно из лучших зданий в Циндао. Раньше здесь находился офис германского генерал-губернатора Шаньдуна, а позднее размещалось одно из подразделений штаба оккупационной японской армии (сейчас в этом здании Исторический музей Циндао).

После более чем скромных (если не сказать большего) бытовых условий, в которых функционеры Гоминьдана жили в Японии, подобная роскошь Цзюй Чжэну не могла и сниться. Это вселяло в него уверенность в конечном успехе предпринимаемой акции.

Подготовка к началу военных действий шла полным ходом. За ней издали следил Сунь Ятсен. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: с середины марта до конца апреля он направил Цзюй Чжэну 13 (!) телеграмм, требуя подробной информации и давая свои руководящие указания.

¹ 吴大洲。山东筹划大略 (У Дачжоу. Основные принципы Шаньдунского плана) // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 274–275, 277.

13 марта по поводу отправленных в Циндао денег:

Так же как и предыдущие, этот транш целиком предназначается на шаньдунские нужды, поэтому деньги можно тратить все без остатка. Очень надеюсь на то, что выступление начнется до конца этого месяца.

Нужно приступить к делу немедленно¹.

19 марта:

20-го телеграфом посылаю 5 000².

23 марта:

Винтовки уже заказаны и скоро будут доставлены. После того как будет зафрахтован пароход, сообщу.

28 марта:

Судно готово, прибудет к вам примерно 14 числа³.

Помещение штаба «Северо-Восточной армии» в Циндао

Сунь Ятсен разрешил Цзюй Чжэну использовать присылаемые деньги на подкуп солдат расквартированной в Шаньдуне 5-й дивизии правительственных войск⁴.

В апреле, казалось, всё было готово к началу военных действий. Для того чтобы из памяти потомков не изгладились будущие боевые подвиги, для бойцов «Северо-Восточной армии» были даже заранее заказаны мемориальные медали.

Цзюй Чжэн рассчитывал на то, что введение в «Северо-Восточной армии» железной дисциплины обеспечит ей поддержку со стороны местного населения.

Памятная медаль бойца 1-й дивизии «Северо-Восточной армии»

¹ Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 13 марта 1916 г. // Чжунъян данью юэкань. 1928. № 8. С. 7.

² Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 19 марта 1916 г. // Там же. С. 8.

³ Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 13 марта 1916 г. // Там же. С. 12.

⁴ Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 29 марта 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 400.

Подписанный им дисциплинарный устав включал ни много ни мало 25 (!) пунктов:

- 1) За неподчинение приказам — расстрел.
- 2) За отступление с боевых позиций — расстрел.
- 3) За разглашение военной тайны — расстрел.
- 4) За дезертирство — расстрел.
- 5) За предательство — расстрел.
- 6) За грабеж — расстрел.
- 7) За поджог жилищ местного населения — расстрел.
- 8) За изнасилование — расстрел.
- 9) За взяточничество — расстрел.
- 10) За сведение личных счетов — расстрел.
- 11) За незаконное задержание местных жителей — расстрел.
- 12) За применение оружия против однополчан — расстрел.
- 13) За фальсификацию списков личного состава с целью получения дополнительного довольствия — расстрел.
- 14) За убийство иностранцев и поджог церквей — расстрел.
- 15) За клевету — расстрел.
- 16) За торговлю людьми и вымогательство — расстрел.
- 17) За принуждение покупать и продавать — заключение под стражу.
- 18) За драки со смертельным исходом или ранением — заключение под стражу.
- 19) За утерю оружия и боеприпасов — заключение под стражу.
- 20) За утаивание и торговлю трофейным оружием — заключение под стражу.
- 21) За самовольное пребывание в жилище местных жителей — заключение под стражу.
- 22) За азартные игры — заключение под стражу.
- 23) За курение опиума — заключение под стражу.
- 24) За пьянство — заключение под стражу.
- 25) За разврат и посещение публичных домов — заключение под стражу¹.

За границей рекрутируются бойцы-смертники

Чтобы гарантировать успех шаньдунской операции, Сунь Ятсен придумал использовать добровольцев из числа китайцев-эмигрантов для соз-

¹ 东北军军律 (Дисциплинарный устав Северо-Восточной армии) // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 286–288.

дания отрядов смертников, которые в решающий момент могли решить исход боя.

В начале апреля он дал указание находившемуся в Юго-Восточной Азии Дэн Цзэжу начать вербовку желающих принять участие в «Третьей революции». Он писал Дэн Цзэжу:

За последнее время положение некоего господина¹ резко ухудшилось и после того, как он отменил учреждение монархии, ему уже не под силу контролировать ситуацию. Все — и вовне, и внутри — против него, и этот деревенщина, несомненно, обречен. А это делает нашу ответственность еще большей. <...>

Судьба страны еще не определена, и мы должны иметь силу, на которую можно было бы положиться, — военную силу. А как бы ни организовывать и использовать имеющиеся у нас войска, основой их должны послужить товарищи, готовые пожертвовать своей жизнью².

Сунь Ятсен добавлял при этом:

На этих днях из провинций, прилегающих к Янцзы, и с Северо-Востока ожидаются хорошие вести³.

Одновременно аналогичная работа была начата в Соединенных Штатах и в Канаде. В Гамильтоне было собрано около 500 добровольцев, из которых предстояло создать отряды особого назначения для участия в шаньдунских сражениях.

Ма Сян, ставший впоследствии ближайшим помощником Сунь Ятсена, вспоминал, что, услышав призыв вождя Гоминьдана, он решил вернуться на Родину и осуществить свою давнишнюю мечту — вместе с Сунь Ятсеном принять участие в революции. Он писал:

Вскоре пришло известие об организации из китайских эмигрантов отрядов смертников <...> Был организован специальный вербовочный пункт. <...> Число добровольцев достигло 500. Записался и я. <...> Очень скоро последовало телеграфное распоряжение Сунь Ятсена отрядам смертников, созданным для борьбы с Юань Шикаем, прибыть в Японию, в Иокогаму, пройти военную подготовку⁴.

¹ Юань Шикая.

² Сунь Ятсен — Дэн Цзэжу, 10 апреля 1916 г. // ПССОГ. С. 407–408.

³ Там же. С. 408.

⁴ Ма Сян. Десять лет с Сунь Ятсеном // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 135–136.

Глава XV

Место действия — Шаньдун

Зияющая лакуна сегодня должна быть заполнена

«Третья революция» — огромное белое пятно в политической биографии Сунь Ятсена. Причина проста: этот период его деятельности буквально насыщен фактами, о которых апологеты ортодоксальной точки зрения предпочитали умалчивать.

Достаточно сказать, что главный гоминьдановский биограф Сунь Ятсена У Сянсян в своем фундаментальном исследовании, насчитывающем 1783 страницы, для освещения этого важного отрезка жизни своего героя выделил восемь страниц¹.

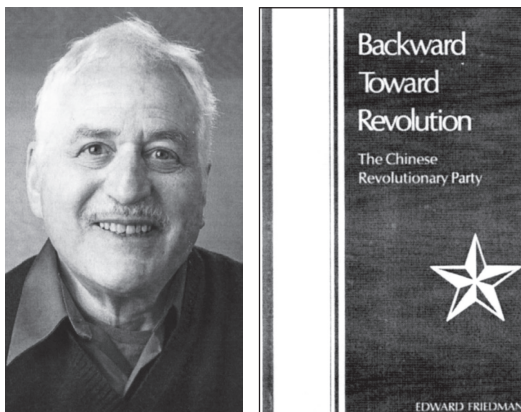
Г. В. Ефимов, посвятивший деятельности Сунь Ятсена в 1914–1922 гг. специальную монографию, счел возможным отвести событиям «Третьей революции» чуть более одной страницы².

Что же касается С. Л. Тихвинского³, то читатель его монографии вполне может прийти к выводу, что никакой «Третьей революции» вообще не было: о ней в книге он не найдет ни единой строчки.

¹ 吴相湘. 孙逸仙先生传 (У Сянсян. Биография Сунь Ятсена). Т. 2. Тайбэй. 1982. С. 1252–1259).

² Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1933. М. 1981. С. 67–69.

³ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964.

Эдвард Фридман (1889–1987) и его книга «Назад к революции»

К счастью, отнюдь не все историки прошлого века исповедовали принцип партийности науки и заповедь «об этом — ни-ни!» не ограничивала их исследовательские возможности.

Среди этих исследователей нужно, прежде всего, отметить американца — почетного профессора Университета Висконсин-Мэдисон Эдварда Фридмана, автора выдержавшей два издания монографии «Назад к революции. Китайская революционная партия»¹, на сегодняшний день наиболее детально и всесторонне, а главное — непредвзято и объективно освещающей сложные проблемы «Третьей революции» Сунь Ятсена.

Автор этой книги основывался на широком круге источников. Однако за полвека, прошедшие после ее публикации, в распоряжении исследователя появилось порядочное количество ранее неизвестных документов, позволяющих более полно восстановить события 1916 г.

Воспоминания участников событий

На первое место среди источников, освещающих предпосылки, ход и итоги «Третьей революции», нужно по праву поставить мемуары ее современников и участников.

¹ *Friedman E. Backward to Revolution. The Chinese Revolutionary Party. Berkeley–Los Angeles–London. 1974.*

Янь Гофу
(1900–1975)

рации в Шаньдуне, а также воззвания руководителей революционной «Северо-Восточной армии» и другие оригинальные документы. Весьма значительный интерес представляют также записки хорошо знакомого с деятельностью У Дачжоу некоего Пан Инънаня⁴ и другие аналогичные материалы.

Участие в «Третьей революции» принимали и японцы. Перу одного из видных рёнин Каяно Нагатомо принадлежат малоизвестные воспоминания, опубликованные в 1926 г. в Токио⁵.

Ван Линьгэ

¹ 延国符. 山东讨袁革命史略 (Янь Гофу. Краткий очерк истории антиюаньшикаевской революции в Шаньдуне). Ч. 1 // Чжуаньцзи вэньсюэ. Т. 15. № 6. С. 31–36; Ч. 2 // Там же. Т. 16. № 1. С. 79–83.

² Там же. Ч. 1. С. 31.

³ 王麟阁. 袁世凯叛变革命与民五讨袁 (Ван Линьгэ. Предательство революции Юань Шикаем и карательный поход против Юань Шикая в 5-м году Республики) // 山东近代史资料 (Материалы по новейшей истории Шаньдуна). Т. 2. Цзинань. 1958. С. 279–297.

⁴ 潘蔭南. 民国五年吴大洲在周村独立概略 (Пан Инънань. Коротко об объявлении У Дачжоу независимости Чжоуцуня) // Там же. С. 341–381.

⁵ 萱野长知. 中华民国革命秘笈 (Каяно Нагатома. Революционные тайны Китайской Республики). Токио. 1926.

Ценность этих источников заключается в том, что содержащиеся в них свидетельства дополняют друг друга.

Донесения иностранных наблюдателей и материалы прессы

Исторический источник совершенно иного рода — сообщения, отражающие взгляд со стороны, в данном случае — доклады зарубежных консулов.

Наибольшую ценность в этом отношении представляют донесения американских и английских консулов, аккредитованных главным образом в Чифу и Цзинани, а также обобщающие доклады в соответствующий МИД посланников двух стран.

AMERICAN CONSULATE

No. 55.

Chefoo, China, May 16, 1916.

Subject: Political Situation in Shantung.

Honorable Paul S. Reinsch,

American Minister,

Peking.

Sir:

Referring to my despatches Nos. 51 and 52 (File No. 800) of May 4 and 9, 1916, relative to the political situation in this province, I have the honor to report additional information on the same subject, which has come to the attention of this office.

According to newspaper and other reports revolutionary activities seem to be increasing, especially along the line of the Shantung Railway. Chow Te'ou about seventy miles east of Tsinan is reported to have been captured by about two hundred revolutionists in the afternoon of the fourth instant. The reason for selecting that place for one of the first to be attacked seems to be that it is a very wealthy market town and has had very few, if any, troops stationed there. That same night an attack on Weihaiwei is reported to have been made, which was not successful. On the sixth the attack is said to have been renewed, but reinforcements of government troops arrived on the following day. Rumors reach here to the effect that Weihaiwei is surrounded by revolutionists, but little reliable news has as yet come through. There are about forty Americans at that place, but they live at a distance of two miles

from

- 2 -

from the city. They are safe and are patrolling their compound, allowing no one to enter or leave it without a pass. They have about four hundred Chinese, presumably refugees, quartered there. Japanese reports indicate that Kaomi near Kiacchow was captured on the 12th instant by revolutionists who drove off the garrison of government troops. Tsinan including the International Settlement has been under martial law since the 7th instant, according to local newspapers. These also state that the magistrate of Knosi Hsien was taken out and shot by the revolutionists.

The magistrate of Laiyang Hsien was forced to go to Kaomi to arrange with the Japanese commander there for a settlement of the troubles caused by the shooting of two Chinese and the consequent arrest of four Japanese by the Chinese at Tien Fu. This affair was due originally to the purchasing of brass cash for export by the Japanese. According to the Chefoo "China Hsu Pao" of May 11, 1916, some Japanese troops have also established themselves at Ku Hsien, a town only a few miles from Tien Fu, because the natives of that place had taken from a Japanese the brass cash which he had bought up. The same paper says forty Japanese soldiers are encamped at Ho T'ou Tien ten miles west of Laiyang, causing some of the people to leave the town.

I have the honor to be, Sir,

Your obedient servant,

John F. Jewell
American Consul.

800

ODM

A true copy of
the original
sent by A. N.

Доклад американского консула в Чифу Дж. Джуэлла
посланнику США П. Рейншу от 16 мая 1916 г.

THE INSURGENT POSITION.

THERE have been a number of minor developments on the insurgent side during the past week, the nature of which is worth examining. In the first place a notification was issued a week ago in the vernacular press calling all former members of parliament to assemble in Shanghai in time for a session on the first of next month. It is understood that the first business of the session will be to double the present salaries that the members are receiving; and the next will be to devise ways and means of securing unity amongst themselves. It does not seem to have struck those convening the session that a parliament meeting in Shanghai, collecting no taxes, and in possession of no administrative machinery, will be no parliament at all, and will further labour under the disability of coming within the scope of any regulations dealing with unlawful meeting.

The next point to be noted is the resignation of LIANG CHI-CHIAO from his office in the Canton Government. The reason given for his resignation is the death, or rather the funeral, of his father. As a matter of fact, the reason given is far from adequate. Mr. LIANG CHI-CHIAO has a brother who could quite well take his place at the obsequies; the actual ceremonies could well have been postponed in such a grave crisis as the present one, if Mr. LIANG had been really wedded heart and soul to the insurgents. He is above mere matters of superstition in such a case as this; and we may legitimately conclude that some more serious issue has led to his resignation. This opinion is confirmed by the fact that he has been followed from Canton to Shanghai by the delectable Mr. WEN TSUNG-YAO, who, it is understood, has come to bring about a closer understanding between Canton and Shanghai. Mr. T'ANG SHAO-YI and his friends are calling for a National Assembly to meet in Shanghai. It is evidence of the disunion that prevails in the insurgent ranks that this assembly is not being called to meet in Canton, where it would be able to lay its fingers on the elementary administrative organization that has been called into being there by the "Government" of the Four Provinces.

It is still further evidence of insurgent disunion that Dr. SUN, who it is alleged has been to Shanghai, has left again for Japan, and HIWANG HSIN, who is in Japan, has not ventured to put his nose into the port.

There has as yet been no sign whatever of co-operation between the people who are wise enough to preserve a whole skin in Shanghai and those who have taken the risk of the open field and have borne the heat and burden of the day in Canton and the south. Nor has there been any sign that those in the south are willing to hand over to those in Shanghai the doubtless pleasant task of stepping into the shoes of the Peking Government, if and when ever the Peking Government steps out of them. There has been a very clear division of labour, the Shanghai insurgents doing all the talking and the Canton insurgents, with their colleagues to the west, doing all the fighting; but there has been no co-operation, which is the very essence of division of labour properly so called.

Another interesting development of the week is the mute attitude of the insurgents in the face of the inconclusiveness of the Nanking Conference. It is true that the talking division in Shanghai has addressed a note to FENG KWO-CHANG and his colleagues; but that note was remarkable for its emptiness, rather than for anything else. Considering how near the close of the second month of armistice is, it is rather surprising that the note should have been so colourless. The fact is, of course, that the insurgents are even worse off for funds than has commonly been supposed; and the moratorium has seriously damaged their position. From not a few banks in the south practically everything had been looted, and the hard silver having been already used for the payment of troops there is nothing left to fall back upon except notes, which under ordinary circumstances would have been convertible at least at a discount, but at the present time are of value for local circulation only and not utilizable for the purchase of the necessary military supplies, whether legitimately or from the usual smuggling agencies. In view of this shortage of funds it is extremely probable that the insurgents will accept another month's armistice; and every day's armistice strengthens the Government's position.

Статья из «National Review» от 5 июня 1916 г.

К своим донесениям с места событий консулы нередко прилагали вырезки из локальной прессы, также представляющие значительную ценность ввиду того, что в отличие от газет, издававшихся в крупных городах, познакомиться с местными средствами массовой информации в настоящее время зачастую оказывается затруднительным.

Документы из фонда АКИИГ

Все вышеупомянутые материалы в той или иной мере были уже известны исследователям и отчасти использованы теми, кто не считал зазорным сказать правду о «Третьей революции».

Но, помимо этого, авторам данной книги удалось познакомиться с исключительно ценными документами, ранее историкам неизвестными.

Во время работы в Архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана (АКИИГ) нам неожиданно повезло: нам в руки попали документы фонда 400, не зафиксированные в «Каталоге документов, имеющих отношение к Сунь Ятсену», в большинстве своем никогда не публиковавшиеся и не упоминавшиеся ни в одном из предшествующих исследований.

Фотографировать и ксерокопировать эти источники правилами АКИИГ в отличие от всех прочих материалов, хранящихся в этом архиве, было категорически запрещено, но переписывать от руки разрешалось, чем мы, разумеется, и не преминули тотчас же воспользоваться.

Содержание документов было неожиданным: составленные на японском языке планы операций на территории Шаньдуна, включая «План революционных действий в Шаньдуне», списки офицерского состава «Северо-Восточной армии», перечни доставляемого ей вооружения, переписка руководителей армии с японскими деятелями, распоряжения японских военных и т. д. и т. п.

Документы фонда АКИИГ 400 проливали совершенно новый свет на, казалось бы, уже хорошо известные факты и тем самым ставили совершенно новые вопросы, требовавшие осмысления и ответа.

Они фактически заставили нас начать всё сначала и заново пересмотреть все ранее не вызывавшие сомнений материалы.

Эта работа требовала терпения и времени. Но игра стоила свеч. Ее предварительные результаты были изложены в специальной статье на эту тему одного из авторов данной книги, опубликованной в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹, а затем включенной в сборник его избранных работ².

«План революционных действий в Шаньдуне»

Го Фанмэй, автор работы об истории «Северо-Восточной армии», утверждал, что документ был составлен Цзюй Чжэном³. Этот вывод не имеет под собой оснований.

Прежде всего, документ написан по-японски, причем карандашные пометки на полях сделаны также на японском языке.

¹ Крюков В. М. Сунь Ятсен и «Третья революция»: шаньдунский вариант // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 108–121.

² Крюков В. М. Неумолимый червь познания. Избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М. 2009. С. 375–394.

³ 郭芳美. 居正与讨袁东北军 (Го Фанмэй. Цзюй Чжэн и антиюаньшикаевская «Северо-Восточная армия») // Цзиньдай чжунго. 1979. № 11. С. 89.

Далее, японцы именуются в тексте «соотечественниками».

Но главное — уже после того как предварительный анализ «Плана» был опубликован, мы обнаружили, что Каяно Нагатомото в своих воспоминаниях цитирует «План» и добавляет: он был «собственноручно составлен мною»¹.

Цели, программа действий, методы осуществления

«План» состоит из 8 разделов.

Раздел № 1 озаглавлен «Цели».

Цель революции в Шаньдуне — во взаимодействии с провинциями Юга ликвидировать административные органы юаньшикаевского правительства на территории Шаньдуна, объявить о независимости Шаньдуна, воспользовавшись близостью расстояния, создать угрозу Пекину и после этого овладеть ситуацией во всем Китае, сформировав подлинное *правительство прояпонской ориентации*².

Таким образом, в этом документе утверждается, что создание «правительства прояпонской ориентации» (亲日政府) было основной целью военных действий в Шаньдуне.

Эта формулировка в принципе противоречит сформулированным в 1914 г. Сунь Ятсеном задачам создания Революционной армии:

Свержение деспотического правительства, создание подлинной республики, обеспечение нормальных условий жизни народа, укрепление государственного суверенитета³.

Обратим внимание на тот многозначительный факт, что в книге Каяно наиболее одиозный кусок текста был опущен и о «правительстве прояпонской ориентации» в ней не упоминается.

Пункт № 2 — «Программа революции»:

Центральное место в нынешней ситуации в Шаньдуне занимает генерал Цзинь [Юньпэн], который, возможно, опираясь на общественное мнение, собирается объявить независимость Шаньдуна.

Цзинь Юньпэн
(1877–1951)

¹ Каяно Нагатомото. Революционные тайны Китайской Республики. С. 222.

² 山东革命行动计划 (План революционных действий в Шаньдуне) // АКИИГ. 400-217. С. 1 (курсив наш. — В. К., М. К.).

³ 革命范略 (Программа революции) // ПССОГ. Т. 1. С. 257.

収拾スルニアリ
ナル親日政府ヲ樹立セシメ以テ支那ノ大局ヲ
獨立セシメテ近ク北京ヲ脅威シ後真実
袁政府ノ山東行政機關ヲ破壊シ先ツ山東ヲ
山東ニ於ケル革命ノ目的ハ南方各省ト相應シ
一目的
山東革命行動計畫

山東革命行動計畫

(1) 山東に於ける革命の目的は南方各省と相應じ、袁政府の山東行政機關を破壊し、先づ山東を獨立せしめて北京を脅威し後支那の大局を收拾するに在り。

Слева — пункт № 1 «Плана революционных действий в Шаньдуне», переписанный от руки в Архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе (столбцы слева направо); справа — тот же пункт, опубликованный в 1926 г. в книге Каяно Нагатомо

Поэтому мы должны предпринять следующие действия, чтобы опередить его и достичь наших целей:

- 1) недалеко от Циндао или близ Ичжоу обнародовать декларацию независимости в качестве первого сигнала нашей деятельности;
- 2) сделав это, начать действия на всей территории Шаньдуна, установив контакт с местными силами;
- 3) готовясь осуществить эти действия и полагаясь на главные революционные силы и ту их часть, которая располагается в Цзинани, захватить уезд Вэйсянь и овладеть положением в Шаньдуне в целом¹.

¹ Там же.

Следующий пункт № 3 — «Осуществление революционных действий» — предполагал захват Вэйсяни на первом этапе и Цзинани — на втором, после чего было запланировано создание правительства.

Одновременно с созданием правительства предполагалось сформировать местные административные органы, подбором кадров для которых надлежало заняться незамедлительно.

В плане специально подчеркивалось, что главным критерием здесь опять-таки является всё та же «прояпонская ориентация» (亲日的意思).

График боевых действий, задействованные силы, подготовка операций

Пункт № 4 — «График боевых действий».

Начало выступления было назначено на 25–26 апреля 1916 г.

Пункт № 5 — «Задействованные силы».

В этой части плана обращает на себя внимание то обстоятельство, что его автор проводил четкое различие между тремя самостоятельными группировками — «сторонниками Цзюй Чжэна», «сторонниками У Дачжоу» и «шаньдунской группировкой» (под последней, судя по всему, имелись в виду сторонники Лю Датун).

Это значит, что задача, поставленная Сунь Ятсеном, — объединить все антиюаньшикаевские силы, действовавшие на территории если не всего Китая, то по крайней мере в Шаньдуне, под единым гоминьдановским руководством, так и не была выполнена. Различные группировки могли при тех или иных условиях действовать совместно, но в то же время сохраняли свою организационную самостоятельность.

Для наступления на Вэйсянь предполагалось использовать до 300 человек (главным образом из «шаньдунской группировки»); атаковать Цзинань должны были 600 человек «сторонников Цзюй Чжэна и У Дачжоу».

Пункт № 6 — «Подготовка операций».

В этом разделе речь шла, во-первых, о транспортировке войск и военных грузов и, во-вторых, о снаряжении, необходимом на подготовительном этапе.

Подразделениям, предназначенным для атаки на Вэйсянь (включая отряд, который должен был нарушить связь противника), требовалось:

- винтовок — 300;
- ручных гранат — 200;

- взрывчатка для подрыва городских ворот;
- пил — 3;
- топоров — 3;
- веревки;
- опознавательных знаков — 300;
- сухой паёк;
- медикаменты.

Наступавшим на Цзинань требовалось:

- винтовок — 600;
- ручных гранат — 400;
- взрывчатка;
- пил — 10;
- топоров — 10;
- опознавательных знаков — 600;
- сухой паёк;
- медикаменты¹.

В-третьих, состав подразделений, атаковавших Цзинань, определялся на месте партийными руководителями, а предназначавшихся для наступления на Вэйсянь — не «сторонниками Цзюй Чжэна», а «шаньдунской группировкой».

В-четвертых, перед началом операций надлежало в ночное время провести тщательную разведку местности и расположения противника².

Пункт № 7 — «Действия штаба».

За это время штабисты должны были подготовить все материалы, необходимые для составления и провозглашения «Декларации независимости».

Пункт № 8 — «Меры на случай неудачи операций».

«План» отнюдь не исключал возможность того, что военные действия против правительственных войск могут сложиться для «Северо-Восточной армии» неудачно. На этот случай было специально предусмотрено отступление на заранее подготовленные позиции в Фанцзы³.

Помимо этого основного документа на японском языке были составлены «Основные положения действий Шаньдунской революционной партии», конкретизирующие содержание «Плана».

¹ Там же. С. 5–6.

² Там же. С. 6–7.

³ Там же. С. 8–10.

Их заключительная часть содержала категорические требования к участникам операций: беспрекословно подчиняться всем приказам японских офицеров; японцам, действующим в составе революционной армии, быть одетым в гражданское китайское или европейское платье; безусловно избегать нанесения ущерба жизни любых иностранцев, не говоря уже о японцах; не наносить повреждений железнодорожным путям и телефонной связи, контролируемой японцами; категорически запрещалось наносить ущерб местным жителям, заботясь об имидже революционной армии, сотрудничающей с японской армией¹.

Кто платит, тот и заказывает музыку

И «План», и «Основные положения» были составлены таким образом, что «революционные действия в Шаньдуне» замыслились, прежде всего, с соблюдением интересов японской стороны.

Почему же автором этих и некоторых других документов из АККИГ 400 был Каяно Нагато, занимавший должность советника при главнокомандующем «Северо-Восточной армии», а не сам Цзюй Чжэн?

Ответ на этот принципиальный вопрос дает дошедшая до нас фотография, на которой запечатлены руководители Главного штаба шаньдунской армии.

По китайской традиции центр снимка должен был занимать Цзюй Чжэн — старший по должности среди всех сфотографировавшихся. Но он почему-то сидит крайним справа во втором ряду, а почетное место посередине занимает человек в японском военном мундире — его советник Каяно.

Кто здесь хозяин положения, ясно без дополнительных комментариев.

Деньги, необходимые для подготовки «Третьей революции», Сунь Ятсен получил с разрешения японского Генштаба.

«Северо-Восточная армия» была полностью вооружена и экипирована на японские деньги.

Каяно вспоминал, что в конце 1915 г. он пытался уговорить премьера Окума оказать помощь Гоминьдану, передав ему, в частности, трофейное немецкое оружие, захваченное японцами в Шаньдуне.

Тогда это предложение было отвергнуто. Но когда через неделю Каяно прибыл в Циндао, он обнаружил, что за это время официальная позиция

¹ 山东革命军行动要领 (Основные положения действий Шаньдунской революционной армии) // АККИГ. 400-213. С. 6.

Руководители «Северо-Восточной армии»

Мандат Умэя Сёкити

правления кардинально изменилась. Командующий оккупационными войсками в Циндао генерал Отани сообщил ему, что им получена инструкция премьер-министра оказывать Каяно всяческое содействие в деле снабжения «Северо-Восточной армии» оружием¹.

В апреле 1916 г. некто по фамилии Тэрада доносил начальнику штаба японских войск в Шаньдуне генералу Ида

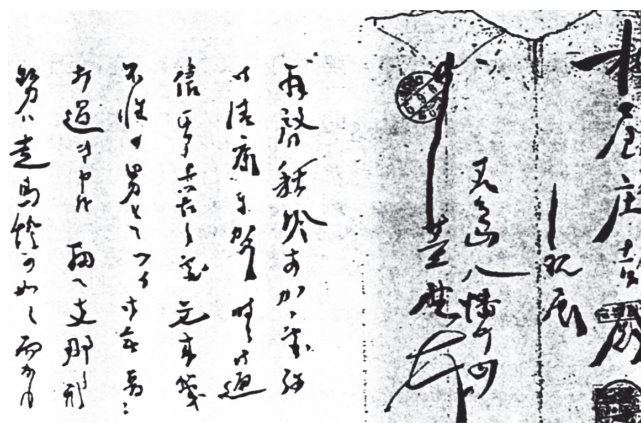
о предстоящем прибытии в порт Циндао японского судна с оружием, предназначенным для революционной армии: 600 маузеров и 650 ящичков взрывчатки были к тому времени уже доставлены².

Вскоре после этого Умэя Сёкити получил от Цзюй Чжэна мандат уполномоченного по доставке оружия из Японии.

Каяно со своей стороны приложил к нему сопроводительное письмо с подробными указаниями.

¹ Каяно Нагатоми. Революционные тайны Китайской Республики. С. 355–356.

² Тэрада — генералу Ида, 18 апреля 1916 г. // АКИИГ. 400-217. С. 8–10.

Инструкции, полученные Умэя от Каяно

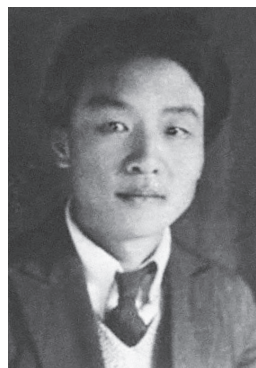
В общей сложности Умэя передал в арсенал «Северо-Восточной армии» 7000 винтовок, 7 пулеметов и 5 горных пушек¹.

Японцы предоставили организаторам «Третьей революции» возможность начать подготовку пилотов для создания собственного военно-воздушного отряда. Как уже упоминалось, соглашение на этот счет было подписано с японским летчиком Сакамото Хисаити 25 апреля².

4 мая начала работать школа по подготовке пилотов. Практические занятия вел Сакамото Хисаити, административными вопросами занимался Умэя Сокити.

В общей сложности к занятиям приступило 47 человек. Старостой был назначен Ся Чжунминь, его заместителем — Чжоу Инши.

Правда, принять участие в боевых действиях им практически не удалось. Два приобретенных в Соединенных Штатах самолета были доставлены на аэродром близ Вэйсяня лишь в июне, так что воспитанники Сакамото могли совершить свой первый испытательный полет лишь в июле. 8 июля с самолетов

Ся Чжунминь
(1885–1922)

¹ 俞辛醇. 孙文的革命运动と日本 (Юй Синчунь. Революционная деятельность Сунь Ятсена и Япония). Токио. 1989. С. 270.

² 东北军有关航空及技术人员文件 (Документы, касающиеся летного и технического состава «Северо-Восточной армии») // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 479–480.

было сброшено более 10 тысяч листовок, гласивших: «Сдавайтесь! Иначе погибнете от наших бомб!»

Солдаты правительственных войск никогда в жизни не видели самолетов, и это вызвало панику.

Было произведено несколько показательных бомбардировок самодельными бомбами, которые вручную сбрасывались пилотом из кабины. Полеты самолетов и разрывы бомб произвели сильнейшее впечатление как на правительственные войска, так и на местное население¹.

Но оружие, которое было получено из Японии, не ограничивалось маузерами, винтовками, пулеметами и орудиями.

Разработанные японской стороной документы предусматривали применение боевых отравляющих веществ, причем этому придавалось первоочередное значение.

Для использования отравляющих веществ было создано специальное подразделение из 20 человек; в его распоряжении имелось 1000 снарядов, начиненных удушающим газом, и 5 установок для стрельбы².

Использование отравляющих веществ должно было стать решающим фактором успеха во время наступления на уездный центр Вэйсянь.

В ночь перед штурмом надлежало провести пробные выстрелы в сторону расположения противника и на основании полученных результатов принять окончательное решение о применении перед наступлением отравляющих веществ, которое должно было учитывать также некоторые привходящие обстоятельства, в частности, направление ветра в момент начала газовой атаки.

В конечном счете отравляющие вещества все-таки не были применены, хотя и сыграли свою роль средства морального воздействия на противника. Так, в ультиматуме, направленном Цзюй

Установка для стрельбы снарядами с отравляющими веществами периода 1-й мировой войны

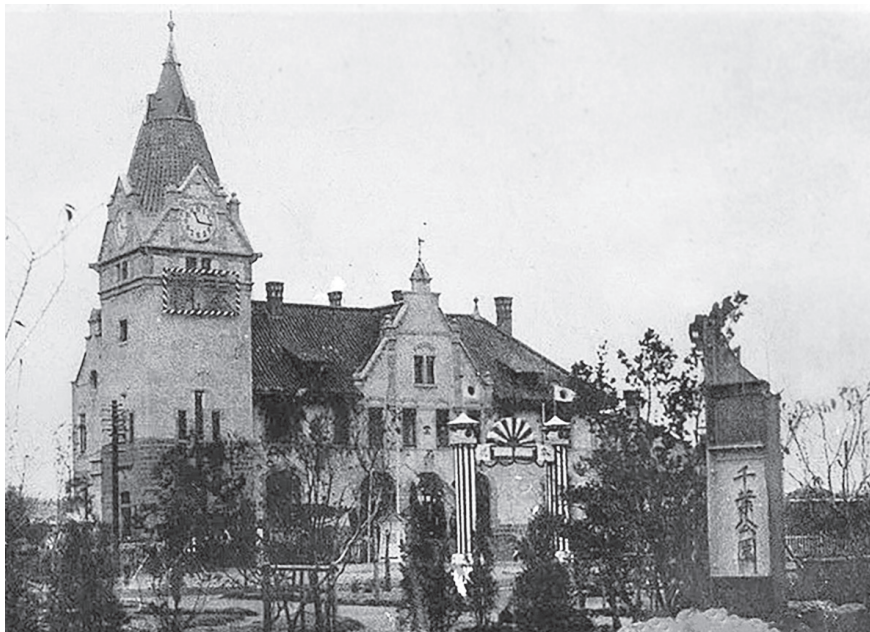
¹ Го Фанмэй. Цзюй Чжэн и антиюаньшикаевская «Северо-Восточная армия». С. 92.

² Тэрада — генералу Ида, 18 апреля 1916 г. // АКИИГ. 400-217. С. 10.

Чжэном губернатору Шаньдуна Цзинь Юньпэну, содержалась угроза использовать отравляющие вещества в случае отказа капитулировать¹.

Японцы не только оснастили «Северо-Восточную армию» вооружением, но и обеспечили переброску ее подразделений к месту боев по железной дороге под японской вооруженной охраной.

Был разработан детальный график движения составов с указанием точного времени их отправления и прибытия в пункт назначения.

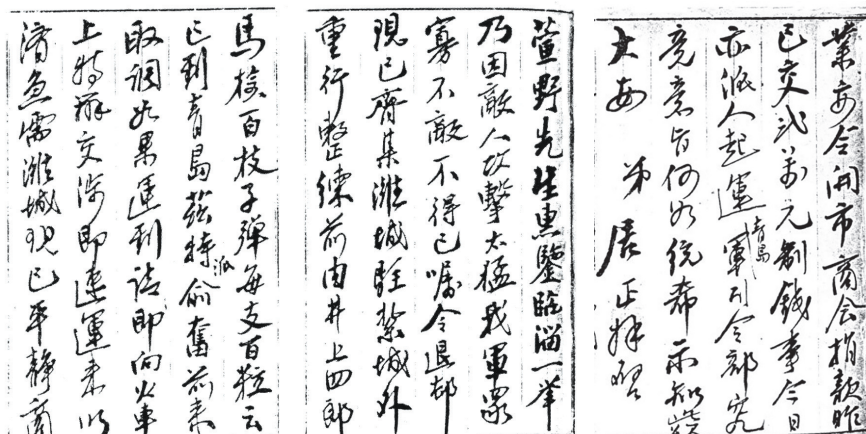

Железнодорожный вокзал в Циндао

Бойцы должны были быть в штатском, спрятав личное оружие под одеждой; во время движения поезда им категорически запрещалось вступать в разговоры с кем бы то ни было из посторонних китайцев.

Медсанбат «Северо-Восточной армии» был полностью укомплектован японским персоналом. Тяжелораненых отправляли в госпиталь, расположенный на японской военной базе в Циндао. Для этого требовалось сопроводительное письмо, подписанное кем-нибудь из японских врачей.

¹ Цзюй Чжэн — Цзинь Юньпэну, 19 апреля 1916 г. // 居正先生全集 (Полное собрание сочинений Цзюй Чжэна). Т. 2. Тайбэй. 1999. С. 155.

Представленный Каяно отчет Цзюй Чжэна о получении из Японии винтовок и патронов

Даже захоронение умершего от ран можно было совершить не иначе как с предъявления свидетельства о смерти, выданного японцем — начальником госпиталя и завизированного в военно-политическом отделе штаба японской оккупационной армии (примером такого рода документа может служить хранящееся в фонде АКИИГ 400 разрешение на захоронение Ван Юйфэня, 45 лет, подписанное Тамура Масанори и контрассигнованное Ёсимура Кэнсё)¹.

Японская сторона взяла на себя задачу обучения китайского контингента. Занятия по военной подготовке проходили в Циндао под руководством японских офицеров.

Свидетелями этого стали американцы, заснявшие происходящее на фото пленку; соответствующее сообщение попало не только в досье консульства Соединенных Штатов, но и в прессу².

Японцы — как штатские, так и кадровые военные — принимали непосредственное участие в шаньдунских операциях. Они входили в состав всех без исключения подразделений «Северо-Восточной армии», причем более 20 человек занимали в них командные долж-

¹ АКИИГ 400-175.

² 北村敬直. 夢の七十余年 (Китамура Хироноо. 70 с лишним лет, прошедшие как сон). Токио. 1965. С. 102.

ности¹, так что приведенное выше требование «безоговорочно подчиняться приказам японских офицеров» отнюдь не было чисто словесным оборотом.

В свете вышесказанного не должно казаться странным, что не советник Каяно отчитывался в своих конкретных деяниях перед главнокомандующим Цзюй Чжэном, а главнокомандующий — перед советником.

Всё вышеизложенное было в порядке вещей: кто платил, тот и заказывал музыку.

Загадка капитуляции вэйсяньского гарнизона

Расположенный на стратегически важном участке железнодорожной магистрали Циндао–Цзинань город Вэйсянь в начале XX века состоял из двух частей — собственно города, обнесенного прочной кирпичной стеной, и восточного предместья. Они были разделены между собой рекой Байланхэ, через которую было перекинато четыре моста.

Мощная крепостная стена и ров вокруг нее надежно защищали центр города с его административными зданиями и могли выдержать длительную осаду.

Однако штурм Вэйсяни, предпринятый революционной армией, продолжался всего два дня, после чего 15 мая стороны заключили перемирие, а еще через две недели правительственные войска оставили город.

Соглашение о перемирии, под которым стоят подписи

Городские ворота Вэйсяни

¹ 中华革命军东北军各部队任用日籍技术人员姓名录 (Список японских технических специалистов из состава подразделений китайской революционной «Северо-Восточной армии») // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 481–482.

План уездного города Вэйсянь (начало XX века)

1 — город, обнесенный крепостной стеной; 2 — Восточное предместье;
3 — железнодорожный вокзал

и печати командующего 5-й дивизией правительственных войск Чжан Шуюаня и командующего «Северо-Восточной армией» Цзюй Чжэна, включало 15 пунктов:

1) 5-я дивизия одобряет действия революционной армии, направленные на совершенствование политического строя во имя пользы для государства и благоденствия народа.

2) Революционная армия обеспечивает поддержание порядка, а 5-я дивизия покидает Вэйсянь.

3) Со дня подписания перемирия территория, занятая 5-й дивизией, не будет подвергаться нападениям (территория, уже занятая революционной армией, к этому пункту не относится). Однако в случае, если местное население выражает желание присоединиться к революционной армии, последняя принимает его, а 5-я дивизия не вмешивается и не препятствует этому.

4) После того как 5-я дивизия покинет Вэйсянь, революционная армия несет полную ответственность за защиту собственности учреждений

и отдельных жителей Вэйсяни и не будет прямо или косвенно наносить ей ущерб. До того момента, когда 5-я дивизия покинет Вэйсянь, ответственность за это лежит на ней.

5) 5-я дивизия должна полностью оставить город в течение 7 дней после подписания соглашения о перемирии, то есть с полудня 16 мая до полудня 23 мая.

6) После начала перемирия стороны не должны предпринимать карательных действий против населения.

7) До того момента, когда 5-я дивизия покинет город, никто в революционной армии ни при каких условиях не должен без разрешения 5-й дивизии появляться в городе во избежание недоразумений и возможных конфликтов.

8) После официального вступления в Вэйсянь революционная армия не только не препятствует отправке сообщений военного содержания, но и вообще не вмешивается в нормальное телеграфное общение и работу транспорта.

9) Если есть необходимость договариваться о чем-то, стороны заблаговременно уведомляют об этом друг друга.

10) После подписания соглашения о перемирии революционная армия не должна насильственно взимать с населения кормовые.

11) С момента вступления соглашения в действие обе стороны поддерживают общественный порядок и сложившуюся ситуацию.

12) Нарушивший вышеперечисленные условия считается предателем Родины и общим врагом обеих сторон.

13) Вышеперечисленные условия вступают в силу сразу же после достижения соглашения.

14) После достижения соглашения городские ворота будут открыты и будет обеспечен беспрепятственный проход через них местных жителей. По истечении 7 дней на городской стене будет вывешен флаг Республики для успокоения местного населения.

15) Когда 5-я дивизия будет покидать город с полным вооружением и снаряжением, сторонам запрещается начинать стрельбу. В противном случае вышеперечисленные условия утрачивают свою силу¹.

В чем же заключалась причина того, что революционные войска легко овладели хорошо укрепленным городом с сильным гарнизоном?

Источники объясняют это по-разному.

¹ 潍县两军议和规则 (Условия перемирия противоборствующих армий в Вэйсяне)
// Гэмин вэньсянь. № 46. С. 290–292.

Рассказывает Янь Гофу

Бои за Вэйсянь, назначенные на 25–26 апреля, дважды откладывались и начались лишь 5 мая.

О том, как происходил штурм города, подробно рассказал в своих мемуарах Янь Гофу.

Вечером 4 мая 1916 г. Цзюй Чжэн, лично возглавив отряды, находившиеся в подчинении Чжу Цицина, Лю Яньхана, Люй Цзыжэня, Чжао Чжунъюя, Инь Сиу и Ду Чжунсяня, начал наступление на Вэйсянь. Прежде всего было захвачено Фанцзы, той же ночью занят район железнодорожной станции Вэйсянь, а на рассвете предпринята атака на восточный пригород, который и был взят после ожесточенного боя.

После этого войска разделились на четыре отряда, окруживших уездный город.

Лю Яньхань во главе 200 с лишним человек осадил Южные ворота, Чжао Чжунъюй и 50 его подчиненных — Восточные ворота, Инь Сиу с 50 людьми — Восточную заставу, Лю Цзыжэнь и 200 с лишним человек — казармы в западном предместье, а Чэнь Чжунфу с резервом расположился около вокзала в ожидании дальнейших приказаний. В осажденном городе командир 5-й дивизии Чжан Шуюань во главе стрелковой бригады занял прочную оборону.

Революционная армия была вооружена лишь ружьями, винтовками и карабинами, а высокая городская стена была окружена глубоким рвом с водой, что препятствовало успешному штурму. Ян Шэнмин, Чжан Дэлян, Линь Тяньмао и Люй Чжаожуй из отряда Люй Цзыжэня, рискуя жизнью, ворвались в расположение вражеской казармы, но у них кончились патроны и они погибли.

В течение нескольких дней из-за пыльной бури видимость была ограниченной, и противник был не в состоянии оценить силы осаждающих.

В это время пришло сообщение, что крупный поселок Чжоуцунь недалеко от Цзинани уже взят революционной армией, и это подорвало боевой дух правительственных войск, обескураженных тем, что путь к отступлению был отрезан. Хотя их силы были значительными, они продолжали обороняться, не решаясь делать вылазки. Обе стороны сохраняли стратегическое равновесие.

Видя, что осада продолжается уже долгое время, а настроение солдат и местного населения падает, Чжан Шуюань понял бесплодность даль-

Чжан Шуюань
(1888–1934)

У входа в штаб революционной армии в Вэйсяни (третий справа — Цзюй Чжэн)

нейшей обороны. К тому же он получил известие, что революционная армия предпримет артиллерийский обстрел города.

Поэтому он распорядился о том, чтобы делегация торговых кругов вышла из города к осаждавшим и предложила начать переговоры о перемирии на следующих условиях: революционная армия не предпринимает штурма, а войска Чжана ретируются.

После заключения перемирия прошло уже несколько дней, но Чжан Шуюань не торопился отводить свои войска, а занялся конфискацией городских ценностей.

В это время из Циндао на железнодорожную станцию Вэйсянь были доставлены деревянные муляжи пушек. Поскольку они были зачехлены, определить, что пушки ненастоящие, было невозможно (я узнал об истинном положении вещей лишь позднее со слов Чжу Цицина). Чжан Шуюань получил донесение разведки, что осадные орудия готовы к действию, и боялся, как бы не оказаться черепахой, посаженной в чан. Революционная армия оказывала на него нажим, предъявив ультиматум, и поэтому 22 мая был отдан приказ отвести все войска, находившиеся в уездном городе и его окрестностях.

23 мая в город вступила революционная армия, в доме семьи Дин был размещен штаб, поднят флаг с белым солнцем на синем фоне и вывешено обращение Главнокомандующего Сунь Ятсена¹.

Японская версия

Очень может быть, что пыльная буря, сообщение о взятии Чжоуцуня и доставка деревянных пушек повлияли на решение Чжан Шуюаня прекратить сопротивление. Но в донесении японского посланника в Пекине содержится еще один факт, который не упомянут в воспоминаниях Янь Гофу, но был, возможно, главной причиной капитуляции вэйсяньского гарнизона.

В это время шальной пулей был убит наповал сержант, а в городе погиб еще один наш соотечественник. Поэтому капитан Нонака в каче-

¹ Янь Гофу. Краткий очерк истории антиюаньшикаевской революции в Шаньдуне. Ч. 1. С. 35–36.

стве официального представителя нашей армии потребовал встречи с командиром 5-й дивизии Чжан Шуюанем, но получил отказ. Тогда 6 мая начальник 40-го отряда охраны Исиура прибыл из Фанцзы и встретился с дивизионным командиром Чжаном.

Он заявил, что, во-первых, нарушена безопасность вверенной ему территории; во-вторых, его соотечественники нуждаются в защите; в-третьих, артиллерийскому обстрелу подвергся поезд; в-четвертых, дивизионный командир Чжан должен взять на себя ответственность за гибель нашего солдата. <...>

Исиура намекнул, что в случае, если Чжан объявит о независимости, ему будет необходимо начать переговоры с Цзюй Чжэном. <...>

Разгневанный Чжан в запальчивости ответил, что Цзюй Чжэн — бандит, а не революционер и в переговорах с ним нет необходимости¹.

Достоверность сообщения японского посланника подтверждается анонимными воспоминаниями еще одного участника боев в Вэйсяни:

Ночью 4 мая было предпринято наступление на 5-ю дивизию под командованием Чжан Шуюаня, но оно закончилось неудачей и революционная армия отступила. На следующий день подошли резервы, ситуация изменилась к лучшему и атаки, продолжавшиеся с утра до полудня, были успешными. Армия Юань Шикая отошла к уездному городу и заняла в нем оборону, нанося ответные удары из-за городской стены. В районе вокзала свистели пули, и среди японской охраны и гражданских японцев было немало убитых и раненых. Чжан Шуюань был напуган этим и решил вступить в переговоры. 7 мая командир отряда японской охраны полковник Исиура явился к Чжан Шуюаню и потребовал, чтобы вверенные ему войска прекратили свои бесчинства.

Правительство Юань Шикая послало исполняющего обязанности министра иностранных дел Цао Жулия в японское посольство, и тот выразил посланнику Хиоки протест по поводу того, что японские войска оказывают помощь революционной армии, а полковник Исиура склонял Чжан Шуюаня к объявлению независимости и требовал открыть городские ворота и самому вступить в Революционную партию, что наносит ущерб отношениям между двумя странами.

Но японский посланник сделал ответное заявление: во-первых, утверждение о транспортировке по железной дороге вооруженных революционеров не имеет под собой оснований (даже если среди пассажиров были лица, имевшие при себе оружие, обнаружить это невозможно без тотальной проверки); во-вторых, Исиура вовсе не настаивал на том, чтобы

¹ *Китамура Хиронао*. 70 с лишним лет, прошедшие как сон. С. 96–97.

Чжан открыл перед осаждающими городские ворота, и это утверждение является результатом недоразумения; в-третьих, японская армия вовсе не задерживала начальника уезда; в-четвертых, артиллерийскому обстрелу были подвергнуты поезда; в-пятых, была нарушена неприкосновенность жилища японцев; в-шестых, созданы помехи для выполнения железнодорожной охраной своих служебных обязанностей.

После того как был заявлен этот протест, в Вэйсяни начались переговоры о перемирии. Правительство Юань Шикая «хотело кинуть камнем в мышей, но боялось, как бы посуду не перебить». К тому же выдержать длительную осаду было невозможно. Поэтому Чжан Шуюаню был отдан приказ вступить в переговоры с командующим революционной армией Цзюй Чжэном¹.

Текст соглашения о прекращении военных действий в Вэйсяни был составлен капитаном Окада².

Информация, полученная в посольстве США

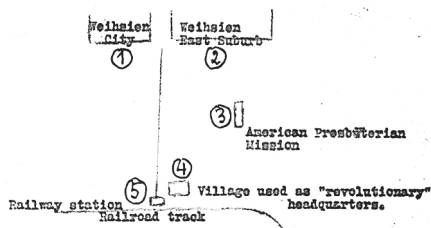
Для того чтобы на месте ознакомиться с происходящим в Вэйсяни после заключения перемирия, туда отправился секретарь посольства США в Пекине Р. Тэнни. После возвращения в Пекин он представил послу П. Рейншу отчет о своей поездке.

Чтобы не возбуждать излишних подозрений со стороны японцев относительно целей всего визита, Тэнни решил ограничиться посещением Американской пресвитерианской миссии якобы для выяснения того, не пострадали ли миссионеры во время боев за Вэйсянь.

По прибытии на станцию я вручил свои документы начальнику японской охраны и попросил предоставить в мое распоряжение в качестве эскорта японского солдата, который доставил бы меня со станции до города, в Американскую пресвитерианскую миссию, расположенную к востоку от прямой дороги. Я заявил, что прибыл из посольства, чтобы удостовериться, что миссия была должным образом охраняема. Начальник охраны и большинство его людей выглядели крайне несимпатично и общались со мной весьма холодно. <...> Сначала начальник ответил отказом, но потом согласился, и солдату с японским флагом на длинном шесте было приказано доставить меня в миссию. <...> Благодаря Красному Кресту миссия непосредственно контактировала и с «революционерами», и с правительственными войсками в городе. <...>

¹ 山东周村潍县战事记 (Заметки о боевых действиях в Чжоуцзун и Вэйсяни, Шаньдун) // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 264.

² Там же. С. 264–265.

План расположения Американской пресвитерианской миссии в Вэйсяни, составленный Р. Тэнни
 1 – уездный город; 2 – Восточное предместье; 3 – Американская пресвитерианская миссия; 4 – штаб «Северо-Восточной армии»; 5 — железнодорожная станция

Во время боев миссионеры мало что видели собственными глазами, потому что сражение происходило преимущественно ночью. <...> Они также ничего не знали о характере переговоров между японскими властями и китайцами, хотя до них и доходили слухи о том, что соглашение между «революционерами» и местными властями находится в подвешенном состоянии. <...>

Через день после моего прибытия в миссию я написал письмо начальнику японской железнодорожной охраны и попросил прислать эскорт до станции, чтобы успеть на дневной поезд следующего дня.

Незапечатанное письмо было передано в деревню, где находилась штаб-квартира Красного Креста, а затем через «революционеров» японцам на станцию.

Соответственно, на следующий день 17 мая два японца верхом появились в миссии, ее члены предоставили мне паланкин, и мы отправились на железнодорожную станцию. Один всадник тут же направился в штаб «революционеров», поручив другому эскортировать меня.

Избранный им путь вел не прямо на станцию, а проходил через деревню, где располагался штаб «революционеров». Там было вывешено несколько флагов, среди которых выделялся один — голубое небо с белым солнцем в центре.

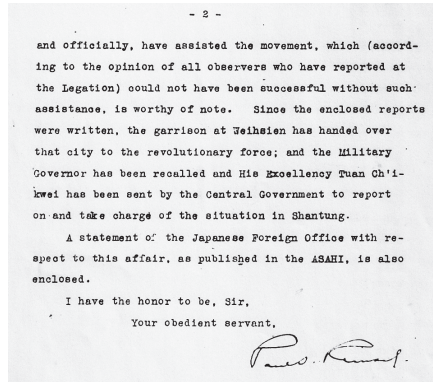
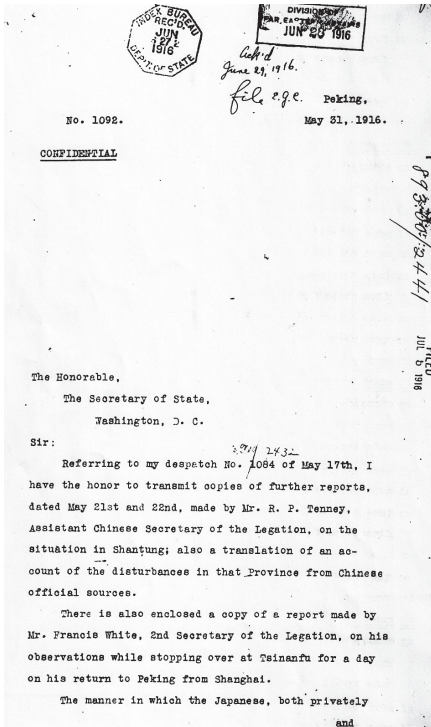
«Революционеры» произвели на меня впечатление криминальных элементов. Они были разномастно вооружены — кое-кто маузером, другие — винтовками. Большинство из них были в серо-голубой форме, некоторые — в хаки. По тому, что я видел, думаю, что их численность составляла несколько сотен.

Эскортировавший меня японец, не спешиваясь, крикнул им, кто я такой и что моим носильщикам разрешено вернуться в миссию.

В конце деревенской улицы здание с вывешенными над ним флагами явно использовалось как один из военных офисов.

Перед этим зданием стоял японец в «революционной» униформе, и мой сопровождающий перебросился с ним несколькими фразами по-японски¹.

¹ Tenney to Reinsh, May 21, 1916 // Enclosure to: Reinsh to Secretary of State, May 31, 1916 // USDS. 893.00/2441.

Письмо П. Рейнша в Госдепартамент
от 31 мая 1916 г.

Рейнш переслал доклад Тэнни в Госдепартамент.

При этом Рейнш сопроводил сообщение Тэнни следующим замечанием:

Заслуживает внимания то, каким образом японцы частным порядком или официально оказывали движению свою поддержку, без которой (по мнению всех наблюдателей, представивших в посольство свои донесения) оно не могло быть успешным¹.

И, наконец, еще одно донесение, полученное Рейншем.

В полночь 4 мая [в Вэйсянь] прибыл состав из Циндао с 7–8 сотнями мятежников в униформе. Они вышли из вагонов и атаковали город. Бой продолжался вплоть до 9 часов утра следующего дня, когда они, потерпев неудачу, укрылись на железнодорожной станции.

В 8 часов утра командующий японскими войсками Исиура и переводчик Кан Тянь вместе с сотней японских солдат в униформе подошли

¹ Ibid.

к крепостной стене и потребовали, чтобы генерал Чжан Шуюань открыл ворота. Начальник штаба [правительственных войск] и уполномоченный по иностранным делам были посланы для переговоров, но японцы игнорировали их. Тогда генерал Чжан спустился с городской стены и спросил японцев, чего они хотят. Те ответили, что ворота должны быть открыты, в противном случае они атакуют город. Генерал Чжан отказался удовлетворить это необоснованное требование, после чего японцы открыли стрельбу.

Тогда для переговоров в надежде уговорить японцев отложить их атаку были направлены гражданский администратор района Чжан и начальник штаба Хуан.

В 3 часа пополудни 6 мая японский комендант, переводчик и сотня японских солдат с веревочными лестницами приблизились к Северным воротам города и потребовали открыть их. Видя серьезность ситуации, генерал Чжан, с одной стороны, привел свои войска в боевую готовность, а с другой — сопроводил японцев в свой *ямэнь*, где с соблюдением всех норм вежливости принял их.

Японский комендант потребовал, чтобы китайские войска покинули город, который будет находиться под протекцией японской армии. Генерал Чжан эмоционально отверг это требование. Тогда японцы, ссылаясь на свое право защищать жизнь и имущество японских граждан, потребовали прекратить обстрел железнодорожной станции. Генерал Чжан согласился, и японцы удалились. Пользуясь тем, что китайские войска не могли открывать огонь, японцы вместе с мятежниками сожгли и разграбили деревни близ железнодорожной станции. <...>

Вечером 22 мая японцы обвинили генерала Чжана в нарушении соглашения и атаковали Вэйсянь. Учитывая, что если он откроет ответный огонь, обстрелу подвергнется станция, а в противном случае город будет взят, генерал Чжан был вынужден приказать стрелять по японцам в упор, когда они приблизятся к городской стене. Атакующие отступили. <...>

Генерал Чжан, указывая на то, что японцы действуют силовыми методами и не реагируют на возмездия, спросил, в чьи руки —

В этой усадьбе находился штаб
Чжан Шуюаня

японцев или мятежников — перейдет город, если он сдаст его. И еще: какое право имеют японцы требовать сдачи города, хотя между двумя странами существуют дружеские отношения?

Ответа от японцев он не получил. Они говорили, что будут оставаться в стороне и не вмешиваться в конфликт только в том случае, если мятежники атакуют город и на их огонь правительственные войска не будут отвечать. Если же начнется бой, они будут рассматривать китайцев как выступающих против иностранцев и прервут все переговоры. Генерал Чжан убедился, что его руки связаны и он не в состоянии сопротивляться японцам. 24 мая он отвел всю свою 5-ю дивизию в Паньцзячжуан¹.

Какой флаг вывешивать?

Сосредоточить в своих руках все нити руководства выступлением против Юань Шикая — таково было непреклонное намерение Сунь Ятсена с самого начала «Третьей революции». Об этом он, в частности, писал в конце 1914 г. американцу Дж. Дэйтрику:

Пришло время для всеобщих действий, подобных первой революции. На этот раз всё будет находиться под моим непосредственным командованием. Мы избежим ошибок и полумер, и я уверен в еще большем успехе, чем во время первой революции².

Но обстоятельства сложились не так, как планировал Сунь Ятсен.

На этот раз командовать Сунь Ятсену не довелось

Деньги, которых он так долго добивался от японцев, Сунь Ятсен получил, но командовать «Третьей революцией» ему не пришлось. Более того, он оказался вынужден исполнять распоряжения других. «Другими» были его щедрые японские спонсоры.

Получив известие о намерении «Северо-Восточной армии» применить против правительственных войск боевые отравляющие вещества, Юань Шикай направил Сунь Ятсену телеграмму протеста:

Использование ядовитых газов против соотечественников теми, кто называет себя Революционной партией, является антигуманным актом.

¹ Ibid.

² Сунь Ятсен — Дэйтрику, 20 ноября 1914 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 334.

Заместитель командующего «Северо-Восточной армии» Чэнь Чжунфу заявлял впоследствии, что после этого Сунь Ятсен немедленно приказал запретить применение в Шаньдуне отравляющих веществ.

Но это утверждение было не более чем попыткой задним числом выдать желаемое за действительное. Даже если такое распоряжение действительно было отдано Сунь Ятсеном, вовсе не из-за него снаряды с ядовитым газом так и остались неиспользованными. Отряд для применения отравляющих веществ находился в прямом подчинении штаба японской армии, и Сунь Ятсен не мог разрешить или запретить его действия. Если уж кто-то кому-то приказывал, то исполнять распоряжения приходилось самому Сунь Ятсену, но никак не наоборот.

Начать с того, что 27 апреля д-р Сунь вынужден был срочно вернуться на родину, потому что японская сторона требовала от него не слов, а конкретных действий.

За неделю до отъезда он писал Цзюй Чжэну:

Поступило сообщение о том, что Иваки предоставит заём, только получив согласие властей из военного ведомства. Крупные займы, полученные нашей партией, до сих пор еще не дают эффекта. Власти уже выражают недовольство, и я боюсь, что согласия на новые займы они не дадут¹.

Через несколько дней Сунь Ятсен телеграфирует в Шанхай:

Полученные ранее крупные займы до сих пор не дают реального результата, мы подрываем доверие к себе, новые субсидии будут невозможны².

Малоизвестный факт: вернувшись в Шанхай, Сунь Ятсен рисковал своей жизнью. В Пекине решили организовать теракт с целью устранения одного из главных мятежников, и эти секретные сведения стали известны в окружении Сунь Ятсена. Принадлежавшая ему квартира на улице Хуанлун была расположена на территории французского селтльмента, однако супруги Сунь сочли ее недостаточно безопасным местом.

Сунь Ятсен и Сун Цинлин в 1916 г.

¹ Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 21 апреля 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 412.

² Сунь Ятсен — неизвестному адресату в Шанхае, 24 апреля 1916 г. // Там же. С. 414.

Помог главный редактор газеты «Echo de Chine», предложивший им поселиться в помещении редакции на Avenue Edouard VII. Так и было сделано. Почти три месяца подряд Сунь Ятсен и Сун Цинлин не выходили из своего убежища. Продукты для них покупал сотрудник газеты Фэн Чжичжун, а готовила еду сама Сун Цинлин¹.

Неудивительно, что Сунь Ятсену хотелось поскорее уехать из него-степриимного Шанхая, где, к слову сказать, незадолго до этого, 18 мая, был убит Чэнь Цимэй.

Первоначально Сунь Ятсен намеревался после взятия Цзинани поехать в Шаньдун, о чем дважды писал Цзюй Чжэну². Он также писал генералу Танака:

Я принял решение лично выехать в Шаньдун, чтобы собрать в один кулак силы членов нашей партии и предпринять решающие усилия³.

Цзюй Чжэн приготовился к встрече с вождем, полагая, что его «скорейший приезд дает надежду на немедленное разрешение всех проблем»⁴. Но через два дня Сунь Ятсен получил телеграмму из Токио:

По сообщению газет, Вы вчера выехали из Шанхая. Верно ли это?⁵

На следующий день пришло послание от Хуан Сина, из которого стало ясно, что именно так взволновало коллег Сунь Ятсена:

Отправлена ли телеграмма [японским] властям? Они не хотят, чтобы Вы выезжали в Шаньдун⁶.

И Сунь Ятсен отменил поездку, сообщив Цзюй Чжэну:

Японские власти против того, чтобы я ехал в Шаньдун⁷.

Когда в кармане не было ни гроша, Сунь Ятсен чувствовал себя свободным человеком, вольным делать то, что считал нужным. Когда же у него в кошельке зазвенел алтын, ему приходилось подчиняться приказам заимодавцев.

¹ 馮執中。記總理二次革命時避難法報館事 (Фэн Чжичжун. О том, как лидер партии во время «Второй революции» скрывался в помещении французской газеты) // АКИИГ. 30/80. Обратим внимание на опечатку в тексте: «Третью революцию» Фэн Чжичжун называет «Второй».

² Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 4 апреля 1916 г. // ПСООГ. Т. 4. С. 404; Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 24 апреля 1916 г. // Там же. С. 414.

³ Сунь Ятсен — Танака, 21 мая 1916 г. // Там же. С. 423.

⁴ Цзюй Чжэн — Сунь Ятсену, 21 мая 1916 г. // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 293.

⁵ Токийская ячейка Гоминьдана — Сунь Ятсену, 25 мая 1916 г. // АКИИГ. 400/23.

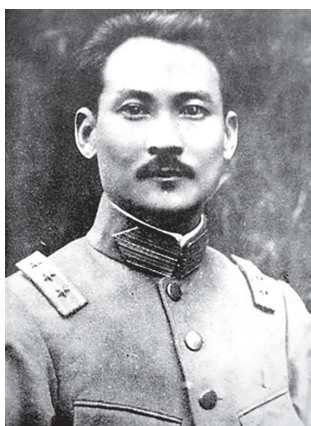
⁶ Хуан Син — Сунь Ятсену, 27 мая 1916 г. // Там же. 400/24.

⁷ Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 30 мая 1916 г. // ПСООГ. Т. 4. С. 426.

А японцы, чувствовавшие себя в Шаньдуне полными хозяевами положения, стали вести себя еще более бесцеремонно.

После взятия Вэйсяня один из отрядов революционной армии под командованием Лю Цзыжэня начал наступление на уезд Гаоми, который ему благополучно удалось захватить.

Но что-то не понравилось штабу оккупационных японских войск, и он потребовал вывести китайские части из местечка Вантай. Лю Цзыжэнь отказался это сделать, сославшись на то, что не получал соответствующего приказа от своего непосредственного начальства.

Сюй Чунчи
(1886–1965)

Тогда заместитель начальника японского штаба через своего адъютанта без объяснения причин направил временно исполняющему обязанности командующего «Северо-Восточной армией» Сюй Чунчи жесткое предписание в двухдневный срок вывести отряд Лю Цзыжэня из Вантая, угрожая, что в случае неповиновения к нему будет применена сила.

Тон японца был настолько недвусмысленным, что Сюй Чунчи счел за благо не прекословить и приказал Лю Цзыжэню немедленно выполнить требование оккупантов.

В письме своему подчиненному он объяснил, почему принял такое решение:

Японцы совершенно обнаглели и ведут себя возмутительно. Но в нашем положении нам остается только смирить гордыню¹.

С местным населением или против него?

Так «Северо-Восточная армия» решала одну из главных задач, первоначально поставленных перед нею лидером Революционной партии — «укрепление государственного суверенитета» Китая. Не лучше дело обстояло и с другой ее задачей — «обеспечением нормальных условий жизни народа».

Прежде всего, действовала она в Шаньдуне под охраной оккупационных войск, а это отнюдь не располагало местное население к людям,

¹ Сюй Чунчи — Лю Цзыжэню, 15 августа 1916 г. // АКИИГ. 400/201.

говорившим в большинстве своем на малопонятном чужом диалекте, вооруженным иностранными винтовками и грозившим применить доставленные из-за границы ядовитые газы.

Неудивительно, что Сунь Ятсен учинил разнос Цзюй Чжэну за то, что в письме губернатору Шаньдуна он упомянул имя Каяно; командующему «Северо-Восточной армией» было строжайшим образом предписано держать в строжайшем секрете свои контакты с оккупантами¹.

Но тайное всегда становится явным. Местные жители очень скоро воочию убедились в том, что одетые в серо-голубую униформу революционеры на деле являются мальчиками на побегушках у «японских чертей»².

То, что было очевидным для населения, очень скоро стало широко обсуждаться в газетах. Одна из пекинских газет писала:

Давно известно, что революционеры держатся помощью японцев, и без этой помощи не началось бы движение, ныне разделяющее страну³.

Автор другой передовой статьи констатировал:

Местное население тепло приветствовало бы революционеров, не получай они помощи от иностранцев⁴.

Оказывая помощь китайским революционерам, японцы заботились о своих далеко идущих стратегических интересах, но попутно не брезговали и тем, что плохо лежит. А революционеры, смирив гордыню, в свою очередь помогали им в этом. Ярким примером тому может служить история с вывозом из Шаньдуна дефицитной меди.

Самым простым способом достать медь для переправки ее в Японию было изъятие вышедшей из употребления металлической монеты.

В течение одного только месяца в Чжоуцзунь ее было собрано около полутонны. Когда эта медная жила истощилась, в дело пошел метал-

¹ Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 22 апреля 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 413.

Командующий неукоснительно выполнял указание вождя. Держать в секрете истинный характер взаимоотношений Гоминьдана с японской оккупационной армией на протяжении длительного времени продолжала и гоминьдановская историография. Что же касается цитированных выше документов на японском языке, хранящихся в Архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана, то они, как упоминалось выше, до сих пор остаются неопубликованными и доступ к ним предельно затруднен.

² На протяжении многих десятилетий именно так (日本鬼子) простые люди в Китае называли японцев.

³ Japan Asssists Rebels in Shandung // Peking Daily News, May 10, 1916.

⁴ Friedman E. Backward to Revolution. P. 201.

Связки металлической монеты, вывозившиеся в Японию из Шаньдуня

лолом: его было заготовлено десять с лишним тонн¹. По некоторым данным, сбором и насильственным изъятием металлической монеты в то время занималось около 3 000 человек².

Промысел был санкционирован и непосредственно контролировался командованием «Северо-Восточной армии». В одном из писем, адресованных Каяно, командующий Цзюй Чжэн сообщал, например:

Что касается металлической монеты, сегодня посланы люди, чтобы доставить ее в штаб армии в Циндао. Каковы будут соображения на этот счет?³

Когда сопротивление со стороны местных жителей стало вполне очевидным, было обнародовано специальное предписание, запрещавшее им «мешать скупке вышедшей из употребления медной монеты»⁴.

Помогая оккупантам, революционеры не забывали и о собственных нуждах.

Сразу же после захвата Чжоуцуня в местных банках была произведена конфискация всей наличной валюты, а населению было приказано собрать 150 000 *юаней* кормовых. Многие солдаты занялись изъятием ценностей в индивидуальном порядке, так что «своими действиями они ничем не отличались от обычных бандитов»⁵.

Неприязненное отношение местных жителей к революционной армии вскоре вылилось в открытые конфликты.

¹ *Пань Инънань*. Коротко об объявлении У Дачжоу независимости Чжоуцуня. С. 355, 359.

² *Friedman E.* Backward to Revolution. P. 201.

³ Цзюй Чжэн — Каяно, без даты // Полное собрание сочинений Цзюй Чжэна. Т. 2. С. 153.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ *Китamura Хиронао*. 70 с лишним лет, прошедшие как сон. С. 93.

Наиболее серьезный из них произошел в Чанлэ.

Этот уезд был занят отрядом, участвовавшим в боях за Вэйсянь, по уже отработанному сценарию: сначала город был окружен, затем японский офицер предложил решить вопрос мирным путем¹. Когда гарнизон капитулировал, начальнику уезда было предписано выплатить определенную сумму денег, а также обеспечить солдат «Северо-Восточной армии» провиантом. Но выполнить последнее требование оказалось невозможным, так как из-за неурожая местное население сидело на голодном пайке.

Тогда в ход была пущена сила, произошло столкновение с жителями окрестных деревень, несколько сот крестьян было убито, а дома их сожжены.

С жалобой на творимые беззакония шаньдунцы обратились к Цзюй Чжэну, и ему пришлось изыскивать способ разрешения конфликта².

У Дачжоу приказам не подчиняется

Начиная «Третью революцию», Сунь Ятсен намеревался командовать не только сам, но и всеми. Он требовал от своих эмиссаров, чтобы военные действия против правительственной армии повсеместно происходили под флагом с белым солнцем на синем фоне, который по решению гоминьдановского руководства должен был после победы «Третьей революции» стать государственным, а пока что служил символом руководящей роли Сунь Ятсена в борьбе против Юань Шикая.

В данном конкретном случае субъективные устремления Сунь Ятсена совпадали с тем, чего от него настоятельно требовали японцы. Он писал об этом Цзюй Чжэну:

В Шаньдуне необходимо энергично объединить все силы внутри и вне партии. Именно это является целью моего возвращения в Шанхай. В противном случае мы не сможем получить помощь из-за границы³.

Об этом же говорится в очередном отчете Сунь Ятсена генералу Танака:

Сразу же после возвращения в Шанхай я немедленно встретился с представителями общественности, получил доклады товарищей и после

¹ Там же. С. 99.

² Переписку Цзюй Чжэна с провинциальными властями Шаньдуна см.: АКИИГ. 400/201.

³ Сунь Ятсен — Цзюй Чжэну, 28 апреля 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 415.

всестороннего изучения ситуации опубликовал заявление, продиктованное стремлением к объединению всех группировок¹.

Но к этому времени уже стало ясно, что в отношении антиюаньшикаевских группировок во всей стране это была попытка с негодными средствами: первоначальный замысел единого руководства движением осуществить не удастся. И 23 мая Сунь Ятсен направляет представителям Гоминьдана в провинциях письмо, в котором отменяет требование в отношении флага:

В Юньнани, Гуйчжоу, Гуанси, Чжэцзяне уже повсеместно принят пятицветный флаг. Наша партия также должна во всех случаях использовать его, чтобы не вызывать недоумения у армий, вместе с нами борющихся с узурпатором².

В это время над зданием штаба «Северо-Восточной армии» в Вэйсяни уже развевался флаг с белым солнцем. Его пришлось спустить, заменив на пятицветный. В связи с этим Цзюй Чжэн опубликовал заявление, в котором объяснял изменение позиции в отношении флага:

Наша армия уважает временную конституцию, принятую в 1-м году Республики, заботится о пяти нациях и использует пятицветный государственный флаг³.

Дальше — больше. Даже в пределах одного Шаньдуна добиться полного единства действий не удалось.

Член Гоминьдана У Дачжоу, сначала назначенный командующим революционными войсками Шаньдуна, а затем смещенный с этой должности, не отказался от борьбы с Юань Шикаем, но решил, что с Сунь Ятсеном ему не по пути, и начал действовать самостоятельно.

Соединения Цзюй Чжэна осаждали хорошо укрепленный Вэйсянь, а в то же самое время отряд под командованием У Дачжоу атаковал Чжоуцунь и без особых усилий овладел этим небольшим поселком.

Сразу же после этого У Дачжоу демонстративно переименовал свои войска в «Армаду в защиту республики» (это название было позаимствовано им у юньнаньцев), подчеркивая тем самым, что к «Северо-Восточной армии» под командованием Цзюй Чжэна он никакого отношения не имеет.

¹ Сунь Ятсен — Танака, 24 мая 1916 г. // Там же. С. 421.

² Сунь Ятсен — Тянь Туну, 23 мая 1916 г. // ПССОГ. Т. 4, С. 419.

³ *Янь Гофу*. Краткий очерк истории антиюаньшикаевской революции в Шаньдуне. Ч. 1. С. 36.

Пу Цзымин со своим ординарцем

Ассигнация, выпущенная в Чжоуцунни

После этого У Дачжоу объявил о создании в Чжоуцунни самостоятельного военного правительства и возглавил его. Главнокомандующим «Армады» был назначен Пу Цзымин.

Возглавляемое У Дачжоу правительство выпускало свои собственные денежные знаки.

На первых порах Цзюй Чжэн требовал, чтобы У Дачжоу представлял ему донесения о ходе боевых действий, но безуспешно. Командующему пришлось смириться и признать, что войска У Дачжоу не подчиняются его приказам и не информируют штаб армии о положении дел на фронте¹.

Штаб-квартира военного правительства в Чжоуцунни

¹ Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 296–297.

Сунь Ятсен рекомендовал Цзюй Чжэну найти общий язык с У Дачжоу, но убедившись в невозможности этого, написал, что в конце концов «не следует спорить о таких вещах, как флаг, название и так далее»¹.

Для членов Гоминьдана, помнивших, как настойчиво Сунь Ятсен еще совсем недавно требовал признания его единоначалия в борьбе против Юань Шикая, уступка вождя представлялась недопустимым отступлением от первоначально сформулированных принципов.

Пришлось разяснять, что компромисс был продиктован соображениями высшей целесообразности и что неправы те, кто считает, будто бы лидер Гоминьдана пожертвовал престижем революционной армии².

На краю пропасти

Несмотря на успехи, достигнутые антиюаньшикаевскими силами в Вэйсяни и Чжоуцун, исход шаньдунской операции зависел от судьбы провинциального центра — Цзинани. К нему в мае 1916 г. было приковано всеобщее внимание.

В Цзинани неспокойно

К своим письмам в Госдепартамент П. Рейнш обычно прикладывал официальные сводки событий, происходивших в Цзинани. Первая из них охватывала период с 3 по 15 мая. Согласно сообщавшимся в ней данным, на протяжении всей первой половины мая почти каждый день, а то и по несколько раз в день на улицах Цзинани слышались разрывы бомб, подложенных японцами.

3 мая 1916 г. — три взрыва в 9, 10 и 11 часов вечера.

4 мая — 8 взрывов после 8 часов вечера. Кроме того, несработавшая бомба обнаружена полицейским на одной из улиц.

5 мая — 5 взрывов в 9, 10 и 11 часов вечера.

6 мая — 4 бомбы были подорваны в 7 часов вечера и 2 — после 9.

11 мая — несколько бомб взорвались в 3 часа пополудни.

12 мая — несколько взрывов прогремело в 3 и 4 часа³.

¹ Сунь Ятсен — Цзюйчжэну, 30 мая 1916 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 426.

² Се Чи — Чжан Луцюаню, 6 июня 1916 г. // Гэмин вэньсянь. Т. 46. С. 325–326.

³ Account of the Disturbances in Shantung from Chinese Official Sources. Enclosure to: Reinsh to Secretary of State, June 14, 1916 // USDS/ 893.00/2463. P. 1–4.

Однако 15 мая ситуация резко изменилась.

Днем офицер правительственных войск проезжал на рикше близ железнодорожного вокзала. Около десятка японцев схватили его, затащили в здание вокзала, заставили снять униформу и переодеться в гражданское, после чего отпустили с миром.

В 11 часов вечера около тысячи революционеров вышли из вагонов на железнодорожном вокзале и, разбившись на два отряда, атаковали правительственные войска, расквартированные в Новой Деревне и в районе *ямэня* военного губернатора. Перестрелка прекратилась лишь около 4 часов утра¹.

Около десяти дней обстановка в городе была относительно спокойной, но 25 мая в Цзинань прибыл по железной дороге большой отряд революционеров, среди которых было много японцев. Он начал обстрел части города, непосредственно прилегающей к иностранному селтльменту. Правительственные войска открыли ответный огонь, нанеся нападавшим значительные потери в живой силе.

Японцы убрали тела убитых в вокзал и заявили протест военному губернатору, утверждая, что стрельба в сторону железной дороги была начата без всякого повода. Они потребовали, чтобы китайские войска были выведены из иностранного селтльмента; в противном случае туда будут направлены японские части для обеспечения безопасности подданных империи.

Китайские власти стояли на своем. Переговоры надолго затянулись².

«Мы снова потерпели поражение!»

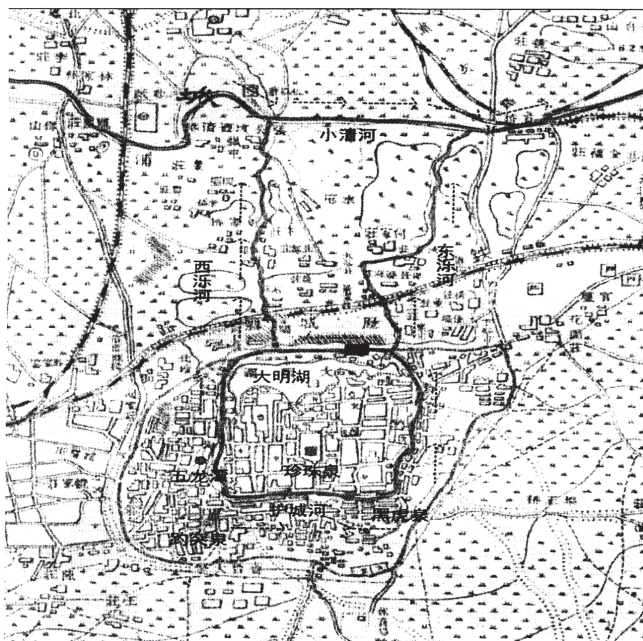
Для того чтобы иметь информацию из первых рук, Рейнш послал Тэнни, вернувшегося из Вэйсяни, в Цзинань. Представленный им отчет многое прояснил.

Еще до поездки в Цзинань я слышал из различных источников, что ситуация там неспокойна, и поэтому не был удивлен, когда в день моего приезда (25 мая) в половине одиннадцатого ночи началась перестрелка. <...>

Мятежники, будучи представителями низших слоев общества, были оплачены японцами и не считали нужным рисковать более, чем это было абсолютно необходимо.

¹ Ibid. P. 5.

² Account of the Disturbances in Shandung from Chinese Official Sources, Continued. Enclosure to: Reinsh to Secretary of State, June 12, 1916 // USDS/ 893.00/2461. P. 1–2.

Город Цзинань и его окрестности (начало XX века)

Намерение японцев, как представляется, заключалось главным образом в том, чтобы устроить жителей и вызвать как можно больше неуверенности и беспорядков, дабы иметь повод вмешаться якобы для восстановления мира и спокойствия. Японские патрули совершали регулярные обходы международного селтльмента, и китайские военные власти больше всего боялись по ошибке обстрелять их. Поэтому огонь не открывался даже по явным мятежникам до тех пор, пока они сами не были обстреляны. <...>

Все мятежники вооружены японцами. Большинство обнаруженных снарядов германского производства были, как говорят, захвачены японцами, когда они в 1914 г. овладели Циндао. У меня есть заслуживающие доверия сведения о том, что примерно 20 мая из порта Циндао мятежникам были переправлены три пулемета. Сообщают также, что в Циндао есть фабрика по производству взрывных устройств, но я не смог получить подтверждение этому. <...> Японцы, несомненно, являются зачинщиками всех беспорядков. <...>

В Цзинани примерно на четверть мили ближе к международному селтльменту, чем старая железнодорожная станция на шаньдунской

магистраль, строится новая станция. <...> Между ними — примерно 50 маленьких домов, в которых располагаются мятежники¹.

Важную информацию Тэнни получил от военного губернатора Шаньдуна генерала Цзинь Юньпэна и уполномоченного по иностранным делам Ян Цинцзюня.

Генерал утверждал, что общая численность мятежников составляет около 2 000 человек и что на тот момент ими было захвачено 10 уездов.

Я спросил генерала Цзиня, верно ли, что его войска были эвакуированы из Вэйсяни. Он ответил, что японский командующий настаивал на том, что он должен оставить город, и он, не желая своим отказом вызывать международные осложнения, был вынужден вывести войска из города.

Ян Цинцзюнь сказал Тэнни, что у мятежников в Шаньдуне, в отличие от южан, нет четкого плана действий и они движимы исключительно личными соображениями с целью занять какой-нибудь официальный пост. Отсюда лозунг «Шаньдун для шаньдунцев».

Цзинь Юньпэн согласился с этим и добавил, что отделение провинции от центрального правительства входит в планы японской стороны.

Генерал Цзинь подтвердил слухи о том, что японские власти предлагали ему объявить независимость Шаньдуна и обещали свою помощь в случае, если против него будут посланы войска из соседних провинций.

Я спросил генерала Цзиня, какой выход из трудного положения он видит, и он ответил, что выхода нет — по крайней мере до окончания европейской войны. По его словам, у него более чем достаточно войск для того, чтобы контролировать ситуацию и покончить с мятежниками в случае, если японцы дадут ему возможность сделать это. <...> Он добавил, что сейчас это дипломатическая, а не военная проблема и контролировать ситуацию при данных обстоятельствах он не в состоянии. <...>

Цзинань находится в жалком состоянии. Китайцы не могут заниматься предпринимательской деятельностью. Все лавки закрыты и опечатаны. 40 000 человек из числа населения в 70 000 покинули Цзинань в поисках защиты в соседних городах. <...>

Позднее я встретился с британским консулом, но не смог узнать у него что-либо интересное, кроме одного: несколько дней тому назад генерал Цзинь в своей речи, произнесенной в его *ямэне* и обращенной к предста-

¹ Memorandum on Political Conditions in Tsinanfu in May 25th–27th, 1916. Enclosure to: Reich to Secretary of State, June 14, 1916 // USDS/ 893.00/2463. P. 2.

вителям деловой части населения, намекнул, что провинция, быть может, будет вынуждена отказаться признавать Пекинское правительство.

Он также заявил, что его представитель на конференции в Нанкине был уполномочен голосовать за отставку Юань Шикая. Эти сведения, безусловно, достоверны, поскольку генерал Цзинь, будучи внешне лоялен [по отношению к правительству], человек слабый и, по слухам, легко поддается влиянию со стороны общественности¹.

Положение в Цзинани обострилось до предела. В случае падения города прямой путь на Пекин был бы открыт.

Одержав д-р Сунь победу в «Третьей революции», в Пекине в соответствии с согласованным ранее планом было бы создано «правительство прояпонской ориентации» и это разом зачеркнуло бы всё позитивное в деятельности лидера Гоминьдана — как это произошло с его несостоявшимся преемником Ван Цзинвэем или с генералом Власовым. Сунь Ятсен вошел бы в историю как коллаборационист, предатель китайского народа.

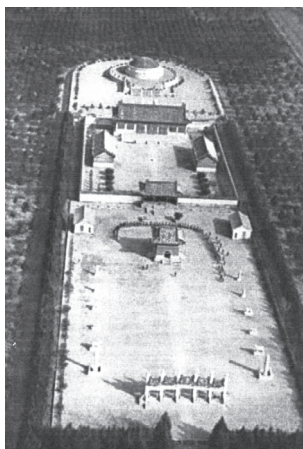
В этот критический момент нашелся человек, спасший Сунь Ятсена от вселенского позора.

Таким человеком был Юань Шикай: 6 июня он неожиданно скончался.

Похороны Юань Шикай

¹ Ibid.

Могила Юань Шикая на его родине в Аньяне

Предпринятый против него карательный поход утратил свой смысл, и «Северо-Восточная армия» прекратила военные действия.

Цзюй Чжэн сообщил, что ему предстоит составить отчет о деятельности «Северо-Восточной» армии в Шаньдуне, и просил своих коллег помочь ему в этом:

На первый взгляд, наши действия, направленные против Юань Шикая, увенчались определенными успехами. Но беспристрастно взглянув на ситуацию, сложившуюся после его смерти, мы вынуждены признать, что мы снова потерпели поражение. Поэтому в процессе составления отчета мы должны найти коренные причины нашего поражения¹.

Через несколько дней Цзюй Чжэн вновь вернулся к этой теме:

Сегодня у нас последнее заседание главного штаба «Северо-Восточной армии». Прежде всего мы должны воздать должное героям, отдавшим свою жизнь борьбе против Юань Шикая.

Штаб «Северо-Восточной армии» начал работать 18 ноября прошлого года, в феврале этого года мы начали наступление на противника, менее чем за три месяца одолели наиболее боеспособную 5-ю дивизию врага, взяли в плен более 7 000 вражеских солдат и офицеров, овладели более чем 10 городами, в том числе Вэйсянью, Гаоми и др.

Если бы не противодействие японской армии, мы были в состоянии овладеть всей восточной частью Шаньдуна.

Но после смерти Юань Шикая у власти по-прежнему последыши узурпатора Юаня — Дуань Цижуй, Фэн Гочжан и иже с ними. Это всё старые милитаристы, наносящие ущерб нашей стране и помыкающие народом. Англия, Америка, Япония и другие державы, как и раньше, считают себя Небесным Владыкой, а простой народ влачит жалкое существование.

Всё это значит, что осуществлявшаяся нами под руководством Сунь Ятсена борьба против Юань Шикая вновь потерпела поражение².

¹ Заявление Цзюй Чжэна от 11 октября 1916 г. // Полное собрание сочинений Цзюй Чжэна. Т. 1. С. 356.

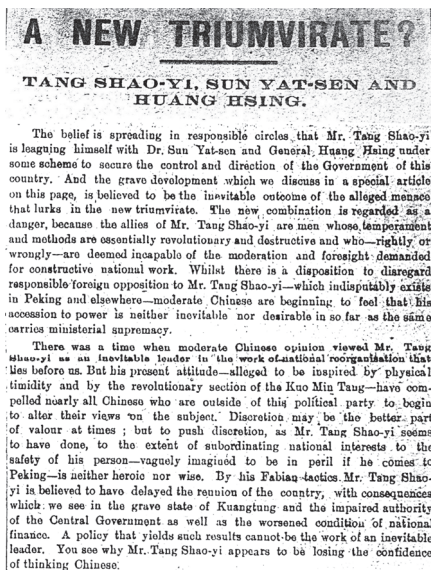
² Выступление Цзюй Чжэна на заседании штаба «Северо-Восточной армии», 18 октября 1916 г. // Там же.

Спору нет, неудача «Третьей революции», на которую Сунь Ятсен возлагал столь большие надежды, была жестоким ударом по его самолюбию и престижу. Тем не менее остается неоспоримым фактом, что своей неожиданной смертью Юань Шикай помог Сунь Ятсену удержаться от падения с того обрыва, над которым тот балансировал на протяжении нескольких месяцев «Третьей революции».

Что делать дальше?

Смерть Юань Шикая, означавшая внезапное завершение «Третьей революции», внесла замешательство в ряды гоминьдановцев. Большинству из них не было ясно, что же делать дальше.

Хотя Сунь Ятсен распорядился распустить «Северо-Восточную армию», начальник штаба Чэнь Чжунфу настаивал на продолжении

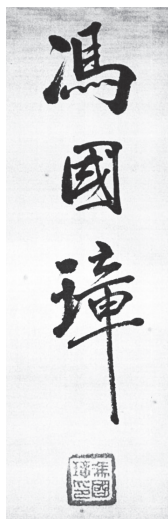

But it is not only the confidence of responsible Chinese that Mr. Tang Shao-yi is losing by his present doubtful policy. His alliance with the revolutionary wing of the Kuo Min Tang—or, whose support he is believed to rely for his authority—is causing serious anxiety to Peking, to the military and to all Chinese who realize that the restoration of order and of the authority of the Central Government throughout the provinces is the immediate and imperative demand of the existing situation. Whatever be the aims and objects of the less advanced wing of the Kuo Min Tang, there is indubitable evidence that the revolutionary section of the party are resolved upon the capture of the seats of power and to rule the country less for national interests than for Kuo Min Tang interests as understood by the "professional rebels" who ultimately dominate the councils of the party. The meaning of a Kuo Min Tang victory is said to be this. Just as Yuan Shih-kai seized the powers of government and controlled and used the same in order to aggrandise himself and his family, so the Kuo Min Tang will try to govern the country for party—not for national—ends. Let them seize the government of the country and they will so entrench themselves that their ejection from power will necessitate another revolution just as the removal of Mr. Tang Shao-yi's old patron—Yuan Shih-kai—involved the authentic leader of the "Southern" movement in a bloody struggle with the latter.

The view is expressed that the political consciousness of the Chinese is not sufficiently developed for party government in the English sense. And this inherent defect—which is psychological as well as historical—added to the sinister influence of men whose thought and action have hitherto found expression in conspiracy and revolution, is said to account for the anti-national tendencies of the Kuo Min Tang as determined by heroic figures of the type of Dr. Sun Yat-sen and General Huang Haing. It is feared that if the party secures entire control of the powers of the State, the greatest political movement in the modern history of China will have resulted in the displacement of a dictatorship set up by one man—who, albeit ambitious and unscrupulous, was a statesman—in favor of a party oligarchy, dominated ultimately by figures whose character and training fit them for work that is a negation of statesmanship.

On this view Mr. Tang Shao-yi's alliance with Dr. Sun Yat-sen and General Huang Haing is interpreted as a combination that is evil and dangerous; and unless he reconsiders the connexion and rests his power and authority as a political leader on a stabler and saner basis, he will have to be grouped in the same category with his new allies and share the distrust and odium which they provoke on the part of Chinese and foreigners alike. We should profoundly regret this disaster to Mr. Tang Shao-yi. The country is in urgent need of men; and we are disposed to believe that he can be of some assistance to the President—in spite of the reports reaching the Capital regarding the stationary state of his mind which is said to be nourished by no ideas later in date than his period of residence in America over thirty years ago.

Статья «Новый триумвират?», опубликованная
в «Peking Gazette» 32 июля 1916 г.

Фэн Гочжан, его подпись и печать

военных действий, и его пришлось убеждать в том, что теперь это утратило смысл.

Многие деятели Гоминьдана выступили за перегруппировку политических сил и реформу Гоминьдана. Предпосылкой для этого они считали, в частности, недвусмысленно выраженное намерение Тан Шаои вновь сблизиться с Сунь Ятсеном и Хуан Сином, так что в июле 1916 г. в газетах стали даже поговаривать о «новом триумвирате».

В октябре в Шанхай из Нанкина прибыли Чжан Цзи и Ху Ханьминь, встречавшиеся с Сунь Ятсеном и Хуан Сином. Обсуждалась тема реорганизации Гоминьдана, причем в известность об этом был поставлен японский военный представитель в Шанхае генерал Аоки.

Аоки сообщал в Токио, что, в соответствии с планом Чжан Цзи и Ху Ханьминя, предполагалось создать новую мощную политическую организацию, вступив в альянс с располагавшим собственными вооруженными силами и проявлявшим благосклонное отношение к Гоминьдану и Сунь Ятсену генералом Фэн Гочжаном, который выразил на то свое согласие¹.

Но этот далеко идущий план был отвергнут Сунь Ятсеном.

¹ 章伯鋒。北洋軍閥 1912–1928 (Чжан Бофэн. Бэйянские милитаристы в 1912–1928 гг.). Ухань. 1990. С. 36–38.

Глава XVI

«Северо-Западный план»: первоначальный вариант

Ласковый теленок двух маток сосет

Некоторые историки утверждают, что после неудачи «Третьей революции» лидер Гоминьдана сменил свои внешние ориентиры и стал строить дальнейшие планы, рассчитывая на помощь Германии. С нашей точки зрения, этот вывод верен лишь отчасти. Источники говорят о том, что в 1917 г. Сунь Ятсен стремился опереться на содействие двух стран, находившихся в состоянии войны друг с другом, – Японии и Германии одновременно. Разница заключалась лишь в том, что оказавшиеся обманутыми японцы, как и несколько лет до этого, теперь не спешили помогать неудачнику, тогда как немцы возлагали на него свои надежды. Сначала о первом.

Деньги брал Сунь Ятсен, а отдавать должны другие

После того как Юань Шикай покинул историческую арену, Сунь Ятсен по-прежнему был уверен, что Япония будет продолжать оказывать ему материальную помощь.

15 августа он написал письмо Кухара, в котором обсуждал детали сотрудничества в области разработки полезных ископаемых Китая.

В ответном письме Кухара выразил свое согласие и послал в Шанхай своего представителя Накаяма Токитаро для согласования совместного плана действий¹.

¹ 彭泽洲. 近代中国之革命与日本 (Пэн Цзэчжоу. Китайская революция в новейшее время и Япония). Пекин. 1982. С. 184–185.

**Тэраути Масатакэ
(1852–1919)**

Но ни тот ни другой не знали, что общая ситуация во взаимоотношениях между Японией и Китаем принципиально изменилась.

В октябре 1916 г. кабинет министров Окума подал в отставку, и на смену ему пришло правительство Тэраути Масатакэ.

Что касается внешней политики, то главным вопросом, который предстояло решить новому премьеру, был курс в отношении Китая.

Влиятельный *генро* Мацуката представил новому правительству свое «Мнение о политике в Китае», предлагавшее налаживать добрососедские отношения с пекинским правительством. Это предложение было поддержано другим *генро* – Ямагата.

Хара Кэй записал в дневнике:

Это вопрос первостепенной важности. Нужно во что бы то ни стало менять курс¹.

9 января 1917 г. на заседании правительства было принято решение «О политике в Китае», которое включало 5 пунктов.

В этом документе декларировалось: «Япония уважает и защищает независимость и территориальную целостность Китая <...>, не поддерживает ни одну политическую партию или группировку в Китае и не вмешивается в его внутренние дела»².

На практике же это означало прекращение помощи Сунь Ятсену и другим антипекинским политическим группировкам в Китае.

Правительство Дуань Цижуня, признанное западными державами, рассматривалось кабинетом Тэраути как единственное законное правительство Китая.

Как сообщал министр финансов Кацура Кадзуэ, Сунь Ятсен обратился к правительству

**Хара Кэй был
активным сторонником
смены курса
в отношении Китая**

¹ 原敬日記 (Дневник Хара Кэй). Т. 4. Токио. 1981. С. 235.

² 日本外交主要文書・年表 (Важнейшие документы и хронологическая таблица внешней политики Японии). Т. 1. Токио. 1986. С. 424–425.

Японии с просьбой о новой субсидии, но ему было отказано¹.

20 января 1917 г. было подписано соглашение о предоставлении Пекину «займа Нисихара» на солидную сумму 5 млн иен.

А Сунь Ятсен оказался в щекотливом положении. Ему нужно было возвращать полученные займы деньги, которых у него не было. В этой ситуации кто-то подсказал ему неординарное решение: переложить всю тяжесть долгов на плечи нового правительства. В начале января об этом сообщила китайская пресса².

Новый 1917 г. Сунь Ятсен отметил статьей в газете «Осака майнити симбун», назвав ее «Коренной смысл японо-китайской дружбы».

Упомянуть о желательности новых валютных вливаний автору было не с руки: он еще не рассчитался по старым векселям. Поэтому речь шла преимущественно о «моральной поддержке» Китая со стороны Японии.

30 января в Пекин были командированы двое высокопоставленных функционеров Гоминьдана — Ху Ханьминь и Ляо Чжункай — с предписанием добиться согласия правительства Дуань Цижуня на возврат японским предпринимателям долгов Сунь Ятсена в размере 1 млн иен, а также

Кацуда Кадзүэ
(1869–1948)

«Осака майнити симбун» от 1 января 1917 г.
со статьей Сунь Ятсена

¹ 勝田主計. 確定中国借款方針 (Кацуда Кадзүэ. Определение курса в отношении займов Китаю) // Цзиньдайши цзыляо. № 45. С. 195.

² АККИГ. 400.195-3.

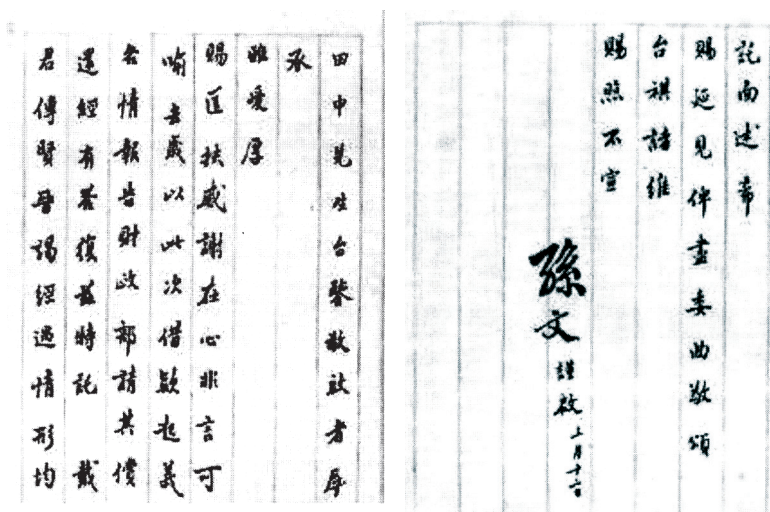
на компенсацию доброхотных даяний китайских иммигрантов 1,7 млн долларов¹.

Само собой разумеется, эта попытка успеха иметь не могла. Оплачивать чужие векселя премьер Дуань Цижуй не собирался.

Тем не менее 12 марта Сунь Ятсен отправил послание Танака Гиити, в котором между прочим писал:

Нет слов, чтобы выразить Вам чувство благодарности за то, что в прошлом году я получил заём на нужды восстания. Я уже сообщил в Министерство финансов, чтобы они возвратили эти деньги².

Неизвестно, что ответил на это Танака и ответил ли вообще.

Письмо Сунь Ятсена в адрес Танака от 12 марта 1917 г.

Через три месяца после этого Сунь Ятсен снова написал ему как доброму знакомому, вновь произнося слова благодарности и рассказывая о своих болезнях.

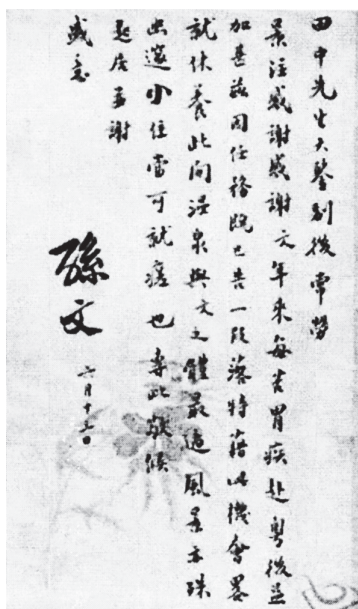
¹ Дуань Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 501.

² 孙中山向日本政府借款推翻袁世凯的物证：1917年之田中义一的绝密信件 (Вещественное доказательство того, что Сунь Ятсен брал деньги в долг у правительства Японии для свержения Юань Шикая: сверхсекретное письмо 1917 г. в адрес Танака Гиити) // http://blog.sina.com.cn/s/blog_629dc4830100mqxl.html.

Через две недели после того, как было отправлено это письмо, Сунь Ятсен послал в Японию Дай Цзитао с поручением восстановить прежние контакты. По его словам, он вез с собой несколько писем Сунь Ятсена, а главными лицами, с которыми ему предстояло встретиться, были Танака и адмирал Акияма.

Но когда визит к Танака состоялся, Дай Цзитао с удивлением увидел на стене его кабинета каллиграфическую надпись, подаренную ему генералом Чжан Сюнем, готовившим в это время монархический переворот в Пекине. Дай Цзитао удалось также узнать, что миллионер Окура ссудил сообщников Чжан Сюня деньгами в сумме 2 млн иен¹.

Одно из писем Сунь Ятсена было адресовано отставному министру иностранных дел Като Такааки.

Письмо Сунь Ятсена в адрес Танака от 13 июня 1917 г.

63 Route Vallon
Shanghai, China
June 18, 1917.
Baron Kato
Tokyo, Japan
My dear Mr. Kato;
I am sending
the bearer of this letter,
Mr. Tai Hien Chou to
Japan, who will inform

you of his mission.
I write these few lines
specially to you to say
that what I am going to
undertake to do in China,
depends a great deal
upon you, whether I
shall meet with success
or failure.

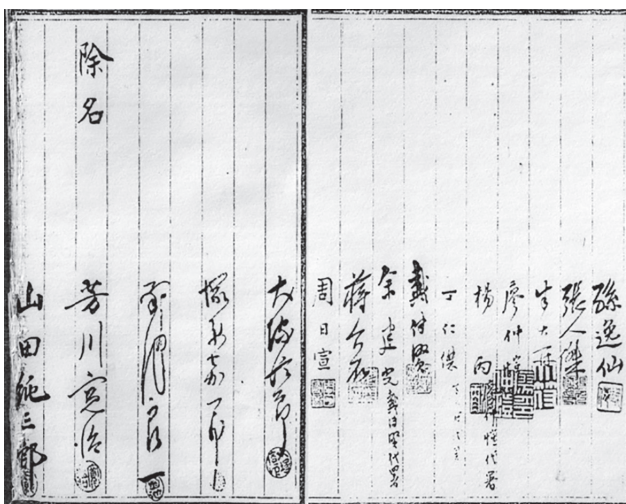
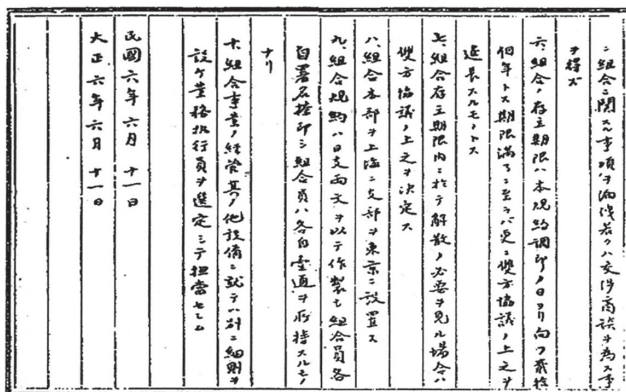
Первые страницы письма Сунь Ятсена
к Като Такааки от 18 июня 1917 г.

¹ 戴季陶。日本轮 (Дай Цзитао. О Японии). Тайбэй. 1954. С. 103–108.

В нем, в частности, говорилось:

Я пишу это письмо специально для того, чтобы сообщить Вам, что я готов развернуть в Китае работу, успех которой зависит главным образом от помощи с Вашей стороны. Я абсолютно уверен, что если Вы поможете мне, мои усилия непременно увенчаются успехом. <...>

Я очень надеюсь на Вашу помощь. Согласны ли Вы по мере возможности оказать нам поддержку ради интересов всего человечества?¹

Китайско-японское соглашение от 11 июня 1917 г.

¹ Сунь Ятсен — Като Такааки, 18 июня 1917 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 490.

Еще до отъезда Дай Цзитао в Японию он поставил свою подпись под документом, согласно которому группе японских предпринимателей предоставлялось право разрабатывать залежи полезных ископаемых на территории Китая¹.

Но в условиях, сложившихся после прихода к власти кабинета Тэраути, это соглашение, заключенное без его ведома, не имело шансов на реализацию.

Немцы хотят сотрудничать с Сунь Ятсеном

В отличие от японцев, инициатива возобновления контактов с которыми исходила от Сунь Ятсена и в большинстве случаев не встречала ответной реакции, его сотрудничество с немцами развивалось на основе взаимности.

В 1917 г. продолжавший придерживаться политики нейтралитета Китай стал объектом борьбы между странами Антанты, с одной стороны, и Тройственного союза — с другой: первые стремились вовлечь Китай в войну против Германии, тогда как Берлин был заинтересован в нейтралитете Пекина.

Еще в январе пекинское Министерство иностранных дел поставило германского посланника П. фон Гинтце в известность о том, что именно было обещано Китаю в случае, если он присоединится к странам Антанты.

В ответ Гинтце заверил Дуань Цижуня, что Германия сторицей отблагодарит Пекин за сохранение им нейтралитета².

После этого немцы предприняли ряд конкретных действий, с тем чтобы воздействовать на китайских парламентариев. Каждый раз, когда в законодательном собрании обсуждались вопросы,

Пауль фон Гинтце
(1864–1941)

¹ Об этом соглашении речь уже шла выше (с. 224).

² Bernstorff an Auswärtiges Amt, 16 Januar 1917 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее — PAAA). China 7. Bd. 6–7. A9306.

связанные с отношением Китая к войне, в гостевой ложе демонстративно присутствовал адмирал Гинтце¹.

После того как Германия объявила о начале неограниченной подводной войны, 2 февраля США разорвали дипломатические отношения с Германией.

Через неделю после этого китайское правительство направило Гинтце протест по тому же поводу, однако доверительно сообщило ему, что отвечать на эту ноту и вообще принимать ее всерьез не надо, поскольку она носит сугубо формальный характер.

Гинтце настоял на том, чтобы сказанное было сообщено германскому посольству в письменной форме, и Дуань Цижуй выполнил это требование, заверив Берлин, что его правительство не намерено вступать в войну². В ответ ему было сказано, что урон, нанесенный Китаю немецкими подводными лодками, будет компенсирован³.

Германское Министерство иностранных дел дало Гинтце поручение разъяснять, что подводная война направлена против Англии, а скорейшая капитуляция Лондона будет на руку Китаю. Выполняя это указание, он намекал, что благоприятное для Берлина решение китайского правительства было бы щедро оплачено.

21 февраля Гинтце встретился со специально приехавшим в Пекин вице-президентом Фэн Гочжаном.

Сообщая о содержании их беседы, германский посланник напоминал, что в свое время Фэн выступал против вступления Китая в войну, однако изменил свою позицию после того, как получил значительную сумму от союзников. Сам Фэн Гочжан признавал, что первоначально выступал за нейтралитет Китая, но впоследствии резко изменил свое мнение⁴.

1 марта, накануне открытия сессии парламента, состоялась встреча Гинтце с Сюй Шучжэном, выступавшим от имени премьера Дуань Цижуя.

Сюй Шучжэн заверял собеседника в своей безусловной приверженности китайско-германской дружбе и утверждал, что враждебные Берлину акции инспирированы Лян Цичао.

¹ 顾维钧. 回忆录 (《Гу Вэйцзюнь. Воспоминания》). Пекин. 1983. С. 154.

² Hintze an Auswärtiges Amt, 15 Februar 1917 // PAAA. China 7. Bd. 6–7. A5312.

³ Hintze an Auswärtiges Amt, 16 Februar 1917 // PAAA. China 7. Bd. 6–7. A5789.

⁴ 1917年北洋政府对德断交宣战史料三件 (Три документа, касающиеся разрыва дипломатических отношений бэйянского правительства с Германией и объявления ей войны) // Данъань шиляо. 1997. № 1. С. 10.

**Сюй Шучжэн
(1880–1925)**

Это утверждение, сообщал Гинтце канцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу, согласуется с информацией из другого источника: Дуань Цижуй до сих пор не вполне уверен, что спасение Китая заключается в следовании политике Антанты¹.

На следующий день германские дипломаты пошли ва-банк и выложили все свои карты на стол, пообещав Дуань Цижую 10 млн американских долларов за отказ от вступления в войну, однако их цель достигнута не была. «Маловато предлагаете!» – ответил, улыбаясь, Дуань Цижуй на предложение Гинтце².

Многие члены парламента оказались более сговорчивыми, и позднее в китайскую прессу просочились сведения о том, что их голоса шли по две тысячи каждый³.

По признанию Гинтце, на подкуп депутатов он был вынужден истратить все имевшиеся в его распоряжении 100 тысяч долларов, а газеты сообщали, что его попытка удержать Китай от объявления войны Германии в общей сложности стоила рейху 13 млн долларов.

Но более удачливыми оказались союзники. 14 марта 1917 г. Китай разорвал отношения с Германией.

Гинтце заявил по этому поводу протест Пекинскому правительству, но был вынужден покинуть столицу и вернуться в Германию.

Когда стало ясно, что их первоначальный план не удался, немцы решают радикальным образом изменить тактику и приложить усилия к тому, чтобы свалить Дуань Цижую. В этом они рассчитывали на помощь со стороны, во-первых, влиятельной группы про-

**Т. фон Бетман-Гольвег
(1856–1921)**

¹ Hintze an Bethman-Holweg, 3 Juli 1917 // PAAA. China 7. Bd. 8–9. A24099.

² Ibid.

³ Peking Daily News, 17 июля 1917 г.

Regul. 24099 per 22. Juli 1917. k.m.

Kaiserlich Deutsche Gesandtschaft.

Kristiania, den 3. Juli 1917.

A. No 522.

(mit Durchschlag)
Herrn Konrad Voreck.

Der Kaiserliche Botschafts-Rat von Kemnitz hat mir gesagt, daß meine Telegramme aus Peking an Euerе Exzellenz nach dem 1. März nicht mehr angekommen sind. Ich hatte sie teils durch die Chinesische Regierung, teils über Marine-Vertrauensmann Shanghai-San Francisco-Buenos Ayres, teils auch (die minder wichtigen) über die Österreichisch-Ungarische Gesandtschaft geschickt; die wichtigen auf mehr als einem dieser Wege. Ich fasse die Herrn von Kemnitz gegebene mündliche Darstellung auf seine Anregung kurz schriftlich zusammen, aus dem Gedächtnis, daher wahrscheinlich mit Irrtümern betreffend Daten behaftet.

1. März Abends hatte ich eine neue Unterredung mit General Hsu shi oheng, Vertreter des Minister-Präsidenten Tuan chi jui. Er versicherte erneut in diesem Auftrage China's dauernde Freundschaft für Deutschland, nur müsse China zum Schein Zugeständnisse machen. Daneben machte derselbe Vertreter Tuan's Andeutungen, daß Tuan tatsächlich unter dem Einflusse Liang chi chao sich zum Anschluß an die Entente entschlossen hätte, und davon nicht mehr abzubringen wäre. Das stand im Einklang mit Nachrichten aus anderer Quelle, wonach Tuan nun auch zum Teil aus klingenden Gründen überzeugt worden war, daß Chinas Rettung bei der Entente läge. Ich gab Hsu ein Telegramm über den augenblicklichen Stand zur Beförderung

Exzellenz dem Reichskanzler
von Bethmann Hollweg.

über

Первая страница письма Гинтце канцлеру Бетман-Гольвику
от 3 июля 1917 г.

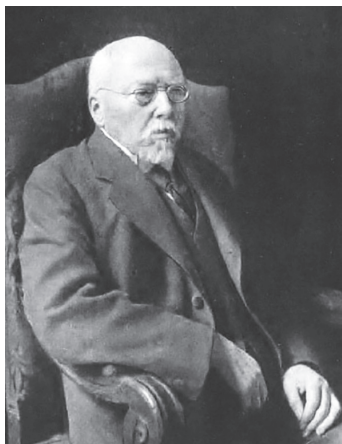
германски настроенных общественных деятелей во главе с Кан Ювзем, во-вторых, на личных врагов Дуань Цижую, среди которых выделялся бывший министр Сунь Хуньи, и, в-третьих, на Сунь Ятсена, неоднократно высказывавшегося против вступления Китая в войну.

Сун Хуньи
(1870–1936)

Немецкие деньги Сунь Ятсена

Позднее германский генеральный консул в Шанхае Г. Книппинг представил рейхсканцлеру Г. фон Гертлингу, сменившему Бетман-Гольвега, меморандум, из которого мы сегодня можем судить о том, как развивались последующие события.

Г. фон Гертлинг (1843–1919)

Книппинг сообщал канцлеру, что перед своим отъездом из Китая посланник Гинтце предложил Книппингу задержаться в Шанхае для того, чтобы вступить в непосредственный контакт с Сунь Ятсеном.

Посредником между германскими дипломатами и Сунь Ятсеном должен был выступить некто Абель Цао, имевший до этого тесные связи с немцами.

Для переговоров с лидером Гоминьдана был назначен переводчик консульства Ширмер, задача которого состояла в том, чтобы склонить Сунь Ятсена к совместным действиям по свержению Дуань Цижую.

В ходе переговоров Сунь Ятсен подчеркнул, что у него налажены хорошие отношения с некоторыми влиятельными японскими государственными деятелями.

Он заявил, что отношение общественного мнения Японии к Германии противоречиво. Японский МИД занимает антигерманские позиции, тогда как подавляющая часть армии и флота восхищается Германией.

Сам Сунь Ятсен, по его словам, имел намерение посетить Японию, чтобы установить там контакты, полезные для Китая. Ему посоветовали не делать этого, так как его поездка привлекла бы к себе излишнее

12651 Nr. 20 Dezember 1917 m. Berlin, den 20. Dezember 1917.

Der Kaiserliche Herr Gesandte, von Hsinse
erteilte be- Verlassen Chinas Ende März d.J. in Schang-
hai den Auftrag, die Abreise von China aufzuschieben,
mit Dr. Sun Jatsen, dem Führer der Ko ming tang, der ra-
dikalsten Süd-China Partei, in unmittelbare Beziehung zu
treten, ihn zum Sturz des Ministerpräsidenten Tuan Chi
hui und seines Kabinetts zu veranlassen und Dr. Sun
für diesen Zweck mit Geldmitteln bis zur Höhe von 2
Millionen Dollar zu unterstützen. Da unser bewährter
Vertrauensmann bei der Südpartei, Sun's Freund und Ver-
trauter, Abel Tsao, von seiner Reise nach Peking noch
nicht zurückgekehrt war, wurden alle Maßnahmen getrof-
fen, ihn so schnell wie möglich nach Schanghai zurück-
zurufen. Immerhin verging bis zu Tsao's Rückkehr nach
Schanghai noch einige Zeit, sodaß eine Benachrichtigung
des Herrn Gesandten in Honolulu über den Erfolg der ge-
troffenen Maßnahmen nicht mehr erfolgen konnte. Bis zu
Tsao's Rückkehr wurde die bisherige Arbeit fortgesetzt
und in jeder Weise durch Propaganda und Beeinflussung
einflußreicher Persönlichkeiten versucht, die Kriegser-
klärung noch weiter hinauszuschieben. Die vortrefflichen
Beziehungen zu Kang Yu Wei, dem bekannten, hochangese-
henen

Seiner Exzellenz
dem Reichskanzler
Herrn Grafen von Hertling.

henen, kantonesischen Gelehrten und Führer einer ein-
flußreichen Gruppe von prodeutschen Politikern und
Staatsmännern wurden weiter gepflegt. Der bei den Chilli
Truppen in Peking sehr einflußreiche frühere Minister
und Volksführer Sun Hung Ji, ein persönlicher Feind
Tuan Chi hui's aus früheren Tagen wurde für unsere Ziele
gewonnen. Auch Tang Shao Ji, Sun Jatsen's Freund, wurde
in Abwesenheit von Abel Tsao veranlaßt, den Einfluß der
Ko ming tang Partei gegen die Kriegserklärung an Deutsch-
land einzusetzen.

Nach Eintreffen Abel Tsao's in Schanghai wurde un-
gehend eine geheime Unterredung zwischen dem Dolmet-
scher Schtmer und Dr. Sun Jatsen herbeigeführt. Die
Unterredung ergab Übereinstimmung der politischen Zie-
le. Sun Jatsen erklärte sich zum Sturz Tuan Chi hui's
bereit und in der Lage und erbat für Beeinflussung von
Heer und Marine einen Betrag von 2 Millionen Dollar.
Sun betonte im Laufe der Unterredung seine guten Bezie-
hungen zu einem Teil der einflußreichen japanischen
Staatsmänner. Er betonte, daß die Stimmung in Japan ge-
genüber Deutschland geteilt sei; das Auswärtige Amt sei
antideutsch, während ein großer Teil des Heeres und der
Marine von Bewunderung für Deutschland erfüllt sei. Er
selbst habe die Absicht gehabt, nach Japan zu fahren,
um dort wegen der Lage in China Fühlung zu nehmen; man
habe ihn aber abgeraten, da seine Reise zu sehr auffallen
würde, - er hätte sich z.B. in Peking abzumelden - aber
Japan habe ihn versprochen, einen hohen japanischen

Offizier

Offizier, Tanaka, unauffällig nach China zu senden, dem
er seine Ansichten auseinandersetzen könne. Nach der
Unterredung mit Dr. Sun Jatsen wurde Eurer Exzellenz
auf anderem Wege entsprechender Bericht erstattet und
nach Eintreffen Eurer Exzellenz Genehmigung des Erfor-
derlichen veranlaßt. Sun Jatsen's Besprechung mit Tanaka
hatte den gewünschten Erfolg; Sun erklärte Tanaka ganz
offen, daß er vorhabe, Tuan zu stürzen. Tanaka eröffne-
te Sun, daß die japanische Regierung nicht beabsichti-
ge, sich in innere Angelegenheiten Chinas einzumischen
und berichtete telegraphisch nach Tokio. Die Folgen
von Sun's Wirken machten sich in Kürze bemerkbar. Die
Unzufriedenheit mit der Peking's Regierung wuchs stich-
lich im ganzen Lande und Tuan Chi hui's Stellung fing an
zu wanken. Die Minister seines Kabinetts wurden in alle
möglichen von der Ko ming tang angestellten Beset-
zungskandidaten verwickelt. Hierzu kamen fast tägliche
persönliche Mißlichkeiten zwischen dem Ministerpräsi-
denten Tuan und dem Präsidenten Li Juan hung, welcher
letzterer in seiner ablehnenden Haltung gegenüber Tuan
durch unsere in Peking wirkenden Freunde im Präsidial-
palast und in den hohen Offizierskreisen gestärkt wurde.
Inzwischen waren aber auch in Peking die Gesandten
der verbündeten Mächte nicht müßig gewesen; die Kriegs-
frage wurde ernst betrieben und man versuchte eifrig
mit den alten Mitteln, China zu veranlassen, nach dem
ersten Schritte (der Note) und dem zweiten Schritte
(Abbruch der Beziehungen) endlich doch den entschei-
denden

Три первые страницы доклада Книппинга рейхсканцлеру Гертлингу
от 20 декабря 1917 г.

- 11 -

Amerikas, sondern Japans Führung in der auswärtigen Politik zu unterstellen. So sehr sich Japan in den ersten Kriegsjahren gestrübt hatte, China aus seiner Neutralität herauszustehen, ebenso sehr bemühte sich Japan nach dem Abbruch der chinesischen Beziehungen zu Deutschland, China in den Krieg hineinzustehen. Seine Versprechungen und Drohungen hatten bei der von der Entente besetzten Regierung endlich auch den gewünschten Erfolg. So kam am 14. August d.J. die Kriegserklärung Chinas an Deutschland durch die Machthaber in Peking als Ergebnis von Bestechung und Drohung und als ein letzter aber vergeblicher Versuch, die inneren Wirren durch eine starke äußere Politik zu unterdrücken.

Englische Nachrichten haben die Meldung verbreitet, daß der Süden sich förmlich der Kriegserklärung angeschlossen habe. Zuverlässige Nachrichten haben mich darüber nicht erreicht. Es kann jedoch keinem Zweifel unterliegen, daß eine derartige Erklärung, wenn sie abgegeben ist, lediglich eine Kampfwaaffe gegen den Norden, nimmermehr aber ein Zeichen von Versöhnung war.

China hat zwar an Deutschland Krieg erklärt und gewisse feindliche Maßnahmen gegen die Deutschen in China getroffen, hat sich jedoch im allgemeinen bisher auf Auferlegung einer Art von Meldepflicht und Aufsicht beschränkt. Ich habe, als die Kriegserklärung unvermeidlich wurde, Gelegenheit nehmen können, die Peking Regierung auf vertraulichem Wege darauf aufmerksam zu machen, daß eine verständige Behandlung der Deutschen die Anbahnung späterer freundschaftlicher Beziehungen

- 12 -

zu Deutschland erleichtern, jede unnötige Schärfe aber zu späteren Schattierungen führen würde.

Die Frage, ob nach Friedensschluß die Deutschen in China auf die bisherige Freundschaft der Chinesen rechnen können, dürfte meines gehorsamsten Erachtens mit vollem Recht bejaht werden. Die allgemeine Stimmung der Chinesen war, als ich China nach Androhung von Internierung mit dem österreichischen Transport verlassens mußte, nach wie vor deutschfreundlich. Welches auch immer die Regierung sein wird, die nach Friedensschluß in Peking die Macht hat, zwei große und starke Parteien im Lande werden immer für die Deutschen zu haben sein, Imperialisten und die radikalen Republikaner. Zeitungsnachrichten haben inzwischen gemeldet, daß infolge der Bemühungen der Südpartei, deren leitendes Präorgan in Peking, die von uns unterstützte Peking Gazette ist, und die durch dieses Organ inzwischen eine die Politik der Peking Regierung gegenüber Japan bloßstellende Enthüllung veranlaßt hat, unser Feind und der Günstling der Alliierten Tuan Chi hui, ein zweites, hoffentlich endgültiges Mal gestürzt worden ist.

Es darf aus dieser Nachricht gefolgert werden, daß die von uns bewirkte Beeinflussung weiter gut fortwirkt, und es darf daran die Hoffnung geknüpft werden, daß die politische Lage der Deutschen in China sich nicht wieder verschlechtern wird.

Knipping

Две последние страницы доклада Книппинга рейхсканцлеру Гертлингу от 20 декабря 1917 г.

внимание, поскольку об этом стало бы известно в Пекине. Что касается правительства Японии, то оно послало высокопоставленного военного, заместителя начальника Генерального штаба Танака Гиити, для неофициального обсуждения с Сунь Ятсеном некоторых политических проблем¹.

Встреча Сунь Ятсена с Танака действительно состоялась еще 2 мая 1917 г. Сунь Ятсен изложил Танака свой план свержения Дуань Цижуя, однако

Цао Ябо
(1875–1937)

¹ Knipping an Herrn Grafen von Hertling, 20 December 1917 // Politisches Archiv des Auswärtiges Amtes (в дальнейшем — PAAA) China 7. Bd. 8–9. A42651. P. 2.

Чэнь Бинкунь
(1868–1927)

японец заявил, что императорское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела Китая.

В целом немецкий консул делал вывод о том, что в ходе переговоров с Сунь Ятсеном у них «выявилось совпадение политических целей».

Главный результат переговоров в Шанхае:

Сунь Ятсен заявил, что он готов к свержению Дуань Цижюя и попросил 2 млн долларов на цели оказания воздействия на армию и флот¹.

Достоверно ли это сообщение Книппинга?

Не вполне ясную позицию в этом вопросе занимал известный американский суньятсеновед М. Уилбур. С одной стороны, он писал, что доклад Книппинга — это «одностороннее свидетельство», и на его основании нельзя утверждать, что Сунь Ятсен действительно получил в Шанхае от германского консула значительную сумму денег.

С другой стороны, Уилбур упоминает о том, что в августе 1917 г., после того как в Кантон прибыл Сунь Ятсен, военный губернатор Гуандуна Чэнь Бинкунь сообщил генеральному консулу США П. Генцлеману: немцы передали Сунь Ятсену полтора миллиона долларов; он, Чэнь Бинкунь, знает, на что была истрачена часть этих денег и в каком банке хранится оставшая часть².

Сам Сунь Ятсен в получении денег от немцев никогда не признавался.

За и против нейтралитета

Осуществление конечной цели — свержения кабинета Дуань Цижюя — требовало подготовительной работы. Начав ее, Сунь Ятсен продолжал агитацию против вступления Китая в мировую войну.

«Вопрос жизни и смерти Китая»

После окончания первой мировой войны Сунь Ятсен писал президенту Вильсону:

¹ Ibid.

² Wilbur M. Sun Yat-sen: Frustrated Patriot. New York. 1976. P. 93.

Когда в прошлом году Вы советовали Китаю присоединиться к Вам в войне, я категорически возражал против этого, зная, что милитаристы в моей стране наверняка используют эту возможность для удушения демократии в Китае. К сожалению, мое предвидение оправдалось¹.

Это данное задним числом объяснение причин, заставивших Сунь Ятсена выступать тогда против вступления Китая в войну на стороне Антанты, казалось весьма злободневным в 1918 г., но совершенно не соответствовало тому, что лидер Гоминьдана говорил годом раньше.

В апреле 1917 г. Сунь Ятсен продиктовал Чжу Чжисину текст брошюры «Вопрос жизни и смерти Китая», в которой обосновывал необходимость соблюдения Китаем нейтралитета в мировой войне.

Аргументы, приведенные автором в этой книге, сводились к четырем основным пунктам.

Во-первых, конфликт между Китаем и Германией может быть урегулирован дипломатическими средствами, не прибегая к военной силе.

Соединенным Штатам понадобилось два года, пока, не добившись от Германии уступок, они вынуждены были разорвать официальные отношения с немцами, а затем 6 апреля 1917 г. объявили им войну. Что же касается пекинского правительства, то оно заявило протест Германии сразу же после объявления США о разрыве с рейхом и, не дожидаясь ответа на этот протест, в свою очередь, последовало примеру американцев. По мнению Сунь Ятсена, у Китая еще есть достаточные возможности для того, чтобы решить китайско-германские противоречия путем переговоров.

Во-вторых, оснований для объявления войны Германии нет.

Прежде всего, если подходить к проблеме с этической точки зрения, быть может, нужно признать действия Германии, объявившей 18 февраля 1915 г. неограниченную подводную войну, нарушением международного права и антигуманным актом. Но из этого еще не следует, что Китай должен объявлять Германии войну. Страны Антанты также прибегли к целому ряду акций, противоречащих представлениям о гуманности (так, Англия после начала войны перестала экспортировать в Германию продовольствие, а это привело к голоду среди мирного населения рейха; Франция беззастенчиво выкачивает из Индокитая материальные ресурсы; Россия стремится аннексировать Маньчжурию и отторгнуть Монголию от Китая и т. д.).

Если говорить о разделе территории Китая между державами, то в этом отношении Германия значительно уступала другим странам.

¹ Sun Yat-sen to President Wilson, 18 November, 1918 // USDS. 893.00/2971.

Шаньдунский полуостров, являющийся сферой влияния Германии, составляет лишь 1% территории всей страны, тогда как в распоряжении России 42%, Англии — 28%, Франции и Японии — по 5%. Однако Китай намеревается объявить войну не этим странам, а Германии!

Наконец, с точки зрения нарушений державами суверенитета Китая, Германия отнюдь не выделяется среди них своей агрессивностью, уступая в этом смысле Англии, Франции, России.

В-третьих, от вступления в войну на стороне Антанты Китай больше потеряет, чем выиграет.

Полагают, что объявление войны Германии позволит Китаю увеличить таможенные пошлины, отсрочить выплату боксерской контрибуции, пересмотреть условия Симоносекского договора и т. д. Но всего этого китайцы могут добиться и не вступая в войну. Кроме того, если это произойдет, Китай ожидают серьезные испытания. Неприятности угрожают стране, в частности, со стороны мусульманского населения, которое по религиозным соображениям симпатизирует Турции. Отрицательно скажется на Китае снабжение продовольствием союзников, а также использование рабочей силы китайцев за рубежом.

В-четвертых, для Китая вступление в войну — вопрос жизни и смерти.

Кто бы ни одержал в конце концов верх, Китай в случае объявления им войны Германии в любом случае окажется жертвой борьбы держав за господство в мире. Победа Антанты, добавлял Сунь Ятсен, приведет к заключению союза Англии с Россией, а это сулит Китаю неисчислимые беды. Поэтому для китайцев военный успех Германии все же предпочтительнее¹.

Эту же идею Сунь Ятсен развивал позднее в интервью японскому журналисту в Кантоне:

Не в интересах Азии (в особенности Китая и Японии), чтобы нынешняя война в Европе закончилась сокрушительным поражением Германии и чтобы союзные державы во главе с Англией вышли из конфликта победителями, потому что такой поворот событий усилил бы британское влияние в Азии вообще и в Китае в частности².

Тем не менее 14 августа 1917 г. кантонское правительство, вопреки обещаниям Сунь Ятсена о нейтралитете Китая и его настойчивым попыткам сдержать данное немцам слово, объявило Германии войну.

¹ ПССОГ. Т. 2. С. 47–54.

² *Kawakami K. Sun Yat-sen's Greater Asia Doctrine // Contemporary Japan. September 1935. P. 242.*

Ли Юаньхун против Дуань Цижуня

В Пекине правительственные круги были в это время раздираемы острейшими противоречиями.

Сложилась явно ненормальная ситуация: президент и премьер-министр не только испытывали друг к другу нескрываемую личную антипатию, но к тому же придерживались диаметрально противоположных взглядов по многим принципиальным государственным проблемам.

23 мая Ли Юаньхун подписал указ об отставке правительства Дуань Цижуня.

Сторонники смещенного премьера выступили против президента.

Губернатор провинции Аньхуй Ни Сычун заявил, что более не подчиняется Пекину; за ним последовали еще несколько провинций, потребовавших роспуска парламента.

В этой обстановке Ли Юаньхун допустил фатальную ошибку, обратившись к генералу Чжан Сюню с просьбой выступить посредником для урегулирования конфликта.

7 июня Чжан Сюнь во главе 5000 солдат, продолжавших носить косы, выступил из Суйчжоу, присоединившись к требованию распустить парламент.

Они сошлись: волна и камень...
(Дуань Цижунь слева и Ли Юаньхун справа)

Чжан Сюнь
(1854–1923)

Ли Юаньхун был уже готов пойти на уступку, но для того чтобы соответствующий указ президента получил законную силу, требовалась еще подпись премьера, а временно исполнявший обязанности главы правительства У Тинфан был против. Президенту пришлось сместить У Тинфана, после чего указ о роспуске парламента был подписан.

1 июля Чжан Сюнь вступил в Пекин и объявил о реставрации маньчжурской династии в лице малолетнего Пуи.

1917 г. был переименован в «9-й год правления Сюаньтуна».

Ли Юаньхун был вынужден найти себе убежище в японском посольстве, а свою печать президента Китайской Республики тайно переправил вице-президенту Фэн Гочжану.

Пекинские события были встречены с одобрением в японских военных кругах. Реставрацию приветствовал, в частности, Танака Гииги, который вскоре, впрочем, изменил свою точку зрения¹.

Но акция Чжан Сюня не встретила поддержки в провинциях. Во главе сил, выступавших за восстановление республики, стал Дуань Цижуй. Захватившая Пекин «армия с косами» была разгромлена, Дуань Цижуй вновь стал премьер-министром, а пост президента занял Фэн Гочжан.

Солдаты с косами на улицах Пекина

Коль скоро у власти вновь оказался Дуань Цижуй, у Сунь Ятсена возникла идея вернуть в президентское кресло Ли Юаньхуна, заодно пригласив членов распущенного парламента покинуть Пекин и начать «Движение в защиту конституции». Сунь Ятсена поддерживали бывший министр иностранных дел пекин-

¹ 林权助笔下的张勋复辟 (Реставрация монархии Чжан Сюнем в изложении Хаяси Гонсукэ) // Цзиньдайши цзыляо. № 35. С. 109–117.

**Памятная медаль в честь реставрации монархии
с изображением Чжан Сюня**

ского правительства У Тинфан и министр военно-морского флота Чэн Бигуан, а также несколько южных милитаристов.

Деньги, полученные от немцев, оказались очень кстати: частично они пошли на оплату жалования парламентариям и на перебазирование флота на юг.

19 июля Сунь Ятсен прибыл в Кантон. Американский консул в Кантоне П. Хэйнцлеман информировал посла П. Рейнша о том, что Сунь Ятсен призвал военного губернатора Гуандуна Чэнь Бинкуня и гражданского губернатора Чжу Цинлани направить приглашение Ли Юаньхуну прибыть в Кантон в качестве президента Китайской Республики¹.

Борцы за демократию не прочь получить помощь от США

27 июля находившиеся в Шанхае члены китайского парламента, высказывавшиеся против объявления войны Германии, однако обратились к конгрессу США с просьбой о помощи, аргументируя это борьбой с тем же врагом, что Америка и страны Европы, — с милитаризмом, хотя и каждый по-своему².

Генеральный консул США в Кантоне Хэйнцлеман внимательно следил за развитием событий на Юге.

¹ Heintzleman to Reinsh, July 21, 1917 // USDS. 893.00/2694.

² Enclosure with Shanghai Consulate General Despatch No. 1442 of July 27, 1917, to the American Legation at Peking // USSD. 893.00/2701.

The following message has been telegraphed to the United States Congress:

"Democracy is again fighting for existence in China. For the second time since the establishment of the Chinese Republic, our Parliament has been illegally dissolved and an oligarchy, based on military force, set up in the capital. We are fighting the same foe that you and the other democracies are fighting in Europe—the beast of militarism. As a nation determined to be governed as a democracy, we appeal to the American people and their Congress for support.

"(Sgl.) The Chinese Parliament." Similar messages have also been telegraphed to the Russian Duma and the Council of Soldiers' and Workmen's Delegates in Petrograd, the French Chamber of Deputies and the British House of Commons. In the Russian message the appeal is made to "Free and liberated Russia."

The Case for Parliament.

The Members of the Chinese Parliament in Shanghai have issued the following manifesto:

In the renewed struggle for political freedom initiated by the Chinese navy, the democracy of the country insists upon the maintenance of the Provisional Constitution and the re-assembly of Parliament. The maintenance of the Provisional Constitution is held to be a necessity because it registers the irrevocable decision of the nation that China shall for ever be governed as a democracy. And the re-assembly of Parliament is also held to be a necessity because democratic government or government according to the will of the governed is impossible if Parliament can be dissolved according to the will of the northern military.

It has been a favourite contention of reactionaries and some foreign critics that Parliament has failed to justify its existence. And in this connexion, it is said that Parliament cannot point to a single piece

of "constructive legislation" passed by it since its reconvoction in August last year. It is also said that Parliament obstructed, instead of assisting, Tuan Chi-jui, during his premiership by a policy of excessive criticism of the work of government. And another complaint is that Parliament has not only wasted time but drafted an unwieldy Constitution for the country.

A Defence.

Examine these complaints: As regards the alleged failure of Parliament in the matter of "constructive legislation," we have to point out and emphasize the fact that not once but repeatedly was Tuan Chi-jui requested by Parliament to submit to it for consideration draft Bills relating to matters demanding legislation. In all countries where parliamentary government obtains, it is the work of the Government to investigate and make itself acquainted with the conditions of the country and to frame and draft suitable measures of legislation—constructive or otherwise—for submission to Parliament. Practically the only piece of legislation submitted by Tuan Chi-jui to Parliament was a bill creating a Council of Elder Statesmen which was universally criticized and condemned by Chinese and foreigners alike.

With Tuan Chi-jui ignoring the demand of Parliament for the submission of measures of "constructive legislation," Parliament had to confine itself largely to the work of criticism of and inquiry into the conduct of the business of the State by the Tuan Cabinet. This conception of Parliament as a critical body cannot justly be said to be objectionable even from a Chinese point of view. In its work of criticism, Parliament may be said to have been the historical successor of the Censorate, one of the most characteristic of Chinese institutions during the days of government according to the will of the ruler in the capital. And apart from this historical justification, there is abundant evidence to show that the critical work of Parliament prevented

the Government from committing grave blunders in both domestic and foreign affairs. The cancellation of the deal with the Onium Combine would alone justify the existence of Parliament.

The Constitution.

The charge that Parliament has wasted time over the Permanent Constitution and has drafted an instrument of government unsuitable to the needs and conditions of China is at once unfair and untrue. It is obvious that the organic law of a country must be framed with thought and care; and this must be truer in the present case, seeing that the Permanent Constitution must be largely made in terms of principles hitherto foreign to Chinese political thought.

These principles must be embodied and worked out in our Constitution if this country is to be governed as a democracy. And the most important of these principles relate to the formation and practice of a responsible Cabinet which is desired by all political parties. The Constitution makes the responsibility of the Cabinet to Parliament a reality; and in the eyes of the reactionaries, this is one of the principal sins committed by Parliament. But to the rebellious Tutchens and the northern military, the worst feature of the document is its attempt to subordinate the military to the civil authority by omitting to recognize and define the status of the Tutchens and provide for the continuance of Yuan Shih-kai's military system of paragoning the strategic centres of the country with northern soldiers.

The dominant idea of Parliament has been to frame an instrument of government, whereby China should be governed—not in the old way as a private possession of the ruler in Peking—but as a national possession, as a property vested in the nation by the great transaction of 1911.

Apart from the reactionaries and those who will never learn, the real difficulty, however, has been the refusal of the opponents of the Min Tang (Kuomintang) to accept the principle of the rule of the majority. Although the Kuomintang commanded a Parliamentary majority as the result of the elections of 1913, they were prevented from exercising their constitutional right of forming a government by the disloyalty of their political opponents who conspired with Yuan Shih-kai and facilitated his *coup d'Etat*, whereby Parliament was illegally dissolved and a dictatorship set up with a Chin-ping Cabinet.

The present situation is almost a precise repetition of what took place in 1913. With the re-assembly of Parliament last year, the Kuomintang again reappeared with a Parliamentary majority to which the reactionary members of the Chin-ping refused to submit. The latter leagued themselves with the northern military and again Parliament has been, illegally dissolved and a military oligarchy set up in Peking with another Chin-ping Cabinet, including some of the very leaders who were included in Yuan Shih-kai's Cabinet. Is further compromise necessary?

MEMBERS OF PARLIAMENT IN SHANGHAI.

Обращение шанхайских парламентариев к Конгрессу США от 27 июля 1917 г.

5 августа он направил в Пекин посланнику Рейншу зашифрованную телеграмму, содержащую целый ряд весьма важных сообщений. Главная новость состояла в том, что, как сообщил Хейнтцлеману военный губернатор Гуандуна Чэнь Бинкунь, Сунь Ятсен получил от немцев 1,5 млн мексиканских долларов. 500 000 долларов он истратил на перебазирование в Кантон военной флотилии, 300 000 — на оплату жалования направлявшихся на Юг парламентариев.

11 августа Хейнтцлеман встретился с Сунь Ятсеном и имел с ним продолжительную беседу.

Д-р Сунь заявил, что республиканцы Юга считают вопрос о европейской войне второстепенным по сравнению с решением внутренних проблем Китая. Они понимают, что сражаются с военной автократией и что симпатиями и поддержкой в этой борьбе можно заручиться лишь благодаря позитивной позиции в отношении демократии. Он постарался убе-

¹ Heintzleman to Reinsch, August 6, 1917 // USDS. 893.00/2707.

Open text of a cipher telegram sent to the American Legation, Peking, August 5, 1917, 4 P.M.

Amlegation, Peking.

August 5, 4 P. M.

Four cruisers under Admiral Cheng arrived today, three others will follow. Sun and the other leaders, including Tong Shao Yi, and twelve members of parliament here. Twenty-five members en route. About two hundred at Shanghai ready to depart when assured new government is functioning. Public receptions held daily with little enthusiasm, Sun's appeals gaining few adherents.

I am assured by Military Governor that he and Governors of Kwangsi, Yunnan, Kweichow and Hunan, while favoring republican government, are unalterably opposed to provisional government for South China and absolutely will not send expedition north. Should southern party leaders incite revolution they will be forcibly suppressed.

In order to control activities Kuomintang and parliament and to avert trouble, General Lu and his military clique pretend sympathy with radical republicans, who are supported by local commanders Yunnan troops with strong republican proclivities threatening independent action. Arrival of fleet has emboldened republican leaders as Navy in conjunction with Yunnan troops could make strong offensive against loyal military forces. Military Governor will make an effort to buy over Navy and Yunnan commanders.

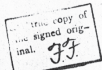
There are altogether twenty-five thousand Kwangsi troops besides twenty thousand loyal regular troops in Kwangtung. There are only eight thousand Yunnan troops in Canton.

Military Governor told me he had positive knowledge Germans Shanghai supplied Sun one million five hundred

-2-

thousand Mexican dollars, of which five hundred thousand were given to Navy and three hundred thousand to members of parliament; seven hundred thousand were transferred to Sun here through Holland Bank, Shanghai, and Taiwan Bank, Canton; three hundred thousand of this amount was in Taiwan Bank and balance in native banks; and that Japanese were offering money and munitions to Kuomintang.

Heintzleman.

Телеграмма Хейнцлемана Рейншу
от 6 августа 1917 г.

7 201

INDEXED
RECEIVED
SEP 21 1917
DEPT. OF STATE

7 201

SEP 21 1917
DEPT. OF STATE

No. 96 *lio*

AMERICAN CONSULATE GENERAL,
CANTON, CHINA.
August 14, 1917.

- 89300

DIVISION OF
FAR EASTERN AFFAIRS
SEP 21 1917

Political Conditions in Canton, with
Particular Reference to Activities of
SUBJECT: Parliament. Conversation with Sun
Yat Sen.

At SEP 25 1917
FILE - C. E. S.

INDEX BUREAU
893.15/8799

To the Honorable
The Secretary of State,
Washington, D. C.

Sir:

I have the honor to enclose herewith, for the information of the Department, a copy of my No. 35, of today's date, addressed to the American Legation, Peking, on the above-mentioned subject.

I have the honor to be, Sir, —
Your obedient servant,
H. Heintzleman
Consul General.

Enclosure:
Mr. Heintzleman to Mr. Reinsch, Aug. 14, 1917.

800

FILED
SEP 26 1917

Первая страница доклада
Хейнцлемана Рэйншу от
14 августа 1917 г.

дить меня в том, что он сам и все члены его партии едины с Соединенными Штатами и союзниками в своих симпатиях и целях борьбы за дело гуманности и цивилизации.

Д-р Сунь дал ясно понять, что в случае, если Соединенные Штаты обеспечат республиканскому правительству финансовую и иную помощь, члены парламента будут рады согласиться на вступление в войну под предводительством США.

Объявление войны незаконным пекинским правительством, продолжал он, не получит на Юге поддержки. Он отдает себе отчет в отрицательном воздействии объявления войны Пекином на политическое будущее своей партии и пояснил, что оппозиция членов парламента правительству Дуань Цижуня истолковывается как оппозиция объявлению войны.

Между тем парламент искренне поддерживает идею войны с Германией и лишь настаивает на том, что война должна быть объявлена конституционным путем, т. е. президентом с согласия парламента. Вследствие этого он, д-р Сунь, всячески стремился воспрепятствовать объявлению Севером войны до того, как парламент мог собраться и рассмотреть этот вопрос.

Поэтому, продолжал он, Чжан Цзи, бывший спикер Сената, был недавно послан в Японию с целью воспрепятствовать японской поддержке Дуань Цижую в вопросе об объявлении войны. Чжан Цзи должен также уговорить Японию не предоставлять Северу заём; он получил инструкции попытаться в то же время получить заём для Юга на покупку снаряжения для южного флота <...>.

Д-р Сунь также сообщил мне, что его партия крайне нуждается в финансовой помощи, военном снаряжении и признании правительствами иностранных государств. Субсидирование осуществляется за счет пожертвований патриотов, но их совершенно недостаточно для покрытия расходов на длительный период.

Он добавил, что друзья в Нью-Йорке готовы финансировать деятельность Южного правительства, но из-за установленной в Гонконге британской цензуры он не может связаться с ними.

Он заявил, что хотел бы, чтобы Соединенные Штаты построили [на Юге] арсеналы и способствовали различного рода внутренним усовершенствованиям; он заверил меня, что [США] получают от нового правительства привилегии в виде разрешения на промышленную деятельность¹.

Хэйнцлеман внимательно выслушал Сунь Ятсена, не прерывая его речь вопросами. Общее впечатление, которое консул вынес из его заявлений:

Содержание последнего абзаца моей телеграммы от 5 августа, касающегося финансовой помощи, полученной д-ром Сунем из рук немцев, заставляет меня сомневаться в искренности д-ра Суня относительно его позиции в вопросе о вступлении [Китая] в войну².

В тот раз Хэйнцлеман счел недипломатичным прямо спросить Сунь Ятсена о том, действительно ли он получил деньги от немцев.

Речь об этом зашла в марте 1918 г.: Сунь Ятсен категорически отрицал получение им немецких денег, утверждая, что эта нелепая версия была сфабрикована с целью скомпрометировать его.

18 марта 1918 г. в письме на имя американского консула д-р Сунь писал:

¹ Heintzleman to Reinsch, August 14, 1917 // USDS. 893.00/2709.

² Ibid.

- 5 -

the future of the Chinese state.)

"The present is a very critical time for China. Tuan Chi-jui and the Peking Government are willing to join hands with Japan, and unless the military government receives the recognition and support of the United States it will be useless for Dr. Sun to continue the struggle against them. But if the United States should grant recognition and support Dr. Sun could use his power and influence to frustrate the plans of Japan, and, while saving China from further humiliation and loss of prestige, would at the same time assist the United States, as Japan without China would hardly dare to attempt war with the United States.

"Therefore the United States is earnestly asked to give assistance to China at this time by granting recognition to the military government, so that Dr. Sun would be better able to resist the powers that would impair the sovereignty of China."

The legation will recall that at the inception of the Southern movement in July 1917, I was informed by the then Military Governor of Kwangtung that he had positive knowledge that Germans in Shanghai had supplied Sun Yat-sen with one million five hundred thousand dollars, Mexican. (See my telegram of August 5, 1917, 4 p. c.) Dr. Sun categorically denies having received this money and states that the report was invented and circulated in order to harm his cause. The Military Governor has not substantiated his charge against Dr. Sun with proof. Under date of March 18, 1918, Dr. Sun wrote me a letter, which reads as follows:

"I take this opportunity unhesitatingly to affirm that hitherto I have never received funds from German sources. In my present movement I am actuated solely by the desire to restore Constitutional Government to China and to give our people the benefits and blessings of democratic institutions."

It is gratifying to note that no separatist movement has arisen in the south. There is nothing at present to show that the military operations of the south look beyond sectional autonomy. A large body of the public is loyal to the principle of a compact united China.

The general parliament will meet in June next, so that it is apparent that any recognition of the military government at this time, before that body has had any opportunity to pass upon

Донесение Хейнтцлемана Рэйншу
от 28 апреля 1918 г., в котором он цитировал письмо Сунь Ятсена,
датированное 18 марта того же года

Я не колеблясь пользуюсь случаем, чтобы подтвердить, что никогда не получал денег от немцев¹.

Впрочем, точно так же реагировал на просочившиеся в прессу слухи о получении денег от немцев и вождь русской революции, называя эти сообщения «ложью самой сплошной, самой грубой»².

¹ Heintzleman to Reinsch, April 28, 1918 // USDS. 893.00/2842.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 32. М. 1978. С. 415.

По его распоряжению сразу же после Октябрьского переворота сотрудники НКВД изъяли из архива Министерства юстиции приказ германского имперского банка № 7433 от 2 марта 1917 г. с разрешением платить деньги Ленину и его соратникам «за пропаганду мира в России»¹.

В политической игре, связанной со вступлением Китая в мировую войну, в конце концов выиграл Рейнш, приложивший максимум усилий к тому, чтобы Китай отказался от своего нейтралитета.

14 августа пекинское правительство объявило о вступлении Китая в войну. Но на этом проблема не была закрыта.

18 августа военный и гражданский губернаторы Гуандуна ограничились формальной перепечаткой заявления пекинского правительства.

Тем временем открылась сессия провинциальной ассамблеи, возражавшей против признания декларации Пекина, поскольку это означало бы признание права правительства Дуан Цижюя решать столь важные для судеб страны вопросы, т. е. фактически признание законности пекинского режима. Узнав о намерении опубликовать декларацию, спикер ассамблеи потребовал от военного губернатора Гуандуна не делать этого и официально подтвердить объявленную ранее независимость провинции от Пекина. Однако Чэнь Бинкунь отказался сделать это, сославшись на то, что решение уже принято и его невозможно отменить.

Совместное заявление двух губернаторов Гуандуна, в котором был приведен полный текст декларации правительства Дуань Цижюя, было опубликовано 20 августа и немедленно передано в иностранные консульства. В ответ на это сторонники Сунь Ятсена решили созвать 25 августа сессию парламента, хотя число прибывших в Кантон депутатов было недостаточным для кворума. На этой сессии парламент должен был объявить войну Германии, «дабы опровергнуть обвинения в том, что парламентарии находятся под влиянием германских агентов».

Между тем Ло Чэн, сотрудник министерства иностранных дел создаваемого Южного правительства, заявил в конфиденциальной беседе с американским консулом, что «объявление войны прозвучало бы погребальным колоколом по республиканскому движению на юге: из-за отсут-

¹ Доклад Е. Поливанова и Г. Залкинда, 16 ноября 1917 г. // Российский Государственный архив социально-политической истории. Фонд 2. Опись 2. Дело 226. С. 1–5.

ствия единства, организации, армии, финансовых средств (700 тыс. долларов из полученных Сунь Ятсеном немецких денег были в обесцененных банкнотах) и поддержки со стороны населения влияние южной партии постепенно ослабевает»¹.

5 сентября американский консул писал Рэйншу:

Сунь Ятсен настойчиво отказывается поддерживать объявление войны Германии и заявляет о своей уверенности в том, что в конечном итоге Германия выйдет победителем в нынешней войне².

6 сентября консула Хэйнцлемана навестил Ху Ханьминь, только что избранный на пост губернатора Гуандуна.

Упомянув о том, что его визит нанесен им по поручению Сунь Ятсена, м-р Ху заявил, что парламентарии и члены Гоминьдана, предпринимающие усилия к воссозданию конституционного правительства в Китае, благодарны Соединенным Штатам за их постоянную симпатию и поддержку. <...>

М-р Ху сказал, что Сунь Ятсен может заверить и заверяет правительство Соединенных Штатов, что флот и юньнаньская армия, сконцентрировавшиеся в Кантоне, полностью лояльны по отношению к парламенту. <...> М-р Ху закончил словами о том, что на следующем заседании парламент примет резолюцию и выступит с заявлением, четко определяющим отношение парламента и республиканской партии к войне с Германией и Австрией³.

11 сентября состоялось закрытое заседание парламента с обсуждением вопроса об объявлении войны Германии и Австро-Венгрии. Однако решение принято не было «главным образом из-за позиции, занятой Сунь Ятсеном». Тем не менее вице-спикер предал гласности подготовленный проект резолюции. В ней говорилось, что «парламент с самого начала одобрял подобный шаг». Ныне он выражает свою решимость, опираясь на поддержку всей страны, вести войну против германского милитаризма, стремящегося к достижению мирового господства.

Ху Ханьминь — новый губернатор Гуандуна

¹ Heintzleman to the Secretary of State, September 1, 1917 // USDS. 893.00/2718.

² Heintzleman to Reinsch, September 5, 1917 // USDS. 893.00/2721.

³ Heintzleman to the Secretary of State, September 7, 1917 // USDS. 893.00/2719.

Сообщая об этом, американский консул добавлял, что из-за неудачи парламентариев в их попытках принять определенное решение по вопросу о войне Южное правительство предстает перед США и их союзниками в неблагоприятном свете¹.

Через два дня обсуждение продолжалось. На этот раз споры разгорелись по поводу формулировок. В первоначальном проекте резолюции говорилось, что «военное правительство допускает состояние войны», однако часть депутатов настаивали на том, что «допускать» означает «признавать».

После бурных дебатов обсуждение вновь было перенесено, и 22 сентября 49 голосами из 60 резолюцию приняли в уточненной редакции.

Тем не менее единства мнений по поводу вступления в войну достичь не удалось. По сообщению американского консула, часть общественных деятелей Юга выступала за более активные действия Китая, вплоть до отправки в Европу экспедиционного корпуса. В то же время другие выражали опасение, что успехи немцев на фронте будут продолжаться и союзники окажутся не в состоянии одержать конечную победу.

В сообщении об этом не упоминается о позиции Сунь Ятсена, но о ней мы можем судить по его переписке. В телеграмме на имя Тан Цзияо от 29 ноября он недвусмысленно заявлял, что «объявление войны Германии было большой ошибкой»², а в письме Сунь Хунъи предсказывал «скорое поражение Японии и Соединенных Штатов Америки»³.

В свете этого нас не должен удивлять тот факт, что менее чем год спустя лидер Гоминьдана предпринял очередную попытку вступить в контакт с кайзеровским правительством.

26 сентября того же года руководимое Сунь Ятсеном кантонское «военное правительство» последовало примеру Севера и объявило войну Германии.

Консул Книппинг, непосредственный организатор подкупа Сунь Ятсена весной 1917 г., был в растерянности. Однако он постарался сделать хорошую мину при плохой игре:

Не подлежит сомнению, что это объявление войны <...> было не чем иным, как орудием в борьбе с Севером, но ни в коем случае не свидетельством примирения с ним⁴.

¹ Heintzleman to the Secretary of State, September 13, 1917 // USDS. 893.00/2723.

² Сунь Ятсен — Тан Цзияо, 29 ноября 1917 г. // ПССОГ. Т. 4, С. 527.

³ Сунь Ятсен — Сунь Хунъи, ноябрь 1917 г. // Там же. С. 531.

⁴ Knipping an Hertling, 20 December 1917 // PAAA. China 7. Band 11. 47626. P. 5–6.

Главнокомандующий

Американский консул Хэйнцлеман располагал обширными источниками информации и постоянно сообщал посланнику Рэйншу обо всем, что происходило в Кантоне осенью 1917 г. Его донесения позволяют восстановить картину того, как готовилась и происходила организация Военного правительства.

В стране вновь двоевластие

Хотя в августе 1917 г. в Кантоне собралась большая группа парламентариев, до кворума было еще далеко, и поэтому заседание парламента, открывшееся там 25 августа, было названо «чрезвычайным».

На заседании присутствовало 70 депутатов, представлявших 17 провинций, а также гражданский губернатор Гуандуна, Сунь Ятсен, адмирал Чэн Бигуан, генерал Ли Лецзюнь и 500 приглашенных гостей — представителей различных слоев Гуандуна. Военный губернатор отсутствовал, сказавшись больным.

После вступительного слова спикера нижней палаты все в зале встали и трижды поклонились флагу Республики.

Несмотря на всё это, по словам Хэйнцлемана, перспективы создания нового кантонского правительства были весьма туманны: у его сторонников отсутствует четкая программа действий, среди них нет полного единства, и они не могут рассчитывать на безусловную поддержку общественного мнения. Более того, генерал Лу Жунтин, военный инспектор провинций Гуандун и Гуанси, занимает особую позицию, стремясь подчинить себе действия Сунь Ятсена и его последователей¹.

29 августа состоялось очередное заседание парламента, на котором обсуждался вопрос о будущем правительстве. Два момента вызвали жаркие споры.

Во-первых, ряд депутатов высказался за то, чтобы правительство именовалось «военным»; в конце концов им удалось отстоять свою точку зрения.

Во-вторых, дискутировался вопрос о статусе Ли Юаньхуна. Согласно мнению части выступавших, распустив парламент, он утратил право быть президентом, однако большинство участников заседания настояло

¹ Heintzleman to Reinsch, August 27, 1917 // USDS. 893.00/2710.

на том, что он должен быть избран таковым, чтобы стать главой создаваемого правительства.

Кроме того, на заседании были приняты правила, регулирующие деятельность парламента:

1. В чрезвычайной сессии парламента принимают участие все его члены, находящиеся в данный момент в Кантоне.
2. Все вопросы повестки дня рассматриваются совместно депутатами обеих палат.
3. Чрезвычайные сессии парламента завершат свою работу после восстановления конституционного порядка в стране.
4. Сессия парламента является легитимной, если на ней присутствуют представители по крайней мере 14 провинций.
5. Вопрос повестки дня считается принятым, если за него проголосовало простое большинство депутатов.
6. Председатели и вице-председатели обеих палат принимают участие в заседаниях, а в случае их отсутствия избирается временный председатель.
7. На чрезвычайной сессии парламента создаются комитеты.
8. Чрезвычайная сессия парламента примет правила, регулирующие формирование военного правительства.
9. Чрезвычайная сессия парламента созывается для обсуждения вопросов, сформулированных правительством, а также группой депутатов. Все эти вопросы предварительно рассматриваются в комитетах.
10. Вышеизложенные правила могут быть пересмотрены по инициативе не менее 40 депутатов, если за изменения проголосует не менее двух третей участников сессии.
11. Правила вступают в силу сразу же после того, как они будут приняты¹.

На заседании 31 августа были приняты принципы формирования нового правительства. Приводя их в своем докладе Рейншу, консул Хэйнцлеман считал необходимым сделать несколько дополнительных разъяснений.

Он подчеркнул, что согласно решению парламента Ли Юаньхун признается легитимным президентом Китайской Республики, который временно лишен возможности исполнять свои обязанности из-за незаконных действий северной милитаристской клики.

¹ Heintzleman to Reinsch, August 30, 1917 // USDS. 893.00/2717.

Enclosure to despatch No. 40, dated September 5, 1917,
To American Legation, Peking.

**GENERAL PRINCIPLES GOVERNING THE ORGANIZATION
OF THE MILITARY GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF CHINA.**

Article I. For the suppression of rebellion and the restoration of the provisional constitution there shall be organized a military government of the Republic of China.

Article II. The military government shall be composed of a Commander-in-Chief and three Field Marshals, who shall be severally selected by the parliament at its extraordinary session. Those receiving majority vote of the members present shall be declared elected.

Article III. Before the provisional constitution is fully and entirely restored the executive powers of the Republic of China shall be exercised by the Commander-in-Chief.

Article IV. The Commander-in-Chief shall represent the Republic of China when dealing with foreign powers.

Article V. If the Commander-in-Chief be in any way incapacitated and unable to attend to his duties, the Field Marshall, who was elected at the first ballot, shall act for him.

Article VI. The Field Marshall shall assist the Commander-in-Chief and counsel with him in the affairs of the government. They shall also assume other duties.

Article VII. The Military government shall have the following departments: (1) Foreign Affairs, (2) Home Affairs, (3) Finance, (4) Army, (5) Navy, and (6) Communications.

Article VIII. Each department shall have a minister who shall be elected by the parliament at its extraordinary session and appointed by the Commander-in-Chief. Those receiving a majority vote of the members present shall be declared elected, but in case of any vacancy, pending the election of a successor the Commander-in-Chief may appoint

a minister pro-tem.

Article IX. The ministers of the various departments shall assist the Commander-in-Chief in conducting the affairs of the government.

Article X. The nature of the organization of the office of the Commander-in-Chief and Field Marshals and the offices of the various departments shall be defined by special regulations.

Article XI. The Military Governors of the provinces, who have given support to the aims of the military government shall each be given the title of Futuh and shall counsel with the Commander-in-Chief in the affairs of the government.

The Military Governors of other provinces and other military commanders, who are able to sever their relations with the illegal government (in Peking), and who can hold their respective provinces as a unit, shall be given the same title and accorded the same privileges as those of the provinces referred to in the above paragraph.

Article XII. These general principles shall become null and void when the provisional constitution shall have been fully and entirely restored and the parliament and the President of the Republic of China shall have been enabled to resume their respective duties.

Article XIII. These general principles shall come into effect on the day they are promulgated.

Proclamation August 31, 1917.

**Общие принципы организации
Военного правительства
Китайской Республики, принятые
31 августа 1917 г.**

В соответствии с этим решением, Сунь Ятсен направил проживающему в Тяньцзине Ли Юаньхуну приглашение прибыть в Кантон, однако было неясно, будет ли оно принято¹.

Согласно «Общим принципам», Военное правительство возглавлялось Главнокомандующим военно-морскими и сухопутными войсками и двумя командующими — его заместителями.

Выборы состоялись 1 сентября. В голосовании принял участие 91 депутат. На пост Главнокомандующего за Сунь Ятсена было подано 84 голоса, за Тан Цзияо — 4, за Лу Жунтина — 3.

На следующий день прошли выборы командующих. Тан Цзияо получил 84 голоса, Лу Жунтин — 76. Предназначавшаяся Ли Юаньхуну должность Президента была оставлена незанятой.

¹ Heintzleman to Reinsch, September 5, 1917 // USDS. 893.00/2721.

Сунь Ятсен возглавил Военное правительство КР

Державы отказывают Сунь Ятсену в поддержке

Одной из главных задач, вставших перед новым правительством, было заручиться если не материальной, то по крайней мере моральной поддержкой великих держав, без которой успех в противостоянии Северу становился проблематичным.

Еще до своего избрания Сунь Ятсен направил письмо премьер-министру Тэраути, в котором заявлял, что «Япония — дружественная Китайской Республике страна, а японские граждане — лучшие друзья китайцев» и что поэтому он надеется на помощь Японии справедливому делу борьбы Военного правительства в защиту конституции¹. Ответа из Токио не последовало.

¹ Сунь Ятсен — Тэраути, 25 августа 1917 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 499–500.

Более того, 3 сентября японский посол в Лондоне вручил министру иностранных дел Англии меморандум с предложениями Токио относительно совместных действий союзных держав в Китае. Документ был передан английским посольством в Вашингтоне для ознакомления государственному секретарю США.

4 сентября такой же меморандум был получен и в Вашингтоне.

INDEX BUREAU
RECORDS
1917
EX-100

DIVISION OF
FAR EASTERN AFFAIRS
SEP 5 1917

MEMORANDUM.

Feb - A.R.L.

INDEX BUREAU
Rec'd
JUN 5 1920
Dont. of State

Mr. Lansing

The Japanese Embassy in London has communicated to His Majesty's Principal Secretary of State for Foreign Affairs a memorandum concerning the internal situation in China. The Memorandum advocates the support of the Central Government and the withholding of encouragement or material assistance from its opponents.

His Majesty's Government being convinced that the adoption by all the Allied Powers of a policy based on these lines affords the best prospect of the restoration of order in China have communicated to the Japanese Ambassador in London their readiness to adhere to the policy outlined in his Memorandum.

Carl Grayson

British Embassy
Washington
September third 1917.

EX-100
RECORDS
1917
EX-100

EX-100
RECORDS
1917
EX-100

**Меморандум посольства Великобритании
в Вашингтоне от 3 сентября 1917 г.**

В нем говорилось, что позиции центрального пекинского правительства значительно укрепились после фиаско предпринятой Чжан Сюнем реставрации монархии. Согласно полученной информации, премьер Дуань Цижуй и президент Фэн Гочжан отдают себе отчет в необходимости тесного сотрудничества ради умиротворения страны. Свидетельством этого является объявление войны Германии и Австрии.

Поэтому «японское правительство полагает, что при нынешнем состоянии дел в Китае пекинское правительство обладает достаточной властью для того, чтобы поддержать порядок и спокойствие в стране». И хотя Япония не имеет намерения выражать свое предпочтение в отношении какого-либо из двух политических лагерей в Китае, она уверена, что «все иностранные державы должны оказать свою искреннюю и эффективную поддержку тому правительству, которое в настоящий момент представляет собой единственную законную власть в Китае, и во имя своих собственных интересов воздержаться от поощрения или оказания материальной помощи индивидуумам или группам, стремящимся свергнуть пекинское правительство»¹.

6 сентября Госдепартамент США выразил свое согласие с позицией Японии и Англии².

Сунь Ятсен тем не менее вопреки очевидным фактам утверждал, что «Япония и США выражают нам свои дружеские чувства и, если Военное правительство укрепитя, эти две страны непременно окажут нам помощь»³.

15 сентября Сунь Ятсен встретился в Кантоне с известным японским политическим обозревателем Каваками Киёси и имел с ним длительную беседу⁴.

«Если в нынешней европейской войне Германия потерпит поражение, то есть, другими словами говоря, союзники во главе с Англией одержат верх, — заявил Сунь Ятсен, — Азии от этого не будет никакой пользы, а тем более Китаю и Японии».

«Разумеется, — добавил он, — мы не испытываем к Германии (как и к Англии) чувства симпатии. Однако с точки зрения безопасности нашей

¹ USDS. 893.00/2700.

² Ibid.

³ Сунь Ятсен — Тан Цзияо, 24 сентября 1917 г. // ПССОГ. Т. 4. С. 506.

⁴ Дуань Юньчжан. Хронология событий, связанных с взаимоотношениями между Сунь Ятсеном и Японией. С. 516–517. О содержании этой беседы известно из изданной в Соединенных Штатах книги Каваками (*Kawakami K. Japan and World Peace*. New York. 1919) и статьи «Паназиатские идеи Сунь Ятсена», опубликованной в 1935 г. в Японии.

страны нам не хотелось бы видеть Германию разгромленной и неспособной быть силой, противостоящей Англии на Дальнем Востоке. В этом главная причина того, почему мы — республиканцы-южане — не должны объявлять войну Германии и почему нам надо бороться с северянами во главе с Дуань Цижунем, ввязавшимися в войну на стороне союзников».

Вывод Сунь Ятсена: «Вполне очевидно, какого курса должна в настоящий момент придерживаться Япония: она должна помочь деньгами и оружием республиканцам-южанам. Если ваша страна без промедления предоставит нам несколько миллионов долларов и несколько судов с оружием, мы будем в состоянии без труда разбить северян»¹.

Каваками вспоминал впоследствии, что во время этой встречи д-р Сунь сообщил своему собеседнику, что у него есть план, к осуществлению которого можно будет перейти после победы над Севером: он заключит союз с Японией во имя принципа «Азия — для азиатов». Одержав верх над ставленниками северных милитаристов, он без колебаний отдаст японцам Маньчжурию.

«Конечно, — говорил Сунь Ятсен, — нам хотелось бы оставить ее себе. Но мы нуждаемся в ней не так остро, как Япония, потому что ее огромному, постоянно увеличивающемуся населению необходимо жизненное пространство».

Что же касается китайцев, то они уже сейчас осваивают и будут в дальнейшем продолжать осваивать территорию Суматры, Явы, Сулавеси, французского Индокитая, Сиама, Бирмы и т. д. «Это — обетованная земля для китайцев, которая значит для них гораздо больше, нежели Маньчжурия»².

Но всё это были лишь мечты о будущем. Настоящее же рисовалось отнюдь не в таком розовом цвете.

Высокая должность — большие неприятности

С самого начала на пути, предначертанном для себя Сунь Ятсеном, обнаружились труднопреодолимые препятствия.

Это, прежде всего, были его противоречия с теми, кого он прочил себе в заместители.

Лу Жунтин, который считал себя оскорбленным результатами голосования на выборах Главнокомандующего, в ответ на приглашение при-

¹ Там же. С. 516.

² Там же. С. 517.

быть в Кантон ответил, что, с его точки зрения, необходимости в организации нового правительства вообще не существовало¹.

Тогда Сунь Ятсен сосредоточил свои усилия на том, чтобы заставить вступить в должность второго командующего — Тан Цзияо.

8 сентября тот прислал в Кантон телеграмму с сообщением, что отказывается от высокой чести быть заместителем Сунь Ятсена. Поэтому 15 сентября в Куньмин была направлена делегация, которая привезла Тан Цзияо его печать командующего. Но и это не подействовало.

Обеспокоенный этим обстоятельством, Сунь Ятсен направил Тан Цзияо телеграмму, в которой настаивал на том, чтобы тот немедленно заявил о своем вступлении в должность: «Если Вы, милостивый государь, и дальше по причине своей скромности будете отказываться, то это станет препятствием на пути к дипломатическому признанию и предоставлению кредитов»³⁰⁹. Поскольку Тан Цзияо продолжал отмалчиваться, д-р Сунь взял за правило раз в неделю напоминать юньнаньцу о необходимости положить конец своей недопустимой бездеятельности.

Шли месяцы, а Военное правительство по-прежнему существовало лишь на бумаге, так как большинство назначенных Сунь Ятсеном министров отказывались приступать к своим обязанностям, а местные милитаристы подчинялись вождю скорее на словах, чем на деле.

В феврале 1918 г. д-р Сунь утверждал, что с момента создания правительства «прошло уже полгода, а маршалы и большинство министров, как и прежде, продолжают скромничать и не приступают к исполнению своих служебных обязанностей. <...> Деятели, выступающие на словах в защиту парламента, не хотят подчиняться его постановлениям, и, наблюдая это, дружественные нам страны во всем мире начинают подозревать, не является ли наша война в защиту конституции не более чем междоусобной склокой».

Еще в ноябре 1917 г. Чэн Бигуан, Тан Шаои, У Тинфан, Мо Жунсинь и другие попутчики Сунь Ятсена выдвинули идею создания федерации не подчинявшихся Пекину юго-западных провинций Китая. Этот план не встретил на первых порах возражений со стороны Главнокомандующего. Однако после того как спустя месяц был подготовлен проект устава «Федеративной ассамблеи», он понял, что замысел авторов этого текста состоял в создании альтернативного органа власти, противопоставленного Военному правительству.

В своем годовом отчете консул Хэйнцлеман отмечал сосуществование в Гуандуне по крайней мере четырех военно-политических фракций.

¹ Ibid.

Наибольшим влиянием пользовался Лу Жунтин, с которым тесно сотрудничал Тан Цзяю.

Лу Жунтину противостоит новый гражданский губернатор Гуандуна Ли Яохань, действовавший под лозунгом «Гуандун для гуандунцев».

Также против засилья гуансийцев выступает генерал Ли Лецзюнь, обладающий значительной военной силой.

Престиж Сунь Ятсена, номинально стоящего во главе Военного правительства, но не располагающего реальными возможностями для осуществления своих планов, за последнее время значительно упал¹.

Последнее обстоятельство находило свое выражение, в частности, в том, что многие подчиненные Главнокомандующего к этому времени стали уже открыто демонстрировать пренебрежительное отношение к своему непосредственному начальству.

Мо Жунсинь
(1853–1930)

Чэн Бигуан
(1861–1918)

Особенно это касалось Мо Жунсиня, нового военного губернатора Гуандуна, ставленника Лу Жунтина.

Кончилось тем, что, воспользовавшись каким-то незначительным поводом, Мо Жунсинь отдал приказ арестовать нескольких телохранителей Сунь Ятсена и расстрелять их как нарушителей общественного спокойствия.

Терпение Главнокомандующего, каждодневно и ежечасно наблюдавшего саботаж своих подчиненных, наконец лопнуло, и 3 января 1918 г. он приказал командующему флотом Чэн Бигуану подвергнуть артиллерийскому обстрелу резиденцию Мо Жунсиня. Адмирал Чэн попытался урезонить не в меру разгневавшегося Сунь Ятсена, указывая на возможные негативные последствия этой акции, но тот стоял на своем.

В конце концов Чэн Бигуан наотрез отказался исполнять этот приказ, и тогда Сунь Ятсен сам вышел в море на боевом корабле и собственноручно произвел несколько выстрелов из бортового орудия².

¹ Heintzleman to Reinsch, January 9, 1918 // USDS. 893.00/2770.

² Heintzleman to Reinsch, January 11, 1918 // USDS. 893.00/2778.

По словам советского историка, «конфликт не получил дальнейшего развития»¹, но данное утверждение совершенно не соответствует действительности. Именно эта акция Сунь Ятсена, имевшая своей целью устрашение ослушника, стала непосредственной причиной последующих событий.

Прежде всего, Чэн Бигуан начал исподволь готовить общественное мнение к необходимости реорганизовать Военное правительство и ограничить права его главы.

15 января в резиденции губернатора Мо Жунсиня (кстати говоря, не пострадавшей от обстрела с моря) было созвано заседание представителей провинций, на котором официально объявлено о создании «Федеральной ассамблеи юго-западных провинций в защиту конституции» и обнародован ее статут. Ассамблея представляла собой орган, дублировавший так до конца и не сформированное правительство во главе с Сунь Ятсеном.

А 26 февраля произошло непредвиденное: Чэн Бигуан был убит в упор двумя выстрелами из револьвера. Преступник скрылся, и найти его не удалось.

Единомышленники погибшего настойчиво продолжали начатое им дело.

4 мая чрезвычайная сессия парламента приняла решение о реорганизации Военного правительства (за это решение голосовало лишь 40 с небольшим депутатов из присутствовавших 80)².

Сунь Ятсен подал заявление о сложении с себя обязанностей Главнокомандующего³.

18 мая парламент принял документ под названием «Программа организации Военного правительства Китайской Республики». Должность Главнокомандующего упразднилась, а коллективное руководство «движения в защиту конституции» отныне должна была осуществлять Директория в составе семи человек⁴.

20 мая прошли выборы членов Директории, и Сунь Ятсен стал одним из них⁵.

¹ Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1922. М. 1981. С. 91.

² 陈锡章。护法沧桑史话 (Чэнь Сичжан. Извилистый путь движения в защиту конституции). Т. 1. Тайнань. 1971. С. 60.

³ Sun Wen's Letter of Resignation // The Peking Leader, May 26, 1912.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 62.

Canton Notes.

Sun Wen's Letter of Resignation.

(From a Correspondent.)

Canton, May 9th, 1918.

Dr. Sun Yat-sen, Generalissimo of the Military Government of the Republic of China, tendered his resignation to the National Assembly in Extraordinary Session on 14th May. His letter to the leaders of the South-west, roughly translated, reads as follows:

"After the illegal dissolution of the National Assembly last June, and the unsuccessful attempt to restore the monarchy, there has been no lawful government in the Republic of China. Hsu Feng Kuo-chang and Tann Chi-jui shown their regret for their past wrong, and, without being ambitious to advance individual power and interests, cancelled the illegal Mandate thus enabling the National Assembly to resume its regular session, no one would have accused them further. They, instead of following wise advice, persisted in employing the Northern troops to dominate the whole land, arousing animosity and conflict in Hunan and Szechuan, foreign; a division of country and, at the same time, affording the armies of Kwangsi and Yunnan an opportunity to rise for local reasons, to declare independence with very little regard to upholding the fundamental law of the land.

"I, unwilling to see the Constitution of the country violated without justification, at once called upon the leading citizens of the Republic in Shanghai and resolved to organize a government for the defence of the law, the officers and men of the Navy, then there joining in the declaration and agreeing to move southward together. Upon the invitation of the Kwangtung Provincial Assembly, the members of the National Assembly came to Canton and, on August 31, 1917, or the Sixth Year of the Republic, in Extraordinary Session, enacted a law organizing the Military Government of the Republic, electing me the Generalissimo. I, at the time, was not ignorant of my incompetency for such a heavy responsibility, but, realizing the many difficulties facing the country, not

willing to shirk my duty as a citizen, and also being one of those who have laboured for a republic, I felt I could not allow constitutionalism to die without coming to its rescue. Despite obstacles and difficulty, I have, since then, tried to promote the interest of the constitutional cause against militarism and rebellion, trying to acquaint the people at home and abroad with the aim of the Military Government, taking into consideration nothing of the possible success or apparent failure as long as the spirit of constitutionalism is maintained.

"Since this was done, the provinces of Kwangtung, Kwangsi, Yunnan, Kweichow, Hunan, and Szechuan have each severally or individually declared their allegiance to the constitutional movement and accepted the reconvocation of the National Assembly as the common cause of struggle, subordinating local differences to the national issue. The ability of the Military Government, an institution at first without an inch of territory, in rallying six provinces under its sphere of influence, besides many others showing sympathy with us, while it cannot be called a success, may be numbered as one of its achievements at this critical moment under adverse circumstances.

"Of the many dangers at present facing our country, the struggle of the militarists for supremacy is the greatest. This danger is not confined to either the North or the South. Many of the officials of the so-called constitutional provinces have not been wholly willing to submit to law and public opinion and most of the officials elect of the Military Government have not seen fit to assume their offices. They have not shown the desired respect and obedience to the National Assembly in Extraordinary Session as they should. This lack of whole-hearted internal co-operation has rendered outside recognition impossible. I have almost exhausted my energy in calling the attention of the provinces to this incoherent situation; and only those who are associating with me in this effort have appreciated my object, while many outsiders are still wondering about my purpose.

"The question of one's outgoing or incoming is but a slight matter when compared with the vital importance of the

preservation or the destruction of our country. I have suffered abuse and insult and have borne the present responsibility with patience until this day, doing everything necessary all this time to secure the deserved respect and reverence for the National Assembly in Extraordinary Session. The recent fall of Yochow and Changsha seemed to have helped to indicate the weakness of a divided camp, hastened the realization of a more united organ of administration, and compelled the obedience to the National Assembly in Extraordinary Session as essence to constitutionalism. The willingness to come together now is not too late to fulfil the hope which I have exerted my full strength to realize. Moreover, I have caused to be appropriated from the salt revenue funds to enable the National Assembly soon to resume regular sessions on June 12 next, an act completing my duty towards this institution, to enable it to reconvene. Now the National Assembly in Extraordinary Session has acceded to the demands of the provinces and has amended the law to reorganize the Military Government which should henceforth receive full support from all so as to make the righteous cause of constitutionalism a success and given the country blessing and happiness.

"Labouring almost as an individual without men or arms, I, therefore, have not been able to do more than what I have done, but, at the same time, I do not feel I have to apologize the nation. As an individual citizen henceforth; I shall continue to do my duty towards my country. In these words, I forward my resignation as the Generalissimo to the National Assembly in Extraordinary Session.

Заявление Сунь Ятсена о сложении с себя обязанностей Главнокомандующего Военного правительства («The Peking Leader», 26 мая 1918 г.)

Последняя страница
обращения министра
иностраннх дел
реорганизованного Военного
правительства У Тинфана
к державам
с перечислением членов
вновь избранной
Директории

(8)

Wu Ting-fang; Administrative Director and Minister of Foreign Affairs; Sometime Minister of Foreign Affairs and acting Prime Minister of the Republic; Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary to the United States, Spain, Mexico, etc.

Taen Chun-hsun; Administrative Director and Minister of the Interior; Sometime Viceroy of Szechuan Province; Viceroy of Kwangtung and Kwangsi Provinces; President of the Board of Communications, Peking.

Tang Chi-yao; Administrative Director and Chief of the General Staff; Military and Civil Governor of Yunnan Province.

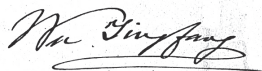
Tu Yung-ting; Administrative Director and Minister of War; Inspector-General of Kwangtung and Kwangsi Provinces; Sometime Military Governor of Kwangtung.

Lin Pao-yi; Administrative Director and Minister of the Navy; Admiral commanding the First Squadron of the Navy.

Sun Yat-sun; Administrative Director; Sometime Provisional President of the Republic.

Tong Shao-yi; Administrative Director; Sometime Prime Minister of the Republic; President of the Board of Communications; Governor of Fengtien Province.

On behalf of the Administrative Directors of the Military Government of the Republic of China.

Minister of Foreign Affairs.

Canton, 27th. July, 1918.

Цао Ябо едет в Берлин

Быть одним из многих Сунь Ятсен не пожелал и, сославшись на болезнь, уехал из Кантона в Шанхай.

По мнению некоторых исследователей, после прибытия в Шанхай д-р Сунь отошел от политической деятельности и сосредоточился на написании своих сочинений¹.

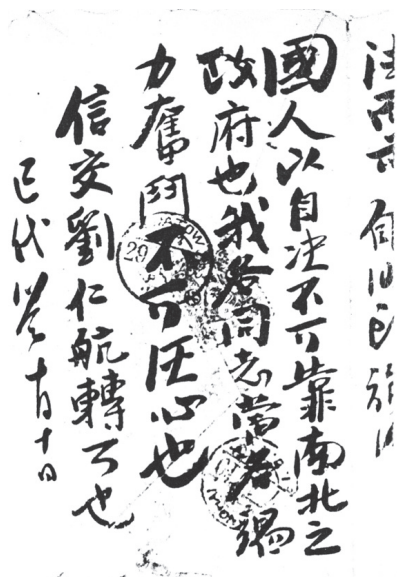
Экс-главнокомандующий передумал

На самом деле, после того как Сунь Ятсен получил в июле удостоверение члена Директории, он изменил свое первоначальное намерение порвать с реорганизованным кантонским правительством

¹ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 209.

Сунь Ятсен в Шанхае
(1918 г.)

Одно из писем Сунь Ятсена с призывом
к соратникам продолжать борьбу
(фрагмент)

и принял назначение, хотя и остался в Шанхае (свои новые обязанности он исполнял теперь через специально назначенного им представителя, о чем он официально сообщил в Кантон¹).

7 октября 1918 г. он впервые вместе со всеми другими членами Директории подписал официальный документ Военного правительства.

Отвечая на многочисленные письма своих сторонников, недоумевавших по поводу того, почему Сунь Ятсен уехал из Кантона, он, повторяя, что борьба в защиту конституции продолжается, призывал членов партии не ослаблять своих усилий.

Именно в это время в голове Сунь Ятсена окончательно созрело нечто, позднее получившее наименование «Северо-Западный план».

8 сентября он получил послание от своего последователя Чжан Тяня, который сформулировал для Сунь Ятсена важные предложения:

Я только что получил письмо от своего друга из Синьцзяна. Он пишет, что правительство Ленина собрало несколько десятков тысяч китайских рабочих и обучает их. Если бы во главе их встал офицер-ки-

¹ Сунь Ятсен — Военному правительству, 19 сентября 1918 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 86.

今日根本治國策非掃清官僚
政治不為功欲掃清官僚政治
非實行社會主義政治不可今
日吾黨欲實行社會主義政治
必須先清一政治立脚地即顧宇
內與往非官僚盜賊之地盤南北
官吏皆一丘之貉也獨西北三省只
中山先生鈞鑒
前由葉君轉上一函諒已接閱
矣呈本擬即行起程赴新
泰京以現在西北利亞鐵路未能
通行欲使遼東洲以連莫斯科
科又以路費不足而阻只好
俟籌方策耳

先生不吝教為章量志運力微
如能得先生之教則量願即附
先生之驥尾以同行筆不片意
專此特頌
日祺
章量謹啟 九月八日
通信處天津英界同濟醫院內余下所接之
再以社會主義號召全國庶幾發
僚政治有澄清之望也根本敵
國舍此莫由我如不早自徑營
則我國西部將來必為英法
侵掠我國現在之盜賊政府決不
能為國民保全也所見如是是不
有當尚祈
再以社會主義號召全國庶幾發
僚政治有澄清之望也根本敵
國舍此莫由我如不早自徑營
則我國西部將來必為英法
侵掠我國現在之盜賊政府決不
能為國民保全也所見如是是不
有當尚祈

Письмо Чжан Тянь Сунь Ятсену от 8 сентября 1918 г.

таец, под командованием которого они вступили бы в Синьцзян, три провинции (Шэньси, Ганьсу и Синьцзян) могли бы быть мгновенно захвачены¹.

Сунь Ятсен наложил резолюцию: «выяснить, кем передано и кто автор письма, составить соответствующий ответ и наградить», не уточнив, чему ответ должен был соответствовать. Это дает основание предполагать, что нечто подобное предложению Чжан Тянь уже обсуждалось в окружении Сунь Ятсена и его секретарь знал, в каком духе составить ответ.

¹ Чжан Тянь — Сунь Ятсену, 8 сентября [1918 г.] // АКИИГ. 016/530.

7 ноября германское посольство в Норвегии сообщило в Берлин о китайце по имени Абель Цао, который прибыл по заданию Сунь Ятсена для обсуждения проблем взаимоотношений между Военным правительством в Кантоне и Германией¹.

Миссия Абеля Цао явно запоздала. 7 ноября в Компьенском лесу начались переговоры о мире. 8 ноября кайзер Вильгельм отрекся от престола. 10 ноября «Правда» писала о том, что вся северная Германия — в руках восставших рабочих, матросов и солдат. 11 ноября газеты сообщили о том, что Германия капитулировала.

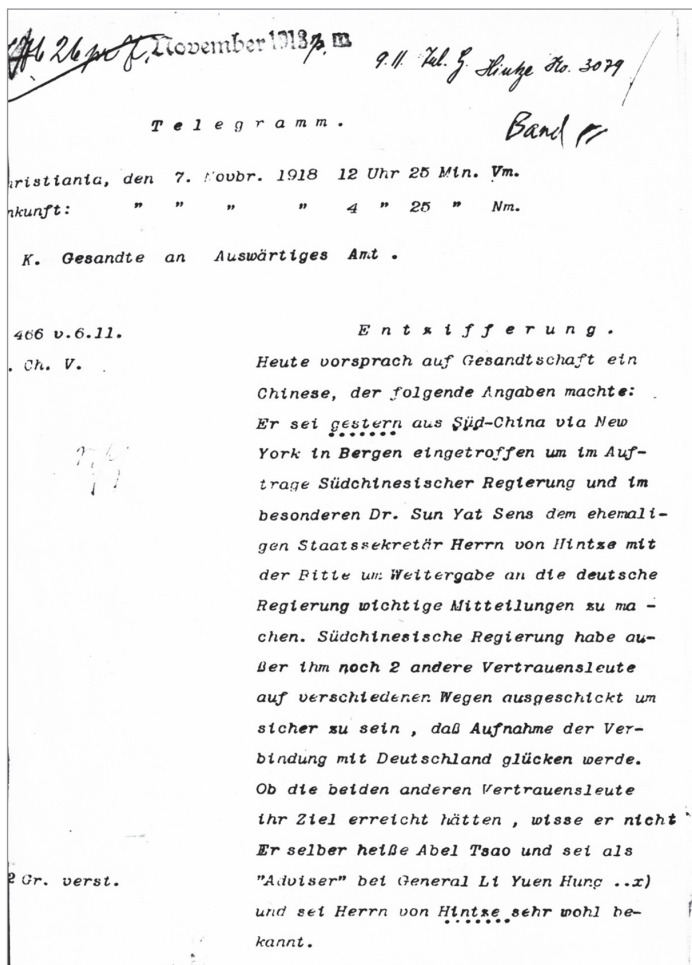
А Абель Цао все еще дожидался разрешения прибыть в Берлин.

В конце концов разрешение было получено, он поселился в отеле «Адлон» на Унтер-ден-Линден и представил фон Гинтце предложения, ради которых с таким трудом добрался до германской столицы.

«Мир!» — под такими заголовками на первой полосе 11 ноября вышли газеты разных стран

¹ Der Kaiserliche Gesandte an Auswärtiges Amt, 7 November 1918 // Politische Akten des Auswärtigen Amtes in Bonn (далее — PA). China 7. Bd. 11–12. A47626.

Первая страница сообщения о прибытии Абеля Цао в Норвегию

Запоздавшие переговоры

Первая часть этого документа содержала характеристику кантонского правительства и вооруженных сил, которыми оно располагало.

По словам Абеля Цао, это правительство, будучи сформированным в соответствии с решением парламента, представляет собой законного выразителя воли китайского народа. Правительство возглавляется семьёй

*Hôtel Adlon, Berlin W.,
Unter den Linden 1,
am Pariser Platz.*

keep India & China quiet during war time.

South west influence along the
mytze provinces.

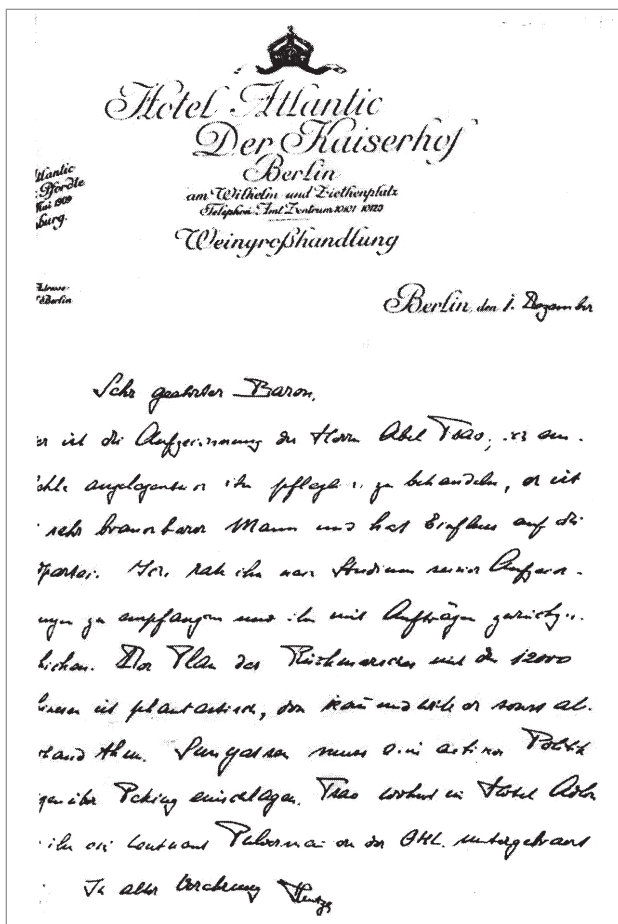
(1) Governor General of Nanking is
Chun a Pechili man, he has a
d Connection with Dr Sun yat Sen
South west of China (2) Governor
eral of Kiangsi is Chen Kwan-yuen
Pechili man Connected with South
at (3) Governor General of Hupeh is
Yang Chian yen a Pechili Man Connected
th South West Governor of Hunan
Chang Chin-yao, he will ^{be} drive out
General Woo Pei-fu, he has 40
msands Soldiers to against South
der General Tsao Kwan, Now General

Доклад Абея Цао, представленный фон Гинтце (фрагмент)

управляющими, первый из которых — Сунь Ятсен. В его распоряжении 100 000 солдат, расквартированных в провинциях Гуандун, Гуанси и Фуцзянь, 30 000 — в Цзянси, 20 000 — в Хунани и 20 000 — в Шэньси, не считая войск в Юньнани и Гуйчжоу, а также военная флотилия.

В отличие от кантонского, пекинское правительство является незаконным, поскольку было сформировано в нарушение конституции страны. Незаконным было также избрание президента Сюй Шичана, которого автор меморандума назвал марионеткой в руках Англии и Японии.

Далее Абель Цао подчеркивал, что целый ряд провинций, формально подчиняющихся Пекину, установил доверительные отношения

Письмо Гинтце в МИД от 1 декабря 1918 г.

с Кантоном, поэтому правительство Севера может фактически рассчитывать на поддержку меньшей части провинций страны¹.

Нетрудно увидеть, что автор меморандума приукрашивал факты, стремясь представить ситуацию в выгодном для д-ра Суня свете (в это время Сунь Ятсен вовсе не был первым среди равных, а кантонское правительство не имело военного преимущества над Пекином).

¹ Hintze an Auswärtiges Amt, 1 December 1918 // PA. China 7. Bd. 11–12. A53674.

Во второй части меморандума излагались конкретные предложения о китайско-германском военном сотрудничестве с целью свержения пекинского правительства:

1. Для боевых операций на территории Китая будут использованы находящиеся в России немецкие военнопленные и добровольцы из числа китайских иммигрантов.
2. Численность первых может составить около 10 000, вторых — 12 000.
3. Вермахт предоставит этому контингенту несколько аэропланов и оборудование для производства боеприпасов.
4. Во время похода на Пекин китайская сторона будет снабжать Германию продовольствием.
5. Сразу же после падения пекинского правительства Германия окажет Китаю финансовую помощь для строительства шоссейных и железных дорог, развития образования и использования новейших промышленных технологий, а Китай будет экспортировать в Германию сырье¹.

Последний пункт разительно напоминал предложения д-ра Суня, сделанные в 1915 г. японскому премьер-министру Окума. Различие было лишь в том, что, во-первых, теперь он хотел видеть Китай, в котором «все было бы, как в Германии», а не в Японии; во-вторых, в качестве партнера предполагалось использовать Советскую Россию.

Но в декабре 1918 г. новому правительству Германии было не до Китая. Программа трехстороннего сотрудничества, представленная на рассмотрение Берлина по поручению Сунь Ятсена, была охарактеризована адмиралом Гинтце как «фантастическая» и решительно отвергнута².

Тем не менее он предложил продолжать поддерживать с Абелем Цао конспиративные отношения с целью при случае использовать его в качестве германского агента³.

В Москве о плане Сунь Ятсена не имели ни малейшего представления

Естественно возникает вопрос: почему, рассчитывая на свержение пекинского правительства силами китайских иммигрантов и немецких военнопленных, находившихся на территории России, Сунь Ятсен

¹ Ibid.

² Hintze an Auswärtiges Amt, 1 December 1918 // PAAA. China 7. Bd. 11–12. A7676.

³ Hintze an Auswärtiges Amt, 19 December 1918 // PAAA. China 7. Bd. 11–12. A83674.

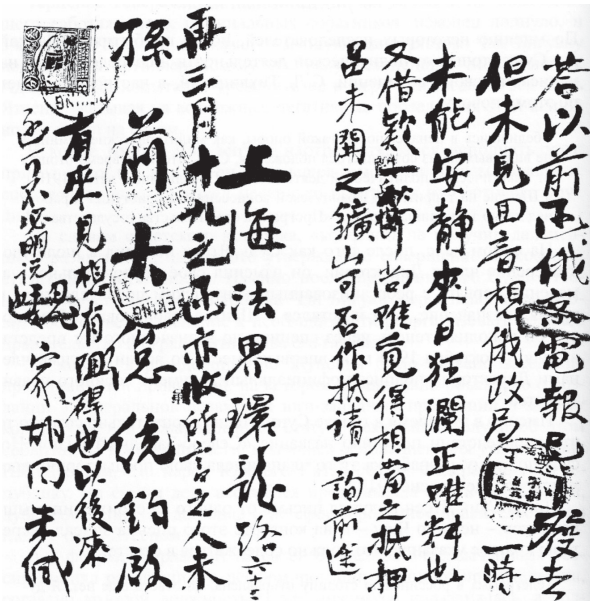
начал переговоры на эту тему в Берлине, не поставив об этом в известность Москву?

Здесь надо иметь в виду, что впервые мысль вступить в непосредственный контакт с Россией пришла в голову Сунь Ятсену в 1917 г., когда он послал телеграмму Временному правительству.

Во второй половине марта 1917 г. он получил письмо от одного из своих единомышленников — некоего Чжу (вероятно, Чжу Хэчжуна) — и на конверте этого письма дал секретарю краткое указание о том, что должно содержаться в ответе.

Телеграмма в российскую столицу отправлена, но ответа еще нет. Я думаю, что ситуация в России в течение некоторого времени будет спокойной. <...> Для получения займа трудно найти подходящую гарантию. Могут ли быть использованы в качестве таковой полезные ископаемые, разработка которых еще не началась? Прошу выяснить перспективы¹.

Ясно, что речь шла о возможности заключить какое-то соглашение с русскими (Сунь Ятсен вообще в таких случаях в обмен на помощь предлагал контрагенту право на разработку естественных богатств Китая).

Записка Сунь Ятсена на конверте письма Чжу Хэчжуна

¹ ПССОГ. Т. 6. С. 139.

Не исключено, что этот документ представлял собой первое по времени свидетельство, связанное с разработкой Сунь Ятсеном «Северо-Западного плана».

Ответа на свое обращение к Временному правительству он так и не получил.

Вполне возможно, что второй попыткой, предпринятой Сунь Ятсеном в том же направлении уже после Октябрьского переворота, было его загадочное письмо в адрес советских руководителей летом 1918 г. Загадочное потому, что подлинник его не сохранился ни в Китае, ни в России, а о том, что оно дошло до Петрограда, исследователи судят по одной фразе из ответного письма за подписью наркома Чичерина¹.

Позднее Сунь Ятсен категорически утверждал, что не получал этого письма.

Так или иначе, в декабре 1918 г. переговоры в Берлине велись за спиной советского правительства, без согласия которого находившиеся в России немецкие военнопленные, разумеется, не могли бы принять участие в планировавшемся Сунь Ятсеном походе на Пекин.

Но это обстоятельство почему-то не было принято им во внимание.

¹ Чичерин — Сунь Ятсену, 1 августа 1918 г. // Документы внешней политики СССР. М. 1957. С. 415–416.

Глава XVII

Шанхай: 1919–1920

Уйти? Остаться?

В отечественной литературе вопрос о взаимоотношениях Сунь Ятсена с кантонским Военным правительством после его реорганизации был искажен до неузнаваемости.

Член правительства, действующий через представителя

Как уже упоминалось, академик С. Л. Тихвинский утверждал, что после своего ухода летом 1918 г. из состава гуанчжоуского правительства Сунь Ятсен поселился в Шанхае и с Кантоном не контактировал.

Уехав в Шанхай, он действительно не собирался больше иметь дела с кантонским правительством. Но члены парламента считали, что без Сунь Ятсена Директория не сможет функционировать, и поэтому настаивали на том, чтобы он продолжал исполнять обязанности.

«Изменив свое первоначальное намерение»¹, Сунь Ятсен, оставаясь в Шанхае, продолжал участвовать в работе правительства через своего представителя.

В отличие от Тихвинского, Г. В. Ефимов писал, что с Директорией Сунь Ятсен порвал не в июне 1918 г., а 7 августа 1919 г.², однако это утверждение также ошибочно. Действительно, 2 августа Сунь Ятсен пишет У Тинфану и предлагает ему одновременно сложить с себя полномочия

¹ Сунь Ятсен — Люй Цзяньцю, 27 августа 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 159.

² Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. Поиск пути. С. 114.

членов Директории¹, но У Тинфан продолжал исполнять свои обязанности члена Директории и министра иностранных дел. 5 августа он в качестве такового писал госсекретарю США, требуя признать Военное правительство.

Тогда, не дожидаясь решения У Тинфана, Сунь Ятсен 7 августа известил парламент о своем уходе с поста директора².

Но сделанное в этот день заявление еще отнюдь не означало, что на этом его контакты с Кантоном прекратились.

Члены парламента настаивали на том, чтобы Сунь Ятсен взял свое заявление обратно. На первых порах он стоял на своем:

Хотя парламент за последнее время в своих телеграммах просит меня остаться в составе правительства, я уже принял решение и на компромисс не пойду. Сейчас у меня нет какой-то определенной политической позиции, и мне хотелось бы, чтобы члены нашей партии также проявили бы хладнокровие, не вмешиваясь в ход событий³.

В те дни Сунь Ятсен писал другому респонденту:

Я уже ушел в отставку, и переменить это решение невозможно.

Отныне я буду исполнять свой долг как рядовой гражданин⁴.

То же самое Сунь Ятсен повторил в ответной телеграмме народному собранию провинции Хунань⁵.

В начале сентября кантонские парламентарии снова обратились к Сунь Ятсену с просьбой не покидать Директорию, но он был непреклонен:

Я уже принял решение и на этом посту не останусь. Спасение государства – мое исконное намерение, но стремиться к этому отнюдь не обязательно будучи членом Военного правительства. Поэтому я не несу ответственности за любые документы, подписанные от моего имени после 10 августа⁶.

У Тинфан колебался

¹ Сунь Ятсен — У Тинфану, 2 августа 1929 // ПССОГ. Т. 5. С. 153.

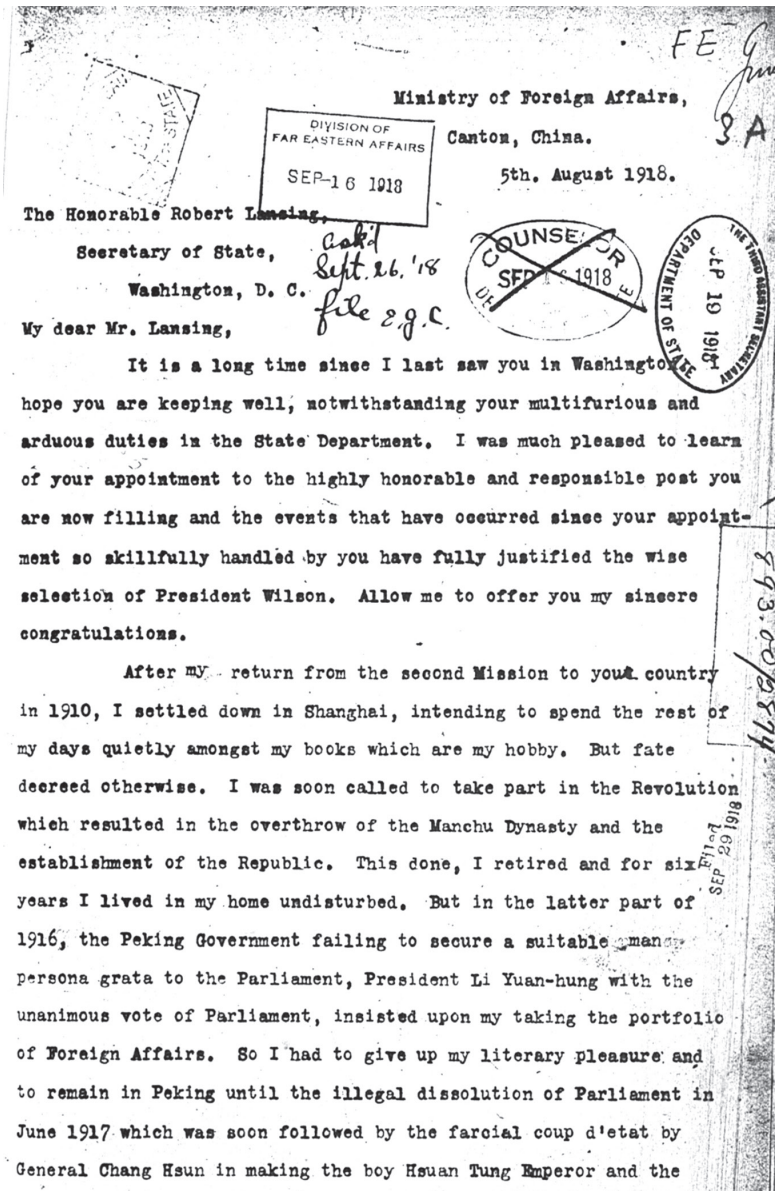
² Сунь Ятсен — парламенту, 7 августа 1919 г. // Там же. С. 155.

³ Сунь Ятсен — Лэн Юэ, 24 августа 1919 г. // Там же. С. 158.

⁴ Сунь Ятсен — Люй Цзяньцзю, 27 августа 1919 г. // Там же. С. 159.

⁵ Сунь Ятсен — народному собранию провинции Хунань, 31 августа 1919 г. // Там же. С. 160.

⁶ Сунь Ятсен — парламенту, 10 сентября 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 164.

Письмо У Тинфана госсекретарю США Р. Лансингу от 5 августа 1919 г.¹

¹ У Тинфан — Лансингу, 5 августа 1918 г. // USDS. 893.00/2874.

2

return to power of General Tuan Chi-jui. The Constitutionalist Government has been formed to uphold the law and Constitution of the country and I have been selected a member of the Government. I will not trouble you with the narration of the subsequent events as no doubt your Department has been furnished with reports by your Minister at Peking.

I beg to enclose two duplicate copies of official documents drawn up by me in my capacity as Minister of Foreign Affairs to which I invite your special attention.

The present deplorable condition in China has been brought about solely by General Tuan Chi-jui and his military friends. We, the Chinese people, as is well known, are most law-abiding and peaceful. The present situation however is such that no people, however peace-loving they may be, can tolerate it. The Constitution-
alists have been constrained to take up arms from absolute necessity. If you were in China, you would at once see that she is actually (though not in name) ruled by General Tuan Chi-jui and his military friends in a most autocratic way, overriding the law and against the expressed wishes of the people. In fact, she is now much poorer and worse governed than under the late Manchu regime.

The reluctance of General Tuan and his party to reconvoke the old Parliament arises from their fear that the Parliament would disapprove of their wicked policy and pass a vote of lack of confidence. They are now making a desperate effort by unconstitutional means to form a new Parliament with a view of having General Tuan and/or his military friends elected President and Vice-president.

Fortunately the members of the legal Parliament have now arrived in Canton in sufficient numbers to form a quorum in both Houses inspite of bribery and intimidation, so the reopening of Parliament will be taken place in a few days. Thus the true

Письмо У Тинфана госсекретарю США Р. Лансингу от 5 августа 1919 г.
(продолжение)

representatives of the Chinese people will make their voices heard. It is not improbable that on the expiration of the term of the present President and Vice-president, new ones will be elected by the Parliament sitting in Canton as the two elected at Peking will be unconstitutional and illegal.

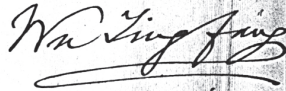
As expressed in our Manifesto, we appeal to the Foreign Powers to recognize our Constitutionalist Government. This, we ^{are} convinced, is the only way to make General Tuan and his party see the error of their policy and come to reasonable terms - thus restoring peace and saving China from utter ruin.

May I ask you to lay the matter before His Excellency the President and the Cabinet for their favorable consideration? I feel sure that the U. S. having entered the European War in order to make the world safe for democracy, will not refuse to lend a helping hand to save democracy in China at this momentous crisis.

With kindest regards

I remain

Yours cordially

Письмо У Тинфана госсекретарю США Р. Лансингу от 5 августа 1919 г.
(окончание)

Однако члены парламента продолжали настаивать, и Сунь Ятсен в конце концов изменил свое решение уйти в отставку.

14 октября в беседе с Тун Хунши он сообщил своему собеседнику, что из уважения к мнению народных избранников он берет обратно свое заявление об отставке и остается членом Директории, хотя, с его точки зрения, эта должность является чисто номинальной и ничего не дает в смысле перспектив защиты конституции¹.

Тем не менее в «Полное собрание сочинений Отца Государства» включены тексты телеграмм от 31 октября, 1 и 3 ноября 1919 г., под кото-

¹ Из уважения к коллегам [Сунь Ятсен] не уходит с поста члена Директории, 14 октября 1919 г. // Там же. Т. 2. С. 527.

рыми стоят подписи всех членов Военного правительства, в том числе Сунь Ятсена¹.

Но, продолжая оставаться членом правительства, Сунь Ятсен начинает обдумывать планы свержения своих коллег и прежде всего — Лу Жунтина, которого он давно уже называл не иначе как «гуансийским бандитом»².

Памятуя о том, что враги моих врагов — мои друзья, Сунь Ятсен начинает нащупывать возможность установить контакт со своими вчерашними противниками.

В беседе, состоявшейся еще в мае 1919 г., Сунь Ятсен сказал:

Дуань Цижуй никогда не был моим личным врагом. Я выступаю против него потому, что он предал республику. Если он распустит армию, предназначенную для участия в войне, отменит заключенные им договоры, наносящие ущерб стране, будет без всяких оговорок подчиняться парламенту и закону, прямо признается в совершенных им преступлениях и извинится перед гражданами республики — в этом случае его не в чем будет обвинить и почему бы тогда не иметь с ним дела?³

Сунь Ятсен утверждал, что видные деятели Севера — Ван Итан, Сюй Шучжэн, Цзэн Юйси и другие, прочтя его «Учение Сунь Вэня», одобрили изложенные в книге идеи и вместе со своими комментариями передали ее для прочтения Дуань Цижую. Тот якобы также отозвался о ней весьма положительно, и Сунь Ятсен высказался в том духе, что в случае, если Дуань полностью примет сформулированные Сунем идеи, он будет готов назвать его товарищем⁴.

В ноябре 1919 г. Сюй Шучжэн преуспел в деле ликвидации автономии Внешней Монголии, существовавшей в соответствии с соглашением от 6 ноября 1915 г. Сунь Ятсен тут же послал ему приветственную телеграмму, выражая в ней надежду на то, что доброе дело, совершенное на границе Китая, станет началом изменения взглядов героя дня на внутренние проблемы страны⁵.

Ван Итан
(1877–1948)

¹ Там же. Т. 5. С. 171, 172, 174, 175.

² Сунь Ятсен — Чэнь Гэнжу, 13 июля 1919 г. // Там же. С. 150.

³ Там же. Т. 2. С. 523, 524.

⁴ Сунь Ятсен — Линь Сюяхаю, 17 августа 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 157–158.

⁵ Сунь Ятсен — Сюй Шучжэну, 26 ноября 1919 г. // Там же. С. 178.

Это вызвало недоумение некоторых соратников д-ра Суня, который был вынужден дать свои разъяснения по поводу этого. Он писал Лэн Юэ, что заслуга Сюй Шучжэна перед отечеством может быть уподоблена подвигам ханьского полководца Бань Чао, завоевавшего Западный край. А поскольку у каждого человека есть свои достоинства и недостатки, то и Сюй Шучжэна следует восхвалять за его деяния, того заслуживающие, не забывая при этом об ошибках и просчетах, имеющих отношение к иным сферам его деятельности¹.

Ехать в Париж Сунь Ятсен отказался

В то самое время, когда в Кантоне кипели политические страсти, Пекин так же оказался раздираем непримиримыми противоречиями между двумя кликами, пришедшими к власти после подавления путча Чжан Сюня, — анхуйской и чжилийской. Глава первой из них, Дуань Цижуй, решительно выступал за объединение Китая с помощью военной силы. Представитель второй — исполняющий обязанности президента Фэн Гочжан — допускал возможность преодоления раскола мирными средствами.

Намереваясь нейтрализовать усилия своего противника, Дуань Цижуй пошел на радикальную меру. Он организовал парламентские выборы, рассчитывая избавиться от Фэн Гочжана, сменив его своим ставленником.

В качестве такового Дуань Цижуй намеревался использовать другого представителя чжилийцев — Сюй Шичана, казавшегося ему человеком без особых личных претензий и к тому же не располагавшего собственной военной силой.

Сказано — сделано: в октябре 1918 г. Сюй Шичан был избран президентом Китайской Республики.

Но Дуань Цижуй просчитался. Сюй Шичан вовсе не собирався быть игрушкой в чьих-то руках. Он отправил Дуань Цижую в отставку, посадив в кресло премьер-министра Цянь Нэнсюня.

Главной внешнеполитической проблемой, которую пришлось решать вновь избранному президенту, была подготовка к участию Китая в мирной конференции, подводившей итоги 1-й мировой войны. Это

¹ Сунь Ятсен — Лэн Юэ, 23 декабря 1919 г. // Там же. С. 179.

была задача чрезвычайной политической важности: впервые в истории Китай как страна-победитель должен был на равных с великими державами обсуждать судьбы послевоенного мира.

Бесспорная заслуга президента Сюй Шичана заключалась в том, что он, готовясь к Версалию, не ограничился действиями внутри своего дипломатического ведомства, а постарался опереться на широкое общественное мнение. Особое значение он придавал прессе как выразителю «народной дипломатии». Именно это подчеркивал тогда ректор Пекинского университета Цай Юаньпэй:

Прежние неудачи нашей дипломатии объяснялись тем, что она была достоянием узкого круга чиновников и к тому же нередко осуществлялась тайно. <...> Сейчас международная ситуация резко изменилась¹.

Поскольку Сюй Шичан выступал за урегулирование конфликта между Севером и Югом мирными средствами, в состав китайской делегации в Версале должны были войти делегаты как пекинского, так и кантонского правительств.

Сначала предполагалось, что представлять Военное правительство будет Тан Шаои, затем возникла кандидатура У Чаошу — сына У Тинфана. Позднее кантонский парламент порекомендовал послать в Париж Сунь Ятсена, учитывая то, что он долгое время жил в Европе и был хорошо знаком с тамошней обстановкой.

Но Сунь Ятсена эта перспектива не прельщала, и он ответил отказом, ссылаясь на то, что Военное правительство не признано державами и поэтому не получит на конференции права слова².

Парламент настаивал, но уговорить Сунь Ятсена не удавалось.

7 февраля он повторил свои аргументы: представитель непризнанного правительства не сможет выступать на конференции, а мандат от незаконного правительства в Пекине он получать не собирается³. Примерно то же самое он повторил еще через месяц⁴.

В конечном итоге представителем Юга на Версальской конференции стал Ван Чжэнтин, внесший существенный вклад в работу китайской делегации.

¹ 顾莹惠.五四时期的国民外交运动 (Гу Инхуй. Движение за гражданскую дипломатию в период «4 мая») // <http://club.cn/blogArticle-9806.html>.

² Сунь Ятсен — Чжао Шибэю, 26 января 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 119.

³ Сунь Ятсен — Се Чи, 7 февраля 1919 г. // Там же. С. 122.

⁴ Сунь Ятсен — Линь Сэню, 11 марта 1919 г. // Там же. С. 129.

**Сюй Шичан на церемонии вступления
в должность президента**

Конференцией Севера и Юга Сунь Ятсен тоже не интересовался

Обстоятельства сложились так, что весной 1919 г. одновременно проходили две мирные конференции — в Париже и Шанхае. На первой были подведены итоги 1-й мировой войны, на второй — обсуждались проблемы прекращения военных действий между Севером и Югом Китая.

С первых же дней после своего избрания Сюй Шичан взял решительный курс на немедленное прекращение междоусобной бойни и созыв мирной конференции.

Для начала он объявил о том, что своим указом приостанавливает боевые действия против Юга. После этого ему уже можно было заняться практической подготовкой переговоров представителей двух сторон конфликта.

Как на Севере, так и на Юге у Сюй Шичана было немало противников.

Среди первых выделялся наперсник Дуань Цижун Сюй Шучжэн (в отличие от президента его называли «маленьким Сюем»), убежденный сторонник объединения страны с помощью военной силы. Вторые были представлены Сунь Ятсеном, всегда предпочитавшим мирным переговорам революционное насилие.

Но были у Сюй Шичана и преданные сторонники. Его активным помощником был, в частности, губернатор провинции Цзянсу Ли Чунь.

На первых порах предварительные контакты Севера и Юга касались трех вопросов: как будет называться конференция, где она будет проходить и сколько делегатов будут представлять каждую из сторон.

Ли Чунь
(1867–1920)

Из переписки Ли Чуня, сохранившейся в личном архиве его советника Ли Тинъюя¹, мы узнаём, что в октябре–декабре 1918 г. губернатор почти всё свое время тратил на то, чтобы выяснять позиции сторон и доказывать колеблющимся необходимость скорейшего созыва конференции.

Что касается наименования конференции, то было выдвинуто два предложения.

Многие высказывались за то, чтобы назвать ее «мирной»; Ли Чунь полагал, что поскольку в повестке дня будут стоять вопросы, выходящие за рамки прекращения гражданской войны, речь должна идти о «конференции по ликвидации последствий конфликта».

Он писал Тан Цзяю:

«Ликвидация последствий конфликта» включает прекращение войны, а на «мирной конференции» будут обсуждаться только вопросы мира².

Долго обсуждался вопрос о месте проведения конференции. Ли Чунь предлагал Нанкин, южане же настаивали на Шанхае.

20 декабря Ли Чунь сообщал Цянь Нэнсюню:

Договорились, что конференция будет называться «Мирной конференцией по ликвидации последствий конфликта», она будет созвана

¹ 李廷玉所存电稿 (Телеграммы из архива Ли Тинъюя) // 1919年南北议和资料 (Материалы мирной конференции Севера и Юга 1919 г.). Пекин. 2013. С. 1–35.

² Ли Чунь — Тан Цзяю, 2 декабря 1918 г. // Там же. С. 27.

в Нанкине, в составе делегаций будет по 10 человек с каждой стороны, один из них будет главой делегации¹.

Впрочем, южане вновь стали отстаивать идею созыва конференции в Шанхае; Ли Чунь пошел на компромисс и в этом вопросе. Теперь оставалось только определить состав делегаций.

Более оперативно в этом отношении действовал Север. Руководителем делегации был назначен вице-спикер пекинского парламента Чжу Цицян. Определение состава делегации южан затягивалось из-за расхождений во мнениях парламента и правительства.

Чжу Цицян
(1872–1964)

Члены южного парламента считали, что объявить список делегатов можно только после того, как будут прекращены столкновения, все еще продолжавшиеся на территории провинции Шэньси. Правительство же опасалось, что задержка с назначением делегатов Юга будет истолкована как нежелание принимать участие в переговорах.

После длительных затяжек наконец было решено, что визави Чжу Цицяня в Шанхае будет многоопытный Тан Шао. О его назначении было сообщено 1 января 1919 г.², а окончательный состав делегации стал известен 6 февраля³.

С 21 февраля по 13 мая состоялось 8 заседаний. Общий язык так и не был найден.

Отвечая находившимся в Шанхае парламентариям, Сунь Ятсен утверждал, что вести подобные переговоры не имеет смысла⁴.

11 мая 1919 г. Сунь Ятсен заявил, что текущие проблемы не интересуют его, потому что он сосредоточился на изложении своих мыслей в давно задуманной книге⁵.

Неудача миссии Абея Цао подействовала на Сунь Ятсена словно ушат холодной воды. Продолжая оставаться одним из членов кантонской

¹ Ли Чунь — Цянь Нэнсюню, 20 декабря 1918 г. // Там же. С. 73.

² 粵政务总裁谓已派唐绍仪为总代表 (Член Кантонской директории объявил, что главой делегации назначен Тан Шао) // Шэньбао, 16 января 1919 г.

³ 军政府正式公布内外和议代表 (Военное правительство официально объявило состав делегации на мирной конференции) // Шэньбао, 11 февраля 1919 г.

⁴ Сунь Ятсен — парламентариям, 27 апреля 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 139.

⁵ Сунь Ятсен — Чжао Тайцзи, 11 мая 1919 г. // Там же. С. 141.

Директории, он почувствовал упадок жизненной активности, и политика перестала быть для него единственной сферой творческой деятельности. Ему захотелось сесть за письменный стол и написать что-нибудь основательное.

В результате на свет появилась «Программа строительства страны».

Сунь Ятсен садится за письменный стол

«Программа строительства страны» — одно из главных сочинений Сунь Ятсена — состоит из нескольких разделов.

Первая часть «Духовное строительство» («Учение Сунь Вэня»), была написана еще в 1918 г.

Действовать легко, познавать трудно

В предисловии к первой части этого труда Сунь Ятсена есть такие слова:

Более тридцати лет посвятил я служению Родине. Этому отдал я все свои знания. Ни разу не изменил я своим идеалам, и сотни неудач не заставили меня свернуть с избранного пути. <...>

Вопреки ожиданиям, уже при первом успехе революции среди членов нашей партии обнаружились разногласия. Многие пришли к выводу, что мои идеалы слишком высоки, что они не отвечают китайской действительности. «Общее мнение плавит металл», — говорит пословица. И когда порыв революционной бури стих, сомнение зародилось даже у ближайших моих единомышленников. <...>

Когда я вспоминаю, чему заботливо учил товарищей по партии и чем они пренебрегли как пустыми фантазиями, когда оцениваю всё с точки зрения сегодняшнего дня, то вижу, что *именно мои идеи отвечают ходу мировой истории, именно они должны были послужить основой в строительстве Республики*¹. Поэтому у меня и возникло желание изложить свои соображения в книге «Программа строительства страны» и предложить ее моим соотечественникам в качестве руководства.

Единственное, что заставило меня колебаться и медлить, — это опасение, что психология моих сограждан сегодня не отличается от психологии моих товарищей по партии семь лет назад и, если по-прежнему

¹ Курсив наш.

их умами владеет теория о легкости познания и трудности действия, они отвергнут и эти мои планы как утопические.

Поэтому я сначала решил сформулировать учение, которое сокрушило бы моего психологического противника и вывело бы соотечественников из тупика. Я надеялся, что в этом случае мой план строительства страны не будет уже рассматриваться как утопический и появится возможность сплотить вокруг одной идеи весь народ¹.

Вывести соотечественников из тупика должно было, по мысли Сунь Ятсена, его убеждение в том, что «действовать легко, познавать трудно».

Доказательству этого положения он посвятил 8 глав — более 100 страниц первой части своей книги.

В главе 1 «Питание как одно из доказательств» мы читаем:

Когда пища попадает в рот, она проверяется языком. Если пища не подходит для желудка и кишечника, она немедленно выплевывается; если же подходит, она охотно принимается. Вслед за этим зубы перемалывают пищу, слюна, смешиваясь с пищей, растворяет ее, при этом крахмал превращается в сахар. Перемолотые зубами частицы подхватываются кончиком языка и отправляются в пищевод, который, сокращаясь, проталкивает их в желудок. Как только пища попала в желудок, нижнее его отверстие плотно закрывается. Когда желудок в достаточной мере наполнится, его биоэлементы сообщают об этом в мозг, который дает сигнал прекратить процесс еды, что мы осознаем как ощущение сытости. <...>

Нужно иметь в виду, что различные изменения, которым подвергаются питательные вещества после поступления в кровь, могут быть познаны только физиологами, да и те не до конца изучили их. <...>

Таким образом, процесс пищеварения осуществляется каждым человеком, однако сущность его остается непознанной до конца жизни. <...> Всё это служит достаточно веским доказательством того, что «действие легко, а трудно лишь познание»².

Глава 2 «Употребление денег»:

Каждый цивилизованный человек с юных лет и до конца своей жизни ежедневно пользуется деньгами. Без них он не может обеспечить себя ни пищей, ни одеждой, ни жилищем, ни средствами передвижения. Мы ежедневно пользуемся деньгами и смотрим на это как на совершенно естественное явление. <...> Но много ли на свете людей, которые знают, что такое деньги <...>?

¹ Сунь Ятсен. Программа строительства страны // Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 162–165.

² Там же. С. 176–179.

**«Познавать трудно, действовать легко»
(каллиграфическая надпись Сунь Ятсена)**

Люди способны лишь пользоваться деньгами, но не знают, что такое деньги. И это может служить одним из доказательств нашего положения «действие легко, познание трудно»¹.

Глава 3 «Литературное творчество как одно из доказательств»:

В Китае в течение многих тысячелетий превыше всего ставили литературу. Ее обожали все — от императора до простолюдина, не исключая разбойников и пиратов. <...>

[Однако] в Китае на всем протяжении его истории не было выработано никаких правил грамматики <...>. Китайские ученые впервые узнали о существовании грамматической науки после выхода в свет «Свода правил письменности в изложении господина Ма». <...> Грамматики, вышедшие после работы Ма Цзяньчжуна, составлялись специально для начальной школы. Но, к сожалению, авторы их в большинстве своем были недостаточно сведущими людьми и не сумели избежать грубых ошибок. <...>

**Ма Цзяньчжун
(1845–1900)**

На протяжении тысячелетий деятели китайской литературы умели писать сочинения, но не умели анализировать их. <...> Это является еще одним доказательством положения «действие легко, познание трудно»².

В главе 4 «Еще семь доказательств» автор ссылается на постройку жилищ, судостроение, постройку фортификационных сооружений, проведение каналов, электричество, химию и общую теорию эволюции³.

¹ Там же. С. 179–193.

² Там же. С. 194–203.

³ Там же. С. 203–219.

Предоставляем читателю решать, почему Сунь Ятсен считал, что, познакомившись со столь многословными доказательствами его положения, члены Гоминьдана перестанут рассматривать планы своего лидера как утопические, в результате чего «появится возможность сплотить вокруг одной идеи весь народ».

Материальное строительство (промышленный план)

А планы промышленного развития Китая, содержащиеся во второй части «Программы», как всегда, поражали воображение своей грандиозностью и отсутствием каких бы то ни было оснований технического и финансового порядка.

Вот перечень основных пунктов первого плана (транспорт и тяжелая промышленность):

1. Развитие сети путей сообщения.
 - 1) 100 000 миль железных дорог;
 - 2) 1 000 000 миль автомобильных дорог с щебеночным покрытием;
 - 3) Расчистка существующих каналов:
 - А. Каналы Ханчжоу — Тяньцзинь;
 - Б. Каналы Сицзян — Янцзы.
 - 4) Строительство новых каналов:
 - А. Канал Ляохэ — Сунхуа;
 - Б. Прочие.
 - 5) Обуздание рек:
 - А. На Янцзы построить дамбы и расчистить русло реки от Ханькоу до моря, чтобы океанские суда могли заходить в Ханькоу в любое время года;
 - Б. Соорудить дамбы на Хуанхэ и расчистить русло реки, чтобы ликвидировать угрозу наводнений;
 - В. Урегулировать русло Сицзян;
 - Г. Урегулировать русло Хуайхэ;
 - Д. Урегулировать русла других рек.
 - 6) Строительство новых телеграфных, телефонных и радиолиний на территории всей страны.
- И. Создание торговых портов.
 - 1) Строительство в Центральном, Северном и Южном Китае трех крупнейших океанских портов с пропускной способностью нью-йоркской гавани;

- 2) Строительство небольших торговых портов и рыбных гаваней вдоль всего побережья;
 - 3) Строительство торговых гаваней на судоходных реках.
- II. Строительство современных, благоустроенных городов при всех узловых и конечных железнодорожных станциях и во всех портах побережья.
- III. Развитие гидроэнергетики.
- IV. Строительство крупных сталелитейных, металлургических и цементных заводов, которые обеспечили бы нужды перечисленных выше областей строительства.
- V. Развитие горнорудного дела.
- VI. Развитие сельского хозяйства.
- VII. Ирригационное строительство во Внутренней Монголии.
- VIII. Лесонасаждение в Северном и Центральном Китае.
- IX. Заселение Маньчжурии, Монголии, Синьцзяна, Цинхая и Тибета¹.

Далее следовали выкладки Сунь Ятсена, касавшиеся производства предметов народного потребления:

- I. Пищевая промышленность.
 - 1) Производство продуктов питания.
 - 2) Складирование и транспортировка продуктов питания.
 - 3) Изготовление продуктов питания и их хранение.
 - 4) Распределение продуктов питания и их экспорт.
- II. Легкая промышленность.
 - 1) Шелковая промышленность.
 - 2) Изготовление тканей из рами.
 - 3) Хлопчатобумажная промышленность.
 - 4) Шерстяная промышленность.
 - 5) Кожевенная промышленность.
 - 6) Производство машин для изготовления одежды.
- III. Жилищное строительство.
 - 1) Производство и транспортировка строительных материалов.
 - 2) Строительство домов.
 - 3) Производство предметов домашнего обихода.
 - 4) Обеспечение домов коммунальными удобствами.
- IV. Автомобильная промышленность.

¹ Там же. С. 289–290.

V. Полиграфическая промышленность¹.

Заключительный раздел второй части «Программы» — разработка полезных ископаемых:

I. Добыча железной руды.

II. Добыча угля.

III. Добыча нефти.

IV. Добыча медной руды.

V. Разработка добычи некоторых других руд.

VI. Производство оборудования для горнорудной промышленности.

VII. Строительство литейных заводов².

Сунь Ятсен, кажется, не забыл ни одной сферы материального производства, которую следовало бы развить в Китае. Но за счет чего он рассчитывал осуществить свой всеобъемлющий план?

Ответ на этот вопрос он дает в последних строках второй части «Программы»:

Целью материальной цивилизации являются не частные, а общественные интересы, и кратчайший путь к этому не конкуренция, а взаимопомощь. Поэтому в своем плане развития Китая усилиями разных стран я предлагаю направить доходы от промышленного производства,

Английский оригинал второй части «Программы строительства страны»

¹ Там же. С. 296–311.

² Там же. С. 311–316.

во-первых, на выплату процентов и основных сумм иностранных капиталов, заимствуемых для этих планов, во-вторых, на повышение заработной платы рабочих и, в-третьих, на улучшение и широкое распространение машинного производства. Кроме всего этого, оставшаяся часть доходов должна идти обществу в форме снижения цен на все удобства и общественные службы. Таким образом, весь народ в равной мере будет пользоваться плодами современной цивилизации.

И наконец:

Моя идея состоит в желании использовать иностранный капитализм для создания социализма в Китае, так чтобы, гармонично сочетая эти две экономические силы,двигающие человечество вперед, заставить их действовать вместе и тем самым ускорить развитие будущей мировой цивилизации¹.

Неслучайно составители «Полного собрания сочинений Отца Государства», публикуя письмо Сунь Ятсена бельгийским социалистам, в котором он выражал надежду на то, что Китай станет первым в мире социалистическим государством, сочли необходимым подчеркнуть: «социализм», о котором говорит Сунь Ятсен, «это не тот социализм, который проповедуют китайские коммунисты»².

Социальное развитие Китая

В отличие от планов промышленного строительства, изложенных на нескольких десятках страниц, третья часть «Программы», трактующая проблемы «первых шагов народовластия» (она была написана Сунь Ятсеном еще в 1917 г.), уместилась на трех с небольшим полосах.

Здесь нашего внимания заслуживают два момента.

Во-первых, Сунь Ятсен считал, что народы мира различаются не только численностью, но и своими врожденными способностями. Соответственно, «самая большая и самая одаренная» нация в мире – китайская³.

Во-вторых,

Развитие народовластия начинается с объединения стремлений отдельных людей, с консолидации сил народа. Но достигнуть этого невозможно, не прибегая к собраниям. Именно собрания являются первым шагом на пути к народовластию.

¹ Там же. С. 321.

² ПССОГ. Т. 4. С. 373–374.

³ Сунь Ятсен. Избранные произведения. С. 322.

Однако в течение нескольких сотен лет китайцам запрещалось собираться вместе, в результате чего естественное чувство коллективизма было ими почти утрачено. Они не знали принципов работы собраний, порядка и обычаев их проведения, у них не было опыта организации собраний.

И вот, китайский народ, который сравнивают с морем ничем не связанных между собой песчинок, вдруг был возвышен до положения носителя верховной власти в республике. Не удивительно, что он оказался неподготовленным к этому, что он не обладал необходимыми знаниями для ведения дел, что наши собрания представляли собой просто неорганизованные сборища¹.

Перед нами — очередной план Сунь Ятсена, поражающий воображение своими космическими масштабами. Вопрос о теоретической ценности «Программы» остается открытым. Во всяком случае автор этой книги не предпринял каких-либо практических шагов для реализации изложенных им идей.

Тем не менее сам Сунь Ятсен считал, что его сочинение должно стать настольной книгой каждого гражданина республики.

Тот, кто хочет принять на себя обязанности гражданина, не должен уклоняться от изучения этой книги. Тот, кто хочет объединить стремления граждан нашего государства, консолидировать силы нашей нации, должен, почерпнув знания из этой книги, сделать их всеобщим достоянием. <...>

Она учит народ нашей страны, как сделать первый шаг по пути к народовластию².

Теперь уже не немецкие военнопленные, а регулярная Красная Армия

Физиология пищеварения, отсутствие в Китае полноценных книг по грамматике родного языка и правила проведения народных собраний при всей своей злободневности не могли надолго отвлечь Сунь Ятсена от главного.

Всю свою сознательную жизнь Сунь Ятсен был озабочен тем, как бы получить от зарубежных спонсоров деньги на нужды революционного преобразования Китая.

¹ Там же. С. 324.

² Там же. С. 325.

В 1916 г. он впервые обратился к новой стратегии: не только деньги на покупку оружия, но и иностранные войска, которые либо оказывают поддержку революционной армии, либо непосредственно участвуют в решении боевых задач.

В 1918 г. он хотел использовать для этой цели германских военнопленных, без дела коротавших дни в Советской России.

Спустя два года возникла новая мысль: а почему бы не пригласить в Китай регулярные части какой-нибудь иностранной армии?

Этот новый вариант «Северо-Западного плана» отличался от предыдущего также и тем, кого должны были свергнуть иностранные штыки. Теперь в качестве противника был выбран не Пекин, а кантонское правительство, отношения которого с Сунь Ятсеном оказались безнадежно испорченными.

Снова взгляд в северо-западном направлении

Советские исследователи по понятным причинам были склонны преувеличивать значение письма, отправленного Сунь Ятсеном советским руководителям летом 1918 г. Это письмо вовсе не означало, что он уже тогда понял значение идей Октябрьской революции для судьбы Китая. С нашей точки зрения, это была в конечном счете неудавшаяся попытка вступить в контакт с советским правительством на предмет осуществления своего плана использования находившихся в России немецких военнопленных для свержения пекинского правительства.

Что же касается идей Октября, то не только в 1918 г., но и год спустя идея общности судьбы Советской России и Китая была абсолютно чужда Сунь Ятсену.

Об этом можно судить хотя бы по тому, что он говорил в январе 1919 г.:

В настоящее время из всех стран мира только Соединенные Штаты занимают самую искреннюю позицию и горят желанием помочь нам!¹

Ту же мысль Сунь Ятсен в тот же день повторил в другом письме:

Сейчас Соединенные Штаты совершенно искренни в своем желании оказать помощь нашему делу².

В качестве курьеза здесь можно упомянуть о переписке Сунь Ятсена с командующим войсками провинции Гуйчжоу Си Чжэнмином.

¹ Сунь Ятсен — Тан Цзияо, 11 января 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 114.

² Сунь Ятсен — Линь Сэню, 11 января 1919 г. // Там же. С. 115.

В начале апреля 1919 г. Сунь Ятсен получил от Си Чжэнмина письмо, в котором тот утверждал, что Гоминьдану есть в чем поучиться у Советской России. Сунь Ятсен ответил ему, что полностью разделяет эту точку зрения.

В статье о Си Чжэнмине, помещенной на китайском официальном сайте «Байкэ», говорится, что выдвинутая им идея была «революционной» и поэтому она была поддержана Сунь Ятсеном¹.

Что именно имел в виду Си Чжэнмин, нам неизвестно. Ответное письмо Сунь Ятсена Си Чжэнмину опубликовано. В нем сказано буквально следующее:

Си Чжэнмин
(1884–1920)

Нынешняя революция в России произошла в результате стихийного выступления народа, армия также стихийно выразила солидарность с ним и поддержала его политические требования. То, с какой скоростью она произошла, зависело от воодушевления народа, а не благодаря наличию материальных средств.

Китайская революционная партия после поражения «Третьей революции» объявила о самороспуске. Зарубежные китайцы еще не получили компенсации за покупку облигаций военного займа. Но даже если они получат таковую, все равно вряд ли можно рассчитывать на их новые пожертвования. Опыт показывает, что политической партии трудно добиться успеха, если она действует, рассчитывая на материальные средства. А те, кто вне партии, также не горят желанием помочь ей.

Если Вы возьмете русских себе в учителя, Вам следует разъяснить военным, близким Вам по духу, политические интересы простых людей, тогда и революцию начинать будет незачем².

В этих словах Сунь Ятсена можно при желании усмотреть всё что угодно, но только не намерение впредь руководствоваться большевистскими идеями. Что до самих этих идей, то, по мнению Сунь Ятсена, в Китае не было почвы для их распространения. В том же самом 1919 г. он говорил в ответ на вопрос корреспондента газеты «Далубао», употребляя вместо слова «большевизм» термин «экстремизм»: «У экстремизма нет шансов на проникновение в Китай»³.

¹ 席正铭 (Си Чжэнмин) // <https://baike.so.com/doc/9807662-10154475.html>.

² Сунь Ятсен — Си Чжэнмину, 8 апреля 1919 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 136.

³ Запись беседы Сунь Ятсена с корреспондентом «Далубао», 26 ноября 1919 г. // ПССОГ. Т. 2. С. 528.

Но одно дело — не разделять идей Октября, совсем другое — надеяться на то, что Советская Россия может помочь китайским революционерам покончить с «гуансийскими бандитами». Неудача миссии Абея Цао в Берлине не расколодила надежд Сунь Ятсена на участие за границы вкупе с Россией.

Вскоре Сунь Ятсену впервые представился удобный случай самому договориться об этом с советским дипломатическим представителем.

Эмиссары Москвы — фиктивные и реальные

Случилось так, что весной–летом 1920 г. в поле зрения Сунь Ятсена впервые появились русские, общаться с которыми раньше ему не доводилось. Этими русскими были бывшие офицеры царской армии — полковник М. Г. Попов и генерал-майор А. С. Потапов.

Ввиду некоторого сходства их фамилий эти две совершенно различных личности нередко путают, приписывая одному высказывания и действия другого.

Так, историк Чжоу Гу, утверждал:

Потапов считал Сунь Ятсена старомодным милитаристом, полагающим, что не существует иных способов спасения Родины, кроме военной силы¹.

Другой китайский исследователь Ван Гэнсюн сообщал, что «после того, как Попов вернулся в Москву, он специально опубликовал статью под названием “О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской Республики”, в которой он описывал обстоятельства встречи с Сунь Ятсеном в Шанхае»².

Между тем «старомодным милитаристом» Сунь Ятсена назвал не Потапов, а Попов, а докладная записка «О докторе Сунь Ятсене» была написана не Поповым, а Потаповым.

Н. М. Потапов
(1871–1946)

¹ 周谷. 孙中山与第三国际 (Чжоу Гу. Сунь Ятсен и Третий Интернационал). 1997. Тайбэй. С. 79.

² 王耿雄. 孙中山与上海 (Ван Гэнсюн. Сунь Ятсен и Шанхай). 1991. Шанхай. С. 152–153.

Кроме того, и отечественные, и зарубежные исследователи зачастую путают генерал-майора А. С. Потапова с генерал-лейтенантом Н. М. Потаповым, известным широкому читателю по фильму «Операция «Трест»».

Между тем, чтобы убедиться в том, что М. Г. Попова и А. С. Потапова невозможно спутать, достаточно познакомиться с донесением американца Дж. Сокольского, служившего в это время секретарем Сунь Ятсена. Будучи в курсе контактов д-ра Суня, Сокольский постоянно информировал о них консульство США, а через него — Госдепартамент.

22 марта 1920 г. Сокольский представил консулу Э. Каннингаму «Меморандум об отношениях между местными китайцами, корейцами и большевиками».

Генерал Потапов выдает себя за большевика и за жертву, принесенную на алтарь русской революции. На самом деле во время столкновения между Керенским и Корниловым в Петрограде он был на стороне

Memorandum on the relations between the local Chinese, Koreans and the Bolsheviks. March 22, 1920.

The Bolshevik propaganda in Shanghai has been alight and without any relations with Moscow. In this work there have been three main factors, viz: General Potapoff, Colonel M.G. Popoff, and the Russian Labor Bureau.

General Potapoff has been posing as a Bolshevik and as a martyr to the cause of the Russian Revolution. As a matter of fact in the Kerensky-Korniloff struggle in Petrograd he sided with Korniloff against the revolutionary troops. That is one explanation of his presence in the Far East. He got into trouble in Japan because of his Bolshevik propaganda, but I do not believe that he did much there. He is neuroasthenic, has the persecution mania and a gradiose sense of his own importance. He suggested that he was able to communicate with Moscow when even the Vladivostok Zemstvo could not and he is constantly giving persons letters of introduction to Lenin, which sooner or later he withdraws on one pretext or another. He has visited Dr. Sun Yat-sen with whom he discussed plans for co-operation between the Kuomintang and the Bolsheviks, but he had to admit that he had no authority. I offered to assist him if he could show me his credential, but he had no credential. He told me so himself. His big talk is the cause of much of the talk about Bolshevik propaganda in Shanghai. He has been in close relations with General Wang I-tong and the latter's secretary, Mr. Tsao. He has also discussed his plans with General Xao Shib-ping, formerly Chief of Staff of the Fuchow of Kirin. But Xao Shib-ping has neither power nor influence and has disgusted the local people who at first sympathized with him because of his

riotous living. General Potapoff is a very intimate friend of Mr. Iyuh, the Korean who visited Mr. Hara in Tokyo recently and who is suspected of being a Japanese agent. Mr. Iyuh claims to be a democrat but there is every reason to believe that he is a friend. Why he and General Potapoff are such close friends is not altogether clear. Potapoff is not to be taken seriously. Nobody does, except newspapermen looking for a Bolshevik story.

Colonel Popoff is quite a different sort of man. He came here with credentials from the Commander of the Bolshevik troops in the Amur district. I saw the credential and it was bona fide. His mission was of a secret nature and he did not disclose its purport to anyone. He did not engage in propaganda. He did however visit Mr. Tang Shao Yi, who gave him copies of the Sino-Japanese Defense Pact of May 1919 in Chinese. Colonel Popoff reads, writes and speaks Chinese and Japanese and has translated Japanese poems into the Russian. He has been in the old regime army and has been wounded five or six times. He was sent here by Trotsky in 1918 to take over all the property belonging to Russia in the Far East but was captured by the Czechs and imprisoned.

During his visit here this time he saw Dr. Sun Yat-sen who discussed possibilities of co-operation. Colonel Popoff thought that Dr. Sun's plans were impossible of fulfillment. He said that the Bolsheviks were tired of fighting and wanted peace. He characterized Dr. Sun as an old fashioned militarist who saw no way of saving his country except through arms. Colonel Popoff also met Koreans, students and others but his general attitude was to find out what the situation was here. He brought a letter to the Chinese and Korean students from the Russian students in Vladivostok. From his general attitude I assume that Colonel Popoff was sent here to ascertain what the situation and the

Две первые страницы меморандума Сокольского от 22 марта 1920 г.

Корнилова и действовал против революционных войск. В этом — одно из объяснений его появления на Дальнем Востоке. Будучи вовлеченным в большевистскую пропаганду в Японии, он имел там неприятности, однако не думаю, чтобы он предпринял что-нибудь существенное.

Генерал Потапов действительно имел неприятности с японскими властями. Не случайно и в Китае за ним продолжалась слежка, о чем мы можем судить, в частности, по донесению в Токио консула Сато¹:

大正九年四月廿五日 接受

雙鷲 第三課

秘

電報

宛 在 四月十九日午後三時ノ合點

佐藤少佐

上海電第三八號

總長

一昨午十二月日本退去ヲ命セラレ未渡セルボタボフ少將

目下當地佛租界ニ在リテ露國ノ南支那團體サニケビシ

等ト表面ハ商業團隊ヲ裝ヒテ居ルニ其実ハ過激主義

ノ宣傳ヲ行ヒアルハ屢報告スル支那人ヲタリフナン

モリヨリ資金ヲ受ケ當地過激共產黨首領トシテ活動

シテアリ尚ホボタボフハ東京及横浜ニ於ケル露國過激

派團隊ト聯絡連絡シテアリテ今日日本ニ於ケル商業學校

門 秘授04571號

Сокольский продолжал:

Он — неврастеник, страдает манией преследования и чрезмерным самомнением о важности собственной персоны. Он высказывается в том

¹ Сато — министру иностранных дел, 20 апреля 1920 г. // Архив министерства иностранных дел Японии. 4-3-2. 1-4-5.

смысле, что может осуществлять контакты с Москвой даже в тех случаях, когда это не в состоянии сделать даже Владивостокское Земство; он то и дело раздает рекомендательные письма к Ленину, которые затем под тем или иным предлогом забирает обратно. Он посетил д-ра Сунь Ятсена, с которым обсуждал планы сотрудничества Гоминьдана с большевиками. Однако он признает, что не имеет на то полномочий. Я предложил помочь ему при условии, если он предъявит мне свой мандат, но такового у него не оказалось. Он сам сказал мне об этом. Его говорливость стала причиной того, что широко распространились слухи о большевистской пропаганде. <...>

Потапова не следует принимать всерьез, да никто и не принимает, если не считать газетчиков, столь падких на рассказы о большевиках¹.

Иначе характеризует Сокольский М. Г. Попова:

Полковник Попов — человек совершенно иного рода. Он прибыл с мандатом, выданным ему командующим большевистскими войсками в Амурской области. Я видел его мандат, который оказался подлинным. Его миссия носит секретный характер, и он никому не открывает ее цели. <...>

Полковник Попов читает, пишет и говорит по-китайски и по-японски; он переводил на русский язык японскую поэзию. Он служил в армии при старом режиме и был пять или шесть раз ранен. В 1918 году он был послан Троцким для принятия всей собственности, принадлежавшей России на Дальнем Востоке, но был взят в плен чехами и попал в тюрьму².

Нам неоднократно доводилось писать о полковнике Попове³, но уже после того, как вторая из упомянутых монографий вышла из печати, нам

А. С. Потапов
(1872–?)

М. Г. Попов
(1884–1930)

¹ Ibid.

² Ibid.

³ *Крюков М. В.* Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. М. 2000; *Крюков В. М., Крюков М. В.* Весна и осень революционной дипломатии. М. 2015.

ИМЕТЬ НАГРАДЫ:	
Орденъ Св.Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ	За боевыя отличія противъ Японцевъ пожалованъ 1-го Іюля 1904 года.
Орденъ Св.Анны 4-й степени съ надписью "за храбрость"	То же, пожалованъ 29-го августа 1904 года.
Орденъ Св.Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ.	То же, пожалованъ 19-го сентября 1904 года.
Орденъ Св.Станислава 2-й степени съ мечами .	То же, пожалованъ 19-го сентября 1904 года.
Орденъ Св.Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ.	Пожалованъ 18-го марта 1907 года.
Чинъ капитана	За то, что передъ боемъ подъ гор. Гройдзи произвелъ рядъ смѣлыхъ и удачныхъ развѣдокъ, приносилъ трофеи, доставалъ пленныхъ. Во время развѣдки подъ сел. Барки уничтожилъ офицерскій развѣздъ и далъ весьма цѣнное свидѣніе о передвидахъ у сел. Барки передовыхъ частей противника.
Орденъ Св.Анны 2-й степени.	За то, что въ періодъ съ 20-го октября по 1-е декабря 1915 года производилъ развѣдки подъ гор. Бартовъ, Калинемъ, Козьминъ, Турекомъ и Ленчицы и мис. Паренчево Подружнице, Лута Баренская на Тушинъ, Ржговъ и Брезинъ.

Из послужного
списка
полковника
М. Г. Попова

На побывке дома
с супругой и братьями
(1916 г.)

24 - Апрель 1920 года.

г. Владивосток

Т о в а р и щ ь ,

Более двух лет прошло с тех пор, как я выехал от Заст из Петрограда с поручением в Японию и Китай. В Китае я распространял Декреты Комиссара Иностранных дел т. Чичерина, как Вы увидите из прилагаемой при сем *"The Shanghai Times"* от 17 Мая 1918 г. С Сун-Ян - Цзен-омъ мнѣ не пришлось увидѣться, онъ былъ в Японіи, а когда я прибылъ в Японию, онъ выѣхалъ в Кантонъ. Изъ Японіи я послалъ Вамъ нѣсколько корреспонденціи и переводовъ изъ японскихъ газетъ и результатовъ собственныхъ наблюдений. Во Владивостоѣ, куда я принужденъ былъ вернуться за недостаткомъ средствъ, вскорѣ послѣ переворота я былъ арестованъ, какъ гласитъ мой арестантскій билетъ "за контр-развѣдывательныя сохленистскія идеи".

В настоящее время, пользуясь оказіей и идю Вамъ: 1. Секретное предложеніе Японіи - Временному Сибирскому Правительству /1918г./ 2. Докладъ Атаману Семенову - комиссіи организаціи монгольскихъ отрядовъ, изъ котораго видна роль Японіи въ дѣлѣ организаціи Монгольскихъ отрядовъ. Въ бытность въ Шанхаѣ я завязывалъ сношенія съ Временнымъ Корейскимъ Правительствомъ и получалъ личное письмо отъ Министра Иностранныхъ дѣлъ, которое при семъ прилагаю. Членъ Корейскаго Временнаго Правительства въ настоящее время находится частью въ Шанхаѣ, часть въ Пекинѣ. Имѣя веденіе интенсивнаго работа въ Корей, Восточной Сибиріи, Маньчжуріи и Америкѣ. Корейцы высказываютъ непреклонное желаніе завязать сношенія съ Совѣтскою Россіей, путемъ посланій делегаціи, которая, вѣроятно, уже прибыла въ Москву. Корейцы крайне нуждаются въ оружій, которое скупаютъ у хунхузовъ въ Маньчжуріи. Корейскіе партизанскіе отряды разбросаны по всей Северной Маньчжуріи и въ определенное время могутъ быть собраны

удалось получить его личное дело, хранящееся в Российском государственном Военно-историческом архиве.

В этом перечне боевых наград М. Г. Попова не упомянут полученный им позже Георгиевский крест с золотым оружием (см. с. 354).

Главное же — благодаря любезной помощи посла РФ в КНР А. И. Денисова мы познакомились с еще одним важным документом — датированным 24 апреля 1920 г. письмом М. Г. Попова в Наркоминдел, содержащим ранее неизвестные нам детали его пребывания в Шанхае — в 1918 г., когда он был назначен советским консулом, но в силу объективных обстоятельств так и не смог приступить к исполнению своих служебных обязанностей, и в начале 1920 г., когда он вел переговоры с Сунь Ятсеном.

Переговоры на улице Мольера

Михаил Георгиевич Попов был профессиональным военным, полковником царской армии, в 1918 г. избранным полковым командиром, после заключения Брестского мира откомандированным в распоряжение Наркоминдела и после этого направленным в Китай, чтобы занять пост консула РСФСР в Шанхае. Кроме того, как явствует из вышеупомянутого письма, он имел поручение встретиться с Сунь Ятсеном — это была первая попытка НКВД установить личный контакт с лидером китайской революции, только что направившим свое послание советским руководителям.

Однако предполагавшееся признание Советской России Китаем не состоялось, и Попов был вынужден вернуться во Владивосток, где на несколько лет задержался из-за стремительно развивавшихся событий гражданской войны. Весной 1920 г. он вновь оказался в Шанхае с мандатом, выданным ему «розовым правительством» — Приморской областной управой. На этот раз первоначальное задание было выполнено: в Шанхае состоялись переговоры Попова с Сунь Ятсеном. Донесения присутствовавшего на этих встречах американца Дж. Сокольского, хранящиеся в Национальном архиве США, и письмо Попова от 24 апреля 1920 г. являются сегодня главными источниками, позволяющими восстановить ход и итоги переговоров.

Чтобы расположить к себе собеседника, Сунь Ятсен заверил его, что является поборником советского общественного строя, и у Попова сначала сложилось превратное представление о том, что «Сунь — сторонник

советской организации и высказывается за установление Советов повсеместно в Китае, сначала во внутренних провинциях с постепенным продвижением к морю, дабы поставить иностранцев лицом к лицу с совершившимся фактом»¹.

Но после того как Сунь Ятсен изложил суть предложений, обращенных к Москве, мнение Попова о нем резко изменилось.

Сокольский писал:

Д-р Сунь неоднократно говорил мне, что он собирается силой оружия уничтожить гуансийцев на Юге. То же самое он сообщил большевистскому представителю в Китае Попову. Он спросил большевика, сможет ли Москва помочь ему и в этой операции. <...>

Попов спросил его, почему он не планирует военные действия прежде всего против ориентирующихся на Японию Маленького Сюя и Дуань Цижюя. Д-р Сунь ответил, что прежде всего следует очистить от милитаристов Юг. После этого он предпримет поход на Север.

Попов спросил его, не допускает ли он, что аньфуисты сначала используют его в своих целях, а когда он поможет им уничтожить [милитаристов] Юга, они уничтожат его самого?

Он ответил, что это невозможно, так как он обладает более значительными силами².

Какими именно силами, по словам Сунь Ятсена, он располагал, мы узнаём из письма Попова:

Войска его расположены главным образом в провинциях Сычуань, Шаньси и Шэньси и общее количество их достигает 150 000. Сунь заявил, что у него нет недостатка в людях, но недостаток вооружения. Необходимы 75000 винтовок, патроны, тяжелая артиллерия, аэропланы

Кабинет Сунь Ятсена на Rue Moliere, 29, где проходили его переговоры с М. Г. Поповым (фото А. И. Денисова)

¹ Попов — НКВД, 24 апреля 1920 г. // Документы архивов МИД России. Революция 1917 года. Судьбы русской и советской дипломатии. Фонд Л. М. Карахана. Опись 3. П. 1. Дело 7. С. 116а.

² Report by Sokolsky, June 1, 1920 // United States Military Intelligence Reports. No. 2566.

и автомобили. Сунь настроен воинственно и полагает, что он постепенно разобьет главных своих противников:

а/ на юге — Лу [Жунтин]. Генерал Лу (бывший хунхуз) — сильный противник Суня на Юге занял в настоящее время Гуандун и Гуанси, нанеся поражение войскам Суня, которые были в провинции Гуандун.

б/ на севере — Чжан Цзолинь (Мукденский). <...> Японофил, хотя за последнее время отношения его с японцами стали портиться.

в/ в Монголии — генерал Сюй [Шучжэн] — японофил¹.

При этом Сунь Ятсен добавлял, что он «для своей армии намерен пригласить инструкторов и техников из Германии»².

«Полковник Попов пришел к выводу, что планы д-ра Суня неосуществимы, — писал Сокольский. — Он сказал, что большевики устали от войны и хотят мира»³.

Общее впечатление, которое Попов вынес из встречи с Сунь Ятсеном, было более чем негативным:

Он охарактеризовал д-ра Суня как старомодного милитариста, который не видит иного пути спасения своей Родины, кроме военного⁴.

Нам уже приходилось писать о том, что полковник Попов был первым, назвавшим Сунь Ятсена «милитаристом». Позднее д-ра Суня примерно в тех же выражениях характеризовали многие советские деятели. Вот несколько примеров.

А. А. Иоффе:

Основная позиция Суня: революцию в Китае можно сделать только военной силой⁵.

Г. Н. Войтинский:

До сих пор партия Гоминьдан не сделалась еще национальной политической организацией, а продолжает действовать как одна из милитаристских групп⁶.

С. И. Слепак:

До сих пор Сунь Ятсен увлекается военными авантюрами <...> Для многих Гоминьдан не отличается от других милитаристских клик в Китае⁷.

Р. Шиллер и С. А. Далин:

¹ Попов — в НКВД, 24 апреля 1920 г. // АВП. Фонд 516. Пор. 2211. Папка 53. С. 116а.

² Там же.

³ Memorandum by Sokolsky, March 30, 1920 // USDS. 761.93/142.

⁴ Ibid.

⁵ Иоффе — Чичерину, 17 октября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2194. С. 141.

⁶ Войтинский — Сафарову, 8 марта 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 41. С. 33.

⁷ Слепак — Войтинскому, 25 ноября 1923 г. // Там же. Д. 42. С. 54.

Гоминьдан оказался без социальной базы и вынужден был пойти по бесплодному пути только милитаристских комбинаций¹.

Л. Д. Троцкий:

Пока Сунь Ятсен занимается исключительно военными операциями, в глазах китайского рабочего, крестьянина, ремесленника и мелкого торговца он кажется таким же милитаристом, как милитаристы Севера Чжан Цзолинь и У Пэйфу².

Сунь Ятсен, поразмыслив, прислушивается к мнению Попова

Во время встречи с полковником Поповым Сунь Ятсена не убедили высказанные русским опасения относительно того, не воспользуются ли северные милитаристы его планом «сначала покончить с гуансийскими бандитами и лишь после этого осуществить поход на Север».

Через несколько дней после переговоров с Поповым Сунь Ятсен писал одному из своих респондентов:

Если уж говорить о спасении страны, то корень зла тут в творящих зло [гуансийских] наемниках, и их нужно уничтожить в первую очередь.

Кое-кто полагает, что намерение в первую очередь покончить с наемниками [на Юге] может иметь своим следствием раскол наших рядов и позволит врагам воспользоваться этим. Они считают, что [немедленный] поход на Север позволит нам завоевать поддержку большинства населения. <...>

Но если внутренняя смута не преодолена, то невозможно воспрепятствовать внешней опасности³.

Сунь Ятсен разъяснял тому же адресату:

Нынешний план состоит в том, что нужно вступить в диалог с Севером. Но есть несколько северных военных деятелей, с которыми можно контактировать: или пойти на союз с аньфуистами против Чжили, либо договариваться с Чжили против аньфуистов. <...>

Я считаю, что главное преступление, заключающееся в отказе от конституции и предательстве Родине, совершили люди из Чжили, а аньфуисты лишь были с ними заодно. Если сейчас приходится в силу обсто-

¹ Шиллер и Далин — в ЦК Китайского союза молодежи, 31 мая 1923 г. // Там же. Д. 75. С. 19.

² Докладная записка Барановского о посещении делегацией партии Гоминьдан Л. Д. Троцкого, 27 ноября 1923 г. // Там же. Д. 49. С. 23.

³ Сунь Ятсен — Ван Вэньхуа, 26 марта 1920 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 200.

ятельств иметь с ними дело, нужно выбрать какую-то одну сторону, на которую в большей степени можно положиться, поскольку она менее коварна. <...>

Именно это я имел в виду, идя на контакт с Дуань Цижуем¹.

Однако, судя по всему, мысли Сунь Ятсена вновь и вновь возвращались к сказанному Поповым. Только этим можно объяснить тот факт, что вскоре Сунь Ятсен начинает обдумывать план похода против Пекина — очередной вариант своего «Северо-Западного плана».

В начале августа 1920 г. в Шанхай прибыл из Благовещенска некто Лю Цянь, он же Федор или Федоров — один из руководителей организации китайских иммигрантов, созданной на советском Дальнем Востоке и получившей претенциозное наименование «Китайской коммунистической партии Амурской области». В своем отчете Амурскому обкому ВКП(б) Лю Цянь сообщал, что его пребывание в Шанхае завершилось заключением соглашения с Сунь Ятсеном.

Лю Цянь докладывал в обком:

По прибытии в Шанхай я первым делом встретился с известным китайским социалистом Сунь Ятсеном, ныне ставшим во главе революционного движения на Юге, с которым я имел переговоры, сущность коих и мое заключенное с ним соглашение состоят в следующем:

А) Немедленное объединение революционных китайских сил, находящихся на территории Южного Китая, Центральной России и Дальнего Востока, дабы совместно — в полном контакте могли подготовить почву для выступления против существующего на Севере реакционного правительства.

Б) Для этого необходимо иметь руководящий центр на территории Дальнего Востока, откуда будут даны директивы как Югу, так и организациям, находящимся в Советской России.

В) Местом концентрации войск, имеющихся в Советской России, и Южного Китая намечена провинция Синьцзян, на границе Семипалатинской и Семиреченской областей, что около Китайского Туркестана, где и в настоящее время идет частичная вербовка добровольцев. По стратегическим соображениям это место является одним из лучших, откуда бы могли свободно двинуть войска на Север. Переговоры относительно слияния войск уже велись китайскими войсками в Центральной России с главой Юга — Сунь Ятсеном. Первые изъявили полное свое согласие выступить в полном контакте с Югом.

¹ Сунь Ятсен — Ван Вэньхуа, 27 марта 1920 г. // Там же. С. 202.

Для живой связи с Сунем делегируются в Москву два представителя, которые ожидаются здесь в ближайшем будущем. Они намерены пробыть в Благовещенске некоторое время и вести на месте пропагандистскую работу [как] среди рабочей массы, так и среди китайских войск.

Г) Широко поставить издательское дело, для чего необходимо организовать в Шанхае типографию¹.

Таким образом, в августе 1920 г. во время переговоров с представителем Благовещенска Сунь Ятсен сформулировал очередной, третий вариант своего «Северо-Западного плана», главной целью которого было свержение пекинского правительства. Осуществить эту задачу он предполагал как за счет частей Красной Армии, так и военных формирований китайских добровольцев, проживавших в России. Именно последние имел в виду Лю Цянь, когда он упоминал о «революционных китайских силах», находящихся на территории Центральной России и Дальнего Востока.

Когда Лю Цянь отправился обратно в Благовещенск, вместе с ним для уточнения деталей операции Сунь Ятсен послал своего представителя Ли Чжанда.

Во время пребывания в Благовещенске Ли Чжанда встречался не только с руководителями Амурской области, но и с приехавшим из Москвы К. Н. Соколовым-Страховым; тот после этого сам побывал в Шанхае. Из бесед с Ли Чжанда (его в своем докладе он называет Лизуитаном) Соколов-Страхов следующим образом уяснил себе цели, которые в это время ставил перед собой Сунь Ятсен (не будучи достаточно осведомлен о сложившейся на Юге ситуации, он писал о единстве политических устремлений д-ра Суня и Военного правительства, с которым его бывший глава не только решительно порвал, но и планировал его скорейшее свержение):

Первой задачей партии Гоминьдан и кантонского правительства является уничтожение феодализма в стране. Этого, по их мнению, можно

Ли Чжанда
(1890–1953)

¹ Доклад Лю Цяня в Амурский областной комитет РКП (б), 5 октября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 106. С. 4.

достигнуть только лишь путем гражданской войны, в результате которой, они уверены, должен быть неминуемый разгром пекинского милитаристического правительства¹.

Соответственно излагает Соколов-Страхов предложения, которые сформулировал ему Сунь Ятсен:

Военный договор, который мыслил заключить д-р Сунь Ятсен, сводился к тому, чтобы Красная Армия начала свое наступление весной со стороны русского Туркестана на Синьцзян в направлении на главный город юго-западной китайской провинции Сычуань. В этой провинции, по словам Лизуитана, числилось около 40 тысяч членов партии Гоминьдан, которые подготовлены к такому обороту дел и с радостью встретят Красную Армию².

Тем временем пребывание Ли Чжанда в Благовещенске оказалось безрезультатным. О своей поездке он рассказал в отчете, из которого следует, что его миссия завершилась неудачей:

Внимательно проанализировав ситуацию, я пришел к выводу, что русские не разрешат Лю [Цяню] осуществить набор добровольцев. К тому же он оказался не тем человеком, которому можно было доверять. Я опасался, что он обманет меня, но действовать самостоятельно не мог. Тогда я решил ехать в Москву. <...>

Я обратился в Комиссариат внешних сношений с просьбой выдать мне визу для поездки в Москву, но русские не дали на это разрешения, и поездка сорвалась³.

Не исключено, что узнай в Москве о «Северо-Западном плане» Сунь Ятсена годом раньше, его цель, быть может, была бы достигнута.

Но теперь Троцкий вдруг сам дезавуировал высказанную им самим идею о том, что до Лондона Красной Армии проще всего добраться не иначе, как через Бомбей:

До упрочения положения на Западе и улучшения нашего промышленного и транспорт-

Годом раньше Троцкий, пожалуй, поддержал бы план Сунь Ятсена

¹ Доклад К. Н. Соколова-Страхова, 21 апреля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 8. С. 7.

² Там же.

³ 李章达。视察新俄日记 (Ли Чжанда. Дневник поездки в новую Россию) // Чжунго гоминьдан тунсюнь. 1921. № 64. С. 95.

ного состояния советская экспедиция на Востоке может оказаться не менее опасной, чем война на Западе¹.

Сунь Ятсен и генерал Потапов

Джорж Сокольский считал генерала Потапова не вполне психически здоровым человеком. Такого же мнения придерживались практически все, кому когда-либо доводилось иметь с ним дело.

Характеристика, данная Потапову Сокольским, была вполне адекватна

Бывший член Уфимской директории генерал В. Г. Болдырев во время пребывания в Японии вспоминал: «После завтрака в весьма растерзанном виде, с неизменным голубым галстуком на шее вбежал только что прибывший из Владивостока генерал Потапов. <...> Утомил меня нескончаемой беседой»².

Прибалтийский генерал-губернатор П. Г. Курлов утверждал, что в 1912 г. Потапов был уволен в запас по причине «умственного помешательства»; генерал П. И. Аверьянов говаривал о Потапове, что это «был просто больной, ненормальный и почти неменяемый человек, с которым военный министр А. И. Гучков не знал впоследствии, как и разделаться, как его сплавить не только из Петрограда, но даже вообще из России»; министр в правительстве адмирала Колчака А. П. Будберг, которому Потапов, не жалея красок, живописал «свои богатства и свою великую революционную роль», счел его «полусумасшедшим авантюристом»; на рижских журналистов он произвел впечатление «не то психически больного человека, не то ловкого авантюриста»³.

Все вышеприведенные штрихи создают вполне определенный образ, весьма близкий к нарисованному Сокольским: назойливая болтливость,

¹ Цит. по: *Персиц М. А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920–1921. М. 1996. С. 11.

² *Болдырев В. Г.* Директория, Колчак, интервенты. Новосибирск. 1925. С. 195.

³ *Дамье В.* Русский генерал и китайские радикалы // *Россия и современный мир.* 2018. № 3(100). С. 32, 34, 45.

неуемное самомнение, постоянное стремление преувеличенно подчеркивать свою роль во всем, что происходит вокруг.

Только этим можно объяснить парадокс: Потапов встречался с Сунь Ятсеном и «обсуждал с ним планы сотрудничества Гоминьдана с большевиками», однако д-р Сунь не посвятил его в свой «Северо-Восточный план». Судя по всему, Сунь Ятсен, умевший разбираться в людях, сразу разглядел в нем пустослова и хвастуна и не счел возможным делиться с ним своими сокровенными мыслями. Не случайно и о Сокольском, и о Сунь Ятсене у генерала Потапова сложилось весьма негативное мнение (после возвращения в Москву первого он называл не иначе как «ярким врагом советской власти», а второго всячески порицал за то, что он отказался передать через Потапова письмо Ленину).

Поразительно, но факт: Чэнь Цзюньмина, в это время успешно занимавшегося в Чжанчжоу социальными реформами, Потапову удалось обвести вокруг пальца. После переговоров с «посланцем Ленина» Чэнь Цзюньмин попросил его передать вождю мирового пролетариата письмо, которое и было благополучно доставлено в Москву:

На днях генерал Потапов прибыл сюда и виделся со мной. Он ознакомился с нашим положением и рассказал мне о положении новой России и путях распространения принципов самоопределения. Это доставило мне огромное наслаждение. Я глубоко верю в исключительное сочувствие, проявленное новой Россией к китайскому народу, и в помощь нашему грядущему революционному движению в его различных видах¹.

Попался на потаповскую удочку и Ли Лецзюнь, встреча с которым произошла в Гонконге. Здесь «посланец Москвы» получил на руки «Обращение к советскому народу»:

С истинным удовольствием мы пользуемся случаем проезда генерала Потапова через Гонконг, чтобы к вам обратиться с нижеследующими строками, стремясь к тому, чтобы завязать связь и войти в сношения с русским народом и его представителями и установить прочные отношения.

Оба эти письма для Потапова были на вес золота. Теперь он мог возвращаться в Россию — не с пустыми руками, а будучи в состоянии предъявить любому желающему зримые свидетельства его кипучей революционной деятельности на Дальнем Востоке.

В Наркоминделе Потапов предъявил большую папку с самыми различными материалами.

¹ Чэнь Цзюньмин — Ленину, май 1920 г. // Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М. 1959. С. 50.

Среди них помимо газет и фотографий были прокламации, составленные Чэнь Цзюнмином якобы при участии Потапова для распространения 1 мая 1920 г. среди войск и населения Южного Китая; письмо Чэнь Цзюнмина проживающим в РСФСР китайцам, письмо Ли Лецзюня Потапову и т. д. Письмо Чэнь Цзюнмина Ленину венчало всё это обширное собрание.

Не было в нем только письма Сунь Ятсена, заполучить которое так хотелось генералу.

Но и без него Потапов добился желаемого.

Мистифицировав китайских прогрессивных деятелей, он сумел одурочить и советских руководителей, поверивших в то, что перед ними пусть в прошлом и царский генерал, но безоговорочно вставший в ряды трудового народа. В конечном счете в Наркоминделе пришли к выводу о том, что «деятельность Потапова признана Советской властью крайне полезной»¹.

Письмо Ленину и другие сочинения генерала Потапова

21 октября 1920 г. Потапов написал письмо Ленину.

Послушать Потапова, так картина его революционной деятельности получалась действительно внушительная.

Оказывается, именно ему Ленин и его соратники были обязаны своим спасением в предоктябрьские дни:

Хотя русскими реакционными кругами и иностранной разведкой твердо и авторитетно установлена наша взаимная дружеская близость и на мне тяготеют неопровержимые обвинения в поощрении, в бытность мою в Петрограде, Вашей деятельности, *в спасении Вас и Ваших сотрудников и последователей от организованных против всех эксцессов*² и в поддержке в течение всей революции тесной с Вами связи, в удостоверение чего в разных контрразведках надежно хранятся, в порядке вещественных доказательств, копии будто бы адресованных ко мне писем, но, к моему сожалению, я до сих пор не имел удовольствия личного с Вами знакомства и не был почтен какою-либо Вашей корреспонденцией, что очень отразилось на моей работе и деятельности как в пределах русского Дальнего Востока, так и в сопредельных с нами странах Японии и Китая³.

¹ Дамье В. Русский генерал и китайские радикалы. С. 46.

² Курсив наш.

³ Потапов — Ленину, 21 октября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. С. 36.

Архив
Н. МИТТЕРНА
№ 846
1901/8

36

Владимиръ Ильичъ.

Уста русскими реакционными крупными личностями выдаю: твердо и авторитетно установлено наша важная дружеская близость и на ней тяготеют неупреждаемые обвинения в поворотах, в близости мое в Петураград, Вашей деятельности, во спасении нас и наших союзников и последователь от организации против всех экспедиций и в подорожьи в течение нашей революции тесной с нами связи, во удостоверение чему мы ошине контр-революции надлежно хвалятся, с перекрестом отговорок доказательств, кони, бугае, — адресованных Вами ко мне писем, но ко моему сожалению, я до сих пор не имел удовольствия личного с Вами знакомства и не был почтен как-либо Вашей кареполющения, что очень отягощает мою работу и деятельности, как в пределах русского Дальнего Востока, так и сопредельных с нами странах Азии и Китая.

Почти три с половиной десятилетия проведя в одиночестве, тайно, вдали от общества, на чужих и не всегда гостеприимных порогах и в горах не имея к себе из Новой Руси: «Городной Книжки», в которую заносились быть или не быть малые «дети», пробыл и с столби восточной и восточнее восточнее-восточнее врагами русского народа разных книг.

Но случаи были. Были изгнаны, появлялись себя помнить был с моей «эволюционной деятельности» с «еврейскими» книг 1917 года.

въ началѣ русскія войны и, прибывъ въ Петроградъ за не-

PHOTOGRAPH BY J. H. HARRIS.

...наша в прессе не только не упоминается, но и с этой изданной ли-
тературой с людьми, которые имеют право знать, что такое революция,
некоторые из них в состав ее даже не включаются популяриза-
ция и во имя революции.

«После» этих критики «истории» со стороны «интеллигенции», которые могли руководствоваться суждениями как некими типичными социальными, доходящими и извращениями изъ-за выводов из доверия, и суждениями по своему собственному и личному мнению, поставленными правительством, чтобы изъяснить некоторые из преступлений, что я сделал, что не совершил, не были своевременно получены, рассмотрены и учтены и впоследствии мной мои скромные мнения не были даны должным.

...наших русских революционных деятелей и как представитель многих китайских, корейских, японских и других организаций. /7-9-1920-гг.-/ на первом интернационале в глубокой стра- дало, что Токанская обитает при содействии иностранной импе- риалистической политики могут быть истолкованы среди азиат- ских и других народов, как знак нашей поддержки по отно- сению к власти Токанских империалистов в их борьбе против предрассудков. Язык китайско-корейско-японских народ- ных рабоче-крестьянских масс, что позволяет упрекнуть нас довести до лозунгов русской революции и вывести и азиатские нации и народы и создавать русско-китайско-ко- рейский народный союз, основанный на взаимных общности и- нтересах освобождения, который бы был бы достигнуты установ- ному завершению и победой русской револю- ции.

Уверенно пишупись на этикетке почтить меня добрым отноше-
нием по содержанию настоящего моего к Вам письма, а для дене-
сий моих доверителей нежно убедиться от меня в раз-
ных местах сообщений.

H. H. H.

Hiomand

Первая и последняя страницы письма Потапова Ленину
от 21 октября 1920 г.

А в Китае, по словам Потапова, он стал едва ли не ключевой фигурой всей революционной деятельности в этой стране:

За прошедший промежуток времени моих настойчивых, вызывавших в отношении меня эксцессы союзников, попыток установления с Вами связи моих доверителей, из бесед с Вашими представителями, из полученных мною сообщений из России и с Дальнего Востока и из прессы мною установлено, что с отъездом моим из Китая лидеры революционных движений, в надежде на успех моей и моих сотрудников миссий и уверенные в Вашем им сочувствии, смело перешли к активным против Пекина действиям, схема которых мною была одобрена, и, при обозначившемся организацией борьбы несомненном успехе народных масс, союзные и даже японские войска приняли нейтралитет¹.

¹ Там же. С. 40.

Помимо письма Ленину Потапов представил в НКВД еще три записки: «Современное положение в Китае»¹, «Краткий обзор современных политических партий, обществ и союзов в Китае и отношения их и населения разных частей Китая к РСФСР»² и «О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской республики»³.

Побочный эффект

Начиная с первых месяцев после Октября большевики настойчиво искали контактов с Сунь Ятсеном, которого считали главной фигурой народно-освободительного движения в Китае.

Как явствует из письма М. Г. Попова в НКВД, направляясь в Шанхай весной 1918 г., он имел предписание встретиться с Сунь Ятсеном. Но эта встреча не состоялась, потому что Сунь Ятсена в тот момент в Шанхае не было⁴.

В августе 1918 г. наркоминдел Г. В. Чичерин направил Сунь Ятсену письмо, в котором чрезвычайно высоко оценивал его вклад в дело китайской революции и даже называл его «Учителем».

Чичерин писал Сунь Ятсену:

Дорогой д-р Сунь Ятсен,

Совет Народных Комиссаров дал нам почетное задание благодарить Вас, уважаемый Учитель, за приветствие, присланное несколько месяцев назад Рабоче-крестьянскому правительству от имени Южно-Китайского парламента, и приветствовать Вас как вождя китайской революции и как человека, который с 1911 года в особенно трудных условиях продолжает идти во главе китайских трудящихся масс против поработителей — северокитайской и иностранной буржуазии и империалистических правительств.

Г. В. Чичерин
(1882–1936)

¹ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. С. 19–23.

² Там же. С. 24–33.

³ Там же. С. 34–36.

⁴ Попов — в НКВД, 24 апреля 1920 г. С. 116а.

Вы, уважаемый Учитель, некоторое время назад в приветствии Рабоче-крестьянскому правительству России указали, что у русской и китайской революции одни и те же цели и что они клонятся к освобождению рабочих и к установлению прочного мира, основывающегося на признании общих интересов двух великих пролетариатов, русского и китайского.

Эта великая задача, понимаемая нами как установление всеобщего мира в результате всеобщего братства трудящихся классов этих наций, была основой всей деятельности Рабоче-крестьянского правительства с момента, когда власть перешла из рук буржуазного правительства в руки народа. Эта наша программа выражена в «Декрете о мире», который, уважаемый Учитель, известен Вам, и она повторена в нашей декларации относительно народов Востока, зачитанной на Пятом Всероссийском Съезде Советов.

Мы тоже, как и Вы сами, сталкиваемся с беспримерными трудностями на нашем пути. Окруженные стальным кольцом штыков империалистических правительств, наемников буржуазии, — чехословацких орд и русской буржуазии, стремящихся восстановить монархию в России, мы отрезаны от наших друзей, южнокитайского пролетариата. В течение двух месяцев связь с Вами была прервана.

На Дальнем Востоке распространяются лживые слухи нашими общими врагами через прессу, развращенную банками и капиталистами, слухи, цель которых — скрыть от китайского народа правду, что Рабоче-крестьянское правительство живет и ведет мощную и неустанную борьбу, теперь, как и прежде, неся знамя победы пролетариата над мировой буржуазией и европейскими ворами и грабителями.

Наша участь горька и борьба неравная. В этот час испытания, когда империалистические правительства протягивают свои жадные руки с востока и с запада, с севера и с юга, чтобы сокрушить русскую революцию и отнять у русских крестьян и рабочих то, что они завоевали для себя такой революцией, какую мир никогда раньше не видел, когда к этим грабителям готово присоединиться правительство Пекина, созданное там иностранными банкирами, в этот момент русские трудящиеся классы обращаются к их китайским братьям и призывают их к совместной борьбе. Ибо наш успех есть ваш успех, наше уничтожение есть ваше уничтожение. Сомкнем теснее наши ряды в великой борьбе за общие интересы пролетариата всего мира!

Да здравствует трудящийся китайский крестьянин!

Да здравствует китайский рабочий!

Да здравствует союз между русским и китайским пролетариатами!

С нашими самыми искренними пожеланиями счастья и процветания китайским трудящимся классам и их уважаемому Учителю д-ру Сунь Ятсену,

Г. Чичерин¹

Однако ответа на свое послание нарком Чичерин так и не получил.

Не реагировал Сунь Ятсен и на «Обращение Советского правительства к народам и правительствам Южного и Северного Китая» от 26 июля 1919 г. («Первую Декларацию Карахана»).

По поручению Советского правительства в июле 1920 г. два послания Сунь Ятсену были направлены в Шанхай председателем «Союза китайских рабочих в России» Лю Цзэжуном.

В первой телеграмме говорилось:

Третий всероссийский съезд китайских рабочих, представляющий многие десятки тысяч рабочих, разобщенных со своей Родиной и в силу указанного обстоятельства лишенных возможности принять непосредственное участие в строительстве нового Китая, но с энтузиазмом следящих за Вашей неутомимой и энергичной деятельностью, принял решение об избрании Вас своим почетным председателем, наряду с вождем мирового освободительного движения Лениным.

Лю Цзэжун
(1892–1970)

Съезд принял решение пригласить Вас приехать в Россию с тем, чтобы дать нам возможность непосредственно ознакомиться с идеями главы китайской революции².

Эта телеграмма была оставлена Сунь Ятсеном без ответа.

Текст второго обращения:

Шанхай, господину Сунь Ятсену для всех китайцев, всех общественных организаций, обществ и политических партий.

Сто тысяч эмигрантов, живущих в России и Сибири, избрали своих делегатов на III Всероссийский съезд китайских рабочих, который решил обратиться с телеграммой-обращением к своим соотечественникам:

¹ Чичерин — Сунь Ятсену, 1 августа 1918 г. // Документы внешней политики СССР. М. 1957. С. 415–416.

² АВП СССР. Ф. 04. П. 455. Д. 62499. С. 2. В черновом варианте телеграммы последняя фраза гласила: «приехать в Россию с тем, чтобы Вы получили возможность непосредственно познакомиться с великими идеями русской революции» (правка рукой Г. В. Чичерина).

1. Мы призываем всех соотечественников объединиться и оказать всемерную помощь революционной деятельности китайской молодежи, направленной на уничтожение своих врагов — империалистической агрессии и капиталистического деспотизма.
2. Мы призываем Китай немедленно признать рабоче-крестьянскую республику, которая возглавляет угнетенные народы в их совместной борьбе за свободу. Мы призываем также нашу страну ни в коем случае не оказывать помощи державам, выступающим против России.
3. Мы призываем нашу страну послать официальную полномочную делегацию в Россию для установления дружественных отношений. Это вопрос первостепенной важности для Китая, и его ни в коем случае нельзя откладывать.
4. Мы просим также срочно принять меры к тому, чтобы китайские эмигранты, желающие вернуться на Родину, могли бы, сделав соответствующее заявление, в любое время беспрепятственно вернуться в Китай. Заранее приносим благодарность¹.

В ответной телеграмме Сунь Ятсен писал:

Телеграмма от 5 июля, отправленная «Союзом китайских рабочих» в Москве, получена в Шанхае 10 июля и должным образом доведена до сведения страны.

Однако позвольте мне заметить, что в настоящий момент Китай является республикой чисто номинально, политическая власть находится в руках монархистов и милитаристов, народ не является свободным.

Прежде чем четвертый пункт вашей телеграммы может быть осуществлен, необходима еще одна революция, которая лишила бы эти группировки власти <...>².

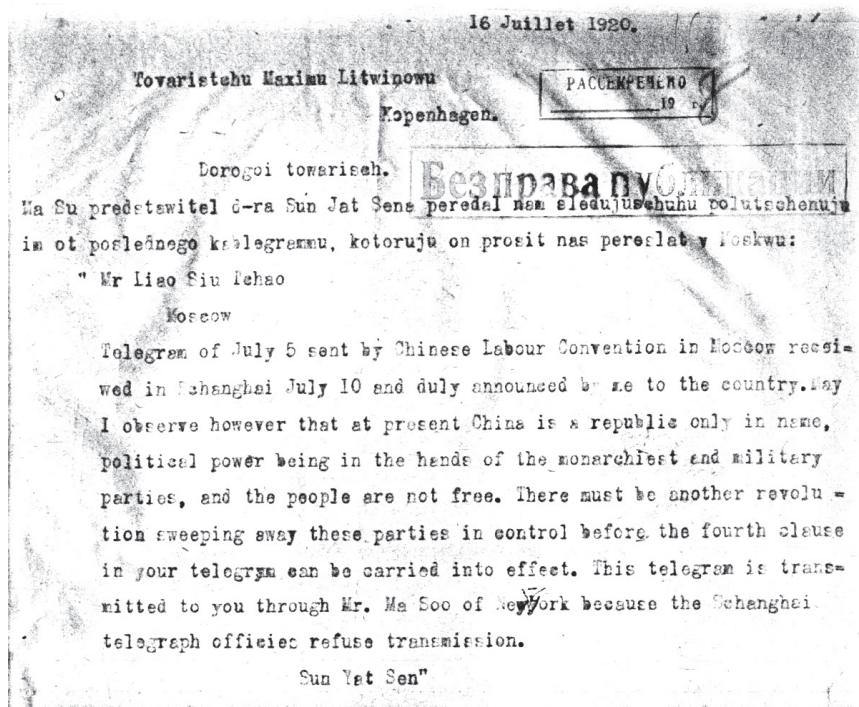
Всё это говорило не в пользу Сунь Ятсена.

В октябре 1920 г. Чичерин снова пишет Сунь Ятсену, но говорит на этот раз не о перспективах мировой революции, а лишь о желательности налаживания торговых отношений между РСФСР и Китаем.

При этом в годовом отчете Народного комиссариата иностранных дел РСФСР VIII съезду Советов за 1919–1920 гг. Чичерин упоминал

¹ Цит. по: *Тихвинский С. Л.* Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. М. 1964. С. 254–255.

² Цит. по: *Хусейнов С. С.* Новый документ революционной солидарности советского и китайского народа // Народы Азии и Африки. 1963. № 1. С. 73.

**Текст ответа Сунь Ятсена на обращение III съезда
китайских рабочих в России**

о попытках установить связи не только с Сунь Ятсеном, но и с «видными демократическими деятелями Севера»¹.

В этих условиях характеристика, данная Сунь Ятсену генералом Потаповым, не только вполне вписывалась в те представления о китайском деятеле, которые в это время складывались в Москве, но и добавляла к ним новые яркие штрихи.

Достаточно было хотя бы одной такой фразы:

[Сунь Ятсен] неоднократно высказывал недоверие к возможности нашего успеха проведения коммунизма в России².

¹ Документы внешней политики СССР. Т. II. М. 1958. С. 730. VIII съезд Советов проходил 22–29 декабря 1920 г.

² Потапов А. С. О докторе Сунь Ятсене, бывшем первом президенте Китайской республики // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 6. С. 36.

И весной 1921 г. советское руководство приняло важное политическое решение. Большевики меняют свое прежнее отношение к Сунь Ятсену, предпочитая отныне иметь дело в Китае с Чэнь Цзюньмином на юге и с У Пэйфу на севере.

Внешним проявлением этого принципиального сдвига стала перепечатка в «Вестнике Народного комиссариата иностранных дел» письма Чэнь Цзюньмина к Ленину, доставленного в Москву Потаповым¹.

Выступая на 1-м Конгрессе Коминтерна, Лю Цзэжун в свое время назвал Сунь Ятсена «гордостью Китая». Теперь «Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна» без каких-либо комментариев перепечатывали статью из либеральной пекинской газеты, где, в частности, говорилось:

Доктор Сунь и его приверженцы давно уже потеряли свою популярность, которой они пользовались раньше, и вся страна считает его политическим интриганом, одним из тех, политика которых имеет чисто химерический характер².

Эта формулировка постепенно становится общепринятым идеологическим клише, к которому то и дело прибегали в это время коминтерновские авторы:

Популярность Сунь Ятсена в китайских общественных кругах, а тем более среди революционных групп интеллигенции и трудящихся, утрачивается. <...> Он ныне одинаково далек как от нарождающейся и освобождающейся от феодального плена буржуазии, так и от трудящихся масс.

Это не мешает, однако, Сунь Ятсену выступать периодически в роли защитника интересов рабочего класса.

Так, на одном из многочисленных собраний кантонских организованных рабочих Сунь Ятсен заявил, что «условия жизни рабочих тяжелы, и необходимо их изменить». Но заявления Сунь Ятсена встречают очень и очень мало доверия³.

На страницах этого издания Чэнь Цзюньмин выступает как «один из наиболее передовых и популярных людей Китая», а Сунь Ятсен – как

¹ Вестник Народного комиссариата иностранных дел. 1921. № 1–2. С. 13.

² Беспокойный доктор Сунь Ятсен // Бюллетени Дальневосточного секретариата Коминтерна. № 4. 17 апреля 1921 г. С. 9.

³ В южном Китае // Там же. № 7. 29 мая 1921 г. С. 11.

«искусный дипломат, осторожный политик и меньше всего революционер»¹.

При этом утверждалось, что «честолюбивые планы Сунь Ятсена потерпели фиаско»².

Как справедливо отмечал К. В. Шевелев, было бы упрощением объяснять подобную позицию редколлегии «Бюллетеней» левацкими тенденциями Дальневосточного секретариата Коминтерна³: в то время она, несомненно, отражала санкционированную высшими партийными инстанциями точку зрения ИККИ.

¹ Там же.

² Там же.

³ *Шевелев К. В.* Предыстория единого фронта в Китае и учредительный съезд КПК // Китай: традиции и современность. Сборник статей. Москва. 1976. С. 203.

Глава XVIII

Эпопея Чэнь Цзюньмина

Конфликт, заслуживающий сожаления

Еще сравнительно недавно историки однозначно характеризовали Чэнь Цзюньмина как милитариста, какое-то время поддерживавшего Сунь Ятсена, а затем предавшего его. Последующие исследования отчетливо показали, что подоплека взаимоотношений этих двух деятелей была гораздо более сложной.

Начать с того, что Чэнь Цзюньмин вовсе не был милитаристом. Ветеран «Объединенного союза», в 1914 г. он отказался вступать в Гоминьдан из-за несогласия с сочиненным Сунь Ятсеном уставом партии. Но шесть лет спустя д-р Сунь, связывая с Чэнь Цзюньмином свои надежды на лучшее будущее, руководствовался принципом «Кто старое помянет...».

Сунь Ятсен снова в Кантоне

Убедившись в том, что план похода на Пекин не срабатывает, Сунь Ятсен вернулся к своей первоначальной мысли: сначала разделаться с «гуансийскими бандитами», а затем уж думать о Пекине. Несмотря на радующие глаз выкладки о численности войск, которые могли бы участвовать в этом, на деле он мог рассчитывать только на сравнительно немногочисленную армию, действовавшую в Фуцзяни под командованием Чэнь Цзюньмина.

Сунь Ятсена радовали боевые успехи Чэнь Цзюньмина, и в конце августа он писал:

На днях Цзинцунь¹ начал наступление на [гуансийских] наемников и к тому же весьма успешно: за 5 дней занял Чаочжоу и Мэйсянь, уничтожив несколько десятков тысяч бандитов. Если дело пойдет дальше столь же успешно, то в этом году можно будет уничтожить всех наемников в Гуандуне и Гуанси².

Своим возвращением
в Кантон Сунь Ятсен
был обязан Чэнь
Цзюньмину

Своим сторонникам Сунь Ятсен предписывал во всех вопросах ведения боевых действий подчиняться распоряжениям Чэнь Цзюньмина.

После того как 23 октября Чэнь Цзюньмин отдал приказ начать наступление на Кантон, Чэнь Чуньсюань объявил о роспуске Военного правительства. 29 октября Кантон пал, и Чэнь Цзюньмин телеграфировал об этом Сунь Ятсену, приглашая его прибыть в Кантон, чтобы взять в свои руки руководство.

Сообщая об этом Чан Кайши, Сунь Ятсен заявлял, что не только не пожалеет сил, чтобы впредь всячески поддерживать Чэнь Цзюньмина, но и что он доверяет своему благодетелю так же, как в 1912 г. доверял Хуан Сину, а в 1913 г. — Чэнь Цимэю³.

Тем временем Пекин откликнулся на заявление Лу Жунтина и опубликовал декларацию о том, что противостояние Севера и Юга стало достоянием истории и отныне страна объединена. Сунь Ятсен, Тан Шаои, У Тинфан и поддержавший их Тан Цзися выступили с опровержением: «Военное правительство существует, как и прежде!»⁴

Чэнь Цзюньмин поддержал четырех членов Директории:

Заявление Лу Жунтина, Мо Жунсиня и пр. аннулирует незаконно присвоенные ими атрибуты и посты, не нанося ущерба ни Военному правительству, ни парламенту⁵.

Но на этом единодушие Чэнь Цзюньмина и Сунь Ятсена исчерпало себя. На поверхность вышли принципиальные расхождения во взглядах

¹ Чэнь Цзюньмин.

² Сунь Ятсен — Дэнь Цзяню, 30 августа 1920 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 236.

³ Сунь Ятсен — Чан Кайши, 29 октября 1920 г. // Там же. С. 270.

⁴ Опровержение декларации о мнимом объединении Китая, 31 октября 1920 г. // Там же. С. 271.

⁵ 陈总司令电斥岑莫等私和 (Главкомандующий Чэнь опроверг частное заявление Цэня, Мо и пр.) // Миньго жибао, 9 ноября 1920 г.

как по частным тактическим проблемам, так и по вопросу о том, каким путем в дальнейшем должен идти Китай.

Их мнения по кардинальным аспектам государственной политики оказались несовместимыми

1 января 1921 г. Сунь Ятсен впервые четко сформулировал мысль о том, что функционирование прежнего Военного правительства уже не отвечает требованиям времени, и на смену ему должно прийти всекитайское правительство во главе с легитимно избранным президентом¹.

Это предложение встретило возражения Чэнь Цзюньмина, указывавшего на то, что в условиях отсутствия кворума результаты проведенных парламентом выборов президента будут незаконными.

Действительно, в соответствии с существовавшими правилами, выборы президента могли состояться в том случае, если в них принимали участие две трети от общего числа 580 депутатов, тогда как в Кантоне в тот момент присутствовали лишь 220 парламентариев.

У Сунь Ятсена наготове был контрдовод: выборы президента будут проходить на «чрезвычайной» сессии парламента, на которой наличие кворума необязательно. Соответственно, и президент будет тоже «чрезвычайный».

14 февраля на заседании правительства (Чэнь Цзюньмин принимал в нем участие, будучи военным министром) разгорелся спор по поводу выборов президента и организации всекитайского правительства. Сунь Ятсен высказался в том смысле, что без сильного правительства Китай не будет признан державами. По мнению Чэнь Цзюньмина, этот аргумент звучал неубедительно: «Главное в том, чтобы внутреннее положение было устойчивым, а признание иностранцами — это неважно»².

18 февраля «Шэньбао» писала, не называя имен:

Один видный деятель провинции Гуандун заявил, что он очень уважает Сунь Ятсена и готов во всем подчиниться ему, но тем не менее решительно выступает против немедленного избрания Сунь Ятсена президентом. Из-за этого выборы были на время отложены³.

¹ 孙总裁元旦之演辞 (Новогодняя речь члена Директората Сунь Ятсена) // Миньго жибао, 11 января 1921 г.

² 有关陈炯明资料 (Материалы, касающиеся Чэнь Цзюньмина). [Гектограф]. 1965. С. 76.

³ 广州通信 (Корреспонденция из Кантона) // Шэньбао, 18 февраля 1921 г.

Всё это крайне раздражало Сунь Ятсена, и он потребовал от парламентариев, чтобы выборы президента состоялись не позже чем через три недели¹.

В беседе с одним из своих ближайших соратников Сунь Ятсен жаловался: «Что бы я ни предложил, Цзюньмин каждый раз хватает меня за локти!»²

В своем интервью корреспонденту осакской «Майнити симбун» Чэнь Цзюньмин утверждал, что у него с Сунь Ятсеном нет никаких политических разногласий³.

Иначе он характеризовал ситуацию, отвечая на вопросы гонконгской «Сянган хуацзы жибао»:

Я не хочу, чтобы г-н Сунь потерпел неудачу, и поэтому выступаю против преждевременных выборов президента.

Если в Кантоне будет избран президент, Север непременно воспользуется этим и начнет военные действия. <...>

Положение в Гуандуне еще непрочное, и в случае начала войны над ним нависнет опасность. Мы с г-ном Сунем и так уже прошли через многочисленные испытания, зачем же сейчас снова подвергаться риску?

Тем не менее 7 апреля парламент на своем чрезвычайном заседании принял «Статут Правительства Китайской Республики» и почти единогласно избрал Сунь Ятсена Чрезвычайным президентом КР.

«Сянган хуацзы жибао» писала по этому поводу:

Сунь Ятсен давно уже добивался избрания президента, но произошло это совершенно неожиданно⁴.

Один из номеров
«Сянган хуацзы жибао»

¹ 上海快信摘要 (Резюме сообщений из Шанхая) // Дагунбао (Чанша), 10 марта 1921 г.

² 危机四伏的广东 (В Гуандуне назревает кризис) // Дагунбао (Тяньцзинь), 11 марта 1921 г.

³ 陈炯明与日记者谈话 (Беседа Чэнь Цзюньмина с японским журналистом) // Миньго жибао (Шанхай), 24 марта 1921 г.

⁴ 选举总统后之陈炯明 (Чэнь Цзюньмин после выборов президента) // Сянган хуацзы жибао, 11 апреля 1921 г.

О том, в чем заключалась эта неожиданность, мы можем судить по другим газетным сообщениям. Журналисты выяснили, что Чэнь Цзюньмину стало известно о предстоящей сессии парламента, и он спросил у Ху Ханьминя, какие вопросы будут на ней обсуждаться. Тот ответил, что запланирован лишь предварительный обмен мнениями и ничего важного не ожидается. Но во второй половине дня он позвонил Чэнь Цзюньмину: «Кто бы мог предполагать, что сегодня Сунь Ятсен будет избран президентом! Он и сам-то об этом не подозревал!»

Оказывается, в розданной депутатам повестке дня значилось лишь обсуждение вопроса о «Статуте Правительства», а пункт о выборах президента отсутствовал¹.

Вечером того же дня Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй навестили Чэнь Цзюньмина и от имени Сунь Ятсена сообщили ему, что вновь избранный президент будет заниматься исключительно внешнеполитическими вопросами, не вмешиваясь в дела, связанные с управлением провинцией Гуандун (Чэнь Цзюньмин был военным министром и одновременно губернатором Гуандуна)².

Но эти разъяснения не удовлетворили Чэнь Цзюньмина. 15 апреля он созвал секретное совещание подчиненных ему военачальников, на котором было решено просить Сунь Ятсена воздержаться от вступления на пост президента³. Соответствующая телеграмма за подписью Е Цзюя и еще 20 высших офицеров была направлена Сунь Ятсену 18 апреля⁴.

19 апреля в телеграмме на имя Чэнь Цзюньмина Сунь Ятсен заявил, что он не может не подчиниться решению парламента⁵.

Действительно ли
Ху Ханьминь ничего не знал
о предстоящем
избрании Сунь Ятсена,
сейчас установить уже
невозможно

¹ Материалы, касающиеся Чэнь Цзюньмина. С. 82–83.

² Чэнь Цзюньмин после выборов президента // Сянган хуацзы жибао, 11 апреля 1921 г.

³ 西南总统之反对声 (Голоса против президента Юго-Западного Китая) // Чэньбао, 19 апреля 1921 г.

⁴ 孙文就职前之波折 (Трудности, возникшие накануне вступления Сунь Ятсена в должность) // Дагунбао, 29 апреля 1921 г.

⁵ Сунь Ятсен — Чэнь Цзюньмину, 19 апреля 1921 г. // ПССС. Т. 5. 521.

23 апреля Сунь Ятсен на собрании представителей 1-й и 2-й дивизий дал чрезвычайно высокую оценку заслугам Чэнь Цзюньмина и призвал присутствующих быть достойными своего заслуженного начальника:

Главкомандующий Чэнь в этот раз вместе со своей армией вернулся в Гуандун не ради себя, а ради интересов государства. Чэнь — революционер, вы все тоже революционеры! Вы должны последовательно осуществлять [революционные] принципы, дабы не подвести главнокомандующего Чэня! Вы несете тяжелую ношу, но революция еще не завершена. Вы должны помочь главнокомандующему Чэню и потрудиться еще 2–3 года!¹

На следующий день на приеме в честь военачальников гуандунской армии Сунь Ятсен говорил:

Сегодняшний Гуандун является оплотом революции. Главкомандующий Чэнь — это главнокомандующий революции, все вы — революционные бойцы, и если все будут всеми силами поддерживать революцию, она непременно победит!²

Чэнь Цзюньмина на приеме не было.

Корреспондент из Дальневосточной Республики спросил Сунь Ятсена, правда ли, что, как об этом постоянно пишут в газетах, он расходится во взглядах с Чэнь Цзюньмином. Сунь Ятсен ответил, что расхождение во взглядах по тем или иным конкретным вопросам — нормальное явление среди соратников. Кое в чем он расходится и с генералом Чэнь Цзюньмином. Но их объединяет общность политических целей, и генерал Чэнь всегда подчиняется ему как главе правительства³.

5 мая 1921 г. Сунь Ятсен официально вступил в должность Чрезвычайного президента Китайской Республики, опубликовав по этому поводу декларацию и «Обращение к иностранным державам».

Как и предполагал Чэнь Цзюньмин, «Обращение» Сунь Ятсена было гласом вопиющего в пустыне.

Вице-консул США в Кантоне Э. Прайс, с которым у Сунь Ятсена сложились дружеские отношения, направил Госсекретарю доклад о церемонии инаугурации Чрезвычайного президента Китая, приложив к нему «Обращение» и запечатанное личное письмо Сунь Ятсена⁴.

¹ 孙总统演说辞的概略 (Основное содержание речи президента Суня) // Миньго жибао, 1 мая 1921 г.

² Там же.

³ 段云章、沈晓敏。孙文与陈炯明史事编年 (Дуань Юньчжан, Шэнь Сяоминь. Хронология взаимоотношений Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина). Гуанчжоу. 2003. С. 392.

⁴ Foreign Relations of the United States. 1921. P. 332, 335.

THE REPUBLIC OF CHINA

The President's Office

MANIFESTO TO FOREIGN POWERS.

During the last four years the patriots of China have been waging a war against the militarists and traitors of the country for the cause of constitutional government and for national existence itself. It has been no war between the North and South of China, but a struggle between militarism and democracy, between treason and patriotism. That the people in the North are sympathetic to the purposes and aims of the South has been demonstrated by the fact that they have spontaneously organised demonstrations and boycotts for the same purposes and aims.

The Government at Peking has lost the last vestige of its control over the provinces, even those nominally within its jurisdiction, where the military satraps are plundering the people and ruining the country. It has even to take orders from them. These militarists wage war among themselves in the struggle for power. One of them has lately gone to the extent of traitorously leaguering himself with Russian monarchists and aiding and abetting them to attack and capture Urga. While the Peking Government is fast crumbling from sheer hollowness, foreign domination threatens to spread from the North to the South. The existence of China as a nation is in jeopardy.

Since the unconstitutional dissolution of the National Assembly in June 1917, no de jure government has existed in Peking. New election laws may have been made and new National Assemblies may have been elected but they all lack legal basis. Confirmation of this view has come from an unexpected quarter, from Hsu Shih-chang himself, when he issued an order in October last for the holding of a general election based not on the new election law, which is the basis of his own title, but on the old election law, which is incompatible with his claim to the Presidency. The extraordinary spectacle is thus presented of the self-styled President of the Republic confessing that he has no legal right to that title.

Thus, in this hour of crisis when national existence itself is imperilled there is in Peking no government which is legally constituted or able to discharge the functions of government. Under these circumstances, the National Assembly, the only body of legally elected representatives of all the provinces and territories of the country, has established a formal government and has elected me to be the President of the Republic. Being the founder of the Republic, I cannot afford to see her in danger without making an effort to save her. Having been summoned once before in 1911 to the Presidency from which I resigned after a short tenure in order, as I thought, to bring about unity to the country, I intend now to do all in my power to discharge those duties and functions honestly, faithfully and to the satisfaction of my fellow citizens.

Обращение Сунь Ятсена к иностранным державам (начало)

As the National Assembly which has elected me represents the whole country irrespective of North or South, so it shall be my first endeavour to unite all the provinces and territories of the Republic under one government which shall be progressive and enlightened. The legitimate rights of foreign Powers and their nationals, duly acquired by treaty, contract, or established usage, shall be scrupulously respected. The vast resources of the country, natural and industrial, shall be developed so that the whole world suffering from the disastrous effects of long years of war will be benefited. For this purpose foreign capital and expert knowledge will, in pursuance of the open door policy be welcomed. There is little doubt that, with the Southern Provinces enjoying good government and prosperity under an honest administration and a constructive programme, the other provinces will be only too ready to throw off the yoke of militarism and misrule and, acknowledging the authority of this Government, bring about the much desired unification of the country.

I believe my task is lightened by the fact of the illegality and incompetency of the Peking Government. That Government is not recognised by the Chinese people themselves; it is being propped up solely by the fact of its possession of the historic capital of the country and its consequent recognition by the foreign Powers. I appeal to the Governments of the Friendly Powers to withdraw recognition from a so-called Government which is avowedly not de jure and which is proving itself not even de facto and, in the same manner in which they recognised the Republic's Government formed by the National Assembly in 1913, accord recognition to this Government formed now by the same Assembly, as the only Government of the Republic.

Actuated by no desire of selfish gain but by the sole motive of serving the Republic to the best of their ability, the members of this Government represent those ideals and those principles which, if the Republic is to survive and take its rightful place in the Family of Nations, as they firmly believe she will, must necessarily triumph: viz., Liberalism, Constitutionalism, and Devotion to the Common Weal.

Canton, 5th May 1921.

Signed SUN YAT-SEN.

Обращение Сунь Ятсена к иностранным державам (окончание)

Заместитель Госсекретаря А. Эйди вернул письмо Прайсу с инструкцией «удостовериться, что оно должным образом возвращено отправителю, и устно высказать сожаление по поводу невозможности вручить его адресату»¹.

Генеральному консулу в Кантоне Л. Бергольцу было предписано строго указать Прайсу на «недопустимость превращения консульства

¹ Ibid. P. 339–340.

в орудие официальных сношений с организацией, выступающей против правительства, с которым Соединенные Штаты имеют дружеские отношения»¹.

Еще одним вопросом, по которому мнения Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина принципиально расходились, была идея д-ра Суня «помочь Гуанси», т. е. покончить с «гуансийскими бандитами» с помощью военной силы.

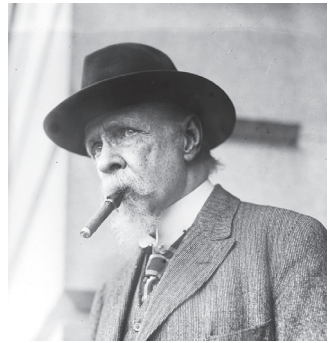
Спор Сунь Ятсена с Чэнь Цзюньмином по поводу «помощи Гуанси» был лишь частью более общей проблемы: какими средствами можно осуществить конечную цель — объединение всего Китая?

Сунь Ятсен, как, кстати, и Дуань Цижуй, был последовательным сторонником решения этой задачи военными методами. В противоположность ему, Чэнь Цзюньмин категорически отвергал этот путь.

Свое видение проблемы Чэнь Цзюньмин подробно изложил в интервью, взятом у него корреспондентом шанхайской газеты «North China Daily News» в феврале 1921 г.:

Сегодня мы уверены в том, что если Китай хотят объединить посредством возрождения монархии или военными методами, то это абсолютно неосуществимо.

Юань Шикай хотел управлять республикой, будучи проповедником монархических идей, а когда убедился в невозможности этого, реставрировал монархию, но потерпел неудачу и только запятнал свое имя. За ним последовали Дуань Цижуй и Чжан Сюнь. Д-р Сунь Ятсен также пытался объединить Китай с помощью военной силы, но у него ничего не вышло. <...> Поэтому сегодня есть только один способ восстановить мир в стране — передать власть народу, ведь народ хочет мира. <...>

А. Эйди (1842–1924)

Лу Жунтин, которого Сунь Ятсен называл «гуансийским бандитом», и в самом деле начинал свою карьеру обыкновенным разбойником с большой дороги

¹ Ibid. P. 340.

Преобразование Китая должно осуществляться снизу вверх, а не сверху вниз. Мы уже пробуем сделать это в нескольких уездах <...>, с тем чтобы в будущем все уездные начальники и другие должностные лица, равно как и депутаты провинциального собрания, все без исключения избирались народом¹.

Сунь Ятсен был против курса, предложенного Чэнь Цзюньмином:

10 с лишним лет тому назад в «Планах революции» я высказывался за выборность уездных начальников.

Ныне главнокомандующий армией Гуандуна Чэнь Цзюньмин, решив осуществить выборность уездных начальников на практике, активно высказывается в пользу местного самоуправления. Но подумайте о том, поднялся ли уже народ Гуандуна до такой степени [сознательности]? С моей точки зрения, пожалуй, нет. А осуществлять [местное самоуправление] в условиях, когда у народа еще нет необходимой степени [сознательности], не значит ли самым провоцировать беспорядки?²

Касаясь вопроса о том, нужно ли предпринимать военную операцию против Гуанси, Чэнь Цзюньмин заявлял:

Все военные мероприятия [в Гуандуне] имеют своей целью оборону, а не нападение [на соседние провинции]. Если Лу Жунтин и иже с ним будут по-прежнему оставаться в Гуанси, Гуандун не может рассчитывать на мир и спокойствие. Но я не собираюсь объявлять поход на Гуанси. <...> Вот если жители Гуанси покончат со своими милитаристами и попросят помощи у Гуандуна, тогда мы обязательно направим войска им на помощь³.

Сунь Ятсен же настаивал на немедленном нападении на Гуанси:

Если Гуандун не возьмет на себя инициативу, то, завершив подготовку к военным действиям, Гуанси спровоцирует войну и может причинить Гуандуну существенный ущерб. Поскольку в настоящее время Гуандуну никто не может помочь, он должен первым начать военные действия, чтобы получить поддержку со стороны⁴.

1 апреля Чэнь Цзюньмин еще раз сформулировал свою позицию в гуансийском вопросе:

¹ “字林报” 通讯员披露广东真相 (Корреспондент «North China Daily News» об истинном положении в Гуандуне) // Миньго жибао (Шанхай), 17 февраля 1921 г.

² 记粤中是近政局 (О нынешней ситуации в Гуандуне) // Дагунбао (Чанша), 5 марта 1921 г.

³ Корреспондент «North China Daily News» об истинном положении в Гуандуне // Миньго жибао (Шанхай), 17 февраля 1921 г.

⁴ 孙中山与广东 (Сунь Ятсен и Гуандун). Гуанчжоу. 1996. С. 216.

Я намерен осуществить в нашей провинции местное самоуправление. Сейчас нужно дать гражданам возможность перевести дух и упорядочить все свои дела, нельзя отвлекаться на решение других вопросов. Новые деятели в Гуанси прилагают усилия к тому, чтобы прогнать своих милитаристов, ввести демократические порядки, и я солидарен с ними. Но если во имя помощи этим людям начать военную экспедицию в Гуанси, то это не только может быть истолковано как акт агрессии, но и войдет в противоречие с идеей местного самоуправления в нашей провинции. Поэтому если Гуанси нападет на Гуандун, мы будем защищаться. Мы не исключаем этот военный вариант, но не имеем намерений начинать первыми¹.

В конце концов первыми все-таки начали гуансийцы. 13 июня Лу Жунтин отдал приказ о наступлении на Гуандун.

22 июня Чэнь Цзюньмин выступил с обращением к жителям Гуанси, в котором заявил, что «Гуанси и Гуандун испокон века были одна семья» и что гуандунская армия, обороняясь, намерена помочь своим братьям изгнать преступников Лу Жунтина, Чэнь Бинкуня, Ма Цзи и иже с ними, «иных помыслов у нас нет»².

Бог войны был на стороне гуандунской армии, занимавшей один город на территории Гуанси за другим.

4 августа пал Наньнин, и Лу Жунтин объявил о том, что он уходит в отставку с поста губернатора. Через несколько дней после этого Чэнь Цзюньмин выступил в Наньнине на заседании провинциальной ассамблеи с изложением своей программы осуществления местного самоуправления в Гуанси и Гуандуне³.

11 августа губернатором провинции Гуанси был избран Ма Цзюнь – заведующий секретариатом Чрезвычайного президента Сунь Ятсена.

Проблема провинции Гуанси была решена. По мнению Сунь Ятсена, созрели все условия для Северного похода с целью свержения Пекинского правительства. Он говорил:

Ма Цзюнь (1881–1940)

¹ 陈炯明派反对攻桂 (Фракция Чэнь Цзюньмина выступает против похода на Гуанси) // Чэньбао, 1 апреля 1921 г.

² 总司令布告桂省军民 (Главнокомандующий обратился к армии и народу Гуанси) // Гуандун цюньбао, 22 июня 1921 г.

³ 陈竞存在桂议会演说 (Чэнь Цзюньмин выступил с речью в ассамблее Гуанси) // Миньго жибао, 26 августа 1921 г.

С гуансийскими злодеями покончено, и теперь народу у нас в Гуандуне никто не угрожает. Но это лишь временное спокойствие. <...> После умиротворения Гуанси нужно еще раз приложить усилие и объединить Китай. <...> Но объединить Китай можно лишь военными средствами, предприняв поход на Север¹.

Решив взять это дело под свой непосредственный контроль, Сунь Ятсен направился в Гуанси для встречи с Чэнь Цзюньмином, после чего тот вернулся в Кантон. Начало Северного похода вновь было отложено.

Время шло, а преодолеть день ото дня усиливавшиеся разногласия не удавалось.

Когда американский журналист спросил у Сунь Ятсена, что он намерен предпринять в этой ситуации, президент ответил, что расхождение в их взглядах на целесообразность Северного похода носит сугубо частный характер, поскольку Чэнь Цзюньмин всю свою сознательную жизнь боролся и продолжает бороться во имя интересов республики.

— К тому же, — добавил он, — Чэнь Цзюньмин назначен на должность южным правительством и поэтому должен подчиняться его приказам. Если же он не будет подчиняться, можно сместить его и назначить другого.

— Но каким образом Вы сможете сместить его? — полубопытствовал журналист. — Ведь у него армия, да и народ его поддерживает!

Когда Сунь Ятсен услышал это, глаза его заблестели. Он вытянул руку и сжал пальцы в кулак: «Армия у меня в руках!» — чеканя каждое слово, произнес он².

На этот раз Сунь Ятсен не бросал слов на ветер. Менее чем через полгода он подписал приказ о смещении Чэнь Цзюньмина с поста губернатора провинции Гуандун и главнокомандующего войсками республики.

Но еще до этого произошло событие, после которого взаимоотношения Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина вступили в качественно новую фазу, и стало ясно, что возврата к прошлому теперь уже быть не может.

21 марта 1922 г. в Кантоне был смертельно ранен командир 1-й дивизии, начальник штаба гуандунской армии Дэн Кэн.

За несколько минут до смерти, отвечая на вопрос, кто же стрелял в него, Дэн Кэн сказал: «Я знаю его. Никогда не думал, что он убьет меня», но

¹ 大总统对海陆军军官演说词 (Речь президента, обращенная к офицерам армии и флота) // Гуандун цюньбао, 8 сентября 1921 г.

² 孙文与美国记者之北伐谈 (Беседа Сунь Ятсена с американским журналистом по поводу Северного похода) // Шибао, 4 декабря 1921 г.

так и не назвал имени убийцы. Преступление осталось нераскрытым.

Современные исследователи до сих пор продолжают спорить о том, кто организовал это убийство. На этот счет были высказаны три различные точки зрения.

Согласно первой из них, до недавних пор разделявшейся большинством как гоминьдановских исследователей, так и историков КНР, Дэн Кэн был убит по приказу Чэнь Цзюньмина в отместку за то, что в противостоянии «Сунь—Чэнь» он поддержал первого.

Сравнительно недавно историк Чэнь Сяопин, основываясь на некоторых намеках, содержащихся в воспоминаниях секретаря Чэнь Цзюньмина, сформулировал другую версию, согласно которой покушение на Дэн Кэна было спланировано не Чэнь Цзюньмином, а людьми из его окружения, при этом не по политическим соображениям. По мнению этого автора, первопричиной случившегося послужили меры, принимавшиеся Дэн Кэном против торговцев опиумом¹.

Наконец, еще в конце 90-х гг. прошлого века в целом ряде публикаций Чэн Динъянь выдвинул версию, согласно которой организатором убийства Дэн Кэна был Сунь Ятсен, намеревавшийся с помощью этой акции воздействовать на Чэнь Цзюньмина и заставить его отказаться от своей особой линии в вопросе о Северном походе. Эта точка зрения встретила поддержку со стороны ряда исследователей, в том числе профессора Ван Жунцзу.

Ван Жунцзу подчеркивал, что мы сегодня не располагаем какими-либо документальными свидетельствами причастности Чэнь Цзюньмина к убийству своего сторонника Дэн Кэна, тогда как по словам американского вице-консула США в Кантоне Дж. Джэмисона,

Дэн Кэн (1886–1922)

Ван Жунцзу

¹ 陈晓平。粤军第一师师长邓铿遇刺是陈炯明策划的吗 (Чэнь Сяопин. Действительно ли командир 1-й дивизии гуандунской армии Дэн Кэн был убит по приказу Чэнь Цзюньмина) // <https://military.china.com/history4/62/20180929/34041974.html>.

его собственное расследование выявило доказательства вины Сунь Ятсена¹.

Однако, о том, каковы же эти доказательства, ни Джэмисон, ни Ван Жунцзу не сообщают. Дело об убийстве Дэн Кэна продолжает оставаться нераскрытым, и нет надежды на то, что когда-нибудь мы узнаем правду.

Как бы то ни было, после этого события конфликт между Сунь Ятсеном и Чэнь Цзюньмином перерос в открытое столкновение.

В апреле 1922 г. Чэнь Цзюньмин был снят с должности губернатора и главнокомандующего войсками Гуандуна. А в ночь на 16 июня его ближайший помощник Е Цзюй обстрелял из орудий резиденцию Чрезвычайного Президента.

Сунь Ятсену удалось вовремя покинуть здание, и он пробрался на один из кораблей верной ему флотилии, с которого произвел ответный обстрел Кантона, после чего покинул Кантон и нашел себе и Сун Цинлин привычное убежище в своем особняке на Rue Moliere во французском селтльменте Шанхая.

В оценке конфликта Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина общественное мнение разошлось во взглядах

Острейший конфликт двух деятелей, еще вчера действовавших рука об руку во имя общей цели, на долгое время стал для китайской прессы темой № 1.

Активное участие в разгоревшемся по этому поводу споре принял известный профессор Пекинского университета Ху Ши, а также авторы, публиковавшие свои дискуссионные отклики на страницах издававшегося им популярного еженедельника «Нули чжоубао» («The Endeavor»).

На страницах «Нули чжоубао» Ху Ши высказался о своем отношении к конфликту Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина.

**Выдающийся китайский
ученый современности
Ху Ши (1891–1962)**

¹ 汪荣祖. 邓铿之死真相探索 (Ван Жунцзу. В поисках правды о смерти Дэн Кэна) // <https://douban.com/group/topic/1318193>.

總發行所北京後門鐘鼓寺八號

75

本期附臨時增刊一張

一年半的回顧

[illegible]

期出版報章。本軍大校前已得許可，軍事的小報如『學界』等，當日亦在郵政局懸案了。『安福的國會』的草案，正在鈔送出去。『安福的國會』早已存在了；『安福的總統』也快要訂了。『安福的議會』似乎還有存案的希望。

關於在方力的幾部分，都寄以政治比較謹慎的機會。我們的政治主張，也就於五月十四日發表出來了。我們對官署『我們提出「新政府」三個字，要現在執政官署的當局的要求。我們並只加上三樣子：（一）選改政府。（二）選改政府。（三）選改政府。

（四）選改政府。

（五）選改政府。

（六）選改政府。

（七）選改政府。

（八）選改政府。

（九）選改政府。

（十）選改政府。

（十一）選改政府。

（十二）選改政府。

（十三）選改政府。

（十四）選改政府。

（十五）選改政府。

（十六）選改政府。

（十七）選改政府。

（十八）選改政府。

（十九）選改政府。

（二十）選改政府。

（二十一）選改政府。

（二十二）選改政府。

（二十三）選改政府。

（二十四）選改政府。

（二十五）選改政府。

（二十六）選改政府。

（二十七）選改政府。

（二十八）選改政府。

（二十九）選改政府。

（三十）選改政府。

（三十一）選改政府。

（三十二）選改政府。

（三十三）選改政府。

（三十四）選改政府。

（三十五）選改政府。

（三十六）選改政府。

（三十七）選改政府。

（三十八）選改政府。

（三十九）選改政府。

（四十）選改政府。

（四十一）選改政府。

（四十二）選改政府。

（四十三）選改政府。

（四十四）選改政府。

（四十五）選改政府。

（四十六）選改政府。

（四十七）選改政府。

（四十八）選改政府。

（四十九）選改政府。

（五十）選改政府。

（五十一）選改政府。

（五十二）選改政府。

（五十三）選改政府。

（五十四）選改政府。

（五十五）選改政府。

（五十六）選改政府。

（五十七）選改政府。

（五十八）選改政府。

（五十九）選改政府。

（六十）選改政府。

（六十一）選改政府。

（六十二）選改政府。

（六十三）選改政府。

（六十四）選改政府。

（六十五）選改政府。

（六十六）選改政府。

（六十七）選改政府。

（六十八）選改政府。

（六十九）選改政府。

（七十）選改政府。

（七十一）選改政府。

（七十二）選改政府。

（七十三）選改政府。

（七十四）選改政府。

（七十五）選改政府。

（七十六）選改政府。

（七十七）選改政府。

（七十八）選改政府。

（七十九）選改政府。

（八十）選改政府。

（八十一）選改政府。

（八十二）選改政府。

（八十三）選改政府。

（八十四）選改政府。

（八十五）選改政府。

（八十六）選改政府。

（八十七）選改政府。

（八十八）選改政府。

（八十九）選改政府。

（九十）選改政府。

（九十一）選改政府。

（九十二）選改政府。

（九十三）選改政府。

（九十四）選改政府。

（九十五）選改政府。

（九十六）選改政府。

（九十七）選改政府。

（九十八）選改政府。

（九十九）選改政府。

（一百）選改政府。

爭相要領。孫氏本有對法之實力，「護法」的旗幟，爲工、農、兵、學各界所共賞。孫氏之爲一黨領袖，爲五方之選，他的態度已得公認，很有和平解決的表示，不啻是月中洲與世界孫氏之爭。陳炯明倒閉了孫氏的勢力，孫氏倉猝出走，這作在當日雖然爲日大的人所詬誶，不同情，然而不久之時，就是孫氏爲日大的人所擁護，不致，固然在當時是最想使日方的人也不相信孫氏的行爲是對於日方的拒絕，但事勢看來，當日日大的政策確是大大不利。二、孫因爲孫文之勢力，更利用孫文之勢力，而日方之勢力，則野心，二、因爲孫陳兩人分勢後，陳氏任孫爲指揮，竟公然對直軍與孫聯手。三、因爲孫氏之祖兄，竟生要娶一廣東，至於今日，從此以後，「項佩字」一志有武式校之的實行，當時亦在「護法」並各方團體，領和食顧。

(四)南京政府公開的財政解決的良門，即所謂召集一個各級會議。

財政部既經承人民式討論的結果，如應當以財政無法維持，故有籌劃辦法。控由於他種困難，把棉花在市場上的價格對向稅方兩項止住了。所以我們說：

政府不解決，財政決不能解決。

最近一千九百九日，還禁不起山南附近坐落話語在口頭竟不發生效力，於是我們只好給何國柱長信。我們在另外二十八上曾說過何國柱長信。我們在另外二十八上曾說過

我絕不敢政治上有什麼經濟學家的意見是：但我們不政治在這範圍而停滯的條件是不行的。我們的支出控制計劃是不行的。被吸的大批外匯是不行的。偷漏稅捐是極惡的，大規非法的買賣是不行的。我們在邊境如何流通棉紗的空氣裏，則問着我們是否

[illegible]

是夢寐以冀的勝利時，便委任爲日軍各官署王國。能有如此的榮光，實非他日所能預料。而各官署至少也可以看見他。一部分的賠償，至少也可以解決他目前的困難。而日寇的意圖，王國雖不能解決，自有反叛各路軍隊，圍剿他，王國終於被擊敗，而從他學失敗之後，則他派兵於王國這一次，王國可以知和平的機會是數一去不返了。

我們日對於北方政府，確實抱一點希望。一是他，當日的閱兵式，有一部分是與他，乘機，但確實與他原形於冠名二乘機，當日的閱兵，多數數是不喜歡的好人。事實上，當時就派員調查文牒的，不發覺的，如他實行，在北京的政治上總算一點點點。

我們因在付付王國這一個，王國，在努力二星期上，我利用王國，假借了「四解決目前局勢的計劃」，內容是

Ху Ши писал:

Многочисленные сторонники Сунь Ятсена ожесточенно нападают на Чэнь Цзюньмина, утверждая, что он «нарушил завет повиновения», что он «мятежник», что он «бунтовщик».

Но уместно задать вопрос: что в условиях республики значит «нарушать завет повиновения» и «быть бунтовщиком»? Что же касается «мятежника», то что есть «революция» и что такое «мятеж»?

Когда Цай Э выступил против Юань Шикая, был ли он «мятежником»?

У Пэйфу сместил Дуань Цижуя, значит ли это, что он был «мятежником»?

У Пэйфу сверг Сюй Шичана — снова «мятеж»?

Если согласиться с логикой сторонников Сунь Ятсена, не только Чэнь Цзюньмин не должен был выступать против Сунь Ятсена, но и У Пэйфу не должен был выступать против Дуань Цижуя и Сюй Шичана.

С точки зрения подобной логики, Чэнь Цзюньмин должен был продолжать быть преданным слугой Сунь Ятсена, а У Пэйфу — Цао Куна.

Мы вовсе не защищаем Чэнь Цзюньмина. Тот факт, что его подчиненные изгнали Сунь Ятсена из Кантона, быть может, заслуживает порицания. Но мы против использования в качестве идеологического оружия такие пережившие свой век жупелы старой морали как «нарушать завет повиновения», стать «мятежником» и «бунтовщиком»¹.

После этого дискуссия продолжалась. Ху Ши публиковал мнения как тех, кто, подобно Ху Ши, стремился занять объективную позицию в споре², так и сторонников Сунь Ятсена (в частности, отклик Линь Шэна³).

Статья Линь Шэна «Еще раз о споре Сунь Ятсена с Чэнь Цзюньмином» (фрагмент)

¹ Этой (На этой неделе) // Нули чжоубао. № 12 (23 июля 1922 г.).

² Там же. № 16 (20 августа 1922 г.).

³ Там же. № 17 (27 августа 1922 г.).

За Вашингтоном последовала Москва

Собираясь стать Чрезвычайным президентом КР, Сунь Ятсен понимал, что его планы объединения Китая не могут быть реализованы без международной поддержки. Но на чью помощь он мог рассчитывать?

К этому времени Сунь Ятсен окончательно разочаровался в возможности получить помощь Японии. Однако кто мог занять ее место, ему было не вполне ясно.

Письмо Сунь Ятсена так и не было передано адресату

Чарльз Крэйи
(1858–1939)

Надежд на американцев было мало. Совсем недавно, 28 февраля 1921 г., посланник США в Китае Ч. Крэйи позволил себе оскорбительную для Сунь Ятсена выходку. Он написал д-ру Суню письмо, в котором привел мнения о нем некоторых китайских политиков — тех, кто считал планы лидера Гоминьдана «нереальными и преувеличенными», а автора этих планов — авантюристом, «готовым пожертвовать интересами страны ради личных целей»¹.

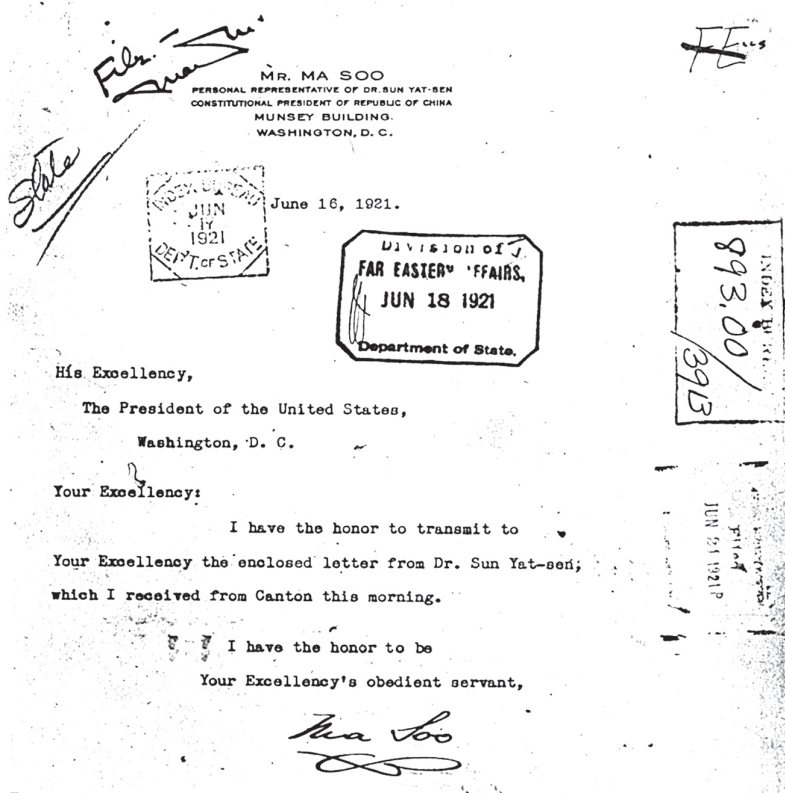
Но 4 марта к служебным обязанностям приступил только что избранный президент Соединенных Штатов Уоррен Гардинг. Может, он откликнется на призыв своего китайского коллеги о помощи?

Сунь Ятсен уполномочил своего личного представителя в Штатах Ма Су поздравить нового президента с избранием и передать ему пожелание установить более тесные отношения между республиканскими США и республиканским Китаем. Каково же было разочарование

Уоррен Гардинг
(1865–1923)

¹ 李云汉。中山先生护法时期的对美交涉 (Ли Юньхань. Контакты Сунь Ятсена с американцами в период борьбы за конституцию) // 中华民国史料中心十周年纪念论文集 (Сборник статей в честь 10-летия Центра исторических источников по истории Китайской Республики). Тайбэй. 1979. С. 345–367.

Сопроводительное письмо Ма Су от 16 июня 1921 г.

Сунь Ятсена, когда он узнал, что заведующий Дальневосточным отделом Госдепартамента Дж. Мак-Мюррей запретил отвечать на поздравительную телеграмму. Когда же Ма Су обратился к секретарю президента Дж. Кристиану с просьбой организовать визит представителя Сунь Ятсена в Белый Дом, тот по поручению Мак-Мюррея ответил, что в этом нет необходимости¹.

Всё же Сунь Ятсен решил предпринять еще одну попытку.

После своего избрания он написал Гардингу пространное послание, которое Ма Су 16 июня 1921 г. собственноручно препроводил в Госдепартамент вместе с экземпляром суньятсеновского манифеста.

¹ Там же.

His Excellency Warren G. Harding,
President of the United States,
Washington, D.C.

Your Excellency:

I have just issued a manifesto to the Friendly Nations, but I am impelled, on behalf of my countrymen, to make a particular appeal to Your Excellency, for the reason that we regard America as the Mother of Democracy, and the champion of liberalism and righteousness, whose disinterested friendship and support of China in her hour of

10.

of the Monroe Doctrine so we in China are striving to affect the spirit of the John Hay Doctrine. It is in this spirit, therefore, that I appeal to the author of the John Hay Doctrine to befriend the Chinese nation again in this hour of her national peril, by extending immediate recognition to this government.

With assurances of my deepest respects, I am,

Very faithfully Yours,
Sun Yat-sen

May 5, 1921.

2.

this has been demonstrated to us more than once. China is now in the most critical time of her existence. Whether democracy triumphs or fails much depends upon the decision of America. This time we look again to America to support righteousness and help uphold the will of the Chinese people.

As I have shown in my manifesto to the Friendly Nations, the so-called Northern and Southern war in China is not a war between the different sections

1-я, 2-я и 10-я страницы письма
Сунь Ятсена Гардингу
от 5 мая 1921 г.

Послание, подписанное Сунь Ятсеном, начиналось словами:

Его Превосходительству Уоррену Г. Гардингу,
Президенту Соединенных Штатов, Вашингтон.
Ваше Превосходительство!

Я только что обнародовал «Манифест дружественным державам», но мои соотечественники уполномочили меня обратиться к Вашему превосходительству со специальным воззванием, так как мы считаем Америку матерью демократии и чемпионом свободы и справедливости, чья бескорыстная дружба и помощь, оказываемая Китаю в трудную минуту, не раз были продемонстрированы нам.

В настоящее время Китай переживает критический момент своего существования. Одержит ли демократия [в нашей стране] верх или потерпит поражение — это зависит от решения, которое примет Америка¹.

Ответа на письмо не последовало, поскольку Госдепартамент не считал уместным вручить это послание президенту Гардингу.

Американский вице-консул в Кантоне Э. Прайс направил госсекретарю доклад об инаугурации Сунь Ятсена, к которому приложил «Манифест иностранным державам» и запечатанный конверт с письмом Сунь Ятсена президенту Гардингу.

Отвечая Прайсу, помощник госсекретаря вернул письмо Сунь Ятсена со строгой инструкцией «проверить, что оно надлежащим образом возвращено отправителю с устным выражением сожаления по поводу невозможности доставить его адресату». Генеральный консул Л. Бергхольц получил предписание указать Прайсу, что он «не должен выступать посредником в контактах с организацией, выступающей против правительства, с которым Соединенные Штаты поддерживают дружеские отношения»².

Третью попытку вручить Гардингу свое послание Сунь Ятсен предпринял через своего секретаря Чэнь Южэня. Но оно дошло лишь до Госдепартамента и президенту передано не было³.

Намерение Сунь Ятсена заручиться поддержкой «матери демократии» осталось нереализованным.

¹ Sun Yatsen to Harding, May 5, 1921 // USDS. 893.00/3913.

² Yang R. H. Sun Yatsen in the U. S. State Department Central Confidential Files // Чжуншань шэжуй кэсюэ сюэбао. 1994. Т. 8. № 4. С. 239.

³ Там же. С. 240.

Мы хотим в Вашингтон

Президенту Гардингу нужно было продемонстрировать, что оригинальных идей и инициатив у него отнюдь не меньше, чем их было у его предшественника Вильсона. Поэтому он предложил создать в Вашингтоне международную конференцию по проблемам Тихоокеанского региона. 15 июля он официально пригласил Англию, Францию и Японию участвовать в конференции; 11 августа аналогичное приглашение было направлено Пекинскому правительству.

Но еще до этого, 20 июля, Кантонское правительство вручило американскому консулу меморандум, в котором выражало свое желание и право представлять Китай на грядущей международной конференции¹.

29 июля депутат Чрезвычайной сессии парламента Гао Юньсяо обратился к Сунь Ятсену с обоснованием необходимости направить представителя Кантона на конференцию в Вашингтон. Сунь Ятсен ответил, что его правительство уже давно занимается этим вопросом².

25 августа на заседании правительства Сунь Ятсен заявил, что поскольку только Кантонское правительство является законным правительством Китая, оно должно направить в Вашингтон своего делегата³.

Мнения американских дипломатов разделились. Консулы США в Амое и Кантоне, а также временно исполнявший обязанности посланника А. Раддок выступали за то, чтобы в делегацию Пекинского правительства был включен один представитель Кантона. Эта точка зрения стала преобладающей и была сообщена Пекину.

В результате в Пекине в состав делегации был предложен сын У Тинфана, заместитель министра иностранных дел Южного правительства У Чаошу, который от этого назначения, разумеется, отказался.

У Чаошу (1887–1934) с супругой

¹ Bergholz to The Secretary of State, July 22, 1921 // FRUS. 1921. P. 40.

² 新政府咨復国会非常会议文 (Новое правительство отвечает на обращение Чрезвычайной сессии парламента) // Миньго жибао. 10 октября 1921 г.

³ 新政府决遣派太平洋代表 (Новое правительство приняло решение послать делегата на Тихоокеанскую конференцию) // Миньго жибао, 2 сентября 1921 г.

Сунь Ятсен предпринимает шаги к тому, чтобы Южное правительство представлял в Вашингтоне Ма Су, но безрезультатно.

Адресованное Хардингу письмо Сунь Ятсена оказалось в Госдепартаменте с большой задержкой — лишь 3 ноября, а в руки Гардинга вообще не попало и было сдано в архив.

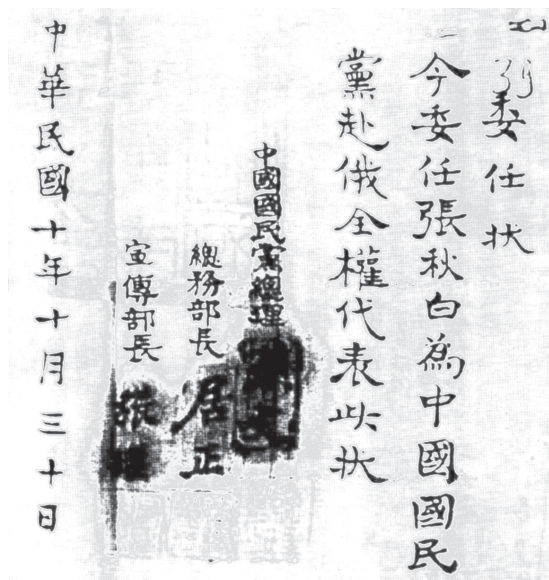
11 ноября Тихоокеанская конференция открылась. Китай был представлен на ней делегацией Пекинского правительства, в списке которой формально числился У Чаошу.

Миссия Гоминьдана в Москве

Не получив ответа на свои письма президенту Гардингу, Сунь Ятсен предпринимает попытку нащупать почву для установления контактов с Советской Россией.

28 августа 1921 г. он пишет Чичерину и просит передать привет своему «другу Ленину».

30 октября Чжан Цюбай получает от Сунь Ятсена мандат «полномочного представителя в России» и отправляется в Москву на съезд революционных организаций Дальнего Востока.

Подписанный Сунь Ятсеном мандат Чжан Цюбая

Отношение руководства Исполкома Коминтерна к эмиссару Сунь Ятсена было более чем прохладным. В своем установочном докладе на пленарном заседании съезда председатель ИККИ Г. Е. Зиновьев открытым текстом критиковал линию Гоминьдана на сближение с империалистами Соединенных Штатов. Он говорил:

Было бы поистине непоправимой ошибкой, если бы среди политических деятелей — скажем, Южного Китая — нашлись бы простаки, способные принять «открытые двери» за чистую монету демократизма и обреченные таким образом на заклятие кроваждному капиталистическому богу.

**Г. Е. Зиновьев
(1883–1936)**

К сожалению, приходится сказать, что, по нашим сведениям (хотя я должен оговориться, что информация у нас весьма плохая и отрывочная), среди революционных деятелей Южного Китая, среди сторонников Сунь Ятсена, среди вожakov его партии есть такие, которые не без благоволения смотрят в сторону Америки, т. е. в сторону американского капитализма, рассчитывая, что именно оттуда на революционный Китай будет изливаться благодать демократизма и прогресса, но, как мне кажется, Вашингтонская конференция должна будет, в конце концов, всё же убедить более дальновидных деятелей Южного Китая, китайских революционеров и, вообще, всех тех, кто хочет бороться за подлинную самостоятельность своего народа (даже в том случае, если они не социалисты), в том, что в лице американского капитализма они имеют не друга, а бешеного и злобного врага¹.

Чжан Цзубай был вынужден опровергать слова Зиновьева:

Товарищ Зиновьев заявил, что правительство Южного Китая смотрит на Америку как на источник благодетельной демократии и прогресса. О периоде до 1911 г. мы не можем судить ввиду нехватки точной информации, но, говоря о нынешней ситуации, я должен сказать, что пути Гоминьдана не совпадают с путями империалистов и мы скорее последуем за Коммунистическим Интернационалом, чем за империалистами².

¹ Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Пг. 1922. С. 13.

² Цит. по: *Глунин В. И.* Первая миссия Гоминьдана в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5. С. 106.

На другом заседании Чжан Цюбай вновь говорил об этом:

В целом я согласен с докладом товарища Зиновьева за исключением двух пунктов.

Первый пункт состоит в заявлении, что в южной революционной партии имеются элементы, настроенные проамерикански и приветствующие американскую буржуазную демократию. Это неправда. Партия Гоминьдан была создана двадцать лет тому назад, и с самого начала она объявила о своем намерении добиться свободы Китая. Следующим шагом должна стать политическая революция. Третьим шагом — социальная революция. При такой программе у партии Гоминьдан не может быть желания заимствовать американскую буржуазную демократию¹.

Я считаю, что нельзя пренебрегать партией Гоминьдан, которая имеет за плечами двадцатилетнюю летопись борьбы и которая пользуется симпатией и поддержкой масс. Я поэтому считаю, что говоря о развитии революционного движения на Дальнем Востоке, мы должны связать его с существованием партии Гоминьдан, имеющей такое большое значение для Китая².

Заведующий Восточным отделом ИККИ Г. И. Сафаров заверил делегатов съезда, что Гоминьдан, как и все другие буржуазно-демократические партии в колониальных и зависимых странах Востока, может рассчитывать на помощь со стороны Коммунистического Интернационала:

С этой ответственной трибуны мы берем на себя смелость сказать совершенно открыто и определенно, мы будем поддерживать, поддерживали и поддерживаем всякое буржуазно-демократическое движение в колониях до того предела, пока это буржуазно-демократическое движение действительно нацелено на национальное освобождение угнетенных народов³.

В то же время он решительно отверг попытки китайского делегата «перекрасить Гоминьдан в коммунистический цвет»:

Г. И. Сафаров
(1891–1942)

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 110.

Мы знаем, что партия, возглавляющая правительство Южного Китая, является революционно-демократической партией, и мы не хотим подвергать сомнению этот факт. Мы убеждены, что эта партия проделала большую революционную работу, абсолютно необходимую Китаю, и мы надеемся сражаться рука об руку с этой партией в будущем.

Но, с другой стороны, мы не настолько наивны, чтобы вообразить, будто эта партия является революционной коммунистической партией.

Мы не настолько наивны, чтобы ошибаться насчет происхождения этой партии и изображать ее в своих глазах как пролетарскую коммунистическую партию. Такое представление не соответствовало бы действительности и придало бы ошибочный вид отношениям с этой партией¹.

Документы, найденные в сейфе Сунь Ятсена

24 сентября 1922 г. генеральный консул США в Гонконге У. Гейл направил в Госдепартамент очередное донесение (см. ниже, с. 400)².

К донесению была приложена брошюра под названием «Сунь Ятсен разоблачен», изданная газетой «Hongkong Telegraph».

Идея троиственного союза

Оказывается, после того как Сунь Ятсен покинул президентский дворец, в незапертом сейфе в рабочем кабинете заместителя министра финансов Ляо Чжункая были обнаружены секретные документы — переписка Сунь Ятсена, свидетельствующая о том, что он разрабатывал план заключения союза Китайской Республики, Германии и Советской России.

В одном из этих писем находившийся в Германии Чжу Хэчжун писал Сунь Ятсену:

Заручившись помощью со стороны Гинтце, мне удалось добиться определенных успехов, и я значительно расширил сферу своей деятельности.

¹ Там же.

² Gale to The Secretary of State, September 24, 1922 // USDS. 761.93/258.

No. 312.

AMERICAN CONSULATE GENERAL
HONGKONG, September 24, 1922.

SUBJECT: Alleged secret documents discovered at Canton and published by the Hongkong Telegraph implicating Dr. Sun Yat Sen in an intrigue in Bolshevik interests. *Copy sent to M. G. D.*

DIVISION OF
AN EUROPEAN AFFAIRS

NOV 3 1922

DEPARTMENT OF STATE

THE SECRETARY OF STATE,
WASHINGTON.

SIR:

I have the honor to enclose herewith, for the Department's information, three copies of a pamphlet reprinted from the Hongkong Telegraph, a local newspaper, on September 22, 1922, containing certain alleged secret documents, including what purports to be an autograph letter from Dr. Sun Yat Sen, which implicate Dr. Sun in an intrigue to bring about an alliance with China, Germany and Russia, in Bolshevik interests.

It has not been possible to confirm the statements of the Hongkong Telegraph in regard to these documents. The Hongkong Government professes to have no information on the subject other than that furnished by the newspaper. The Colonial Secretary, however, has stated to me that in his opinion the documents are authentic.

I have the honor to be, Sir,

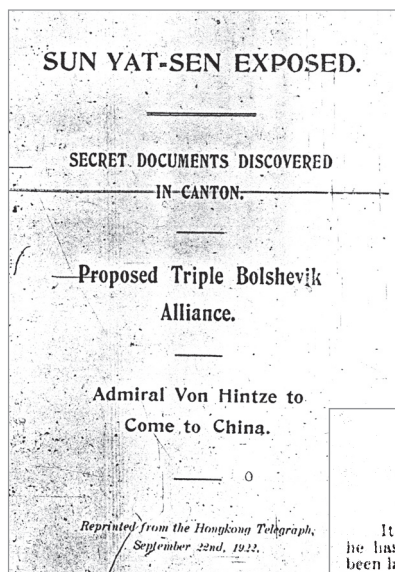
your obedient servant,

William A. Gale
William A. Gale,
Consul General.

Enclosure:

76143/258

FILED
NOV 10 1922

Обложка и первая страница
брошюры «Сунь Ятсен
разоблачен»

SUN YAT-SEN EXPOSED.

It has long since been charged against Dr. Sun Yat-sen that he has embraced Bolshevik doctrines. Up till now there has been lack of concrete proof, but to-day we are enabled to publish what we know to be irrefutable evidence that Sun has been conspiring to bring about an alliance between China, Germany and Russia, based on Bolshevik ideals. Let us tell the story first in brief.

On July 24th the French newspaper *L'Avenir du Tonkin*, published at Hanoi, contained the following paragraph:—

"Le Gouvernement de Chen-Chiung-Ming devoile des documents originaux etablissant le projet d'une entente Sino-Russe-Allemande elabore par Sun Yat-sen et le Ministre d'Allemagne a Moscou, M. Von Hintze, ex-Ministre a Peking."

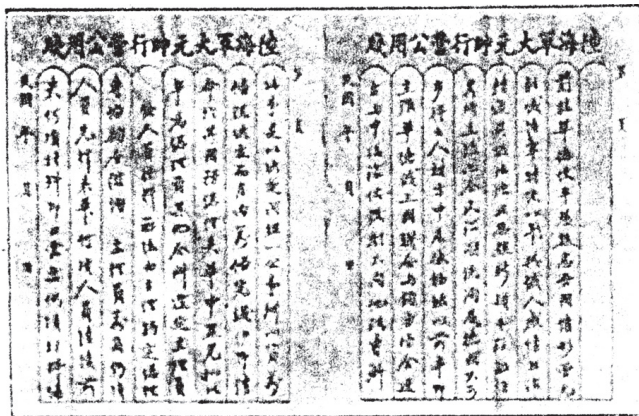
On having our notice called to the above, and realising its importance, we began to make our own enquiries, with the result that the story has been verified beyond all question.

When Sun Yat-sen and his officials fled from their homes on the night of General Yip Kue's coup in Canton, the Vice-Minister of Finance left behind a safe. In that safe were discovered certain letters, one being in Sun's own handwriting, proving that negotiations were then being carried on to bring about the alliance already referred to. Photographic copies of these letters have been secured by us, and we have taken every step to ensure that they are genuine before giving publicity.

From the translations, which are given below, it is revealed that the leading spirits in this movement are Dr. Sun Yat-sen and Admiral Von Hintze, the present German Minister to Moscow and who was formerly German Ambassador to Peking. It is shown that Sun, working through the medium of a paid Chinese emissary in Berlin named Chu Wo-chong, has managed to secure the co-operation of Admiral Von Hintze, who, in turn, is planning to be sent secretly to China by the German Government. The correspondence shows that it had been arranged for Admiral Von Hintze (travelling under an assumed name) to be met on arrival at Hongkong by Tee Ah Pak, (the notorious Canton Socialist M.P.). The latter was then to escort Admiral Von Hintze to Sun Yat-sen's headquarters in Canton. It further reveals that a Bureau was to be established with Admiral Von Hintze as its Head, acting in the capacity of Advisor to Sun Yat-sen. This Bureau was to arrange for Bolshevik agents to be sent to China. A further disclosure is that Sun Yat-sen was

<...> Наши планы только-только начинают обретать свои очертания. Чтобы получить результат, мне понадобится еще по крайней мере месяцев шесть. Поэтому о моем возвращении в Китай сейчас не может быть и речи, поскольку я не могу бросить все на произвол судьбы. Жду от Вас денег и указаний¹.

Среди обнаруженных в сейфе бумаг было еще одно письмо Чжу Хэчжуна Сунь Ятсену.

Первая страница письма Чжу Хэчжуна Сунь Ятсену
от 1 января 1922 г.

В нем сообщалось:

Бывший германский посланник Гинтце прекрасно осведомлен о ситуации в Китае. За 8 лет, проведенных со специальной военной миссией в России, у него установились добрые отношения со многими деятелями этой страны.

Он свободно говорит по-английски, по-русски и по-французски. Кроме того, он мыслит по-новому, активен и тактичен. Его планы соответствуют нынешним демократическим тенденциям. Таких людей в Германии немного. Еще до моего приезда в Берлин Гинтце выступал за заключение союза между Китаем, Германией и Россией – план, отвечающий Вашим тайным намерениям. В результате моих переговоров с ним он решил отложить все прочие политические дела, с тем чтобы целиком сосредоточиться на данной проблеме. Решено совместно с нами организовать комиссию, которая подготовит заключение этого союза. Через два

¹ Ibid.

**По мнению Чжу
Хэчжуна, на Гинтце
вполне можно было
положиться**

месяца, когда все необходимые шаги будут предприняты, он запросит разрешение премьер-министра на поездку в Китай. По моему мнению, Гинтце следует назначить руководителем этой комиссии. После этого нужно назначить глав нескольких подкомиссий. Что до других официальных участников, документации и решений, которые будут приняты, то этим займется генеральный секретарь. Глава комиссии будет Вашим советником. Руководители подкомиссий будут решать, кто должен прибыть в Китай немедленно, а кто позднее, какие материалы следует доставить в первую очередь, какие — во вторую, какие меры должны быть приняты незамедлительно, а какие могут подождать. Решения по всем этим вопросам будут приниматься Вами совместно с руководителем комиссии. Если контакты между Востоком и Западом будут установлены

и принципы взаимодействия оговорены, этот проект быстро заработает. Но, учитывая высокое положение Гинтце, ему придется действовать под псевдонимом, и немецкая публика ничего не будет знать о его участии в проекте.

Когда придет время, я сообщу Вам название судна, на котором он будет в Китай, и прошу встретить его в Гонконге, с тем чтобы секретно сопроводить в Кантон. Я не касаюсь здесь вопроса о том, согласитесь ли Вы с его предложениями и используете ли его по прибытии в Китай.

В моей телеграмме буква «Н» будет проставлена вместо фамилии Гинтце¹.

В сейфе было еще одно письмо, адресованное Сунь Ятсеном Ляо Чжункаю и Цао Ябо:

От Чжу Хэчжуна получено сообщение о том, что подготовка к осуществлению плана идет успешно. Из нижеследующего вы поймете, почему мне нужна ваша помощь (прочитав, сожгите это письмо).

Во-первых, [Ляо] Чжункай должен послать 420 000 юаней в два адреса: в Пекин и Берлин. Доля, предназначенная для Берлина, должна быть в американских долларах или английских фунтах, но не в марках, так как курс марки падает, а доллар и фунт укрепляются. В конверте вы найдете счет, который будет оплачен моим кассиром.

Во-вторых, [Цао] Ябо должен ждать в Кантоне приезда Гинтце в Гонконг, встретить его там и сопроводить сюда, в штаб-квартиру.

¹ Ibid.

仲權亞伯兩兄同聲獲得朱和中未正
所屬各事已有頭緒其有需兩兄協助
者特將所屬之函付來共閱使知應付
一安仲權兄地所請撥給四千元分粵北
京柏林粵柏林若需要美金或英磅不可
實為克己恐萬兄有誤無起美金英磅則
有起無誤故也並付未支各一紙交由會
計司出賬可也二要亞伯兄在廣州等候
辛慈到港則親往接立帶他來大本
營此事要十分密故接之後則要着電
報留心致函致亞伯沿途各埠所未
電報如有此字樣來者即如期往港候

船便安來朱和中處於未接他此信以前已
看作者他面固然無論如何此二千元當
遲致下和一函轉居他面因由他自定如
有重要事件須辦者當可稍留如無要事
當以早由為佳最好能與半路商來則
接更克己故也又亞伯兄在廣州候時由
會計司每月支公費壹千元到大本營
時則由大本營支店可以停止並付支
令一紙辛慈之事家務愈佳如非底不
招已則致辭中人亦不可促之知也此致並候
大安 孫文 三月八日
此信有電報

Письмо Сунь Ятсена Ляо Чжункаю и Цао Ябо от 8 марта 1922 г.

Это должно быть сделано в полной тайне. Получив это письмо, дайте указание телеграфному ведомству внимательно просматривать все телеграммы из Европы и из портов на пути из Европы в Азию. Как только будет обнаружена телеграмма, помеченная литерой «Н», Ябо должен немедленно выехать в Гонконг и в условленный день дожидаться там приезда Гингце.

Еще до получения корреспонденции из Германии я написал Чжу Хэчжуну и просил его вернуться в Китай. Пошлите ему 3000 долларов и напишите ему, что он может сам решить, когда ему возвращаться. Он может отложить отъезд из Германии, если ему еще предстоят важные

переговоры. Но было бы хорошо, если бы он мог приехать на том же пароходе, что и Гингце: это облегчило бы дело. <...>

Всё, что связано с приездом Гингце, должно оставаться в полнейшей тайне. За исключением самых крайних случаев об этом не должны знать даже члены правительства. С наилучшими пожеланиями,

Сунь Вэнь. 8 марта.

После прочтения письмо сжечь¹.

То, о чем не должны были знать даже члены кантонского правительства, стало достоянием падких на сенсации газетчиков.

Реакция прессы

Для либеральных средств массовой информации разоблачение тайных переговоров Сунь Ятсена с Германией явилось прекрасным поводом для того, чтобы еще раз высказать всё, что они думали о лидере Гоминьдана.

Англоязычная «The Shanghai Times» посвятила Сунь Ятсену большую статью под названием «Зловещая китайская фигура», в которой припомнила ему, что в годы Синьхайской революции Сунь Ятсен находился в Америке и был сторонним наблюдателем того, что в это время происходило в Китае.

Не менее критически газета отозвалась об адмирале Гингце – «ближайшем друге экс-кайзера Вильгельма», который был во время войны послан в Китай не для того, чтобы налаживать дружеские отношения с этой страной, а для защиты эгоистических интересов Германии, в чем он, однако, не преуспел.

Генеральный консул Соединенных Штатов в Шанхае Э. Каннингам не замедлил переслать эту статью Госсекретарю США².

Сунь Ятсену пришлось оправдываться.

Сунь Ятсен не стал отрицать подлинность писем, обнаруженных в сейфе Ляо Чжункая, и признал, что действительно выступает за сближение Китая с Германией и Россией, но категорически отверг предъявленное ему обвинение в намерении способствовать распространению в Китае коммунистических идей.

Д-р Сунь заявил, что это обвинение глупо, потому что никто не может утверждать, что в Китае существуют исторические и экономические условия, приведшие к появлению большевизма. И это обвинение ложно,

¹ Ibid.

² USDS. 893-00/4733.

CHINA'S SINISTER FIGURE

There is a good deal of misapprehension in most minds as to the precise rôle that Dr. Sun Yat-sen played in the Revolution of 1911. The popular belief—a belief sedulously fostered by his propagandists—is that he was the mainspring and inspiration of the 1911 transaction whereby the effete Manchu Dynasty was relegated to political oblivion. Yet, in point of fact, this curious belief scarcely corresponds with historical accuracy. What is the truth of the matter? Those who have been eye-witnesses of the sequence of events in China from 1911 onwards will recall that at the time of the Revolution, Dr. Sun was in the United States. The Revolution itself was a premature outbreak fortuitously precipitated by a magazine explosion at Wuchang, which was mistakenly regarded as a signal for the starting-point of the revolt against Manchu misrule. But for this purely accidental factor, the Revolution might have been delayed. As soon as the tidings of the Wuchang affair reached the ears of Dr. Sun, he set sail for China, arriving in Hongkong on Christmas Day and reaching Shanghai about a week later. It requires no prescience to see that at the most crucial phase of the profound derangement in the political life of China, Dr. Sun was in the position of a mere looker-on and had no direct part in the shaping of those events which finally led to the downfall of the Manchus. That task was left to other hands. Not averse to being in the limelight, Dr. Sun, with consummate skill, manoeuvred himself into the position of the hero of the Revolution, and the republicans, elated with victory, rallied round his figure as an acknowledged enemy of the Manchus, irrespective of his capacity for leadership. Subsequent events lead one to wonder whether the republicans might not have made a better job of the Revolution without Dr. Sun's participation, but it is idle to shut our eyes to the fact that, rightly or wrongly, Dr. Sun has acquired an influence over a section of Chinese thought totally disproportionate to his political genius or administrative capacity, in both of which qualities he is sadly deficient. How has he used his influence?

The fearless historian of the future, when he comes to take a comprehensive view of the post-Revolution history of China, eager only for truth and accuracy, may find in the acts of Dr. Sun, for over a decade a greater desire to advance the interests of his own party than contribute to

the national welfare as a whole. He has not only failed to see eye to eye with Peking on any issue of importance but he has even quarrelled with his own henchmen when the latter happened to differ from him, as in the case of General Chen Chiung-ming, who resolutely frowned on Dr. Sun's mad idea of an anti-northern punitive expedition. Finding himself now stripped of power and having lost much of the prestige which he formerly enjoyed, Dr. Sun, apparently, is prepared to go to any extreme by way of retrieving the fallen fortunes of his party. Being an impulsive man, Dr. Sun is naturally subject to complete capitulation to moods. There is, therefore, nothing inherently improbable in the reports that have latterly gained currency that he is striving for an alliance between China, Russia and Germany. The association of his name with that of Admiral von Hintze is also equally credible when we recollect the latter gentleman's antecedents. Admiral von Hintze is a close friend of the ex-Kaiser of Germany and was specially chosen by the fallen monarch during the War as being the fittest person to advance German interests in China. The degree of determination to carry out his master's orders was reflected in the fact that Admiral von Hintze arrived in China in the capacity of a super-cargo on a Scandinavian vessel, not a fit or dignified form of entry into China of an accredited envoy of Germany but proving the possession of a practical and dogged mind. If Admiral von Hintze is now really negotiating with Dr. Sun for a secret alliance between China, Russia and Germany, we may depend upon him to display equal zeal and determination in the present instance as when he was trying to gain entry into China in time of war. He has all the grit of the Teuton and the wily qualities of the Oriental. As the despatch from Chu Wu-ching from Berlin to Dr. Sun states, "Mr. Hintze, formerly German Minister to China, understands perfectly the situation in China, and having for eight years been charged with a special military mission to Russia, he has established a large number of acquaintances in that country. He speaks English, Russian, and French wonderfully well. Above all, he is an adept in new ideas, full of energy and tact. His plans are in keeping with the current trend of democratic opinion. He is, in short, a man of whom one could find but very few in Germany."

Статья «Зловещая китайская фигура», помещенная в «The Shanghai Times»
от 2 октября 1922 г. (фрагмент)

так как д-р Сунь не только не планировал превращение Китая в коммунистическое государство, но никогда даже не думал о возможности этого¹.

Как помнит читатель, весной 1920 г. Сунь Ятсен заверял М. Г. Попова, что он является сторонником советской системы.

¹ Ibid.

DR. SUN SAYS HE WROTE TO RUSS AND GERMANS AS REBUKE TO POWERS

Sought Their Co-operation "Because They Are The
Only Nations That Treat China As An Equal"
He Explains in Statement

U. S. AND EUROPE DEAF TO HIS PLEAS

Denies Intention To Spread Bolshevism In China
And Says Translations Of Letters Were Garbled
Into Twisted Meanings

In a formal written statement that he issued yesterday Dr. Sun Yat-sen gave answer to the blast that was directed against him by the Hongkong Telegraph which printed letters said to have been discovered after the Canton revolt and disclosing that Doctor Sun was negotiating a triple alliance of China with Germany and Soviet Russia.

Объяснения Сунь Ятсена¹

Как и в 1918 г., Сунь Ятсен, строя план сотрудничества Китая, России и Германии, ограничился переговорами с Берлином, не считая нужным согласовать свои намерения с Москвой.

Сунь Ятсен приглашает японцев на остров Хайнань

К сказанному следует добавить, что еще один секретный документ был обнаружен в кабинете Сунь Ятсена после его бегства из Кантона.

11 июля 1922 г. генеральный консул Дж. Джемисон сообщил об этой находке посланнику Великобритании в Пекине и приложил к письму текст документа, о котором шла речь.

Это было заключенное 5 февраля 1922 г. соглашение Сунь Ятсена с создаваемой «Japan-China Forestry, Mining and Industrial Society», 4/5 оборотного капитала которой принадлежало Японии, и высшие посты в руководстве которой занимали граждане Японии.

По соглашению японская сторона должна была поставить Южному правительству 20 000 винтовок новейшей модели, 1 000 000 патронов, 72 полевых орудия, 15 000 снарядов, 120 пулеметов и 5 000 000 иен наличными. Третья часть вооружения и боеприпасов, а также 1 000 000 иен

¹ The China Press, September 30, 1922.

передавались китайской стороне в течение 4 месяцев после подписания соглашения.

Со своей стороны Южное правительство предоставляло смешанной японо-китайской компании права на освоение острова Хайнань и при-

Agreement between Southern Government and Japan-China Forestry, Mining and Industrial Society.

THE President of the Southern Government, Dr. Sun Yat-sen signed this agreement with the representatives of the Japan-China Forestry, Mining and Industrial Society, to help the Southern Government to extend :—

1. The said company agreed to supply the Southern Government with 20,000 latest model rifles, 5,000,000 rounds of ammunition, 72 field guns, 15,000 shells, 120 machine guns and ammunition.

2. The said company agreed to assist the Southern Government with 5,000,000 gold yen.

3. The said company are prepared to enter into another contract as regards further requirements of funds and arms with the Southern Government.

4. The Southern Government agreed to hand over the development of Hainan Island, all islands on the Kwangtung coasts to the said company, and also the fishing rights from south of Amoy to Hainan.

5. The Southern Government agreed to give the first call for forestry and mining rights of the province of Kwangsi to the said company.

6. The said company have the right to develop Hainan and all islands of Kwangtung, but no military or naval constructions may be constructed. The Southern Government have the right to stop any such works and pull them down.

7. The Southern Government are to have one-fifth of the capital of the said company for its developing industries. If the Southern Government cannot find the necessary money the said company have the right to supply the deficit.

8. If China is unified, or if the North and South hold a peace conference, the Southern Government must produce this treaty and have it agreed to by the North.

9. The said company to have the whole rights to develop of the said islands, and to alter the names of certain places. The workmen employed should be Chinese, but any work which cannot be done by Chinese may be carried out by Formosan or Japanese labourers.

10. The said company have the right to organise armed police to guard their industries, to be under the orders of the company.

11. Land tax, &c., will be based on the common laws of China.

12. If the said company require houses and property of the people for their developments, the Southern local authorities must assist them, the said company giving a fair average amount for compensation.

13. The said company have the right to construct rail or non-rail transport to develop certain works as necessary.

14. The said company is to be under control of committees, the Southern Government having the right to one-third of the seats of the committees. The highest posts in connection with the works to be held by Japanese.

15. The said company agreed to hand over 1,000,000 gold yen and one-third of the arms to the Southern Government in four months' time from the signing of the treaty, and the Southern Government must within this time mobilise.

The rest must wait until the Southern Government have control of a province (Kiangsi, Hunan or Fukien), in order to show their power. The said company will decide when the time has come to hand over the whole amount, the capture of the respective capitals being the evidence.

16. All details and miscellaneous terms will be contained in an annexure to this treaty.

17. At the time of handing over the first portion of money and arms to the Southern Government, the President of the Southern Government must sign a subsidiary agreement and hand over a substantial security.

18. After this treaty has been signed, should either the said company or the Southern Government be unable to carry out the terms, both sides have the right to cancel it.

19. The treaty will be in force from the day of signature.

Note.—This treaty is reported to have been signed on the 5th February, 1922.

Текст соглашения с Японией, подписанный Сунь Ятсеном¹

¹ Jamieson to Alston, July 11, 1922 // FO 371-8050.

брежных островов провинции Гуандун, а также на рыболовство в окрестных водах.

Компания получала право создавать на Хайнане свою собственную полицию, строить железные и грунтовые дороги и переименовывать местные географические названия.

В соглашении оговаривалось: «Если после подписания договора вышеуказанная компания или Южное правительство окажутся не в состоянии выполнять согласованные условия, обе стороны имеют право расторгнуть его».

Стороной, оказавшейся не в состоянии выполнять условия соглашения, стал Сунь Ятсен, вынужденный тайно бежать из столицы.

Глава XIX

«Великий перелом» в мировоззрении Сунь Ятсена?

На пути к альянсу

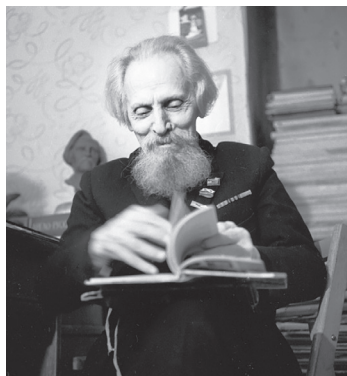
Почему в последние годы жизни Сунь Ятсен отважился пойти на союз с Советской Россией? Эта тема всегда привлекала к себе внимание историков. Многие здесь остаются спорным.

Ленин меняет свое отношение к Сунь Ятсену

Известно, что до Октябрьского переворота Ленин не раз интересовался деятельностью Сунь Ятсена и давал ей высокую оценку. Но став во главе Советского государства, Ленин проявлял в этом отношении сугубую осторожность.

В конце 1919 г. Сунь Ятсена навещал в Шанхае Н. Н. Матвеев-Бодрый. Вспоминая об этой встрече, он писал:

Когда мы спросили Сунь Ятсена о его отношении к Великой Октябрьской революции в России, он молча вынул из кипы аккуратно лежавших на столе документов небольшой листок бумаги. С едва заметной счастливой улыбкой на лице он протянул его нам.

Н. Н. Матвеев-Бодрый
(1891–1979)

Это была телеграмма от Ленина, написанная по-французски. В ней Ленин выражал Сунь Ятсену свое уважение. Было видно, что эти несколько слов вождя пролетарской революции чрезвычайно взволновали великого китайского революционера¹.

Однако это свидетельство противоречит утверждению как получателя вышеупомянутой телеграммы, так и ее автора.

14 июня 1921 г. Сунь Ятсен получил из Москвы письмо Чичерина, отправленное еще за несколько месяцев до этого, и написал в ответ:

Прежде всего я должен информировать Вас, что это первое и единственное письмо, полученное мною от Вас или от кого-либо из Советской России².

Если в 1919 г. несколько слов вождя пролетарской революции взволновали Сунь Ятсена, то почему в 1921 г. он утверждал, что вообще не получал этой телеграммы от Ленина?

В конце своего послания Чичерину Сунь Ятсен попросил его передать привет своему «другу Ленину». Чичерина это удивило. Он переслал письмо Ленину вместе со своей запиской:

Многоуважаемый Владимир Ильич, посылаю Вам для ознакомления письмо Сунь Ятсена, заключающее в себе, между прочим, привет Вам. Он называет Вас своим другом.

Несколько слов, начертанных Лениным на записке Чичерина, — ценное историческое свидетельство, смысл которого был до неизвестности искажен публикаторами³.

*М. Чичерин! Не так как.
Никогда даже не писал
др. другу ни слова.
Но я думаю, надо вдобавок
добавить, писал, пишу
серьезно и по-деловому секрету.*

*На Московского
нашего теле-
ка в Коммуне.*

В.И. Ленин

Ответ Ленина на записку Чичерина от 6 ноября 1921 г.

¹ Матвеев-Бодрый Н. Н. Две встречи с Сунь Ятсеном // Дальний Восток. 1957. № 3. С. 175.

² Сунь Ятсен — Чичерину, 28 августа 1921 г. // Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М. 1959. С. 57.

³ Чичерин — Ленину, 6 ноября 1921 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 1. 1920–1925. М. 1994. С. 65.

Прежде всего, Ленин категорически заявил, что он с Сунь Ятсеном вообще «не знаком» и что они «никогда не писали друг другу ни слова».

Далее следует рекомендация:

По-моему, надо всячески быть любезными, писать *регулярнее* и постараться *секретно* поселить нашего человека в Кантоне.

Предписание «всячески быть любезными» с Сунь Ятсеном в устах Владимира Ильича, в общении с коллегами обычно не стеснявшегося использовать крепкие выражения, порой выходящие за пределы нормативной лексики, звучит многозначительно: с товарищами по оружию не было необходимости любезничать.

Не менее глубокий смысл заключен и в требовании «секретно поселить нашего человека в Кантоне». Его невозможно истолковать иначе как предложение создать нелегальный источник информации о деятельности Сунь Ятсена.

Ничего не сказав о своем отношении к содержанию письма Сунь Ятсена, Ленин возвратил его Чичерину.

Через два месяца Ленин почему-то неожиданно вспомнил об этом письме:

Т. Чичерин! Помните, Вы мне посылали письмо Сунь Ятсена? Еще в нем он говорил что-то о *дружбе* ко мне, и Вы запрашивали меня, знали его я? К Вам или ко мне адресовано было это письмо? Сохранилось ли оно у Вас в архиве? И мой ответ с Вашим запросом? Если да, не можете ли прислать мне (на адрес Фотиевой)? Если нет, что *помните* об этом?¹

Приведя эти слова Ленина, А. И. Картунова замечала: «Сведений о том, для какой цели В. И. Ленин запрашивал письмо Сунь Ятсена, не имеется. Но это еще раз подтверждает тот интерес и внимание, с которым Владимир Ильич отнесся к этому письму»².

Однако почему же в ноябре 1921 г. Ленин не проявил никакого интереса к письму Сунь Ятсена, а в январе 1922 г. ему вдруг захотелось еще раз перечитать его?

Сегодня мы можем ответить на этот вопрос.

В конце 1921 г. представитель Нидерландской компартии в Коминтерне Х. Сневлит (Маринг) выступил инициатором оригинального плана: молодые компартии, еще не успевшие завоевать поддержку трудящихся масс, вступают в прогрессивные буржуазно-демократические партии

¹ Ленин — Чичерину, 26 января 1922 г. // Ленин В. И. ПСС. Т. 54. С. 141–142.

² Картунова А. И. Сунь Ятсен — друг Советского Союза // Вопросы истории КПСС. 1966. № 10. С. 31.

Х. Сневлит
(1883–1942)

своих стран и создают с ними единый антиимпериалистический фронт.

В Китае единственным кандидатом на роль партнера только что созданной компартии был Гоминьдан.

Ленин одобрил идею Сневлита. Контакт с Сунь Ятсеном теперь представлялся ему необходимым предварительным шагом для реализации плана создания единого фронта в Китае. Еще раз перечитав письмо Сунь Ятсена, Ленин пришел к выводу, что следует опробовать на практике комбинацию «Гоминьдан–КПК».

В это время в Москве находились представители обеих партий, участвовавшие в работе съезда революционных организаций Дальнего Востока. Ленин принял их, задав тому и другому один и тот же вопрос: возможен ли союз китайской компартии с Гоминьданом?

Эмиссар Сунь Ятсена Чжан Цюбай отвечал на этот вопрос положительно, представитель КПК Чжан Готао — тоже, хотя и с некоторыми оговорками¹.

Решение было принято — Сневлит получил партийное поручение сформировать в Китае единый антиимпериалистический фронт.

Мнение Виленского

В 1922 г. представитель Советского правительства А. К. Пайкес вел в Пекине переговоры о судьбе Китайско-Восточной железной дороги. НКВД принял решение усилить советскую делегацию, послав в Китай еще одного энергичного дипломата — В. Д. Виленского (Сибирякова).

Познакомившись на месте с положением в стране, Виленский выдвинул целый ряд предложений, не совпадавших с первоначальными намерениями Москвы.

Прежде всего он утверждал, что «на очереди стоит вопрос о РУССКО-КИТАЙСКОМ СОЮЗЕ,

В. Д. Виленский
(1888–1942)

¹ Подробнее см.: *Глунин В. И.* Первая миссия Гоминьдана в Москве. С. 103.

который весьма вероятен в условиях победы националистических элементов, становящихся сейчас у власти.

Весьма вероятно, что такой союз мог бы иметь основой соглашения оборонительного порядка против японского влияния в Маньчжурии»¹.

Но с кем конкретно мог бы быть заключен подобный союз? Отвечая на этот вопрос, 11 мая Виленский писал в Наркоминдел:

С Юга идут тревожные сведения о возможностях крушения Кантонского правительства. Возможно, что здесь пока много преувеличенного, но нет дыма без огня, и очень может быть, что в этих сообщениях есть доля истины.

Во всяком случае, из двух фигур, оставшихся сейчас на политической арене Китая — У Пэйфу и д-ра Сунь Ятсена, первая блещет ярче, а главное — У Пэйфу располагает победоносной армией, которую китайцы склонны отождествлять с «Национальной китайской армией», которая должна выполнить задачу борьбы за объединение Китая и утверждение его независимости².

Стремясь убедить правительство в необходимости сменить ориентиры, Виленский писал 3 июля Чичерину и Троцкому:

Главным фактом китайской политики является генерал У Пэйфу, в руках которого армия, финансы, пути сообщения, а также Министерство внутренних дел. Большинство провинций Юга ориентируется сейчас на У Пэйфу, результатом чего явился почти полный крах правительства Сунь Ятсена³.

Решив ковать железо пока горячо, Виленский добивается встречи с У Пэйфу в его ставке в Баодине.

О своей встрече с У Пэйфу Виленский подробно рассказал в своей книге «За Великой китайской стеной».

Среднего роста, немного сутулый, в скромной одежде, с мягкой улыбкой, он с первого взгляда производит впечатление скромного и мягкого человека. И только внимательно наблюдая его в процессе разговора, можно было подметить, что за этой мягкой

У Пэйфу
(1874–1939)

¹ Виленский — Чичерину, 21 мая 1922 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 5. П. 101, Д. 1. С. 23.

² Виленский В. Д. Вместо отчета о деятельности, 11 мая 1922 г. // Там же. С. 20.

³ Виленский — Чичерину и Троцкому, 3 июля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2194. С. 87.

Первое издание книги
В. Д. Виленского «За Великой
китайской стеной» 1923 г. (РГБ)

внешностью скрывается большая сила воли, которая отличает У Пэйфу среди других политических деятелей современного Китая.<...>

— Я отношусь с большой симпатией к Советской России. К сожалению, военная обстановка не дает мне возможности сделать необходимые шаги, — как бы оправдываясь, начал У Пэйфу беседу. — Китай переживает момент исключительного напряжения. Все внимание сейчас поглощают внутренние дела.

— Какие же задачи Вы себе ставите сейчас?

— Две задачи: объединение Китая и создание национальной армии. Без осуществления этих двух задач Китай не сможет добиться национального возрождения.

— Какой же путь национального возрождения Китая, по-Вашему, более вероятен?

— В первую очередь — объединение с Югом. Я думаю, что созыв старого парламента облегчит нам эту задачу, хотя должен признаться, что задача эта нелегкая¹.

Одним из результатов визита Виленского в Баодин было письмо У Пэйфу, адресованное Троцкому:

Многоуважаемый г-н Троцкий,

Член советской миссии в Китае г-н Виленский недавно посетил меня, и от него я много узнал о Вас, о Вашей работе, энтузиазме и о Вашей силе воли.

Будучи лидерами освободительного движения человечества, мне представляется, что единственной задачей, стоящей в настоящее время передо мною и Вами, это приложить наши усилия для реконструкции наших стран. После завершения этой работы Россия и Китай будут вместе бороться за мир и благополучие Дальнего Востока. Выражаю пожелание, что Вы и я будем вести нашу работу по этой линии².

Троцкий ответил на это письмо:

Многоуважаемый г-н У Пэйфу!

¹ Виленский-Сибиряков В. Д. За Великой китайской стеной (Люди, быт и ответственность). Изд. 2-е. М. 1925. С. 147.

² У Пэйфу — Троцкому, 29 июня 1922 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 5. П. 101. Д. 1. С. 29.

На днях в Москву приехал член нашей дипломатической миссии в Китае тов. Виленский, который передал мне Ваше любезное письмо и рассказал о действительном положении в Китае, где Вам приходится вести напряженную работу для дела национального возрождения Китая и освобождения его от опеки иностранных империалистов.

Могу Вам сообщить, что мы искренне сочувствуем той борьбе, которая идет в Китае под знаменем борьбы за независимость, и стараемся внимательно следить за всем происходящим в Китае.

Я вполне разделяю Вашу мысль, что народы Китая и Советской России не только естественно друзья, но имеют своей исторической задачей стремиться к установлению мира на Д[альнем] Востоке. И чем скорее будет осуществлена эта задача, совместные действия Китая и Советской России на Д[альнем] Востоке получат наконец возможность мирного развития и упрочения своего благосостояния.

Опыт моей страны показал, что освободиться от назойливости империалистов [можно] только силой оружия. Поэтому Ваше стремление создать национальную китайскую армию я считаю правильным. Но армия должна служить интересам народа и быть тесно связана с народом. Только такая армия может победить и быть полезной своей стране.

Т. Виленский мне передал, что Вы интересуетесь Красной Армией. Спешу послать Вам несколько книжек, которые смогут объяснить Вам наши достижения в военном деле.

Что касается ряда вопросов, которые Вы обсуждали с т. Виленским, то я полагаю, что продолжить это обсуждение Вы могли бы с т. Иоффе, который является нашим полномочным представителем в Китае.

Выражаю надежду, что Вам удастся преодолеть препятствия, стоящие на пути к освобождению Китая от опеки империалистов¹.

Казалось, всё было готово к заключению военно-политического союза с У Пэйфу. Но после того как вместо Пайкеса в Китай прибыл А. А. Иоффе, ситуация несколько изменилась.

Коммюнике Сунь Ятсен — Иоффе

Не отвергая того, что было сделано Виленским для установления тесных контактов с У Пэйфу, Иоффе сформулировал иной план вовлечения Китая в антиимпериалистическую борьбу. Эта цель, по его мнению, могла быть наиболее успешно достигнута в том случае, если бы

¹ Троцкий — У Пэйфу, 27 августа 1922 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 7.. П. 107. Д. 19. С. 182–183.

А. А. Иоффе
(1883–1927)

противостояние Сунь Ятсен — У Пэйфу не только было бы преодолено, но два деятеля объединили свои усилия, направленные на объединение страны.

Сразу же после прибытия в Пекин Иоффе приступил к реализации этого плана.

Прежде всего он направил У Пэйфу письмо, начинавшееся словами:

Русский народ с неослабным вниманием следит за национальной борьбой китайского народа во имя политического и экономического раскрепощения от империалистического ига. И с особым вниманием и симпатией мы все следим за Вами, кто в одном лице умеет объединить глубокомыслие философа с мудростью опытного и умелого политика и талантливого военного стратега.

Я был бы счастлив повидаться с Вами лично для того, чтобы, во-первых, ближе узнать крупнейшего политического и военного деятеля Китая, а во-вторых, чтобы обсудить с Вами вопросы, взаимно интересующие оба государства и народа.

Но, к сожалению, в данный момент, вероятно, личное свидание невозможно, и потому я посылаю к Вам вполне доверенное лицо, моего консультанта по военным делам г-на Геккера, бывшего командующим армией во время последней войны в России, а затем начальником Российской Академии Генерального штаба.

Прошу отнестись к нему с полным доверием¹.

Следующим на очереди было письмо Сунь Ятсену:

Я мечтал о том, что мне удастся лично познакомиться с Вами и таким образом повидать величайшего государственного деятеля современного борющегося за свое национальное освобождение Китая.

По Вашим письмам к тов. Чичерину я знаю, что Вы со свойственной Вам ясностью и трезвостью мысли превосходно понимаете основы нашей внешней политики вообще и дальневосточной в частности².

Отправляя копию этого письма Чичерину, Иоффе делает на ней многозначительную приписку: «Вопросы, заданные мною Сунь Ятсену, нарочито наивны».

1. Для меня неясно, есть ли Чжан Цзолин и его группировка — тоже национально-освободительная группировка, но несколько более реакционная, чем другие, или же это просто агентства японского империализма.

¹ Иоффе — У Пэйфу, 19 августа 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2144. С. 277.

² Иоффе — Сунь Ятсену, 22 августа 1922 г. // Там же. С. 279–280.

Неясно мне также, на кого в смысле социально-классовом опирается Чжан Цзолинь и какие элементы поддерживают его в Пекине.

2. Для меня неясно, почему Вы недавно пошли на соглашение с Чжан Цзолинем против У Пэйфу. Было ли это просто желание поддержать казавшегося более сильным, чтобы он уничтожил другого для того, чтобы Вы оставались только с одним врагом, которого Вам легче было бы уничтожить впоследствии, или же Вы действительно считаете политику Чжан Цзолиня полезной для Китая? В связи с этим я хотел бы знать, какую именно линию поведения по отношению к Чжан Цзолиню Вы порекомендуете мне?

3. Для меня неясны Ваши разногласия с Чэнь Цзюньмином. Ведь одного только несогласия в том, из Пекина или из Кантона должно идти национальное объединение Китая, недостаточно, чтобы прийти к кровопролитной войне.

4. Для меня неясно, почему, если в нынешнем китайском парламенте партия Гоминьдан и вообще Юг играют большую роль, парламент этот не признается Вами.

5. Для меня неясно, почему, если Вы теперь идете на соглашение с У Пэйфу и влияние Ваше и Гоминьдана, следовательно, еще более увеличивается, китайское правительство, в особенности Министерство иностранных дел, ведет политику, нисколько не соответствующую ни программе Гоминьдана, ни действительным интересам китайского народа. <...>

Очень извиняюсь, что отнимаю у Вас столько времени своим письмом, но мнение умнейшего человека в Китае настолько ценно, что я не мог отказать себе в удовольствии запросить этого мнения¹.

Сунь Ятсен отреагировал на письмо Иоффе, ответив на заданные ему вопросы:

1. Чжан Цзолинь — китаец, и непостижимо, чтобы он мог испытывать желание увидеть порабощение своей страны чужой державой или работать для этого. Я не верю, что он — агент японцев. Что касается общественных классов, то Чжан Цзолинь, по-видимому, не опирается ни на один класс. Он полностью опирается на своих солдат, и, насколько мне известно, нет элементов, о которых можно было бы сказать, что они поддерживают его в Пекине. <...>

2. Я пришел к соглашению с Чжан Цзолинем прошлой зимой, главным образом потому, что он направил ко мне в Кантон своего представителя — или точнее, в Гуйлинь, где я сосредотачивал войска для

¹ Там же. С. 250–251.

Северного похода – и предложил сотрудничество в проведении в жизнь моей политики воссоединения страны, а также дал четкое обещание, что в случае необходимости выступит против японцев. Я могу заметить, что на аналогичных условиях я согласился на сотрудничество с Дуань Цижунем в позапрошлом году. Альтернативой принятию сотрудничества с Чжан Цзолинем была бы вооруженная борьба как с ним, так и с У Пэйфу. Чжан Цзолинь мог быть искренним или неискренним, когда предлагал сотрудничать со мной, но, будучи человеком практичным, я не имел права подозревать его в неискренности. Если бы позднее он показал свою неискренность, то тогда мне бы пришлось заняться им, но не раньше. Я считал чрезвычайно важным воссоединение Китая и был готов тогда и готов теперь к сотрудничеству со всяким лидером, принимающим мои условия. Этим объясняется направление, в котором ныне развиваются события, относящиеся к У Пэйфу.

Что касается Вашего отношения к Чжан Цзолиню, то я должен посоветовать Вам не толкать его к Японии и дать ему возможность быть более восприимчивым к моему влиянию. В настоящее время он, как представляется, активно выступает против Великобритании и Америки из-за их поддержки, якобы оказываемой У Пэйфу. Дополнительная враждебность с Вашей стороны может заставить его искать дипломатическую поддержку у Японии, ибо никто не хочет оказаться в полной изоляции. Имейте это в виду.

3. По этому вопросу я прилагаю к письму подписанное заявление о положении в Кантоне, которое я выпустил на прошлой неделе для информирования держав. Чэнь Цзюньмин — плохой человек. Можно понять политического сторонника, порывающего со своим политическим лидером [из-за разногласий] по одному из фундаментальных политических вопросов. Однако вся политическая жизнь подрывается в корне, когда такой разрыв принимает форму покушения на жизнь лидера.

4. На этот вопрос дает ответ тот факт, что я уже посоветовал всем депутатам парламента от партии Гоминьдан направиться в Пекин. Я отметил, что парламент имеет неотъемлемое право для созыва, что до сих пор он был лишен возможности собраться в Пекине из-за противодействия северных милитаристов, что это противодействие ныне устранено, и его последующий созыв в Пекине не станет признанием законности администрации Ли Юаньхуна, а просто даст преимущество в устранении противодействия повторному созыву парламента в столице.

5. Вы заблуждаетесь, полагая, будто в настоящее время я так или иначе нахожусь в контакте с китайским Министерством иностранных дел¹.

¹ Сунь Ятсен — Иоффе, 28 августа 1922 г. // Там же. С. 253–256.

Иоффе не скрывал своего удовлетворения ответом Сунь Ятсена, который «попался на эту удочку, ответил на все щекотливые вопросы»¹. Главное, что он вынес из этого письма, — дальнейшее сближение лидеров Юга и Севера возможно.

В этом его убеждал и ответ У Пэйфу, доставленный вернувшимся в Пекин Геккером.

[Геккер] вернулся от У Пэйфу. Говорит, никогда не видел такого образцового военного порядка: порядок, дисциплина максимальны, муштрование, обучение выше похвалы. Был принят с максимальными почестями, также военными. У Пэйфу и его политические советники заявили о полном согласии с моим письмом. Все заявляют себя русофилами. У Пэйфу прислал мне свой портрет².

Отсюда — вывод:

Сунь Ятсен — идейный вождь Китая, У Пэйфу — военный; соединившись, оба создадут единый Китай. Теперь ведут переговоры, надеемся, согласятся, Сунь будет президентом республики, он сам — военным и главноком.

Иоффе с воодушевлением писал Сунь Ятсену:

Самой счастливой комбинацией для Китая было бы Ваше объединение с У Пэйфу и совместное создание китайского центрального правительства.

Мне кажется, что за обязательство признавать и поддерживать это правительство следовало бы вернуть Чжан Цзолиню все его звания, должности и чины.

Мне кажется также, что Чжан Цзолинь согласился бы на такие условия и, таким образом, такое правительство фактически объединило бы весь Китай. Я совершенно не сомневаюсь, что в своем стремлении всемерно содействовать национальному объединению Китая и его освобождению от ига мирового империализма Россия оказывала бы такому правительству Китая всю ту поддержку и помощь, которые она в силах оказать.

И думается мне, что при нынешнем международном положении, когда Россия опять заняла фактически подобающее ей место среди государств и, кроме того, является тем центром, вокруг которого объединяются все борющиеся за свое освобождение и государственную независимость народы и государства, такому правительству были бы не страшны происки империалистических держав, стремящихся не только сохранить наложенные ими на Китай цепи, но и наложить на него новые³.

¹ Иоффе — Карахану, 30 августа 1922 г. // Там же. С. 113.

² Иоффе — Карахану, 25 августа 1922 г. // Там же. С. 113.

³ Там же.

Тем временем Геккер, посланный Иоффе в Шанхай для встречи с Сунь Ятсеном, сообщал разочаровывающие новости:

Сунь считает необходимым охарактеризовать обоих противников — У и Чжана. У — это старый китайский *scholar*. Его нелегко заинтересовать новыми идеями. Он — «готовое изделие», в то время как бандит Чжан Цзолин — «сырой материал», который можно обработать.

Неверно считать, что он всего лишь орудие японцев. Есть примеры, показывающие, что он проводит свою собственную политику. Он — умный человек, хотя и без воспитания.

У Пэйфу находится в зависимости от Англии и Америки. Он неоднократно обманывал китайцев, и Сунь Ятсен сильно сомневается в том, что сейчас можно всерьез воспринять его дружественные жесты по отношению к России. Он, несомненно, настроен против японцев, однако при этом, возможно неосознанно, является орудием англо-американского капитализма. Победа У Пэйфу была бы англо-американской победой¹.

Иоффе сообщал в Москву:

Отношения между У Пэйфу и Сунь Ятсеном за последнее время опять испортились, и последний опять идет на сближение с Чжан Цзолинем.

По-видимому, диктаторская воля Суня столкнулась с такой же волей У. Бесспорно, что оба друг друга боятся. Сунь с самого начала не очень-то рвал с Чжаном, чтобы в случае чего иметь в нем противодействие У, а последний, ввиду громадной популярности Суня, не могущий с ним рвать, стремился его ослабить, чтобы заключить союз со слабым, а не с сильным Сунь Ятсеном.

Поэтому У Пэйфу, фактически (хотя и тайно) ведя переговоры о соглашении с Сунем, поддерживал врага последнего, Чэнь Цзюньмина (изгнавшего Суня из Кантона), и одновременно поддерживал борьбу против войск Суня, проводимую разными маленькими генералами в Сычуаньской провинции. План, по-видимому, был таков: оставить Суня без территории, на которую он мог бы опираться, и тогда заключить с ним союз, имея полную возможность противодействовать диктаторским наклонностям Суня <...>².

Вскоре Сунь Ятсен в письме к Иоффе поставил все точки над «i»:

Со времени нашего последнего обмена посланиями я вступил в контакт с У Пэйфу, пытаясь выяснить возможность сотрудничества с ним

¹ Запись беседы Геккера с Сунь Ятсеном, 26 сентября 1922 г. // РГАСПИ, Ф. 514. Оп. 1. Д. 985. С. 20.

² Иоффе — советским руководителям, 20 октября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2145. С. 42.

Москва, ЧИЧЕРИНУ.

Вх. №№: 6784, 6786;
6801, 6799, 5800,
6802.

Прод. №161. Не имея морального прикрытия для своих захватнических планов в этом случае получают такое прикрытия, ибо будут тоже делать вид, что борются против нашей агрессивности и опять смогут мобилизовать белых и сами пойти против нас войной. Поддержка великими державами Японии в этом случае несомненна. Все это будет губительно не только для Китая, но и для нас. С другой стороны сила Упейфу и его неустойчивость базируются на его уверенности, что мы войной силой поддерживаем его против Чжан-Цао-Лина т.е. конечною счете и против Сунат-Сана. Сун и /? не представляет себе чтобы поддержка его врагов входила в интересы нашего правительства если недоверие на Чжан-Цао-Лина основывается на нашем предположении, что последний японский/телеграфный пропуск/..... то Сун берет заставить Чжан-Цао-Лина. Принято все разумные целесообразные требования неимпериалистического Российского правительства. Для осуществления наших интересов Манчжурии нам незначим в..... бы туда свои войска ибо Сун не берет дипломатическим путем заставить Чжана удовлетворить нас ибо он уже заявил последнему, что окончательно порвет с ним, если Чжан не приметрусской политики. Наконец Сун новов объединяется с Упейфу в интересах об'единения Китая и создания сильного и прочного центрального правительства, но это очень трудно как в виду вышесказанной уверенности Упейфу в нашей поддержке, так и потому, что последний условием об'единения Суну ставит разрыв старым другом с Чжан-Цао-Линюм его поддерживающим его об'единительную политику. Я долго подробно беседовал Чанхи, последний прямо говорит, что наступил исторический момент, когда только от нас зависит удасть ли политика об'единения Китая. На мои вопросы Чанхи отвечал, что Сун очень хочет объединиться с Упейфу, что никакого письменного соглашения с Чжаном у Сун нет, что ни Сун ни его партия не будут возражать ни против автономии Монголии, ни против наших войск на КХЖД, если это явится результатом соглашения с Китаем. Они не могут только допустить, чтобы мы помогли Упейфу против Чжан-Цао-Лина. На мой вопрос как мне же убедить Упейфу в несправильности его уверенности буд-то мы окажем ему военную поддержку против Чжана, не могу же я это ему высказать прямо Чанхи ответил, что достаточно я скажу это Суну. Сегодня Чанхи возвращается в Китай. Я даю ему письмо Суну русский текст которого посылаю курьером. Я пишу ему что мы всегда прекрасно понимали, что единственными нашим другом в Китае является только Сун и никогда нам на ум не приходило работать против него, точно также мы никогда не думали и думать военными силами поддерживать кампанию Упейфу против Чжан-Цао-Лина. Но как официальное лицо я должен сноситься с центральным Китаем, оно против России, выполняет волю империалистов. Для того, чтобы на него воздействовать я должен использовать силы, нам, по тем или иным причинам, дружественные. До тех пор пока Сун ведет бойкотическую политику не вмешиваясь в дела Кипра, я не оказываю на него воздействия, я вынужден аппелировать к Упейфу. Отсюда моя близость последним, что однако несколько не дает права предполагать о нашей готовности Китаю поддерживать Упейфу военными силами внутренней борьбе Китая. Этих намерений у нас нет. Чжан-Цао-Линю мы действительно не верим, ибо знаем он ведет двойственную политику посылает депутацию нашему военному командованию заявляет не будет поддерживать белых в то же время фактически поддерживает наших врагов КХЖД и делает приют Манчжурии и плацдарм белогвардейцам. Если Сун действительно полагает Чжан и готов реально доказать свою дружбу нам, пусть он немедленно изгонит Манчжурии белых выслав их Читу и воздействует Кипра и правление КХЖД, чтобы нынешнее Остроумовское управление было смещено и заменено новым созданным по соглашению с нами. Если Чжан это сделает, наше отношение к нему изменится и устранены будут опасения Суну так как Упейфу отлично поймет что после таких действий Чжана мы не станем помогать первому против второго. Я добавлю, что хотя пишу все своею инициативой не отрицаю, что согласен Москвит. Полагаю самым важным всей этой истории, что самая сильная партия Китая и самый выдающийся деятель ее, открыто признают, что без нас ничего сделать невозможно. Демонстрация того что близость наших войск к Манчжурии вызывает опасения не помешает ли мы Упейфу если/конец искажен/ запрошено по жеребье/.

13 ноября ИОФФЕ.

Расшифровка телеграммы Иоффе Чичерину
о беседе с Чжан Цзи (фрагмент)

в деле воссоединения Китая и формирования сильного и стабильного правительства.

К сожалению, я вынужден констатировать, что оказалось весьма затруднительным иметь с ним дело. Имеющаяся в моем распоряжении информация заставляет меня полагать, что его нынешнее отношение, которое практически непреклонно, вызвано тем фактом, что он надеется заручиться военной помощью Вашего правительства на случай конфликта с Чжан Цзолинем. Конфликт между этими двумя людьми при таких обстоятельствах был бы губителен не только для Китая, но и для России. <...> Что касается У Пэйфу, то я очень хочу сотрудничать с ним. Однако я не могу согласиться ни на какое сотрудничество, включающее разрыв со старыми друзьями, которые все еще сохраняют верность моему плану воссоединения страны. У Пэйфу хочет, чтобы я в качестве платы за сотрудничество с ним отрекся от Чжан Цзолия. Такой курс действий я не могу принять¹.

Иоффе понял, что его план потерпел неудачу. Теперь ему предстояло решить, на кого в дальнейшем ориентироваться: на У Пэйфу или Сунь Ятсена. Свой выбор полномочный представитель РСФСР остановил на последнем.

В ноябре 1922 г. с целью договориться с Иоффе о его встрече с Сунь Ятсеном в Пекин прибыл Чжан Цзи.

17 января 1923 г. Иоффе прибыл в Шанхай для переговоров с Сунь Ятсеном.

Их встреча состоялась на улице Мольера, 29, где три года до этого лидер Гоминьдана угощал чаем полковника М. Г. Попова и тщетно пытался заручиться поддержкой Советской России для осуществления плана свержения Южного военного правительства.

Шанхайская полиция хорошо подготовилась к приезду Иоффе. В ее распоряжении помимо людей в штатском, дежуривших у входа в особняк, был еще кто-то, кто был вхож в кабинет Сунь Ятсена и пользовался его доверием. Был ли это, как и прежде, Джорж Сокольский или кто-то другой, сегодня нам неизвестно.

Переговоры начались 23 января.

Согласно донесению осведомителя, полученному в полицейском управлении Шанхая, Иоффе сообщил Сунь Ятсену, что советское правительство готово оказать помощь Гоминьдану на следующих условиях:

¹ Сунь Ятсен — Иоффе, 2 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5, Оп. 1. Д. 2144. С. 268–270.

Шанхай, улица Мольера, дом № 29

официальное дипломатическое признание РСФСР, заключение с ней союза и согласия на ведение в Китае коммунистической пропаганды. Сунь Ятсен заявил на это, что готов принять два первых условия, но не может согласиться на третье¹.

26 января газета «The China Press» опубликовала «Совместное коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе».

Коммюнике включало 4 пункта.

Во-первых, заявление Сунь Ятсена о том, что коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае, поскольку там для этого нет соответствующих условий. Иоффе выразил свое согласие с этим утверждением и подчеркнул, что самой насущной задачей Китая является его национальное объединение и обретение полной национальной независимости. Он заверил Сунь Ятсена, что в этом великом деле Китай может рассчитывать на поддержку со стороны России.

¹ 一九二三年孙中山与苏联特使越飞在沪会谈情况的警务报告 (Доклады полицейского управления о переговорах Сунь Ятсена с советским полпредом Иоффе, 1923 г.) // 党史研究资料 (Материалы по истории партии). Т. 5. Чунцин. 1985. С. 59.

During his stay in Shanghai, Mr. Joffe has had several conversations with Dr. Sun Yat-sen, which have revealed the identity of their views on matters relating to Chinese-Russian relations, more especially on the following points:—

(1). Dr. Sun Yat-sen holds that the Communist order or even the Soviet system cannot actually be introduced into China, because there do not exist here the conditions for the successful establishment of either Communism or Sovietism. This view is entirely shared by Mr. Joffe, who is further of opinion that China's paramount and most pressing problem is to achieve national unification and attain full national independence, and regarding this great task, he has assured Dr. Sun Yat-sen that China has the warmest sympathy of the Russian people and can count on the support of Russia.

(2). In order to clarify the situation, Dr. Sun Yat-sen has requested Mr. Joffe for a reaffirmation of the principles defined in the Russian Note to the Chinese Government, dated September 27, 1920. Mr. Joffe has accordingly re-affirmed these principles and categorically declared to Dr. Sun Yat-sen that the Russian Government is ready and willing to enter into negotiations with China on the basis of the renunciation by Russia of all the treaties and exactions which the Tsardom imposed on China, including the treaty or treaties and agreements relating to the Chinese Eastern Railway (the management of which being the subject of a specific reference in article VII of the said Note).

(3). Recognizing that the Chinese Eastern Railway Question in its entirety can be satisfactorily settled only at a competent Russo-Chinese Conference, Dr. Sun Yat-sen is of opinion that the realities of the situation point to the desirability of a *modus vivendi* in the matter of the present management of the Railway. And he agrees with Mr. Joffe that the existing Railway management should be temporarily reorganized by agreement between the Chinese and the Russian Government without prejudice, however, to the true rights and special interests of either party. At the same time Dr. Sun Yat-sen considers that General Chang Tso-lin should be consulted on the point.

(4). Mr. Joffe has categorically declared to Dr. Sun Yat-sen (who has fully satisfied himself as to this) that it is not and has never been the intention or purpose of the present Russian Government to pursue an Imperialistic policy in Outer Mongolia or to cause it to secede from China. Dr. Sun Yat-sen, therefore, does not view an immediate evacuation of Russian troops from Outer Mongolia as either imperative or in the real interest of China, the more so on account of the inability of the present Government at Peking to prevent such an evacuation being followed by a recrudescence of intrigues and hostile activities by White Guardists against Russia and the creation of a graver situation than that which now exists.

Mr. Joffe has parted from Dr. Sun Yat-sen on the most cordial and friendly terms. On leaving Japan, to which he is now proceeding, he will again visit the South of China before finally returning to Peking.

Shanghai, Jan. 26, 1923.

«Совместное коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе», опубликованное газетой «The China Press»

Во-вторых, Сунь Ятсен попросил Иоффе подтвердить те принципы, которые были провозглашены в советской ноте китайскому правительству от 27 сентября 1920 г. Иоффе подтвердил эти принципы и заявил, что Советское правительство готово вступить в переговоры с Китаем на основе отказа от всех договоров, навязанных ранее Китаю.

В-третьих, Сунь Ятсен признал, что существующее управление Китайско-Восточной железной дорогой должно быть реорганизовано без нарушения прав какой-нибудь из сторон, но оговорил, что по этому вопросу должно быть выслушано мнение генерала Чжан Цзолия.

В-четвертых, Иоффе заявил, что Советское правительство не намерено проводить в Монголии империалистическую политику или способствовать ее отпадению от Китая. Что касается Сунь Ятсена, то, по его мнению, немедленный вывод советских войск из Монголии не является необходимым и не соответствует действительным интересам Китая.

Впоследствии выяснилось, что опубликованные переводы коммюнике на русский и китайский языки расходятся в одной существенной детали — толковании английского слова *actually*, употребленного в первом пункте документа, где говорится о том, что «коммунистический строй или даже советская система не могут быть введены в Китае». В английском языке *actually*, как известно, имеет два значения: «в настоящее время» и «фактически». В китайском переводе это слово было истолковано в своем втором значении, в русском — в первом. Может быть, оно было включено в текст намеренно — с тем, чтобы каждая из сторон могла толковать его по-своему?

Как бы то ни было, «Совместное коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе» заложило основы сотрудничества Советской России с Гоминьданом, хотя конкретные формы этого сотрудничества в документе, естественно, оговорены не были. О том, чего хотел от России Сунь Ятсен, подписывая коммюнике, мы узнаём из писем Иоффе в Москву.

«Северо-Западный план» терпит фиаско

Первое, чего Сунь Ятсен ожидал от сближения с Советской Россией, — это, как всегда, оружие и деньги, в которых лидер Гоминьдана постоянно испытывал нужду.

Иоффе выступает за оказание помощи Сунь Ятсену

Иоффе был убежден в том, что оказать Сунь Ятсену военную и финансовую помощь необходимо:

В случае если последней оказано не будет, Суню придется идти на компромиссы с империалистами и, следовательно, с находящимися у них в плену пекинскими правительствами, и победа национальной революции в Китае *будет надолго отсрочена*.

Таким образом, развертывающиеся в Китае события резко ставят перед нами следующие вопросы:

— Готовы ли мы дать Суню немедленно два миллиона золотых рублей или какую бы то ни было другую сумму (какую?). <...>

— Готовы ли мы в случае необходимости наступлением на Чжан Цзолиня отвлечь его из Пекина?

— Готовы ли мы в продолжение одного-двух лет снабдить оружием 100 000 армию Суня (также дать некоторое количество инструкторов), считаясь с тем, что, конечно, это все же не должны быть *современные европейские корпуса по вооружению*. Если нет, *то в каких размерах и в какие сроки мы вообще можем оказывать помощь Суню оружием?*

Я ставлю эти вопросы и *сам лично* на все три отвечаю утвердительно, несмотря на то, что в свое время я уже однажды получил отповедь ЦК за предложение дать Китаю заём¹.

Иоффе отнюдь не был уверен в том, что его соображения будут с пониманием встречены в Москве.

Я пишу это письмо и, зная нашу, так сказать, политическую «увлекаемость», сильно опасаясь, что теперь, в период Лозаннской конференции, оккупации Францией Рурского округа и начинающихся политических осложнений на Балканах, моего письма никто даже и читать не станет.

Но если кто-нибудь его прочтет, я хотел бы обратить его внимание на то, что, несмотря ни на какие события в Европе, Дальний Восток все же остается *ахиллесовой пятой империализма*. Как бы ни развернулись *теперь* события на Ближнем Востоке и в Европе, *в будущем* разрешаться мировая история будет все же здесь, на Тихом океане, в Китае. Мы можем и должны проявить максимум внимания и активности в ближневосточных и европейских делах, но из-за этого мы вовсе не должны игнорировать дальневосточных².

Но на этот раз Сунь Ятсен намеревался получить от Советской России не только деньги и оружие. Он рассчитывал на то, что теперь есть реальная возможность наконец-то осуществить свой «Северо-Западный план».

¹ Соображения А. А. Иоффе о перспективах и возможных последствиях сотрудничества с Сунь Ятсеном, 26 января 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2147. С. 48–49.

² Иоффе — советским руководителям, 26 января 1923 г. // Там же. С. 30.

Об этом Сунь Ятсен подробно рассказал Иоффе, а тот изложил суть дела в специальном письме в Москву.

Сунь, по-видимому, исходит из соображения, что все его неудачи до сих пор имели своей причиной то, что он всегда базировался исключительно на Юг и поэтому слишком зависел от империалистических держав. Вероятно, ввиду этого он свою программу хотел строить **на полной независимости от империалистических держав и чистейшей ориентации на нас**, хотя и утверждает, что резко враждебной ему является только Великобритания, Америка его поддерживает, Япония относится скорее сочувственно, чем враждебно (во всяком случае, аньфуисты за него), а Франция — безразлична. Тем не менее, базируясь на Юг, Сунь Ятсен всегда должен иметь в виду, что «державы» могут, в любой момент отрезав побережье, заставить Суня плясать под свою дудку. Если поэтому перенести свою базу вглубь страны, поближе к нам, то при соглашении с нами абсолютно не страшными являются всякие диверсии держав на тихоокеанском побережье, рассуждает Сунь. В настоящее время весь, так сказать, мусульманский Китай, то есть Восточный Туркестан и прилежащие провинции — под сильным влиянием Суня. Это влияние должно быть усилено еще для того, чтобы, во всяком случае, сохранен был тесный и непосредственный контакт с нами.

Затем из Сычуани путями, **не соприкасающимися с районами влияния У Пэйфу**, т. е. через Ганьсу, Шэньси и так далее, движется имеющаяся там 100 000 армия Суня **к границам Монголии**, где и располагается в хлебодородных и богатых провинциях на территории, находящейся **в прямом контакте с нами и через Восточный Туркестан, и через Ургу**.

Эта армия вооружается нами (амуницию, одежду и т. п. Сунь надеется достать без нас, но некоторое количество наших военных инструкторов будет тоже необходимо). Когда эта армия будет приведена в достаточное боевое состояние (на что, по мнению Суня, надо будет от года до двух), тогда предпринята будет последняя «Северная экспедиция» Суня, на этот раз, **безусловно**, удачная. Никакие вмешательства держав в этом случае не будут опасны, ибо, даже отрезав побережье, они не смогут повредить осуществлению этого плана, а двинуться с берега внутрь страны они никогда не рискнут. Только одна Япония могла бы двинуться из Маньчжурии, но и это мало страшно, ибо настоящая 100 000 армия — достаточная сила, чтобы удержать и Японию в известных границах.

При этом плане, по мнению Суня, мы не должны заключать договоры с пекинским правительством, и может быть, нам пришлось бы даже пере-

нести резиденцию моей миссии во Владивосток, откуда я мог бы сно-
ситься с Сунем¹.

Иоффе изложил свое предварительное мнение об этом плане, и Сунь
Ятсен согласился со всеми «политическими поправками», уточнив при
этом, что он не имел в виду располагать свою армию в самой Монголии,
а лишь на границах ее.

Соображения Иоффе касались двух аспектов — внутривосточного
и международного. В связи с первым аспектом Иоффе указывал на сле-
дующие обстоятельства:

Из борющихся ныне в Китае группировок, главным образом военных,
если даже считать, что [при] перенесении центра тяжести движения на
Северо-Запад Чжан Цзолин все же останется сторонником д-ра Сунь
Ятсена, необходимо предвидеть, что У Пэйфу никак не сможет не быть
препятствием, во-первых, потому, что он сам находится как раз на пути
движения с Юга на Северо-Запад; во-вторых, потому, что он не может
удовлетвориться нынешним своим положением, должен, наоборот, стре-
миться вернуть себе утраченное ныне свое значение и силы и необходимо
должен будет стремиться к расширению, либо прямо в сторону Юга, т. е.
в направлении как раз противоположном направлению д-ра Сунь Ятсена,
либо тоже в сторону Монголии, то есть как раз туда, куда будет идти дви-
жение д-ра Сунь Ятсена. В обоих случаях последний, следовательно,
должен будет столкнуться с первым.

При базировании на Северо-Запад, конечно, не предполагается упу-
стить Юг, наоборот, весь план только тогда реален и серьезен, когда Юг
целиком остается в руках д-ра Сунь Ятсена, между тем трудно себе пред-
ставить, чтобы на Юге за такой промежуток времени, как 1–2 года, не
было никаких изменений, не было бы по меньшей мере попыток к совер-
шению переворота, например, хотя бы со стороны Чэнь Цзюньмина,
который, быть может, самостоятельно, а быть может, при содействии
Англии, наверное, будет стараться вернуть себе свое положение.
Совершенно случайные, но возможные неожиданности вроде движения
какого-нибудь нового генерала тут не принимаются в расчет, однако
необходимо иметь в виду, что вышеуказанные предусматриваемые два
обстоятельства внутренней жизни Китая в самом наилучшем случае всё
же могут *задержать значительно* окончательное проведение в жизнь
плана д-ра Сунь Ятсена².

¹ Там же. С. 25.

² Соображения А. А. Иоффе о перспективах и возможных последствиях сотрудни-
чества с Сунь Ятсеном, 26 января 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2147. С. 49–50.

Далее Иоффе характеризовал те возможные «осложнения и затруднения в осуществлении этого плана», которые виделись ему с точки зрения международной обстановки.

Как раз в последнее время замечается особенная заинтересованность международного империализма именно на Севере Китая; например, за последний год количество английских предприятий в Маньчжурии (правда, не весьма значительных по размеру), увеличилось в 60 раз. Заинтересованность Соединенных Ш[татов] Сев[ерной] Америки и особенно Японии в Маньчжурии и Монголии — общеизвестны.

При этих условиях всякое движение д-ра Сунь Ятсена в направлении на Север перепугает империалистов и заставит их принять хоть какие-нибудь меры предосторожности.

При постоянном стремлении мирового империализма воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы еще сильнее закабалить Китай, столь энергичные за последнее время разговоры об «интернационализации» Китая и об установлении «международного контроля над финансами Китая» не могут быть простой случайностью и в связи с тем обстоятельством, что до окончательного проведения в жизнь плана д-ра Сунь Ятсена успокоение [в] стране, действительно, наступить не может, вышеуказанное стремление мирового империализма использовать все, чтобы закабалить сильнее, если и не приведет к решительным действиям со стороны мирового империализма, благодаря невозможности отдельных держав сговориться между собой, *то все же будет висеть постоянной угрозой над Китаем* и будет лишать движение д-ра Сунь Ятсена *в широких массах той его привлекательности, которую оно имело бы без постоянной угрозы иностранного вмешательства.*

Эта угроза иностранного вмешательства будет, если не на деле, то, наверное, на словах становиться все грознее по мере приближения д-ра Суня к России как в прямом, так и в переносном смысле, т. е. как в смысле дружественного сближения, так и в смысле территориального приближения.

Для идейных вождей движения эти угрозы будут не очень-то страшны, но определенную и при том *невыгодную* атмосферу для участия широких народных масс они всё же создадут¹.

По мнению Иоффе, план Сунь Ятсена нельзя было рассматривать в отрыве от ситуации в связи с грядущими переговорами с пекинским правительством:

Так как русско-китайские переговоры, т. е. переговоры российского посла А. А. Иоффе с центральным, официальным, т. е. пекинским прави-

¹ Там же.

тельством, *ожидаются всеми в стране и формально* отложены только до конца лечения А. А. Иоффе, т. е. до начала марта, то дальнейшее их откладывание произведет неблагоприятное впечатление и, особенно принимая во внимание большую агитационную работу врагов России, будет истолковано как «перемена советским правительством политики», «возврат к империалистической, агрессивной политике царизма», «подготовка к оккупации Маньчжурии» и т. д. и т. п.

Открытый же разрыв Москвы с Пекином, неизбежно влекущий за собой взаимное отозвание всех уполномоченных, консулов и т. п., может вызвать разговор о «войне», «насилии России над Китаем» и т. п. и дать возможность и *повод* державам, жаждущим закабаления Китая, особенно Японии, вмешаться в целях «спасения» Китая от советской агрессивности.

Наконец, слишком большое затягивание в начатии переговоров невозможно для России, ибо в двух вопросах, в которых она заинтересована, в монгольском вопросе и в вопросе о КВЖД, Россия не может откладывать решения¹.

Исходя из всех этих соображений, Иоффе предлагал следующую детализацию плана Сунь Ятсена:

Весь план должен оставаться *конспиративным* и до максимально возможного срока никому *непонятым*.

План должен проводиться в жизнь не исключительно военными мерами, но и развитием самой широкой агитации в стране в пользу национального объединения всего Китая под руководством д-ра Сунь Ятсена и в пользу максимального сближения Китая с Россией.

Движение не должно идти как в прошлый раз, когда в Кантоне было создано независимое китайское правительство, бойкотировавшее и не признававшее пекинское.

Наоборот, хотя, возможно, скорее все провинции, признающие д-ра Сунь Ятсена, должны быть объединены одним общим правительством, возглавляемым д-ром Сунем, но это последнее должно стремиться *еще до военного захвата всего Севера с Пекином* приобрести соответствующее его политическому весу в Китае влияние на пекинское правительство и добиться, например, того, чтобы представитель Российской миссии в Пекине открыто был аккредитован при правительстве д-ра Сунь Ятсена, и *переговоры Китая с Россией велись с соответственным участием представителей правительства д-ра Суня*².

¹ Там же.

² Там же. С. 52.

В Москве нашлись как сторонники, так и противники предложения Иоффе принять план Сунь Ятсена. Среди последних был, в частности, замнаркома Л. М. Карахан.

Как бы то ни было, 8 марта 1923 г. Политбюро приняло решение по этому вопросу.

ИЗ ПРОТОКОЛА № 53 ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП

Москва, 8 марта 1923 г.

Присутствовали:

Члены Политбюро тт. Зиновьев, Троцкий, Сталин, Томский, Молотов (кандидат).

Члены ЦК: тт. Сокольников, Радек.

Зам. пред. СНК т. Цюрупа.

З. О Китае.

(Предложение тов. Иоффе).

([Присутствовали] тт. Чичерин, Карахан, Литвинов).

а) Отвергнуть все те части плана, которые в какой бы то ни было мере чреваты опасностью интервенции со стороны Японии.

б) Признать желательным заложить основу революционной армии в Западном Китае в форме целостной воинской единицы.

в) Признать возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов.

г) Признать необходимым посылку к Сунь Ятсену группы политических и военных советников с согласия Сунь Ятсена.

д) Признать желательным приезд тов. Иоффе в Москву на совещание, договорившись о времени приезда с тов. Иоффе.

е) Указать тов. Иоффе, что Политбюро имеет серьезные опасения насчет того, что Сунь Ятсен уделяет слишком большое внимание чисто военным операциям в ущерб организационно-подготовительной работе.

ж) Поручить комиссии в составе тт. Чичерина, Радека и Троцкого составить к следующему заседанию Политбюро проект инструкции тов. Иоффе на основе принятых директив, с обязательной рассылкой проекта всем членам Политбюро¹.

Карахан в письме к Иоффе следующим образом резюмировал решение Политбюро:

При сем посылаю Вам копию инструкции по вопросам, возбужденным Вами в Вашем письме № 8. Как Вы увидите из инструкции о плане поддержки Сунь Ятсена полностью в том виде, как они были предложены Сунь Ятсеном и переданы нам с Вашими замечаниями, они не приняты, но

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 339. С. 1, 2, 5.

частично они приемлемы, и инструкция формулирует характер и размер помощи, на которую мы готовы пойти в настоящий момент¹.

Решение Политбюро от 8 марта 1923 г. встретило решительные возражения ИККИ.

24 марта заведующий Дальневосточным бюро Восточного отдела ИККИ Г. Н. Войтинский писал в Москву о том, что «до сих пор еще, к сожалению, не видно, чтобы Гоминьдан и Сунь Ятсен пытались создать политическое движение в стране и осмыслить таким образом в глазах широких масс свои военные действия»².

4 апреля в Политбюро ЦК получили письмо заведующего Восточным отделом ИККИ Г. И. Сафарова. В нем говорилось:

Поддержка Суня-Чжана-Дуаня (об этой коалиции идет речь!) со стороны Советской России является недоразумением, которое может иметь роковые последствия для нашей политики в Китае, и гилянская история, имевшая за собой гораздо больше плюсов, должна была бы служить нам предостережением. <...> На основании вышесказанного я позволяю себе просить Политбюро пересмотреть свое решение³.

Решение оказать помощь Сунь Ятсену пересмотрено не было. Его довели до сведения лидера Гоминьдана, и тому не оставалось ничего иного, как только принять условия помощи, поставленные Москвой, в частности, направление в Кантон советских советников, одной из задач которых было осуществить реорганизацию Гоминьдана.

24 мая Сунь Ятсен попросил Маринга передать Иоффе:

Я немедленно приступаю к реорганизации партии. Учреждаю ежедневные газеты в Кантоне, Шанхае и Харбине, еженедельные в Пекине и Шанхае, а также ежемесячник в Кантоне. В ближайшем будущем станет возможным развернуть пропаганду среди солдат-северян. Хотел бы получить первый транш в счет выделенной мне помощи. Прошу немедленно телеграфировать в Москву. Что касается организации военных сил на северо-западной границе, то детали этого обсудят делегаты, вскоре отправляющиеся в Москву. <...>⁴

¹ Карахан — Иоффе, 21 марта 1923 г. АВП. Ф. 08. Оп. 6. П. 4. Д. 7. С. 14.

² Отчет Г. Н. Войтинского Восточному отделу ИККИ, 24 марта 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 41. С. 83.

³ Сафаров — в Политбюро ЦК РКП, 4 апреля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 40. С. 35. «Гилянская история», о которой говорил Сафаров, — предпринятая в 1921 г. и закончившаяся неудачей советская военная интервенция в Персии, имевшая своей целью оказание помощи группировке Кучек-хана.

⁴ 李玉珍. 孙中山与共产国际 (*Ли Юйчжэнь. Сунь Ятсен и Коминтерн*). Пекин. 1996. (вкладка).

В другой телеграмме, отправленной в Японию вскоре после этого, Сунь Ятсен торопил Иоффе:

Мы должны быть готовы к финальной стадии нашего сотрудничества. Но в ожидании этого мы не должны делать что-либо, что нарушит наши планы. Поэтому я настаиваю на том, чтобы Ваше правительство отложило до более подходящего времени переговоры о маньчжурской железной дороге.

Я испытываю большую нужду в средствах для скорейшего решения вопросов в Кантоне, с тем чтобы у меня были развязаны руки в отношении Северо-Западного плана для окончательного решения китайской проблемы в целом¹.

«Делегация д-ра Сунь Ятсена» в Москве

2 сентября 1923 г. в Пекин на смену отозванному Иоффе прибыл новый полномочный представитель Советского правительства — заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан.

Вскоре он получил письмо от Сунь Ятсена, в котором, в частности, говорилось:

То, что следует ниже, строго *конфиденциально*. Несколько недель тому назад я послал письма товарищу Ленину, Чичерину и Троцкому, представив им генерала Чан Кайши, начальника моего штаба и личного представителя. Я направил его в Москву для обсуждения путей, посредством которых друзья могли бы оказать помощь моей работе в этой стране. В частности генерал Чан представит вашему правительству и военным экспертам предложение, касающееся военных действий моих вооруженных сил в районе, находящемся к Северо-Востоку от Пекина. Генерал Чан имеет полномочия действовать от моего имени².

Это сообщение встревожило Карахана, опасавшегося, что в случае если советско-китайские переговоры будут вестись параллельно в Пекине и Москве, он не сможет контролировать их ход. И полпред делает все от него зависящее, чтобы

Л. М. Карахан
(1889–1937)

¹ Там же.

² Сунь Ятсен — Карахану, 17 сентября 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. VI. М. 1962. С. 436.

воспрепятствовать обсуждению в Москве конкретных вопросов, касающихся сотрудничества с Гоминьданом.

Он дает указание прибывшему в Кантон М. М. Бородину побеседовать об этом с Сунь Ятсеном:

Вы должны попросить, чтобы он ознакомил Вас подробно со своим планом, причем деликатно укажите, что едва ли в Москве может быть принято какое-либо решение без меня и что, наверное, Москва предпочтет, чтобы вопрос, возбуждаемый им, был разрешен мною в Пекине. В Москве, несомненно, выслушают его представителя самым внимательным и благосклонным образом, но что едва ли смогут принять какое-либо окончательное решение¹.

Ту же мысль о нецелесообразности ведения переговоров с Гоминьданом одновременно в Москве и в Китае Карахан еще до этого внушил Чичерину, и тот сообщил ему:

Здесь сейчас находится суньятсеновский генерал. Его знакомят с разными лицами. Он хотел говорить о подробностях нашей помощи Сунь Ятсену. Я сказал, что об этом Вами уже начат разговор непосредственно и что кто-нибудь от Вас поедет к Сунь Ятсену. Он был этим, по-видимому, не совсем доволен. Некоторые разговоры с ним все-таки ведутся, чтобы не озлобить его².

Наркому не хотелось травмировать полпреда, и он, как мог, старался смягчить ситуацию. На деле же «некоторые разговоры», которые, по его словам, велись в то время в Москве, включали встречи с высшими советскими руководителями — председателем ЦИК М. И. Калининым, секретарем ЦК ВКП(б) Я. Э. Рудзутаком, главкомом С. С. Каменевым, заместителем председателя Реввоенсовета Э. М. Склянским, председателем Реввоенсовета Л. Д. Троцким, наркомом просвещения А. В. Луначарским, а также председателем Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьевым. Несколько раз с делегацией беседовал Чичерин.

На встрече в Реввоенсовете 9 сентября Чан Кайши поставил перед Склянским три вопроса:

- 1) делегация просит, чтобы Реввоенсовет направил в Кантон возможно большее количество военных специалистов;
- 2) делегация хотела бы получить возможность познакомиться с организацией и повседневной подготовкой Красной Армии;
- 3) делегация намерена обсудить план военных действий в Китае.

¹ Карахан — Бородину, 6 октября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 4. С. 2.

² Чичерин — Карахану, 12 сентября 1923 г. // АВП. Ф. 0179. Оп. 7. П. 4. Д. 5. С. 10.

По первому вопросу Склянский ответил, что несколько военных специалистов уже направлено в Кантон, и предложил организовать для китайских военных специальные учебные заведения. В результате обмена мнениями было решено, что в Петрограде или Москве, а также во Владивостоке или в Иркутске будут созданы два военных учебных заведения для китайского персонала.

Второй вопрос не вызвал возражений, и Склянский заявил, что гости могут познакомиться с теми сторонами жизни Красной Армии, которые их интересуют.

Отвечая на просьбу более подробно изложить суть дела, касающегося третьего вопроса, Чан Кайши пояснил, что речь идет о плане организации к югу от Урги на границе Монголии и Китая военной базы, на которой по образцу Красной Армии была бы создана новая армия Гоминьдана, которая затем предпримет наступление на Пекин.

Этот пункт предложений, сформулированных «делегацией д-ра Сунь Ятсена», не вызвал в Москве энтузиазма.

Объяснялось это отнюдь не тем, что советское руководство не хотело быть втянутым в военные действия на территории Китая, как полагают некоторые исследователи¹. Главная причина заключалась в другом — нежелании создавать китайскую военную базу на границе с Монголией, проблема которой еще не была окончательно решена. Чичерин писал Карахану, что лично он считал «совершенно невозможным использование Монголии как плацдарма для Гоминьдана, ибо монголы никаких китайских войск у себя не допустят»².

Об этом же Чичерин писал и Сунь Ятсену:

Мы думаем, что фундаментальной целью партии Гоминьдан является создание мощного движения китайского народа, и поэтому первоочередными задачами являются пропаганда и массовая организация. Наш опыт показывает: наша военная активность была эффективной потому, что прошло много лет, на протяжении которых мы организовывали и воспитывали наших последователей, тем самым строя в стране организованную партию, способную победить всех своих врагов. Вся китайская нация должна видеть разницу между Гоминьданом — организованной массовой партией и властью милитаристов в различных частях Китая. ***Братские народы — монголы, тибетцы и народности Западного Китая должны***

¹ Картунова А. И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М. 2001. С. 35.

² Чичерин — Карахану, 24 октября 1923 г. АВП. Ф. 0179. Оп. 1. П. 4. Д. 5. С. 20.

*ясно понимать, что Гоминьдан поддерживает их право на самоопределение. Поэтому их территории не могут использоваться для размещения ваших вооруженных сил*¹.

После всестороннего изучения предложений делегации Гоминьдана, активное участие в котором принимал председатель Реввоенсовета, было решено отклонить план Сунь Ятсена, указав на первоочередную необходимость уделять главное внимание не военной, а политической работе. Троцкий предлагал «внушить Сунь Ятсену и его агентам чрезвычайно решительно и твердо в корне ту мысль, что сейчас для них наступает длительный подготовительный период; военные планы, а следовательно, и чисто военные требования, обращенные к нам, откладываются до прояснения положения в Европе и до завершения хоть некоторой политической подготовки в Китае»².

Троцкий возражал и против предложения Карахана немедленно послать к Сунь Ятсену группу военных специалистов:

Я думаю, что мы сейчас не можем отрывать ни одного серьезного военного работника от дела. Да и отдельные наши военные, при отсутствии в Китае политической организации, оказались бы бессильными³.

Вместе с тем Троцкий поддержал мысль Чичерина о создании специальной комиссии по китайским делам «с тем, чтобы эта комиссия действительно, т. е. не на словах, а на деле обеспечила крутой поворот в работе внутри Китая в смысле передвижения внимания на 99% от генеральских комбинаций к политической организации населения в существующих армиях»⁴.

Тон письма Марингу, написанного Чан Кайши 12 ноября 1923 г., был вполне оптимистичен.

Однако во время второго посещения Реввоенсовета 13 ноября члены делегации поняли, что «Северо-Западный план» советским руководством отвергнут.

Последние сомнения в этом отношении были рассеяны после того, как 27 ноября Чан Кайши и его спутники были приняты Троцким, который заявил:

¹ Чичерин — Сун Ятсену, 4 декабря 1923 г.; цит. по: *Whiting A. Soviet Policies in China. 1917–1924. New York. 1954. P. 245–246.*

² Троцкий — Чичерину и Сталину, 2 ноября 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 415. С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же.

Пока Сунь Ятсен занимается исключительно военными операциями, в глазах китайского рабочего, крестьянина, ремесленника и мелкого торговца он кажется таким же милитаристом, как и милитаристы Севера Чжан Цзолинь и У Пэйфу. Известно, милитаристы Севера поддерживаются иностранцами. Поэтому, если бы мы оказали военную помощь Сунь Ятсену, то китайское общественное мнение расценивало бы поло-

S.G. Sn 3087

Moscow, Nov. 12, 1923.

Dear comrade:

We have received your letter of 5th instant and we are glad that you arrived at Holland without any trouble.

We have not seen comrade Joffe and he is living with us but very sick.

Yesterday we had a talk with comrade Sklinsky, that has settled the question on military plan. He emphasised on the political work in China itself and said that during the period of political work we have to ~~prepare for the military work~~ prepare for the military work. Therefore he proposed to send three to seven comrades of high military standing to the Akademy of the staff and to open a branch in the lower military school for the trusted comrades of number of thirty to fifty. This will be the results of our mission.

As to ~~the commission~~ of the commission of the Comintern, comrade Voitsinsky has informed us about the change of comrade Bouharin in stead of com. Radek. But the commission has not met as yet. Before our going we must see com. Bouharin.

We have decided to go on 22nd instant. Concerning your going to China, before we leave Moscow we will let you know.

Chantaly will write letter to Sims find out how she is living there. Her sister has come to us and informed us about that Sims likes to come to Moscow but she cannot come ~~owing~~ to the lack of room for her.

With greetings to you and to your wife and boys.

yours sincerely,

Chiang Kai shan

Письмо Чан Кайши Марингу от 12 ноября 1923 г.

жение таким образом: Чжан Цзолинь — агент Японии, У Пэйфу — Америки и Англии, Сунь Ятсен — Советской России. В таких условиях революционное движение не могло бы быть успешным. Требуются иные методы революционного движения. Нужна, прежде всего, длительная и упорная политическая подготовка широких народных масс. Это значит, что наибольшая часть внимания Гоминьдана должна быть обращена на пропаганду. Хорошая газета <...> лучше, чем плохая дивизия. Серьезная политическая программа в настоящих условиях имеет значительно большее значение, чем плохой корпус. Мы не отказываемся от оказания военной помощи, но при теперешнем стратегическом соотношении военных сил не представляется возможным оказать эту помощь войскам Суня¹.

Выслушав речь Троцкого, Чан Кайши впал в нервное состояние и потребовал, чтобы его отправили в санаторий. Он был до крайности раздосадован тем, что ему так и не удалось добиться главной цели пребывания в Москве.

Вернувшись в Кантон, он неодобрительно отзывался о тех, с кем ему в Москве довелось вести переговоры, утверждая, что «русским нельзя верить».

О своих многочисленных заявлениях в коммунистическом духе он в своей жизни больше никогда не вспоминал.

Чичерин делал всё, что мог, чтобы «не озлобить» Чан Кайши, но в конце концов тот все-таки озлобился

Сунь Ятсен принимает то, что ему дают

«Северо-Западный план» Сунь Ятсена так и остался неосуществленным. Однако за исключением этого он получил из Москвы всё, что просил: и деньги, и оружие. Более того, была достигнута договоренность об организации близ Кантона, в Вампу, военной школы для подготовки высшего командного состава собственной гоминьдановской армии. В этих условиях Сунь Ятсену пришлось согласиться на требования, выставленные Москвой, — создание единого фронта с китайскими коммунистами и реорганизация Гоминьдана на советский манер.

¹ Посещение делегацией Сунь Ятсена тов. Троцкого, 27 ноября 1923 г. // Там же. С. 23–24.

10 декабря Карахан информировал Москву об успехах главного политического советника Бородина, действовавшего в Кантоне «с удивительным тактом, энергией и настойчивостью». Успехи эти были впечатляющи: создан ЦИК Гоминьдана, в Кантоне начали функционировать районные комитеты, произведена перерегистрация членов партии. Главное же заключалось в том, что в своей пространной речи 25 ноября Сунь Ятсен официально признал важность недооценивавшейся им ранее политической работы¹.

Теперь, полагал Карахан, следовало всерьез подумать и о военной помощи Гоминьдану. Прежде всего, дело касалось открытия военной школы.

Начальником ее назначен тот самый

Чан Кайши, который был в Москве. Двое наших генштабистов, находящиеся уже в Кантоне, работают над ее организацией. Составлен план, разработана программа, намечены условия приема, подбираются слушатели, намечен учебный персонал, уже выбрано помещение, и все ждут приезда Чан Кайши, который должен уже непосредственно приступить к ее организации. Школа в год может стоить от 150 до 200 тысяч китайских долларов. Сумма эта должна быть ассигнована, и она должна находиться в моем распоряжении для того, чтобы по мере надобности я мог бы через ЦИК Гоминьдана и т. Бородина передавать деньги на расходы по заранее утвержденной смете².

Следующий вопрос — помощь Сунь Ятсену оружием.

Он просит 10 000 винтовок. Я указывал Вам, что мы могли бы дать ему не всё просимое количество, что можно было бы сократить наполовину, но сейчас, после приезда Бородина, я настаиваю на том, чтобы оружие было дано полностью: 10 000 винтовок, 1000 пулеметов и несколько орудий³.

И, наконец, военные специалисты.

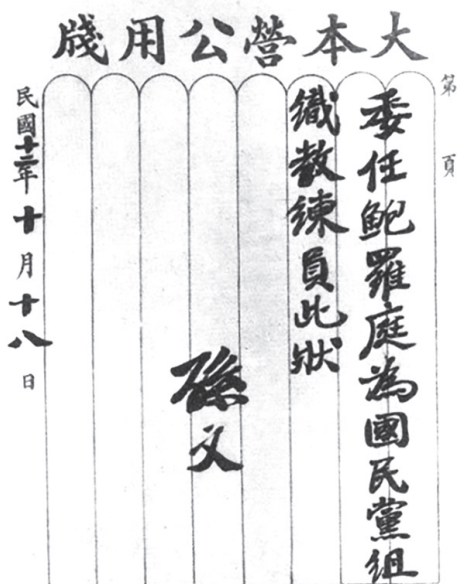

М. М. Бородин
(1884–1951)

¹ Карахан — Чичерину, 10 декабря 1923 г. // АВП. Ф. 0179. Оп. 7. П. 4, Д. 9. С. 211–212.

² Там же. С. 213.

³ Там же. С. 216.

Мандат М. М. Бородина, подписанный
18 октября 1923 г.

Нужно по крайней мере 2–3 человека: по кавалерийской части, по артиллерийской и по пехотной. Если бы можно было дать одного инструктора по авиационной части, это было бы хорошо, но в первую очередь хотелось бы этих трех. Наличный состав здесь генштабистов не подходит, они не справятся с этой работой, и поэтому хотелось бы иметь высококвалифицированных людей, которые могли бы быть на высоте положения, и не только инструктировали бы, но могли бы оказать помощь советами самому штабу Сунь Ятсена. Там есть очень хорошие генералы, но они настолько отстали и не смыслят ничего в современной военной науке, что несколько человек среднего, а еще лучше высокого калибра наших военных играли бы там первую роль и первую скрипку¹.

Спустя неделю после этого Карахан вновь просит Чичерина обратить «серьезное внимание на помощь оружием и открытие необходимых кредитов для работы с Сунем, иначе мы провалим все дело, так хорошо начатое»².

Настойчивость Карахана была вознаграждена. 24 декабря 1923 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение выделить на помощь Гоминьдану 500 000 золотых рублей³.

Сбылась давнишняя мечта Сунь Ятсена: он наконец смог приобрести самолет. Счастливый обладатель этой технической новинки назвал его «Rosamund» — в честь своей обожаемой супруги.

16 июня состоялась церемония открытия военной школы Вампу.

¹ Там же. С. 217.

² Карахан — Чичерину, 17 декабря 1923 г. // Там же. С. 220.

³ Протокол № 64 заседания Политбюро ЦК РКП, 24 января 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 412. С. 2.

Сунь Ятсен, Сун Цинлин и Бородин на открытии школы Вампу

Сунь Ятсен был вполне удовлетворен результатами сближения с Россией. Теперь в своих публичных выступлениях лидер Гоминьдана то и дело употреблял слова из советского лексикона: «единый фронт», «империализм», «неравноправные договоры» и пр.

Дело об исключении коммунистов из Гоминьдана

Во взаимоотношениях Москвы и Кантона была проблема, к решению которой стороны подходили с диаметрально противоположных точек зрения.

Гоминьдан считал Пекинское правительство незаконным и рассчитывал рано или поздно элиминировать его как политическую реальность.

Советское правительство, напротив, исходило из того, что целый ряд нерешенных вопросов российско-китайских отношений может быть урегулирован только с Пекинским правительством, признанным *de jure*.

Сунь Ятсен предостерегает Карахана

По дороге в Пекин Л. М. Карахан, сменивший Иоффе на посту чрезвычайного представителя Советской России в Китае, сформулировал «конечную цель» и «ближайшую задачу» своей миссии:

Конечная цель — это создание объединенного национального всекитайского правительства в Пекине, возглавляемого Сунь Ятсеном, с руководящим влиянием тех групп, которые мы объединяем под словом «Гоминьдан»¹.

По мнению Карахана, переговоры на Севере — в Мукдене и Пекине — и, в частности, разрешение проблемы КВЖД отнюдь не противоречит этой «конечной цели».

Разрешение вопроса о КВЖД ни в коей мере не помешает осуществлению «конечной цели», о которой говорилось выше. Оно вполне укладывается в рамки общего плана, ибо, закрепляясь на КВЖД, развязывая руки Чжану для похода на Пекин, мы создаем условия, облегчающие совместный приход Чжана и Суня в Пекин. В то же время, владея КВЖД, мы укрепляем нашу позицию в Маньчжурии настолько, что в случае разногласий и конфликта между Чжан Цзолинем и Сунь Ятсеном <...> командующее положение наше в Маньчжурии, поскольку мы владем КВЖД, будет очень сильным орудием нашего давления на первого и облегчит разрешение спора между Чжаном и Сунем в пользу последнего².

Но для Сунь Ятсена его принцип «не иметь ничего общего с незаконным Пекинским правительством» был превыше всего. Он писал Карахану:

Ваше самое значительное затруднение состоит в ведении переговоров с политической группой, которая, кроме того, что она абсолютно не представляет китайский народ, перестала иметь даже видимость национального правительства, и ее дипломатия в действительности руководствуется скорее желаниями и указаниями определенных иностранных держав, чем жизненными интересами Китая как независимого и суверенного государства³.

Сунь Ятсен считал, что успех миссии Карахана может быть гарантирован только в том случае, если он будет вести переговоры не с Пекином, а с Кантоном.

¹ Карахан — Чичерину, 27 августа 1923 г. // АВП. Ф. 0100. Оп. 5. П. 101. Д. 1. С. 153.

² Там же. С. 154–155.

³ Сунь Ятсен — Карахану, 16 сентября 1923 г. // Там же. С. 435.

В случае если Вы найдете безнадежными переговоры с Пекином на условиях, которые, не ущемляя суверенных прав китайского народа, поставили бы Новую Россию в положение международного равенства с другими иностранными державами, Вам, может быть, придется рассмотреть целесообразность приезда в Кантон и переговоров с моим новым правительством, в настоящее время формирующимся, вместо того чтобы возвращаться в Москву с пустыми руками¹.

В марте 1924 г. у Сунь Ятсена взял интервью корреспондент «Кантон ньюс сервис».

Вопрос: Сейчас Пекинское правительство предпринимает шаги для переговоров с г-ном Караханом по вопросу о признании Советской России. Так как вопрос этот имеет международное значение, широким кругам было бы интересно знать Ваше личное мнение по этому вопросу. Какова будет позиция Южного правительства, если Пекин действительно признает Советскую Россию?

Сунь Ятсен: Признает ли Пекинское правительство Советскую Россию или не признает, ни в какой степени не имеет отношения к моему правительству. Это только вопрос о дипломатических отношениях между Советами и Пекинским правительством, о чем я не могу высказывать никакого личного мнения. Прежде чем Карахан приехал в Пекин, Советское правительство уже показало свою позицию по отношению к моему правительству, совершенно отличную от позиции по отношению к Пекину. Что касается позиции моего правительства по отношению к России, то до сих пор здесь не было никаких изменений, и нет никаких оснований к тому, чтобы положение изменилось.

Вопрос: Таким образом, будучи независимым от Пекинского правительства, Южное правительство признает Советскую Россию сепаратно?

Сунь Ятсен: Нет никакой нужды делать это, отношения между Советской Россией и моим правительством настолько дружественны, что похожи на отношения двух братьев и не нуждаются в таких формальностях как признание. Холостой человек, желающий жениться, обязательство должен сделать какие-то шаги, чтобы выбрать себе жену и согласиться на некоторые условия, прежде чем вступить в брак. Между братьями никакие формальности не нужны. Таковы именно наши отношения с Россией.

Вопрос: Хотите ли Вы этим сказать, что принципы и направление политики у Вас совершенно те же, что и у Советской России?

¹ Сунь Ятсен — Карахану, 17 сентября 1923 г. // Там же. С. 436.

Сунь Ятсен: Конечно, принципы и направление политики Русского правительства, существовавшие два года тому назад, совершенно отличны от наших. Но теперешняя политика Русского правительства — Новая экономическая политика — построена в главном по тому же образцу, как и мои принципы Экономического Строительства, которые должны быть введены в Китае. На этой почве мы, естественно, устанавливаем братские отношения между обоими правительствами. В вопросе о применении этой политики в этих странах есть разница по многим пунктам практического характера, но в основе их политика одинакова¹.

Отвечая на этот вопрос журналиста, Сунь Ятсен повторил принципиально важный, с его точки зрения, тезис, который он сформулировал еще в январе того же года на заседании временного ЦИК Гоминьдана. В ответ на упрёки в том, что он добровольно идет в ученики к большевикам, Сунь Ятсен отвечал:

В начале русской революции они осуществляли коммунистические принципы, отличавшиеся от «Трех народных принципов» нашей партии. Но новая экономическая политика, которая сейчас проводится в России, это государственный капитализм, как и «Три народных принципа». Поэтому в действительности не наша партия учится у России, а Россия учится у нашей партии².

Советские суньятсеноведы никогда не цитировали эти слова лидера Гоминьдана, предпочитая ссылаться на другие его высказывания, в частности на то, что он писал примерно в то же время наркому Чичерину:

Мы надеемся со временем проделать в Китае то, что ваша партия была в состоянии совершить в России, в смысле создания новой концепции государства и новой системы управления. По этой причине мы нуждаемся в советах и помощи и ожидаем их от Вас и от других товарищей³.

После этого разобраться в том, кого — Гоминьдан или РКП(б) — Сунь Ятсен в действительности считал «учителем» и кого «учеником», затруднительно.

¹ Интервью Сунь Ятсена корреспонденту «Кантон ньюс сервис» // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 144. С. 123.

² 中国国民党临时中央执行委员会第二十二次会议记录 (Протокол 22-го заседания временного ЦИК Гоминьдана), 3 января 1924 г. // 李云汉. 从容共到清党 (Ли Юньхань. От допуска коммунистов до чистки партии). Тайбэй. 1966. С. 5. Оригинал протокола хранится в Архиве Комитета по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе.

³ Сунь Ятсен — Чичерину, 16 февраля 1924 г. Советско-китайские отношения. 1917–1957. М. 1959. С. 78.

Тем временем журналист продолжал спрашивать.

Вопрос: В вопросе о признании России Пекинским правительством, что означает занятие такой же дружественной позиции по отношению России, приветствуете ли Вы такое признание?

Сунь Ятсен: Конечно, я его приветствую¹.

Означало ли это заявление Сунь Ятсена, что в марте 1924 г. он изменил свое первоначальное отрицательное отношение к возможности заключения соглашения Советской России с Пекинским правительством?

Американский историк А. Уайтинг утверждал, что Сунь Ятсен продолжал оставаться противником соглашения Москвы и Пекина².

Его мнение решительно отвергал С. Л. Тихвинский, ссылавшийся, в частности, на выпущенный Сунь Ятсеном «Манифест» по поводу заключения советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г., а также на не названные им «другие многочисленные документальные свидетельства»³.

Документальные свидетельства, однако, говорят совершенно о другом.

Когда до Кантона дошло известие о том, что парафированное 14 марта советско-китайское соглашение так и не вступило в силу, у Сунь Ятсена появилась надежда на то, что оно будет окончательно сорвано.

4 апреля он провел в Кантоне совещание, участие в котором приняло всё руководство Гоминьдана. Обсуждались перспективы признания СССР южным правительством. Газета «Шиши синьбао» писала по этому поводу:

Кантонское правительство воспользовалось тем, что переговоры в Пекине прерваны, и Сунь Ятсен намерен интенсифицировать свои отношения с Россией. На секретном совещании обсуждались меры, которые нужно предпринять для этого. Согласно имеющейся информации, на днях будет опубликована важная декларация, главное содержание которой сводится к тому, что Пекинское правительство не имеет права представлять общественное мнение и Советская Россия будет признана от имени Южного правительства. В декларации будет заявлено о признании независимости Монголии (что фактически означает уступку России в обмен

¹ Интервью Сунь Ятсена корреспонденту «Кантон ньюс сервис» // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 144. С. 123.

² Whiting A. S. Soviet Policies in China. 1917–1924. New York. 1954. S. 247.

³ Тихвинский С. Л. Об отношении Сунь Ятсена к Советской России // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 84.

[на отказ Москвы от заключения договора с Пекином]]. <...> Переговоры начнутся сразу же по прибытию в Гуандун советского представителя Иванова¹.

Этим «советским представителем» был эксперт полпредства известный китаист А. И. Иванов, пославший Сунь Ятсену телеграмму с уведомлением о том, что он направляется в Кантон с полномочиями на ведение переговоров об установлении официальных дипломатических отношений с Южным правительством².

Миссия Иванова не состоялась.

В Пекине тем временем было заключено советско-китайское соглашение.

А. И. Иванов
(1877–1937)

Соглашение Карахан — Гу Вэйцзюнь вступило в силу

26 июня пекинская газета «The North China Standard» опубликовала статью, в которой излагались вероятные последствия этого события для взаимоотношений Москвы и Кантона.

Автор статьи писал, что, поставив свою подпись под ст. 6 Пекинского соглашения, Советское правительство оказалось в щекотливом положении по отношению к Кантону, которому оно оказывало моральную и материальную поддержку.

Между тем, в ст. 6 соглашения говорилось:

Правительства обоих договаривающихся сторон взаимно ручаются не позволять в пределах своих территорий по принадлежности существованию или деятельности каких-либо организаций или групп, задачей коих является борьба путем насильственных действий против правительства какой-либо из договаривающихся сторон <...>³.

Если советская помощь, говорилось в редакционной статье «The North China Standard», действительно будет прекращена, незамедлительным следствием этого неизбежно станет, в частности, прекращение деятельности военной школы Вампу.

¹ Кантон и китайско-российские переговоры // Шиши синьбао, 7 апреля 1924 г.

² Миньго жибао, 12 апреля 1924 г.

³ Соглашения между Китайской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик. 1924 г. Харбин. 1929. С. 5.

SINO-RUSS PACT AFFECTS CANTON

Article 6 Of Agreement Would Deprive Dr. Sun Of Red Support

By subscribing to article 6 of the Sino-Russian Agreement that the Governments of the two contracting parties mutually pledge themselves not to permit, within their respective territories, the existence or activities of any organizations or groups whose aim is to struggle by acts of violence against the Government of either contracting party, the Soviet Government or for that matter, its envoys in Peking and Canton have placed themselves in a false position in regard to the Canton Government which has hitherto received constant moral and financial support from Moscow. Whether the support is to cease or continue, Dr. Sun and his men are asking themselves, according to telegraphic advices just received here. The left wing of the Kuomintang party considers the provision as a serious blow to its hopes and has urged Dr. Sun to appeal to Moscow and Karakhan direct.

The advices go on to say that a representative of the Soviet Government is in Canton conferring with Messrs. Wang Ching-wei, Li Han-min, Liu Chung-kai and

Tai Tien-shou as to a way out of the predicament and that the former Soviet Envoy at Canton who was recently summoned to Peking is now on his way to Canton. In this connection it is interesting to note that one of the local Chinese papers reports that the Metropolitan police recently suppressed a telegram sent by Dr. Sun Yat-sen to M. Karakhan.

Telegram Detained

(Atlantic News Agency Service)

PEKING, June 25:—It is reported in well-informed circles that during the last few days, the government censors at the telegraph office detained a wire from Dr. Sun Yat-sen to Mr. Karakhan dealing with the sixth article of the new Russo-Chinese agreement on general principles. According to this article, the Soviet can not continue their support to the Kuomintang party in the south and Dr. Sun wants to know the actual intention of the Soviet authorities. Borodin is proceeding to the South immediately as the Kuomintang leaders, such as General Hu Han-min, Civil Governor Liao Chung-kai and Sun Fo, (son of Dr. Sun) are greatly stirred about the new situation. In this connection, a Canton despatch says that owing to the lack of financial support from the Soviet, the newly-established Sino-Soviet military college in Kuangtung for the training of young Chinese after the Bolshevik army system will be suspended shortly.

Редакционная статья
газеты
«The North China
Standard»

Со ссылкой на хорошо информированный источник сообщалось, что Сунь Ятсен направил Карахану телеграмму, в которой потребовал объяснить, каковы же на самом деле намерения Москвы.

В Кантоне подписание Пекинского соглашения вызвало бурю негодования.

В июне 1924 г. «Миньго жибао» напечатала целую серию статей, в которых в предельно резкой форме критиковалась внешняя политика Советского Союза. Кто скрывался под псевдонимами «Юн Шэн» и «Кэ Ли», которыми были подписаны эти статьи, неизвестно. Но совершенно прав был Цюй Цюбо, указавший на то, что все эти публикации появились в официальном печатном органе Гоминьдана и, стало быть, случившееся могло произойти не иначе, как только с ведома и согласия Сунь Ятсена¹.

¹ Цюй Цюбо — Бородину, 20 июня 1924 г. // 瞿秋白文集 (Собрание сочинений Цюй Цюбо). Пекин. 1988. Т. 2. С. 603.

В одной из этих статей без обиняков говорилось, что проповедям большевиков нельзя доверять¹.

Другой автор следующим образом развивал эту мысль:

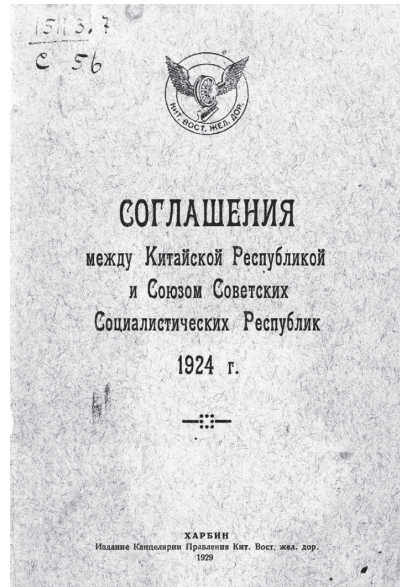
Потерпев неудачу на Западе, русские вознамерились компенсировать свои потери на Востоке. Провоцируя независимость Монголии, они захватили ее вооруженной силой. Чем их политика отличается от заветов Петра Великого? Лишь только их клятвами помогать слабым нациям. А несведущие люди еще утверждают, что после революции у России больше нет агрессивных замыслов!²

Испепеляющий огонь критики был направлен непосредственно на Карахана и Бородина:

Карахан несет ответственность за то, что дружбе народов Китая и России нанесен удар. Карахан знает, что окопавшееся в Пекине правительство не может представлять Китай. Помощник Карахана Бородин на протяжении нескольких месяцев пребывания в Кантоне заявлял, что прогрессивное Южное правительство способно преобразовать Китай. Но теперь ясно, что эти слова были лишь средством воздействия на Пекинское правительство. Вот они — хитроумные уловки Карахана!³

Еще в апреле на совещании под председательством Сунь Ятсена ряд членов руководства Гоминьдана высказывали опасение, что в случае заключения соглашения в Пекине Советский Союз перестанет оказывать финансовую помощь Кантону⁴. Теперь эта угроза стала вполне реальной.

О том, как на это реагировали в Кантоне, мы сегодня можем судить по малоизвестному источнику — подборке документов под общим названием «Замыслы коммунистов раскрыты», опубликованной шанхайским

¹ Миньго жибао, 3 июня 1924 г.

² Там же, 4 июня 1924 г.

³ Там же, 9 июня 1924 г.

⁴ 孙政府与中俄交涉 (Правительство Сунь Ятсена и китайско-российские переговоры) // Хуацзыбао, 9 апреля 1924 г.

издательством «Саньминь шудянь» в августе 1924 г. (изданная ограниченным тиражом, эта публикация давно уже стала библиографической редкостью; один экземпляр ее хранится ныне в спецхране Шанхайской городской библиотеки).

Как свидетельствует один из документов, включенных в это издание, 14 июня Сунь Ятсена навестил Чжан Цзи, высказавший лидеру Гоминьдана свой взгляд на сложившуюся ситуацию. В ответ д-р Сунь крайне неодобрительно отозвался о Коминтерне, но заявил, что он всё же не утратил веру в искренность большевиков. Тогда Чжан Цзи показал ему ст. 6 Пекинского соглашения. Сунь Ятсен промолчал, а его собеседник сделал из этого вывод: лидер, «вероятно, понял, что на Советскую Россию нельзя положиться»¹.

23 июня группа членов ЦИК Гоминьдана во главе в Фан Жуйлинем предложила потребовать от Карахана отказаться от Пекинского соглашения².

Вслед за этим Сунь Ятсен получил письмо за подписью 321 члена Гоминьдана. В нем говорилось, что Советская Россия признала Пекинское правительство и заключила с ним соглашение, включающее ст. 6, равнозначную объявлению войны Гоминьдану. Ответственность за это дипломатическое поражение Южного правительства несут члены ЦИК, уполномоченные заниматься отношениями с СССР, — Дай Цзитао, Тань Пиншань, Ляо Чжункай, и они должны быть строго наказаны.

Остроту конфликта приглушила встреча Чжан Цзи, Се Чи и Сунь Кэ с Бородиным, состоявшаяся 25 июня.

Запись их беседы сохранилась, но в ее опубликованной версии³ явно опущены важные детали.

Взаимопонимание по вопросу о советско-китайском соглашении могло последовать только в том случае, если политический советник

Красноречие Бородина развеяло опасения скептиков

¹ 共产党阴谋大暴露 (Замыслы коммунистов раскрыты). Шанхай. 1924. С. 16.

² Шиши синьбао, 30 июня 1924 г.

³ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. М. 1994. Т. 1. С. 449–454.

Гоминьдана заверил своих собеседников, что ст. 6 — это не более чем «бумажная декларация», следовать которой Советское правительство не собирается.

Сразу же после этого Ху Ханьминь сделал важное заявление:

Непоследовательность политики Советского правительства — чисто внешняя. Заключение советско-китайского соглашения с Пекином фактически не означает каких-либо изменений в отношениях СССР с Кантонским правительством¹.

Еще более определенно высказался Чжан Цзи:

Китайско-советское соглашение на практике является клочком бумаги, не имеющим какого-либо значения. Это не более чем прием, использованный Россией в своей политике².

7 июня ЦИК Гоминьдана принял решение признать советско-китайское соглашение³.

Еще через неделю был принят «Манифест»⁴, который академик Тихвинский цитировал как доказательство того, что Сунь Ятсен никогда не выступал против заключения соглашения СССР с Пекинским правительством.

Коммунисты нарушают партийную дисциплину

Нараставший конфликт Москвы и Кантона был успешно преодолен. Но «правые» гоминьдановцы воспользовались им, чтобы изгнать из своих рядов коммунистов, которых они считали бомбой замедленного действия, подложенной в здание Гоминьдана.

В сложившейся ситуации китайские коммунисты оказались меж двух огней. Будучи членами Гоминьдана, они были обязаны поддерживать позицию лидера партии. Но поскольку они оставались коммунистами, им надлежало следовать линии Коминтерна, выступавшего за заключение договора между Москвой и Пекином.

Многие руководящие деятели КПК избрали для себя вторую линию поведения.

В начале апреля 1924 г. стало известно, что Ли Дачжао встречался с Гу Вэйцзюнем и уговаривал его пойти на уступки Карахану во имя

¹ 粵方否认中俄协定 (Кантон не признает китайско-советское соглашение) // Шэнцзин шибао, 1 июля 1924 г.

² Там же.

³ Замыслы коммунистов раскрыты. С. 43.

⁴ 中国国民党第一届中央执行委员会会议记录汇编 (Протоколы заседаний ЦИК Гоминьдана 1-го созыва). Тайбэй. 1954. С. 81.

установления официальных отношений между Китаем и Советским Союзом.

Сунь Ятсен наложил резолюцию на письмо, в котором сообщалось об этом факте как о грубейшем нарушении членом Гоминьдана партийной дисциплины:

ЦИКу надлежит выяснить, действительно ли это имело место. Решение будет принято позднее¹.

Резолюция Сунь Ятсена была воспринята теми, кто с самого начала выступал против допущения коммунистов в Гоминьдан, как сигнал к действию.

Получив информацию о том, что произошло, Дэн Цзэжу не мешкая написал Се Чи и предложил ему официально поднять вопрос об изгнании коммунистов из рядов Гоминьдана.

Инициаторам импичмента повезло. Им в руки попала резолюция 2-го съезда Китайского социалистического союза молодежи (китайского аналога комсомола), в которой в очередной раз подчеркивалось, что союз должен быть помощником КПК, а коммунисты, вступившие в Гоминьдан, сохраняют организационную структуру и свою политическую программу².

Собрав весь этот компромат, Се Чи 18 июня на заседании ЦИК предложил исключить КПК из Гоминьдана.

Проект резолюции по этому вопросу, встретивший возражения Ляо Чжункай, был переработан и вновь внесен на обсуждение очередного заседания ЦИК³.

Ли Дачжао
(1889–1927)

Ляо Чжункай
(1877–1925)

¹ 罗刚. 中华民国国父实录 (Ляо Ган. Правдивые записи об Отце Китайской Республики). Т. 6. Тайбэй. 1964. С. 629.

² 中央监察委员会弹劾共产党案 (ЦКК рассматривает дело об исключении компартии) // Документы революции. Т. 9. С. 72–74.

³ ВКП (б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 1. М. 1994. С. 498.

Злостным нарушителям партийной дисциплины были предъявлены следующие обвинения:

- 1) их высказывания по поводу переговоров, которые вел Карахан в Пекине, были равнозначны признанию легитимности Пекинского правительства, что несовместимо с линией партии;
- 2) на страницах печати они открыто заявляли, что пропагандируемая Гоминьданом национальная революция является «недостаточной»;
- 3) заверение Ли Дачжао на 1-м съезде Гоминьдана, что коммунисты вступают в эту партию не как организация, а в индивидуальном порядке, на проверку оказалось «обманом лидера партии и всех делегатов»;
- 4) в таких изданиях, как «Синь циннянь» и «Сяндао», нередко публикации, в которых выражается несогласие с линией Гоминьдана¹.

На заседании ЦИК в связи с этим разыгрался конфликт, который трудно было назвать дискуссией, потому что дело едва не дошло до рукоприкладства. В итоге было решено созвать для обсуждения этого вопроса специальный пленум.

По совету Бородина Сунь Ятсен распорядился создать еще один партийный орган — Политсовет, который способствовал бы разрешению непрерывно возникающих острых спорных вопросов. Главой Политсовета стал сам Сунь Ятсен, его советником был назначен Бородин, а большинство ветеранов партии и членов ЦИК остались за его чертой. Это нововведение вызвало резкую критику со стороны членов ЦИК, фактически отстраненных от процесса принятия текущих решений.

3 июля состоялось 40-е заседание ЦИК. Главным объектом ожесточенных нападок на этот раз был избран Бородин.

Первым выступил Чжан Цзи, воспроизведший беседу с Бородиным, имевшую место 25 июня. Тогда, видимо, разнервничавшийся Бородин произнес несколько фраз, которые теперь прозвучали как обвинения в его адрес: Гоминьдан как партия мертв, ЦИК не в состоянии быть центральным звеном Гоминьдана, что Гоминьдан может возродиться только за счет вступления в него членов других партий и т. д.

Свою речь Чжан Цзи закончил словами о том, что такой человек, как Бородин, не может быть главным советником партии.

Коммунист Тань Пиншань попытался опровергнуть филиппику Чжан Цзи; его поддержали Ван Цзинвэй и Ляо Чжункай, заявившие, что Чжан Цзи «наговорил много лишнего» и что назначение советника партии — это исключительная прерогатива ее лидера.

¹ Документы революции. Т. 9. С. 74–77.

Однако общая атмосфера на заседании складывалась в пользу инициаторов импичмента. Сунь Ятсен распорядился отложить окончательное решение вопроса до следующего заседания ЦИК, которое должно было состояться в августе.

Одновременно с атаками на коммунистов целесообразность продолжения деятельности КПК и Гоминьдана в одной упряжке вновь стала вызывать серьезные сомнения и тех руководителей КПК, которые с самого начала были против ленинского эксперимента. Наиболее активным среди них был Чэнь Дусю.

Об этом наглядно свидетельствует, в частности, его письмо Войтинскому, датированное 13 июля.

В этом письме Чэнь Дусю анализировал соотношение фракций внутри Гоминьдана, подчеркивая, что «правые» гоминьдановцы – ярые антикоммунисты.

Он писал, что раньше было принято считать Сунь Ятсена и некоторых других руководителей Гоминьдана «левыми», но сейчас их можно рассматривать только как «центристов». В этих условиях поддерживать Гоминьдан означает на деле оказывать поддержку «центру» и «правым», потому что вся организационная структура находится в их руках.

По словам Чэнь Дусю, во внутренней политике деятельность нынешнего Гоминьдана во многом противоречит интересам трудящихся масс, а во внешней он нередко занимает антисоветские позиции.

Поэтому дальнейшая поддержка Гоминьдана может иметь серьезные последствия для дела революции на Дальнем Востоке. Чэнь Дусю выражал надежду на то, что Коминтерн пересмотрит курс на сотрудничество КПК и Гоминьдана¹.

Тан Пиншань
(1886–1956)

Чэнь Дусю был по-прежнему обеспокоен возможными последствиями вступления коммунистов в Гоминьдан

¹ Чэнь Дусю — Войтинскому, 13 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 79. С. 7.

Бородин считал мнение Чэнь Дусю слишком «левым». Чтобы спасти положение, он предложил создать при Политсовете специальную комиссию для рассмотрения дела о членстве коммунистов в Гоминьдане.

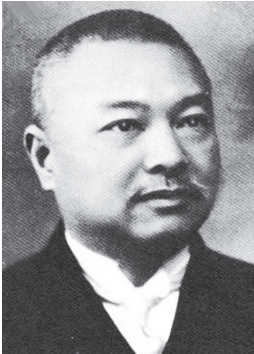
В связи с этим ЦК КПК принял компромиссное решение:

- 1) не рекомендовать коммунистам вступать в дискуссии о судьбе КПК, не обращать внимание на эти споры, запретить Цюй Цюбо выступать на заседаниях Политсовета от имени КПК;
- 2) отказаться от создания комиссии, предложенной Бородиным;
- 3) на пленуме ЦК Гоминьдана коммунисты должны занять наступательную позицию¹.

19 августа открылся 2-й пленум ЦК первого созыва.

Дискуссию, как и в предыдущий раз, начал Чжан Цзи, подробно изложивший факты нарушения коммунистами взятых ими на себя обязательств².

Вопреки предположению Чэнь Дусю, Сунь Ятсен на этом заседании заявил, что главная опасность заключается не в несанкционированных выступлениях коммунистов, а в том, что многие старые члены Гоминьдана выступают против политики союза с СССР и допуска коммунистов в состав Гоминьдана.

**Козлом отпущения
Сунь Ятсен избрал
ветерана Гоминьдана
Фэн Цзыю**

Сунь Ятсен, в частности, обрушился на одного из старейших членов партии Фэн Цзыю. Но при этом он говорил вовсе не об антисоветских настроениях ветерана, а о совершенно иных его прегрешениях перед Гоминьданом:

Вначале, когда партия приняла решение о реорганизации, товарищ Фэн Цзыю вовсе не выступал против. На протяжении двух месяцев он, будучи членом временного ЦК, ни разу не высказывался против реорганизации. Но когда был сформирован постоянный ЦК и он не был избран в его состав, Фэн Цзыю сообщил нашим врагам из гонконгской газеты «Дагунбао» всё, что он знал о реорганизации партии³.

¹ ЦК КПК – Бородину и Цюй Цюбо, 27 августа 1924 г. (цит. по: 孙中山与弹劾共党案 (Сунь Ятсен и дело об исключении коммунистов из Гоминьдана) // <https://book.douban.com/reading/10340145/>).

² 国民党中央全体委员第二次会议录 (Протоколы заседаний пленума ЦК Гоминьдана 2-го созыва) // Архив комитета по изучению истории Гоминьдана. 2.2/2.

³ Там же.

Сунь Ятсен утверждал, что Фэн Цзыю подбивал членов Гоминьдана выступить против коммунистов исключительно потому, что его не избрали в ЦК. Поэтому лидер Гоминьдана принял решение: «Исключить Фэн Цзыю из членов партии».

При этом Сунь Ятсен заявил:

Если после пленума окажется, что кто-то из товарищей не разделяет сформулированные мною принципы и провоцирует беспорядки, мы поступим с ним точно так же, как поступили с Фэн Цзыю¹.

Это заявление вызвало резкую реакцию со стороны Чжан Цзи:

Исключить Фэн Цзыю — это Ваше право. Но очень многие не понимают Ваш принцип народного благосостояния. Зарубежные китайцы поголовно его не понимают. Кроме того, я занимаю ту же позицию, что и Фэн Цзыю. Поэтому я прошу заодно наказать и меня»

Сунь Ятсен возражал:

Да нет, просто ты чего-то не понял и в чем-то не разобрался, твоя позиция не имеет ничего общего с занятой Фэн Цзыю!

Чжан Цзи не сдавался:

Раньше Вы выступали за то, чтобы сначала объединить Китай и лишь после это начать осуществлять «Три народных принципа». Мы сейчас выступаем против принципа народного благосостояния именно исходя из этого.

Это окончательно вывело Сунь Ятсена из себя, и он перешел на крик:

Если вы провоцируете разногласия внутри партии, то о каком объединении страны может идти речь!

Члены партии должны беспрекословно подчиняться своему лидеру!

В противном случае я брошу Гоминьдан и вступлю в компартию!²

«Его глаза налились кровью. Я не решился продолжать спор», — вспоминал впоследствии Чжан Цзи³.

Пленум ЦК отклонил проект резолюции об исключении коммунистов из рядов Гоминьдана.

Причина, по которой Сунь Ятсен настоял на подобном решении острой проблемы, была проста: в эти дни на пути в Кантон из Владивостока было судно с оружием, предназначавшимся для Гоминьдана.

В этот ответственный момент озлоблять Москву Сунь Ятсену было ни к чему.

¹ Там же.

² Там же.

³ 张溥泉先生回忆录。日记 (Воспоминания и дневники Чжан Цзи) // 近代中国史料丛刊 (Собрание источников по истории Китая в новейшее время). Т. 3. Ч. 3. Тайбэй. 1984. С. 15.

Апокалипсис Сигуаня

Одна из последних по счету «болевых точек» в биографии Сунь Ятсена — событие, вошедшее в историю под наименованием «подавление мятежа бумажных тигров».

Предыстория конфликта

Во времена Синьхайской революции кантонские торговцы создали отряды добровольцев, готовых с оружием в руках защищать жизнь и имущество своих коллег по профессии. Позднее эта «торговая милиция» была фактически распущена. Когда же начались военные действия между верными Сунь Ятсену боевыми соединениями и армией Чэнь Цзюньмина, необходимость охранять собственность кантонских коммерсантов стала ощущаться вновь.

Рассчитывая использовать «торговую милицию» в борьбе со своим антиподом, Сунь Ятсен не возражал против того, чтобы коммерсанты во главе с президентом кантонской Торговой гильдии Чэнь Ляньбо закупили через посредство Гонконга некоторое количество оружия.

Однако когда 10 августа партия оружия прибыла в Кантон, Сунь Ятсен изменил свое решение и распорядился конфисковать груз.

12 и 15 августа более 1000 представителей торговых кругов обратились к Сунь Ятсену с просьбой вернуть оружие, но получили отказ. 18 августа Сунь Ятсен обратился к кантонским коммерсантам с письмом, в котором обвинял Чэнь Ляньбо в намерении свергнуть правительство.

Чэнь Ляньбо
(1884–1944)

За последние дни из высказываний торговой милиции и других источников стало известно, что Чэнь Ляньбо вынашивает грандиозный план использовать торговую милицию для низвержения правительства по примеру Муссолини. <...>

Вчера Чэнь Ляньбо на страницах гонконгской газеты обрушился с нападками на правительство. <...>

Первоначально предполагалось, что правительство будет свергнуто 14 августа, Чэнь Ляньбо станет губернатором Гуандуна, отменит независимость [от Пекинского правительства] и капитулирует перед Севером. <...>

Проявляя великодушие, правительство не хочет прибегать к карательным мерам и предлагает в отношении всех, кроме Чэнь Ляньбо, две следующие меры:

- 1) раскаявшиеся могут явиться с повинной, и правительство пойдет им навстречу и простит их;
- 2) что касается тех, кто до сих пор не осознал своих ошибок и продолжает что-то замышлять, уважаемые господа должны выявить их и передать в руки правительства. <...>

Я направляю Линь Чжимяня, Лянь Шэнхая и Дэн Яньхуа в качестве представителей правительства для переговоров с вами, господа, и разрешения этих двух вопросов <...>¹.

Но переговоры о выдаче злоумышленников не дали результата. Не получив удовлетворения своей просьбы, Торговая гильдия объявила забастовку. К 25 августа закрылись витрины магазинов не только в Кантоне, но и еще в 100 малых городах Гуандуна.

Тогда Сунь Ятсен сменил милость на гнев. Было решено направить в торговую часть Кантона войска и силой заставить торговцев вернуться к прилавкам магазинов².

24 августа Сунь Ятсен объявил в Кантоне военное положение и издал распоряжение о том, что Чэнь Ляньбо разыскивается как государственный преступник.

Но тут в дело вмешался британский консул в Кантоне Б. Джайлз. 29 августа он направил кантонскому правительству ноту, в которой говорилось:

Вчера из различных источников дошло до меня, что китайские власти намерены открыть огонь по городу Кантону, в частности, по пригороду Сайкуан³. <...>

Линь Чжимянь
(1888–1934)

¹ Сунь Ятсен — кантонским коммерсантам, 18 августа 1924 г. // 广东扣械潮 (Вокруг конфискации оружия в Гуандуне). Т. 2. С. 42–43.

² Там же. С. 43–44.

³ Сигуань.

Сигуань (начало 20-х гг. прошлого века)

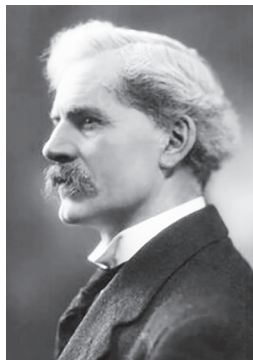
В настоящее время я получил сообщение от британских морских властей, что они получили приказ из Гонконга, предписывающий им в случае бомбардировки города китайскими властями принять все меры против этого, какие будут в распоряжении английских морских сил¹.

Сунь Ятсен ответил консулу:

Мое правительство отвергает предположение, будто оно могло быть виновным в варварском обстреле беззащитного города, так как единственной частью Гуанчжоу, против которой мое правительство было вынуждено принять известные шаги, является пригород Сайкуан — вооруженная крепость приверженцев Чэнь Ляньбо <...>².

Одновременно Сунь Ятсен послал телеграмму премьер-министру лейбористского правительства Великобритании Р. Макдональду:

В связи с дипломатической и финансовой помощью, которая непрерывно оказывалась контрреволюции в Китае со стороны ряда сменявших друг друга правительств

Р. Макдональд
(1866–1937)

¹ Правда, 3 сентября 1924 г.

² Известия, 3 сентября 1924 г.

Великобритании, и в связи с тем фактом, что мое правительство сегодня является единственным центром сопротивления этой контрреволюции, я вынужден сделать вывод о том, что подлинная цель ультиматума английского генконсула — это уничтожение моего правительства. Я самым решительным образом протестую против этой новой империалистической интервенции во внутренние дела Китая¹.

Академик С. Л. Тихвинский писал этому поводу:

В эти тяжелые для Китая дни, когда британский империализм угрожал интервенцией, трудящиеся Советского Союза создали добровольное общество «Руки прочь от Китая» для мобилизации мирового общественного мнения и срыва намечавшейся интервенции, для оказания помощи китайскому народу в деле борьбы за свою национальную независимость².

Анализ имеющихся документов показывает, что для этого не было сколько-нибудь серьезных оснований.

Посланник Великобритании в Китае Маклей узнал о произошедшем из газет и немедленно запросил Джайлза, действительно ли тот предъявлял «ультиматум» кантонскому правительству, и если да, то почему он предварительно не получил на то согласие британской миссии в Пекине, а также кто разрешил командующему британскими военно-морскими силами в Гонконге отдать приказ, о котором упомянул консул³.

Джайлз пытался оправдаться тем, что события разворачивались слишком стремительно и у него не было времени для того, чтобы связаться с британской миссией. Но подобное объяснение вызвало у Маклея взрыв негодования, и он отчитал консула за самовольные действия, способные причинить ущерб политике Великобритании в Китае, поскольку они давали Сунь Ятсену и большевикам повод для антибританской пропаганды⁴.

Форин Офис поддержал Маклея: на его письме от 5 сентября была наложена резолюция: «Мы не должны были заявлять о том, что собираемся вмешаться в дела Кантона»⁵.

В ответном письме Маклею ответственный сотрудник Форин Офис указал ему на ошибку, допущенную консулом, который не должен был

¹ 孙中山选集 (Сунь Ятсен. Избранные произведения). Т. 2. Пекин. 1956. С. 872.

² Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 318.

³ Macleay to Foreign Office, September 5, 1924 // FO 371/10244. P. 24.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

направлять кантонскому правительству официальную ноту; ему следовало в приватном порядке указать Сунь Ятсену на серьезные последствия обстрела Сигуаня¹.

Поскольку ошибка была допущена не только кантонским консулом, но и командованием британскими военно-морскими силами в Гонконге, Маклей предложил Форин Офис отреагировать и на этот факт², что и было сделано министром иностранных дел в послании Министерству военно-морского флота³.

Таким образом, и грозное письмо Сунь Ятсена Макдональду, и создание общества «Руки прочь от Китая» на поверку были бурей в стакане воды. В данный конкретный исторический момент Великобритания не планировала военную интервенцию против правительства Сунь Ятсена и не оказывала поддержки «торговой милиции»⁴.

Противоречия устранены не были

Сунь Ятсен не вернул кантонским коммерсантам закупленное на их деньги оружие, а они, в свою очередь, не собирались выдавать ему «приверженцев» Чэнь Ляньбо. Недовольство действиями правительства было многократно усилено финансовой политикой властей.

В это время Сунь Ятсен готовился к Северному походу, который требовал значительных расходов, а правительство располагало единственным источником средств — ужесточением налогообложения.

Таких налогов жители Гуандуна отродясь не видывали: по свидетельству коммуниста Цай Хэсэня, в это время на территории, находящейся под юрисдикцией правительства Сунь Ятсена, в общей сложности взималось более 80 (!) различных налогов⁵.

Сунь Ятсена это крайне угнетало, вплоть до того, что, по свидетельствам современников, когда ему напоминали об этом, он был готов «биться головой об стену», но выхода из положения предложить не мог.

¹ Foreign Office to Maclay, September 12, 1924 // Ibid. P. 33.

² Maclay to Foreign Office, September 16, 1924 // Ibid. P. 114.

³ Foreign Office to Ministry of Navy, September 19, 1924 // Ibid. P. 118.

⁴ Подробнее об этом см.: 张俊义. 英国政府与1924年广州商团叛乱 (Чжан Цзюньи. Английское правительство и мятеж торговой милиции в Гуанчжоу) // Гуандун шэхуй кэсюэ. 2000. № 3.

⁵ 和森. 击败商团后广州政府的地位 ([Цай] Хэсэнь. Положение Кантонского правительства после разгрома торговой милиции) // Сяндао. № 88.

Однако вернемся к тому, как излагал последовавшие за этим события академик С. Л. Тихвинский:

Решительные меры, принятые Сунь Ятсеном против волнений, которые были организованы отрядами «купеческой милиции» в Гуанчжоу в конце августа 1924 года, привели к тому, что эти отряды на время прекратили открытые антиправительственные выступления и стали готовиться к вооруженному восстанию против Сунь Ятсена. Это восстание, субсидировавшееся и вдохновлявшееся англичанами, вспыхнуло 10 октября 1924 г., когда отряды «купеческой милиции» расстреляли многолюдную демонстрацию трудящихся в Гуанчжоу, состоявшуюся по случаю годовщины учреждения республики¹.

Трагедии 10 октября предшествовали принципиально важные события.

4 сентября Сунь Ятсен отбыл из Кантона в Шаогуань, где он намеревался устроить последний смотр войскам Северного похода, и назначил Ху Ханьминя временно исполняющим обязанности главы правительства и губернатора Гуандуна.

15 сентября Чэнь Ляньбо опубликовал открытое письмо, в котором заявлял, что «купеческая милиция» отнюдь не собирается свергать кантонское правительство, а сам он поддерживает Сунь Ятсена и подчиняется ему. После этого Ху Ханьминь отменил прежнее распоряжение об объявлении Чэнь Ляньбо государственным преступником.

4 октября представители «купеческой милиции» приняли решение еще раз потребовать от правительства возвращения конфискованного оружия, угрожая в случае отказа вновь объявить забастовку. По распоряжению Сунь Ятсена передача оружия коммерсантам началась, и уже казалось, что возникший конфликт близок к разрешению.

«Новая редакция принципа «народного благосостояния» великого деятеля из Кантона» (карикатура, помещенная в 1924 г. в одной из кантонских газет)

¹ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 319–320.

Но тут 7 октября в соответствии с ранее достигнутым соглашением в Кантон из Советского Союза прибыла первая партия винтовок и военного снаряжения. Это резко изменило ситуацию. Сунь Ятсен решает покончить с «купеческой милицией» с помощью военной силы.

Чжоу Энълай
(1898–1976)

10 октября состоялся митинг, на котором выступил заведующий политотделом военной школы Вампу Чжоу Энълай.

После митинга его участники, многие из которых были вооружены, двинулись в сторону Сигуаня, выкрикивая: «Покончим с купеческой милицией!», «Чэнь Ляньбо к стенке!»

На улице Тайпиннаньлу произошло столкновение демонстрантов с милицией. В общей сложности 20 человек было убито, более 100 ранено.

В Сигуани были возведены баррикады, на которых красовались лозунги: «Сунь Ятсена — в отставку!», «Правительство — на свалку!»

11 октября Сунь Ятсен сформировал и лично возглавил Революционный комитет, задачей которого была ликвидация «купеческой милиции».

Мятеж подавлен

В связи с созданием Революционного комитета мы вынуждены вновь процитировать С. Л. Тихвинского.

Огромное значение в деле успешного и быстрого подавления мятежа «бумажных тигров» сыграла директива, которую Сунь Ятсен, находившийся тогда на фронте, дал 10 октября 1924 г. в Гуанчжоу начсоставу военной школы Вампу. Сунь Ятсен писал:

«Необходимо немедленно создать революционный комитет, для того чтобы разрешить различные чрезвычайные дела. Можно и без участия Ху Ханьминя и Ван Цзинвэя, так как в настоящий момент нельзя не учиться у России. Ху Ханьминь же не верит в учебу у России и поэтому, естественно, не должен быть членом комитета. <...>

Не следует также вводить в состав комитета и Ван Цзинвэя, так как он тоже не является сторонником русского пути революции, в то время как

революция, которую проводит отныне наша партия, ни в коем случае не может победить, если не будет следовать примеру России.

Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй не способны на изменение своих взглядов. Характер этих двух людей по своей природе соглашательский и далек от принципиальности в решениях». <...>

Как видно из приведенного выше письма, Сунь Ятсен уже в 1924 году раскусил подлую душонку Ван Цзинвэя, ставшего впоследствии предателем китайского народа. <...>

Сунь Ятсен решительно требовал отстранения от руководящей работы в Гоминьдане антисоветских элементов, считая их недостойными доверия партии и народа¹.

Хотя внешне смысл этой тирады выражен достаточно ясно, на самом деле разобраться в сказанном не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Прежде всего, что именно было процитировано автором — «директива» Сунь Ятсена или его письмо «начсоставу» школы Вампу?

Если это была директива, значит, состав Революционного комитета в этот ответственный момент был определен не лично Сунь Ятсеном, а решался в школе Вампу, говоря конкретно — ее начальником Чан Кайши, о чем академик С. Л. Тихвинский в данном случае почему-то умалчивает.

Другими словами говоря, раскусив еще в 1924 г. подлую душонку Ван Цзинвэя, Сунь Ятсен стал полагаться на решение Чан Кайши, который вскоре после кончины лидера Гоминьдана организовал кровавую «чистку партии», изгнав коммунистов и порвав с тем самым Советским Союзом, следовать примеру которого его призывал Сунь Ятсен.

Академик С. Л. Тихвинский умалчивает здесь и о другом. Истинной причиной, по которой Сунь Ятсен считал нецелесообразным включать в состав Революционного комитета Ху Ханьминя и Ван Цзинвэя, было их отношение не к Советскому Союзу, а к методам разрешения конфликта с «купеческой милицией».

Еще в августе в связи с этим вопросом в руководстве Гоминьдана произошел раскол.

Меньшинство, представленное Ляо Чжункаем и Чан Кайши, выступало за подавление ослушников с помощью военной силы, тогда как большинство (и прежде всего — Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй) считали, что проблему следует решать мирным путем.

¹ Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 321–322.

Эти расхождения вылились в яростный спор на заседании 26 августа (спустя два дня после того, как Сунь Ятсен объявил Чэнь Ляньбо в розыск).

**Сюй Чунчжи выступил
против применения военной
силы**

Против Ляо Чжункая и Чан Кайши выступил сын Сунь Ятсена Сунь Кэ, командующий войсками провинции Гуандун Сюй Чунчжи и некоторые другие военачальники¹.

Слово Сунь Ятсена было решающим.

На следующий день губернатор Ху Ханьминь объявил о роспуске купеческой милиции и о введении в Кантоне военного положения. Войска начали операцию по подавлению «мятежа бумажных тигров».

Неизвестно, кто подал Сунь Ятсену эту идею, но он одобрил ее и принял в качестве руководства к действию.

Утром 15 октября в Сигуань было подвезено более 300 бочек бензина, который был затем разлит на улицах и подожжен. Весь квартал превратился в пылающий факел. Горели лавки, горели люди. По пытавшимся выбраться из огня велась стрельба. Вскоре весь некогда процветающий торговый квартал превратился в пепелище.

Среди сгоревших заживо было немало горожан, к «бумажным тиграм» никакого отношения не имевших.

Сигуань после подавления мятежа

¹ 广州商团事变 (Мятеж кантонской милиции) // <https://baike.so.com/doc/7241580-7470753.html>.

Нет ничего удивительного в том, что историки резко разошлись в оценке события, вошедшего в историю под названием «подавление мятежа бумажных тигров».

Одни исследователи считают его триумфом революционной деятельности Сунь Ятсена, но при этом прибегают к фигуре умолчания, опуская наиболее неприглядные детали этого события и делая вид, что мальчика-то и не было¹. Другие считают данный эпизод одной из самых позорных страниц биографии Сунь Ятсена². Наконец, третьи предпринимают заслуживающую поощрения попытку взглянуть на случившееся «без гнева и пристрастия» и попытаться объективно восстановить ход событий³.

¹ У Сянсян. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1723–1726; Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика. С. 315–321.

² 西关末日 (Последний день Сигуаня) // <http://www.mwhongchen.com/wen/32992/>.

³ 敖光旭. 论孙中山在1924年下半年的是是非非 (Ао Гуансюй. В чем был прав и в чем неправ Сунь Ятсен во второй половине 1924 г.) // Цзиньдайши яньцзю. 1995. № 6; 邱捷. 广州商团与商团事变 (Цю Цзе. Кантонская торговая милиция и ее мятеж) // Лиши яньцзю. 2002. № 2.

Глава XX

В поисках запасного аэродрома

Вопрос, кого считать «единственным учителем», еще не решен

В своей внешнеполитической деятельности Сунь Ятсен всегда исходил из принципа, предписывавшего «никогда не класть все яйца в одну корзину». Поэтому, торопя советских представителей насчет выплаты обещанных денег и доставки в Кантон оружия, д-р Сунь не отказывался от контактов с деятелями из других стран на предмет зондирования почвы для получения от них помощи.

Кого только Сунь Ятсен не называл своими учителями!

На первом месте в этом списке стоит, несомненно, Япония.

С Японией д-ра Суня связывали особые отношения — ведь ее он не устал называть своей «второй Родиной». Чему же научила милитаристская Страна Восходящего Солнца великого китайского революционера? Сунь Ятсен воздерживался от ответа на этот вопрос.

Главным объектом агрессивных устремлений японских милитаристов в XX веке был Китай

**Кайзер Вильгельм II
(1859–1941)**

Далее шла Германия, развязавшая в 1914 г. кровавую мировую бойню. Лидеру Гоминьдана очень хотелось «сделать в Китае всё так, как в Германии», хотя во главе этой страны-учителя стоял кайзер Вильгельм, а Сунь Ятсен называл себя убежденным противником монархического строя.

Сунь Ятсен с восхищением отзывался о Соединенных Штатах, включив их в число своих учителей. По его словам, они научили его демократии. О том, что одним из неотъемлемых атрибутов американской демократии был Ку-клукс-клан, Сунь Ятсен не уточнял.

И вот теперь — Советский Союз.

Сначала Сунь Ятсен называл Советскую Россию своим учителем. Потом оказалось, что она не учитель, а ученик, поскольку к Новой экономической политике Ленин перешел, начитавшись произведений Сунь Ятсена.

Парад кукуклукклановцев на улицах Нью-Йорка

Но свято место пусто не бывает, на смену СССР неизбежно должны были появиться новые учителя.

И они не замедлили появиться...

«Мы должны учиться у Англии!»

Вскоре после того как Сунь Ятсен подписал с Иоффе их совместное коммюнике, он дважды (11 и 19 января 1923 г.) направлял Чэнь Южэня к английскому консулу в Шанхае С. Бартону с заверениями в том, что он стремится проводить курс, который был бы с симпатией встречен англичанами.

В беседе с консулом Чэнь Южэнь упомянул о желательности встречи Сунь Ятсена с посланником Р. Маклеем, находившимся в тот момент в Гонконге.

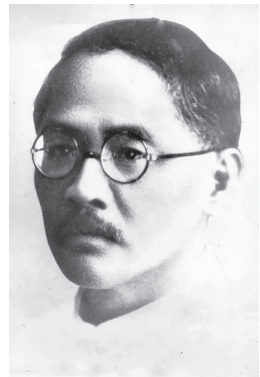
1 февраля по дороге в Пекин Маклей остановился в Шанхае, и его по поручению Сунь Ятсена навестили Чэнь Южэнь и У Чаошу. Британский посланник сообщил им, что его страна не питает антипатии лично к лидеру Гоминьдана¹.

Путь в Кантон, куда д-р Сунь возвращался после разгрома армии Чэнь Цзюньмина, лежал через Гонконг. Там его ждал теплый прием. Гонконгский генерал-губернатор Э. Стаббс дал обед в его честь².

20 февраля Сунь Ятсен выступил с большой речью на встрече, устроенной в местном университете. В ней он, в частности, вспомнил о том, что еще в студенческие годы убедился в эффективности британской колониальной администрации Гонконга: честность здесь — правило, коррупция — исключение. Точно так же дело обстоит и в метрополии.

Свое выступление д-р Сунь закончил словами:

«Мы должны учиться на примере Англии. Мы должны донести английский пример образцового правительства до всех уголков Китая»³.

Чэнь Южэнь
(1875–1944)

¹ Macleay to Curson, February 28, 1923 // British Documents on Foreign Affairs: reports and Papers from Foreign Office Confidential Print/ Series E. Vol. 27. China. March 1922 — May 1923/ P. 410 (F 1107/12/10).

² Tenney to Schurman, February 24, 1923 // USDS. 893.00/4936.

³ Ibid.

И опять Германия

Другим направлением усилий Сунь Ятсена после его возвращения в Кантон по-прежнему была Германия.

24 февраля того же 1923 г. посланник Веймарской республики писал германскому консулу в Кантоне о необходимости использовать психологический фактор для укрепления контактов между Германией и воссоздаваемым правительством Сунь Ятсена, хотя речь может идти не столько о материальной, сколько о моральной поддержке последнего¹. Но одна лишь моральная поддержка Сунь Ятсена удовлетворить не могла.

1 июля в интервью американскому журналисту он заявил, что намерен привлечь к решению китайских проблем Германию и Россию. Глава Южного правительства предполагал следующее распределение ролей: Германия обеспечивает приток мозгов, Россия является промежуточным звеном, а Китай предоставляет рабочую силу.

Вскоре Сунь Ятсен более конкретно изложил свое видение того, какова должна быть роль Германии в переустройстве Китая.

18 августа он написал письмо находившемуся в Германии Дэн Цзяню и поручил его ознакомить с содержанием своего послания сотрудников Министерства иностранных дел.

В письме говорилось:

Необходимо вместе с предпринимателями (например, с фирмой Стиннес) и правительством Германии выработать широкомасштабный план, в соответствии с которым Китай предоставит материальные условия и рабочую силу, а Германия — технику и научные разработки для сотрудничества в целях освоения богатых природных ресурсов Китая, реформирования его административной системы, переоснащения китайских вооруженных сил. Одним словом, цель состоит в том, чтобы в кратчайшие сроки, используя знания немецких специалистов, превратить Китай в богатое и сильное государство. Когда же этот первый шаг будет осуществлен, мы, используя возможности Китая, окажем Германии помощь, с тем чтобы она могла освободиться от пут Версальского договора. Если германское правительство сможет оценить шанс, предоставляемый ему Китаем, мы, в свою очередь, будем считать Германию *своим единственным учителем*².

¹ Boye an Bosing. Februar 24, 1923 // PAAA. 943. S. 122.

² Сунь Ятсен — Дэн Цзяню, 19 июня 1923 г. // ПССОГ. Т. 5. С. 923.

Америка, Америка!

По словам М. М. Бородина, он не раз и не два задавал Сунь Ятсену вопрос: «До каких же пор Вы будете по-прежнему фантазировать о том, что китайский народ может получить помощь от США, Англии и Японии?!»¹

Сунь Ятсен на это ничего не отвечал. И продолжал фантазировать.

Шурман в Кантоне

6 января 1924 г. посланник США в Пекине Дж. Шурман прибыл в Кантон и встретился с Сунь Ятсеном.

О состоявшейся беседе американский дипломат информировал Государственный департамент, а затем по просьбе президента К. Кулиджа составил пространный «Конфиденциальный доклад о Китае» (этот документ хранится ныне в библиотеке Корнельского Университета в США)².

Поведение д-ра Суня во время их встречи произвело на американца странное впечатление.

Первые 15 минут беседы, продолжавшейся два часа, Сунь Ятсен распространялся, словно будучи не в себе, о грядущем конфликте между угнетателями и угнетенными — то есть между Китаем, Россией, Германией, Индией и т. д., представляющими вторую группу, и «капиталистическими странами», включая Америку, входящими в первую³.

По словам Шурмана, «сказанное [Сунь Ятсеном] было произнесено столь несвязно и взволнованно, словно это было сделано специально для иллюстрации появившегося здесь сообщения о том, что он немного тронулся умом»⁴.

Вслед за этим Сунь Ятсен, словно не замечая, что он противоречит самому себе, категорически заявил, что «Соединенные Штаты Америки являются *единственной страной в мире, к которой китайцы относятся без подозрений*» и поэтому надеются на помощь с ее стороны⁵.

В данном случае помощь должна была бы заключаться в том, чтобы США стали посредником между Югом и его противниками.

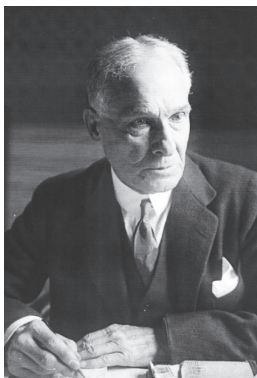
¹ У Сянсян. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1627.

² Confidential Report on China. Written for President Coolidge at His Request // Papers of J. G. Schurman, Cornell University Libraries, Ithaca, N.Y.

³ Ibid. P. 10.

⁴ Schurman to the Secretary of State, February 16, 1924 // USDS. 861.00/793.

⁵ Ibid.

Дж. Шурман
(1854–1942)

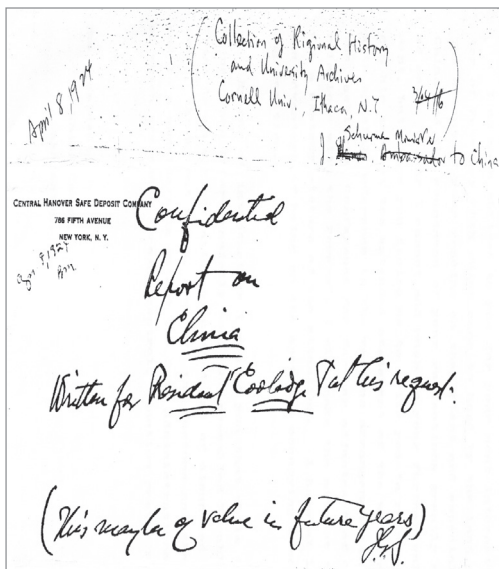

К. Кулидж (1872–1933)

Д-р Сунь высказался в том духе, что выход из создавшегося в Китае политического положения заключается в созыве конференции, в которой приняли бы участие все вовлеченные в конфликт силы. Он спросил Шурмана, не могли ли бы американцы содействовать подготовке такой конференции.

Как вспоминал впоследствии генконсул Д. Джэнкинс, эта идея показалась Шурману «совершенно неосуществимой, потому что в это время Сунь Ятсен контролировал микроскопическую часть территории страны и не располагал возможностью склонить могущественных военных лидеров Севера к восприятию каких бы то ни было акций с его стороны»¹.

В своем докладе президенту Кулиджу Шурман упоминает о том, что во время беседы его с Сунь Ятсеном произошел обмен следующими фразами.

Первая страница доклада
Шурмана, 8 апреля 1924 г.

¹ Цит. по: Wilbur M. C. Sun Yat-sen Frustrated Patriot. New York. 1976. P. 189.

10

Sun Yat-sen proved an true friend and defender of the rights of the people, the leader of the democratic or Kuomintang party. "But", I said to him in January, "you are fighting just like the militarists you denounce". "No", he replied, "I am not a militarist, I am a physician and I fight poison with poison". The fact is he is so completely persuaded of the righteousness of any cause he takes up that the end sanctifies any means he may adopt for its realization. Never was there a man more self-conscious, more ego-centric, more obsessed with the idea of personal importance and greatness. He does not reason; he seems incapable of self-criticism. The fact that an idea is in his mind is to him proof of its soundness. Vaguely he is for the people; and if people are democrats, socialists, or bolsheviks, so is he. For the first fifteen minutes of a conversation lasting two hours he talked to me like a man really insane about the coming conflict between the world-oppressors and the oppressed, - China, Russia, Germany, India, etc. being in the latter group and the "capitalistic nations", including America, in the former. Yet he himself was then and has been since practising the most ruthless and ruinous oppression in the portion of Kwangtung which he controls and especially in the city of Canton. He confiscates private property, sells temples, authorises gambling, imposes illegal and monstrous taxes, till the citizens in desperation have organised a body of volunteers, ten thousand strong, to protect them against these and other outrages. He holds Canton with some inferior Cantonese troops, some Hunanese mercenaries, and an army of Yunnanese freebooters (who, however, according to latest reports, are no longer to be trusted). But

his

Дж. Шурман. Конфиденциальный доклад о Китае. С. 10

Шурман: «Но ведь Вы воюете так же, как те милитаристы, которых Вы разоблачаете...»

Сунь Ятсен: «Я не милитарист, я врач и использую яд как противоядие!»¹

¹ Confidential Report on China. P. 10.

Ответ Сунь Ятсена был воспринят Шурманом как выражение ни на чем не основанной самоуверенности, и в целом он дал своему собеседнику весьма нелестную оценку.

Шурман писал Кулиджу о Сунь Ятсене:

Бесспорно, он абсолютно уверен в том, что всё предпринимаемое им является правильным <...>. Никогда еще не было на свете человека более самоуверенного, более эгоцентричного, обуливаемого верой в важность собственной роли и свое величие. Он не умеет спорить и не знает, что такое самокритика. Сам по себе тот факт, что какая-то идея возникла в его голове, является для него доказательством ее истинности. Первые 15 минут беседы, продолжавшейся два часа, говорил, словно одержимый, только он — о грядущем конфликте между угнетателями и угнетенными¹.

Неподтвержденная деталь встречи Сунь Ятсена с Шурманом

С визитом Шурмана в Кантон связана еще одна таинственная история, о которой в своих воспоминаниях рассказал известный американский журналист Г. Абенд, многие годы проработавший в Китае корреспондентом газеты «New York Times».

Однажды он встретился в Гонконге с неким попавшим в опалу гоминьдановским функционером, который рассказал ему, что во время встречи с Шурманом Сунь Ятсен неожиданно обратился к американскому дипломату с вопросом: не могли ли бы США ввести в Китай свои войска сроком на 5 лет, чтобы навести порядок в стране?

Сунь Ятсен пояснил, что он имел в виду: американские войска занимают все провинциальные центры и берут под свой контроль железные дороги, реки, порты, телеграфную связь; США направляют в Китай в качестве советников своих специалистов в области военного дела, железнодорожного строительства, финансов, ирригации, здравоохранения и просвещения. За время пребывания в Китае американские войска должны подавить местных милитаристов и искоренить бандитизм. По истечении 5 лет в Китае будут проведены выборы, после чего вся полнота власти будет передана тем, кого выберет китайский народ.

Г. Абенд
(1884–1955)

¹ Ibid.

«Вы не должны упоминать о том, что этот факт сообщен Вам мною, — предупредил информатор. — О том, что я рассказал Вам правду, свидетельствует документ, хранящийся в архиве Вашего консульства. Вы можете спросить об этом Джэнкинса».

Абенд встретился с консулом Джэнкинсом и рассказал ему о вышеприведенном разговоре, не называя имени своего собеседника, на что американский консул ответил, что не имеет права показывать кому бы то ни было документ, о котором шла речь, но подтвердил, что такой документ существует и его копия хранится в Национальном архиве в Вашингтоне¹.

В Национальном архиве США нам не удалось обнаружить документ, который подтвердил бы достоверность вышеприведенного сообщения Г. Абенда.

Письмо Генри Форду

В июне 1924 г. Сунь Ятсену стало известно, что американский автомобильный король Генри Форд, возможно, приедет в Китай. Фантазия д-ра Суня разыгралась вновь.

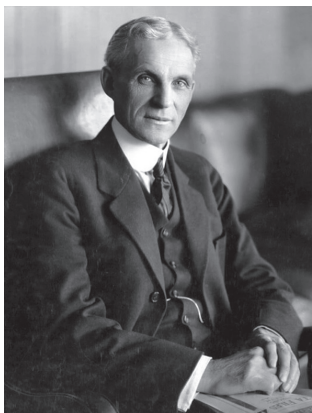
Сунь Ятсен решает написать миллиардеру, судя по всему, пылавшему желанием помочь китайскому народу избавиться от вековой нищеты:

12 июня 1924 г.

Глубокоуважаемый г-н Форд,

Человек, который доставит Вам это письмо, г-н Хуан Жэньцзя, сообщил мне, что в ближайшем будущем Вы намерены посетить Китай.

¹ 民国采访战:《纽约时报》驻华首席记者阿班回忆录 (Битвы интервьюера в Китайской Республике. Мемуары ведущего корреспондента газеты «New York Times» Г. Абенда). Наньнин. 2008. С. 20–22.

**Генри Форд
(1863–1947)**

Если Вы и в самом деле приедете, я непременно буду иметь счастье приветствовать Вас на Юге Китая.

Юг — район Китая, самый богатый талантами, идеями и материальными благами.

Я знаю и видел своими собственными глазами выдающиеся успехи, которых Вы достигли в Америке в области промышленности и сельского хозяйства. И я думаю, что и в Китае Вы можете добиться таких же успехов, а может быть, — и еще более масштабных и впечатляющих. Потому что в Америке Вы действуете главным образом в одиночку, а в Китае у Вас будет прекрасный шанс в течение длительного времени применять Ваши намерения и идеалы во вновь создаваемой системе промышленного производства.

С моей точки зрения, если китайская экономика будет продолжать находиться в неразвитом состоянии и подвергаться угнетению и эксплуатации со стороны великих держав, Китай может стать причиной развязывания 2-й мировой войны.

По этой причине еще в 1919 году, когда в Европе было подписано соглашение о перемирии, я составил план промышленного развития Китая, с тем чтобы представить его державам на мирной конференции. Этот план был подробно изложен в моей новой книге «Международный план экономического развития Китая», китайское издание которой было опубликовано в Шанхае в 1921 г., а английское в 1922 г. в Нью-Йорке.

В настоящее время мне кажется, что Китай не может возлагать надежды на нынешние правительства великих держав. Но такой способный и деятельный предприниматель, как Вы, может стать для нас источником безграничных надежд и уверенности в завтрашнем дне.

Вот почему я и приглашаю Вас лично побывать в Китае, с тем чтобы детально изучить одну из самых трудных проблем XX века.

Искренне Ваш Сунь Ятсен¹

По каким-то причинам письмо Сунь Ятсена попало в офис автомобильного короля более чем через полгода — в конце ноября 1924 г. Форда в это время в Штатах не было, и ответить на письмо было некому.

Очередной масштабный план Сунь Ятсена разделил судьбу всех предыдущих.

¹ Цит. по: У Сянсян. Биография Сунь Ятсена. Т. 2. С. 1588–1589.

Взгляд на Восток

2 сентября 1923 г. в Японии было сформировано правительство Ямамото Гомбэ. Давнишний приятель Сунь Ятсена Инукаи Цуёси получил в нем портфель министра. Известие об этом воодушевило д-ра Суня, вселив в него надежду на то, что он, судя по всему, раньше времени махнул рукой на Японию как на спонсора революции.

Сунь Ятсен пишет Инукаи

Воспользовавшись возвращением в Токио Ямада Дзюнтаро, Сунь Ятсен 16 октября вручил ему письмо, адресованное Инукаи¹.

В этом письме Сунь Ятсен писал:

В своей политике по отношению к Китаю правительство Вашей страны всегда следовало за великими державами и в результате этого не оправдало надежды, возлагавшиеся на него Китаем и народами Азии. Это была его ошибка.

Ныне Вы вошли в состав кабинета министров и наверняка сможете положить конец политике пресмыкательства перед великими державами и принять новый курс, отвечающий чаяниям всех народов Азии.

По мнению Сунь Ятсена, так Япония смогла бы решить свою извечную проблему:

В этом случае Японии не нужно было бы беспокоиться о том, что она не имеет возможности осваивать новые территории для того, чтобы разместить на них свое непрерывно увеличивающееся население.

Далее следует не менее важное соображение:

Если бы Япония могла заново оценить ситуацию и стала бы вести себя по отношению к Корее подобно тому, как Англия относится к Ирландии, то — лучше поздно, чем никогда — она завоевала бы сердца народов Азии.

В противном случае их взоры неизбежно обратятся к Советской России, а это отнюдь не в интересах Японии!

В конце 1924 г. Инукаи Цуёси был на коне

¹ 孙中山致犬养毅函告意见 (Оригинал письма Сунь Ятсена, адресованного Инукаи Цуёси) // Миньго данъань. 1986. № 4.

霖段祺瑞盧永祥同力合作以破國賊
惟曹錕之輩不諱而公然竊位者其先
已有三列強國為後盾故敵如此也按之列
強傳統之政策當不顧中國之圖治致強
故有歷次反對革命之舉此次吾人
舉動亦當受列強種々之撓或無疑也
貴國對支行動向亦列強之馬首是瞻
致於中國及東亞洲各民族之望甚為

木堂先生大鑒山田君來稱先生此
次入閣將大有為可助吾人未竟之志
以解決亞東百年問題聞之狂喜久
欲修書商榷以廣東軍事尚未解決
不敢便領公函茲特請代為致意
曹錕竊位舉國同憤南粵諸君
致討行將令四川湖南廣東三省之師及
滇桂同老各軍大舉北伐同時聯合張作

失算也
今次先生入閣想必能將追隨列
強之政策打消而另樹一幟以慰亞洲各
民族嚮々之望若能如此則日本不喜愛
無拓殖之地以納其增加之人吾知
南降羣島及南亞各邦必當歡迎本為
其救主也觀尼泊爾不丹二國雖受
英國統治百有餘年而仍貢獻藩於中
國是民族同情也於政治勢力也

Первые три страницы письма Сунь Ятсена Инукаи Цуёси
от 16 октября 1924 г. (черновик)

Сунь Ятсен пояснял:

Советская Россия — надежда угнетенных народов Европы и главный враг сильных мира сего. Поэтому великие державы предприняли вооруженную интервенцию против России, а простой народ этих стран выступил против своих правительств. Из-за сопротивления народа Англия, Франция, США и т. д. были вынуждены вывести свои войска из России.

Ныне народы Азии угнетены в большей степени, чем народы Европы, и их желание найти спасителя выражено более определенно. Но на нашем континенте нет страны, которая бы оказывала поддержку слабым, выступала за справедливость и, обещав, была бы верна своему слову. Поэтому [народам Азии] не остается ничего иного, как возлагать свои надежды на Советскую Россию!

Сунь Ятсен развернул перед Инукаи величественную перспективу преобразования Азии в случае, если тот сможет изменить нынешнюю политику японского правительства:

Главное — отношение к китайской революции. Ибо китайская революция — главный объект ненависти со стороны европейских держав. А если китайская революция победит, то на очереди будут Аннам, Бирма, Непал, Бутан и другие страны. Народы Индии, Афганистана, арабских стран, Малайи последуют за Китаем, освободятся от гнета со стороны европейцев и объявят независимость. Это нанесет поражение экономической агрессии европейского империализма.

Поэтому китайская революция — предвестница смертного приговора европейскому империализму. Вот почему правительства держав во всех сферах выступают против китайской революции. А японское правительство не понимает этого и тоже выступает против нее. Чем же это отличается от самоубийства?

В соответствии с этими соображениями Сунь Ятсен формулирует задачи, которые, по его мнению, следовало бы поставить перед собой новому правительству Японии:

Чтобы, спасая Китай, спасти себя, Япония должна сосредоточить все свои силы на помощи Китаю подобно тому, как 100 лет тому назад Англия помогала Испании, а в наши дни Америка помогает Панаме.

Коль скоро Япония должна стать центром притяжения для народов Азии подобно тому, как Советская Россия пользуется симпатиями народов Европы, у Японии нет видимых оснований для того, чтобы продолжать не признавать советское правительство.

Нельзя не отдавать себе отчета в том, что военно-морской флот Англии и США в несколько раз мощнее японского, а сухопутные силы России на сегодняшний день — сильнейшие в мире. Что хорошего будет от того, что находящаяся в изоляции Япония будет противостоять своим могучим соседям с их флотом и сухопутной армией? <...>

В начале европейской войны Япония приняла ошибочное решение и упустила прекрасный шанс стать во главе мирового сообщества. Разумно ли повторять эту ошибку? Хотелось бы, чтобы Вы, не откладывая дело в долгий ящик, всесторонне обдумали всё это.

Трудно комментировать это письмо. По-видимому, в таком же затруднении находился и Инукаи. Во всяком случае, на послание д-ра Суня он ничего не ответил.

Снова случай побывать на второй родине

В октябре 1924 г. политическая ситуация в Китае неожиданно изменилась. Командующий одной из армий пекинского правительства Фэн Юйсян отправил в отставку президента Цао Куна и назначил премьер-министром Дуань Цижую, долгое время отдохнувшего от обременительных государственных дел.

Одновременно Фэн Юйсян объявил о своем намерении созвать конференцию для решения вопроса о будущем правительстве объединенного Китая, пригласив Сунь Ятсена принять в ней участие.

После долгих споров о том, следует ли Сунь Ятсену ехать в Пекин, он все-таки решил отправиться на Север. Хотя до Пекина можно было добраться и по суше, д-р Сунь предпочел путь по морю — через Японию.

13 ноября он в сопровождении своей супруги и нескольких членов руководства Гоминьдана отбыл в Шанхай, а 22 ноября направился в Японию.

Накануне отплытия глава Гоминьдана дал интервью корреспондентам японских газет «Токио нити нити симбцн» и «Осака майнити симбун», сделав следующее заявление:

Фэн Юйсян
(1882–1948)

Мой нынешний визит в Японию связан с тем, что, направляясь в Тяньцзинь для участия в конференции, я хочу навестить в Японии моих старых знакомых и встретиться с представителями правительственных и общественных кругов, чтобы в непринужденной обстановке обсудить с ними кое-какие вопросы. Сегодня Китай стоит накануне объединения, и то, как в ответственный момент надо поступать, дабы добиться этой цели, заслуживает внимательного рассмотрения. Сегодня проблема Китая — это проблема не одного лишь Китая, и ее следует рассматривать с точки зрения важнейших мировых проблем. В этой обстановке я со всей остротой ощущаю, что проблему можно разрешить лишь в том случае, если действовать рука об руку с Японией. Причем речь идет не только о сотрудничестве в дипломатической сфере. Нужно, полагаясь на подлинное взаимопонимание народов Японии и Китая, совместными

Сунь Ятсен и Сун Цинлин на корабле по пути в Японию

усилиями укрепить *единство людей желтой расы* ради спасения Китая и поддержания мира в Восточной Азии вопреки незаконному нажиму со стороны великих держав¹.

Япония должна помочь нам отменить неравноправные договоры

24 ноября Сунь Ятсен и Сун Цинлин прибыли в Кобэ и намеревались поехать в Токио, но японские власти сочли это неприемлемым. Находившемуся в Японии функционеру Гоминьдана Инь Жугэну пришлось неоднократно ездить в МИД и упрашивать начальника Азиатского департамента разрешить поездку Сунь Ятсена в столицу, но безрезультатно.

Вопрос об отмене неравноправных договоров, которые Китай вынужден был заключить под давлением со стороны держав, впервые был сформулирован на состоявшемся в январе 1924 г. 1-м съезде Гоминьдана. В «Манифесте» съезда говорилось:

Все неравноправные договоры, ущемляющие суверенные права Китая, такие как договоры об иностранных концессиях, праве консульской юрисдикции, праве иностранцев на контроль за таможенными пошлинами и на осуществление всякого рода политической власти на территории нашей страны, должны быть аннулированы и перезаключены на основе равноправия и взаимного уважения суверенитета договаривающихся сторон².

Отмена неравноправных договоров была одной из основных тем, которые Сунь Ятсен обсуждал во время пребывания в Японии в ноябре 1924 г.

Выступая 25 ноября на приеме, устроенном в его честь, Сунь Ятсен сформулировал мысль о том, что «для того чтобы осуществить мирное объединение страны, нужно покончить с милитаристами; для того чтобы покончить с милитаристами, нужно нанести поражение злокозненному империализму; для того чтобы нанести поражение империализму, необходимо отменить все неравноправные договоры», навязанные державами Китаю³. Но осуществить эту историческую задачу, по мнению Сунь Ятсена, Китаю без помощи со стороны Японии было бы не под силу.

¹ Цит. по: 李吉奎. 孙中山与日本 (*Ли Цзикуй. Сунь Ятсен и Япония*). Гуанчжоу. 1996. С. 586–587. Курсив наш.

² Манифест 1 съезда Гоминьдана, 23 января 1924 г. // *Сунь Ятсен. Избранные произведения*. М. 1964. С. 409.

³ ПССС. Т. 11. С. 379.

Встреча 25 ноября 1924 г. Сидят (справа налево): Окубо Такахару, Сунь Ятсен, Тояма Мицуру; стоят (справа налево): Ямада Дзюнсабуро, Дай Цзитао, Ли Лецзюнь, Фудзимото Наонори

Об этом он в тот же день долго и убежденно говорил на встрече с Тояма Мицуру, Окубо Такахару, Фудзимото Наонори и Ямада Дзюнсабуро.

Сунь Ятсен высказался за немедленную отмену всех неравноправных договоров Китая, включая имеющие отношение к особым правам Японии в Маньчжурии. Тояма возражал, ссылаясь на то, что Маньчжурия представляла собой объект российской агрессии и это большая удача для Китая, что Япония ценой невероятных усилий и жертв со своей стороны остановила экспансию России. Особые права Японии будут со временем переданы Китаю, но не сейчас, ибо большинство японцев будет против такого шага.

Фудзимото Наонори спросил Сунь Ятсена, когда он говорит об отмене неравноправных договоров, имеет ли он в виду возвращение Китаю Ляйшуня и Даляня. Сунь Ятсен ответил, что он ставит вопрос в целом, а конкретно о судьбе Ляйшуня и Даляня (равно как Гонконга и Макао) он еще не думал¹.

¹ Ли Цзикуй. Сунь Ятсен и Япония. С. 596.

Извечная «паназиатская идея»

28 ноября Сунь Ятсен выступил с большой речью на собрании представителей торговых организаций Кобэ. Эта речь никогда не переводилась на русский язык, поэтому читателю, по всей вероятности, будет интересно познакомиться с ней. Ниже мы приводим полный текст этого выступления Сунь Ятсена.

Историческая миссия Азии

Он начал издалека:

Наша сегодняшняя тема — «паназиатизм», но прежде чем обратиться к этой проблеме, мы должны четко представить себе место, которое Азия занимает в мире.

С моей точки зрения, Азия является колыбелью древнейшей цивилизации на Земле. Несколько тысяч лет тому назад ее народы создали развитую цивилизацию. Даже древние цивилизации Запада — Греция и Рим — имеют свои корни на азиатской почве. Древняя Азия — философская, религиозная, логическая и промышленная цивилизация. Истоки различных современных цивилизаций мира восходят к древней цивилизации Азии. Лишь за последние несколько столетий страны и народы Азии постепенно деградировали и ослабли, тогда как страны Европы развили свои ресурсы и обрели могущество. После того как последние полностью развили свои силы, они обратили свое внимание на Восточную Азию и проникли в нее, уничтожая или подчиняя себе все азиатские народы, в результате чего 30 лет тому назад в Азии не осталось ни одной независимой страны¹.

По мнению Сунь Ятсена, день возрождения Азии наступил в последнем десятилетии XIX века:

Когда Азия достигла этой точки, ситуация начала меняться, эти перемены означали возрождение Азии. Оно началось 30 лет тому назад, когда Япония разорвала все неравноправные договоры, навязанные ей иностранными державами. День, когда Япония совершила это, был днем возрождения стран Азии. После этого Япония стала первой независимой страной Азии. Другие страны Азии — Китай, Индия, Персия, Афганистан, арабские страны, Турция — не были независимыми, в них по-прежнему

¹ Речь на собрании представителей торговых организаций Кобэ, 28 ноября 1924 г. // ПССС. Т. 11. С. 401–409.

господствовала Европа, относившаяся к ним как к колониям. 30 лет тому назад Япония тоже была европейской колонией. Но японцы смотрели в будущее. Они поняли, что единственный путь к обретению власти — бороться против европейцев и отменить неравноправные договоры, что они и сделали, превратив Японию в независимую страну. После того как Япония стала независимой страной Восточной Азии, многие народы в этой части мира обрели надежду на будущее. Они поняли, что коль скоро Япония стала независимой, отменив неравноправные договоры, они также могут сделать это. Они вновь обрели уверенность в борьбе за свою независимость, надеясь сбросить ярмо европейского господства, с тем чтобы занять достойное место в мире. Подобного рода мысли стали преобладающими за последние 30 лет, и это вселяет в нас оптимизм.

Вслед за этим Сунь Ятсен подробно остановился на историческом значении победы Японии над Россией в 1904 г.:

30 лет тому назад люди думали иначе. Они верили в то, что европейская цивилизация является прогрессивной — в отношении науки, промышленности, материального производства, вооружения — и что Азия не может сравниться с ней. Соответственно, они думали, что Азия никогда не сможет оказать сопротивление Европе, что европейский гнет никогда не будет поколеблен. Так думало большинство 30 лет назад. Это была пессимистическая точка зрения. Даже после того как Япония разорвала неравноправные договоры и обрела независимый статус, это событие почти не оказало влияния на Азию, за исключением нескольких стран, расположенных поблизости от нее. Однако 10 лет спустя разразилась русско-японская война, и Япония разгромила Россию. Первый раз в истории на протяжении нескольких сотен лет азиатская страна нанесла поражение европейской державе. Эта победа мгновенно получила отзвук во всей Азии и вселила новую надежду во все азиатские народы. Когда началась русско-японская война, я был в Европе. В один прекрасный день пришло сообщение о том, что адмирал Того разгромил российский флот, только что переброшенный из Европы во Владивосток. Эта новость ошеломила жителей всего континента. Британия была союзницей Японии, и тем не менее она была неприятно удивлена, потому что с ее точки зрения победа Японии над Россией не сулила людям белой расы ничего хорошего. В конце концов, «кровь гуще воды». Позднее я отплыл в Азию. Когда пароход проходил Суэцкий канал, ко мне подошла группа местных жителей. У всех были улыбающиеся лица. Они спросили меня, японец ли я. Я ответил, что я китаец, и осведомился, чему они так рады. Они ответили: «Мы только что услышали новость о полном уничтожении японцами русского флота, переброшенного из Европы. Можно ли верить

этому сообщению? Проживая по обе стороны канала, мы стали свидетелями того, как мимо время от времени проплывают российские суда с ранеными на борту, и это, несомненно, является доказательством поражения русских. Прежде мы, цветные народы Азии, страдавшие под гнетом народов Запада, считали свое освобождение невозможным. Но поражение России, нанесенное ей Японией, мы рассматриваем как победу Востока над Западом. Мы считаем победу Японии своей собственной победой. Это радостное событие! Вот почему у нас такое приподнятое настроение, вот чему мы радуемся!» Оказала ли победа Японии над Россией влияние на народы всей Азии? И велико ли было это влияние? В тот момент известие о победе Японии над Россией, будучи услышано в Восточной Азии, может быть, и не было воспринято с радостью как важное событие. Но жители западной части Азии живут по соседству с европейцами и постоянно общаются с ними, все время испытывают их гнет, все время страдают от этого. Они воспринимают угнетение более остро, чем люди Востока, и страдают от него больше. Вот почему, услышав вести о победе Японии, они радовались им больше, чем мы, люди Востока.

Начиная с того дня, когда Япония одержала победу над Россией, народы Азии обрели надежду на освобождение от европейского ига — надежду, положившую начало целому ряду движений за независимость

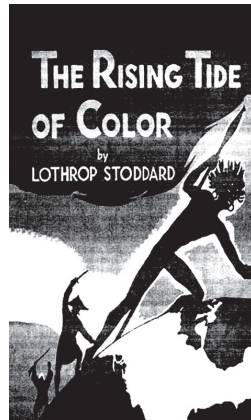
Японо-русская война (японская карикатура)

в Египте, Персии, Афганистане и, наконец, в Индии. Таким образом, результатом победы Японии над Россией была великая надежда Азии на завоевание независимости. С тех пор прошло 20 лет. Движение за независимость Египта, Турции, Персии, Афганистана и арабских стран материализовалось и начинается, по прошествии некоторого времени, в Индии. Эти факты — конкретные доказательства прогресса националистической идеи в Азии. Пока эта идея не оформится во всей своей полноте, ни объединение, ни достижение независимости всеми азиатскими народами невозможно. Китай и Япония являются двумя великими нациями Восточной Азии. Китай и Япония — движущая сила национального движения. Каковы будут результаты действия этой силы, мы увидим в будущем. Но тенденция развития событий указывает на то, что не только Китай и Япония, но и все народы Восточной Азии объединятся во имя восстановления Азией своего прежнего статуса».

Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут

Констатируя, что «эту тенденцию признают и в Европе, и в Америке», Сунь Ятсен ссылается на книги Л. Стоддарда¹.

Один американский ученый написал книгу о возрождении цветных народов, в которой он утверждает, что победа Японии над Россией была

Лотроп Стоддард (1883–1950) и его книга

¹ *Stoddard L. The Rising Tide of Color Against White World-Supremacy. New York. 1920; Ibidem. The Revolt Against Civilization: The Menace of the Under Man. New York. 1922.*

победой желтой расы над белой и что подобная тенденция, если ей что-нибудь не помешает, приведет к объединению всей желтой расы, и это будет несчастьем для народов белой расы, так что следует изыскать пути и способы его предотвращения. После этого он написал еще одну книгу, в которой он изображает освободительные движения как бунт против цивилизации. По его мнению, освободительные движения в Европе следует рассматривать как бунт против цивилизации; в еще большей степени нужно считать бунтом против цивилизации освободительные движения в Азии. Подобные взгляды характерны для привилегированных классов в Европе и Америке. Будучи меньшинством, они угнетают большинство на своем континенте или в своей стране. Ныне они хотят распространить свое зловещее господство на Азию, намереваясь подчинить себе 900 миллионов ее жителей и обращаться с ними как со своими рабами. Этот американский ученый считает пробуждение азиатских народов бунтом против цивилизации. Люди Запада считают себя единственными достойными подлинной культуры и цивилизации; другие народы с их собственной культурой и оригинальными идеями рассматриваются как варвары, взбунтовавшиеся против цивилизации. Сравнивая цивилизации Запада и Востока, они считают, что только их собственная цивилизация логична и гуманистична.

Отталкиваясь от этого представления, Сунь Ятсен излагает свое собственное мнение о сущности западной и восточной культуры.

С точки зрения культурного развития на протяжении нескольких сот лет материальная цивилизация Европы быстро развивалась, а наша восточная цивилизация находилась в состоянии стагнации. На первый взгляд кажется, что Европа превосходит Азию. Но если взглянуть поглубже, то что из себя представляет европейская культура последнего столетия? Это культура точных наук, культура, ориентированная на материальные блага. Будучи внедрена в жизнь общества, такая культура признает лишь материальные достижения цивилизации, самолеты и бомбы, винтовки и пушки. Это культура вооруженной силы. Европейцы использовали эту культуру вооруженной силы для того, чтобы подчинить себе Азию, и поэтому Азия не могла прогрессировать. Эта культура, использующая вооруженную силу для того, чтобы поработать людей, у нас в древнем Китае называли *ба-дао* 霸道, т. е. «управлением с помощью силы»; этот термин подходит для обозначения европейской культуры. Но мы на Востоке всегда отвергали управление с помощью силы. Ведь существует иная культура, превосходящая управление с помощью силы. Ее основа — гуманность и добродетель.

Посредством этой культуры можно облагораживать людей, а не угнетать их, поощрять людей творить добро, а не устрашать их. Такую культуру, поощряющую людей творить добро, у нас в древнем Китае называли *ван-дао* 王道, т. е. «добродетельным управлением». Культура Азии не что иное, как культура добродетельного управления. С тех пор как материальная цивилизация Европы получила развитие и в мире стало преобладать управление с помощью силы, нравственность в странах мира день ото дня деградировала. Так произошло даже во многих странах Азии. За последнее время европейские и американские ученые понемногу стали обращать внимание на восточную культуру и стали постепенно понимать, что хотя материальная цивилизация Востока уступает западной, но в нравственном отношении Восток намного превосходит Запад.

Вслед за этим Сунь Ятсен предпринял небольшой экскурс в историю:

Сравнивая культуру управления с помощью силы и управления посредством добродетели, вы можете сами решить, которая из них отвечает справедливости и гуманности, принося пользу нации и государству. Я же могу сослаться на один пример. На протяжении 1000 лет между пятым и двадцатым столетием Китай был самым мощным государством мира. Его статус был подобен нынешней Британии и США. Могущество

Сунь Ятсен произносит речь

Британии (как и США) делает ее одной из великих держав. А прежнее могущество Китая позволяло ему быть единственной великой державой. Когда Китай был единственной великой державой, как он относился к слабым народам и государствам? И как слабые государства относились к Китаю?

В те времена слабые государства считали Китай своим сюзереном и приносили ему дань и просили принять их в качестве вассалов. Возможность прибыть в Китай, чтобы поднести дань, они считали для себя честью, а если это было невозможно, для них это было позором. В те времена дань Китаю платили не только азиатские страны, даже некоторые страны Европы не считали за труд поступать так же. Каким же путем Китай добивался того, что столь многочисленные государства и далекие народы присылали ему дань? Может быть, принуждал их силой своего флота и своей сухопутной армии? Нет! Китай воздействовал на них своей добродетелью, и они, воспринимая ее, добровольно прибывали, чтобы поднести свою дань. Восприняв добродетель Китая, они не только сами прибывали в Китай, но так же поступали их дети и внуки.

До сих пор существуют доказательства этого. Например, к северу от Индии находятся два маленьких государства, одно из них называется Бутан, другое — Непал. Эти два государства хотя и малы, но их народы обладают решительным характером, они храбры и воинственны. Особенной храбростью и воинственностью отличаются жители Непала — их называют гурками. Ныне чтобы управлять Индией, Британия постоянно набирает в свою армию гурков. Британия смогла подчинить себе огромную Индию и превратить ее в свою колонию, но не осмеливается относиться к Непалу свысока и каждый год вынуждена еще платить ему, чтобы тот разрешил направить туда своих наблюдателей. Британия — одна из могущественнейших стран мира — с таким уважением относится к Непалу! Из этого можно заключить, что Непал — это сильное государство Азии. А как Непал, это сильное государство, относится к Британии? Британии потребовалось сто лет, чтобы стать могучей, и более ста лет, чтобы поработить Индию. На протяжении столь длительного времени Непал тесно граничит с британской колонией, но не только не платит дань Британии, но, напротив, Британия платит ему. А как относится Непал к Китаю? Китай растерял весь свой международный авторитет, и его статус уступает даже британской колонии, к тому же он расположен далеко от Китая и между ними еще находится обширный Тибет. Но Непал до сих пор почитает Китай своим сюзереном. В 1-й год Республики Непал направил через Тибет дань Китаю,

потом они дошли до Сычуани и не смогли продвинуться дальше из-за проблем с транспортом. Не кажется ли вам, господа, странной эта разница в отношении Непала к Британии и Китаю? Взяв отношение Непала к Британии и Китаю в качестве критерия, можно сравнивать восточную цивилизацию Китая и западную цивилизацию Британии. Хотя на протяжении нескольких столетий Китай пришел в упадок, он сохранил свою культуру, и Непал до сих пор считает его своим сюзереном. Хотя Британия сильна и обладает заслуживающей положительной оценки материальной цивилизацией, Непал смотрит на нее свысока. Это свидетельствует о том, что Непал воспринял благотворное влияние Китая и считает китайскую культуру подлинной культурой, а материальную цивилизацию Британии — не культурой, а культом силы.

Надежда на Азию

Далее Сунь Ятсен задавал вопрос:

В чем же состоит главная проблема, когда мы говорим о панasiatизме? Говоря коротко, это проблема культуры, проблема соотношения восточной и западной культуры и конфликта между ними. Восточная культура — это культура добродетели; западная культура — культура культа силы. Исповедовать культуру добродетели означает оперировать понятиями гуманности и нравственности; следовать культу силы означает ставить превыше всего собственные интересы и власть. Основывать свои действия на гуманности и справедливости значит воздействовать на других соображениями нравственного порядка; исходить из собственных властных интересов значит использовать винтовки и пушки для порабощения других. Люди, воспринявшие культуру нравственности, не в состоянии забыть источник, из которого она исходила, даже если он по прошествии нескольких столетий утратил былую силу. Примером тому является сегодня Непал, продолжающий считать Китай своим сюзереном. Люди, подвергшиеся порабощению, стремятся к освобождению, даже если их поработитель очень силен. В частности, Британия подчинила себе Египет и лишила независимости Индию, но как бы Британия ни была сильна, Египет и Индия стремятся освободиться из-под ее гнета, в этих странах ширится движение за независимость, пока еще не добившееся успеха из-за вооруженного давления со стороны Британии. Если Британия придет в упадок, Египту и Индии не потребуется и пяти лет, чтобы избавиться от британского гнета и добиться независимости. Надеюсь, что, выслушав меня, вы, господа, согласитесь с превосходством восточной культуры. Какова же основа того, чтобы, живя в новом мире,

мы могли осуществить нашу паназийскую идею? Такой основой должна послужить нам наша традиционная культура. Надо руководствоваться справедливостью и гуманностью, которые являются прекрасной основой нашего паназийства. Имея эту основу, мы, помимо этого, должны еще изучать европейскую науку, развивать промышленность, совершенствовать оружие. Но мы должны учиться у Европы не тому, как подчинять себе другие государства и угнетать другие народы. Мы должны учиться, чтобы защищать себя.

Далее, о нынешних странах Азии.

Среди азиатских государств наибольших успехов в изучении европейских военных достижений за последнее время достигла Япония. Создавая свой флот и используя его, Япония не нуждается в помощи европейцев. Япония может создавать и использовать свою армию по своему усмотрению. Поэтому Япония может считаться в полном смысле слова независимой страной Азии. У нас в Азии есть еще одно государство, которое в европейской войне¹ выступило на стороне союзников², потерпело сокрушительное поражение и было разделено на части, а после войны изгнало европейцев и стало в полном смысле независимым — это Турция. Таким образом, сейчас в Азии два независимых государства: на востоке это Япония, на западе Турция. Япония и Турция — две опоры Азии на востоке и западе. В настоящее время Персия, Афганистан, арабские страны тоже начали учиться у Европы и получили в свое распоряжение прекрасное оружие. Европейцы более не решаются пренебрегать этими странами. Что касается Непала, то Британия боится смотреть на него свысока, потому что и у него есть хорошее вооружение. У Китая в настоящее время большое количество оружия, и после объединения он обретет вес. Мы должны исповедовать паназийство, возрождать былой статус азиатских народов, и стоит нам принять в качестве основы гуманность и справедливость, объединив азиатские народы, как они станут могущественными.

Однако ограничиваться тем, что стремиться повлиять на европейцев понятием гуманности и просить их миром вернуть утраченные нами права, — столь же бессмысленно, как просить тигра снять с себя шкуру. Если мы хотим вернуть себе все наши права, мы должны применить вооруженную силу. Что касается этой стороны вопроса, то Япония давно уже имеет современную армию, у Турции она появилась за последнее время, а персы, афганцы, арабы, гурки и т. д. по природе своей являются воинственными народами. Нас, китайцев, насчитывается 400 мил-

¹ Имеется в виду Первая мировая война.

² Читай: «была членом “Четверного союза” Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции».

лионов, и хотя мы миролюбивый народ, в тот момент, когда речь идет о жизни и смерти, мы будем сражаться и, безусловно, представляем собой огромную вооруженную силу. И если все народы Азии объединятся и выступят как единая вооруженная сила против европейцев — победа нам обеспечена!

Далее, сравним численность населения Европы и Азии. В Китае живет 400 млн человек, в Индии 350 млн, в Бирме, Аннаме, Малайе несколько десятков миллионов, столько же в Японии, в других небольших государствах несколько десятков миллионов, то есть мы, народы Азии, составляем более половины населения Земли. А европейцев всего 400 млн против 900 млн азиатов. Меньшинство в 400 млн угнетает большинство, составляющее 900 млн, — это противоречит справедливости, а всё, что несовместимо со справедливостью, всегда обречено на поражение. К тому же, среди 400 миллионов европейцев за последнее время есть люди, оказавшиеся под нашим идейным влиянием. Поэтому сейчас тенденция развития мировой культуры заключается в том, что кое-кто в Англии и Америке стал проповедовать гуманность и добродетель. То же самое характерно и для других нецивилизованных стран. Из этого следует, что западная культура выгоды и силы начинает подчиняться азиатской культуре гуманности и справедливости. Это значит, что культ силы начинает подчиняться добродетельному правлению, что культура всего мира день ото дня становится обращенной к свету правды!

Сейчас в Европе есть одно новое государство, которое отвергается всеми европейцами белой расы. Европейцы считают его сборищем диких животных, а не человеческим сообществом, и не хотят общаться с ним. Эта позиция разделяется многими у нас в Азии. Что же это за государство? Это Россия. Сегодня Россия отмежевалась от европейцев белой расы. В чем причина этого? В том, что Россия исповедует добродетельное правление, а не культ силы, она стремится к гуманности и добродетели, отвергая выгоду и насилие. Она ратует за справедливость, выступая против подавления большинства меньшинством. Таким образом, новая культура России сродни нашей традиционной восточной культуре. Именно поэтому эта страна намерена объединиться с Востоком и отмежеваться от Запада. Из-за подобной позиции России европейцы не могут согласиться с ней, они смертельно боятся, что эта позиция одержит верх над их культом силы, поэтому они не признают Россию гуманной и справедливой страной, клеветнически утверждая, что она предала человечество.

Какие же проблемы мы собираемся решить, пропагандируя паназиатскую идею? Это вопрос о том, что следует предпринять в интересах народов, страдающих под гнетом европейцев, для сопротивления могу-

щественным народам Европы. Коротко говоря, нужно встать на защиту этих угнетенных народов. А такие народы есть не только в Азии, есть они и в Европе. <...>

На вас, японцев, оказала влияние евро-американская культура силы, но в основе у вас лежит азиатская культура гуманизма <...>.

Насколько можно судить по этому выступлению Сунь Ятсена, за несколько месяцев до смерти свои надежды на лучшее будущее он возлагал не на Советскую Россию, только что «отмежевавшуюся от европейцев белой расы», а на Японию, якобы испокон века исповедовавшую культуру нравственных принципов.

О «предсмертном письме Сунь Ятсена советским руководителям»

Нам могут возразить: ведь в Российском Государственном архиве социальной и политической истории (РГАСПИ) хранится письмо Сунь Ятсена советским руководителям, написанное буквально накануне его кончины¹.

В советской исторической науке это письмо рассматривалось как политическое завещание Сунь Ятсена, священная реликвия, неопровержимо доказывающая, что на смертном одре мысли великого китайского революционера были обращены к советскому народу.

А. М. Григорьев
(1933–2015)

Полтора десятилетия тому назад один из авторов этой книги предпринял специальное исследование предсмертного письма Сунь Ятсена. Выводы, к которым он пришел, показали руководителям отечественной синологической мысли столь кощунственными, что главный редактор «Проблем Дальнего Востока» А. М. Григорьев наотрез отказался печатать статью, и она в конце концов увидела свет в журнале «Восток»².

¹ To the Central Executive Committee of the Union of Soviet Socialist Republics // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 125. С. 13–14.

² Крюков В. М. Завещания, которых не было // Восток. 2005. № 6. С. 61–73. Перепечатано в книге: Крюков В. М. Неумолимый червь познания. М. 2009. С. 419–440.

Примерно в то же самое время проблему подлинности письма Сунь Ятсена в Советский Союз изучал японский историк Исикава Тэйко¹. Эта тема продолжает обсуждаться историками КНР. Некоторые из них признают, что опубликованный текст письма, может быть, и не отражает подлинных мыслей Сунь Ятсена, хотя другие продолжают настаивать на том, что сомневаться в подлинности письма у нас нет сколько-нибудь серьезных оснований.

Некоторые спорные моменты

Хэ Сяннин
(1879–1972)

Неясно, как появился на свет текст письма Сунь Ятсена. Вот что писала по этому поводу Хэ Сяннин:

Все более убеждаясь в неизлечимости [его] болезни, мы решились наконец просить у Сунь Ятсена совета на будущее. Сунь Ятсен, врач по профессии, отлично сознавая свое положение, согласился с нами. 22 января мы заговорили с ним о завещании, а 24 января² оно было уже готово.

Завещание Сунь Ятсена состояло из трех документов.

Первый впоследствии зачитывали на открытии всех заседаний Гоминьдана.

Согласно второму, Сун Цинлин завещались библиотека и дом Сунь Ятсена. Обе части завещания записывал со слов Сунь Ятсена Ван Цзинвэй.

Последний документ — письмо Советскому правительству, которое Сунь Ятсен диктовал по-английски, записывали М. М. Бородин, Чэнь Южэнь, Сун Цзывэнь и Сунь Кэ. <...>

24 января готовый текст завещания должен был подписать Сунь Ятсен, но он попросил отложить эту процедуру, узнав, что в соседней комнате сокрушается Сун Цинлин³.

¹ 石川祯浩。孙中山致苏联政府的遗书 (Исикава Тэйко. Предсмертное письмо Сунь Ятсена советскому правительству) // 石川祯浩。中国近代史的表与里 (Исикава Тэйко. Новейшая история Китая — снаружи и изнутри). Пекин. 1915. См. также статью того же автора: 死後の孫文 — 遺書と紀念週 (Сунь Ятсен после его смерти — предсмертное письмо и юбилейная неделя) // Тохо гакухо (Киото). № 76. 2005.

² Следует читать: «24 февраля».

³ Хэ Сяннин. Воспоминания о Сунь Ятсене. М. 1966. С. 96.

Таким образом, по словам Хэ Сяннин, текст письма и двух завещаний был продиктован Сунь Ятсеном 24 января 1925 г. Однако сказанное ею противоречит другим свидетельствам, в частности, записи «Разговора с Ван Цзинвэй и др. 24 февраля 1925 г.»:

24 февраля 1925 г. Сун Цзывэнь, Сунь Кэ, Сунь Вань, Цзоу Лу и Ван Цзинвэй по поручению товарищей по Гоминьдану пришли к больному Сунь Ятсену с просьбой составить завещание. <...>

Лидер партии:

— Что вы хотите мне сказать?

Ван Цзинвэй:

— Мы до сих пор не оставляем надежды помочь Вам победить болезнь. Но западные и китайские врачи сказали нам, что лучше всего было бы поговорить с Вами, когда Вы еще хорошо себя чувствуете. Мы не знаем, когда нам понадобится Ваше напутствие, может быть, через 10 лет, может быть, через 8, а может быть, и через 20–30. Мы не оставляем надежду помочь Вам победить болезнь, но в то же время хотим, чтобы Вы сказали нам несколько слов.

Лидер партии:

— Я думаю, что мне нечего вам сказать. Поправлюсь — будет о чем сказать, а умру — к чему тогда слова?

Ван Цзинвэй:

— Товарищи хотят действовать в соответствии с Вашими предначертаниями. Если Вы скажете товарищам несколько слов, это вселит в них необоримую уверенность в своих силах. После того как Вы поправитесь, понадобится отдых в течение года или полугода. На это время требуется, чтобы Вы сказали товарищам несколько слов.

Лидер партии:

— А что вы хотели от меня услышать?

Ван Цзинвэй:

— Мы записали то, что Вы часто говорили нам (зачитывает).

Лидер партии (утвердительно покачивая головой):

— Согласен!

Ван Цзинвэй:

— Ваша супруга проявляет исключительную заботу о Вас во время Вашей болезни! Наши товарищи относятся к ней с огромным уважением и очень благодарны ей. Если вдруг произойдет непредвиденное, товарищи непременно будут заботиться о ее безопасности, но Вы и ей должны сказать несколько слов, чтобы успокоить ее. Кроме того — Ваши дети! Мы подготовили текст обращенных к ним слов (зачитывает).

Лидер партии (закрыв глаза, утвердительно кивая головой):

– Согласен.

Ван Цзинвэй:

– Могли ли бы Вы поставить свою подпись?

Лидер партии:

– Пока не нужно этого делать. Принесите мне тексты через несколько дней, и я подпишу их¹.

Это документальное свидетельство сообщает нам два существенных факта: во-первых, текст завещаний был не продиктован Сунь Ятсеном, а подготовлен заранее и 24 февраля зачитан умирающему; во-вторых, речи о письме советским руководителям в тот день не было.

Первое обстоятельство находит подтверждение в мемуарах члена Политсовета Гоминьдана Юй Шудэ:

Пекинская ячейка Гоминьдана часто проводила расширенные заседания — фактически это был перебазировавшийся в Пекин ЦК Гоминьдана, решавший важнейшие вопросы. Кроме членов ЦК, первоначально входивших в состав пекинской ячейки — Ли Дачжао, Дин Вэйфэня, Ван Фация, Юй Южэня, Гу Мэньюя, Сюй Цяня и Юй Шудэ, в заседаниях принимали участие Ван Цзинвэй, Линь Сэнь, Чжан Цзи, Цзоу Лу, Се Чи, У Чжихуй, Ли Шицзэн и другие, а также кандидаты в члены ЦК Хань Линьфу, Лу Ююй, Фу Жулинь и т. д. Председательствующим на заседаниях обычно избирали Ван Цзинвэя.

Юй Шудэ
(1882–1972)

Так как состояние г-на Суня стало угрожающим, на одном из таких заседаний Ван Цзинвэй высказал мнение о том, что на всякий случай нужно составить текст завещания Сунь Ятсена. Написать предварительный набросок завещания тогда же уполномочили У Чжихуя.

На следующем заседании У Чжихуй представил свой проект текста и, сокрушенно покачивая головой, зачитал его присутствовавшим. Я не помню его дословно, но общий смысл, как обычно в политических завещаниях, сводился к тому, что автор призывал членов партии воплотить в жизнь его неосуществленные планы.

Текст был короткий, всего иероглифов 100 с небольшим.

¹ 黄宗汉、王灿炽。孙中山与北京 (Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи. Сунь Ятсен и Пекин). Пекин. 1996. С. 388, 389.

Я помню только, что в последней фразе «Упорно стремитесь к этому! Упорно стремитесь к этому!» было использовано показавшееся неуместным устаревшее выражение старокитайского письменного языка.

Ван Цзинвэй слушал и тоже покачивал головой. Когда текст был зачитан, Ван Цзинвэй спросил присутствовавших, какие есть замечания, но все молчали. Тогда выступил сам Ван Цзинвэй, сказавший, насколько помнится, о том, что «этот текст неудовлетворителен, он не отражает революционный дух Сунь Ятсена и не может вдохновить членов партии на революционные свершения». После этого он сам предложил:

– Я мог бы попробовать составить другой вариант завещания.

На следующем заседании Ван Цзинвэй зачитал написанный им текст завещания, который после длительного обсуждения был единодушно признан гораздо более удачным, чем вариант У Чжихуя, и без каких-либо изменений принят¹.

Существуют указания на то, что письмо в Москву было зачитано Сунь Ятсену после того, как 11 марта тот подписал завещания. Любопытные подробности привел на сей счет автор официальной хроники жизни Сунь Ятсена, не указывая, впрочем, на каких источниках он основывался:

После того как Сунь Ятсен поставил свою подпись под двумя завещаниями, с которыми он согласился еще 24 февраля, его секретарь Чэнь Южэнь вдруг вынул написанное по-английски длинное предсмертное письмо в Советскую Россию. Оно было составлено Чэнем и Бородиным, а зачитано Сун Цзывэнем, после чего вождя попросили подписать его. Текст был очень пространный, написан на английском языке, появился он неожиданно и в большой спешке. Это было нечто совсем иное, чем согласованное за 16 дней до этого написанное по-китайски политическое завещание, принятое после тщательного обсуждения ответственными товарищами из высшего руководства. Этот английский текст всего лишь один раз прочли находившемуся при смерти Сунь Ятсену и тут же попросили подписать его. Неудивительно, что в то время товарищи по партии считали, что сделано это было неправильно, на сей счет было высказано много критических замечаний, и все это вызвало споры².

Письмо не было продиктовано Сунь Ятсеном, но было ли оно написано им? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к подлиннику, хранящемуся в РГАСПИ.

¹ Там же. С. 387, 388.

² 国父年谱 (Хронология событий жизни Отца Государства). Тайбэй. 1965. С. 1129.

Рассматривая подлинник документа

Обращает на себя внимание подпись Сунь Ятсена:

Как явствует из текста письма, умирающий Сунь Ятсен подписал его 11 марта 1925 г. Но еще 24 февраля он, по свидетельству медсестры, был уже «в бессознательном состоянии». Когда 11 марта в палату к Сунь Ятсену вошла Хэ Сянин, его вид «сразу напугал» ее, «особенно выражение его глаз»¹.

Хуан Чангу вспоминал, что когда дело дошло до подписания завещания, «г-жа Сунь со слезами на глазах приподняла руку главнокомандующего, чтобы он мог удержать авторучку и поставить свою подпись»².

TO THE CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE OF
THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS :

MY DEAR COMRADES,

AS I LIE HERE, WITH A MALADY THAT IS
BEYOND MEN'S SKILL, MY THOUGHTS TURN TO YOU AND TO THE
FUTURE OF MY PARTY AND MY COUNTRY.

YOU ARE THE HEAD OF A UNION OF FREE
REPUBLICS WHICH IS THE REAL HERITAGE THAT THE DEMOCRATIC
LIGER HAS LEFT TO THE WORLD OF THE OPPRESSED PEOPLES.
THROUGH THIS HERITAGE, THE VICTIMS OF IMPERIALISM ARE
DETERMINED TO SECURE THEIR FREEDOM AND DELIVERANCE FROM
AN INTERNATIONAL SYSTEM WHOSE FOUNDATIONS LIE IN ANCIENT
SLAVERY AND WAR AND INJUSTICES.

I AM LEAVING BEHIND ME A PARTY WHICH I
HAD HERETOFORE BEEN ASSOCIATED WITH YOU IN THE HISTORIC
WORK OF COMPLETELY LIBERATING CHINA AND OTHER EXPLOITED
COUNTRIES FROM THIS IMPERIALIST SYSTEM. FATE DEMANDS
THAT I MUST LEAVE THE TASK UNFINISHED AND PASS IT ON TO
THOSE WHO, BY REMAINING TRUE TO OUR PRINCIPLES AND TRADI-
TIONS OF THE PARTY, WILL CONSTITUTE MY REAL FOLLOWERS.

I HAVE THEREFORE ASSIGNED THE RESPONSIBILITY
TO CARRY ON THE WORK OF THE NATIONAL REVOLUTIONARY MOVE-
MENT IN ORDER THAT CHINA MAY BE FREED FROM THE SEMI-COLONIAL
STATUS WHICH IMPERIALISM HAS IMPOSED ON HER. TO THIS END

I HAVE TRUSTED THE PARTY TO KEEP IN CONTACT WITH YOU,
AND I LOOK WITH CONFIDENCE TO THE CONTINUANCE OF
THE SUPPORT THAT YOUR GOVERNMENT HAS HERETOFORE EXTENDED
TO MY PARTY.

IN WRITING FOREWELL TO YOU, DEAR COMRADES,
I WISH TO EXPRESS THE FERVENT HOPE THAT THE DAY MAY SOON
DAWN WHEN THE U. S. S. R. WILL ORIENT, AS A FRIEND AND ALLY,
A STRONG AND INDEPENDENT CHINA AND THAT THE TWO ALLIES
MAY TOGETHER ADVANCE TO VICTORY IN THE GREAT STRUGGLE FOR
THE LIBERATION OF THE OPPRESSED PEOPLES OF THE WORLD.

WITH FRATERNAL GREETINGS,

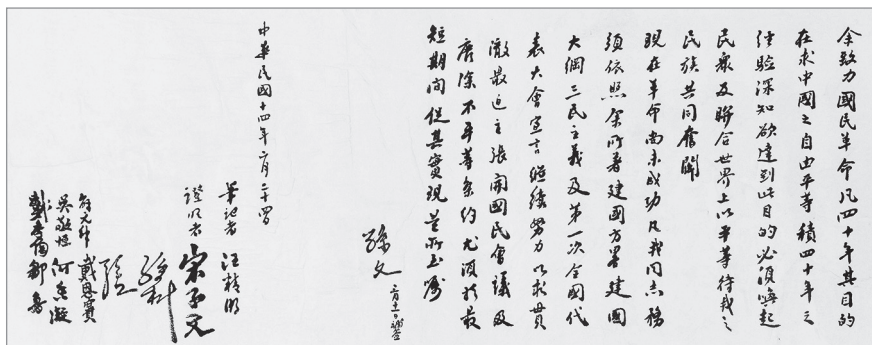
Оригинал «письма Сунь Ятсена
советским руководителям»

¹ Хэ Сянин. Вспоминаания о Сунь Ятсене. М. 1966. С. 96.

² Хуан Цзунхань, Ван Цаньчи. Сунь Ятсен и Пекин. С. 417.

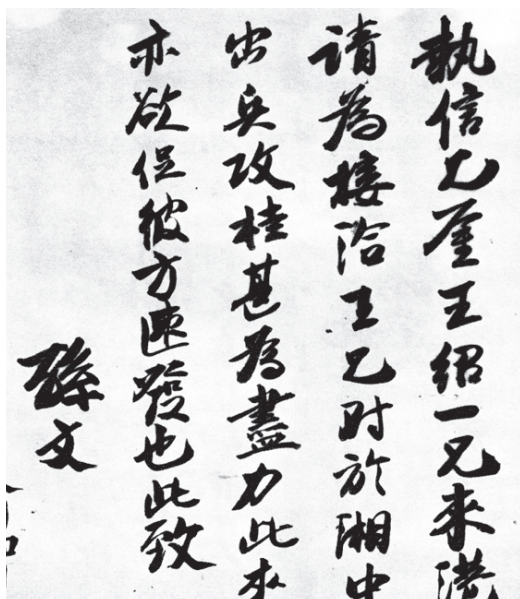
Между тем подпись, стоящая под письмом Сунь Ятсена, являет собой прямо-таки произведение каллиграфического искусства — линии букв идеально ровные, плавные, они написаны твердой и решительной рукой.

Не менее показательна подпись Сунь Ятсена под его политическим завещанием:

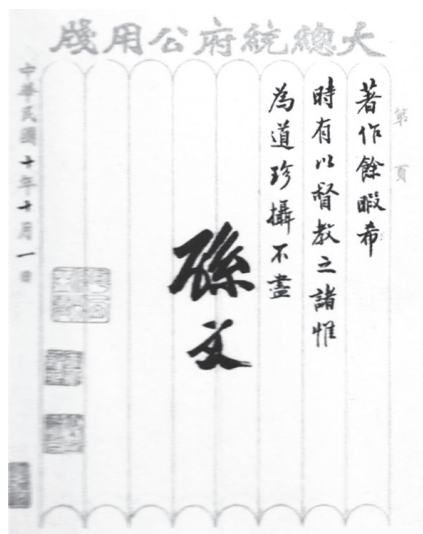

Оригинал политического завещания Сунь Ятсена

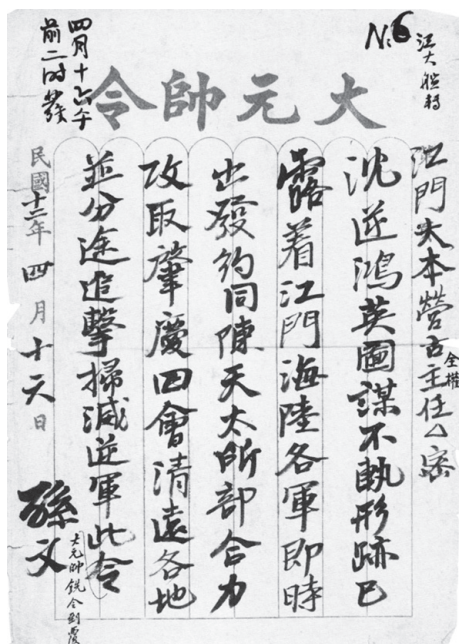
Как мы уже видели, на протяжении жизни Сунь Ятсена его иероглифическая подпись не оставалась неизменной. Однако начиная примерно с 1920 г. она, как это можно видеть на приведенных ниже примерах, более или менее стабилизировалась.

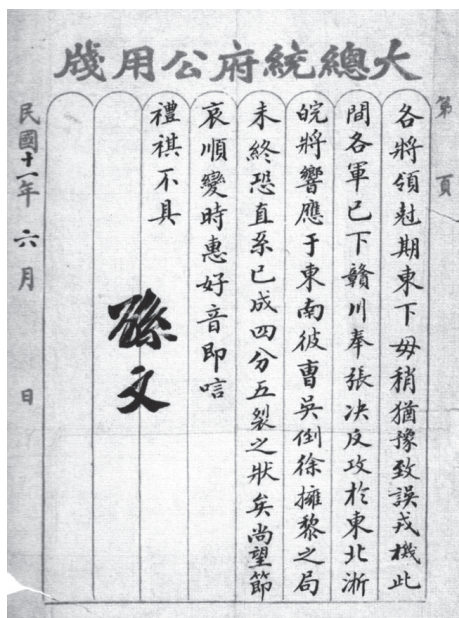
Август 1920 г.

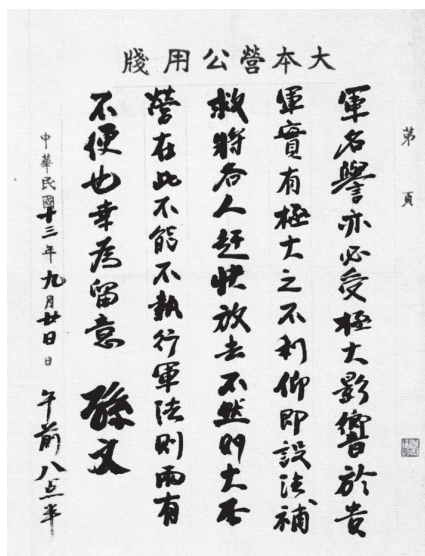
Октябрь 1921 г.

Апрель 1923 г.

Июнь 1922 г.

Сентябрь 1924 г.

Из сопоставления этих образцов нетрудно установить, что подпись под политическим завещанием Сунь Ятсена была подделана.

Причем сделано это было весьма неумело — во-первых, потому что она не была похожа на подлинные автографы Сунь Ятсена; во-вторых, потому что ее начертала сильная и уверенная рука, каковой не могла быть рука умирающего.

Это значит, что оригинал и завещания, и письма были переписаны (перепечатаны) еще раз и под ними кто-то расписался за Сунь Ятсена.

Подписи свидетелей

И под завещанием, и под письмом стоят еще и другие подписи — свидетелей произошедшего.

Прежде всего, остается неясным, когда они появились под текстом.

Ван Цзинвэй утверждал, что это произошло сразу же после того, как Сунь Ятсен одобрил 24 февраля текст завещания.

*Signed on March 11th, 1925, in the
presence of:-*

He Kung, Yang 宋子文

Hong Ching Wai 洪兆麟

Yip S. 182

Liun Ho 李 鴻
Wai Tai 戴 恩 賡

Yuen Lo 尹 磊

Hsuan Hui Kung 孫 君

Подписи свидетелей под «письмом Сунь Ятсена»

Ван Цзинвэй свидетельствовал:

Выйдя из комнаты, мы тут же отправились с отчетом в Политсовет. На месте было несколько членов Политсовета. Некоторые из них уже ждали у дверей и слышали весь наш разговор. Поэтому мы попросили их подписать текст, удостоверяя его¹.

Примерно так же излагал происходившее другой свидетель — Сунь Кэ:

Мы вышли из комнаты больного и немедленно направились с сообщением в Политсовет. Все присутствовавшие члены Политсовета единодушно поставили свои подписи под документами в знак подтверждения их подлинности².

Между тем Цзоу Лу утверждал, что подписи членов Политсовета и родственников появились под завещанием лишь 11 марта:

Когда вожь подписывал [завещание], г-жа Сунь держала его руку в своей. После этого У Цзинхэн³, Дай Чуаньсянь⁴, Шао Юаньчун, Сун Цзывэнь, Кун Сянси, Сунь Кэ, Дай Эньсай и я тут же скрепили его своими подписями⁵.

Немаловажное значение имеет также и вопрос о том, кто именно удостоверял подлинность документов.

Под текстом завещания стоят подписи десяти человек: Ван Цзинвэй, Сун Цзывэнь, Сунь Кэ, Кун Сянси, Шао Юаньчуна, Дай Эньсяя, У Чжихуя, Хэ Сяннин, Дай Цзитао и Цзоу Лу.

Текст письма был якобы подписан в присутствии семерых человек, среди которых не было У Чжихуя, Дай Цзитао и Шао Юаньчуна.

Нет сомнений в том, что письмо Сунь Ятсена в Москву не могло быть подписано Сунь Ятсеном «в присутствии» тех лиц, фамилии которых стоят под ним. Невозможно представить себе, чтобы члены Политсовета демонстративно отказались засвидетельствовать подлинность послания прямо у постели умирающего вожь.

Но они могли уклониться от этой процедуры после кончины Сунь Ятсена, когда письмо задним числом было перепечатано вторично, а под ним появилась красивая подпись умершего.

¹ 中国国民第二全国代表大会会议记录 (Протоколы заседаний II-го Всекитайского съезда Гоминьдана). 1926. С. 13.

² 孙科. 八十疏略 (Сунь Кэ. Воспоминания восьмидесятилетнего) // Чжуаньцзи вэньсюэ, 1994, № 4. С. 12.

³ У Чжихуй.

⁴ Дай Цзитао.

⁵ 邹鲁回忆录 (Воспоминания Цзоу Лу). Шанхай. 2010. С. 163

Все трое были представителями правого крыла Гоминьдана. В ноябре 1925 г. они принимали участие в Сишаньской конференции, на которой было принято решение об исключении коммунистов из Гоминьдана и освобождении Бородина от обязанностей главного политического советника.

Неслучайно письмо в Москву, в отличие от завещания, не было предано гласности сразу же после кончины Сунь Ятсена, и о нем, судя по всему, вообще знало весьма ограниченное число лиц.

Во всяком случае, в сообщении о смерти Сунь Ятсена, помещенном в газете «Правда», перепечатано его политическое завещание, но о письме советским руководителям вообще не упоминается¹.

Умер Сун-Ят-Сен.

ПЕКИН, 12 марта. (Роста). Сегодня в 9 час. 30 мин. утра скончался Сун-Ят-Сен.

Согласно выраженной им воле, он будет похоронен в Нанкине — резиденции первого китайского революционного правительства в 1912 году.

Тело его будет набальзамировано. Предполагается сохранить его тело в силе, подобно тому как это было сделано с останками Ленина.

Политическое завещание Сун-Ят-Сена.

ПЕКИН, 12 марта. (Роста). Политическое завещание Сун-Ят-Сена на имя партии гоминьдана гласит: «Я посвятил 40 лет своей жизни делу национальной революции, имеющей целью обеспечить равноправие и свободу для Китая. Сорокалетний опыт привел меня к твердому убеждению, что для того, чтобы достигнуть этой цели, мы должны пробудить массы и объединиться со всеми народами, относящимися к нам, как к равным, для общей борьбы. В виду того, что револю-

ция еще не завершена, товарищи должны продолжать борьбу для ее осуществления. По моему мнению, согласно всей программе реорганизации Китая, изложенной в декларации первого конгресса нашей партии, — в первую очередь должно быть созвано народное собрание и высказано требование об аннулировании неравноправных договоров. Я поручаю партии приложить все усилия к тому, чтобы эти цели были осуществлены в самое короткое время.

¹ Правда, 14 марта 1925 г.

Орган КПК еженедельник «Сяндао», сообщая 15 марта о смерти лидера Гоминьдана, вообще не упоминал о его письме советским руководителям и опубликовал перевод документа лишь две недели спустя, 28 марта.

Сообщение о смерти Сунь Ятсена в «Сяндао»

Из вышесказанного явствует, что «письмо Сунь Ятсена советским руководителям» не было составлено им самим, а подпись на документе, хранящемся в московском архиве, подделана.

Соответственно, мы сегодня не знаем, действительно ли лидер Гоминьдана на смертном одре обратил мысленные взоры к столице первого в мире социалистического государства или же он, может быть, как это часто случалось прежде, думал о своей «второй Родине» — Японии.

Предельно краткое заключение

Итак, главный вопрос, который волнует сегодня соотечественников Сунь Ятсена: был ли Отец Государства патриотом или же, домогаясь помощи со стороны великих держав, он был готов торговать своей Родиной?

Почти двадцать пять веков тому назад древнекитайский философ Мэнцзы встретился однажды с неким жителем царства Сун, который рассказал ему о своих сокровенных политических планах. Выслушав собеседника, Мэнцзы сказал ему:

Ваша цель, учитель, благородна. Вот только средства, которые Вы намерены использовать для ее осуществления, никуда не годятся!¹

По нашему мнению, данное высказывание вполне может служить ответом на заданный выше вопрос.

Сунь Ятсен несколько раз заявлял, что он уходит из политики, но в политику он вновь и вновь возвращался. Он не мыслил своей жизни вне политики, а она значила для него только одно — служение революции. Революция требовала жертв, и он был готов принести любую жертву на алтарь революции — отдать спонсорам часть территории своей страны, физически устранить соратника-соперника, влекущего, по его мнению, страну не в ту сторону, которую уготовил ей он сам, нарушить некогда данное слово, сказать явную неправду, если это послужит на благо революции.

Сунь Ятсен, с детства привыкший считать себя вторым Хун Сюцюанем, искренне верил в то, что революция может победить только под его руководством. А его руководство означало постоянные поиски за границей денег и оружия, и Сунь Ятсен не считал зазорным домогаться помощи одновременно у двух враждующих стран, как это было во

¹ 孟子译注 (Трактат «Мэнцзы» с комментариями). Т. 2. Пекин. 1960. С. 280.

**Японские солдаты оскверняют
памятник Сунь Ятсену**

время Первой мировой войны, когда он получил деньги и от Японии, и от воевавшей против нее Германии.

Впрочем, среди его фактических и потенциальных спонсоров — Германии, Франции, Англии, Америки, Советской России — Япония всё же занимала совершенно особое, исключительное место. «Учителей» у Сунь Ятсена было много, но только Япония удостоилась чести быть его «второй Родиной». К сожалению, его любовь к Японии осталась неразделенной.

Всю свою сознательную жизнь Сунь Ятсен исповедовал идеи пан-азиатизма, и это мешало ему узреть истинную природу японского милитаризма, которая, начиная с конца позапрошлого столетия, была ясна каждому здравомыслящему китайцу.

Факты свидетельствуют о том, что «великий перелом» в сознании Сунь Ятсена, якобы в конце своей жизни воспринявшего идеи Октября, является вымыслом — не случайно же уже после того, как Советский Союз начал помогать ему, Сунь Ятсен был готов признать своим «единственным учителем» Германию.

В своих сочинениях Сунь Ятсен повествовал как о разрушительном, так и о созидательном этапе революции. Но в своей практической деятельности все силы он отдавал только первому. Трижды он был президентом Китайской Республики, но ни разу не приложил усилий к тому, чтобы осуществить хотя бы малую толику того принципа народного благосостояния, который он с таким апломбом афишировал.

Таков был реальный, а не мифологизированный Сунь Ятсен, официальный портрет которого стал иконой, объектом поклонения, но утратил черты, органически свойственные д-ру Суню при жизни. Мы постарались освободить этот портрет от этих позднейших наслоений.

С этим связан еще один вывод, к которому мы пришли в результате изучения жизни и деятельности Сунь Ятсена, — превращать живую личность в предмет культа одинаково вредно как для поклонников героя, так

и для самого героя. В наши дни этот вывод не только не утратил своего смысла, но обрел еще большую, чем раньше, злободневность.

Мы отдаем себе отчет в том, что кто-то из читателей наверняка не согласится с выводами, изложенными в этой книге. Мы приветствуем критические замечания в свой адрес, но с одним условием: оппоненты должны основывать свои возражения не на чеховском «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!», а на анализе текста первоисточников.

Мы всецело за продолжение творческой дискуссии, ибо, как говорили древние, «в споре рождается истина»!

Научное издание

В. М. Крюков, М. В. Крюков

**Неизвестный Сунь Ятсен.
Штрихи к портрету**

**Том II
(1913–1925)**

Верстальщик *А. Б. Дунаева*

Оформитель *П. А. Трошина*

Корректоры *С. В. Кирюхина, А. И. Кобзев, Н. А. Орлова*

В книге использованы иллюстрации из открытых источников

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 28.06.2023. Формат 60×90/16.

Уч.-изд. л. 25,4. Тираж 500 экз. Зак. №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>
Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: +7 (800) 700-86-33, +7 (8452) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>